Ч30
861

Редакція Ф. Дѣдова, Н. Максимова, С. Нечетнаго и А. Рудина.

Дж. Кеннанъ.

СИБИРЬ и ССЫЛКА

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Переводъ съ англійскаго *И. Н. Кашинцева.*

Вступительная статья **Ф. Волховскаго:**

Дж. Кеннанъ и его мѣсто въ русскомъ освободительномъ движеніи.

Цѣна 60 коп.

„ВЪ ЗНАНІИ И БОРЬБѢ—СИЛА И ПРАВО"

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Вл. Распопова.

1906.

Книги союза издателей.

Книгоиздательство Вл. Распопова.

(См. 4-ую страницу обложки).

Книгоиздательство «Земля и Воля».

Шишко, Л. Разсказы изъ Русской Исторіи. Въ 2-хъ частяхъ. 22 к.

О налогахъ. 3 к.

Мироновъ. Солдатскій подвигъ. 3 к.

Бесѣды о землѣ. 2 к.

Какъ смотрятъ с.-д. и с.-р. на крестьянство и земельный вопросъ. 3 к.

Протоколы учредит. съѣзда Всероссійскаго Крестьянскаго Союза. 10 к.

Новоторжскій. Что такое правовое государство? 10 к.

В. Черновъ. Памяти Н. К. Михайловскаго. 25 к.

С. Швецовъ. Крестьянская община. 5 к.

А. Макаровъ. Наши предшественники (передѣл. изъ брош. «Наши задачи»). 8 к.

По Беллами. Черезъ сто лѣтъ. Сокращ. 25 к.

А. Тунъ. Исторія революціоннаго движенія въ Россіи. Подъ ред. и съ прим. Л. Шишко. 50 к.

А. Н. Какъ можетъ быть рѣшенъ земельный вопросъ. 8 к.

Книгоиздательство «Молодая Россія».

Качоровскій, К. Народное право. Ц. 90 к.

Шишко, Л. Къ вопросу объ аграрной программѣ въ связи съ теоріей научнаго соціализма. Ц. 10 к.

Подолянинъ. Классовая пролетарская борьба въ странѣ всеторжествующаго капитализма. Ц. 10 к.

Рафаиловъ, М. О критикѣ и догмѣ, теоріи и практикѣ. Ц. 7 к.

Тарасовъ, К. Міровой ростъ и кризисъ соціализма. Ц. 10 к.

Черновъ, В. Къ теоріи классовой борьбы. Ц. 10 к.

Грей, И. Рабочій вопросъ и земельная реформа. Ц. 25 к.

Вихляевъ, П. Аграрный вопросъ съ правовой точки зрѣнія. Ц. 20 к.

Максимовъ, Н. Къ критикѣ марксизма. Ц. 10 к.

Амари. Стихотворенія. Ц. 10 к.

Поливановъ, П. «Кончился». Разсказъ. Ц. 8 к.

Б—ій, А. Что такое народовластіе. Ц. 4 к.

Н. Максимовъ. Праздникъ труда. Ц. 3 к.

А. Рудинъ. На ту же тему. 20 к.

В. Панкратовъ. Жизнь въ Шлиссельб. крѣпости. 30 к.

1 50 861

Редакція Ф. Дѣдова, Н. Максимова, С. Нечетнаго и А. Рудина.

Дж. Кеннанъ.

СИБИРЬ и ССЫЛКА

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Переводъ съ англійскаго *И. Н. Кашинцева.*

Вступительная статья Ф. Волховскаго:

Дж. Кеннанъ и его мѣсто въ русскомъ освободительномъ движеніи.

„ВЪ ЗНАНІИ И БОРЬБѢ—СИЛА И ПРАВО“
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе Вл. Распопова.
1906.

93/1
2 й экз

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
623046

Типографія «Сѣверъ» А. М. Лесмана, Спб., Садовая 42.

Дж. Кеннанъ

и его мѣсто въ русскомъ освободительномъ движеніи.

(Вступительная статья Ф. Волховскаго)

I.

Это было въ 1885 году.

Томская колонія политическихъ ссыльныхъ жила день за день, не пуская корней въ мѣстную жизнь, какъ живутъ поневолѣ почти всѣ такія колоніи. Онѣ не могутъ жить иначе. Съ матеріальной стороны ссыльные томичи были поставлены лучше многихъ товарищей другихъ мѣстъ; мало того, нѣкоторые изъ нихъ имѣли такого сорта занятія, которыя давали нѣчто и «для души» (дѣятельное участіе ихъ въ «Сибирской газетѣ», одно время лучшемъ провинціальномъ органѣ Россіи, было «открытымъ секретомъ»). Но существованіе ихъ все-таки было отравлено сознаніемъ насильственнаго прикрѣпленія къ мѣсту. Это проклятое чувство подневольности тяготѣло надо всею жизнью и надо всѣми мыслями ссыльнаго и еще усугублялось сознаніемъ, что тамъ, далеко, по прежнему идетъ битва, неравная битва за честь и счастье родного народа, за торжество истины; тамъ каждый лишній солдатъ драгоцѣненъ, тамъ ты нуженъ, а вмѣсто того сидишь, безполезный, привинченный къ мѣсту, гдѣ все тебѣ чуждо. И мысли, и желанія ссыльнаго болѣзненно устремлялись «туда»; но и «оттуда» новости приходили скупо и рѣдко баловали отрадностью: при неравенствѣ боровшихся силъ, при подпольномъ характерѣ борьбы того времени, успѣхи

революціи оставались скрытыми, а доходили лишь вѣсти о побѣдахъ врага. Притомъ же врагъ всегда пользовался своею силою, чтобы дискредитировать своего противника въ общественномъ сознаніи и, пробѣгая текущую прессу, политическій ссыльный всего чаще могъ разсчитывать наткнуться на непониманіе характера движенія, или даже умышленную на него клевету. Особенно часто такое искаженіе самаго дорогого для борца за свободу и счастье своего народа и всего человѣчества встрѣчалось въ отголоскахъ иностранной печати: тамъ всякая небылица, въ особенности сенсаціонная, распускалась пышнымъ цвѣтомъ на почвѣ повальнаго невѣжества иностранцевъ по отношенію къ Россіи.

Таково было сѣрое, тягостно изнурительное настроеніе наше въ Томскѣ, когда насъ пронизала, словно электрической искрой, совершенно необычайная новость: въ городѣ появился путешественникъ американецъ. Путешественникъ! — то-есть человѣкъ спеціально интересующійся страной, ея жизнью, свѣтлыми и темными сторонами ея народа... Притомъ—американецъ, то-есть гражданинъ великой республики, гдѣ каждый воленъ говорить и печатать, что ему угодно, гдѣ каждый можетъ обращаться къ сердцу и уму народному, гдѣ каждый гражданинъ справедливо считаетъ свой домашній очагъ своимъ замкомъ, и себя, а не квартальнаго надзирателя — хозяиномъ собственнаго тѣла и души!

Мы хорошо знали, что «Всемогущій Долларъ», этотъ плутократическій богъ новѣйшаго времени, особенно хорошо акклиматизировался въ передовой странѣ Новаго свѣта; мы знали, что онъ вытѣснилъ съ американскаго Олимпа многихъ благородныхъ старыхъ боговъ, но мы не могли забыть именъ Вашингтона и Франклина, Готорна и Лонгфелло, Ллойда Гарисона и Венделя Филипса, Джона Брауна и Авраама Линкольна. И эти гигантскія фигуры, казалось, стояли передъ нами во весь ростъ и смотрѣли на насъ своими благородными глазами, когда мы думали о великой заатлантической республикѣ. Наше собственное положеніе, то связанныхъ по рукамъ и по ногамъ рабовъ, надъ которыми занесенъ кнутъ, — то великовозрастныхъ дѣтей, которыхъ учитъ невѣжественная нянька,—выдвигало впередъ помимо нашей воли противуположныя, свѣтлыя черты американской дѣйстви-

тельности, можетъ быть идеализируя ихъ, тогда какъ темныя ея стороны отходили на задній планъ.

Мы невольно переносили наши представленія о странѣ и о народѣ на ихъ случайнаго представителя. Такимъ образомъ требованія, безсознательно предъявляемыя нами появившемуся въ Томскѣ американцу-путешественнику, были не малыя. Личное знакомство съ пріѣзжимъ, однако, не разочаровало насъ. Онъ былъ очень сдержанъ, но безъ холодности, наблюдателенъ, простъ и нѣсколько важенъ въ обращеніи, безъ претензій и деликатенъ. Его худощавая, но сильная, мужественная фигура, рѣзко очерченный профиль, большой лобъ и прекрасные черные глаза носили на себѣ отпечатокъ твердости и правдивости; они говорили наблюдателю, что на этого человѣка можно положиться. Онъ никогда не заявлялъ солидарности съ нашими революціонными взглядами, но всегда былъ готовъ молча и безъ предвзятой враждебности или подозрительности выслушать то, что мы имѣли сказать. А это въ сущности было все, чего мы въ данную минуту такъ страстно желали, мы такъ полно вѣрили въ правоту нашего дѣла, а черныя дѣла нашего противника казались намъ до того очевидными для всякаго, что мы стремились только къ одному: вывести на свѣтъ божій голые факты. До тѣхъ поръ мы въ сущности не имѣли для того подходящаго случая. Раньше намъ приходилось обращаться либо къ признаннымъ друзьямъ, либо къ предубѣжденнымъ врагамъ, но никогда къ постороннему, безпристрастному человѣку, который бы взялъ на себя — отдать факты на судъ общественной совѣсти всего міра. Теперь намъ представлялся такой случай и мы жадно, хотя осторожно искали случая познакомиться съ пріѣзжимъ.

Скоро это намъ удалось. Пріѣзжаго звали Джорджемъ Кеннаномъ. Онъ остановился въ гостинницѣ вмѣстѣ со своимъ спутникомъ, художникомъ А. Фростомъ и съ нимъ уже проводилъ цѣлые дни въ посѣщеніи оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ мѣстъ и лицъ. Несмотря на то, что все время обоихъ путешественниковъ было повидимому занято, они никогда нѣ отказывались отъ нашихъ приглашеній. Захвативсъ собою «банъ джо» [1]), оба прини-

[1]) Негрская балалайка круглой формы, на которой вмѣсто деки служитъ туго натянутый пузырь.

мали участіе въ нашихъ безконечныхъ чаяхъ, причемъ Кеннанъ никогда ни отказывался спѣть негрскую или студенческую пѣсню, а Фростъ показывалъ свои интересные рисунки. Оба были не церемонны, общительны, толковали обо всемъ на свѣтѣ. И въ то время, какъ Кеннанъ производилъ сильное впечатлѣніе своей джентльменской сдержанностью, Фростъ полонилъ наши сердца необыкновеннымъ незлобіемъ и дѣтски веселымъ добродушіемъ. Во всемъ ихъ поведеніи совершенно отсутствовалъ непріятный элементъ профессіональнаго изслѣдованія: путешественникъ никогда не задавалъ намъ никакихъ спеціальныхъ вопросовъ, художникъ никогда не дѣлалъ при насъ никакихъ набросковъ карандашемъ, развѣ только мы сами ихъ къ тому поощряли. Только впослѣдствіи мы узнали подкладку этой манеры держать себя: какъ бы поздно ни было, возвратившись въ свой номеръ, Кеннанъ заносилъ въ свою записную книжку, а Фростъ въ свой альбомъ, все видѣнное или слышанное за день. Иногда они работали такимъ образомъ до 3, до 5 часовъ ночи. При всемъ томъ въ 9 часовъ утра мы уже заставали нашихъ заатлантическихъ гостей безукоризненно одѣтыми, и готовыми къ новымъ впечатлѣніямъ, — не подозрѣвая, что они изъ ночи въ ночь спятъ всего какихъ нибудь 4—5 часовъ.

Проведя въ Томскѣ болѣе недѣли, Кеннанъ со своимъ спутникомъ отправился далѣе на востокъ, а наша всколыхнувшаяся до дна колоніальная жизнь приняла лихорадочный характеръ: мы писали воспоминанія, собирали всевозможные документы и понуждали къ тому же иногороднихъ товарищей, съ которыми были въ безопасной перепискѣ. Само собою разумѣется, что наши разговоры теперь вертѣлись вокругъ проѣзжихъ американцевъ и ихъ миссіи. Ихъ личности внушали намъ довѣріе, а надежда, что наши стремленія будутъ поняты и смыслъ движенія правильно оцѣненъ, придавала намъ бодрости и скрашивала скучную, сѣрую подневольную жизнь.

Прошло пять мѣсяцевъ. Я въ то время служилъ въ мѣстномъ общественномъ банкѣ. Какъ то утромъ, едва я пришелъ на службу, какъ мнѣ сообщили, что какой то незнакомецъ, «должно быть черкесъ», спрашивалъ меня и обѣщалъ зайти попозже опять. Я все еще терялся въ догадкахъ, кто бы это могъ быть, какъ «должно быть чер-

кесъ» появился собственной особой и оказался—Кенаномъ, одѣтымъ по дорожному. Дѣйствительно, его сильно потемнѣвшее, обвѣтренное лицо, прямой, тонкій носъ и твердый, проницательный взглядъ дѣлали его похожимъ на черкеса. Я встрѣтилъ его, какъ встрѣчаютъ осуществленіе лучшихъ надеждъ. Мѣсто было неудобное для разговора; мы только обмѣнялись нѣсколькими быстрыми фразами, назначили мѣсто и время свиданія и я снова сѣлъ за работу. Я долженъ признаться, однако, что банкъ въ этотъ день немного выигралъ отъ моего сидѣнія за письменнымъ столомъ. Силясь вникнуть въ смыслъ «отношенія» какого нибудь «мѣста», или просьбы мѣстнаго купца объ открытіи кредита, я думалъ совсѣмъ о другомъ. Дикая радость клокотала у меня въ груди. Правда, я еще не зналъ въ сущности ничего о томъ, насколько путешественникъ, ставшій уже мнѣ дорогимъ, какъ носитель общественной справедливости по отношенію къ дорогому мнѣ дѣлу, оправдалъ и оправдаетъ возлагаемыя на него надежды. Но все же онъ не проѣхалъ мимо насъ, онъ имѣлъ, повидимому, что то передать, да и въ самомъ взглядѣ и пожатіи руки было какъ будто что то новое, говорившее о большей теплотѣ и близости.

Послѣдовавшіе затѣмъ дни—недѣля или дней десять—проведенные Кеннаномъ и Фростомъ въ Томскѣ, были снова для насъ свѣтлыми, счастливыми днями, поднявшими нашъ духъ и оживившими на долгое время. Перемѣна въ Георгіѣ Ивановичѣ (какъ теперь Кеннанъ любилъ, чтобы его называли) была очевидна! Пять мѣсяцевъ тому назадъ онъ уѣхалъ отъ насъ сомнѣвающимся, колеблющимся посторонникъ наблюдателемъ, недовѣряющимъ истинному смыслу тѣхъ неожиданныхъ для него фактовъ, наличность которыхъ онъ не могъ отрицать. Теперь онъ возвращался человѣкомъ побѣжденнымъ подавляющей массой данныхъ, пріобрѣтенныхъ собственными личными наблюденіями; притомъ—наблюденіями, сдѣланными съ чрезвычайной осторожностью и не разъ тщательно провѣренными. Онъ не могъ болѣе сопротивляться очевидности, переворачивавшей вверхъ дномъ всѣ его предвзятыя представленія о русскомъ правительствѣ съ одной стороны и объ его революціонныхъ противникахъ съ другой, и сдѣлалъ безповоротный выборъ между тѣмъ и другими. Не то, чтобы онъ раздѣлялъ всѣ наши взгля-

ды, но онъ понялъ и почувствовалъ всѣмъ своимъ существомъ, что имѣлъ дѣло съ чистыми людьми, ставившими все на карту ради своего высокаго идеала и любви къ своему народу и что, будь онъ въ нашемъ положеніи, онъ, въ общемъ, дѣйствовалъ бы точно такъ же, какъ дѣйствовали мы. Онъ вытащилъ изъ разныхъ потаенныхъ закоулочковъ интимныя къ намъ письма отъ нашихъ восточныхъ товарищей, гдѣ, кстати сказать, они предавались такимъ же радостнымъ надеждамъ и восторженнымъ похваламъ нашему новому другу, какъ и мы. Онъ разсказалъ намъ массу новостей о дорогихъ намъ людяхъ и заставилъ наши сердца усиленно биться вновь и вновь и вновь повтореннымъ обѣщаніемъ представить наконецъ въ безпристрастномъ изложеніи вѣковую тяжбу между нашей византійско—татарско—нѣмецко—чиновничьей тиранією и русскимъ народомъ на судъ міровой общественной совѣсти. «Редакція пославшаго меня журнала», говорилъ онъ, «удивляется тому, что я ей не даю статей, (а я ихъ не даю ей, потому что боюсь писать иначе какъ намеками, изъ опасенія выдать русскимъ властямъ теперешній свой образъ мыслей); жена удивляется измѣнившемуся тону моихъ писемъ, а я прошу ихъ только имѣть терпѣніе и подождать моего возвращенія, когда я объясню имъ все лично.

Для читателя, совершенно незнакомаго съ исторіей «обращенія» Кеннана, необходимо тутъ же вкратцѣ сказать, что онъ ѣхалъ въ Россію убѣжденнымъ сторонникомъ правительства, русскихъ же революціонеровъ представлялъ себѣ вздорными или безумными фанатиками; но разъ ставъ лицомъ къ лицу съ оффиціальной и революціонной Россіей, онъ, какъ наблюдательный и честный человѣкъ, принужденъ былъ совершенно перестроить свое міросозерцаніе въ этомъ отношеніи.

II.

Послѣ нѣсколькихъ дней полной, свѣтлой, радостной жизни наступилъ часъ разлуки. Мы всѣ успѣли привязаться къ Кеннану и не мудренно: мы видѣли въ немъ

новоприобрѣтеннаго надежнаго друга. Насъ связывали съ нимъ не случайное кровное родство, не общность національности, или воспитанія, даже не тождественность взглядовъ, но исключительно общее страстное стремленіе къ правдѣ и справедливости. Онъ наполнялъ наши сердца бодростью и надеждою, такъ какъ на собственной личности осуществилъ нашу вѣру въ торжество правды, каковы бы ни были внѣшнія побѣды кривды. Разъ эта наша надежда такъ блестяще осуществлялась на практикѣ, намъ уже легко становилось переносить всѣ пораженія революціи, теперь обращавшіяся во временныя и эфемерныя. Съ внѣшней стороны для нашего сближенія не было никакихъ препятствій, такъ какъ Кеннанъ прекрасно владѣлъ русскимъ языкомъ. Еще въ первый свой проѣздъ черезъ Томскъ онъ говорилъ совершенно правильно, хотя конечно съ иностраннымъ акцентомъ и очень медленно, очевидно обдумывая слова и грамматическія формы. Когда мы видѣли его на обратномъ пути, эта медленность почти совсѣмъ уже исчезла, уступивъ мѣсто значительной бѣглости. Въ насъ, съ другой стороны, Кеннанъ нашелъ ту чисто русскую способность раскрывать на распашку свою душу передъ симпатичнымъ намъ человѣкомъ, которая, пока не обращается въ амикошонство, дѣйствуетъ такъ заразительно на иностранцевъ. Сближеніе наше было взаимное; на это я имѣю свидѣтельство самого Кеннана. Много лѣтъ спустя онъ писалъ по поводу происковъ русскихъ шпіонскихъ дѣлъ мастеровъ, успѣвшихъ помѣстить въ одномъ изъ лондонскихъ журналовъ статью, имѣвшую въ виду возстановить англійское общественное мнѣніе противъ представителей русскаго соціально-революціоннаго движенія: «Генералъ Стрѣльниковъ воленъ называть ихъ «фанатиками» и «разбойниками», секретные агенты русской полиціи въ Лондонѣ вольны называть ихъ «анархистами», а г. Галкинъ-Врасскій можетъ описывать ихъ какъ «жалкихъ мужчинъ и женщинъ, общественная развращенность которыхъ такъ велика, что англичане были бы возмущены, если бы ее передать въ соотвѣтственныхъ англійскихъ выраженіяхъ» и при всемъ томъ среди этихъ людей — мужчинъ и женщинъ находятся лучшіе, наиболѣе мужественные и наиболѣе великодушные типы человѣчества, какихъ я когда либо зналъ. Я связанъ съ ними

лишь узами симпатіи, гуманизма и дружбы; но я желалъ бы быть привязаннымъ къ нимъ также и узами кровнаго родства. Будь они мои братья и сестры, я бы гордился ими и пока остается въ живыхъ хоть одинъ изъ нихъ, они могутъ расчитывать на любую услугу съ моей стороны, какую братъ можетъ оказать брату». Эти слова были написаны въ 1894 году, но горячее чувство, въ нихъ выраженное, зародилось въ ихъ авторѣ въ Сибири и было закрѣплено на пути его возвращенія изъ этой страны вздоховъ и разбитыхъ жизней.

Для читателя будутъ понятны теперь тѣ смѣшанныя чувства, съ которыми мы разставались съ нашимъ вновь пріобрѣтеннымъ другомъ: мы радовались его будущему выступленію на защиту правоты нашего дѣла, но мы лишались человѣка, ставшаго для насъ столь дорогимъ, и невольная грусть покрывала своимъ флеромъ всѣ наши радужныя надежды.

Какъ сейчасъ помню я то свѣтлое утро, когда просторный и удобный тарантасъ нашихъ двухъ американцевъ стоялъ запряженнымъ во дворѣ Европейской гостиницы, а сами они, уже совершенно одѣтые по дорожному, готовились покинуть свои номера. Я стоялъ съ Кеннаномъ въ его комнатѣ и инстинктивно медлилъ выпустить изъ рукъ его руку. Мнѣ казалось, что я теряю брата, о существованіи котораго я зналъ, но котораго не видалъ прежде и котораго нашелъ: и вотъ теперь опять долженъ потерять, — брата, который ѣдетъ совершить великія дѣла, тогда какъ я долженъ оставаться здѣсь, въ неволѣ и бездѣятельности. Я чувствовалъ, что съ его отъѣздомъ изъ моей жизни вырывается нѣчто свѣтлое, что болѣе не повторится. Я сказалъ ему это и все еще не прощался.

— «Увидимся ли мы когда нибудь?» — замѣтилъ я снова, тономъ человѣка, вполнѣ увѣреннаго въ противномъ.

— Почему же нѣтъ? отвѣтилъ мой собесѣдникъ.

— Но какъ? бѣжать?.. я съ сомнѣніемъ покачалъ головой. (Я былъ женатъ, имѣлъ двоихъ дѣтей, а заработка моего едва-едва хватало на наше существованіе, такъ что о сбереженіяхъ на побѣгъ нечего было и думать).

— «Да, конечно. Если попадете въ Санъ-Франциско, найдите тамъ моего друга Буша». (Тутъ Кеннанъ далъ

мнѣ указаніе на учрежденіе, въ которомъ занимался Бушъ и которое я теперь забылъ). «Если вы обратитесь къ нему отъ моего имени, онъ сдѣлаетъ для васъ все. Мы съ нимъ не обмѣнивались письмами уже лѣтъ пятнадцать, но наша дружба не нуждается во внѣшнихъ средствахъ для ея поддержанія. Бушъ одинъ изъ тѣхъ двухъ человѣкъ, за которыхъ я бы отдалъ въ случаѣ надобности мою жизнь. То же сдѣлаютъ и они для меня».

Все это Кеннанъ говорилъ съ серьезнымъ видомъ дѣлового американца и мнѣ странно было слышать этотъ увѣренный тонъ по поводу дѣла, которое мнѣ казалось въ то время вполнѣ фантастичнымъ. Серьезность моего собесѣдника произвела, однако, на меня свое впечатлѣніе и тономъ человѣка, который бы желалъ, чтобы его разубѣдили въ его невѣріи, я замѣтилъ:

— Прекрасно, но, допуская даже, что я могъ бы бѣжать, въ какое положеніе я бы попалъ? Здоровье мое совершенно разбито; какимъ образомъ я могъ бы заработать себѣ кусокъ хлѣба?»

— Но вы же знаете нѣсколько языковъ, вы человѣкъ образованный, вы могли бы, напримѣръ, получить мѣсто въ вашингтонской національной библіотекѣ, или музеѣ.

Колокольчики и бубенцы запряженной тройки, безпорядочно звенѣвшіе, когда лошади вскидывали головами, напомнили мнѣ, что пора проститься. Мы крѣпко обнялись и поцѣловались — «по русски».

Путешественники усѣлись въ свой тарантасъ, а я отправился домой, въ свою подневольную берлогу.

Заатлантическіе друзья наши уѣхали и безцвѣтная жизнь колоніи снова вошла въ свою колею. Мы ждали. И къ этому ожиданію постепенно начали примѣшиваться сомнѣнія; сомнѣнія основанныя не на какихъ либо изъянахъ, подмѣченныхъ въ нашихъ нежданныхъ посѣтителяхъ, а на нашей собственной психической привычкѣ, воспитанной русской жизнью, дѣлающею все на свѣтѣ неустойчивымъ, невѣрнымъ, напередъ обманывающимъ всякіе разсчеты. Такъ прошло довольно много времени, какъ вдругъ я получилъ продолговатый прочный конвертъ съ американскимъ штемпелемъ. Въ немъ была выдранная изъ американскаго ежемѣсячника «The Century Magazin» статья Кеннана о Россіи.

Нужно ли упоминать о нашей радости, о нашей гор-

дости? — ибо Кеннанъ сталъ уже намъ почти роднымъ и мы научились гордиться имъ; притомъ же каждый изъ насъ, думая о предстоявшемъ воздѣйствіи его разсказовъ на міровое общественное мнѣніе, имѣлъ полное право подумать въ глубинѣ души:

«И моего тутъ капля меду есть».

Но точно ли это воздѣйствіе было такъ цѣнно, какъ оно намъ представлялось въ нашемъ исключительномъ положеніи? Въ чемъ, собственно, состоялъ подвигъ Кеннана, да и кто такой самъ Кеннанъ? — имѣетъ право спросить читатель.

III.

Джорджъ Кеннанъ родился 16 февраля 1845 года въ небольшомъ городкѣ штата Огайо, въ коренной американской семьѣ, ведущей свое начало отъ шотландскихъ и ирландскихъ предковъ. Отецъ его былъ адвокатомъ; мать происходитъ изъ богато одареннаго рода Морзовъ (считающаго въ своихъ рядахъ изобрѣтателя телеграфа). Мальчикъ выказывалъ съ раннихъ лѣтъ большія способности какъ въ умственномъ отношеніи, такъ и въ механическомъ трудѣ: первую телеграмму въ своей жизни онъ послалъ по аппарату, будучи всего шести лѣтъ отъ роду. Онъ страстно стремился къ школьному образованію; но такъ какъ его семья жила исключительно своимъ трудомъ при далеко неблагопріятныхъ для послѣдняго условіяхъ, то даровитому мальчику пришлось взяться за ремесло въ томъ возрастѣ, въ которомъ его болѣе счастливые сверстники знали только школу: двѣнадцати лѣтъ отъ роду Кеннанъ занималъ уже штатный постъ телеграфиста. Такъ протекло около шести лѣтъ — тяжелыхъ лѣтъ неустаннаго труда ради куска хлѣба и неутомимыхъ постоянныхъ усилій достичь самообразованіемъ того, что должна была дать ему, по его мнѣнію, школа. Какъ бы поздно ни пришлось ему отойти отъ аппарата — хотя бы въ 3, въ 4 часа ночи — онъ не пропускалъ ни одного дня, безъ того, чтобы не пополнить свои знанія. Между прочимъ онъ упражнялся въ искусствѣ читать вслухъ и говорить публично.

XIII

Въ 1863 году онъ служилъ въ Цинциннати. Это былъ разгаръ гражданской войны и количество депешъ, проходившихъ черезъ аппаратъ Кеннана, сдѣлало двойной трудъ, наложенный имъ на себя, совершенно непосильнымъ. Онъ каждую минуту готовъ былъ сломиться физически; всѣ его просьбы, обращенныя къ федеральному правительству объ отправкѣ на театръ военныхъ дѣйствій, — всѣ его хлопоты инымъ способомъ перемѣнить характеръ и мѣсто работы не приносили ничего, кромѣ отказовъ и огорченій. Веселаго было мало...

Мрачный, стиснувъ зубы, сидѣлъ переутомленный юноша у своего аппарата, когда послѣдній застучалъ депешу, заставившую его насторожиться. Она была очень лаконична: «Можете ли выѣхать въ Аляску черезъ двѣ недѣли?» — то телеграфировалъ собственноручно генералъ Стэджъ, предсѣдатель одной изъ большихъ американскихъ компаній. Восхищенный молодой человѣкъ схватился лихорадочно за ручку аппарата и простучалъ: «Могу черезъ два часа».

Однако ему не пришлось сдѣлать это такъ скоро. Страшное переутомленіе уложило его на шесть недѣль въ постель; затѣмъ онъ побывалъ еще въ центральной Америкѣ и Калифорніи и только 3 іюля 1865 года сѣлъ на судно, повезшее его — и не въ Аляску, а въ Камчатку.

Этотъ эпизодъ въ жизни Кеннана требуетъ нѣкоторыхъ поясненій.

Какъ извѣстно, прокладка перваго подводнаго трансатлантическаго кабеля потерпѣла неудачу. Идея была объявлена фантастической и «сдана въ архивъ», родивъ въ тоже время другую: провести телеграфную линію сухопутьемъ, черезъ Аляску, Камчатку и Сибирь, съ короткимъ кабелемъ въ Беринговомъ проливѣ. Вотъ въ это то предпріятіе Кеннанъ поступилъ однимъ изъ трехъ телеграфныхъ техниковъ (двумя другими были Фростъ и Бушъ). Линію предполагалось закончить въ теченіи восьми лѣтъ; но не такъ случилось. Приверженцы идеи трансатлантическаго кабеля не оставили своего предпріятія: второй кабель былъ проложенъ успѣшно и первая каблеграмма, возвѣстившая о его жизни и дѣятельности, принесла съ собою и смерть сухопутному американско-азіатскому телеграфу. Проведя болѣе двухъ лѣтъ въ

сѣверо-восточномъ углу Сибири въ постоянныхъ перекочевкахъ, топографическихъ изслѣдованіяхъ, заготовленіи лѣса для столбовъ и пр. и пр., молодой Кеннанъ долженъ былъ неожиданно возвратиться домой. [1] Но возвратился онъ не прежнимъ путемъ, а черезъ всю Сибирь и Петербургъ.

Хотя проведеніе телеграфной линіи черезъ Беринговъ проливъ было предпріятіемъ частной американской компаніи, но въ то же время оно было предпріятіемъ международнымъ. Оно, поэтому, составило предметъ переговоровъ и заботъ обоихъ заинтересованныхъ правительствъ. Американскіе инженеры и техники дѣйствовали въ Сибири совмѣстно съ русскими. Когда же тѣ и другіе появились въ Петербургѣ, то не былъ упущенъ случай «чествовать заатлантическихъ друзей», и пустить имъ въ глаза оффиціальной пыли, предварительно позолоченной: обѣды съ рѣчами, произнесенными русскими «высокопоставленными лицами» на прекрасномъ англійскомъ языкѣ, заявленія дружбы, симпатіи и единенія съ «великой заатлантической республикой», хлесткія фразы о «великихъ реформахъ настоящаго царствованія» — все это принималось ничего не понимавшимъ въ окружающей обстановкѣ двадцатитрехлѣтнимъ американцемъ за наличную монету. Кеннанъ пробылъ въ Петербургѣ цѣлую зиму и, со свойственною ему наблюдательностью, слѣдилъ за окружающей жизнью. Но это была исключительно городская жизнь извѣстнаго типа; онъ попалъ въ заколдованный кругъ чиновничьяго Петербурга и не подозрѣвалъ о существованіи иныхъ круговъ. Когда затѣмъ — уже въ Америкѣ — до него стали доходить свѣдѣнія о

---

[1] Литературнымъ результатомъ перваго пребыванія Кеннана въ Сибири явился рядъ статей въ „Putnam's Magazine“, затѣмъ обработанный въ книгу „Tent life in Siberia“ (переведенную на русскій языкъ подъ заглавіемъ „Кочевая жизнь въ Сибири“). Кеннанъ въ то время почти не зналъ русскаго языка, тѣмъ болѣе туземныхъ. Наблюденія его были очень поверхностны и книга служитъ только показателемъ талантливости автора. Несмотря на скудость фактическаго матеріала, она читается съ интересомъ исключительно благодаря мастерскимъ описаніямъ природы и полному юмора изложенію. Впечатлѣнія, полученныя Кеннаномъ за это время, послужили ему также матеріаломъ для публичныхъ лекцій (столь распространенныхъ въ Америкѣ), къ которымъ онъ и приступилъ вскорѣ по своемъ возвращеніи въ Штаты.

разныхъ русскихъ революціонныхъ актахъ, — онъ не могъ взглянуть на нихъ иначе, какъ на проявленіе дикихъ инстинктовъ ничѣмъ не довольныхъ людей, стремящихся къ безпорядку ради безпорядка. «Реформаторское», «либеральное», «народолюбивое» императорское правительство развернуло передъ нимъ, въ лицѣ показного своего чиновничества, павлиній хвостъ «прогрессивной, благожелательной твердой власти», быстро ведущей страну «по пути коренныхъ реформъ». Естественно, что онъ съ презрѣніемъ и негодованіемъ поставилъ крестъ надъ всѣми политическими «внутренними врагами» этой власти. Мнѣнія его на этотъ счетъ были тѣмъ рѣшительнѣе, что они были мнѣніями честнаго искренняго человѣка.

Уже первое пребываніе Кеннана въ Россіи возбудило въ немъ настолько интересъ къ странѣ, что въ 1870—71 гг. онъ побывалъ въ юго-восточномъ ея углу, удѣляя особое вниманіе Дагестану. Эта новая поѣздка ни въ чемъ не измѣнила его взгляда на русскую дѣйствительность, а, вѣроятно, еще усилила вѣру въ свою авторитетность. Затѣмъ мы видимъ его занятымъ въ юридическомъ отдѣлѣ Общества Взаимнаго Страхованія жизни въ Нью-Іоркѣ, потомъ — репортеромъ для «Соединенной Прессы» (The Associated Press), засѣданій Верховнаго Суда въ Вашингтонѣ и наконецъ (въ томъ же городѣ) «ночнымъ редакторомъ» депешъ для того же газетнаго синдиката.

Въ это именно время случился съ нимъ эпизодъ, незначительный самъ по себѣ, но богатый важными послѣдствіями какъ для самого Кеннана, такъ и для русскаго освободительнаго движенія.

IV.

Нѣкто В. М. Джаксонъ Армстронгъ, бывшій сѣвероамериканскій консулъ въ одномъ изъ южныхъ городовъ Россіи, прочелъ въ 1884 году въ Вашингтонѣ публичную лекцію, въ которой нападалъ самымъ яростнымъ образомъ на русское правительство, какъ варварское, неумѣлое и свирѣпое, главнымъ образомъ останавливаясь на имперскихъ наказаніяхъ и ссылкѣ. Въ основѣ своихъ тенденцій

Армстронгъ руковидился хорошими инстинктами и былъ, по существу, совершенно правъ, но обладая скуднымъ, непровѣреннымъ и часто фантастическимъ матеріаломъ, онъ дѣйствовалъ, такъ сказать, съ негодными средствами. По окончаніи лекціи поднялся въ публикѣ молодой человѣкъ и сталъ доказывать невѣрность фактовъ и освѣщенія лектора. Это былъ Кеннанъ. Полемика не прекратилась и съ отъѣздомъ Армстронга. Кеннанъ въ свою очередь прочелъ въ Вашингтонѣ публичную лекцію, а затѣмъ произошелъ въ прессѣ обмѣнъ возраженій, въ которыя Армстронъ внесъ запальчивый, личный, инкриминирующій элементъ. Заподозрѣнный со стороны чистоты его намѣреній, Кеннанъ рѣшился фактически доказать свою правоту и негодность приводимыхъ Армстронгомъ данныхъ. Какъ разъ въ это время «The Century Magazine» задумалъ отправить въ Сибирь спеціальную экспедицію для изслѣдованія на мѣстѣ системы и практики русской ссылки. Обѣ стороны быстро списались и вотъ Кеннанъ съ Фростомъ отправились въ Россію искренними доброжелателями русскаго правительства. Не то, чтобы Кеннанъ ѣхалъ съ цѣлью реабилитировать правительственную репутацію во что бы то ни стало, но, основываясь на полученныхъ имъ до сихъ поръ русскихъ впечатлѣніяхъ, впечатлѣніяхъ недостаточныхъ и односторонніхъ, онъ былъ честно и глубоко убѣжденъ, что безпристрастное и всестороннее изслѣдованіе фактовъ непремѣнно оправдаетъ его оптимистическій взглядъ.

Смотря на свою задачу серьезно, Кеннанъ и приготовился къ ней серьезно. Онъ перечиталъ все, что могъ, о Россіи и, что всего важнѣе, основательно выучился русскому языку, такимъ образомъ сразу поставивъ себя въ полную независимость отъ всякихъ посредниковъ между своими наблюденіями и русской жизнью.

Сильный своею подготовкой, увѣренный въ себѣ и въ своей правотѣ, Кеннанъ выѣхалъ изъ Нью-Іорка, въ сопровожденіи Фроста, второго мая 1885 года. Эта внутренняя уравновѣшенность, могущая составить счастье и силу любого человѣка, не покидала нашего путешественника вплоть до Семипалатинска; но съ этого пункта все перемѣнилось. Изслѣдователь, пріѣхавшій въ Сибирь съ увѣренностью найти тамъ лишь подтвержденіе своихъ предвзятыхъ взглядовъ, впервые получилъ впечатлѣнія,

противорѣчившія имъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ факты этого года все болѣе и болѣе обступали уравновѣшенную душу, касселяя ее сомнѣніями, колебаніями и частичными уступами новой правдѣ, пока наконецъ правда старая не предстала предъ Кеннаномъ въ ея настоящемъ видѣ — въ видѣ сплошной и грубой ошибки. Самолюбіе его должно было страдать жестоко. Итакъ, Армстронгъ, человѣкъ по верхностный (можетъ быть даже «вздорный»), былъ правъ, а онъ, Кеннанъ, никогда ничего не дѣлавшій безъ серьезнаго взвѣшиванія, провѣрки и изслѣдованія, защищалъ незащитимое и нападалъ на самую истину и на тѣхъ, кому каждый понимающій и честный человѣкъ долженъ былъ бы стремиться пожать руку... Онъ билъ лежачаго и поддерживалъ бьющаго, къ тому же еще и лгущаго. Отдѣльные эпизоды изъ его лекцій, полемики, споровъ, и особенно тѣ, въ которыхъ онъ торжествовалъ, теперь должны были пробѣгать въ умѣ гордаго американца окрашенными въ ядовитую краску сознанія, что все это было ложное торжество... Да, самолюбіе его должно было страдать невыносимо. Но прекрасная, чистая и вмѣстѣ сильная основа его натуры, чувство нравственной отвѣтственности за сдѣланную ошибку — помогли ему пережить внутреннюю ломку быстро и благотворно, а свѣтлыя ощущенія только что открытой истины и нравственная красота до сихъ поръ невиданныхъ и заочно непонимаемыхъ людей и явленій сгладили горькую и тяжелую сторону эволюціи. Внѣшняя сторона послѣдней описана Кеннаномъ въ его книгѣ и мнѣ не къ чему здѣсь повторять ее: но сторона внутренняя остается въ томъ описаніи въ тѣни. Она выступаетъ гораздо ярче въ слѣдующемъ отрывкѣ, взятомъ изъ частнаго письма, писаннаго имъ вскорѣ по возвращеніи изъ сибирскаго путешествія: «Два года тому назадъ я ни за что бы не повѣрилъ, что въ мои годы и послѣ моего довольно таки разнообразнаго и широкаго жизненнаго «опыта я все еще могу встрѣтить такую массу сильныхъ, свѣжихъ, расширяющихъ мой горизонтъ ощущеній. Я отнюдь не хочу этимъ сказать, что я въ то время смотрѣлъ на себя, какъ на вулканъ погасшихъ чувствъ или что либо въ этомъ родѣ. Чувства мои никогда не были вулканическими; но я былъ убѣжденъ, что испыталъ уже всѣ самыя сильныя человѣческія ощущенія и что душу мою нельзя уже

заставить трепетать такъ, какъ это было возможно въ ранній періодъ моей возмужалости, когда весь міръ былъ для меня еще незнакомъ, свѣжъ и полонъ возбуждающихъ впечатлѣній. Но я ошибся. То, что я увидѣлъ и узналъ въ Сибири тронуло меня поистинѣ до самыхъ потаенныхъ глубинъ моей души, открыло мнѣ цѣлый новый міръ и, въ извѣстномъ смыслѣ, подняло всѣ мои этическія мѣрила. Я узналъ личностей поистинѣ героическихъ, — характеры самаго высокаго типа, какихъ когда либо создавала исторія; на моихъ глазахъ они проявляли мужество, твердость, самопожертвованіе и приверженность идеалу въ такихъ предѣлахъ, въ какихъ я считаю это лично для себя невозможнымъ. Именно о нѣкоторыхъ изъ этихъ личностей — нѣкоторыхъ изъ тѣхъ людей, которыхъ мы называемъ нигилистами — хотѣлъ бы я поговорить съ Вами. Я могу Вамъ передать лишь небольшую часть того вліянія, какое они имѣли на меня; но во всякомъ случаѣ я смогу такимъ образомъ объяснить, какъ это случилось, что я отправился въ Сибирь, считая политическихъ ссыльныхъ неуравновѣшенными въ душевномъ отношеніи фанатиками, бомбистами и убійцами, покидая же Сибирь я цѣловалъ этихъ самыхъ людей, заключивъ ихъ въ крѣпкія объятія и съ глазами, полными слезъ. Вы поймете, что подобную революцію не могли произвести обыденныя явленія, обыденный опытъ».

Это письмо — письмо интимное и въ особенности признаніе Кеннана, что общеніе съ политическими ссыльными повысило его собственную этическую мѣрку, его требованія отъ жизни развертываетъ передъ нами, цѣлую внутреннюю драму, сложную и трогательную, внесшую въ совершенное Кеннаномъ дѣло тотъ нравственный элементъ, который придалъ ему особую силу и міровое значеніе. Кеннанъ сталъ родоначальникомъ цѣлаго гуманитарнаго теченія, сочувственнаго русскому народу и его усиліямъ завоевать себѣ свободу и справедливость, — теченія, считающаго въ рядахъ своихъ представителей, какъ я покажу это въ своемъ мѣстѣ, не мало дѣятелей, но меньшей мѣрѣ не уступающихъ Кеннану въ талантливости и знаніяхъ, но изъ которыхъ ни одинъ не имѣлъ той широты и могущества вліянія, которое стало удѣломъ Кеннана. Совершить такой подвигъ автору «Сибири-

и Ссылки» удалось лишь благодаря тому глубокому убѣжденію, которымъ дышетъ каждая написанная имъ фраза, убѣжденію, выстраданному и освященному его обращеніемъ изъ своего рода Савла въ Павла.

Возвратившись изъ свего путешествія (въ августѣ 1886 года), Кеннанъ посвятилъ цѣлый годъ разборкѣ и приведенію въ порядокъ собранныхъ имъ матеріаловъ, едва умѣщавшихся въ нѣсколькихъ чемоданахъ. Трудолюбіе его въ этомъ отношеніи поистинѣ изумительно: онъ составилъ между прочимъ алфавитный указатель ко всѣмъ своимъ дорожнымъ записнымъ книжкамъ, «Сибирской газетѣ», «Восточному обозрѣнію» и отдѣльнымъ документамъ, мемуарамъ и пр., вывезеннымъ имъ изъ Сибири. Этотъ кропотливый и утомительный трудъ, и впослѣдствіи дополняемый ссылками на вновь получаемый матеріалъ (въ томъ числѣ печатный) далъ ему возможность быть во всякое время во всеоружіи,—встрѣчать каждую тенденціозную или невольную печатную ложь по отношенію къ изученному имъ предмету цѣлой батареей неопровержимыхъ, большей частью оффиціально засвидѣтельствованныхъ фактовъ. Эта же система кропотливой подготовительной работы обезпечила Кеннану возможность дать публикѣ серіозное изслѣдованіе въ формѣ книги, которая читается, какъ романъ.

Каждый, знающій средняго цивилизованнаго «западнаго человѣка» (въ томъ числѣ американца), знаетъ также, до какой степени трудно ему окунуться въ нашу жизнь и дѣйствительно ее понять. Все мѣшаетъ ему въ этой задачѣ: природа, учрежденія и обычаи его страны, школьное и политическое воспитаніе, историческія традиціи и формы культуры, наконецъ — несчастная наклонность считать свою страну и все, что въ ней есть—послѣднимъ словомъ и высшимъ цвѣтомъ мірового творенія. Кеннанъ представляетъ въ этомъ отношеніи одно изъ счастливѣйшихъ исключеній. Нужно удивляться тому, какъ вѣрно онъ понялъ проходившую передъ нимъ, часто противорѣчивую дѣйствительность, какъ вѣрно ее описалъ.

Этимъ онъ прежде всего обязанъ своей чрезвычайной осторожности. Убѣдившись въ ошибочности своего первоначальнаго, предвзятаго взгляда, Кеннанъ уже потомъ не рѣшался что либо утверждать или отрицать иначе, какъ послѣ тщательнаго изслѣдованія, сопоставленія,

провѣрки. Знаніе языковъ и природная вдумчивость, а также счастливая готовность, съ которой обѣ заинтересованныя въ спорѣ стороны предлагали ему свои матеріалы, провели его безопасно по самымъ скользкимъ мѣстамъ его работы.

Здѣсь нужно сдѣлать одну существенную оговорку. Всюду въ своихъ писаніяхъ Кеннанъ говоритъ о русскихъ революціонерахъ, которые всѣ были соціалистами, какъ о либералахъ и радикалахъ. Ихъ соціализмъ имъ въ сущности совершенно игнорируется, революціонные методы ихъ борьбы ставятся имъ въ исключительную зависимость отъ правительственныхъ репрессій, направленныхъ противъ революціонеровъ. Такія опредѣленія требуютъ, конечно, съ русской точки зрѣнія, поправки. «Народная Воля» представляла собою теченіе не только вполнѣ демократическое, но и соціалистическое; борьба велась ею во имя освобожденія массъ не только политическаго, но и экономическаго, а ея методы борьбы обусловливались прежде всего ея идеями о пользахъ трудового народа и объ отвѣтственности правительства передъ народомъ. Но къ осуществленію этой задачи «Народная Воля» приступила съ политической стороны. Въ извѣстномъ письмѣ къ Александру III исполнительный комитетъ требовалъ прежде всего созыва Учредительнаго Собранія, обѣщая даже подчиниться какому бы то ни было рѣшенію послѣдняго. Для Кеннана этимъ опредѣлялось все. Будучи типичнымъ американскимъ «a matter of fact man», т. е. человѣкомъ, считающимся только съ конкретными фактами, онъ смотрѣлъ на всякую теорію, не имѣвшую немедленнаго приложенія къ дѣлу, какъ на несущественный придатокъ. Тѣмъ болѣе относилось это къ теоріямъ соціалистическимъ, о которыхъ въ средѣ, гдѣ взросъ и воспитался Кеннанъ, знаютъ только одно, что они не имѣютъ ничего общаго съ господствующимъ строемъ жизни, а «слѣдовательно» представляютъ изъ себя несерьезное визіонерство. Я не хочу этимъ сказать, что Кеннанъ именно такъ квалифицировалъ соціализмъ; мнѣ никогда не приходилось вести съ нимъ серьезнаго разговора объ этомъ предметѣ; онъ просто не интересовался этимъ предметомъ и игнорировалъ его; для этого предмета у него, такъ сказать, все поле его зрѣнія было цѣликомъ занято этической и политической

стороной борьбы. Онъ не могъ видѣть центра тяжести всего движенія, какъ видимъ его мы, какъ видѣла «Народная Воля», въ конечныхъ соціалистическихъ цѣляхъ; не могъ онъ видѣть также въ нихъ подрыва государственныхъ и общественныхъ основъ, ибо это была только «идеологія» (при томъ порожденная наилучшими намѣреніями), распространеніе же идей считается въ Соединенныхъ Штатахъ вещью безвредной, законнымъ правомъ каждаго.

Но если съ русской точки зрѣнія сдѣланная Кеннаномъ характеристика русскихъ революціонеровъ требуетъ поправки, то по отношенію къ тому читателю, къ которому обращался Кеннанъ, она представляла лишній шансъ успѣха. Полное невѣжество относительно цѣлей, методовъ и сущности соціализма, господствующее въ широкихъ читающихъ слояхъ Америки и Великобританіи едва ли еще не больше, чѣмъ у насъ въ Россіи, а заинтересованный въ этомъ непониманіи капитализмъ умышленно поддерживаетъ на почвѣ этого невѣжества дикія и превратныя сказки о соціализмѣ, воспитывающія и укореняющія враждебность къ нему. Будь Кеннанъ самъ соціалистомъ и выступи онъ на защиту русскаго движенія какъ таковой, всѣ усилія его разбились бы о существующія предубѣжденія. Напротивъ того, выдвинувъ впередъ исключительно политическую сторону русскихъ революціонныхъ домогательствъ, которыя уже почти цѣликомъ стали совершившимся фактомъ въ Соединенныхъ Штатахъ, онъ обращался къ публикѣ понимающей этотъ предметъ и способной оцѣнить всю дикость преслѣдованій за такія домогательства.

Сдѣлавъ эту необходимую общую оговорку, я долженъ затѣмъ подчеркнуть почти полное отсутствіе второстепенныхъ фактическихъ ошибокъ въ изложеніи Кеннана. Какъ на примѣръ таковыхъ можно указать на его упоминаніе о студенчествѣ Ив. Мышкина и Е. Е. Лазарева, на самомъ дѣлѣ ни тотъ ни другой никогда въ университетѣ не были. Можно, если угодно, обратить вниманіе на то, что сдѣланной въ главѣ «Жизнь административныхъ ссыльныхъ» расцѣнкѣ жизненныхъ потребностей придалъ слишкомъ универсальный характеръ; на самомъ дѣлѣ цѣны на различные необходимые предметы различны въ разныхъ мѣстностяхъ Сибири. Но все это—мелочи, не

могущія ничего измѣнить ни въ правдивости нарисованной Кенаномъ картины нашей дѣйствительности, ни въ значеніи его труда.

V.

Первая статья знаменитой серіи появилась въ «Century Magazine» въ декабрѣ 1887 г. («Prison Life of the Russian Revolutionists») и затѣмъ ежемѣсячно почти безъ перерывовъ читающее по англійски человѣчество получало за его подписью новыя потрясающія картины, интересныя разоблаченья, неожиданныя характеристики, раскрывшія новый, невѣдомый дотолѣ ей міръ.

Статьи эти, впослѣдствіи переработанныя авторомъ въ двухтомную книгу, были для не русской читающей публики цѣлымъ откровеньемъ. Публика эта знала въ то время о Россіи значительно меньше, чѣмъ о центральной Африкѣ; но это не значитъ, что она не имѣла о ней никакихъ представленій. Напротивъ, представленія у нея были и хотя совершенно фантастическія, но столь же упорныя, какъ застарѣлая болѣзнь. Человѣкъ, взросшій въ извѣстныхъ не только понятіяхъ, но и привычкахъ законности, различенія между дѣйствіемъ и словомъ, причемъ послѣднее, такъ же, какъ и мысль, составляютъ прирожденное право человѣка и никого не раздражаютъ и не ведутъ ни къ какимъ неудобствамъ; человѣкъ воспитанный въ извѣстныхъ культурныхъ привычкахъ, дѣлающихъ невозможнымъ грабежи и заколачиваніе на смерть заключенныхъ въ полицейскихъ домахъ, или безконтрольное распоряженіе личностью и имуществомъ гражданина въ видахъ удобства администраціи, — такой человѣкъ не можетъ силою одного воображенія перенестись въ страну, гдѣ жизнь построена на формулѣ: «по щучьему велѣнью, по моему хотѣнью».

Поэтому всякія иллюстраціи въ послѣднемъ родѣ кажутся ему дикими, невѣроятными, а порождаемое такою жизнью единственное средство борьбы въ защиту человѣческой личности—варварскимъ и подлежащимъ подавленію. На такой почвѣ русскому чиновничьему самодер-

жавію не трудно было расписывать «Народную Волю» и все русское освободительное движеніе, какъ сатурналію, какихъ то выродковъ рода человѣческаго съ пестыми головами, находившихъ особое и единственное развлеченіе въ разрушеніи мирнаго житья и благихъ попеченій отеческаго правительства. Героизмъ и самоотверженіе дѣятелей «Народной Воли» находили, конечно, справедливую оцѣнку и восхищеніе и въ Западной Европѣ, и въ Америкѣ, но находили ее почти исключительно среди обиженныхъ угнетенныхъ и безъисходно работающихъ, то есть въ тѣхъ слояхъ населенія, которые всего менѣе представлены и въ прессѣ, и на каѳедрѣ, какъ ученой, такъ и религіозной, и въ представительныхъ учрежденіяхъ, и въ гостинныхъ, т.-е. всюду, гдѣ формируется такъ называемое господствующее общественное мнѣніе. Между тѣмъ, это общественное мнѣніе есть страшно гигантская сила. Оно ставитъ предѣлы поведенію милліоновъ людей, недостаточно оригинальныхъ и сильныхъ, чтобы идти противъ общепринятаго; оно направляетъ во многомъ правительственную политику конституціонныхъ государствъ; оно дѣлаетъ запросы въ парламентахъ, поднимаетъ тѣ или иные вопросы въ печати, вліяетъ на состояніе биржи и заставляетъ считаться съ собой даже господъ банкировъ, этихъ самодержцевъ современныхъ обществъ и государствъ.

Въ то время, когда Кеннанъ выступилъ со своимъ обвинительнымъ актомъ противъ царскаго правительства и своею защитой Россіи революціонной, взглядъ, благопріятный для царскаго правительства и враждебный русскимъ революціонерамъ, былъ господствующимъ взглядомъ общественнаго мнѣнія. Съ гибелью «Народной Воли» ореолъ ея померкъ въ значительной мѣрѣ даже среди обиженныхъ и угнетенныхъ: для многихъ изъ нихъ недостатокъ практическаго успѣха осуждалъ и самую ея борьбу, или, по крайней мѣрѣ, тактику послѣдней. Для правящихъ классовъ эта тактика была тактикой «анархіи», подрывающей самыя основы цивилизаціи. Франція и (не одна оффиціальная Франція, а весь французскій народъ) еще дрожала передъ германскими штыками и заискивала у русскаго абсолютизма. Въ американскихъ Штатахъ національное чувство признательности императорской Россіи за ея морскую диверсію во время междоусобной

войны было еще живо, а симимъ американскимъ обществомъ всецѣло владѣлъ тотъ страхъ передъ всякими «анархическими» покушеніями на существующій строй, который довелъ его до судебнаго убійства въ Чикаго пяти завѣдомо невинныхъ въ брошенной бомбѣ лицъ, лишь-бы дѣйствительнымъ, не открытымъ виновникамъ этого акта и ихъ единомышленникамъ «неповадно было».

Время было очень глухое. Заговаривать въ такое время о законности русскаго освободительнаго движенія и его методовъ значило рисковать говорить въ пустынѣ. Естественныхъ защитниковъ этихъ методовъ—русскихъ революціонеровъ—никто не хотѣлъ слушать. Фраза: «это нигилистъ» считалась достаточной и въ Америкѣ, и въ Западной Европѣ, чтобы лишить автора аналогіи всякаго кредита и внушить къ нему смѣшанное чувство непріязни и страха.

Въ такое то время произошелъ въ Кеннанѣ его внутренній переворотъ; при такихъ обстоятельствахъ взялся онъ, какъ за долгъ совѣсти, за реабилитацію истины по отношенію къ русскому освободительному движенію. Задача была въ высшей степени трудная, но Кеннанъ совладалъ съ нею. Онъ сразу овладѣлъ всеобщимъ вниманіемъ.

Какое дѣйствіе производили статьи Кеннана на психологію отдѣльныхъ людей, показываетъ слѣдующій случай, въ которомъ я самъ былъ дѣйствующимъ лицомъ.

Въ ноябрѣ 1889 года, бѣжавъ изъ Сибири, я находился на британскомъ пароходѣ, шедшемъ изъ Іокогамы въ Ванкуверъ (въ Канадѣ).

Утромъ слѣдующаго по отъѣздѣ дня, я встрѣтилъ за утреннимъ кофе замѣчательно краснваго канадца лѣтъ 40. Увидѣвъ въ моихъ рукахъ свѣжую книжку «Century Magazine» (которую я случайно пріобрѣлъ во Владивостокѣ), онъ попросилъ ее у меня почитать; тамъ была, между прочимъ, статья Кеннана о сибирскихъ политическихъ ссыльныхъ. Возвращая мнѣ на слѣдующій день книгу, онъ казался нѣсколько взволнованнымъ.

— «Ужасно, ужасно, — сказалъ онъ,—я и раньше читалъ нѣкоторыя статьи Кеннана и онѣ не оставляютъ во мнѣ никакого сомнѣнія въ ихъ правдивости. Но ужасы, имъ описываемые, таковы, что возмущаютъ душу и хочѣлось бы усумниться въ ихъ дѣйствительности».

Я отвѣтилъ что не только всѣ факты вѣрны, но что еще не исчерпываютъ всего того, что совершается и въ доказательство своихъ словъ, сталъ приводить иллюстраціи изъ правительственной практики по отношенію къ политическимъ арестованнымъ и ссыльнымъ.

Мой собесѣдникъ слушалъ меня съ напряженнымъ вниманіемъ. Вдругъ глаза его сильно расширились и схвативъ меня за руку повыше локтя, онъ воскликнулъ:

— «Вы сами изъ нихъ, не правда ли? Вы бѣжали изъ Сибири»?

— «Да», отвѣтилъ я.

Волненіе канадца возросло до крайней степени.

«Разсчитывайте на меня»—сказалъ онъ, наклоняясь въ мою сторону. — «Я сдѣлаю для васъ все, что будетъ въ моихъ силахъ. Понимаете?—все!».

Это не были пустыя слова. Благодаря моему новому знакомому, статья Кеннана обошла весь пароходъ; всѣ пассажиры и вся команда узнали, что я политическій бѣглецъ. И вотъ, всѣ эти чужіе мнѣ люди, большею частью шотландцы (нація, снискавшая себѣ среди англичанъ репутацію людей прижимистыхъ и трудно поддающихся чувству), стали осторожно, деликатно, но настойчиво интересоваться мною, моею будущностью, а также и страною, которой я принадлежалъ. Деньги мои приходили къ концу и я хотѣлъ пріостановиться въ Ванкуверѣ съ тѣмъ, чтобы заработать въ гавани нѣсколько денегъ въ качествѣ грузчика, но мнѣ не дали этого сдѣлать.

— «Помилуйте», говорили мнѣ мой канадецъ и второй машинистъ парохода, «здоровье ваше очевидно разбито, а работа тяжела. Вы не знаете ни здѣшнихъ нравовъ, ни обычаевъ, а ванкуверское населеніе, работающее въ портѣ, представляетъ общественные подонки; вы не только ничего не пріобрѣтете, но живо потеряете и то, что у васъ есть».

Передъ тѣмъ, какъ сходить съ парохода, кассиръ пригласилъ меня въ свою каюту, и выложивъ предо мною подписной листъ и (если память не измѣнятъ мнѣ) 69 долларовъ, сказалъ:

— «Команда и пассажиры парохода, всѣ британцы, не могутъ допустить, чтобы человѣкъ, пострадавшій за убѣжденія и ищущій на британской территоріи свободы, въ

которой ему отказано въ его собственной странѣ, попалъ съ первыхъ же шаговъ въ ихъ землѣ въ тяжелое и безпомощное положеніе. Пассажиры и команда парохода просятъ васъ сдѣлать имъ честь, принявъ эту сумму, какъ знакъ ихъ симпатіи».

Воздѣйствіе Кеннана на психологію отдѣльныхъ лицъ путемъ живого слова, въ качествѣ лектора, было, конечно, еще сильнѣе, чѣмъ перомъ. Такъ, напримѣръ, онъ былъ приглашенъ однимъ изъ первенствующихъ высшихъ образовательныхъ учрежденій Штатовъ «Lowell Institute», дать публичный отчетъ о карійскомъ каторжномъ поселеніи. По окончаніи отчета извѣстный американскій писатель Маркъ Твэнъ всталъ среди слушателей и сказалъ:

«Если подобное правительство не можетъ быть низвергнуто иначе, какъ посредствомъ динамита, то да будетъ благословенъ Господь за динамитъ».

Въ Луисвилѣ и въ другихъ городахъ публика по окончаніи лекціи задерживала лектора на часъ, на два и болѣе; она толпилась, горя живой симпатіей къ жертвамъ произвола, задавая вопросы и стремясь пожать лектору руку.

Я имѣлъ случай слышать его лекцію въ Торонто (въ Канадѣ). Громадный залъ вмѣщалъ въ себѣ не менѣе 3.000 человѣкъ. Лекторъ былъ встрѣченъ громомъ рукоплесканій. Съ первыхъ же словъ воцарилась глубочайшая тишина, но чувствовалось, что тишина эта не мертвая, а вполнѣ живая. Низкій, грудной, сильный голосъ Кеннана наполнялъ всю залу и, казалось, публика жадно впитывала въ себя мастерски рисуемыя передъ ней картины. Кеннанъ говорилъ медленно, раздѣльно и безъ всякихъ ораторскихъ эффектовъ. Его тонкая, но сильная фигура въ черномъ была почти неподвижна; онъ не позволялъ себѣ никакихъ жестовъ. И только голосъ, мѣняя интонацію, заставлялъ нѣсколько тысячъ сердецъ то жутко сжиматься, то биться негодованіемъ, то устремляться братски къ далеко-далеко отстоящимъ страдальцамъ, отстаивавшимъ человѣческое достоинство и право своего народа противъ произвола цѣною нечеловѣческихъ страданій и самой жизни. Въ этотъ разъ Кеннанъ говорилъ о своемъ посѣщеніи Кары. Въ серединѣ лекціи, дойдя до описанія арестанскаго костюма, онъ сказалъ:

— «Чтобы дать вамъ наглядное представленіе о немъ, я оставлю васъ на минуту и сейчасъ же возвращусь въ немъ».

Затѣмъ, переодѣвшись за сценой въ подлинное арестанское платье и надѣвъ кандалы, Кеннанъ появился снова на эстрадѣ. Аудиторія затаила дыханіе.

— Эту «шапку»,—сказалъ Кеннанъ,—«я получилъ въ подарокъ въ Сибири отъ доктора Веймарна, одного изъ замѣчательнѣйшихъ европейскихъ окулистовъ и благороднѣйшаго человѣка, котораго русскаго правительство сослало въ рудники за то, что онъ помогъ другому замѣчательному человѣку, князю Петру Кропоткину, бѣжать изъ когтей тиранніи. Этотъ халатъ принадлежалъ когда-то тоже политическому ссыльному, дружбой котораго я горжусь. Эти кандалы носилъ третій политическій ссыльный, человѣкъ рѣдкой чистоты души. Этотъ костюмъ былъ созданъ для того, чтобы наложить на носящаго его клеймо позора, но благородство людей его носившихъ и величіе дѣла, за которое они пострадали, сдѣлали его, напротивъ, священнымъ. Каждую часть его я получилъ отъ кого нибудь изъ этихъ благородныхъ людей и я храню его, какъ самый дорогой для меня подарокъ».

Нужно ли говорить о томъ энтузіазмѣ, о той бурѣ аплодисментовъ и криковъ, которая нѣсколько разъ врывалась въ ходъ разсказа и закончила лекцію? Толпа прихлынула къ эстрадѣ и многіе полѣзли на нее, чтобы пожать руку лектору. Въ этотъ вечеръ я понялъ, какой могущественный рычагъ представляетъ изъ себя человѣческое слово, благородно сказанное и поддержанное убѣжденіемъ въ правоту дѣла.

Лекція Кеннана длилась почти два часа, время необычайно долгое для американской публики, и то обстоятельство, что она не только не роптала, но, повидимому, готова была посидѣть и дольше, говорило о необычайномъ интересѣ, возбужденномъ разсказомъ. Меня лично, какъ новичка въ лекторскомъ дѣлѣ, поразило полное спокойствіе, полное самообладаніе лектора. Я, человѣкъ посторонній, сидя въ залѣ, волновался все время лекціи, какъ будто я ее читалъ, а не Кеннанъ. Когда въ концѣ вечера я сказалъ ему объ этомъ, онъ улыбнулся и замѣтилъ

— «Когда вы будете, какъ я, читать свою 180-ую лекцію, то и вы будете совершенно спокойны».

Вся американская пресса была переполнена извлеченіями изъ статей и отчетами о лекціяхъ Кеннана. Онъ сталъ получать ежедневно десятки писемъ, продиктованныхъ лучшими гуманитарными чувствами и ставившими одинъ и тотъ же вопросъ: нельзя ли что нибудь сдѣлать въ пользу угнетенныхъ въ Россіи?

VI.

Такимъ образомъ положено было основаніе, не только въ Америкѣ, но и въ Великобританіи, а затѣмъ, съ теченіемъ времени и въ остальной Европѣ — извѣстной общественной чуткости по отношенію къ русскимъ дѣламъ. Всякое новое явленіе русской жизни стало теперь останавливать на себѣ общественное вниманіе. Стало возможнымъ объясненіе западно-европейской и американской публикѣ того простого факта, что русскій народъ и его правительство суть двѣ совершенно различныя величины и смѣшивать или отождествлять одно съ другимъ есть величайшая ошибка. Изъ этой публики стали выдѣляться цѣлыя группы лицъ, человѣчные и свободолюбивые инстинкты которыхъ получили живую пищу въ интересѣ къ русскому освободительному движенію. Почти всѣ образованныя націи выставили изъ своей среды писателей, столь-же благородныхъ, сколько талантливыхъ и знающихъ, взявшихъ на себя трудную задачу—освѣтить съ той или иной стороны истинное положеніе русскаго народа и связанныхъ съ нимъ механически національностей, объяснить взаимныя отношенія между ними и правительствомъ и воздѣйствовать на своихъ современниковъ въ интересахъ утвержденія въ Россіи началъ свободы и справедливости. Таковъ у Шведовъ Іона Стадлингъ, бывшій въ Россіи дважды—въ 1891 г. для распредѣленія среди голодающихъ хлѣба, пожертвованнаго американцами, и въ 1898—для поисковъ за пропавшимъ безъ вѣсти аэронавтомъ Андре. Вынесенныя имъ отъ этихъ двухъ поѣздокъ впечатлѣнія и данныя обработаны имъ въ двухъ превосходно иллюстрированныхъ книгахъ («Въ странѣ Тол-

стого» и «Черезъ Сибирь») [1]). У нѣмцевъ — Леманъ и Парвусъ, издавшіе, подъ заглавіемъ «Голодающая Россія», превосходное, тоже иллюстрированное и увлекательное изслѣдованіе о русскомъ голодѣ и его причинахъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ можно указать Эдмунда Нобля, долго жившаго въ Россіи и написавшаго о ней нѣсколько книгъ, изъ которыхъ интереснѣйшая — «The Russian Revolt». Среди англичанъ выработалось нѣсколько писателей этого типа. Г. Томсонъ (H. M. Thompson) написалъ «Russian Politics», Перрисъ—множество журнальныхъ и газетныхъ статей и книги: «Leo Tolstoy, the Grand Mujik», (1898) «Life and Teachings of Leo Tolstoy» (1901) и «Russia in Revolution» (1905, два изданія). Финляндецъ Конни Цилліакусъ познакомилъ впервые своихъ соотечественниковъ съ идеалами, ходомъ и силою русскаго революціоннаго движенія въ сочиненіи, одновременно напечатанномъ по шведски и по фински, а нынѣ переведенномъ и на англійскій языкъ [2]). Книга эта имѣла огромное значеніе въ современномъ русскомъ движеніи. Она провела ясную черту между русскимъ правительствомъ и русскимъ народомъ, доказала, что нельзя дѣлать послѣдній отвѣтственнымъ за безобразія перваго и такимъ образомъ не допустила борьбу финляндцевъ противъ руссификаторской и застѣночной дѣятельности гг. Плеве, Бобрикова и К° выродиться въ націоналистическое руссофобство.

Перечень можно бы легко продолжить, но и сказан наго достаточно, чтобы не быть голословнымъ.

Этого мало, однако. На почвѣ, подготовленной, съ одной стороны иностранными изслѣдованіями, а съ другой — русской эмиграціей, во главѣ которой стояли, (а иные и до сихъ поръ стоятъ) такіе замѣчательные работники, какъ Степнякъ, Кропоткинъ, Як. Гурвичъ и (въ послѣднее время) Е. К. Брешковская и И. А. Рубановичъ (редакторъ-издатель соціалъ-революціоннаго органа «La Tribune Russe» въ Парижѣ)—возникаютъ цѣлыя организаціи, ставящія себѣ цѣлью—распространеніе правдивыхъ свѣдѣній о Россіи

[1]) Объ переведены съ шведскаго на англійскій языкъ и изданы Арчибальдомъ Констэблемъ въ Лондонѣ.

[2]) The Russian Revolutionary Movement, by Konni Zieliacus; London, 1905, Alston

и братскую помощь жертвамъ ея правительства. Таковы: «Society of Friends of Russian Freedom» («Общество Друзей Свободы въ Россіи» существующее въ Англіи непрерывно съ 1890 г.), «Société des Amis du Peuple Russe et des Peuples Annexés» во Франціи, «The Russian-American League» (во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ) и «The Society of American Friends of Russian Freedom» въ Соединенныхъ Штатахъ (дѣйствуетъ и сейчасъ). Первая изъ этихъ ассоціацій имѣетъ собственный органъ; «Société des Amis»... издала цѣлый рядъ брошюръ; въ 1906 г. появился еще въ Парижѣ ежемѣсячный органъ «La Russie Libre, bulletin officiel du Comité de la Russie Libre» и т. д., и т. д.

Такимъ образомъ въ цивилизованномъ мірѣ создалось и упрочилось цѣлое гуманитарное теченіе, энергично работающее въ пользу русскаго освободительнаго движенія, мѣшающее русскимъ реакціоннымъ силамъ оклеветать, а затѣмъ и задавить его, по французской формулѣ: «Donnez au chien un mauvais nom et tuez le». Если теперь читатель вникнетъ въ хронологическую сторону дѣла, то увидитъ, что всѣ перечисленные выше писатели выступили на сцену, всѣ упомянутыя организаціи возникли п о с л ѣ сибирской кампаніи Кеннана и опубликованія ея результатовъ. И это вполнѣ понятно: только послѣ потрясающихъ картинъ, данныхъ Кеннаномъ — только при его умѣніи освѣтить явленія русской жизни съ точки зрѣнія самой понятной и наиболѣе близкой западному европейцу или американцу,—только послѣ захватывающей каждаго читателя исторіи обращенія его изъ убѣжденнаго сторонника въ убѣжденнаго обвинителя царскаго правительства — сталъ возможенъ тотъ интересъ къ русскимъ дѣламъ, та симпатія къ русскому народу и то осужденіе по адресу тираническаго, чиновничьяго режима, которые выражены такъ ярко и полно указаннымъ выше теченіемъ.

Наша чиновничья гидра отлично сознаетъ всю опасность для нея этого теченья. Она знаетъ, что существованіе «уединеннаго государства» стало давно невозможнымъ. Японія, Китай и даже дикія племена Африки представляютъ самыя яркія тому доказательства; въ болѣе же тѣсномъ кругу Европы и Новаго Свѣта взаимная зависимость, вліяніе народовъ и государствъ другъ на друга очевидны на каждомъ шагу. Кругъ идей, движу-

щихъ людьми, борьба и власть, внутреннія политическія и экономическія отношенія, трудовое и капиталистическое начала — перестали быть исключительно мѣстнымъ, національнымъ достояніемъ и въ значительной мѣрѣ обратились въ международныя, общечеловѣческія. Переводная литература, ежедневная пресса, телеграфъ и почта, внѣшніе государственные займы, иностранные рынки, солидарность рабочихъ разныхъ странъ и т. д. и т. д., до того переплели внутреннія отношенія съ внѣшними, что ни одинъ государственный человѣкъ, ни одна группа населенія не можетъ безнаказанно игнорировать эти послѣднія даже во внутреннихъ дѣлахъ.

Нельзя нашимъ отцамъ командирамъ всего этого не знать и не оцѣнить послѣ того, какъ Ротшильдъ, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, возмущеннаго преслѣдованіями евреевъ, отказался нѣсколько лѣтъ тому назадъ заключить внѣшній заемъ, или послѣ того, какъ соц. рев. М. Гоцъ, уже арестованный услужливыми итальянскими профессіональными политиками, былъ освобожденъ вслѣдствіе народнаго крика, поднявшагося по этому поводу по всей Италіи. Отцы-командиры знаютъ, что если существуетъ классовая и профессіональная поддержка одного правительства другимъ, одной полиціи другой, то существуетъ съ другой стороны и братская связь между народами, выразившаяся, напр., существенной денежной помощью изъ Англіи, Америки, Германіи, Франціи и другихъ странъ участникамъ первой массовой русской стачки въ 1896 г. и жертвамъ правительственныхъ звѣрствъ въ послѣднее время. Отцы-командиры знаютъ, что попытка придавить Финляндію полицейскимъ каблукомъ, изломавъ всѣ ея учрежденія, вызвала взрывъ негодованія и цѣлый рядъ протестовъ и петицій западно-европейскихъ ученыхъ, литераторовъ, педагоговъ и т. д. Конечно, всѣ эти петиціи были «отклонены» съ дѣланнымъ высокомѣріемъ; но вѣдь этимъ актомъ нашъ чиновничій абсолютизмъ лишь расписался въ своемъ унизительномъ отчужденіи отъ западно-европейской цивилизаціи.

Повторяю: наши реакціонныя силы отлично понимаютъ все это. Понимаютъ и—стараются. Чего-чего онѣ не дѣлаютъ, чтобы фальсифицировать русскую дѣйствительность и подтасовать иностранное общественное мнѣніе! Въ награду за такую фальсификацію извѣстнымъ орга-

намъ дозволяется безцензурное проникновеніе въ Россію («Русскій Голосъ» въ Берлинѣ и «New-Jork Heraid»), другіе просто покупаются («L'echo de Paris»), въ третьихъ отъ времени до времени выпускаются собственные борзописцы (какъ одно время въ лондонскомъ «New Review»), въ цѣломъ рядѣ американскихъ и французскихъ изданій, [1]) пускаются въ ходъ политическія дамы, въ родѣ г-жи Ольги Новиковой и оффиціальные дипломатическіе агенты, которые устраиваютъ себѣ интервью; выпускаются на арену рыцари (оказывающіеся въ концѣ концовъ рыцарями печальнаго образа) въ родѣ Гарри де Виндта; «знатные иностранцы», попадающіе въ Россію, какъ напримѣръ — членъ англійскаго парламента Лохъ, докторъ Ланседль, Генри Норманъ—окружаются унизительной предупредительностью и искусственными панорамами и т. д. и т. д.

И одно ли это?

Пользуясь предубѣжденіемъ, установившимся въ нѣкоторыхъ странахъ противъ анархистовъ, наши отцы—командиры изъ кожи лѣзутъ, чтобы — совершенно безъ всякаго основанія — подвести подъ этотъ терминъ русскихъ соціалистовъ и революціонеровъ, дабы затѣмъ ловить въ мутной водѣ рыбу. Они не устаютъ агитировать, на томъ же основаніи международнаго противодѣйствія «анархіи», въ пользу созданія международной полиціи т. е. международнаго шпіонства, взаимныхъ полицейскихъ услугъ и взаимной выдачи людей, непріятныхъ тому или иному правительству, разсчитывая этимъ путемъ выудить или по крайней мѣрѣ подвести подъ отвѣтственность тѣхъ своихъ противниковъ, которыхъ дѣятельность по иностраннымъ понятіямъ и законамъ не подлежитъ преслѣдованію. И иногда это имъ удается, какъ напримѣръ въ дѣлѣ осужденія англійскимъ судомъ

[1]) Не мѣшаетъ упомянуть и о слѣдующемъ фактѣ. Одна извѣстная французская издательская фирма купила еще въ іюлѣ 1891 г. исключительное право изданія книги Кеннана на французскомъ языкѣ, а также полный комплектъ клише для ея иллюстрированія, за который заплатила свыше 1200 долларовъ, и однако книга остается до сихъ поръ не изданной. Стоустая молва увѣряетъ, будто право изданія перекуплено у фирмы царскимъ правительствомъ съ цѣлью оставить французскую версію книги подъ спудомъ.

В. Бурцева и Вержбицкаго за нѣкоторыя статьи «Народовольца».....

Но именно потому, что это можетъ имъ удаваться—необходимо быть постоянно на сторожѣ противъ ихъ махинацій, необходимъ постоянный притокъ заграницу вѣрныхъ свѣдѣній о Россіи, необходимо постоянное воздѣйствіе на иностранное общественное мнѣніе... Нужно, словомъ, чтобы Россія народная, Россія свободолюбивая, та Россія, въ которой проявляется ея національный геній—имѣла с в о и х ъ представителей и истолкователей заграницей, какъ Россія оффиціальная имѣетъ своихъ посланниковъ, финансовыхъ и иныхъ «агентовъ».

Въ людяхъ, достойныхъ занять такое положеніе и дѣйствительно его занимавшихъ и до сихъ поръ занимающихъ, никогда не было недостатка. Достаточно назвать А. И. Герцена, Степняка (С. М. Кравчинскаго) и П. А. Кропоткина. Авторитетъ такихъ представителей Россіи неоффиціальной часто перевѣшиваетъ авторитетъ царскихъ уполномоченныхъ. И не мудрено: царское, либо министерское назначеніе не можетъ дать личности ни талантовъ, ни моральной силы и только укзываетъ на наемничество; представительство Россіи народной пріобрѣтается доказанною на дѣлѣ готовностью отдать все за родину и идеалъ; оно дается личными качествами и не приноситъ, въ сущности, ничего, кромѣ тяжкаго, упорнаго труда, а иногда и существенныхъ непріятностей, даже опасностей. Вотъ секретъ авторитетнаго положенія въ иностранномъ общественномъ мнѣніи такихъ людей, какъ только что упомянутые наши товарищи.

Сказаннаго достаточно для оцѣнки той заграничной агитаціи, которой дѣятельность Кеннана открыла широкое поприще — того международнаго теченія, сочувственнаго русскому освободительному движенію, которое стало возможнымъ въ широкихъ размѣрахъ послѣ піонерной работы замѣчательнаго американца.

Это суммируетъ его главную заслугу и мѣсто въ русскомъ освободительномъ движеніи. То и другое запечатлѣется, однако, въ воображеніи читателя живѣе, если я приведу нѣсколько дальнѣйшихъ иллюстрацій изъ области фактовъ

VII.

«Право убѣжища» было всегда бѣльмомъ на глазу русскаго чиновничьяго самодержавія. Злобное и мстительное, оно скрипѣло зубами, когда ему укорачивали руки на чужой территоріи. Привыкшее къ безграничному своеволію, оно живо чувствовало свое безсиліе передъ поставленнымъ на его дорогѣ барьеромъ права убѣжища въ свободныхъ государствахъ. Нежеланіе этихъ государствъ выдавать лицъ, преслѣдуемыхъ нашимъ абсолютизмомъ, ставитъ послѣдній на пную ступень, отказываетъ въ признаніи его равенства съ цивилизованными странами, раздражая такимъ образомъ его самолюбіе. Наконецъ, право убѣжища даетъ русской «смутѣ» нѣкоторую точку опоры «за предѣлами досягаемости». Отсюда постоянныя упорныя попытки нашего правительства заключать экстрадиціонные трактаты съ другими государствами. Была сдѣлана такая попытка и въ Соединенныхъ Штатахъ.

26 марта 1887 года нью-іоркій World («Міръ») напечаталъ текстъ трактата о взаимной выдачѣ преступниковъ, заключеніе котораго было условлено между русскимъ посломъ въ Вашингтонѣ, барономъ Струве и сѣверо-американскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Баярдомъ (бывшимъ ранѣе посломъ въ Петербургѣ). Документъ этотъ поднялъ цѣлую бурю. Вся ежедневная пресса возстала противъ него, называя предположенный трактатъ позоромъ для американской націи.

Люди совершенно противоположнаго образа мыслей въ другихъ отношеніяхъ, какъ достопочтенный Макъ-Глинъ (священникъ, одинъ изъ популярнѣйшихъ проповѣдниковъ Америки) и полковникъ Ингерсолъ (открытый атеистъ, адвокатъ по профессіи, одинъ изъ величайшихъ ораторовъ Америки) одинаково напали на этотъ трактатъ. Другой видный адвокатъ и бывшій сенаторъ штата Индіана Фолкъ (Foulke), авторъ очень умной книги «Slav or Saxon?» (разсматривавшей вопросъ о томъ, принадлежитъ ли міровая гегемонія въ будущемъ славянскому или саксонскому племени, и рекомендовавшей дружественныя отношенія между обоими) написалъ замѣчательную записку, доказывавшую вредность трактата

и разослалъ экземпляры ея всѣмъ сенаторамъ и инымъ вліятельнымъ лицамъ. Возникла цѣлая обширная организація, «Русско-американская Лига», съ цѣлью помогать русскимъ политическимъ ссыльнымъ и распространять среди американцевъ правильныя свѣдѣнія о Россіи. Лига эта также издала двѣ брошюры противъ трактата. Въ Нью-Іоркѣ, Филадельфіи, Бостонѣ, Вашингтонѣ, Канзасъ-Сити, Сентъ-Полѣ, Денверѣ, Санъ-Франциско и другихъ городахъ состоялись массовые митинги, протестовавшіе противъ договора. Въ самомъ конгрессѣ было въ публичномъ засѣданіи прочитано замѣчательное письмо, обращенное къ этому учрежденію С. Степнякомъ (С. М. Кравчинскимъ), произведшее сильное впечатлѣніе.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ ударовъ трактатъ палъ. Сенатъ возвратилъ его министерству, какъ непріемлемый въ тогдашней его формѣ и все дѣло было забыто.

Не забыло его только наше правительство. Оно выжидало подходящаго времени. Цѣлыхъ шесть лѣтъ не смѣло оно заговорить объ этомъ предметѣ и когда наконецъ, въ 1893 году, наступилъ благопріятный моментъ въ видѣ затрудненія между Соединенными Штатами и Великобританіей изъ за ньюфаунлендскихъ рыбныхъ ловель, императорская дипломатія вновь подняла вопросъ о выдачѣ «политическихъ преступниковъ», какъ о цѣнѣ за поддержку петербургскимъ правительствомъ вашингтонскаго въ этомъ дѣлѣ; но оно не рѣшилось поднять его иначе, какъ втихомолку. Никто внѣ сенатскаго комитета, завѣдующаго иностранными дѣлами и не подозрѣвалъ о существованіи проекта. Кеннанъ лежалъ больной въ Вашингтонѣ, когда 9 февраля 1893 года проектъ трактата, одобренный комитетомъ, былъ внесенъ въ т. н. исполнительное, т. е. секретное засѣданіе Конгресса и принятъ двумя третями голосовъ.

Едва фактъ сталъ извѣстнымъ, какъ вновь поднялась цѣлая буря. Въ Конгрессѣ сенаторъ Тертн возсталъ противъ трактата. Законодательныя собранія трехъ штатовъ: Огайо, Нью-Іорка и Колорадо—потребовали его уничтоженія. По всей странѣ началась агитація. Но пока она шла, профессіональные политики изо всѣхъ силъ спѣшили съ ратификаціей и 21 апрѣля дѣло уже было сдѣлано.

Такимъ образомъ на этотъ разъ чиновничьему само-

державію удалось побѣдить; но это была лишь номинальная побѣда. На лицо оставался тотъ фактъ, что она не могла быть достигнута открытымъ путемъ и что въ теченіе послѣдующихъ десяти лѣтъ императорская дипломатія ни разу не посмѣла предъявить Соединеннымъ Штатамъ требованіе о выдачѣ спасшихся на американскую почву русскихъ «политическихъ преступниковъ», хотя договоръ давалъ ей полную къ этому возможность. Она отлично понимала, что имѣла бы въ этомъ случаѣ дѣло не съ профессіональными американскими политиками только, а со всей американской націей, отъ которой и самые политики чувствуютъ свою зависимость.

VIII.

Имѣла ли дѣятельность Кеннана какое нибудь немедленное прямое или косвенное вліяніе на русскую дѣйствительность?—Этотъ вопросъ особенно любятъ задавать иностранцы, привыкшіе итти не революціоннымъ, а эволюціоннымъ путемъ — путемъ правительственныхъ реформъ, совершаемыхъ по требованію націи, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія. Въ ихъ устахъ вышеприведенный вопросъ имѣетъ совершенно конкретный смыслъ, а именно: привели ли разоблаченія Кеннана къ какому нибудь улучшенію системы русской ссылки? Самъ Кеннанъ, отвѣчая на этотъ вопросъ своей публики, ставитъ уничтоженіе тѣлеснаго наказанія ссыльныхъ женщинъ въ прямую связь со своею дѣятельностью. Онъ иногда указываетъ также на чувствительность русскаго чиновничьяго люда къ общественному мнѣнію цивилизованныхъ странъ и выражаетъ убѣжденіе, что повсемѣстный крикъ ужаса и негодованія, вызванный его разоблаченьями, способствовалъ, такъ сказать, накопленію въ оффиціальныхъ сферахъ чувства, если не стыда, то неловкости по поводу существующаго и чувства нетерпѣнія относительно улучшеніе системы.

Все это возможно. Но мы, знающіе чего стоютъ наши оффиціальныя реформы, исходящія изъ того отрицанія всякихъ реформъ, которое именуется чиновничьимъ само-

державіемъ,—мы не можемъ придавать этой сторонѣ дѣла большого значенія, если даже и признать вліяніе разоблаченій Кеннана на оффиціальные сферы за фактъ. Гораздо большее значеніе въ нашихъ глазахъ имѣетъ то вліяніе, какое Кеннанъ имѣлъ съ одной стороны на русскаго обывателя, а съ другой—на самихъ политическихъ ссыльныхъ.

Благодаря надеждамъ (увы, не осуществившимся) русскаго оффиціальнаго міра имѣть въ немъ своего сильнаго апологета, казенныя канцеляріи и казенные люди пріоткрыли для него дверь къ своимъ казеннымъ тайнамъ. Онъ получилъ доступъ къ такимъ документамъ, какъ всеподданнѣйшіе отчеты Восточно-Сибирскаго генералъ-губернатора съ высочайшими на нихъ отмѣтками и къ такимъ фактамъ, которые отъ другихъ тщательно скрывались. Такимъ образомъ въ книгѣ Кеннана русскій читатель получилъ свѣдѣнія до тѣхъ поръ ему недоступныя, да и остальная часть свѣдѣній относительно теоріи и практики нашей ссылки вообще и о политическихъ преслѣдованіяхъ въ частности, если и были до тѣхъ поръ извѣстны, то лишь спеціальному меньшинству, такъ или иначе прикосновенному къ этому дѣлу. Въ книгѣ Кеннана дѣйствительность русской ссылки, тщательно обслѣдованная, провѣренная и правильно освѣщенная, дѣлалась достояніемъ такъ называемой большой публики, въ томъ числѣ и русскаго читателя, поскольку зарубежная пресса была ему доступна. Въ этомъ освѣщеніи точка зрѣнія автора, пріобрѣтала громадное значеніе и именно для послѣдняго. Рождаясь и умирая среди обстановки, о которой одно изъ дѣйствующихъ лицъ Островскаго справедливо говоритъ: «жестокіе, сударь, у насъ нравы», мы такъ привыкли къ фактамъ безправія, безчеловѣчія и дешевой оцѣнкѣ человѣческой жизни и чести, что факты этого рода мало останавливаютъ на себѣ наше вниманіе и недостаточно отчетливо оцѣниваются. Въ оцѣнкѣ Кеннана они впервые получили въ глазахъ обывателя свое надлежащее значеніе и дѣйствительные размѣры.

О вліяніи разсказовъ Кеннана на русскаго человѣка, можно судить по слѣдующей выпискѣ изъ письма одной русской дамы къ бывшему политическому ссыльному: «Вы говорите, что Вы намъ совсѣмъ чужой человѣкъ. Нѣтъ, не чужой. Восемнадцать лѣтъ тому назадъ

въ нашей сибирской глуши попалась мнѣ книжка Кеннана; тамъ я прочла о Васъ и прониклась глубочайшимъ уваженіемъ и симпатіей».

А вотъ и другой примѣръ той же категоріи, разсказанный мнѣ Стадлингомъ:

Въ то время, когда онъ распредѣлялъ между голодающими Самарской губерніи американскій хлѣбъ, до него дошли нелѣпые толки о происхожденіи хлѣба. Тогда онъ объявилъ, что будетъ въ опредѣленный день и часъ говорить объ этомъ предметѣ. Собралось довольно много народу (почти исключительно крестьяне). Стадлингъ, (который хорошо говоритъ по русски), началъ съ того, что-де въ народѣ ходятъ слухи о томъ, будто раздаваемый хлѣбъ пожертвованъ царемъ, другіе думаютъ, что онъ присланъ американскимъ правительствомъ и т. п. Но все-де это невѣрно. Хлѣбъ пожертвованъ американскими фермерами, иначе сказать—такими же крестьянами, какъ и тѣ, для которыхъ хлѣбъ присланъ. Только американскіе крестьяне много образованнѣе и зажиточнѣе русскихъ и порядки у нихъ иные. Тутъ Стадлингъ обрисовалъ государственное устройство Штатовъ, право гражданъ и общій строй ихъ жизни.

На слѣдующій день послѣ бесѣды къ Стадлингу явился молодой крестьянскій парень. Пришелъ онъ потому, что призналъ во вчерашнемъ лекторѣ «своего человѣка» и хотѣлъ «поговорить по душѣ». Онъ объяснилъ, что былъ съ отцомъ въ Сибири, «земли искали», но подходящей не нашли и возвратились домой. Но зато тамъ парень познакомился съ «политическими», которые дали ему книжку — «ха-а-рошую книжку», которую онъ хранитъ, какъ зѣницу ока. Затѣмъ парень полѣзъ за пазуху и вытащилъ свое сокровище, завернутое въ нѣсколько тряпицъ. По освобожденіи отъ всѣхъ оболочекъ книжка оказалась переводнымъ томикомъ Кеннана [1]). Парень почти не разставался съ нимъ, но Стадлингу готовъ былъ дать почитать.

Что касается самихъ революціонеровъ, то для нихъ дѣятельность Кеннана и вызванная ею международная симпатія явилась могущественнымъ ободреніемъ, значи-

[1]). Конечно, въ общихъ приведенныхъ случаяхъ дѣло шло о заграничномъ изданіи: иного въ то время не было.

тельно поддержавшемъ ихъ и въ ихъ тяжкой работѣ, и въ ихъ не менѣе тяжкой ссылкѣ, и даже на эшафотѣ. Извѣстно, что Зотовъ (одинъ изъ трехъ мучениковъ, повѣшенныхъ въ Якутскѣ за дѣянія вицегубернатора Осташкина и полицейскаго Олесова) въ одной изъ своихъ предсмертныхъ записокъ къ товарищамъ писалъ: «наша смерть не должна пропасть даромъ; сообщите Кеннану»... Самъ Кеннанъ, говоря въ 1895 году въ Лондонѣ рѣчь на годовомъ собраніи членовъ «Общества Друзей Свободы въ Россіи», слѣдующимъ образомъ оцѣнилъ эту сторону своей дѣятельности: «Нѣкая русская княжна [1]), путешествовавшая по Соединенымъ Штатамъ, заявила, что дѣятельность Кеннана, его агитація противъ русскаго правительства не болѣе, какъ капля, брошенная въ океанъ. Можетъ быть. Но если эта княжна воспитана въ православіи, какъ несомнѣнно она была воспитана, то она должна помнить исторію о гигантѣ и о маленькомъ, брошенномъ въ него камешкѣ изъ ружья [2]). Увѣнчается ли моя дѣятельность успѣхомъ или нѣтъ, я, во всякомъ случаѣ, имѣю утѣшеніе знать, что я облегчу сердца многихъ узниковъ и внесу сочувствіе и одобреніе во многія заброшенныя сибирскія поселенія. Я предпочитаю, и всегда предпочелъ бы знать, что политическій ссыльный подумалъ обо мнѣ, всходя на эшафотъ, — что при послѣднемъ вздохѣ онъ сказалъ: «напишите Кеннану; увѣдомьте его, — чѣмъ быть одѣтымъ въ императорскій пурпуръ».

Есть и еще одинъ историческій эпизодъ въ русской жизни, въ которомъ дѣятельность Кеннана имѣла несомнѣнное, прямое вліяніе: это та самая помощь голодающему русскому крестьянству американскимъ хлѣбомъ, о которой я уже не разъ упоминалъ.

Первыя свѣдѣнія о русскомъ голодѣ достигли Америки одновременно со свѣдѣніями о раціоналистическомъ религіозномъ движеніи среди русскаго крестьянства.

---

[1]) Если память не измѣняетъ мнѣ, это была княжна Енгалычева. Переѣзжая изъ города въ городъ, она прочла рядъ лекцій въ интересахъ царскаго правительства. Но видно американская публика проявила мало охоты слушать защиту незащищаемаго, ибо пришелъ день, когда бѣдной княжнѣ нечѣмъ было заплатить въ отелѣ и начатая съ большой помпой кампанія противъ Кеннана такимъ образомъ окончилась скандаломъ.

[2]). Намекъ на библейскую исторію о Голіаѳѣ и Давидѣ.

Послѣднія естественно заинтересовали американскихъ «евангеликовъ» (методистовъ, бантистовъ и др.), и они обратились къ Кеннану съ просьбой — прочесть имъ рефератъ о русскихъ штундистахъ и иныхъ христіанахъ, кладущихъ въ основаніе своей религіи одно евангеліе; они хотѣли знать также о положеніи русскаго крестьянства и причинахъ постигающихъ его голодовокъ. Кеннанъ отвѣтилъ, что не чувствуетъ себя достаточно компетентнымъ въ этомъ вопросѣ и указалъ на Е. Е. Лазарева (въ то время уже бѣжавшаго изъ сибирской ссылки и работавшаго на одной изъ американскихъ фабрикъ), какъ на человѣка, хорошо знакомаго съ русскимъ диссентерствомъ и крестьянствомъ. Лазаревъ былъ приглашенъ и лектировалъ во многихъ мѣстахъ. Результатомъ этихъ лекцій было образованіе комитета для помощи голодающимъ. Дѣло это, начавшееся такимъ образомъ, какъ дѣло сектантское, затѣмъ разрослось и приняло національные (обще-американскіе) размѣры. Помощь была очень значительна. Не довѣряя, однако, ни честности, ни умѣнью русскаго чиновничества, американцы откомандировали для распредѣленія собраннаго хлѣба — упомянутаго уже Іону Стадлинга [1]).

---

[1]) Кстати будетъ упомянуть здѣсь о другомъ случаѣ обращенія къ Кеннану за справками, — случаѣ совершенно иного характера и болѣе мелкомъ, но все же показывающемъ, какъ пріобрѣтенное Кеннаномъ положеніе вводило его, въ качествѣ дѣйствующаго фактора въ случаи, народившіеся первоначально внѣ сферы его вліянія.

Когда въ 1893 г. Вл. Г. Короленко отправился „безъ языка“ въ Соед. Штаты, участливое къ нему отношеніе американцевъ было и для него, я полагаю, далеко не безразлично. Въ этихъ видахъ московскій агентъ страхового общества „The Equitable“ написалъ своему патрону въ Нью-Іоркъ, что вотъ въ Америку ѣдетъ знаменитый русскій писатель. Но предсѣдатель общества никогда не слыхалъ о Короленко и потому обратился къ редактору „Century Magazine“ съ вопросомъ: вѣрна ли характеристика московскаго агента? Редакторъ въ свою очередь переслалъ письмо Кеннану и такимъ образомъ литературный рангъ Владиміра Галактіановича былъ установленъ и самъ Кеннанъ могъ вступить съ нимъ въ переписку.

Конечно, трудъ Кеннана былъ трудъ платный (онъ не могъ быть инымъ, поглощая все его время). И при всемъ томъ трудъ

IX.

«Обнимая въ послѣдній разъ передъ разставаньемъ читинскихъ политическихъ ссыльныхъ, Кеннанъ, со слезами на глазахъ, торжественно заявилъ имъ, что «пока онъ живъ», онъ не устанетъ работать для возстановленія истины въ томъ вопросѣ, въ которомъ онъ раньше стоялъ на ложномъ пути — великой исторической тяжбѣ между русскимъ народомъ и навязанной ему исторіей чиновничьей тиранією. И онъ сдержалъ свое слово. Онъ не ограничился своими статьями, своей книгой и болѣе, чѣмъ пятью стами лекцій. И позже онъ продолжалъ получать русскія газеты и слѣдилъ за отношеніемъ иностранной прессы къ русской дѣйствительности. Искавшіе справедливости русскіе люди попрежнему посылали ему свѣжіе рукописные матеріалы. Такъ онъ получилъ, напримѣръ, изъ разныхъ мѣстъ восемь различныхъ описаній первой якутской бойни. Завоеванное имъ по праву положеніе авторитета по русскимъ дѣламъ, всемірная извѣстность, пріобрѣтенная съ переводомъ его книги на другіе европейскіе языки, создали ему совершенно исключительное положеніе, которымъ онъ всегда пользовался въ смыслѣ

этотъ долженъ считаться истиннымъ подвигомъ. Каждый вечеръ, а иногда и по два раза въ день — въ теченіи 2 — 3 мѣсяцевъ Кеннанъ долженъ былъ выходить на эстраду, все равно — былъ ли онъ здоровъ или боленъ, расположенъ стоять два часа передъ публикой или нѣтъ — и читать объ одномъ и томъ же предметѣ. Мѣста лекцій были разбросаны по всей поверхности Соединенныхъ Штатовъ и Кеннанъ долженъ былъ поспѣвать изъ одного города въ другой, не досыпая и не доѣдая, проводя большую часть ночей въ вагонахъ, ловя соотвѣтственные поѣзда иногда въ 2 — 3 часа ночи. Видя Кеннана въ серединѣ одного изъ лекторныхъ сезоновъ, я замѣтилъ, что онъ передъ выходомъ на эстраду, разболталъ въ водѣ столовую ложку либиховскаго мясного экстрата и выпилъ. „Что вы дѣлаете!“ замѣтилъ я, „вѣдь это сильное возбудительное средство!“

— „Я знаю“ отвѣтилъ Георгій Ивановичъ, „но оно наименѣе вредное; безъ этого я не увѣренъ, что сдѣлаю свое дѣло, какъ слѣдуетъ“.

Это вѣчное напряженіе наконецъ дало себя знать: въ серединѣ тура по западнымъ штатамъ съ Кеннаномъ во время лекціи въ Санъ-Франциско сдѣлался обморокъ: онъ слегъ въ постель и не могъ окончить своей „кампаніи“ того года.

своего торжественнаго обѣщанія читинцамъ, не разъ впослѣдствіи повтореннаго публично передъ англійской и американской публикой.

Съ особымъ блескомъ выступилъ онъ въ 1889 и 90 г.г., когда сперва короткая, но полная ужаса лондонская депеша увѣдомила населеніе Соединенныхъ Штатовъ и Канады о первой якутской бойнѣ, а черезъ два мѣсяца пришло потрясающее извѣстіе о замученной подъ розгами Сигидѣ. Снова поднялся цѣлый ураганъ по всей С. Америкѣ.

По словамъ американскихъ газетъ между императорскимъ посольствомъ въ Вашингтонѣ и Петербургомъ замѣченъ былъ въ это время лихорадочный обмѣнъ шифрованными телеграммами. Затѣмъ начались попытки въ американской прессѣ противодѣйствовать поднимающейся волнѣ общественнаго негодованія. Но всѣ эти попытки были неловки, неумѣлы и заранѣе обречены на неудачу, по неимѣнію подъ ними фактической почвы. Оффиціозы высокомѣрно притворялись совершенно незнающими такого ничтожества, какъ Кеннанъ; они отрицали самое существованіе Сигиды; они напечатали въ «New-Iork Tribune» отъ 19 января 1890 года невѣроятную и сшитую бѣлыми нитками исторію о тайной типографіи въ Якутскѣ для объясненія происшедшаго побоища. Вотъ при этомъ то случаѣ Кеннанъ опубликовалъ при посредствѣ «Соединенной Прессы» («Associated Press») слѣдующую декларацію:

«Если русское правительство позволитъ и готово взглянуть прямо въ лицо результату (to meet the issue), то я возьмусь доказать на тюремномъ конгрессѣ всѣ тѣ обвиненія, какія я противъ этого правительства выставилъ. Для подтвержденія своихъ обвиненій я готовъ доставить свидѣтелей и уплатить всѣ соотвѣтственные по этому дѣлу расходы».

Конечно наши отцы-командиры не приняли вызова. Косвеннымъ же, но краснорѣчивымъ отвѣтомъ на него было правительственное требованіе, предъявленное тюремному конгрессу, какъ conditio sine qua non его съѣзда въ Петербургѣ, не касаться ни сибирской ссылки вообще, ни обращенія съ политическими арестованными и ссыльными въ частности.

Въ 1901 году Кеннанъ сдѣлалъ новую попытку про-

никнуть въ Россію. Люди, читавшіе его статьи въ «Century Magazine», знаютъ, что не всѣ онѣ вполнѣ вошли въ его книгу о Сибири и ссылкѣ. Авторъ исключилъ ихъ изъ этого труда, такъ какъ онѣ не относились къ основной темѣ его книги. У него оставалось еще много неиспользованнаго матеріала, касавшагося Европейской Россіи. Онъ надѣялся обработать послѣдній и, присоединивъ къ нему то напечатанное, что не вошло въ книгу «Сибирь и Ссылка», выпустить столь же основательный трудъ объ европейской части имперіи, центръ тяжести котораго должно было составлять земство. Необходимо было только освѣжить имѣвшіяся данныя новыми впечатлѣніями, дополнить современными фактами. Для этого-то и нужно было ему новое путешествіе.

Я видѣлъ его въ Англіи передъ отъѣздомъ и выразилъ ему твердую увѣренность въ томъ, что наши государственные заправилы, боясь пуще всего выноса сора изъ избы (а этого добра у нихъ хоть отбавляй), не пустятъ вторично козла въ огородъ.

— «Тѣмъ хуже для нихъ», — замѣтилъ Георгій Ивановичъ. «Этимъ они только еще разъ докажутъ, что боятся свѣта, — а кто боится свѣта, тому есть что прятать отъ него. Если я говорю неправду, пусть они докажутъ это, если же вмѣсто того они употребятъ противъ меня силу, то, значитъ, имъ нечего сказать. Весь міръ пойметъ это».

Обсудивъ вопросъ о томъ, какъ ему лучше ѣхать, мы рѣшили, что лучше всего — черезъ какую нибудь менѣе употребительную границу, такъ какъ на австрійской или нѣмецкой нашимъ жандармамъ могли дать инструкцію о прегражденіи ему пути. Онъ отправился черезъ Финляндію.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ благополучно пробылъ тамъ нѣсколько дней. Со времени перваго путешествія Кеннана прошло болѣе пятнадцати лѣтъ, весь верхній слой петербургскаго полицейскаго начальства съ тѣхъ поръ нѣсколько разъ перемѣнился и некому было обратить вниманіе на его имя. Кеннанъ уже собирался ѣхать на югъ и вѣроятно благополучно совершилъ бы все путешествіе, если бы не зашелъ въ американское посольство. Дѣло въ томъ, что, прощаясь съ мужемъ, миссисъ Кеннанъ крайне тревожилась о предстоявшей ему уча-

сти. Мало ли что могло случиться при столкновеніи съ грубыми, невѣжественными, привыкшими къ произволу властями. Поэтому она взяла съ него слово непремѣнно побывать въ американскомъ посольствѣ въ Петербургѣ, чтобы посольство знало о его пребываніи въ Россіи и могло такимъ образомъ во всякое время обратиться къ петербургскому правительству за справками объ участи своего гражданина. Исполняя свое обѣщаніе, Георгій Ивановичъ побывалъ въ посольствѣ и случайно встрѣтилъ тамъ корреспондента одной изъ американскихъ газетъ, верхъ честолюбія котораго заключался въ томъ, чтобы быть представленнымъ царю. Онъ не упустилъ случая доказать, что достоинъ этой чести. Въ парижскомъ изданіи газеты появилась замѣтка вполнѣ лакейскаго типа, очевидно переданная по телеграфу. Корреспондентъ извѣщалъ о пріѣздѣ Кеннана и выражалъ свое крайнее изумленіе «дерзости» этого человѣка, который, написавъ книгу, какую могъ написать только «злѣйшій врагъ Россіи», вновь появился на русской почвѣ къ крайнему негодованію каждаго «истинно русскаго человѣка» (every good Russian). 24 іюля это произведеніе было получено въ Петербургѣ, а на слѣдующій день полицейскій чиновникъ вручилъ Кеннану ничѣмъ не мотивированное «предписаніе» тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ Сипягина немедленно оставить страну. Кеннанъ попросилъ отсрочки на три дня, но получилъ отказъ. Тогда онъ попросилъ отсрочки до отхода слѣдующаго парохода, такъ какъ хотѣлъ ѣхать водой, но снова получилъ отказъ. Наконецъ онъ попросилъ отпустить его по крайней мѣрѣ черезъ Ригу, но и въ этомъ получилъ отказъ. У дверей его номера поставленъ былъ полицейскій офицеръ, чтобы не выпускать его даже въ столовую; обѣдъ ему принесли въ его комнату. Полицейскій былъ очень вѣжливъ и даже не мало смущенъ выпавшей на его долю ролью, онъ постоянно извинялся, давалъ понять, что самъ въ высшей степени возмущенъ грубостью всего инцидента, но ссылался на службу и свою подневольность, какъ на force majeure. Кеннану ничего не оставалось, какъ уложить чемоданъ и въ сопровожденіи того же полиціанта сѣсть въ варшавскій поѣздъ.

Въ Лондонѣ Кеннанъ пріостановился и написалъ Сипягину письмо. Я читалъ это письмо. Оно представляетъ

собою остроумнѣйшее произведеніе скрытаго юмора. Кеннанъ конечно отлично понималъ, что непростительная вина его заключалась ни въ чемъ иномъ, какъ въ его правдивости, но, сдѣлавъ серьезную физіономію, онъ въ безукоризненно вѣжливыхъ фразахъ выражалъ убѣжденіе, что высылка его есть плодъ недоразумѣнія. Онъ не могъ допустить, чтобы столь высокопоставленное лицо, облеченное довѣріемъ монарха, могло подвергать человѣка изгнанію, не выслушавъ даже его объясненій. Несомнѣнно, взведенное на него, Кеннана, обвиненіе было чрезвычайно тяжко, коль скоро оно могло вызвать подобный шагъ и онъ, Кеннанъ, желалъ бы снять съ себя таковое. Онъ просилъ поэтому дозволить ему вернуться въ Петербургъ подъ конвоемъ, если его высокопревосходительство находитъ это нужнымъ, исключительно на предметъ дачи своихъ показаній министру.

Конечно Кеннанъ не получилъ на свое письмо никакого отвѣта, такъ какъ царскимъ министрамъ не только законы вообще, но и законы вѣжливости въ частности, не писаны.

X.

Я прихожу къ концу моего небольшого труда о личности и работѣ Кеннана и мнѣ почти жаль оставлять его. Мнѣ пришлось освѣжить въ памяти старыя впечатлѣнія, пересмотрѣть письма, писанныя его характернымъ, прямымъ, красивымъ почеркомъ, пробѣжать вновь столько разъ повторяющееся въ нихъ сердечное обращеніе — «дорогой мой Феликсъ!» — перечитать просьбы, передать привѣтъ ихъ автора такимъ-то и такимъ-то товарищамъ, перемѣшанныя съ вѣстями общаго характера, касающимися русскаго движенія заграницей и отчетами о личныхъ усиліяхъ Георгія Ивановича на пользу этого движенія, и сухощавая, но сильная фигура этого честнаго, мужественнаго человѣка, столь сдержаннаго по внѣшности, но умѣющаго такъ сильно любить и вообще чувствовать — вновь стоитъ въ моемъ воображеніи, какъ живая... Отодвинувъ въ сторону послѣдній листокъ моей

рукописи, я тѣмъ самымъ открою доступъ въ душу инымъ впечатлѣніямъ и цѣльность ощущеній вновь мною пережитыхъ и переживаемыхъ, — ощущеній, которыя приходятъ не каждый день, потому что не каждый день встрѣчаются такіе люди — должна будетъ померкнуть... Но дѣлать нечего. Надо кончать. Мнѣ остается добавить штрихъ — другой для полноты личной характеристики Георгія Ивановича.

Въ двѣнадцатилѣтній промежутокъ между его знаменитымъ путешествіемъ по Сибири и попыткой проникнуть въ Россію при Сипягинѣ Кеннанъ побывалъ на Кубѣ, во время войны послѣдней за независимость въ качествѣ вице президента американскаго Общества Краснаго Креста. Возвратившись домой онъ затѣмъ снова отправился на островъ по порученію Нью-Іорскаго журнала «The Outlook», для обслѣдованія положенія освободившейся страны. Искрестивъ ее вдоль и поперекъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, Кеннанъ два раза схватывалъ «calentur'y», изнурительную малярійную лихорадку, которая уложила его въ постель такъ основательно, что онъ не могъ встать цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ, да и послѣ долго еще проявлялись «отрыжки» болѣзни.

Когда началась русско-японская война, Кеннанъ, конечно, не утерпѣлъ, чтобы не отправиться на театръ военныхъ дѣйствій. «Царское правительство», писалъ онъ мнѣ по этому поводу, «не позволило мнѣ еще разъ посѣтить Россію, такъ пришлось ѣхать въ Японію». Онъ отправился туда въ мартѣ 1904 года. Около двухъ мѣсяцевъ провелъ подъ осажденнымъ Портъ-Артуромъ, при чемъ не разъ едва избѣгалъ смерти въ японскихъ траншеяхъ отъ русской шрапнели и иныхъ снарядовъ.

Пиша мнѣ въ это время по поводу «бабушки», которая тогда только что начинала свою американскую агитаціонную компанію, онъ, между прочимъ, выражался такъ: «Поистинѣ удивительно, что здоровье Е. К. Брешковской не подломилось, несмотря на все лихородочное возбужденіе, на всѣ тягости и лишенія, какими полна ея жизнь. Хотѣлось бы повидать ее... Но вѣдь можетъ быть мы доживемъ до того, что всѣмъ намъ окажется возможнымъ свидѣться въ Россіи. Имперія находится, повидимому, наканунѣ огромныхъ перемѣнъ. Почти навѣрно можно сказать, что въ концѣ настоящей войны, въ которой, я

полагаю, Японія окажется побѣдительницей, Россію ждетъ тотъ или иной подъемъ».

Все это писано еще до сдачи Портъ-Артура.

Не знаю въ какой формѣ передаетъ Георгій Ивановичъ свои впечатлѣнія отъ русско-японской войны. Что же касается его поѣздокъ на островъ Кубу, то результатомъ ихъ явилась книга «Campaigning in Cuba». Поѣздки эти, однако, не дали ему того внутренняго удовлетворенія, какое Кеннанъ вынесъ изъ своего сближенія съ русскими революціонерами. Онъ не заключилъ ни съ кѣмъ изъ кубанскихъ бойцовъ за свободу той дружбы, которая связывала его съ русскими.

«Какая разница!» говорилъ онъ съ оттѣнкомъ грусти, вспоминая свои кубанскія знакомства... и съ улыбкой прибавилъ: «знаете трудно угодить въ этомъ отношеніи человѣку, который узналъ русскихъ и сблизился съ ними».

Я, конечно, далекъ отъ того, чтобы думать, что Кеннанъ не нашелъ въ этой борьбѣ настоящихъ героевъ. Но онъ, очевидно, искалъ того, чего не могъ найти среди иной національности, среди иныхъ обстоятельствъ — спеціально русскаго типа революціонера, о которомъ другой замѣчательный человѣкъ и работникъ на поприщѣ заграничной агитаціи въ пользу русскаго освободительнаго движенія англичанинъ Робертъ Спенсъ Уотсонъ (R. Spence Watson) выражается слѣдующимъ образомъ:

«На протяженіи всей исторіи нѣтъ ничего подобнаго русскому революціонному движенію,—въ одномъ отношеніи, по крайней мѣрѣ. Въ немъ абсолютно отсутствуетъ духъ эгоизма. Оно исключительно патріотично. Передъ нами молодые люди, мало того — молодыя женщины высокой культуры, привыкшіе къ утонченностямъ жизни, часто занимающіе высокое общественное положеніе; и вотъ они оставляютъ друзей, богатство, удобства, покой, умственныя наслажденія и общественныя удовольствія,— словомъ все, зачѣмъ гонятся люди безъ убѣжденій, и идутъ къ тѣмъ, которые сразу даже не поймутъ ихъ, — идутъ на всякія лишенія, на горькую бѣдность, на болѣзни, на самую грубую работу и—все это имѣя въ вѣчной перспективѣ тюремную камеру, хибарку ссыльнаго и даже эшафотъ! Они лишены надежды на какую бы то ни было за все это отплату, кромѣ тяжкаго креста на-

тріота и вѣнца мученика. Они идутъ на все это ради только того, чтобы когда нибудь, въ будущемъ народная масса проснулась, дерево свободы, обильно политое кровью и слезами, зазеленѣло и ихъ милая родина вздохнула полной грудью. По моему, все девятнадцатое столѣтіе не дало намъ ничего болѣе прекраснаго, болѣе возвышеннаго».

Это писано много лѣтъ назадъ. Пишн Уотсонъ въ настоящее время, онъ могъ бы ко всѣмъ вычисленнымъ имъ мукамъ, ждущимъ русскаго революціонера, и въ особенности революціонерку, прибавить казацкую нагайку, розги и даже... изнасилованіе... Но за то-же онъ могъ бы прибавить также, что эти мученики и мученицы испытали величайшее счастье, какое выпадаетъ на долю убѣжденнаго человѣка и любящаго сына родины: на ихъ глазахъ народная масса уже проснулась, дерево свободы уже зазеленѣло... если же ихъ милая страна еще стонетъ подъ грязнымъ каблукомъ насильника, то есть полное основаніе думать, что не нынче — завтра она покончитъ съ нимъ и вздохнетъ полной грудью!

Въ той трудной подготовительной работѣ, которая привела къ этому гигантскому результату, Георгій Кеннанъ имѣлъ свою полную долю.

«Любой человѣкъ любой національности», говоритъ тотъ же Спенсъ-Уотсонъ, «могъ бы справедливо гордиться положеніемъ, занятымъ Кеннаномъ. Путемъ исключительно личныхъ усилій, цѣною здоровья и рискуя собой, онъ раскрылъ старательно спрятанныя тайны худшей изъ тираній, на какія въ наше время свѣтитъ солнце, и любой поклонникъ свободы смотритъ на него, какъ на человѣка, который мужественно боролся за великое дѣло и добился благородной побѣды».

Мнѣ нечего прибавить къ этой характеристикѣ.

Лондонъ, 22 апрѣля 1906 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА

Прежде чѣмъ перейти къ предмету сочиненія, мнѣ кажется нелишнимъ сказать нѣсколько словъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ я совершилъ свое путешествіе, и о тѣхъ мнѣніяхъ о Россіи и русскихъ дѣлахъ, которыхъ я держался въ то время. Мысль заняться изслѣдованіемъ нѣкоторыхъ наименѣе извѣстныхъ частей Сибири и, въ связи съ этимъ, поближе ознакомиться съ системою русской ссылки, приняла у меня опредѣленную форму въ 1879 г. Изъ своего 2½-лѣтняго пребыванія въ странѣ и затѣмъ путешествія въ 5000 миль до Петербурга я вынёсъ такое впечатлѣніе, что Сибирь представляетъ собою крайне интересное и многообѣщающее поле для добросовѣстнаго и серьезнаго путешественника. Въ то время для меня, какъ и для американцевъ вообще, это была такая же «terra incognita», какъ какой нибудь Тибетъ или Центральная Африка. Убійство Александра II-го въ 1881 г. и послѣдовавшая затѣмъ высылка значительнаго числа революціонеровъ въ рудники Забайкалья еще болѣе усилили мое желаніе отправиться въ Сибирь для ознакомленія на мѣстѣ не только съ русской ссылкой, но и съ русскимъ революціоннымъ движеніемъ вообще. Тамъ единственно, думалъ я, можно заняться этимъ съ надеждой на успѣхъ. Искать революціонеровъ въ Петербургѣ или Москвѣ, искать тамъ объясненія политическихъ и общественныхъ явленій, которыя меня интересовали, — было, очевидно, безполезно. Большинство выдающихся дѣятелей драмы 1878-79 были уже въ Сибири; и

если сама императорская полиція не могла открыть тѣхъ немногихъ, которые оставались еще въ Россіи, тѣмъ менѣе могъ надѣяться на это я. Въ Сибири же конечно возможны непосредственныя сношенія съ изгнанными туда революціонерами, и только тамъ, поэтому, можно найти необходимыя свѣдѣнія. Но личныя обстоятельства и недостатокъ средствъ для такого далекаго и продолжительнаго путешествія не позволяли мнѣ сдѣлать никакого практическаго шага къ осуществленію своихъ плановъ до лѣта 1884 г., когда издатель «The Century» предложилъ мнѣ отправиться въ Сибирь на средства этого журнала. Я съ радостью ухватился за это предложеніе и съѣздилъ предварительно въ Петербургъ, чтобы ощупать тамъ почву. Результаты этой поѣздки были вполнѣ благопріятны, и въ октябрѣ я возвратился въ Америку вполнѣ увѣренный, что мои планы были вполнѣ исполнимы, что въ Сибири не было ничего такого, что надо бы было скрывать отъ нескромнаго глаза, и что моя литературная репутація, — насколько она вообще имѣлась на лицо — предрасполагала правительство въ мою пользу, — что, однимъ словомъ, меня ждали не непріятствія, а содѣйствіе и помощь. Мои взгляды на взаимное положеніе русскаго правительства и революціонеровъ ни для кого не были тайной. Я откровенно высказалъ ихъ въ своемъ адресѣ Нью-Іоркскому Географическому обществу и въ вызванной этимъ адрессомъ газетной полемикѣ. Я думалъ тогда, что русское правительство и его система ссылки были ложно изображаемы такими писателями, какъ Степнякъ и князь Кропоткинъ, что Сибирь была далеко не такой страшной, какъ представляли ее себѣ американцы, и что описаніе сибирскихъ рудниковъ и тюремъ въ только что появившемся трудѣ Henry Lansdell'a вполнѣ отвѣчало дѣйствительности. Я думалъ, что революціонеры, террористы и вообще недовольные, которые такъ долго держали Россію въ состояніи смятенья были, безумными фанатиками того анархистскаго типа, съ которымъ въ послѣднее время познакомились и Соединенные Штаты. Однимъ словомъ мои симпатіи были въ пользу русскаго правительства. Я обращаю вниманіе на это не потому, чтобы мои мнѣнія того времени имѣли какое нибудь значеніе сами по себѣ. Нѣтъ, но мнѣ кажется, что для оцѣнки результатовъ изслѣдованія необхо-

димо принять во вниманіе и тотъ багажъ, съ которымъ изслѣдователь приступаетъ къ своему дѣлу, — его предвзятыя мнѣнія и симпатіи. Къ тому же это объясняетъ и покровительственное положеніе, которое русское правительство заняло по отношенію ко мнѣ: разрѣшеніе посѣщать тюрьмы и рудники и возможность входить въ такія знакомства и отношенія, которыя казались подозрительными въ глазахъ мѣстныхъ властей и при другихъ обстоятельствахъ могли бы повести къ обыскамъ и арестамъ. Я сильно сомнѣваюсь, чтобы путешественнику, мнѣнія котораго не совпадаютъ съ интересами правительства, былъ открытъ свободный путь въ Сибирь для ознакомленія съ ссылкой. Сомнѣваюсь, чтобы и съ такимъ разрѣшеніемъ онъ могъ избавиться отъ многихъ непріятностей, разъ его заподозрили въ дружбѣ и интимномъ знакомствѣ съ политическими преступниками самаго опаснаго сорта. Въ моихъ многочисленныхъ столкновеніяхъ съ полиціей и должностными лицами въ далекихъ сибирскихъ деревняхъ только письмо отъ министра внутреннихъ дѣлъ спасало меня отъ арестовъ и обысковъ, которые повели бы, конечно, къ изгнанію моей особы изъ страны и къ гибели всего собраннаго мною матеріала. Этого письма, безъ сомнѣнія, я не получилъ бы, еслибъ не былъ извѣстенъ раньше, какъ защитникъ русскаго правительства, и если бы не увѣренность министра, что найди я даже ссылку много худшею, чѣмъ ожидалъ, я изъ самолюбія не рѣшусь признаться въ своихъ прежнихъ ошибкахъ. Въ какой мѣрѣ основательна была эта увѣренность, и на сколько мои тогдашніе взгляды отвѣчали дѣйствительности, — читатель увидитъ самъ.

Прежде, чѣмъ окончить это предисловіе, я считаю долгомъ выразить искреннюю и глубокую благодарность многочисленнымъ друзьямъ и знакомымъ, которые горячо ободряли меня въ моемъ трудѣ, помогали ему и доставили мнѣ наиболѣе цѣнные матеріалы. Нѣкоторые изъ нихъ — политическіе изгнанники, которые не боялись испортить свою и безъ того достаточно испорченную и несчастную судьбу, передавали мнѣ правдивую исторію своей жизни; иные — чиновники ссыльной администраціи, которые довѣряя моей скромности, откровенно передавали мнѣ результаты своего опыта; иные — честные и гуманные тюремные смотрители, которые послѣ неодно-

кратныхъ и безплодныхъ донесеній по начальству о темныхъ сторонахъ тюремной организаціи, въ концѣ концовъ обращались ко мнѣ, какъ къ послѣднему средству указать на нихъ обществу и правительству. Я не называю этихъ людей. Хотя ихъ поведеніе заслуживаетъ только похвалы и поощренія, но, къ несчастью, они живутъ въ странѣ, гдѣ всякое свободно выраженное мнѣніе — «неблагонадежность», гдѣ всякое самостоятельное стремленіе къ улучшенію положенія вещей — преступленіе. Назвать ихъ — значитъ вызвать противъ нихъ гоненія и надзоръ, лишить ихъ и той ничтожной возможности дѣлать добро, какою они еще пользуются. Все, что я могу сдѣлать для выраженія своей благодарности, — это воспользоваться ихъ разоблаченіями въ интересахъ гуманности и свободы. Къ Россіи и русскому народу я чувствую самую горячую симпатію, и если безпристрастнымъ отчетомъ о своемъ путешествіи я съумѣю познакомить съ ними міръ, съумѣю хоть немного облегчить судьбу тѣхъ, для которыхъ «Богъ высоко, а царь далеко» — я буду вполнѣ вознагражденъ за свои труды и лишенія.

Сибирь и ссылка.

Часть первая.

Сибирь и ссылка.

Черезъ русскую границу.

Я съ своимъ спутникомъ, Жоржемъ Фростомъ, отплыли изъ Нью-Іорка 2 мая 1885 года. Оба мы говорили по-русски, оба были уже раньше въ Сибири, оба принимали участіе въ экспедиціи, снаряженной „Русско-Американской телеграфной компаніей“. Тамъ мы сблизились, тамъ познакомились съ трудностями и лишеніями путешествія по Сибири. Средствами мы были обезпечены и надѣялись на успѣхъ, хотя и знали, что передъ нами серьезное и нелегкое дѣло. 20-го Мая мы были въ Петербургѣ. Чтобы вполнѣ воспользоваться драгоцѣннымъ для насъ лѣтнимъ временемъ, я хотѣлъ, по возможности, меньше задерживаться по дорогѣ, но, къ несчастью, нашъ пріѣздъ совпалъ съ цѣлымъ рядомъ праздниковъ, и изъ 10-ти дней, которые мы пробыли въ Петербургѣ, я только 4 могъ употребить съ пользой. Какъ только я добился свиданія съ господиномъ Влангали, товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ, я поспѣшилъ представить ему свои рекомендаціи и откровенно высказаться о цѣли своего путешествія. Я сказалъ ему, что, по моему убѣжденію, Сибирь и ссылка подвергались несправедливымъ нареканіямъ со стороны предубѣжденныхъ писателей, что справедливое описаніе страны, тюремъ и рудниковъ скорѣе выгодно, чѣмъ вредно для русскаго правительства, и что, наконецъ, я слишкомъ открыто выступилъ въ литературѣ его защитникомъ, чтобы меня можно было заподозрить въ желаніи прійти въ своемъ изслѣдованіи къ результатамъ, противнымъ своимъ собственнымъ прежнимъ утвержденіямъ. Рѣчь моя, въ которой не было ни малѣйшей фальши, произвела, казалось, благопріятное впечатлѣніе, и послѣ 20-ти минутной бесѣды министръ сказалъ, что мнѣ, конечно, будетъ разрѣшено отправиться въ Сибирь и что онъ, со своей стороны, сдѣлаетъ все, что

можетъ: дастъ намъ отъ себя и отъ министра внутреннихъ дѣлъ рекомендательныя письма къ сибирскимъ губернаторамъ. На вопросъ, дадутъ ли мнѣ эти письма право на свободный входъ въ тюрьмы, Влангали уклончиво отвѣчалъ, что это зависитъ отъ мѣстныхъ властей, но что, конечно, онѣ не будутъ имѣть ничего противъ. Я видѣлъ, что мнѣ не хотятъ дать carte-blanche и оставляютъ за собой на всякій случай извѣстную свободу дѣйствій. Это было непріятно, но что же дѣлать. Я не настаивалъ, и мы разстались. На второмъ свиданіи Влангали передалъ мнѣ обѣщанныя письма и настоятельно совѣтовалъ задержаться немного въ Москвѣ и познакомиться съ извѣстнымъ издателемъ „Московскихъ Вѣдомостей“ Катковымъ. Посредникомъ въ этомъ знакомствѣ долженъ былъ служить баронъ Бюллеръ, для котораго я получилъ тутъ же запечатанный конвертъ. Имя Каткова не было мнѣ извѣстно; я имѣлъ нѣкоторое понятіе объ этомъ сильномъ борцѣ русскаго самодержавія и не безъ удовольствія бы съ нимъ познакомился. Но въ устахъ Влангали эти настойчивые совѣты были, очевидно, плодомъ невысказанной боязни, какъ бы мои будущія сношенія съ политическими преступниками не произвели на меня тлетворнаго вліянія; противъ этого-то вліянія онъ и хотѣлъ предохранить меня при помощи авторитетной и сильной особы Каткова. Я не безъ внутренней улыбки выслушивалъ его настоянія: мои взгляды были слишкомъ опредѣленны, чтобы нуждаться въ какихъ-нибудь предохранительныхъ мѣрахъ противъ заразы.

31-го мая, купивъ фотографическій аппаратъ, запасшись книгами, картами и вообще всѣмъ необходимымъ, съ чуть ли не 50-ю письмами къ сибирскимъ учителямъ, инженерамъ и чиновникамъ, мы, наконецъ, выѣхали изъ Петербурга. Въ Москвѣ я первымъ дѣломъ отправился къ барону Бюллеру, который долженъ былъ представить меня Каткову. Но, къ сожалѣнію, въ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“ насъ ждало разочарованіе: оказалось, что Каткова нѣтъ въ городѣ, и онъ долженъ былъ вернуться только черезъ 2—3 недѣли. Ждать его мы не могли, конечно, и тотчасъ же отправились по желѣзной дорогѣ дальше, въ Нижній Новгородъ, куда и прибыли 4-го іюня рано утромъ.

Нижній, для человѣка, посѣщающаго его въ первый разъ, представляетъ собою нѣчто крайне поразительное. Чуть ли не цѣлую милю отъ пристани вы проходите по чистымъ, хорошо вымощеннымъ улицамъ, съ громадными зданіями по сторонамъ, по широкимъ бульварамъ, осѣненнымъ роскошными березами и тополями, мимо канала съ перекинутыми черезъ него изящными мостами, мимо церквей, биржи, отелей, театровъ; — все указываетъ на большой

культурный и промышленный центръ, — но живыхъ существъ, движенія, указывающаго на жизнь, — не видно и слѣда. Трава растетъ на пустыхъ улицахъ и по щелямъ тротуаровъ, птицы беззаботно щебечутъ на бульварныхъ деревьяхъ, колокола молча и сиротливо висятъ на своихъ колокольняхъ, лавки и склады всѣ заперты и заложены желѣзными болтами, и удивленный путникъ можетъ долго проходить по этому заколдованному царству, не увидавъ ни одной открытой двери, ни одного проѣхавшаго экипажа, ни одного живого существа. Если вы вспомните, чѣмъ знаменитъ Нижній Новгородъ, вы поймете, что находитесь на ярмарочной сторонѣ. Въ ярмарочное время вы нашли бы совершенно иную картину. На рѣкѣ возвышается цѣлый лѣсъ мачтъ, и пыльный горячій воздухъ ежеминутно разрѣзается пронзительными свистками пароходовъ: товары, на 125,000,000 руб., разложены повсюду. Все полно народомъ. 60,000 тысячъ человѣкъ ежедневно толпятся на понтонномъ мосту, соединяющемъ ярмарку съ старымъ городомъ; военный оркестръ играетъ на большомъ бульварѣ противъ губернаторскаго дворца, и на всѣхъ улицахъ возрожденнаго къ жизни города волнуется громадное человѣческое море.

Кажется даже невѣроятнымъ, чтобы такой большой городъ со всѣми внѣшними признаками комфорта, цивилизаціи и дѣятельности велъ такую странную эфемерную жизнь, похожую на перемежающуюся лихорадку съ ежегодными пароксизмами напряженной дѣятельности, отдѣленными одинъ отъ другого длинными періодами оцѣпенѣнія и смерти. Въ первый разъ я увидѣлъ этотъ странный городъ при очень фантастической обстановкѣ. Это было свѣтлымъ морознымъ январскимъ вечеромъ. Холодный мѣсяцъ лилъ свой волшебный свѣтъ на пустыя улицы, серебря тысячи крышъ и церковные куполы; глубокій нетронутый снѣгъ толстымъ слоемъ лежалъ на тротуарахъ, образуя цѣлыя горы у подвѣтреннихъ стѣнъ домовъ, и нигдѣ ни живой души, ни огня, ни собачьяго лая. Какъ-то жутко было смотрѣть на этотъ большой городъ, не то что необитаемый, а какъ бы вымершій или пораженный небеснымъ проклятіемъ.

Не разъ выражались опасенія, что, съ протяженіемъ русской желѣзнодорожной сѣти и облегченіемъ развозки товаровъ по всей странѣ, Нижній Новгородъ потеряетъ свое значеніе, какъ ярмарочный центръ. Но результаты не оправдали такихъ опасеній. Съ 1868—1881 г. цѣнность товаровъ, свозимыхъ сюда ежегодно, поднялась съ 125,000,000 руб. до 245,000,000 руб., а число лавокъ съ 5,728 до 6,298.

Американцы привыкли думать о Юго-Восточной Россіи, какъ о странѣ полупастушеской, полуземледѣльческой, производящей доста-

точно для своего полудикаго, немногочисленнаго населенія, но не могущей выдержать сравненія съ самымъ отсталымъ штатомъ по своей коммерческой и промышленной жизни. Они не мало удивились бы, увидѣвъ во время ярмарки, какъ велики ея матеріальные рессурсы, и какая бойкая, могучая дѣятельность проявляется на ея главныхъ пунктахъ сообщенія. Вдоль пристани, по Волгѣ, тянутся на 6—8 миль пароходы и баржи. Имѣется „рѣчной судъ“ съ своею спеціальной юрисдикціей, а „пристань“ находится подъ вѣдѣніемъ особаго чиновника, назначаемаго прямо министерствомъ, съ цѣлымъ штатомъ подчиненныхъ. На Волгѣ и ея притокахъ пароходовъ больше, чѣмъ на Миссиссипи (на Миссиссипи 681, на Волгѣ 700). Только на одной Камѣ сплавляется на 15,000,000 ф. ст. товаровъ ежегодно, а по всей волжской системѣ 5,000,000 тонъ товаровъ ежегодно даютъ занятіе 7000 судовъ и 200,000 матросовъ. Вотъ нѣсколько цыфровыхъ данныхъ, не лишенныхъ интереса и, вѣроятно, неожиданныхъ для американцевъ.

Утромъ 6-го іюня мы сѣли на пароходъ бр. Каменскихъ и поплыли внизъ по Волгѣ. Говорятъ, Египетъ есть созданіе Нила. Съ такимъ же правомъ можно сказать это о значеніи Волги для Восточной Россіи. Эта рѣка, тянущаяся на 2,800 миль и достигающая ниже Царицына 30 миль ширины, играла и играетъ вполнѣ соотвѣтствующую своей величинѣ созидающую роль въ исторіи и жизни страны. Съ нею связано благоденствіе и процвѣтаніе 10,000,000; она омываетъ 9 губерній, и на ея берегахъ стоятъ 39 городовъ и болѣе 1.000 деревень и мѣстечекъ. Съ эстетической точки зрѣнія она тоже можетъ удовлетворить самаго взыскательнаго цѣнителя. Лѣвый ея берегъ, правда, низменъ и мало интересенъ, но какъ прекрасенъ зато правый, нагорный, покрытый лѣсами, изъ-за которыхъ отъ времени до времени поднимаются къ небу разноцвѣтные куполы монастырей, возлѣ которыхъ ютятся маленькіе хутора и деревушки! Иногда горы надвигаются совсѣмъ близко, какъ бы грозя рухнуть своими выдающимися надъ рѣкою вершинами, иногда онѣ отступаютъ далеко, далеко, и рѣка, пользуясь просторомъ, разливается широкимъ озеромъ до горизонта.

Нѣсколько ниже Казани мы повернули въ грязную и быструю Каму. Картина перемѣнилась. Ландшафтъ гораздо болѣе первобытенъ и дикъ, лѣса на берегахъ мрачнѣе и гуще, деревень и населенныхъ мѣстъ меньше. Чувствовалась близость Сибири. Но погода во время нашего плаванія была такъ хороша, воздухъ такъ мягокъ и тепелъ, и свѣжъ, что сидѣть цѣлыми часами на верхней палубѣ и безъ конца смотрѣть на дикіе пустынные берега, — было истиннымъ наслажденіемъ.

Но вотъ и Пермь, городъ съ 32,000 жителей, расположенный на лѣвомъ берегу Камы, въ 125 миляхъ отъ сибирской границы. Это обыкновенный русскій губернскій городъ, и хотя онъ высматриваетъ чище и благодушнѣе Нижняго, но далеко уступаетъ ему въ архитектурѣ и живописности положенія.

Здѣсь мы имѣли первое столкновеніе съ русской полиціей, и хотя этотъ эпизодъ самъ по себѣ не важенъ, я считаю не лишнимъ разсказать о немъ читателю. Онъ отлично иллюстрируетъ ту подозрительность, съ которою смотрятъ на иностранцевъ на этой большой дорогѣ ссылки, и ту безграничную власть на аресты и обыски, которою пользуется русская полиція.

Подъ вечеръ, въ день нашего прибытія я съ Фростомъ отправились къ высокому холму, на восточной окраинѣ города, чтобы набросать нѣсколько рисунковъ. На нашемъ пути, оказалось, была расположена городская тюрьма, и, такъ какъ это была первая тюрьма, которую мы увидали, къ тому же лежащая на сибирскомъ трактѣ, мы естественно смотрѣли на нее съ любопытствомъ и вниманіемъ. Пройдя немного дальше мы увидали, что холмъ еще далеко, а часъ уже поздній. Поэтому, отложивъ рисованіе на завтра, мы вернулись домой, опять пройдя мимо тюрьмы. На слѣдующій день рано утромъ мы вышли изъ дому и, не зная никакой другой дороги, лучшей или удобнѣйшей, снова прошли по улицѣ, шедшей мимо этой злополучной тюрьмы. Сдѣлавъ нѣсколько рисунковъ, часа черезъ два, мы тронулись обратно и на широкомъ открытомъ мѣстѣ позади тюрьмы встрѣтили двое дрожекъ, на которыхъ сидѣли 4 какихъ-то офицера, вооруженныхъ съ ногъ до головы. Первыя дрожки проѣхали мимо, причемъ господа, сидѣвшіе въ нихъ, очень внимательно насъ осматривали. Вторыя дрожки остановились, не доѣзжая до насъ. Двое военныхъ, сойдя съ нихъ, начали какъ-то маневрировать: они сначала разошлись другъ отъ друга шаговъ на 60, потомъ начали сходиться по направленію къ намъ. Обернувшись назадъ, я увидѣлъ, что первыя дрожки тоже стоятъ, а ихъ сѣдоки такимъ же точно образомъ направляются къ намъ. Я не зналъ еще формы русскихъ жандармовъ и полицейскихъ и поэтому сначала не обратилъ было на встрѣтившихся военныхъ никакого вниманія, но тутъ у меня блеснула мысль, что это должно быть полицейскіе и что мы, какимъ то непонятнымъ для насъ образомъ, внушили имъ подозрѣніе. И дѣйствительно, когда всѣ эти господа сошлись съ нами, одинъ изъ нихъ, приличный на видъ молодой офицеръ, лѣтъ 30-ти, поклонившись намъ официальнымъ поклономъ, сказалъ:

— Позвольте спросить, кто вы такіе?

— Сколько угодно,—отвѣчалъ я, мы американскіе путешественники.

— Когда вы прибыли въ Пермь?

— Вчера.

— Откуда вы прибыли?

— Изъ Нижняго-Новгорода.

— Куда вы ѣдете?

— Въ Сибирь.

— А! въ Сибирь! Позвольте узнать, зачѣмъ Вы туда ѣдете. У Васъ есть, вѣроятно, какая нибудь опредѣленная цѣль? Какова она?

Я объяснилъ ему, что американскіе путешественники вообще любятъ путешествовать и что цѣль ихъ — знакомство съ новыми странами и народами, и вообще „познаніе всякаго рода мѣстъ". Но офицеръ, казалось, ни чуть не былъ удовлетворенъ такимъ общимъ отвѣтомъ и началъ закидывать меня различными вопросами, съ очевидною цѣлью вырвать какъ нибудь признаніе, „зачѣмъ отправляемся мы въ такую далекую страну, какъ Сибирь!" Наконецъ онъ сказалъ:

— Вчера вы изволили проходить мимо тюрьмы?

— Да,—отвѣчалъ я.

— Зачѣмъ Вы это сдѣлали?

Я объяснилъ.

— Вы очень внимательно присматривались къ ней.

— Да.

— Почему?

Я снова объяснилъ.

— Но вѣдь Вы не дошли до холма? Пройдя немного, Вы вернулись? И проходя туда и назадъ, Вы все свое вниманіе обращали на тюрьму. Сегодня утромъ опять то же. Почему вы съ такимъ вниманіемъ смотрѣли на нее?

Когда я понялъ, какимъ образомъ мы попали подъ подозрѣніе, я не могъ не улыбнуться въ лицо офицеру. Но моя улыбка не вызвала ни малѣйшаго отзвука. Всѣ 4 офицера оставались серьезны и строги. Они, очевидно, видѣли въ нашемъ любопытствѣ по отношенію къ тюрьмѣ очень важное преступленіе. Я снова началъ свои объясненія. Наконецъ, жандармскій офицеръ, которому мои объясненія казались совершенно неудовлетворительными (онъ ихъ называлъ, вѣроятно, „увертками"), сказалъ мнѣ болѣе рѣшительно:

— Позвольте мнѣ ваши паспорта.

На отвѣтъ — „наши паспорта въ гостиницѣ" — онъ объявилъ намъ, что впредь до удостовѣренія нашихъ личностей онъ

насъ арестуетъ. Насъ раздѣлили; Фроста посадили въ однѣ дрожки, подъ надзоръ жандармскаго офицера, меня въ другія къ сѣдому полицейскому офицеру, вѣроятно, полицеймейстеру, и мы поѣхали къ гостиницѣ. Ясно было, что насъ приняли за политическихъ злоумышленниковъ, прибывшихъ въ Пермь съ цѣлью освободить когонибудь изъ заключенныхъ въ тамошней тюрьмѣ, и когда я вѣжливо пригласилъ нашихъ стражей въ квартиру, предложилъ имъ сигаръ и чаю, пока они будутъ просматривать наши бумаги, подозрительный жандармскій офицеръ смотрѣлъ на меня такъ, какъ будто я былъ представителемъ какой то неизвѣстной породы дикихъ звѣрей, не занесенной въ книги и таящей въ себѣ невѣдомую способность ко злу и преступленію. Наши паспорта оказались почему то недостаточными. Тогда я прибѣгнулъ къ радикальному средству и вынулъ письмо министра внутреннихъ дѣлъ. Письмо сразу прекратило эту комедію недоразумѣній. Щеки жандармскаго офицера вспыхнули легкимъ румянцемъ, когда онъ читалъ его. Послѣ короткаго совѣщанія съ своимъ сотрудникомъ, онъ подошелъ ко мнѣ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ и сказалъ, что онъ надѣется, что мы сумѣемъ простить имъ это „несчастное недоразумѣніе“; что насъ приняли за двухъ важныхъ германскихъ (?) преступниковъ, которыхъ они разыскиваютъ, и что, задержавъ насъ, они только исполнили свою обязанность. Онъ надѣется, что по отношенію къ намъ не были преступлены правила вѣжливости и приличія, и мы оказали бы имъ большое одолженіе, если бы соизволили пожать имъ руки въ знакъ того, что эта „прискорбная ошибка“ не оставитъ въ насъ злого и недоброжелательнаго чувства. Мы торжественно пожали другъ другу руки, и наши гости удалились.

Это маленькое приключеніе, ярко рисующее русскіе полицейскіе порядки, показалось мнѣ дурнымъ предзнаменованіемъ. Если насъ могли арестовать еще за 125 миль до Сибири, и за то только, что мы съ любопытствомъ смотрѣли снаружи на тюрьму, что-же ожидаетъ насъ впереди, когда мы въ серьезъ примемся за свою работу.

12-го іюня, размышляя такимъ образомъ о своемъ будущемъ, мы оставили негостепріимную Пермь и по желѣзной дорогѣ отправились въ Екатеринбургъ.

Отъ Екатеринбурга до Семипалатинска.

Въ Екатеринбургѣ мы должны были на долго оставить пути сообщенія цивилизованныхъ странъ и начать свое безконечное, въ 8,000 миль, путешествіе на лошадяхъ, пользуясь прекрасно организованнымъ здѣсь почтовымъ сообщеніемъ. Путешественникъ, запасшись подорожной, можетъ изъѣздить всю Сибирь, до ея самыхъ крайнихъ предѣловъ, съ быстротой 8 миль въ часъ, мѣняя лошадей на станціяхъ, расположенныхъ въ 15—20 миляхъ одна отъ другой. Самая неудобная, кажется, сторона почтовой ѣзды, — это тарантасъ: грубой, топорной работы 4-хъ колесная телѣга, страшно тряская, безъ сидѣнія, съ кожанымъ верхомъ отъ дождя. 16-го Іюля, запасшись подорожной, мы выбрали на станціи экипажъ, набили его своимъ багажемъ съ подушками на верху и кое-какъ усѣлись; сѣдобородый ямщикъ подобралъ возжи, свиснулъ, крикнулъ: „ну родные“, и мы съ мѣрнымъ звяканьемъ двухъ подвѣшанныхъ подъ дугой колокольчиковъ, тронулись по улицамъ Екатеринбурга. Мы были наконецъ, на знаменитомъ „большомъ сибирскомъ тракту“, который тянется на 3000 миль до верховьевъ Амура. Первое время путешествіе было и пріятно, и поучительно. Если бы мы еще и полагали, что Сибирь сплошь дикая непроизводительная полярная страна, то мы скоро должны бы были отказаться отъ такихъ взглядовъ, чуть не на каждомъ шагу встрѣчая громадные обозы, тянувшіеся къ Россіи. Эти обозы — характернѣйшая черта сибирскаго тракта. Они составлены изъ неуклюжихъ возовъ, въ одну лошадь, нагруженныхъ сибирскими продуктами, покрытыхъ цыновками и соединенныхъ веревкою одинъ съ другимъ. Иной обозъ составленъ изъ 50—100 возовъ и тянется чуть не на полъ-мили. Менѣе, чѣмъ въ два часа я насчиталъ 538 встрѣчныхъ возовъ и во весь первый день путешествія ихъ намъ повстрѣчалось 1445. Этого достаточно, кажется, чтобы убѣдиться въ томъ, что Сибирь — не пустыня. Къ вечеру обозы начали располагаться на ночлегъ тутъ же возлѣ дороги,

подъ открытымъ небомъ, и мы черезъ каждыя 1-2 мили проѣзжали мимо ихъ живописныхъ бивуаковъ, разбитыхъ гдѣ-нибудь подъ лѣсомъ, съ десяткомъ-двумя обозныхъ, сидящихъ вокругъ яркаго и веселаго костра, среди своихъ телѣгъ съ поднятыми оглоблями и спутанныхъ лошадей, щиплющихъ тутъ же траву. Суровый, вѣчно зеленый лѣсъ, освѣщенный снизу пылающимъ костромъ и тонущій верхушками въ таинственномъ полумракѣ сѣверныхъ сумерекъ; красныя и черныя рембрандтовскія линіи возовъ и группа людей въ длинныхъ кафтанахъ и красныхъ или синихъ рубахахъ, пьющихъ свой чай вокругъ веселаго огня, — представляли живописную и оригинальную, непривычную для насъ, чисторусскую картину.

Мы ѣхали днемъ и ночью, останавливаясь только на станціяхъ для перепряжки, и дѣлая по 8—10 миль въ часъ. По дорогѣ часто попадались деревни, и большія и маленькія, но всѣ удивительно однообразнаго, шаблоннаго вида. Онѣ всегда тянулись въ одну улицу, какъ бы длинны онѣ ни были (одна изъ нихъ тянулась на 5 миль вдоль дороги), съ удивительно похожими другъ на друга домами, различающимися только величиной, съ обязательнымъ огороженнымъ вокругъ деревни мѣстомъ, называемымъ поскотиной, съ выѣздными и въѣздными воротами и хижиной поскотника около нихъ. Поскотникъ — обыкновенно больной и увѣчный старикъ, въ большинствѣ случаевъ ссыльный; онъ долженъ слѣдить за тѣмъ, чтобы ворота всегда были заперты и скотина не разбрелась по лѣсу; онъ получаетъ 3—4 рубля въ мѣсяцъ отъ общества и живетъ кое-какъ, изо дня въ день, въ полуразрушенной хатѣ, или землянкѣ.

Скоро стали намъ попадаться „этапы“ и арестантскія партіи, — другая характерная черта сибирскаго тракта, — но, такъ какъ до самаго Томска мнѣ не пришлось путешествовать съ ними вмѣстѣ, то я пока и не буду останавливаться на ихъ дорожной жизни. На второй день пути мы переѣхали, наконецъ, и сибирскую границу. Мы ѣхали большимъ лѣсомъ, между станціями Марковой и Тугулинской, когда ямщикъ вдругъ остановилъ лошадей и, повернувшись къ намъ, сказалъ: — „Вотъ граница“! Мы встрепенулись. Возлѣ дороги стоялъ невзрачный кирпичный столбъ, футовъ 12 въ вышину, съ гербами Пермской губерніи на одной, и Тобольской на другой сторонѣ. Это и былъ сибирскій пограничный знакъ. Никакой другой столбъ отъ Петербурга до Тихаго океана, вѣроятно — никакой другой столбъ въ цѣломъ мірѣ не наводитъ путника на болѣе тяжелыя мысли, ни одинъ не вызываетъ къ себѣ столь меланхолическаго и мучительнаго интереса, какъ этотъ скромный и незамѣтный кирпичный столбъ; ни одинъ не видѣлъ большаго количества страданій и

не пропускалъ мимо себя большей массы людей съ разбитою жизнью и истерзаннымъ сердцемъ. Сотни тысячъ изгнанниковъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, князей, дворянъ и мужиковъ здѣсь навсегда прощались съ родиной, съ друзьями и домомъ. Болѣе 178 тысячъ изгнанниковъ прошло здѣсь съ 1878 и болѣе полумилліона съ начала столѣтія. Этотъ столбъ находится на полдорогѣ между двумя этапами, и всякая партія останавливается тутъ на нѣсколько минутъ для отдыха и послѣдняго прощанія. Русскій крестьянинъ, даже преступникомъ, сохраняетъ всегда въ глубинѣ души неискоренимую привязанность къ родной землѣ. Какія раздирающія душу сцены должны происходить тутъ, вокругъ этого столба, когда партія, подъ снѣгомъ и морозомъ поздней осени, посылаетъ послѣдній земной поклонъ матери-родинѣ. Иные рыдаютъ, иные на колѣняхъ, лицемъ къ Россіи, собираютъ въ тряпку горсточку родной земли, иные, плача, цѣлуютъ холодный камень, выливая въ этомъ поцѣлуѣ всю свою тоску, всю тяжесть вѣчной разлуки ... Но раздается суровая команда — „стройсь“, „маршъ“, — и толпа въ сѣрыхъ халатахъ, гремя кандалами, поспѣшно утирая слезы и занимая мѣста, трогается дальше, окруженная блестящими штыками. Во время нашего проѣзда многочисленныя надписи на столбѣ были старательно соскоблены, но все же можно было разобрать кое что. „Прощай, Марья!“ прочиталъ я въ одномъ уголку. Кто писалъ это? Кто была Марія? — неизвѣстно. Быть можетъ, для изгнанника, который нацарапалъ это прощаніе, въ Маріи сосредоточивался весь міръ? Быть можетъ, оставляя Россію онъ оставлялъ не только родину и друзей, но и любовь ... Сорвавъ на память нѣсколько цвѣтковъ у подножья пограничнаго столба, мы, въ свою очередь, сказали прости Европѣ, взобрались въ свой тарантасъ и тронулись дальше, уже по Сибири.

Нашъ маршрутъ, составленный послѣ долгихъ и основательныхъ соображеній, шелъ до Томска по иртышскимъ степямъ черезъ Омскъ, Семипалатинскъ и Барнаулъ. Правда, этотъ путь былъ болѣе длиненъ и менѣе комфортабеленъ, чѣмъ обычный, по сибирскому тракту, но онъ имѣлъ свои, для насъ очень важныя, преимущества. Мы здѣсь должны были проѣхать по наиболѣе культурнымъ частямъ губерній Тобольской и Томской; здѣсь были разселены главнымъ образомъ мѣстные политическіе ссыльные; здѣсь я могъ познакомиться съ магометанскимъ Семипалатинскомъ и кочевыми киргизами; здѣсь, наконецъ, я увидѣлъ бы знаменитый Алтай, о которомъ съ такимъ восторгомъ, какъ о „Сибирской Швейцаріи“, говорили мнѣ многіе русскіе офицеры. Но главное основаніе, по которому я этотъ путь предпочелъ обычному, было слѣдующее. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, предполагая, что мы, безъ сомнѣнія, выберемъ этотъ послѣд-

ній, предупредилъ мѣстныя власти о нашемъ проѣздѣ и снабдилъ ихъ на этотъ случай инструкціями. Каковы были эти инструкціи,— я и до сихъ поръ не знаю, но онѣ ждали насъ вездѣ до самой Читы. Узналъ я объ этомъ въ Тюмени и, такъ какъ онѣ грозили значительно затруднить исполненіе моихъ плановъ, особенно въ вопросѣ о политической ссылкѣ, я и предпочелъ неожиданно повернуть на другой трактъ, гдѣ насъ никто не ждалъ и, значитъ, ничему не помѣшалъ бы. Это рѣшеніе оказалось вполнѣ цѣлесообразнымъ. Я проѣхалъ тамъ, гдѣ политическіе ссыльные пользуются наибольшей свободой, гдѣ съ ними можно было легко знакомиться, гдѣ никакія инструкціи не мѣшали свободѣ нашихъ дѣйствій и гдѣ губернаторъ области былъ гуманный и либеральный человѣкъ. Итакъ, запасшись всѣмъ необходимымъ, 30-го іюня мы повернули изъ Тюмени на Омскъ. Я упоминалъ уже объ организаціи русской почтовой гоньбы. Она существенно отличается отъ западно-европейской и американской системы дилижансовъ. Въ Сибири вы не стѣснены ни опредѣленными часами отъѣзда, ни опредѣленными мѣстами и временемъ остановокъ, ни какой бы то ни было зависимостью отъ другихъ пассажировъ. Вы вольны ѣхать, куда вамъ угодно, гдѣ только есть почта, останавливаться — гдѣ и сколько вамъ нравится. Вы вполнѣ независимы въ своихъ дѣйствіяхъ. Кромѣ этихъ удобствъ, ѣзда на почтовыхъ поражаетъ насъ, американцевъ, своей дешевизной. Мнѣ иногда было прямо совѣстно за какіе-нибудь 60 центовъ будить среди бурной ночи ямщика, который за эту плату долженъ былъ на тройкѣ везти насъ 20 миль. Какъ ни ничтожна, однако, эта плата, и она кажется завидной сибирскимъ крестьянамъ, которые, рядомъ съ правительственной и соперничая съ нею, имѣютъ свою почтовую организацію „вольныхъ“, или „дружковъ“. Ямщикъ, подъѣзжая къ деревнѣ, постоянно обращается къ вамъ съ вопросомъ: „куда заѣзжать, на станцію или къ дружку?“ И такъ какъ вольныя лошади обыкновенно лучше содержатся, а вольные ямщики лучше везутъ, то часто предпочитаютъ послѣднихъ.

Первые дни нашего путешествія были мало интересны. Погода стояла скверная, дорога была грязна и трудна, а постоянная ѣзда, безъ отдыха и почти безъ сна, совершенно измучила и изломала насъ. Человѣкъ, самъ не испытавшій этого удовольствія, не можетъ себѣ представить, до какого мучительнаго состоянія можно дойти, если ѣхать безъ отдыха. Чтобы пріучиться спать въ русской почтовой телѣгѣ, мнѣ кажется, надо цѣлые годы предварительно поѣздить по Россіи. Мы проѣхали 200 миль отъ Тюмени до Ишима въ 35 часовъ, съ короткимъ 4-часовымъ отдыхомъ, и на нашихъ тѣ-

лахъ не осталось, что называется, живого мѣста; мы едва находили въ себѣ достаточно силъ, чтобы выходить на станціяхъ изъ своего забрызганнаго грязью, тряскаго тарантаса. За Ишимомъ мы встрѣтили чуть не единственное развлеченіе. Верстахъ въ 4-хъ отъ города мы увидѣли впереди какую-то густую толпу народа. Подъѣхавъ ближе, мы могли лучше разсмотрѣть, въ чемъ дѣло. Значительная масса, съ открытыми головами, мѣся грязь и тѣснясь по дорогѣ, шла намъ на встрѣчу. Въ серединѣ толпа была гуще: тамъ несли хоругви, какіе-то высокіе фонари съ зажженными свѣчами, тяжелые кресты и въ самомъ центрѣ, на длинныхъ шестахъ какой-то образъ въ тяжелой золотой рамѣ. Передъ образомъ шелъ старый священникъ, окруженный дьяконами въ полныхъ облаченіяхъ. Вся толпа грубыми, гнусливыми голосами, въ унисонъ пѣла церковные гимны, обгоняя и давя другъ друга и стараясь протѣсниться поближе къ образу.

Для насъ это было невидано и непонятно. Мнѣ почудилось, что я какимъ-то волшебствомъ перенесенъ въ 11-ое столѣтіе, и передо мною проходитъ отрядъ тѣхъ самыхъ крестоносцевъ, которые нѣкогда, возбужденные вдохновеннымъ призывомъ Петра Пустынника, съ крестами, хоругвями и священнымъ пѣніемъ, шли на завоеваніе гроба господня. „Какъ вы думаете, что это такое?“ — спросилъ я мистера Форста.

— Не имѣю ни малѣйшаго представленія, — отвѣчалъ онъ, — очевидно, это церковная процессія, но что она можетъ дѣлать тутъ въ лѣсу, — не понимаю, положительно не понимаю.

Когда процессія прошла и звуки пѣнія замерли вдали мы обратились за разъясненіями къ ямщику. Послѣ долгихъ усилій мы поняли, наконецъ, въ чемъ дѣло. Оказалось, въ Ишимѣ имѣется старая икона божьей матери, считаемая жителями чудотворной. Такъ вотъ, чтобы сдѣлать всѣхъ участниками въ ея благодѣяніяхъ, въ опредѣленное время ее носятъ съ торжественной помпой по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ. Процессія, которую мы встрѣтили, несла икону въ ея резиденцію, или, какъ это на своемъ наивномъ языкѣ констатировалъ ямщикъ: „богородица теперича домой вертается“.

Мы чувствовали себя ужасно усталыми и нуждались въ отдыхѣ. Степь испещренная цвѣтами, уступила мѣсто обработаннымъ полямъ, но, несмотря на всѣ мои усилія, я не могъ нигдѣ открыть ни изгороди, ни дома, ни малѣйшаго признака близости деревни, которой принадлежали эти поля. Но вотъ ямщикъ оправился на козлахъ, подобралъ возжи, взмахнулъ кнутомъ и, опустивъ его по всѣмъ по тремъ, закричалъ дикимъ фальцетомъ „гей-а-а-а“. Привычная тройка

рванула и ринулась съ мѣста бѣшенымъ галопомъ, безжалостно бросая насъ изъ угла въ уголъ въ нашемъ тарантасѣ. Очевидно, деревня была близко. Сибирская тройка только въ полмили отъ станціи показываетъ, на что она способна, но за то она тогда дѣлается воплощеніемъ энергіи. Съ опасностью откусить себѣ языкъ, я кричалъ „постой!“, „тише!“, но все было напрасно. И ямщикъ, и тройка знали, что это — послѣднее, конечное усиліе и желали непремѣнно исполнить свой долгъ. Лошади летѣли, какъ бѣшеныя, а ямщикъ, безъ устали щелкая по нимъ кнутомъ, аккомпанировалъ этому дикими взвизгиваніями. Остановить его не было возможности, и все, что мы могли сдѣлать, это — закрыть глаза и ротъ, и отдаться на волю провидѣнія. Тарантасъ прыгалъ, закидывая насъ комьями грязи. Вотъ и поскотина; вотъ и поскотникъ, несчастно-выглядящій старикъ съ воспаленными глазами и бѣлой бородой. Онъ напоминаетъ мнѣ Rip Van Wincle'a послѣ его 20-лѣтняго сна. Какъ жаль, что нельзя остановиться и снять фотографію съ этого дикаго и живописнаго воплощенія нищеты и заброшенности. Онъ снимаетъ съ головы остатки шапки и кланяется. Но мы пролетаемъ мимо и моментально теряемъ его изъ виду. Вотъ и столбъ съ надписью: Деревня Крутая. — Отъ Петербурга 2992 версты. Отъ Москвы — 2526 верстъ. — Домовъ — 42. Ревизскихъ душъ 97. — Вотъ и деревня. Ямщикъ круто заворачиваетъ во дворъ своего „дружка“ и кричитъ: — запрягай. —

Нашъ пріѣздъ для деревни событіе, и со всѣхъ концовъ ея сбѣгается народъ. Пока распрягаютъ лошадей и приготовляютъ перемѣну, собравшаяся толпа стариковъ и дѣтей почтительно-любопытно слѣдитъ за нашими движеніями, комментируетъ нашъ „новомодный тарантасъ“, и пытается разузнать у ямщика, кто мы и куда ѣдемъ. Наконецъ, одинъ лысый и сѣдой старикъ рѣшается. „Баринъ, — обращается, онъ ко мнѣ, — позвольте спросить, куда васъ Богъ несетъ?“ — Въ Семипалатинскъ, — отвѣчаю я. „А-а-а“ проносится по толпѣ шопотъ удовлетвореннаго любопытства. „Откуда ѣхать изволите?“ продолжаетъ старикъ свой допросъ. — „Изъ Америки“. „А-а“ шепчетъ толпа снова. „Это русскій городъ? Америка?“ спрашиваетъ старикъ. Америка не городъ, — выкрикиваетъ какой-то свѣтлоголовый мальчуганъ: Свѣтъ дѣлится на 5 частей: Европу, Азію, Африку, Америку и Австралію. Россія занимаетъ двѣ трети Европы и половину Азіи“, цитируетъ онъ, очевидно, недавно вытверженный урокъ. Но дальше не простираются даже и его географическія свѣдѣнія. Въ толпѣ оказывается, однако, человѣкъ, бывшій въ Омскѣ, когда тѣла членовъ экспедиціи Жаннеты провозились черезъ городъ. Онъ беретъ въ свои

руки дѣло просвѣщенія толпы и говоритъ, что „Американцы самый умный народъ, какой только есть на свѣтѣ, и одни только плаваютъ по ледовитому морю“. Одинъ старикъ, защищая русскую честь, возражаетъ, что и русскіе, хотя, можетъ быть, и не столь умны, какъ американцы, тоже хорошіе моряки -- въ сѣверныхъ водахъ. Въ толпѣ поднимается горячій споръ о полярныхъ экспедиціяхъ ... Но лошади запряжены, ямщикъ взбирается на козлы, и, съ мѣрнымъ звяканьемъ колокольчика и шлепаньемъ копытъ по грязи, мы оставляемъ деревню. Съ такими однообразными дорожными впечатлѣніями, встрѣчами и проводами на станціяхъ, мы добрались до Омска.

Омскъ -- чисто казенный городъ, съ 30,000 жителей, не замѣчательный ни въ архитектурномъ, ни въ иномъ какомъ-нибудь отношеніи. Въ немъ нѣтъ ни газеты, ни публичной библіотеки, и половина жителей носитъ казенный мундиръ и занимается управленіемъ другой половины. Характеръ отношеній этихъ двухъ половинъ достаточно освѣщается тѣмъ, что одинъ интеллигентный и честный чиновникъ этого чиновничьяго города, бывшій очень полезнымъ для насъ своими сообщеніями, при прощаніи сказалъ: „Г-нъ Кеннанъ, если ужъ вы найдете нужнымъ назвать меня по имени въ вашей книгѣ, ради бога не отзывайтесь обо мнѣ благопріятно“. — „Но почему же, боже мой?“ — „Потому что я не думаю, что ваша книга будетъ особенно пріятна правительству, и если ваши отзывы обо мнѣ будутъ хороши, мнѣ предстоитъ не мало непріятностей со стороны моего начальства. Какъ ни нелѣпа кажется вамъ моя просьба, пожалуйста, исполните ее“.

Мы мало что осмотрѣли въ Омскѣ, если не считать небольшого музея, въ мѣстномъ отдѣленіи Географическаго Общества, да бѣдной пригородной колоніи уголовныхъ ссыльныхъ. Мнѣ хотѣлось розыскать острогъ, въ которомъ геніальный романистъ Достоевскій провелъ столько лѣтъ своей жизни и гдѣ онъ дважды былъ подвергнутъ тѣлесному наказанію, но мнѣ сказали, что этотъ острогъ уже давно уничтоженъ. Я не удивляюсь, что правительство постаралось стереть съ лица земли слѣды стѣнъ, которыя были свидѣтелями всѣхъ ужасовъ и безобразій, записанныхъ въ „Запискахъ изъ Мертваго дома“. Было, положимъ, въ Омскѣ еще одно учрежденіе, которое я хотѣлъ осмотрѣть, — мѣстный острогъ, но губернаторъ принялъ насъ съ такой пренебрежительной нелюбезностью, что мы ушли изъ его канцеляріи даже безъ приглашенія сѣсть.

Изъ Омска до Семипалатинска мы ѣхали вдоль Иртыша степями, заселенными кочующими киргизами, по берегу рѣки, казачьими деревнями. Эти деревни производятъ въ высшей степени пріятное впечатлѣніе своимъ сравнительнымъ довольствомъ, опрят-

ностью и зеленью садовъ и огородовъ. Погода стояла сухая и жаркая. Песокъ становился все болѣе и болѣе господствующимъ элементомъ вплоть до Семипалатинска, который русскіе не даромъ называютъ „чертовой песчаной дырой“. Этотъ городъ имѣетъ до 15,000 жителей, русскихъ, татаръ и киргизовъ. Онъ лежитъ на правомъ берегу Иртыша въ 900 миляхъ отъ Тюмени и служитъ административнымъ центромъ области и средоточіемъ мѣстной промышленности и торговли, благодаря своему положенію на одномъ изъ караванныхъ путей въ Ташкентъ и Центральную Азію. Окрестная страна главнымъ образомъ—пастушеская, и изъ ея 547.000 обитателей 497,000—номадовъ. Область производитъ ежегодно между прочими продуктами 45,000 фунтовъ меду, 370 тысячъ фунт. табаку и болѣе 12,000,000 бушелей зерна. Обороты ея 11-ти ярмарокъ достигаютъ до 1,000,000 фунт. стер., и каждый годъ 40-50 каравановъ выходятъ изъ Семипалатинска въ разные пункты Монголіи и Средней Азіи, унося съ собою русскихъ товаровъ на 150,000 до 200,000 ф. ст.

Послѣ этихъ цифръ едва ли нужно еще доказывать, что Сибирь далеко не вся представляетъ собою полярную пустыню. Табакъ — не полярный продуктъ, и верблюды — не тотъ вьючный скотъ, который употребляютъ эскимосы. Если бы мы съ Фростомъ и держались еще этой иллюзіи, то короткой прогулки по городу было достаточно, чтобы разсѣять ее окончательно. Термометръ показывалъ 90 градусовъ по Фаренгейту въ тѣни и при вѣтрѣ, и мѣстные жители находили день еще сравнительно прохладнымъ.

Въ воскресенье утромъ мы отправились съ визитомъ къ губернатору Челинскому. Я представилъ ему свои рекомендательныя письма отъ министра и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что его никто не предупреждалъ о нашемъ прибытіи. Онъ принялъ насъ очень любезно, далъ разрѣшеніе на осмотръ городской тюрьмы, обѣщалъ представить въ наше распоряженіе полицеймейстера, въ качествѣ чичероне, и приготовить для насъ къ отъѣзду рекомендательныя письма къ своимъ подчиненнымъ въ области. Отъ губернатора мы отправились въ городскую публичную библіотеку. Тутъ мы нашли небольшой антропологическій музей, удобный кабинетъ для чтенія, снабженный всѣми русскими газетами и журналами, и хорошо подобранную коллекцію книгъ въ 1000 томовъ слишкомъ. Я былъ не мало удивленъ, найдя въ ихъ числѣ такихъ авторовъ, какъ Спенсеръ, Льюисъ, Милль, Тэнъ, Тейлоръ, Дарвинъ, Лайель, Тиндаль, Мэкензи-Уэллесъ и романы Скота, Диккенса, Троллопа, Поэ и Брэтъ-Гарта. Особенно полонъ былъ отдѣлъ политической экономіи, и подборъ книгъ дѣлалъ большую честь устроителямъ. Положительно, я началъ съ большимъ сочувствіемъ относиться къ городу.

Встрѣча съ политическими ссыльными.

Первой моей встрѣчей съ ссыльными я былъ обязанъ счастливой случайности и, странно сказать, посредничеству правительственнаго чиновника. Среди первыхъ нашихъ знакомыхъ въ Семипалатинскѣ былъ нѣкій П., образованный джентльменъ, занимавшій значительный служебный постъ, представленный намъ, какъ человѣкъ, хорошо знающій Сибирь и степную область и могущій быть намъ очень полезнымъ въ нашемъ дѣлѣ. Хотя съ перваго же знакомства П. произвелъ на меня очень хорошее впечатлѣніе, какъ человѣкъ образованный, гуманный и либеральный, я, конечно, никогда не касался въ разговорахъ съ нимъ вопроса о политическихъ ссыльныхъ. Въ Петербургѣ меня предупреждали, что начальство очень недружелюбно посмотритъ на наши попытки подойти поближе къ нѣкоторымъ жгучимъ вопросамъ и познакомиться лично съ представителями политическихъ изгнанниковъ. Я не зналъ еще тогда, что подъ официальной внѣшностью среди правительственныхъ чиновниковъ очень часто можно найти симпатію къ политическимъ преступникамъ, и мнѣ никогда не пришло бы въ голову знакомиться со вторыми при посредствѣ первыхъ.

Однажды, среди оживленной бесѣды объ Америкѣ, П. круто повернулъ разговоръ и сказалъ:

— Г. Кеннанъ, Вы никогда не обращали вниманія на усиленное движеніе молодежи въ Сибирь?

Я сначала не понялъ вопроса и отвѣчалъ, что нѣтъ, не обращалъ, но что я, быть можетъ, не вполнѣ понимаю, о чемъ говоритъ мой собесѣдникъ.

— Я говорю о той массѣ молодежи, мужчинъ и женщинъ, которая теперь наводняетъ—изъ Россіи—Сибирь. Мнѣ кажется,—это движеніе должно бы обратить на себя ваше вниманіе.

Серьезный, многозначительный тонъ, съ которымъ онъ говорилъ, какъ бы зондируя почву и ощупывая меня, заставилъ меня

понять, о какой молодежи онъ говоритъ. Но я не забылъ, что мой собесѣдникъ—русскій офицеръ, и потому отвѣчалъ очень осторожно, что я слыхалъ кое что объ этомъ движеніи, но самъ не имѣлъ возможности наблюдать его лично.

— Мнѣ кажется,—продолжалъ П., глядя на меня тоже значительно,—что это—замѣчательный общественный феноменъ, который естественно долженъ остановить на себѣ вниманіе иностранца.

Я отвѣтилъ, что, конечно, мнѣ интересны всѣ явленія русской жизни и что, имѣй я больше свѣдѣній о предметѣ нашего разговора, я, несомнѣнно, обратилъ бы на него должное вниманіе.

— Многіе изъ этихъ людей, продолжалъ П.—люди очень выдающіеся: мужчины съ университетскимъ образованіемъ; женщины—съ рѣдкими характерами.

— Да, отвѣчалъ я,— мнѣ приходилось это слышать, и я думаю, что съ ними, пожалуй, было бы очень любопытно познакомиться.

— Не только „пожалуй“,—возразилъ П.—Это люди, которые при иныхъ обстоятельствахъ могли бы оказать много услугъ своей странѣ. Я удивляюсь, какъ вы не заинтересовались ими до сихъ поръ.

Такимъ образомъ разговоръ шелъ въ теченіе нѣкотораго времени, при чемъ оба мы были на сторожѣ, не открывая вполнѣ своихъ взглядовъ на предметъ и стараясь вывѣдать ихъ другъ отъ друга. И слова и тонъ П., казалось мнѣ, говорили ясно, что онъ самъ съ большимъ интересомъ и сочувствіемъ относился къ „молодымъ людямъ, наводняющимъ нынѣ Сибирь“, но, не увѣренный въ моей скромности, не рѣшается въ этомъ признаться открыто. Я, съ своей стороны, боялся, какъ бы этотъ разговоръ, начатый безъ вызова съ моей стороны, не оказался просто ловушкой, съ цѣлью вывѣдать отъ меня настоящую цѣль нашего путешествія. Повторяю, я не зналъ еще, что между слугами правительства и его рѣшительными врагами часто существуетъ тайная связь и симпатія... Наконецъ, уставъ притворяться, я прямо спросилъ П.:

— Г-нъ П. Вы говорите о политическихъ ссыльныхъ? Не правда-ли?

— Да—отвѣчалъ П.—мнѣ казалось, Вы понимаете, о комъ я говорю. Я думаю, что высылка такой значительной доли русской молодежи изъ родной страны—явленіе, заслуживающее вниманія путешественника.

— О, конечно! Но какъ я могу познакомиться съ нимъ? Я не знаю, ни гдѣ искать ссыльныхъ, ни какъ подступить къ нимъ? Къ тому же мнѣ говорили, что начальство очень косо будетъ смотрѣть на мои попытки въ этомъ отношеніи.

— Ссыльныхъ найти не трудно,—отвѣчалъ П.,—область полна ими, и (пожимая плечами), сколько я знаю, ничто не могло бы по-

мѣшать Вамъ познакомиться съ ними, если бы вы этого хотѣли. Ихъ у насъ до 30 человѣкъ. Они ходятъ по улицамъ такъ же, какъ и другіе жители города, и я, право, не понимаю, какъ Вы не встрѣтились съ ними до сихъ поръ.

Разъ ледъ былъ разбитъ, разговоръ принялъ открытый и свободный характеръ. Мы не старались болѣе обманывать другъ друга. Я, между прочимъ, передалъ П. свои представленія о характерѣ „нигилистовъ“ вообще и спросилъ его:

— Не сумасшедшіе ли они фанатики, эти „нигилисты“; не дикіе ли они соціальные теоретики, которые всюду, во всякой странѣ, должны бы были вызвать смуту и борьбу?

— Напротивъ,—отвѣчалъ П.,—Я нахожу ихъ спокойными, разсудительными людьми. Намъ здѣсь они не причиняютъ безпокойства. Губернаторъ относится къ нимъ сколько можно снисходительно, и вообще они—вполнѣ хорошіе граждане.

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ П. передалъ мнѣ кое-какія свѣдѣнія о семипалатинскихъ ссыльныхъ. Ихъ считалось до 30 человѣкъ, въ числѣ которыхъ 4—5 женщинъ. Всѣ они были сосланы безъ суда, административнымъ распоряженіемъ, подписаннымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, на сроки отъ 2 до 5 лѣтъ. По окончаніи срока, если поведеніе ихъ заслужитъ одобреніе мѣстныхъ властей, они получаютъ право вернуться на свой счетъ въ Россію. Нѣкоторые изъ нихъ нашли себѣ здѣсь занятія; другіе получаютъ помощь отъ родныхъ, остальные содержатся, или вѣрнѣе, охраняются отъ голодной смерти правительственнымъ пособіемъ въ 6 рублей въ мѣсяцъ — для привилегированныхъ, и 2 р. 60 коп.—для непривилегированныхъ.

— ...Конечно, говорилъ П., такого пособія недостаточно и для одной пищи, не говоря о квартирѣ и пр., и, если бы не взаимная помощь, имъ пришлось бы терпѣть много горя. Большинство изъ нихъ—образованные люди, и губернаторъ, который собственными глазами видитъ всю тяжесть ихъ положенія, сквозь пальцы смотритъ на занятія уроками, которыя, по инструкціи, имъ запрещены. Женщины шьютъ и вышиваютъ, и такимъ образомъ кое-какъ сводятъ концы съ концами. Имъ позволяютъ писать и получать письма, имѣть книги, и хотя они подлежатъ полицейскому надзору, у насъ онъ не очень строгъ.

— За что собственно они сосланы?—спросилъ я.—Были ли они заговорщиками? Принимали ли участіе въ убійствѣ царя?

— О, нѣтъ!—улыбнулся П. — Это — просто неблагонадежные. Нѣкоторые принадлежали къ запрещеннымъ обществамъ, у другихъ были найдены запрещенныя книги; иные были знакомы съ другими,

болѣе опасными людьми, иные принимали участіе въ университетскихъ безпорядкахъ... Настоящіе заговорщики ссылаются въ болѣе отдаленныя мѣста и на каторгу. Ссылка въ Степную область считается самымъ легкимъ наказаніемъ...

Однимъ словомъ, мы разговорились, и П. предложилъ себя въ качествѣ посредника для знакомства моего съ мѣстными ссыльными.

— Поѣдемъ сейчасъ, если хотите,— сказалъ онъ—ну, хоть—къ г-ну Лобановскому. Онъ въ нѣкоторой степени артистъ и занятъ теперь занавѣсью для нашего театра. У него есть коллекція сибирскихъ видовъ. Вамъ не мѣшаетъ посмотрѣть на нее.

— О, да,—отвѣчалъ я.—Рисунки—моя страсть; къ тому же я знатокъ въ дѣлѣ занавѣсей. Нигилистъ, или нѣтъ нашъ художникъ,— я долженъ его видѣть.

Мнѣ теперь чрезвычайно трудно возстановить отчетливо въ памяти то представленіе, которое я имѣлъ о русскихъ политическихъ преступникахъ до знакомства съ ними; до такой степени личныя наблюденія измѣнили его. Я ожидалъ увидѣть, сколько мнѣ помнится, мрачныхъ, непонятныхъ оригиналовъ, съ нѣкоторымъ образованіемъ, съ большимъ фанатическимъ мужествомъ, съ безграничной способностью къ самопожертвованію, но съ самыми нелѣпыми и фантастическими представленіями о правительствѣ и общественной организаціи, безъ малѣйшаго слѣда того, что мы, американцы, называемъ „Lard common-sense“. Я думалъ, что между ними не найдется болѣе общихъ идей, чѣмъ между мною и анархистомъ— въ родѣ Louis Lingga. Хотя я рѣшился смотрѣть вполнѣ безпристрастно на нихъ, на ихъ положеніе и ихъ дѣло, я былъ болѣе чѣмъ увѣренъ, что изъ личнаго знакомства съ ними я вынесу только подтвержденіе своихъ взглядовъ. Даже послѣ разговора съ П. я ожидалъ увидѣть въ Лобановскомъ традиціонный образъ „нигилиста“, т. е. человѣка съ длинными волосами и безумнымъ взглядомъ, который съ перваго слова началъ бы длинный безсвязный разсказъ о своихъ обидахъ и страданіяхъ, объявилъ бы всякое правительство грубой деспотіей и потребовалъ бы отъ меня восхищенія передъ убійствомъ Александра II-го.

Когда П. отворилъ дверь квартиры г. Лобановскаго, я увидѣлъ его посреди комнаты передъ большимъ полотномъ, съ красками; и кистью въ рукахъ. Его крѣпкая фигура была пропорціональна манеры—джентльмена. Онъ былъ прекраснымъ типическимъ образчикомъ русскаго блондина—съ своими свѣтло-голубыми глазами, русыми подстриженными волосами, нѣсколько по дѣтски вьющимися на лбу, и окладистой бородой, придававшей мужественное достоинство его хорошо сформированной головѣ. Его открытое и добродушное лицо

показалось мнѣ лицомъ сердечнаго, импульсивнаго, но въ то же время сильнаго и уравновѣшеннаго человѣка. Во всякомъ случаѣ оно совсѣмъ не гармонировало съ моими ожиданіями. Г. Лобановскій встрѣтилъ насъ просто и дружелюбно и тотчасъ же принесъ свои рисунки и наброски. Они были дѣломъ не вполнѣ умѣлой руки, но носили слѣды силы и вѣрности дѣйствительности. Нашъ разговоръ въ этотъ первый визитъ не касался политическихъ вопросовъ и вращался около этихъ рисунковъ. Г-нъ Лобановскій передавалъ мнѣ, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ они были набросаны, разсказывалъ о своемъ невольномъ путешествіи въ Сибирь, но разсказывалъ такъ, какъ будто бы оно было вольное, и если бы не ссылки на тюрьмы и этапы, ничто въ этихъ разсказахъ не указывало бы, что я говорю съ „нигилистомъ“. Манеры его были просты и спокойны, онъ съ тактомъ и умѣніемъ слѣдилъ за бесѣдой и легко переходилъ на соприкасающіяся темы. Онъ не могъ не замѣтить, что я слѣжу за нимъ и критически его наблюдаю,—вѣдь передо мной былъ первый образчикъ любопытнаго типа,—но онъ не показывалъ виду, что замѣчаетъ это и велъ себя, какъ истый джентльменъ, спокойный, хорошо воспитанный и умѣющій владѣть собою. При прощаніи онъ пригласилъ на вечеръ меня и г. Фроста. „У меня будетъ нѣсколько товарищей“—прибавилъ онъ.

— Ну что,—спросилъ П., когда мы вышли,—что Вы думаете объ этомъ „нигилистѣ?“

— Онъ производитъ хорошее впечатлѣніе,—отвѣчалъ я.—Другіе похожи на него?

— Не вполнѣ. Но вообще, они всѣ—хорошій народъ. Вы познакомитесь еще здѣсь съ нѣкіимъ Леонтьевымъ. Онъ работаетъ у здѣшняго судьи М. и занимается съ нимъ антропологическими изслѣдованіями среди киргизовъ. Они оба—интересные люди.

Я, конечно, воспользовался этимъ указаніемъ и, какъ только П. со мной простился, отправился съ визитомъ къ г-ну М., какъ человѣкъ, интересующійся киргизскими нравами. Г-нъ М. былъ очень доволенъ, кажется, найдя во мнѣ собрата по оружію; съ удовольствіемъ разрѣшилъ мнѣ доступъ въ антропологическій музей, однимъ изъ директоровъ котораго онъ былъ и представилъ мнѣ своего секретаря, г-на Леонтьева, который, сказалъ онъ, „спеціально занимается этимъ предметомъ и можетъ быть мнѣ очень полезенъ“. Г-нъ Леонтьевъ былъ красивый молодой человѣкъ, лѣтъ 25-ти, съ свѣтлорусыми волосами и бородой, умными сѣрыми глазами, орлинымъ носомъ и твердымъ, хорошо-очерченнымъ подбородкомъ. Его черты ясно говорили о научныхъ наклонностяхъ, и если бы я встрѣтилъ его на улицахъ Вашингтона, я принялъ бы его за молодого

ученаго изъ Симпсоньянскаго института или Національнаго музея. Какъ я узналъ потомъ, онъ былъ сыномъ семипалатинскаго офицера, воспитывался въ петербургскомъ пажескомъ корпусѣ, поступилъ въ университетъ и на 4-тый годъ пребыванія въ немъ былъ административно сосланъ въ Западную Сибирь за участіе въ сношеніяхъ съ заключенными Петропавловской крѣпости. Хотя манеры г-на Леонтьева были болѣе формальны и сдержанны, чѣмъ г-на Лобановскаго, и его отношеніе ко мнѣ носило характеръ скорѣе холодной и наблюдательной критики, тѣмъ не менѣе онъ произвелъ на меня очень хорошее впечатлѣніе. Вернувшись къ себѣ домой, я долженъ былъ признаться, что если прочіе нигилисты похожи на этихъ двухъ, мнѣ придется радикально измѣнить о нихъ свое мнѣніе. И по уму и по воспитанію Лобановскій и Леонтьевъ могли бы съ успѣхомъ выдержать самое придирчивое сравненіе съ своими американскими сверстниками, моими знакомыми.

Въ 8 ч. вечера я и г. Фростъ постучались въ дверь квартиры Лобановскаго. Это была чистая, бѣдно меблированная комната съ голыми стѣнами и поломъ, простой деревянной кроватью и нѣсколькими стульями. На этажеркѣ стоялъ рядъ книгъ, между которыми я замѣтилъ „Essays“ и „Principles of psychologie“ Спенсера, небольшой, но очень недурной гербарій, бинокль и пр. По срединѣ комнаты стоялъ большой некрашеный столъ, на которомъ лежала раскрытая книга, которую хозяинъ читалъ передъ нашимъ приходомъ. Это былъ французскій переводъ „Сохраненія энергіи“ Balfour Stewart'a. Все было чисто, но обстановка ясно говорила, что хозяинъ не можетъ позволить себѣ ничего лишняго, ничего напоминающаго комфортъ.

Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ о цѣли нашего путешествія, Лобановскій, повернувшись ко мнѣ съ шутливой улыбкой, спросилъ:

— Воображаю, г-нъ Кеннанъ, какихъ только страховъ не наслушались вы у себя насчетъ русскихъ нигилистовъ?

— Признаюсь,— отвѣчалъ я,—мы всегда слышимъ о нихъ въ связи съ покушеніями что-нибудь взорвать или кого-нибудь убить; и я былъ о нихъ не очень хорошаго мнѣнія. Самое слово „нигилистъ“ понимается у насъ только въ примѣненіи къ людямъ, которые ни во что не вѣрятъ и стремятся къ уничтоженію всѣхъ существующихъ учрежденій.

— „Нигилистъ“,—старое слово,— отвѣчалъ Лобановскій,— и если оно еще было примѣнимо когда-нибудь, теперь оно ни на что не указываетъ и ничего не говоритъ въ примѣненіи къ русскимъ революціонерамъ. Боюсь, что вы не найдете среди насъ „нигилистовъ“ въ вашемъ значеніи слова. Разумѣется, среди революціоне-

ровъ есть люди съ самыми разнообразными взглядами на вещи. Есть такіе, которые вѣрятъ въ пользу террора и считаютъ себя въ правѣ прибѣгать къ нему въ борьбѣ съ правительствомъ, но и они не стремятся къ уничтоженію всего существующаго. Каждый изъ нихъ отложилъ бы оружіе въ сторону, если бы правительство усвоило конституціонныя формы и гарантировало Россіи свободу рѣчи и прессы, свободу отъ произвола, арестовъ и ссылокъ... Читали ли Вы когда-нибудь письмо русскихъ революціонеровъ къ Александру III, при восшествіи его на престолъ?

— Нѣтъ, слышать о немъ—слышалъ, но не читалъ.

— Въ немъ очень ясно изложены цѣль и требованія партіи. Партія обязуется даже, если государь дастъ свободу и созоветъ народное собраніе для рѣшенія вопроса о формѣ правленія,—прекратить терроръ и не бороться этимъ оружіемъ съ правительствомъ, которое явится результатомъ свободно выраженной народной воли. Едва ли можно сказать, что люди, предлагающіе подобный договоръ, стремятся къ уничтоженію всего существующаго. Вы, вѣроятно, знаете, что сообщеніе объ убійствѣ вашего президента, Гарфильда, было заключено въ „Народной Волѣ“ въ черную рамку, въ знакъ печали и сочувствія, а на страницахъ этого органа террористовъ убійство это было строго осуждено, какъ недопустимое въ странѣ, гдѣ существуетъ гласный судъ и свободная пресса и гдѣ должностныя лица правительства избираются свободно страной.

— Я не зналъ этого—отвѣчалъ я. Тутъ нашъ разговоръ былъ прерванъ приходомъ новыхъ гостей, 3-хъ молодыхъ мужчинъ и одной дамы. Въ наружности молодыхъ людей не было ничего особеннаго, бьющаго въ глаза. Одинъ изъ нихъ былъ веселый студентъ, лѣтъ 23—24; двое другихъ—интеллигентные рабочіе или крестьяне, на типическихъ русскихъ лицахъ которыхъ, холодныхъ и безстрастныхъ, въ сосредоточенныхъ манерахъ было видно, что жизнь и ссылка не даромъ достались имъ и оставили въ нихъ достаточный запасъ горечи и придавленности. Дама—г-жа Дическуло, принадлежала, очевидно, къ иному общественному классу и сумѣла сохранить болѣе ясное и веселое настроеніе. Она была лѣтъ 30, съ высокой и стройной, хотя нѣсколько худощавой фигурой, съ короткими черными волосами, волною падающими на плечи, и съ подвижнымъ и оживленнымъ лицомъ, которое, повидимому, когда-то, и не очень давно, было очень красиво. Теперь оно было слишкомъ худо и истощено, и загрубѣло отъ морозовъ и вѣтра, отъ тяжелыхъ условій этапной и тюремной жизни. Она была одѣта прилично и со вкусомъ въ простенькое платье, съ бѣлымъ кружевомъ на шеѣ и рукавахъ. Когда въ разговорѣ лицо ея освѣщалось внутреннимъ

огнемъ, она казалась мнѣ очень красивой и интересной особой. Въ ней не было и тѣни напускной развязности, угловатости и эксцентричности, которыхъ я ждалъ отъ ссыльной. Говорила она быстро и хорошо, временами весело смѣялась, припоминая разные эпизоды своего путешествія. Природная веселость умѣрялась въ ней тѣмъ глубокимъ чувствомъ, которое сквозило въ ея разсказахъ на трогательныхъ или грустныхъ подробностяхъ, Такъ, я уловилъ слезинку въ ея глазахъ, когда она передавала мнѣ, какъ камышловскіе крестьяне выразили ихъ партіи свое сочувствіе: это было на Троицу, и крестьяне, приготовляя этапъ къ пріему политической партіи, старательно вымыли его грязныя, прогнившія стѣны и украсили ихъ зелеными вѣтвями и полевыми цвѣтами...

Въ 9 ч. г-нъ Лобановскій внесъ въ комнату кипящій самоваръ, и остальной вечеръ мы провели возлѣ него, въ тѣсномъ кругу вокругъ стола, какъ будто бы годы знакомые другъ съ другомъ, бесѣдуя о русскомъ революціонномъ движеніи, о ссылкѣ, о литературѣ, объ искусствѣ и американской политикѣ. Сдержанный и трезвый тонъ, въ какомъ эти изгнанники обсуждали общественные вопросы, правительственныя задачи и свои личныя испытанія, чрезвычайно поражали меня. Въ нихъ не было замѣтно ни горечи, ни преувеличеній, ни малѣйшаго намѣренія подольше останавливаться на своей судьбѣ, чтобы вызвать сочувствіе. Г-жа Дическуло, напр., лишилась во время ареста почти всего своего имущества, болѣе года просидѣла въ одиночномъ заключеніи, затѣмъ была сослана безъ суда въ какой то дикій уголокъ Акмолинской области, откуда, наконецъ, черезъ киргизскія степи суровою зимою была перевезена сюда. Не мало горя и тяжелыхъ испытаній должна была пережить эта непривычная къ лишеніямъ молодая женщина при всѣхъ этихъ передрягахъ—и что же? Въ своей бесѣдѣ она совсѣмъ не останавливалась на этой сторонѣ дѣла, какъ будто бы ея совсѣмъ не было. Камышловскіе крестьяне съ своими цвѣтами занимали ее гораздо болѣе. Въ 11 часовъ ночи мы пожелали нашимъ новымъ знакомымъ доброй ночи и возвратились къ себѣ.

На слѣдующій день Лобановскій, Дическуло, Фростъ и я отправились за городъ въ гости къ нѣсколькимъ ссыльнымъ, которые „жили на дачѣ“, т. е. попросту разбили свои палатки подъ открытымъ небомъ, въ двухъ миляхъ отъ города. Ихъ жило тамъ семеро, въ томъ числѣ три женщины. Двѣ изъ нихъ были 16—17-лѣтнія дѣвушки, почти дѣти. Какъ онѣ могли попасть въ ссылку?—не понимаю. Мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы въ какой бы то ни было странѣ, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, можно было смотрѣть на нихъ какъ на опасныхъ для общественнаго по-

рядка или устойчивости правительства. Когда я пожалъ ихъ руки и увидѣлъ ихъ застѣнчивыя, полудѣтскія манеры и краску румянца, загорѣвшуюся на щекахъ, я въ первый разъ почувствовалъ нѣчто въ родѣ презрѣнія къ русскому правительству.

— Если бы я былъ царемъ,—сказалъ я Фросту,—съ арміей солдатъ и полиціею за спиною, и если бы тѣмъ не менѣе я не могъ спокойно спать изъ страха передъ этими робкими дѣвочками, пока онѣ не высланы куда-нибудь за тысячи миль,—я отказался бы отъ престола въ пользу кого-нибудь болѣе сильнаго и менѣе трусливаго.

Мысль, что могущественное русское правительство не можетъ защитить себя отъ гимназистокъ, не вырвавъ ихъ изъ семьи и не бросивъ въ далекую азіатскую пустыню,—казалась мнѣ просто нелѣпостью.

На этой своеобразной дачѣ, среди зелени, у берега рѣки провели мы почти весь день и разстались совершенными пріятелями. Вечеромъ того же дня мы отправились къ г-ну Леонтьеву, гдѣ должны были собраться ссыльные, которыхъ мы еще не видали. Комната Леонтьева была нѣсколько больше помѣщенія Лобановскаго, но убрана почти въ томъ же родѣ. Обратилъ на себя мое вниманіе большой портретъ Спенсера, висѣвшій надъ постелью.

Когда мы вошли, все общество было уже въ сборѣ. Кромѣ Лобановскаго, г-жи Дическуло, тутъ были, между прочимъ, докторъ Богомолецъ, жена котораго находится на каторгѣ, двѣ сестры Присѣцкихъ и др. Когда насъ перезнакомили, завязался общій разговоръ, веселый и живой, на самыя разнообразныя темы. Г-нъ Леонтьевъ передалъ мнѣ исторію Семипалатинской библіотеки и выразилъ мнѣніе, что она не только большое благо для ссыльныхъ, но и возбуждаетъ интеллектуальные интересы въ городѣ. „Даже киргизы пользуются ею;"—сказалъ онъ:

— Я знаю одного старика киргиза, Ибрагима Конобая, который ходитъ въ библіотеку и читаетъ даже такихъ авторовъ, какъ Дрэперъ и Милль.

— Ну, Вы шутите! — воскликнулъ веселый студентъ.

— Нисколько,—холодно отвѣчалъ Леонтьевъ.—Сначала онъ и меня удивилъ, попросивъ у меня объясненія, что такое индукція и дедукція; но потомъ я узналъ, что онъ усердно изучаетъ англійскую философію и читаетъ, въ русскомъ переводѣ, конечно, этихъ авторовъ.

— Вы думаете, что онъ что-нибудь въ нихъ понимаетъ? — спросилъ студентъ.

— Я разъ цѣлый вечеръ бесѣдовалъ съ нимъ насчетъ Дрэперовской „Исторіи умственнаго развитія Европы", и оказалось, онъ имѣетъ довольно ясное представленіе о предметѣ.

— Я замѣтилъ, — обратился я къ публикѣ, — что многія книги, особенно англійскихъ ученыхъ, изъяты изъ библіотекъ, между тѣмъ какъ онѣ прошли цензуру и были пропущены. Что это значитъ?

— О, — отвѣчалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, — наша цензура очень капризна. Какъ Вы объясните, напримѣръ, что такая книга, какъ „Богатство народовъ“ Смита запрещена, а Дарвина „Происхожденіе человѣка“ дозволено? Вѣдь вторая, во всякомъ случаѣ, опаснѣе первой.

— Объясняютъ,—подхватилъ другой, — что списокъ запрещенныхъ книгъ составлялся безъ особенно тщательнаго разсмотрѣнія ихъ содержанія. Въ него часто вносились книги, которыя были находимы при обыскахъ. „Богатство народовъ“ случайно нашли у какого-нибудь революціонера,—значитъ „Богатство народовъ“ опасная книга.

— Когда меня арестовали,—сказалъ Лобановскій,—у меня взяли книжку по французской исторіи, принадлежавшую публичной библіотекѣ. Просматривая ее, тамъ и сямъ встрѣчали слово „революція“; этого было достаточно. Напрасно объяснялъ я, что французская исторія должна обязательно трактовать о революціи; — ничто не помогло. Они отобрали у меня тогда и игрушку, которую сдѣлалъ себѣ мой маленькій братъ, предполагая, что это какая-нибудь адская машина.

И посреди всеобщаго хохота полились безконечные юмористическіе разсказы о невѣжествѣ русской полиціи и о разныхъ курьезахъ изъ ея практики. Затѣмъ разговоръ перешелъ на другія темы.

Интеллигентность этихъ ссыльныхъ, широта ихъ взглядовъ, интересовъ и симпатій положительно поражали меня. Они проявляли далеко не поверхностное знакомство даже съ англійской и американской литературой, съ американскими учрежденіями и исторіей. Въ бесѣдѣ мы касались Шекспира, Спенсера, Стюарта, Гейне, Гегеля, Ланге, Ирвинга, Лонгфэло, Бретъ-Гарта; и всѣ они были имъ близко и хорошо знакомы. Они знали прошлое нашего президента, съ полнымъ знаніемъ дѣла диспутировали о его реформахъ и вообще показывали такой интересъ и знакомство съ нашими американскими дѣлами, какой трудно встрѣтить гдѣ бы то ни было, помимо Америки, и тѣмъ болѣе трудно бы ожидать въ Сибири. Послѣ простого, но сытнаго ужина мои знакомые спѣли намъ нѣсколько грустныхъ русскихъ мелодій. Мы съ Фростомъ, съ своей стороны, попытались дать имъ понятіе о нашихъ пѣсняхъ и о музыкѣ негровъ. Около полуночи только мы съ большой неохотой оставили пріятное общество и возвратились къ себѣ въ гостиницу.

Я не буду передавать пока сущности тѣхъ бесѣдъ о русскомъ правительствѣ и революціонномъ движеніи, которыя я велъ съ Семипалатинцами. Я надѣюсь сдѣлать это потомъ, суммируя всѣ мои сибирскія бесѣды и наблюденія. Пока я ограничиваюсь возможно точнымъ и безпристрастнымъ отчетомъ о непосредственномъ впечатлѣніи, которое ссыльные произвели на меня. И если семипалатинскіе ссыльные могутъ служитъ представителями ссыльныхъ вообще, то та концепція нигилизма, которую я раздѣлялъ со всѣми американцами, ошибочна. Я не нашелъ въ нихъ ничего мрачнаго, трагическаго, анормальнаго, что должно бы удалять отъ нихъ симпатіи здравыхъ умовъ и цивилизованнаго міра. Эти люди оказались добрыми, интеллигентными, просвѣщенными, съ готовностью сочувствія всему хорошему, съ великодушными импульсами, съ непоколебимыми идеалами чести и долга. Они, какъ сказалъ мнѣ П., при иныхъ обстоятельствахъ могли бы оказать великія услуги своей странѣ. Если, вмѣсто такой службы своей родинѣ, они прозябаютъ въ изгнаніи, то вина въ этомъ лежитъ не въ отсутствіи въ нихъ патріотизма и сознанія долга, а въ ихъ правительствѣ, которое безумно расточаетъ дорогія силы, которое, беря на себя — думать и дѣйствовать за русскій народъ, оказывается въ противорѣчіи съ своимъ временемъ.

18-го іюня, осмотрѣвъ городскую тюрьму и собравъ, сколько было возможно, свѣдѣній о практикѣ русской ссылки, мы, запасшись подорожной и простившись съ новыми друзьями, оставили Семипалатинскъ для своей алтайской экспедиціи. На разстояніи 220 миль дорога шла вверхъ по Иртышу, по безконечной песчаной пустынѣ, съ рѣдкими оазисами, въ видѣ казачьихъ деревень, расположенныхъ всегда у рѣки и полныхъ прохлады и зелени. Эти оазисы были особенно интересны и живописны по воскресеньямъ, когда жители наряжались въ свои праздничныя разноцвѣтныя платья и наполняли улицы пѣніемъ и шумомъ веселой толпы. Но и ихъ было недостаточно, чтобы вознаградить путешественника за тяжесть дороги. И чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ она становилась невыносимѣе. Песокъ наполнялъ собою все; онъ забивался въ ротъ, носъ, глаза, уши; а жара, доходившая до 100—105° въ тѣни, положительно грозила задушить насъ. Противъ нея ничто не помогало. Мнѣ припомнилось, какъ я скептически улыбался, когда одинъ омскій офицеръ раз-

сказывалъ мнѣ о солнечныхъ ударахъ, случавшихся съ его солдатами въ долинѣ Иртыша. „Солнечные удары! Въ Сибири! что за вздоръ!“— думалъ я тогда. Теперь я ощущалъ на себѣ ихъ полную возможность. Около станціи Воронежской насъ, въ довершеніе несчастій, застигла песчаная буря. Въ продолженіе 2-хъ часовъ мы буквально задыхались и испытывали невозможныя страданія. Когда мы пріѣхали въ Черемшанку, глядя на насъ, нельзя было сказать, киргизы мы, или американцы; такой слой песчаной пыли лежалъ на нашихъ лицахъ. Я выпилъ кварту холоднаго молока и не могъ утолить своей жажды, а м-ръ Фростъ, промывъ глаза и уши, и выпивъ 8 кружекъ молока, оправился на столько, чтобы сказать: „если кто нибудь скажетъ, что въ Сибири не жарко,—пошлите-ка его ко мнѣ!“ Скоро мы оставили Иртышъ и начали понемногу подниматься. На слѣдующій день картина совершенно перемѣнилась. Мы ѣхали по зеленымъ альпійскимъ лугамъ съ роскошной растительностью, съ чудной картиной поднимающихся къ небу снѣжныхъ вершинъ впереди. Переходъ былъ такъ рѣзокъ, а картины такъ величественны, что я не хотѣлъ вѣрить глазамъ. На Алтайскую станцію мы прибыли подъ вечеръ, часовъ въ 6, и я никогда не забуду того впечатлѣнія, которое я испыталъ, пройдя до деревни по нѣжно-зеленому лугу, окаймленному лѣсомъ, и повернувшись потомъ къ горамъ, которыя на 9000 футовой высотѣ блестѣли на солнцѣ своими снѣжными верхами. Я не знаю въ мірѣ болѣе поэтическаго прелестнаго уголка, чѣмъ эта Алтайская станція, расположенная у подножья громадныхъ горъ, полная цвѣтовъ, нѣжной зелени луговъ и деревьевъ и ропота многочисленныхъ каскадовъ. Термометръ показывалъ жаркій день, но слыша веселые звуки потоковъ подъ моими окнами, видя снѣгъ на горахъ и зелень у ногъ, я не вѣрилъ термометру.

Мы пробыли здѣсь 3, 4 дня и 27-го іюля, верхами отправились къ Катунскимъ альпамъ, цѣли экскурсіи. Насъ провожали — капитанъ Маевскій (комендантъ станціи) съ женою и дочерью, казачій атаманъ съ женою, Завалишинъ (ссыльный) съ женою и еще нѣсколько кавалеровъ и дамъ. Послѣ прелестнаго пикника, веселой болтовни, пѣнія, ловли рыбы и проч. мы простились съ гостепріимными хозяевами и отправились дальше.

Я не буду разсказывать здѣсь подробностей и перипетій экскурсіи. Скажу только, что подъемъ и спускъ были очень трудны, часто опасны. Подо мной не разъ падала лошадь, и я счастливо спасался отъ гибели въ тысячефутовой безднѣ, лежащей подъ ногами. Но всѣ эти трудности и опасности съ избыткомъ вознаграждались тѣми новыми величественными впечатлѣніями, которыя можно найти въ такихъ дикихъ и живописныхъ горахъ. Мы видѣли громадные

ледники, ущелья и разсѣлины, быстрыя потоки и чудныя долины; сняли нѣсколько фотографическихъ снимковъ и 5-го августа вернулись на Алтайскую станцію.

Если бы не необходимость спѣшить, чтобы насъ не захватила до Кары (2500 миль) зима, мы не могли-бы лучше и пріятнѣе употребить свое лѣтнее время, какъ оставшись на Алтайской станціи. Не говоря о всѣхъ прелестяхъ этого райскаго уголка, нашъ хозяинъ, капитанъ Маевскій, обѣщалъ намъ всѣми находящимися въ его распоряженіи средствами, способствовать устройству экскурсій во всѣ интересныя и еще неизслѣдованныя окрестныя мѣста. Искушеніе было слишкомъ сильно, но... времени оставалось слишкомъ мало, и 6-го августа мы навсегда простились съ Алтайской станціей. По дорогѣ до Томска лежали два ссыльныхъ пункта, Ублинскъ и Усть-Каменогорскъ, гдѣ я хотѣлъ сдѣлать короткія остановки. На этотъ разъ наше путешествіе было далеко не изъ пріятныхъ. Дорога, и вообще отвратительная, худшая, чѣмъ самая скверная дорога въ нашей гористой Виргиніи, была до нельзя испорчена дождями. Въ одномъ мѣстѣ никакія старанія не могли убѣдить возчиковъ везти дальше нашъ тяжелый тарантасъ: дѣло было къ ночи и все обѣщало бурю. Наконецъ, благодаря деньгамъ и усиліямъ станціоннаго смотрителя, одинъ ямщикъ взялся довезти насъ до станціи Александровской. Едва мы углубились въ горы, разразилась гроза съ ливнемъ, громомъ и молніями. Въ темнотѣ мы не разъ теряли дорогу, попадали въ канавы, изъ которыхъ лошади едва вытягивали завязнувшій тарантасъ. Въ теченіе цѣлаго часа я принужденъ былъ идти впереди, подъ дождемъ, ощупывая дорогу и предупреждая ямщика въ опасныхъ мѣстахъ. Но мнѣ, наконецъ, надоѣло мѣсить грязь, и падать постоянно въ лужи, и я рѣшилъ все предоставить на произволъ судьбы, забрался въ тарантасъ, закутался одѣялами и приготовился спать. Не тутъ-то было: не прошло и четверти часа, стопъ...—тарантасъ увязъ опять и на этотъ разъ вполнѣ основательно. Сколько ни осматривали мы дорогу, сколько ни старались вытащить его изъ какой то трущобы, сколько ни кричали поощрительно на себя и на лошадей,—тарантасъ не трогался съ мѣста. Оставалось одно: отправить ямщика въ деревню за помощью, а самимъ какъ нибудь провести ночь подъ дождемъ, на дорогѣ. Мокрые до нитки, облѣпленные грязью, мы забрались подъ крышу тарантаса, закрылись всѣмъ, что могли найти, и такъ провели ночь, пока не вернулся ямщикъ съ помощью и свѣжими лошадьми. Какъ бы то ни было, однако, 7-го къ вечеру мы были въ Ублинскѣ и отдыхали на станціи. Еще въ Семипалатинскѣ я узналъ, что здѣсь поселены: Блокъ, молодой студентъ, Карелинъ, сынъ фотографа изъ Нижняго-Новгорода, Гроссъ,

студентъ-юристъ, и докторъ Витертъ, изъ Варшавы. Мнѣ говорили и о нихъ и объ ихъ исторіяхъ, но мнѣ хотѣлось ихъ видѣть главнымъ образомъ вотъ почему: быть можетъ, думалъ я, высокій уровень развитія семипалатинцевъ есть только случайность; быть можетъ, въ глуши, въ родѣ Ублинска, я найду субъектовъ, болѣе подходящихъ къ типу нигилиста, вывезенному мною изъ Америки.

Мы не пробыли и часу на станціи, какъ гг. Блокъ и Гроссъ сами явились къ намъ съ визитомъ. Блокъ сразу завоевалъ мое сердце. Это былъ человѣкъ лѣтъ 27—28, средняго роста и атлетическаго сложенія, съ черными глазами и волосами, съ твердымъ и рѣшительнымъ лицомъ, которое каждой чертою говорило объ умѣ и силѣ характера. Это было вполнѣ, что называется, „хорошее“ лицо. Маркъ Аврелій говоритъ гдѣ-то съ своей нѣсколько цинической выразительностью: — „честный и хорошій человѣкъ подобенъ человѣку съ дурнымъ запахомъ; проходящіе должны обонять этотъ запахъ, хотятъ или не хотятъ они этого“. Такъ же невольно вы подчиняетесь честности и силѣ, которая вѣетъ отъ иныхъ лицъ. Г. Гроссъ былъ человѣкъ лѣтъ 30, съ правильными чертами лица, съ пріятными, ласкающими модуляціями голоса, съ пылкою рѣчью. Послѣ продолжительной бесѣды съ ними, я убѣдился, что и здѣсь я не найду нигилистовъ. Оба были очень образованные молодые люди, особенно свѣдущіе въ политической экономіи, и каждаго изъ нихъ можно было принять за молодого профессора изъ Johns Hopkins University. Въ 9 часовъ вечера мы вмѣстѣ отправились навѣстить остальныхъ ссыльныхъ. Всѣ они жили ужасно бѣдно, и было видно, что жизнь ихъ не легка. Но не было ни жалобъ, ни погони за сочувствіемъ; они умѣли страдать молча и съ достоинствомъ. Физически всѣ выглядѣли здоровыми, за исключеніемъ доктора Витерта, который въ тюрьмахъ и ссылкѣ провелъ 10 лѣтъ и казался въ свои 45 лѣтъ совершеннымъ старикомъ. Онъ ходилъ согнувшись, опираясь на палку, и можно думать, что уже недолго онъ будетъ смущать своимъ разбитымъ существованіемъ русское правительство. Онъ былъ, кажется, наиболѣе просвѣщеннымъ изъ всѣхъ, и длинный разговоръ, который я велъ съ нимъ, показывалъ, что онъ, между прочимъ, основательно знакомъ и съ нашими американскими дѣлами. Онъ первый сообщилъ мнѣ о смерти генерала Гранта. Какъ ни мала была ублинская ссыльная колонія, у нея была хотя маленькая, но хорошо подобранная библіотека. Мнѣ нечего, кажется, доказывать, что уносящіе съ собою въ изгнаніе свои книги, и берегущіе ихъ какъ зеницу ока, мало похожи на „невѣжественныхъ сапожниковъ“, какъ мнѣ характеризовалъ ихъ одинъ русскій офицеръ; что это—люди образованные, серьезные и мыслящіе. Если такіе люди

вмѣсто того, чтобы служить своему государству, живутъ въ ссылкѣ, гдѣ-то на границахъ Монголіи,—тѣмъ хуже для государства. Въ оживленныхъ бесѣдахъ мы провели въ Ублинскѣ ночь и слѣдующій день. Я бы съ удовольствіемъ отложилъ отъѣздъ, но надо было спѣшить. Блокъ и Карелинъ провожали насъ нѣсколько верстъ верхами и, прощаясь, просили насъ не забывать о нихъ въ „иной болѣе свободной и счастливой странѣ“. Если когда нибудь эти страницы попадутъ имъ въ руки въ жалкихъ ублинскихъ избахъ, пусть они вѣрятъ, что мы ихъ не забыли и вспоминаемъ о нихъ въ нашей „болѣе счастливой странѣ“ съ глубокимъ уваженіемъ и горячимъ сочувствіемъ.

Въ Каменогорскѣ, къ немалому удивленію, мы опять увидѣли Гросса. Оказалось, онъ опередилъ насъ, чтобы еще разъ повидаться. Не успѣлъ онъ сѣсть, какъ намъ доложили о визитѣ какого-то офицера; и прежде чѣмъ я спросилъ Гросса, каковы его отношенія съ мѣстнымъ начальствомъ, офицеръ Шайтановъ вошелъ въ комнату. Положеніе мое было довольно затруднительно. Офицеръ, увидѣвъ у меня ссыльнаго изъ другого города, могъ бы принять по отношенію къ нему такой тонъ, который бы сдѣлалъ неизбѣжнымъ рѣшительное вмѣшательство съ моей стороны. Я не могъ бы, конечно, допустить, чтобы за моимъ столомъ оказали неуваженіе моему гостю. Къ счастью, все обошлось благополучно. Г. Шайтановъ оказался джентельменомъ и не выразилъ ничѣмъ своего удивленія, если оно и было. Онъ очень вѣжливо раскланялся, когда я представилъ ему г. Гросса, и черезъ нѣсколько минутъ они оживленно бесѣдовали о пчеловодствѣ въ Каменогорскѣ.

Послѣ ухода г. Шайтанова, мы отправились подъ предводительствомъ г. Гросса знакомиться съ мѣстными ссыльными. Было бы слишкомъ утомительно подробно описывать всѣхъ ссыльныхъ, которыхъ мы встрѣчали въ Сибири. Каменогорскіе не были ни въ чемъ ниже Ублинскихъ или Семипалатинскихъ. Здѣшняя колонія представляла лишь то отличіе, что она заключала въ себѣ большее разнообразіе типовъ. Здѣсь были представители всѣхъ общественныхъ слоевъ, начиная отъ деревенскаго башмачника и кончая грузинскимъ княземъ. Большинство, однако, принадлежало къ привилегированнымъ сословіямъ. Я назову Коновалова, Милинчука, Бѣловскаго. Этотъ послѣдній, литераторъ, особенно поразилъ меня своимъ умомъ, широтою и ясностью своихъ взглядовъ. Онъ былъ близко знакомъ съ русской исторіей и юриспруденціей, такъ же какъ съ исторіей и литературой Западной Европы и, хотя заявилъ себя пессимистомъ и ученикомъ Шопенгауэра, но бремя изгнанія несъ мужественно и бодро. Я съ нимъ долго бесѣдовалъ о русскихъ дѣлахъ и удивлялся

тому здравому и безпристрастному взгляду, съ которымъ онъ смотрѣлъ на революціонное движеніе и на правительственныя мѣропріятія въ борьбѣ съ нимъ. Считать такого человѣка нигилистомъ—смѣшно, а ссылать его въ Сибирь, какъ опаснаго члена общества — прямо нелѣпо. Во всякой цивилизованной странѣ онъ считался бы самымъ умѣреннымъ либераломъ. Колонія ссыльныхъ въ Каменогорскѣ была послѣднею, какую мы видѣли въ степныхъ областяхъ, и мнѣ кажется нелишнимъ, прежде, чѣмъ описывать дальнѣйшее путешествіе по Сибири, остановиться на томъ, что называется административной ссылкой.

Административная ссылка.

Административной ссылкой въ Россіи называется насильственное перемѣщеніе человѣка въ какой-нибудь пунктъ имперіи безъ соблюденія какихъ бы то ни было легальныхъ формальностей, которыя обязательны во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ при лишеніи гражданина какихъ-нибудь правъ и наложеніи какого-нибудь наказанія. Лицо, сосланное такимъ образомъ, можетъ быть неповинно ни въ какомъ преступленіи, предусмотрѣнномъ законами страны, но, если, по мнѣнію администраціи, присутствіе его въ данной мѣстности „угрожаетъ общественному спокойствію", оно можетъ быть арестовано и сослано безъ всякихъ церемоній на край государства, подъ полицейскій надзоръ, срокомъ до 5-ти лѣтъ [1]. Ему могутъ сообщать, или нѣтъ, причины ссылки, но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ оно равно безпомощно. Оно не можетъ бороться съ свидѣтельскими показаніями, на основаніи которыхъ его присутствіе считается „опаснымъ"; оно не можетъ ссылаться на друзей въ удостовѣреніе своей лойяльности и невинности, не рискуя увлечь за собою въ ссылку и ихъ; оно не имѣетъ права требовать суда, или хотя бы допроса; оно не можетъ сослаться на какую-нибудь гарантію неприкосновенности, за ея отсутствіемъ въ русской жизни; оно не можетъ апеллировать къ обществу путемъ прессы,—его сообщенія съ внѣшнимъ міромъ охраняются такъ строго, что иногда родители не знаютъ, гдѣ оно, и что съ нимъ;—оно не имѣетъ, однимъ словомъ, ни малѣйшихъ средствъ самозащиты. Какъ иллюстрацію, показывающую, каковы бываютъ тѣ данныя, на основаніи которыхъ человѣка могутъ счесть за „опаснаго для общественнаго спокойствія", я разскажу здѣсь кое-какіе изъ фактовъ, собранныхъ въ моихъ замѣткахъ.

---

[1] Теперь ссылаютъ административно и на 10 лѣтъ.
(Прим. переводчика).

Многіе нью-іоркцы помнятъ еще, вѣроятно, морскаго офицера Станюковича, состоявшаго въ свитѣ великаго князя Алексѣя, въ бытность послѣдняго въ Америкѣ. Этотъ блестящій офицеръ, которому открывалась впереди карьера, отказался отъ нея для литературнаго поприща, которому болѣе отвѣчали и его вкусы, и его широкіе либеральные взгляды. Онъ написалъ нѣсколько хорошихъ романовъ и повѣстей, на которые очень косо посматривало русское правительство, и въ 1883 г. купилъ на свое имя извѣстный журналъ „Дѣло“. Значительную часть лѣта 1884 г. онъ пробылъ съ семьей въ Баденъ-Баденѣ, и къ концу года, оставивъ семью за границей, отправился въ Петербургъ. Въ Вержболовѣ его арестовали, отвезли въ Петербургъ на казенный счетъ и посадили въ Петропавловскую крѣпость. Жена, ничего этого не зная, нѣкоторое время писала ему въ Петербургъ. Наконецъ, не получая отвѣтовъ, она встревожилась и телеграммой въ редакцію журнала справилась о мужѣ. Изъ редакціи ей отвѣчали, что въ Петербургѣ ея мужа нѣтъ. Г-жа Станюковичъ, въ смертельной тревогѣ, полетѣла въ Петербургъ. Но и здѣсь она ничего не узнала. Мужъ ея въ редакціи не появлялся; никто изъ знакомыхъ его не видалъ. Онъ исчезъ безслѣдно. Наконецъ, кто-то надоумилъ несчастную женщину обратиться къ Оржевскому. Тогда оказалось, что Станюковичъ арестованъ; что полиція, перехватывая его письма, констатировала фактъ переписки между нимъ и однимъ русскимъ эмигрантомъ. Хотя эта переписка была совершенно невинна и касалась только дѣлъ журнала, но факта, что издатель журнала, при томъ извѣстный, какъ либералъ, переписывается съ эмигрантомъ, оказалось совершенно достаточно, чтобы почесть его пребываніе въ Петербургѣ „опаснымъ“, арестовать и сослать его на 3 года въ Сибирь. Журналъ, конечно, былъ пріостановленъ; денежныя дѣла г. Станюковича подорваны въ корнѣ.

Если русское правительство такъ мало церемонится съ людьми, занимающими положеніе, имѣющими вѣсъ, состоятельными, въ столицѣ государства, — можно себѣ представить, что дѣлается въ провинціи съ мелкимъ людомъ, въ родѣ студентовъ, рабочихъ и проч.!...

Въ 1879 г. въ Ивангородѣ, Черниговской губерніи, жилъ докторъ Бѣлый, человѣкъ либеральный, но не агитаторъ и не революціонеръ. Однажды двѣ дѣвушки, исключенныя по неблагонадежности изъ женскихъ курсовъ и сосланныя на родину, явились къ нему съ просьбой позволить имъ, въ его пріемной и подъ его руководствомъ, продолжать свое медицинское образованіе. Онѣ не имѣли права жить въ Ивангородѣ, и обязанность Бѣлаго, какъ вѣрноподданнаго, была, безъ всякихъ церемоній, предать ихъ въ

руки полиціи, не обращая вниманія на то, что онѣ явились къ нему съ рекомендаціями, съ просьбой о помощи, довѣряя его чести. Но г. Бѣлый былъ человѣкъ мужественный и благородный. Онъ не отослалъ ихъ въ полицію и согласился помочь имъ. Скоро, конечно, „преступленіе“ было открыто, и въ маѣ докторъ Бѣлый и его двѣ ученицы были отправлены въ административную ссылку въ Сибирь, именно, въ Верхоянскъ, одинъ изъ самыхъ отдаленныхъ пунктовъ сѣверо-восточной Сибири. Г-жа Бѣлая, прелестная молодая женщина, была беременна и не могла тогда же слѣдовать за мужемъ. Не имѣя достаточныхъ средствъ для путешествія въ 6000 миль, она должна была ѣхать съ пересыльной партіей медленнымъ этапнымъ путемъ: только черезъ 16 мѣсяцецъ ей предстояло увидѣть своего мужа. Но она его не увидѣла. Тягости пути, невыносимыя для непривычной женщины, вѣчныя заботы и безпокойство о мужѣ подорвали ея физическія и умственныя силы. Не доставало только толчка, чтобы окончательно убить несчастную женщину. Этотъ толчекъ не заставилъ себя ждать. Въ Восточной Сибири есть два города съ созвучными именами — Верхоленскъ и Верхоянскъ. Подъѣзжая къ Верхоленску г-жа Бѣлая думала, что она уже у цѣли, что еще нѣсколько часовъ, — и она увидитъ мужа. И вдругъ случайно она узнаетъ, что ей нужно ѣхать въ Верхоянскъ, и что 3000 миль снѣжной пустыни отдѣляютъ ее отъ мужа. Этого было достаточно. Молодая женщина помѣшалась и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умерла въ Иркутскомъ госпиталѣ, такъ и не увидѣвъ того, для котораго она столько перенесла. Таковъ голый фактъ. Если бы читатель выслушалъ эту трагическую исторію изъ устъ очевидцевъ, которые изо дня въ день наблюдали эту медленную смерть, онъ пересталъ бы удивляться тому, что подобные факты порождаютъ террористовъ; онъ удивился бы, какъ вся страна, въ которой продѣлываются такія вещи, не обращается къ террору!

Мнѣ было бы очень легко наполнить десятки страницъ перечисленіями такихъ случаевъ административной ссылки, гдѣ не было и тѣни причины.

Вл. Короленко, извѣстный русскій беллетристъ, одна изъ книгъ котораго недавно переведена въ Бостонѣ, былъ сосланъ въ 1879 г. въ Сибирь, какъ потомъ засвидѣтельствовало само правительство, — „по ошибкѣ“. Благодаря вмѣшательству сильныхъ друзей, ошибка была исправлена, и ему дозволено было возвратиться. Раздраженный несправедливостью, онъ отказался дать присягу Александру III, при его вступленіи на престолъ. Тогда, уже „безъ ошибки“, его сослали въ Якутскую область.

Бородинъ, извѣстный сотрудникъ „Отечественныхъ Записокъ“, былъ сосланъ въ Якутскую область за „опасный“ и „преступный“ характеръ рукописи, приготовленной для напечатанія въ „От. Зап.“ и найденной у него при обыскѣ. Въ сѣромъ халатѣ, съ бубновымъ тузомъ на спинѣ пошелъ онъ въ Сибирь и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ якутской юртѣ имѣлъ удовольствіе прочесть въ „От. Зап.“ ту самую статью, за „преступность“ которой былъ сосланъ.

Очкинъ былъ сосланъ въ 1885 г. въ Сибирь только потому, что (пользуюсь неподражаемой правительственной мотивировкой) „былъ заподозрѣнъ въ намѣреніи перейти въ нелегальность“, т. е. принять на себя вымышленное имя. На какомъ основаніи онъ былъ „заподозрѣнъ въ намѣреніи“ совершить это адское преступленіе, — Очкинъ никогда не могъ узнать. Другой мой знакомый V. былъ сосланъ за то, что былъ знакомъ съ Z., который ждалъ надъ собою суда по политическимъ обвиненіямъ. Z. былъ оправданъ, но это не помѣшало V-у, пріятелю этого оправданнаго и, значитъ, невиннаго человѣка, отправиться въ Сибирь. — Одинъ молодой студентъ Владиміръ Сидорскій (фамилія вымышленная) былъ арестованъ по ошибкѣ вмѣсто своего однофамильца, Виктора, котораго пребываніе въ Москвѣ показалось кому-то и почему-то „опаснымъ для общественнаго спокойствія“. Напрасно юноша ссылался на то, что онъ не Викторъ, а Владиміръ, что никакого Виктора онъ не знаетъ, что его арестъ — очевидная ошибка. Полиція была слишкомъ занята охотой на „неблагонадежныхъ“, чтобы заботиться объ удостовѣреніи личности какого-то студента, — и Владиміръ Сидорскій отправился въ Сибирь искупать грѣхи своего однофамильца. Счетъ былъ соблюденъ. Когда конвойный офицеръ принималъ партію и на имя Виктора Сидорскаго никто не отозвался, онъ съ проклятіями закричалъ: „Викторъ Сидорскій, гдѣ онъ? Это вы? Почему вы не откликаетесь? — „Потому, что я не Викторъ“, отвѣчалъ студентъ. — „Кто же вы?“ — „Владиміръ“. Офицеръ, такой же поклонникъ счета, какъ и его правительство, хладнокровно переправилъ въ своихъ спискахъ злополучное имя и съ циническимъ остроуміемъ прибавилъ: „Вѣдь это совершенно все равно“.

Въ 1874 году студентъ Лазаревъ былъ арестованъ и, послѣ 4-хъ лѣтняго одиночнаго заключенія, судимъ по обвиненію въ участіи въ революціонной пропагандѣ. Обвиненіе оказалось неосновательнымъ и судъ оправдалъ его. Казалось бы, безпричинный арестъ, 4-лѣтнее заключеніе и полное отсутствіе какого бы то ни было вознагражденія за перенесенныя страданія, могли бы хоть кого сдѣлать террористомъ;—но Лазаревъ сумѣлъ какъ-то совладать съ негодованіемъ, примирился, и, окончивъ свое юридическое образованіе, до

1884 г. занимался въ Саратовѣ адвокатурой безъ всякихъ столкновеній съ полиціей. Но въ одинъ злосчастный день его требуютъ къ губернатору, съ которымъ онъ лично знакомъ, и сообщаютъ о полученномъ изъ Петербурга распоряженіи сослать его въ Восточную Сибирь на 3 года. На запросъ въ министерствѣ онъ получилъ отвѣтъ, составленный въ слѣдующихъ выраженіяхъ: — „Вы высылаетесь въ Восточную Сибирь потому, что не отказались отъ своей прошлой преступной дѣятельности"; другими словами, полиція отправляла его въ ссылку за то, за что его оправдалъ правительственный судъ. Въ Московской пересыльной тюрьмѣ, гдѣ было собрано много ссыльныхъ для отправки въ Сибирь, и куда привезли и Лазарева, зашелъ разговоръ о томъ, за что кого ссылаютъ. Обратились съ вопросомъ и къ Лазареву. — „Не знаю", — отвѣчалъ онъ. — „Какъ не знаете? — воскликнулъ одинъ изъ товарищей. — У вашего отца была пѣгая корова?" — „Очень вѣроятно, — отвѣчалъ Лазаревъ, — у моего отца было цѣлое стадо коровъ". — „Чего же вамъ еще? Этого достаточно, чтобы отправить въ Сибирь цѣлый десятокъ людей! А онъ говоритъ, — не знаю!"

Грубая несправедливость, безжалостная жестокость, невозможныя „ошибки" и „недоразумѣнія", которыми полна практика административной ссылки, которыя дѣлаютъ ее въ глазахъ американца какимъ то дикимъ, ужаснымъ кошмаромъ, обязаны полному отсутствію контроля надъ дѣйствіями власти, полному отсутствію отвѣтственности за беззаконія и насилія. Министръ внутреннихъ дѣлъ, въ вопросѣ о ссылкѣ, не подлежитъ ни малѣйшему ограниченію. Но такъ какъ ему лично положительно невозможно знакомиться съ дѣлами, по которымъ требуется его заключеніе, онъ долженъ передавать часть своей безотвѣтственной власти начальникамъ полиціи и жандармамъ, губернаторамъ и своимъ непосредственнымъ подчиненнымъ. Эти, по тѣмъ же причинамъ, передаютъ долю своей власти низшимъ чиновникамъ, часто невѣжественнымъ и далеко не безкорыстнымъ, которые и являются въ сущности господами положенія и рѣшителями дѣлъ, съ которыми связаны жизнь и свобода гражданъ. Теоретически, Министръ внутреннихъ дѣлъ въ совѣтѣ, состоящемъ изъ 3-хъ его подчиненныхъ и 2 членовъ отъ Министерства юстиціи, долженъ разсматривать всѣ дѣла, влекущія за собою административную ссылку, но практически онъ просто не можетъ дѣлать ничего подобнаго по недостатку времени. Въ 1881 г. передъ департаментомъ полиціи прошло 1500 политическихъ дѣлъ. Если бы министръ внутреннихъ дѣлъ давалъ каждому дѣлу хотя по $^1/_2$, хотя по $^1/_4$ часа своего времени, онъ не могъ бы дѣлать ничего другого. Понятно, что ему остается только подписывать бумаги. Надо думать, что, знай онъ,

напримѣръ, что обвиненіе противъ Короленко основано на ошибкѣ, онъ не подписалъ бы распоряженія о его ссылкѣ; знай онъ, что статья, за которую онъ отправлялъ Бородина въ Якутскъ, одобрена цензурнымъ комитетомъ, онъ оставилъ бы его въ Петербургѣ. Какъ легко, вообще, въ Россіи получить подпись важнаго чиновнаго лица достаточно показываетъ слѣдующій случай. Столоначальникъ канцеляріи Тобольскаго губернатора, доказывая полную возможность управлять дѣйствіями своего начальства, побился объ закладъ, что онъ заставитъ губернатора Лиссогорскаго подписать, какъ дѣловую бумагу, молитву „Отче нашъ“. Написавъ молитву въ формѣ дѣловой бумаги, онъ представилъ ее, вмѣстѣ съ прочими бумагами, для подписи на утреннемъ докладѣ, и выигралъ свое пари. Губернаторъ подписалъ молитву, и это была, вѣроятно, самая безвредная бумага, какая только исходила изъ его канцеляріи.

Какъ велико было число такихъ беззаботныхъ губернаторскихъ упражненій на бумагахъ, въ которыхъ рѣшались судьбы людей, видно изъ того, что когда либеральный министръ Лорисъ-Меликовъ принялъ власть въ 1880 г., онъ счелъ необходимымъ назначить особую комиссію для пересмотра всѣхъ случаевъ административной ссылки и при ея помощи исправить, по возможности, тѣ ошибки, недоразумѣнія и беззаконія, противъ которыхъ поднялись протесты со всѣхъ концовъ Имперіи, лишь только появилась надежда, что на нихъ обратятъ вниманіе. Изъ 2800 дѣлъ, представленныхъ на ея разсмотрѣніе, комиссія успѣла до января 1881 года разсмотрѣть 650, изъ которыхъ въ 328 случаяхъ высказалась за освобожденіе и возвращеніе невинно пострадавшихъ.

Единственнымъ средствомъ устранить всѣ подобныя печальныя недоразумѣнія было бы изъять политическія дѣла изъ рукъ неотвѣтственной полиціи, которая самымъ своимъ положеніемъ поставлена въ необходимость ихъ плодить во что бы то ни стало, для проявленія своего усердія, и передать ихъ законному суду, которому онѣ принадлежатъ по праву. Московское дворянское собраніе, по иниціативѣ одного изъ своихъ членовъ, Самарина, представило императору почтительную, но настоятельную петицію, въ которой просило, чтобы всякому политическому преступнику, подвергающемуся административной карѣ, предоставлено было право требовать формальнаго разсмотрѣнія своего дѣла судебнымъ порядкомъ. Правительство даже не отвѣчало на эту петицію.

Министръ внутреннихъ дѣлъ издалъ въ 1882 г. негласную инструкцію, резюмирующую положеніе ссыльныхъ и поднадзорныхъ, озаглавленную такъ: „Положеніе о политическомъ надзорѣ“. Въ ней на первыхъ же страницахъ министръ заявилъ, что „ссылка и

надзоръ суть не наказанія за преступленія уже совершенныя, а полицейскія мѣропріятія, предупреждающія возможность преступленій, могущихъ быть совершенными въ будущемъ". Такая формулировка есть только недостойная игра словами, приводящая на практикѣ къ самымъ пагубнымъ и возмутительнымъ послѣдствіямъ. Мѣстныя власти съ такой инструкціей въ рукахъ, естественно слѣдятъ не за дѣлами человѣка, заслуживающими кары, а за его мнѣніями, превратными и опасными; они обращаютъ свои удары на тѣхъ, которыхъ взгляды позволяютъ предполагать „возможность съ ихъ стороны въ будущемъ преступныхъ дѣлъ". Инструкція вооружаетъ ихъ чисто инквизиціонной властью и должна была бы быть названа „положеніемъ, регулирующимъ частныя мнѣнія", въ какомъ именно смыслѣ она понята обществомъ и практикуется полиціей. Что же касается до утвержденія, что административная ссылка не наказаніе, а способъ предупрежденія необходимости его примѣненія въ будущемъ, то это — такая насмѣшка, передъ которой мы, американцы, становимся въ тупикъ. Если ссылка въ Якутскую область въ Россіи не считается наказаніемъ, то слово „наказаніе" должно имѣть въ русской юриспруденціи совершенно своеобразное значеніе. Для женщинъ, молодыхъ дѣвушекъ, ссылка въ Сибирь съ ея ужасными, тяжелыми и противугигіеническими условіями, со всѣми безконечными лишеніями въ пути и жизни тамъ, почти равняется смертному приговору, и намъ говорятъ, что это не наказаніе, а отеческая мѣра. Въ 1884 г. красивая и интеллигентная дѣвушка, Софья Никитина, была сослана изъ Кіева, гдѣ она училась, въ одну изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей Восточной Сибири. Зимой 84—85 г., уже проѣхавъ 3000 миль, она захватила тифъ на одномъ изъ насквозь прогнившихъ и пропитанныхъ ядовитою заразою, этаповъ между Томскомъ и Ачинскомъ. На этапахъ нѣтъ ни фельдшеровъ, ни аптекъ, ни пріемныхъ покоевъ, и больной, иногда умирающій, долженъ тащиться до перваго лазарета (ихъ четыре между Томскомъ и Иркутскомъ, на 1000 миль). Не знаю, сколько времени пришлось несчастной дѣвушкѣ плестись больной въ жестокіе морозы, пока она не обрѣла себѣ, наконецъ, успокоенія въ лазаретѣ, но знаю, что въ Ачинскѣ ея короткая жизнь кончилась. Вѣроятно, для нея было большимъ утѣшеніемъ, умирая въ тюремномъ госпиталѣ за 3000 миль отъ родныхъ и близкихъ, то, что она не наказана, что попечительное начальство для ея же пользы отправило ее умирать въ Сибирь. — Князь Ал. Крапоткинъ, совершенный джентльменъ, хорошій математикъ и астрономъ, былъ сосланъ административно въ Сибирь главнымъ образомъ потому, что былъ братомъ Петра Крапоткина, извѣстнаго революціонера. Послѣ 10-лѣтней ссылки Ал.

Крапоткинъ кончилъ жизнь самоубійствомъ въ 1886 г. — Викторія Гуковская, 14-ти лѣтняя дѣвочка, была сослана въ Сибирь въ 1878 г. а въ 1881 г. повѣсилась въ Красноярскѣ. — Административно высланный Бачинъ, въ припадкѣ помѣшательства, убилъ жену, тоже ссыльную, потомъ отравился и самъ... И вотъ, передъ лицомъ всѣхъ этихъ неподкупныхъ свидѣтельствъ, этихъ трагедій и цѣлаго ряда другихъ, о которыхъ я не упоминаю, правительство имѣетъ смѣлость утверждать, что административная ссылка есть не наказаніе, а мудрая, отеческая мѣра, удерживающая людей на краю пропасти и возвращающая ихъ на истинный путь! Нѣтъ, административная ссылка — болѣе, чѣмъ наказаніе; она есть наказаніе, осложненное свирѣпой и варварской несправедливостью и жестокостью. Если бы она еще хотя бы достигала тѣхъ цѣлей, которыя ей ставятъ, она могла бы найти, съ точки зрѣнія деспотическаго правительства, если не оправданіе, то снисхожденіе; но и въ этомъ отношеніи она не даетъ ничего хорошаго. Въ недавнемъ своемъ рапортѣ министру внутреннихъ дѣлъ Архангельскій губернаторъ, К. Барановъ, разсматривая вопросъ объ административной ссылкѣ, говоритъ слѣдующее:

— „Изъ опыта прошлыхъ лѣтъ и изъ моихъ личныхъ наблюденій я пришелъ къ заключенію, что административная ссылка по политическимъ мотивамъ скорѣе портитъ, чѣмъ исправляетъ характеръ человѣка. Переходъ отъ достаточной жизни къ нищетѣ, отъ общества къ полному его отсутствію, отъ дѣятельности къ вынужденной праздности ведетъ къ тѣмъ печальнымъ послѣдствіямъ, что нерѣдко, особенно въ послѣднее время, ссыльные сходятъ съ ума, покушаются на самоубійства и совершаютъ ихъ. Это — прямо результатъ тѣхъ ненормальныхъ условій, въ которыя ставитъ образованнаго человѣка ссылка. Не было еще ни одного случая, чтобы человѣкъ, основательно заподозрѣнный въ политической неблагонадежности и высланный административно, возвратился изъ ссылки примиреннымъ, раскаявшимся, и сталъ бы вѣрнымъ слугою престола и полезнымъ членомъ общества. Съ другой стороны, очень не рѣдки случаи, когда человѣкъ, сосланный по недоразумѣнію, по административной ошибкѣ, именно тутъ, въ ссылкѣ, дѣлается неблагонадежнымъ, отчасти вслѣдствіе сношеній съ истинными врагами правительства, отчасти изъ личнаго раздраженія. Если человѣкъ уже зараженъ противоправительственными идеями, всѣ условія его ссыльной жизни стремятся усилить такое настроеніе и развить въ немъ болѣе опасныя стороны характера, обратить его изъ теоретическаго въ практическаго, а, значитъ, и наиболѣе опаснаго, врага порядка. Если же онъ не зараженъ ими, эти условія въ высшей степени бла-

гопріятствуютъ зараженію и такимъ образомъ во всѣхъ случаяхъ приводятъ къ результатамъ прямо противоположнымъ тѣмъ, которыхъ правительство ожидало отъ административной ссылки. Какъ бы урегулирована и ограничена ни была административная ссылка, она обязательно вызываетъ въ умахъ сосланныхъ представленіе о безконтрольномъ произволѣ; этого одного достаточно, чтобы помѣшать возвращенію ихъ на истинный путь".

Болѣе справедливой оцѣнки результатовъ ссылки еще не давало ни одно высшее русское должностное лицо, и если бы я хотѣлъ обратить вниманіе читателя только на безцѣльность и непрактичность административной ссылки, мнѣ было бы достаточно сослаться на рапортъ Баранова. Но на нее можно смотрѣть и съ другой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія морали, справедливости, гуманности. Объ этомъ я буду еще имѣть случай поговорить. Здѣсь я пытался показать, съ какой беззаботной небрежностью, съ какой вопіющей несправедливостью русскіе граждане подвергаются административному произволу. Далѣе я остановлюсь на тѣхъ условіяхъ жизни, при которыхъ приходится жить сосланнымъ въ Сибирь.

Позднее время года, порча дорогъ и прочія соображенія помѣшали намъ пробыть въ Усть-Каменогорскѣ подольше. Но все же, какъ ни коротко было въ немъ наше пребываніе, оно въ значительной степени облегчило дальнѣйшіе шаги по части знакомства съ политическими ссыльными и сдѣлало почти несомнѣннымъ успѣхъ нашего предпріятія. Мнѣ и раньше казался очень труднымъ и сложнымъ вопросъ, какъ искать ссыльныхъ, какъ съ ними знакомиться, безъ опасныхъ вопросовъ и розысковъ. Не вездѣ же, въ самомъ дѣлѣ, отыщется либеральный офицеръ (какъ напр., въ Семипалатинскѣ), который самъ, по своей иниціативѣ, захочетъ стать нашимъ чичероне? Мы и такъ проѣхали уже, по крайней мѣрѣ, полъ-дюжины городовъ и деревень, гдѣ, какъ оказалось, имѣлись очень интересныя колоніи ссыльныхъ, и гдѣ, знай мы это, мы бы, конечно, остановились. Но мы не знали этого, да главное, и не могли знать, потому что я боялся нескромными вопросами привлечь на себя вниманіе полиціи, вызвать въ ней сомнѣніе и подозрительность: что намъ за дѣло до политическихъ ссыльныхъ: почему мы ихъ такъ усердно разыскиваемъ?

Въ Усть-Каменогорскѣ эти затрудненія были окончательно устранены. Мы не только получили отъ тамошнихъ ссыльныхъ массу полезныхъ свѣдѣній, совѣтовъ и указаній, но и запаслись цѣлой кучей рекомендацій къ людямъ, которые могли бы быть для насъ полезными, къ либеральнымъ чиновникамъ и офицерамъ, и длиннымъ спискомъ 700 политическихъ ссыльныхъ, по всей Сибири, съ именами, адресами, характеристиками и прочими указаніями. Съ такимъ багажемъ въ рукахъ мы могли, наконецъ, вздохнуть свободно. Теперь правительство могло бы помѣшать намъ въ нашемъ предпріятіи, единственно, изгнавъ насъ изъ страны. Намъ не надо было больше задавать опасные вопросы и ощупью, въ потемкахъ, отыскивать свою дорогу. Въ каждомъ городѣ, въ каждой деревнѣ мы точно знали, къ кому обратиться, не боясь ни ошибокъ, ни недоразумѣній...

Въ воскресенье 6-го августа мы въ послѣдній разъ пообѣдали съ каменогорцами, пропѣли имъ на прощаніе „John Brown's Body" и „The Star-spangled banner", и въ 6 часовъ вечера выѣхали на почтовыхъ въ Томскъ, черезъ Барнаулъ. Дорога сначала шла по мѣстамъ голымъ и выжженнымъ солнцемъ, почти пустыннымъ, если не считать попадавшихся по временамъ на глаза овечьихъ стадъ съ сторожевыми верховыми киргизами, которые, съ своими высокими остроконечными шапками, черными лицами и наглазниками изъ плетенаго волоса, высматривали чистыми чертями. Въ рѣдкихъ деревняхъ попадались иногда огороды съ подсолнечниками, недозрѣлыми арбузами и дынями, но вообще страна была необработана, да, кажется, безъ искусственнаго орошенія и недоступна для обработки. Въ Пьяногорскѣ мы бросили, наконецъ, Семипалатинскую дорогу и, переваливъ черезъ низкій водораздѣлъ между системами Иртыша и Оби, поѣхали по Томской губерніи. Дорога была сильно попорчена дождями, на станціяхъ не было возможно достать сносной пищи, а спать нечего было и думать изъ-за міріадъ блохъ. Такъ, на станціяхъ Шеманаевской и Кошниной, послѣ безплодныхъ усилій уснуть, я долженъ былъ обѣ ночи напролетъ просидѣть за писаніемъ, при чемъ каждую ночь, несмотря на свѣтъ, я казнилъ на письменномъ столѣ нѣсколько десятковъ блохъ. Плохая пища, безсонная и тряская ѣзда въ теченіе 96 часовъ пути до Барнаула довели насъ до крайне тяжелаго и плачевнаго положенія и помѣшали мнѣ какъ слѣдуетъ осмотрѣть городъ. Барнаулъ, городъ въ 17 тысячъ жителей, центръ богатаго и важнаго алтайскаго горнозаводскаго округа. Странно поражаетъ въ немъ путешественника видъ нѣкоторыхъ претенціозныхъ домовъ, съ колоннадой и орнаментами на фасадахъ, полуразрушенныхъ или приходящихъ въ упадокъ. Они

были выстроены много лѣтъ назадъ, когда коронные инженеры, получая 2, 3 тысячи рублей годового жалованія, имѣли „доходы“ въ 100 и болѣе тысячъ, когда они, подчиняясь модѣ, платили гувернанткѣ француженкѣ свое годовое жалованіе, французу—повару—вдвое больше, а свое грязное бѣлье отправляли для стирки по почтѣ въ Парижъ. Алтайскіе рудники составляютъ большею частью собственность кабинета. Отъ 1870—79 годовъ они дали 6,984 фунта золота, 206,964 ф. серебра, 9,639,620 фунтовъ мѣди и 13,221,396 ф. свинцу. М-ръ Фростъ, съ дѣлающею ему честь энергіей, вооруженный фотографическими принадлежностями и карандашемъ, исходилъ весь городъ и снялъ нѣсколько интересныхъ видовъ, между прочимъ базаръ и любопытное зданіе, судя по архитектурѣ, предназначенное для чего-то въ родѣ русскаго дорическаго храма, но обращенное нынѣ въ тюрьму, какъ въ учрежденіе болѣе практическое и отвѣчающее потребностямъ мѣста. Со стыдомъ признаюсь, что я почти не сопровождалъ его въ этихъ экскурсіяхъ. Я чувствовалъ себя слишкомъ обезсиленнымъ и хотѣлъ отдохнуть. Къ сожалѣнію однако, въ Барнаулѣ оказалось ничуть не меньше блохъ, чѣмъ на станціяхъ, и все время своего пребыванія тамъ я провелъ въ борьбѣ съ этимъ неумолимымъ, неуловимымъ врагомъ. 18 августа мы выѣхали, наконецъ, въ Томскъ. Мѣста, по которымъ мы теперь ѣхали, выгодно отличались отъ пустынныхъ степей верхняго Иртыша, и своею сравнительной культурностью, плодородіемъ, зеленью полей, усѣянныхъ цвѣтами напоминали Фросту его родину въ Массачузетѣ: „Мнѣ кажется, что я на Беркширской дорогѣ“, говорилъ онъ. Между прочимъ, мы проѣхали мимо знаменитаго своею живописностью Колыванскаго озера и Фростъ снялъ съ него нѣсколько видовъ. Но я, къ сожалѣнію, былъ такъ измученъ безсонными ночами, что почти безучастно проѣзжалъ по интереснымъ мѣстамъ съ одною только мыслью въ пустой головѣ: скоро-ли Томскъ. Наконецъ, 20 августа, въ 4 часа пополудни, мы въѣхали въ его улицы. Прежде всего мы взяли комфортабельную комнату, и, послѣ обѣда, перемѣнивъ бѣлье, съ наслажденіемъ вытянули свои изнеможенныя тѣла на цивилизованныхъ постеляхъ, въ первый разъ за два почти мѣсяца. За это время мы сдѣлали на лошадяхъ 1500 миль, посѣтили двѣ большихъ тюрьмы, познакомились съ тремя колоніями политическихъ ссыльныхъ и видѣли самые дикіе уголки Западной Сибири.

Томскъ—городъ въ 31,000 жителей, и по величинѣ и значенію считается вторымъ въ Сибири, но по предпріимчивости, интеллектуальному развитію, благосостоянію населенія, онъ мнѣ кажется первымъ. Въ немъ 8,000 домовъ, изъ которыхъ 250 кирпичныхъ, 29 церквей, 1 костелъ, 1 мечеть и 2 синагоги; 26 школъ съ 2,500

учащимися; очень хорошая публичная библіотека, 2 газеты, находящіяся, впрочемъ, большую часть года подъ запрещеніемъ за свое „вредное направленіе“ и новое роскошное университетское зданіе, уже три года оконченное, но не открываемое правительствомъ опять таки изъ-за той же боязни „возможнаго вреднаго направленія“. Томская губернія занимаетъ 330,000 квадр. миль. Въ ней 8 городовъ, 2,719 деревень и 1,100,000 населенія, изъ которыхъ 90,000 туземцевъ и 30,000 уголовныхъ ссыльныхъ изъ Европейской Россіи. Южная часть очень плодородна, съ прекраснымъ климатомъ, большимъ количествомъ водъ и строеваго лѣса. 3,600,000 акровъ, находящихся подъ обработкой, даютъ ежегодно 30,000,000 бушелей зерна и 4,500,000 буш. картофеля, не говоря о менѣе важныхъ продуктахъ, какъ табакъ, ленъ, конопля и пр., а на деревенскихъ пастбищахъ пасется 2,500,000 головъ скота. Изъ этихъ немногихъ данныхъ видно, что, несмотря на плохое управленіе, ограниченную иммиграцію, деморализующее вліяніе ссылки, томская губернія все же до извѣстной степени культурна. Если бы она была въ рукахъ американцевъ и если бы была допущена свободная иммиграція изъ Европейской Россіи, она скоро стала бы столь же цвѣтущей и населенной, какъ любой изъ нашихъ сѣверо-западныхъ штатовъ. Рессурсы ея неограниченны. Все, въ чемъ она нуждается—это хорошее правительство и свобода частной предпріимчивости. Но пока деспотическая администрація изъ С.-Петербурга будетъ держать закрытыми ея газеты и университеты, сама выбирать учителей и предписывать программы обученія, запрещать чтеніе лучшихъ сочиненій въ ея библіотекахъ, связывать населеніе по рукамъ и по ногамъ суровой паспортной системой, управлять страной при посредствѣ подкупныхъ и жалко оплачиваемыхъ чиновниковъ и ежегодно насильственно бросать сюда испорченный элементъ уголовныхъ ссыльныхъ,—до тѣхъ поръ она останется тѣмъ, что она есть теперь, т. е. колоніей, по характеру предпріимчивой и многообѣщающей, но связанной безцѣльною и гнетущею опекою бюрократической метрополіи. Правительство хочетъ провести здѣсь желѣзную дорогу. Оно сдѣлало бы гораздо лучше, разжавъ немного руку, которою оно держитъ несчастную колонію, позволивъ ей имѣть свое сужденіе о своихъ дѣлахъ и нуждахъ, давъ ей право ихъ обсужденія въ газетахъ, уничтоживъ стѣсненія свободы передвиженій, остановивъ приливъ ссыльныхъ и затѣмъ позволивъ ей развиваться самой. Страна въ половину менѣе нуждается въ „насильственномъ развитіи“, чѣмъ въ „свободѣ для развитія“ [1].

[1] Такъ какъ цѣль настоящихъ статей — передать результаты изслѣдованія, главнымъ образомъ, системы русской ссылки, то читатель, надѣюсь, пой-

Первымъ моимъ дѣломъ въ Томскѣ было—навѣстить ссыльныхъ и нѣкоторыхъ офицеровъ, къ которымъ у меня имѣлись рекомендаціи. Отъ нихъ я узналъ, что губернатора въ городѣ нѣтъ, и его мѣсто временно занимаетъ Пѣтуховъ, предсѣдатель губернскаго правленія, человѣкъ, какъ говорятъ, образованный и, до извѣстной степени, либеральный. Отправившись къ нему съ визитомъ, я былъ принятъ очень любезно и сердечно. Оказалось, Пѣтуховъ читалъ мое сочиненіе о сѣверо-восточной Сибири. Послѣ получасовой оживленной бесѣды, губернаторъ предложилъ мнѣ свое содѣйствіе, въ чемъ возможно. Я тотчасъ же попросилъ разрѣшенія посѣтить пересыльную тюрьму. На лицѣ моего собесѣдника показалось, было, нѣкоторое замѣшательство, но я, не смущаясь, указалъ на то, что въ двухъ губерніяхъ я имѣлъ такое разрѣшеніе и воспользовался имъ. Тогда губернаторъ рѣшился и, не разспрашивая о моихъ цѣляхъ, сказалъ: „Хорошо: Я дамъ Вамъ это разрѣшеніе, и, если хотите, самъ пойду въ вами“, и затѣмъ, послѣ минутнаго колебанія, прибавилъ: „боюсь, что худшей тюрьмы вы не найдете въ Сибири“. Я постарался его успокоить, говоря, что „едва ли это такъ; едва ли можетъ быть гдѣ-нибудь тюрьма хуже тюменской“. Но г. Пѣтуховъ только пожалъ плечами, какъ бы говоря: „Вы еще не знаете, какою можетъ быть сибирская тюрьма“. „Чего же и ожидать,—сказалъ онъ громко,—когда въ тюрьмѣ вдвое болѣе народа, чѣмъ должно быть. Вы знаете, что она была построена на 1,400 человѣкъ, а теперь въ ней 3,000. Да еще каждую недѣлю баржи привозятъ изъ Тюмени по 500-800 человѣкъ, тогда какъ мы не можемъ отправлять отсюда болѣе, чѣмъ по 400 человѣкъ въ недѣлю. Такимъ образомъ положеніе вещей съ каждой недѣлею ухудшается. Камеры страшно переполнены; чистоту въ нихъ соблюдать невозможно, воздухъ отвратителенъ и порождаетъ болѣзни, а тюремный госпиталь набитъ сверху до низу заразительными больными“.

„Знаетъ-ли объ этомъ петербургское правительство?“—спросилъ я.

„О! Конечно. Объ этомъ рапортуютъ ему ежегодно. Въ это лѣто, кромѣ рапортовъ, я послалъ въ Петербургъ 4 телеграммы, спрашивая, что мнѣ дѣлать, чтобы очистить тюрьму?“

метъ, что я не могу здѣсь же приводить всѣ тѣ факты, касающіеся сибирской администраціи и экономическаго положенія Сибири, на основаніи которыхъ я дѣлаю общія заключенія. Что я не преувеличиваю золъ, проистекающихъ изъ подкупнаго и нелѣпаго контроля деспотической бюрократіи, для сибирскихъ провинцій, я буду имѣть случай показать дальше, на основаніи официальныхъ донесеній сибирскихъ губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ, и на основаніи заявленій сотенъ крестьянъ, купцовъ, заводчиковъ, офицеровъ, журналистовъ и чиновниковъ во всѣхъ концахъ Сибири.

(Примѣчаніе автора).

„Ну и что же было сдѣлано?“

„Да ничего! Вотъ пройдетъ лѣто, прекратится баржевая перевозка, и за зиму тюрьма понемногу освободится. А пока—тифъ будетъ свирѣпствовать, и больные будутъ оставаться безъ ухода въ камерахъ, потому что въ госпиталѣ нѣтъ мѣста... Я Вамъ совѣтую хорошенько позавтракать передъ посѣщеніемъ тюрьмы и держаться подальше отъ госпитальныхъ палатъ“.

Я поблагодарилъ за совѣтъ и откланялся. На возвратномъ пути меня встрѣтилъ полковникъ Ягодинъ, мѣстный воинскій начальникъ, съ которымъ я уже познакомился. Онъ предложилъ мнѣ отправиться сейчасъ присутствовать при пріемѣ съ баржи арестантской партіи, миляхъ въ 3 отъ города. Черезъ 10 минутъ я, Фростъ и полковникъ Ягодинъ летѣли на извозчикѣ къ пристани. Несмотря, однако, на всю нашу поспѣшность, мы значительно опоздали и застали партію уже высаженною на берегъ. Половина была уже принята, другая стояла, ожидая своей очереди. Женщины, стоявшія отдѣльною кучкой, были, въ большинствѣ, въ обыкновенныхъ крестьянскихъ костюмахъ, съ цвѣтными платками на головахъ и съ лицами, на которыхъ были написаны страхъ и напряженное безпокойство. Мужчины были въ арестантсткихъ халатахъ поверхъ грубыхъ полотняныхъ рубахъ и портовъ, съ кандалами на ногахъ и съ бритыми половинами головъ. Вокругъ огорожи, внутри которой помѣщались арестанты, стояла цѣпь солдатъ, опираясь на ружья съ примкнутыми штыками, а на небольшомъ возвышеніи, нѣсколько въ сторонѣ, помѣщалось начальство: конвойный офицеръ, нѣсколько чиновниковъ изъ мѣстнаго приказа о ссыльныхъ, врачъ и еще нѣсколько какихъ-то офицеровъ. Полковникъ Ягодинъ представилъ насъ этой компаніи, и мы заняли тутъ же мѣста. Офицеръ, принимавшій партію, развернулъ листъ бумаги, взятый изъ цѣлой кучи, лежавшей передъ нимъ, и крикнулъ: „Николай Кольцовъ!“ Худой и блѣдный арестантъ, съ усталымъ и безнадежнымъ лицомъ, стоявшій въ первыхъ рядахъ толпы, поднялъ свой мѣшокъ и, звякая кандалами, направился къ пріемному столу. Офицеръ заботливо сравнивалъ его лицо съ фотографической карточкой, подшитой къ статейному списку, пока казакъ обыскивалъ его карманы и разсматривалъ содержимое мѣшка, чтобы удостовѣриться, въ наличности ли казенныя вещи, полученныя арестантомъ въ Москвѣ или Тюмени и проставленныя въ спискѣ.—„Ну что? Все?“—спросилъ офицеръ.—„Все, Ваше благородіе“,—отвѣчалъ казакъ.—„Ступай“—приказалъ офицеръ, и худой арестантъ присоединился къ „принятымъ“ по другую сторону стола.

„Фотографіи — новинка у насъ; только часть ссыльныхъ имѣетъ

ихъ, — сказалъ мнѣ Ягодинъ. — Онѣ введены, чтобы затруднить перемѣны именъ".

„Перемѣны именъ? — удивился я: — что это значитъ?"

„Видите ли, въ чемъ дѣло: если какой-нибудь каторжанинъ имѣетъ у себя немного денегъ, онъ всегда находитъ проигравшагося бѣдняка-поселенца, съ которымъ и мѣняется именемъ, а, значитъ, и наказаніемъ за нѣсколько рублей. Конвойный офицеръ не можетъ, конечно, упомнить всѣ физіономіи въ партіи; такимъ образомъ, вчерашній каторжанинъ выходитъ сегодня на перекличкѣ за своего смѣнщика, и черезъ нѣсколько дней за него же выпускается на поселеніе. Цѣлыя сотни каторжанъ избавляются такимъ образомъ отъ своихъ наказаній на счетъ глупцовъ или несчастныхъ..."

„Гассанъ Абдалимовъ!" — крикнулъ, между тѣмъ принимавшій партію офицеръ. — Никто не двинулся. — „Гассанъ Абдалимовъ" — закричалъ громче казакъ. — „Ступай, ступай, дуракъ, это тебя кличутъ" — заволновалась толпа, выталкивая впередъ маленькаго коренастаго татарина, на смугломъ и плоскомъ лицѣ котораго написана была боязливая дикость. — „Онъ не понимаетъ по нашему, ваше благородіе, — сказалъ почтительно одинъ изъ арестантовъ, — да и глуповатый онъ". „Веди его сюда", — обратился къ казаку офицеръ. Когда Гассанъ былъ обысканъ и принятъ, онъ не поднялъ, какъ другіе, своего мѣшка и не пошелъ въ толпу, а началъ кланяться, жестикулировать и что-то быстро говорить на своемъ татарскомъ языкѣ, дѣлаясь, по мѣрѣ своей рѣчи, все болѣе и болѣе возбужденнымъ. „Что онъ болтаетъ? Эй, кликни сюда какого-нибудь солдата, который говоритъ по-татарски", — распорядился офицеръ. Явился переводчикъ. — „Онъ говоритъ, ваше высокоблагородіе, — объяснилъ переводчикъ, — что у него 8 рублей взяли, когда его забрали, и въ Сибири, сказали, отдадутъ. Онъ и проситъ теперь денегъ, чтобы купить себѣ чаю".

„Нѣту шай!" — повторилъ послѣднее слово татаринъ съ жестомъ крайняго отчаянья.

„О! Чтобъ его чортъ побралъ съ его чаемъ, — закричалъ взбѣшенный офицеръ. — Есть тутъ, когда толковать объ этой ерундѣ. Получишь деньги, когда придешь на мѣсто. Ну, проваливай! Возьмите его!" — и бѣднаго татарина втолкнули въ кучу принятыхъ.

„Иванъ Непомнящій, — рыжій!" — крикнулъ офицеръ.—„Это — бродяга — объяснилъ мнѣ полковникъ Ягодинъ. — Его арестовали въ Западной Сибири, и такъ какъ въ его прошломъ имѣется, вѣроятно, что-нибудь неудобооткрываемое и обѣщающее наказаніе, онъ оставляетъ его въ тайнѣ, отвѣчая на всѣ вопросы: „не помню,

не знаю". Это—опасный народъ. За открытіе настоящаго своего имени ему грозитъ 5-тилѣтняя каторга".

Фотографіи „рыжаго", конечно, не имѣлось и его личность была установлена довольно первобытнымъ способомъ,—счетомъ недостающихъ по статейному списку зубовъ и осмотромъ шрама надъ правымъ ухомъ.

Такимъ образомъ прошли, наконецъ, передъ столомъ всѣ арестанты. Ихъ приняли, пересчитали, и смотритель томской пересыльной тюрьмы выдалъ конвойному офицеру расписку въ полученіи 551 человѣка, въ томъ числѣ 71 дѣтей ниже 15-тилѣтняго возраста, идущихъ за своими родителями. Мѣсто офицера за столомъ занялъ тогда докторъ и, вооружившись стетоскопомъ и другими инструментами, началъ поверхностный и быстрый осмотръ больныхъ, не могущихъ идти и нуждающихся въ телѣгахъ. Первымъ подошелъ высокій, худой и блѣдный арестантъ, который съ усиліемъ и могильнымъ кашлемъ отвѣчалъ на вопросъ доктора, что у него болитъ грудь и ему трудно дышать. Докторъ, пощупавъ его пульсъ и на секунду приложивъ къ его груди свое ухо, коротко произнесъ: „ступай; ты можешь идти!" Подошелъ слѣдующій — съ опухшей ногою, на которую, очевидно, съ сильной болью давили кандалы. Онъ ничего не говорилъ, пока его осматривали, и только смотрѣлъ на доктора со страхомъ ожиданія и молчаливой мольбою. Когда докторъ выдалъ ему „свидѣтельство на подводу", онъ три раза перекрестился и его губы безшумно задвигались, произнося благодарность. Хотя въ партіи было 40—50 человѣкъ, подлежавшихъ освидѣтельствованію, но докторъ кончилъ свое дѣло въ полъ-часа. Иные изъ нихъ были лихорадочные, иные — ревматичные, иные — чахоточные, но всѣ они на мой некомпетентный взглядъ были вполнѣ достаточно больны, несчастны и слабы, чтобы имѣть право на подводы. Но опытный и привычный докторъ прехладнокровно произносилъ свое „ступай" больнымъ, которые еще не окончательно умирали. Когда эта операція кончилась, раздалась команда: „стройся!" и арестанты поспѣшно построились въ колонну. Мѣстный начальникъ „приказа о ссыльныхъ", Папелаевъ, обратился къ нимъ съ обязательнымъ вопросомъ: „Ну, ребята, есть у васъ какія-нибудь жалобы?" „Никакихъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе", отвѣчала толпа. „Ну, ступайте съ Богомъ!". Открылась рѣшетка, раздалась команда „маршъ" и со звономъ сотенъ паръ кандаловъ сѣрая колонна двинулась къ городу по грязной дорогѣ. Полковникъ Ягодинъ воспользовавшись свободной минутой, представилъ насъ Папелаеву. Этотъ господинъ, высокій и худощавый, съ суровымъ и холоднымъ выраженіемъ лица, принялъ насъ вѣжливо, но сухо и, казалось, былъ не особенно

доволенъ, видя насъ здѣсь. Выраженное же нами желаніе посмотрѣть внутренность арестантской баржи было ему, очевидно, совсѣмъ непріятно. „Что имъ нужно на баржѣ? — сказалъ онъ рѣзко Ягодину, — нечего тамъ смотрѣть; да и неприлично: тамъ теперь женщины моютъ полы". Потерпѣвъ крушеніе у Папелаева, Ягодинъ не отказался отъ своего предпріятія, зная, какъ мнѣ хотѣлось увидѣть баржу, только что оставленную своимъ населеніемъ, и представилъ насъ черезъ нѣсколько минутъ конвойному офицеру. На этотъ разъ дѣло вышло проще. Офицеръ не видѣлъ, почему бы полковнику Ягодину и его пріятелямъ и не взойти на баржу, разъ у нихъ имѣется такое странное желаніе, и любезно взялся сопровождать насъ. Эту самую баржу я видѣлъ два мѣсяца тому назадъ въ Томскѣ. Тогда она была такъ чиста и опрятна, воздухъ въ ней былъ такъ свѣжъ и здоровъ, а теперь?.. Это было нѣчто ужасное; хуже, чѣмъ только что оставленная клѣтка въ звѣринцѣ! Атмосфера, удушливая до послѣдней степени; полъ, покрытъ липкимъ толстымъ слоемъ грязи съ разбросанными повсюду остатками пищи, тряпками и лоскутами бумаги; нары грязныя и липкія отъ жиру... При сѣроватомъ полусвѣтѣ, падавшемъ изъ маленькихъ окошекъ, это зрѣлище величайшей человѣческой нищеты и бѣдствій придавило бы самые крѣпкіе нервы. Henry Lansdell, въ своей недавней статьѣ „Russian convicts in the salt mines of Iletsk", говоритъ между прочимъ: „Я слышалъ преувеличенные отзывы объ этихъ баржахъ... Я и самъ не думаю, чтобы онѣ были чисты и здоровы, какъ первоклассныя каюты, но..." Если бы Лансдель видѣлъ пересыльную баржу тотчасъ, по ея прибытіи, въ ея естественномъ, такъ сказать, состояніи, я убѣжденъ, что у него не явилось бы и мысли о первоклассныхъ каютахъ. Въ доказательство, что такая баржа въ гигіеническомъ отношеніи не безконечно далека отъ первоклассныхъ каютъ, Лансдель приводитъ слова одного конвойнаго офицера, что въ 1882 году 8 баржъ перевезли 6000 арестантовъ, изъ числа которыхъ 2 только умерли въ дорогѣ, и только 20 были привезены больными въ Томскъ. Я самъ когда-то смотрѣлъ на русскую ссыльную систему также, какъ смотритъ на нее теперь Лансдель, но теперь, когда факты и добросовѣстныя изслѣдованія показали мнѣ, какъ жестоко я ошибался, я могу, не заподозрѣвая искренности Лансделя, съ полнымъ правомъ утверждать, что его ссылки не имѣютъ ни малѣйшаго основанія въ дѣйствительности, и что слова конвойнаго офицера были безъ сомнѣнія намѣренно лживы. Согласно рапорту пересылочнаго инспектора въ 1882 году,— годъ о которомъ говоритъ Лансдель,—было перевезено не 6,000 а 10,245 человѣкъ. Изъ нихъ 279 человѣкъ были взяты съ баржъ

больными, 22 умерли въ дорогѣ, и 87 были оставлены опасно больными въ городахъ между Тюменью и Томскомъ. И это въ продолженіе путешествій, продолжающихся, каждое, 10 дней только. Если въ городѣ съ 10,245 челов. жителей въ каждые 10 дней умираетъ 22 и заболѣваетъ 279 человѣкъ, мы имѣемъ 99% болѣзненныхъ и 8% смертныхъ случаевъ въ году. Едва-ли, рядомъ съ этими цифрами, можно говорить о первоклассныхъ каютахъ. И это еще не самыя ужасныя цифры. Въ 1879 г. было заболѣвшихъ 724 и умершихъ — 51; въ 1871 году изъ 9,416 (всего числа перевезенныхъ) было заболѣвшихъ — 1,140 человѣкъ, и умершихъ — 111. Такая смертность въ годъ уничтожила бы безъ остатка населеніе въ 4,000 человѣкъ. Всѣ эти цифры взяты изъ оффиціальныхъ рапортовъ. Мѣстная администрація дѣлаетъ все возможное для улучшенія положенія ссыльныхъ, при тѣхъ недостаточныхъ суммахъ и средствахъ, которыя правительство отпускаетъ на прокормленіе и содержаніе арестантовъ. Баржи моются и дезинфецируются послѣ каждаго конца, принимаются иныя, возможныя мѣры, и цифры болѣзней и смертности постепенно уменьшаются. Если онѣ всѣ еще слишкомъ велики, вина лежитъ въ недостаткѣ перевозочныхъ средствъ и помѣщеній для ссылаемой массы. Приходится набивать по 600-800 человѣкъ въ одну баржу, и, конечно, получаются крайне печальные результаты.

Въ пятницу,—день назначенный для осмотра тюрьмы, — Пѣтуховъ прислалъ за себя извинительное письмо и назначилъ вмѣсто себя Папелаева. Компанія наша состояла изъ меня, Фроста, Ягодина, Папелаева и конвойнаго офицера, показывавшаго баржу. Пересыльная тюрьма поразила меня уже снаружи своимъ видомъ. Вмѣсто обычнаго трехъ-этажнаго бѣлаго зданія передъ нами появился цѣлый рядъ длинныхъ одноэтажныхъ зданій, окруженныхъ общимъ высокимъ заборомъ изъ стоймя поставленныхъ одно подлѣ другого бревенъ, (по сибирски — „п а л и“). Если бы не будки часовыхъ по угламъ и не звонъ кандаловъ за палями, я бы подумалъ, что это — временные солдатскіе бараки, или пограничная деревня, окруженная частоколомъ отъ нападеній индійцевъ. Насъ впустили. Во дворѣ было безъ большой правильности расположено 12 — 15 одноэтажныхъ деревянныхъ зданій, возлѣ которыхъ бродили или сидѣли сотни заключенныхъ, выпущенныхъ на прогулку. Зданій, въ которыхъ собственно помѣщались арестанты, было 8, построенныхъ по одному типу. Каждое изъ нихъ дѣлилось перегородкою на двѣ большія камеры въ 40—50 квадр. футовъ. Въ первой камерѣ, въ которую мы вошли, достаточно свѣтлой, но до невозможной степени грязной, несмотря на то, что къ нашему при-

бытію полы были вымыты и все приведено въ нѣкоторый порядокъ,—помѣщалось человѣкъ 150. Только половина имѣла мѣста на нарахъ; другіе должны были спать подъ нарами, по угламъ и на проходахъ. Арестанты, думая, что мы — пріѣзжіе ревизоры, обращались къ намъ, забывая дисциплину и страхъ передъ начальствомъ, съ жалобами на тѣсноту, грязь, жару и удушливый тяжелый воздухъ. Съ часъ ходили мы такимъ образомъ изъ камеры въ камеру. Наконецъ, Папелаевъ, который, казалось, съ такой же неохотой терпѣлъ насъ здѣсь, какъ и раньше, на баржѣ, сказалъ, обращаясь къ намъ, что все осмотрѣно, кромѣ кухни и госпиталя, куда идти не слѣдуетъ, въ виду царящаго тамъ тифа. На наше счастье, молодой офицеръ, который такъ охотно показывалъ намъ баржу и съ тѣхъ поръ охотно помогалъ полковнику Ягодину въ его роли нашего чичероне, спросилъ смотрителя: „не покажете-ли Вы намъ семейныхъ камеръ и балагановъ?“—Съ удовольствіемъ, если прикажете“, — отвѣчалъ тотъ. „А я и не зналъ раньше ничего о балаганахъ“, — замѣтилъ смущенный Папелаевъ.

Балаганы, оказалось, были длинныя, низкія зданія, наскоро сколоченныя изъ неотесанныхъ бревенъ съ короткими сторонами, состоящими просто изъ натянутаго полотна. Ихъ было трое и заняты они были исключительно семейными, женщинами и дѣтьми. Первый, къ которому мы подошли, былъ окруженъ грязной канавой, наполовину полной нечистотъ, стекавшихъ изъ-подъ полотняныхъ стѣнъ. Оконъ въ балаганѣ не было и свѣтъ въ него доходилъ черезъ полотно. Болѣе жалкаго зрѣлища нищеты и страданій, чѣмъ то, которое представилось намъ при входѣ, — трудно себѣ вообразить. Балаганъ былъ буквально набитъ сотнями мужчинъ, женщинъ и дѣтей съ изнеможенными и страдальческими лицами, сидѣвшихъ и стоявшихъ и на нарахъ, и подъ нарами, и во всѣхъ углахъ камеры. Непригнанныя доски пола разошлись, и образовавшіяся щели употреблялись жителями этого ада для естественныхъ надобностей. Атмосфера была ужасна, особенно вслѣдствіе присутствія дѣтей, за которыми былъ немыслимъ какой бы то ни было уходъ. Грязныя и выполосканныя пеленки были развѣшены повсюду. Мѣста, не занятыя людьми, были заняты мѣшками и всякимъ скарбомъ.. И въ этомъ ужасномъ безпорядкѣ, тѣснотѣ и грязи сотни человѣческихъ существъ должны были жить и исполнять всѣ обязанности ежедневной жизни. Ужасно было видѣть такую массу женщинъ и дѣтей, ни въ чемъ не повинныхъ и попавшихъ въ такое положеніе на такія страданія, за свою любовь къ ссыльнымъ мужьямъ, отцамъ и братьямъ.

„Ваше благородіе! — обратился къ смотрителю одинъ арестантъ, когда мы проходили мимо него, — нѣтъ мочи спать здѣсь,

такая тѣснота и холодъ. Сдѣлайте божескую милость, устройте насъ гдѣ-нибудь!“

„Ничего, братецъ, не могу сдѣлать; ничего. Вотъ скоро въ партіи пойдете; тамъ лучше будетъ — отдохнете“.

„Дай-то Господи!“ тоскливо отвѣтилъ проситель, поворачиваясь къ своей семьѣ.

„Батюшка, благодѣтель! — со слезами бросилась къ намъ баба съ ребенкомъ у груди. — Ради Христа дозвольте мнѣ въ банѣ ночевать. Здѣсь такъ холодно по ночамъ; ребенокъ, того и гляди, помретъ.“

„Не могу, голубушка! Потерпи уже“, — отвѣтилъ смотритель. Онъ казался мнѣ такимъ добродушнымъ человѣкомъ, что отказъ женщинѣ въ ея просьбѣ былъ для меня совершенно непонятенъ. Я обратился къ нему за разъясненіями.

„Невозможно! — отвѣчалъ Иваненко. — Въ банѣ слишкомъ сыро и жарко. Я попробовалъ было пускать туда ночевать вотъ такихъ же, да что вышло! Каждую ночь умирало по одному, а то и по два ребенка. Пришлось оставить.“ Мнѣ оставалось только замолчать. — Выходя изъ балагана, мы увидѣли на дворѣ Папелаева разговаривающимъ съ какимъ-то красивымъ арестантомъ, лѣтъ 35-ти, съ лицомъ, выражающимъ крайнее волненіе и вызывающее отчаяніе. „У меня только одна рубаха, говорилъ онъ трепещущимъ голосомъ; да и та грязная изорванная, полная вшей!“

„Ну, такъ что-же?“ — съ презрительнымъ равнодушіемъ отвѣчалъ Папелаевъ. — Ты получишь другую, когда пойдешь въ партіи.“

„Но, когда же это будетъ?“ — возразилъ пересылаемый, волнуясь все болѣе, — можетъ быть, черезъ три мѣсяца?“

„Можетъ быть“, — отвѣчалъ холодно Папелаевъ, собирая всѣ силы, чтобы сдержаться въ нашемъ присутствіи.

„Значитъ, я долженъ носить рубаху, пока она сама не спадетъ съ меня по кускамъ?“ — въ негодующемъ отчаяніи воскликнулъ арестантъ.

„Молчать!! — закричалъ наконецъ Папелаевъ, не выдерживая характера. Какъ ты смѣешь такъ говорить со мной? Да я съ тебя шкуру спущу... Ты получишь другую рубаху, — продолжалъ онъ, снова овладѣвая собою, — когда пойдешь въ партіи; ступай!

Арестантъ вспыхнулъ; губы его задрожали, но онъ поборолъ себя и, молча повернувшись, отошелъ въ сторону.

Изъ балагановъ мы пошли по семейнымъ камерамъ. Я не буду повторяться. Здѣсь была та же тѣснота, грязь, отвратительная, удушливая атмосфера, тѣ же нищета и страданія. Съ меня было до-

вольно подобныхъ впечатлѣній, и я просилъ смотрителя провести насъ въ госпиталь. У входа насъ встрѣтилъ докторъ Оржешко. Госпиталь снаружи не отличался ничѣмъ отъ прочихъ тюремныхъ зданій, но внутри видны были старанія по возможности сохранить чистоту и свѣжесть воздуха. Это было трудно, конечно, если не возможно, но все же кое-что достигалось. Госпиталь былъ разсчитанъ при постройкѣ на 50 больныхъ, но во время нашего визита въ немъ лежало 193 человѣка, изъ числа которыхъ 71 — тифозныхъ. Сидѣлками были женщины 26—35-ти лѣтняго возраста, иныя съ интеллигентными лицами, вѣроятно бывшія курсистки. Осмотрѣвъ, насколько возможно, внимательно тюрьму, мы отправились, наконецъ, домой, поблагодаривъ за любезность и вниманіе тюремнаго смотрителя.

Долго не могъ я уснуть эту ночь, и когда, наконецъ, уснулъ, все время мнѣ снились набитые балаганы, дѣти, умирающія въ банѣ, и ужасныя, мертвенныя лица арестантовъ, которыя я видѣлъ въ тюрьмѣ и госпиталѣ. И все же мы видѣли тюрьму далеко не въ ея худшемъ положеніи. Чтобы дать читателю возможность оцѣнить всю массу страданій и бѣдствій, къ которымъ приводитъ практика русской ссыльной системы, — я передалъ здѣсь тотъ разговоръ, который я имѣлъ съ докторомъ Оржешко въ февралѣ, по возвращеніи изъ Восточной Сибири. Онъ описывалъ мнѣ, какъ, послѣ нашего отъѣзда, положеніе тюрьмы ухудшалось все болѣе и болѣе. „Вы не можете себѣ представить, что тутъ было въ ноябрѣ, — говорилъ онъ: — Въ госпиталѣ лежало 450 больныхъ, а кроватей было только 150. 300 опасно больныхъ мужчинъ и женщинъ валялось на полу, вповалку, иные безъ подушекъ и одѣялъ, одинъ возлѣ другого. Больные должны были кашлять и рвать прямо на себя, или на своихъ сосѣдей. Атмосфера была такъ ужасна, что я, во время визитацій, падалъ въ обморокъ, и мой помощникъ долженъ былъ окачивать меня холодной водой. Чтобы сколько-нибудь освѣжать воздухъ, мы должны были держать открытыми окна, хотя на дворѣ уже стояла зима, и на полу, гдѣ лежали умирающіе, было не больше 5, 6^0 тепла. Болѣе 25% всего населенія тюрьмы переболѣло, и болѣе 10% изъ больныхъ умерло.“

„И давно тянется такое положеніе вещей?“ спросилъ я.

„Я служу здѣсь 15 лѣтъ, — отвѣтилъ докторъ, — и сколько помню, всегда такъ было.“

„Знаетъ-ли объ этомъ петербургское правительство?“

„Каждый годъ посылаются донесенія. Я нѣсколько разъ писалъ, что Томскій госпиталь весь пропитанъ заразой и долженъ быть сожженъ весь. Намъ поручили составить планъ новаго гос-

шиталя; мы составили. Намъ его вернули для измѣненій. Мы сдѣлали нужныя измѣненія и опять отослали въ Петербургъ. И все-таки ничего изъ этого не вышло.“ Кажется, нѣтъ нужды въ комментаріяхъ къ этимъ словамъ. Цивилизація и человѣколюбіе могутъ съ достаточной основательностью произнести свой приговоръ существующей пересыльной системѣ, основываясь на этихъ показаніяхъ.

Политическіе ссыльные и уголовные преступники въ Томскѣ.

„Какъ это сумѣли вы добиться, — спрашивали меня не разъ по моемъ возвращеніи въ Америку, — права входа въ сибирскія тюрьмы и этапы, знакомства повсюду съ ссыльными, доступа къ такой массѣ оффиціальныхъ документовъ и рапортовъ. Неужели мѣстныя власти не знали цѣли вашего путешествія; а если знали, почему онѣ не остановили его, или по крайней мѣрѣ, не контролировали вашего поведенія?“ Я не могу дать читателямъ вполнѣ удовлетворительнаго отвѣта на эти вопросы, потому что незнакомъ съ инструкціями, данными изъ Петербурга мѣстнымъ властямъ. Я могу лишь указать на тѣ мѣры, которыя мы принимали для отвращенія подозрѣній и на тѣ соображенія, которыя, по всей вѣроятности, вызвали среди мѣстныхъ и петербургскихъ властей сравнительно благосклонное къ намъ отношеніе.

„И не практично, — разсуждалъ, вѣроятно, Влангали, — и не политично запирать для иностранцевъ Сибирь. Они не успокоятся, пока не познакомятся съ ссыльнымъ вопросомъ, а въ нашей боязни гласности будутъ видѣть подтвержденіе слуховъ объ ужасномъ состояніи нашей ссылки. М-ръ Кеннанъ — нашъ другъ; онъ защищалъ насъ въ своемъ адресѣ Американскому географическому обществу; онъ публично выступилъ противъ нигилистовъ, и теперь пріѣхалъ въ Россію для собиранія матеріаловъ, при помощи которыхъ онъ могъ бы съ большей компетентностью быть нашимъ бор-

цомъ. При такихъ обстоятельствахъ нечего бояться слишкомъ большого пессимизма съ его стороны. Во всякомъ случаѣ, если кто нибудь долженъ отправиться въ Сибирь и посѣтить наши тюрьмы, пусть лучше этотъ кто нибудь будетъ Кеннанъ. М-ръ Lansdell уже высказался благопріятно о нашихъ тюрьмахъ и другихъ подобныхъ учрежденіяхъ; теперь м-ръ Кеннанъ, можно надѣяться, послѣдуетъ этому примѣру. Тогда мы можемъ быть, наконецъ, спокойны. Любопытство иностранцевъ будетъ удовлетворено, а ихъ пессимистической критикѣ будутъ противупоставлены показанія очевидцевъ. И такъ мы разрѣшимъ Кеннану отправиться въ Сибирь, но поставимъ его подъ контроль мѣстнаго начальства, на случай подозрительности его поведенія. Есть, конечно, нѣкоторая опасность, какъ бы онъ не познакомился тамъ слишкомъ интимно съ политическими ссыльными, но онъ вѣдь сильно предубѣжденъ противъ нихъ. Это предубѣжденіе можно усилить еще болѣе, познакомивъ его предварительно съ Катковымъ. Да, наконецъ, въ крайнемъ случаѣ, если это опасное знакомство окажется слишкомъ интимнымъ, мы всегда сумѣемъ принять свои мѣры". — Приблизительно въ такомъ родѣ должны были разсуждать петербургскія власти. И весь опытъ нашего путешествія по Сибири подтверждалъ это мое предположеніе. Доступъ въ тюрьмы былъ оставленъ вполнѣ на волю мѣстнаго начальства; и это послѣднее руководилось въ своемъ отношеніи къ намъ, главнымъ образомъ, случайными обстоятельствами, личными впечатлѣніями и взглядами. Поэтому для насъ было въ высшей степени важно пріобрѣтать вездѣ довѣріе и благорасположеніе начальства, а свои изслѣдованія въ области политической ссылки вести возможно менѣе виднымъ и демонстративнымъ образомъ. Почти всѣ города и села, въ которыхъ мы искали для себя матеріаловъ, были соединены съ Петербургомъ телеграфной проволокой, и эта проволока, почти годъ, какъ Дамокловъ мечъ, висѣла надъ нашими головами, готовая ежечасно передать приказъ изъ Петербурга: арестовать и обыскать господъ Кеннана и Фроста.

До Усть-Каменогорска мы не имѣли никакихъ столкновеній съ полиціею, и наши сношенія съ ссыльными были вполнѣ свободны. Но по мѣрѣ накопленія у насъ писемъ и документовъ, которые, въ случаѣ обыска, могли компрометировать многихъ, мы сочли болѣе благоразумнымъ по возможности маскировать нашу истинную цѣль путешествія, а съ мѣстными властями держаться самыхъ дружескихъ отношеній. Въ каждомъ селѣ, въ каждомъ городѣ, гдѣ мы останавливались, мы первымъ дѣломъ отправлялись съ визитомъ къ исправнику или засѣдателю, и сообщали ему всевозможныя подробности о нашемъ путешествіи, о его цѣляхъ, благоразумно

умалчивая о самой существенной. Имѣя о ссыльныхъ точныя свѣдѣнія о взглядахъ, привычкахъ и склонностяхъ этихъ господъ, мы легко могли устанавливать между собою и ими наилучшія отношенія, лишенныя и тѣни недовѣрія и подозрительности, играя на ихъ слабыхъ струнахъ, избѣгая опасныхъ предметовъ разговора, и съ особеннымъ усердіемъ останавливаясь на тѣхъ темахъ, гдѣ можно было ожидать восторженнаго согласія. Въ знакъ уваженія ихъ чину и положенію, мы являлись съ визитомъ обыкновенно въ парадномъ платьѣ, пили вмѣстѣ водку, — если нужно, чуть не до потери сознанія, любезничали съ ихъ супругами, г. Фростъ рисовалъ портреты ихъ дѣтей, и въ 9-ти случаяхъ изъ 10-ти мы разставались добрыми друзьями, свободными отъ контроля и подозрительности. Обезопасивъ себя съ этой стороны, мы уничтожали въ самомъ корнѣ поползновенія на подозрительность низшихъ представителей полиціи, демонстративно выставляя на видъ нашу интимную близость съ ихъ начальствомъ. Что же касается населенія вообще, — его любопытство мы направляли по безопасному руслу, посѣщая школы, занимаясь ботаникой, рисуя, собирая статистическія свѣдѣнія, — вообще стараясь имѣть видъ путешественниковъ „съ ученою цѣлью“, какъ это называется въ Сибири. Послѣ этого мы могли безпрепятственно посѣщать ссыльныхъ, людей тоже „ученыхъ“, не вызывая ни въ комъ ни удивленія, ни сомнѣнія. Сообразно съ условіями мѣста мы такъ или иначе измѣняли подробности нашей „политики“, но общій характеръ ея сохраняли до конца, и хотя всѣ знали, конечно, что мы имѣемъ сношенія съ политическими ссыльными, но никто не догадывался, насколько эти сношенія интимны, и какое значеніе играютъ они во всемъ планѣ нашего путешествія. Во всякомъ случаѣ Дамокловъ мечъ телеграфной проволоки ни разу не упалъ на насъ, и до Забайкалья мы не получили ни разу „предостереженія“.

По всей Сибири наша задача была значительно облегчена отношеніемъ честныхъ и интеллигентныхъ чиновниковъ къ системѣ ссылки. Всѣ они, безъ исключенія, были или совершенно противъ нея, или противъ ея нынѣшней формы. Часто, казалось, они рады были случаю выставить передъ безпристрастнымъ наблюдателемъ печальныя стороны ссылки, какъ способа наказанія, и всѣ тѣ злоупотребленія, обманы и жестокости, которые порождаетъ на практикѣ ея функціонированіе. Не разъ я поражался ихъ рѣзкостью и откровенностью, когда они говорили, не стѣсняясь, увѣренные, что они могутъ довѣрять моей скромности.

„Я живу, благодаря существованію ссылки, — говорилъ мнѣ одинъ высокопоставленный чиновникъ тюремнаго департамента, —

и я не могу ни тяготиться своей службой, ни жаловаться на недостаточность жалованія. Но я съ радостью отказался бы отъ своей должности, если бы ссылка была уничтожена. Она губительна для Сибири и для ссыльныхъ и причиняетъ безчисленныя страданія. Но что подѣлаешь? Если мы рѣшаемся высказать истину передъ петербургскимъ начальствомъ, мы же за это страдаемъ; и страдаемъ, увѣряю васъ, сильно. Это меня выучило дѣлать возможно лучше свое дѣло и держать языкъ за зубами".

„Я доносилъ о злоупотребленіяхъ и неустройствахъ въ моемъ отдѣленіи, пока не усталъ, ничего не добившись — разсказывалъ другой. — Быть можетъ, что нибудь предпримутъ, наконецъ, если вы напишете объ этомъ. Тюрьма здѣсь не годна для людей; она не годится даже для собакъ, — и цѣлые годы я добивался постройки новой. Всѣ мои усилія привели лишь къ безконечной перепискѣ."

Подобные отзывы дѣлали мнѣ десятки лицъ, занимающихъ видныя положенія въ военной и гражданской администраціи. И это были не заявленія, лишенныя основанія. Они подкрѣплялись обыкновенно документами и статистическими данными. Въ области политической ссылки мы получали много цѣнныхъ свѣдѣній отъ лицъ, которыя относились съ большимъ или меньшимъ сочувствіемъ къ политическимъ ссыльнымъ и къ либеральному движенію. Какъ широко распространено въ Сибири это сочувствіе, едва-ли знаетъ русское правительство. Разъ мнѣ пришлось присутствовать въ одномъ сибирскомъ городѣ на вечернемъ собраніи въ частномъ домѣ, гдѣ были нѣкоторые члены городской думы, 6—8 офицеровъ и всѣ мѣстные ссыльные. Всѣ присутствовавшіе, казалось, были близко и интимно знакомы другъ съ другомъ; разговоръ часто становился крайне смѣлъ и либераленъ, и пѣсни, которыя хоромъ пѣло все общество, были большею частью революціонныя пѣсни. Я встрѣчалъ много примѣровъ подобной „неблагонадежности" въ Сибири; и даже въ самомъ Петербургѣ, послѣ возвращенія изъ Сибири я находилъ многихъ чиновниковъ, явно симпатизировавшихъ политическимъ преступникамъ и доставлявшихъ мнѣ копіи многихъ важныхъ бумагъ и документовъ. Читатель видитъ теперь, что дѣло изслѣдованія ссыльной системы было для насъ много легче, чѣмъ это могло казаться, благодаря, съ одной стороны, помощи честныхъ представителей администраціи, которые сами искали истины, съ другой — частныхъ людей, тайно симпатизировавшихъ борцамъ за свободу, и, наконецъ, самыхъ ссыльныхъ, которые на себѣ извѣдали всѣ стороны ссылки и обладали громадной массой всевозможныхъ матеріаловъ по этимъ вопросамъ.

Въ Томскѣ я въ первый разъ встрѣтилъ ссыльныхъ, которые принимали участіе въ „пропагандѣ“ 1872—75 гг. были, затѣмъ осуждены и имѣютъ такимъ образомъ всѣ права на названіе революціонеровъ. Я не замѣтилъ въ нихъ существенныхъ отличій отъ тѣхъ ссыльныхъ Семипалатинска, Ублинска, Каменогорска, которыхъ я уже видѣлъ, если не считать болѣе продолжительнаго изгнанія и болѣе обширнаго житейскаго опыта. Одинъ изъ нихъ, талантливый публицистъ лѣтъ 35-ти, Чудновскій, былъ арестованъ 19-ти лѣтнимъ юношей, и затѣмъ почти все время находился или подъ надзоромъ, или въ ссылкѣ, или въ заключеніи. Въ продолженіе 4 лѣтъ и 3 мѣсяцевъ просидѣлъ онъ въ одиночномъ заключеніи, ожидая суда. За протестъ противъ разныхъ незаконныхъ мѣръ и за упорныя заявленія своего права имѣть письменныя принадлежности для писанія жалобъ министру, онъ былъ связанъ и одѣтъ въ сумашедшую рубашку. Лишенный такимъ образомъ всѣхъ способовъ протеста, онъ рѣшился заморить себя голодомъ, и не принималъ никакой пищи, пока встревоженное начальство не уступило ему въ вопросѣ о чернилахъ и перѣ (къ слову сказать, эта побѣда не дала ему много, потому что жалобы его остались безъ послѣдствій, и даже, безъ отвѣта). Въ 1878 г. онъ былъ, наконецъ, судимъ въ знаменитомъ „процессѣ 193“ по обвиненію въ распространеніи запрещенныхъ книгъ, и осужденъ на 5 лѣтъ каторжныхъ работъ. Но при конфирмаціи приговора его предварительное заключеніе было принято въ счетъ, и онъ былъ сосланъ въ отдаленныя мѣста Сибири съ лишеніемъ всѣхъ правъ. Большинство людей не сумѣло бы выдержать безъ печальныхъ послѣдствій 5 лѣтъ одиночнаго заключенія и 7 лѣтъ ссылки, но энергія и мужество Чудновскаго вышли побѣдоносно изъ этого испытанія. Несмотря на всевозможныя препятствія, онъ сумѣлъ въ Сибири закончить свое образованіе и пріобрѣсти себѣ имя. Онъ авторъ прекрасной исторіи развитія образовательныхъ учрежденій въ Сибири, напечатанной въ Ежегодникѣ Томской губерніи за 1885 г.: онъ сдѣлалъ двѣ ученыя экспедиціи въ Алтай при помощи Западно-Сибирскаго Отдѣленія Императорскаго Географическаго Общества; онъ принималъ участіе въ русской періодической прессѣ, и его книга о Енисейской губерніи получила призъ Красноярской Городской Думы. (Книга эта, несмотря на то, что она была страшно обезображена цензурой, одна изъ лучшихъ въ этомъ родѣ, изданныхъ въ Сибири). Чудновскій произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка, который, родись онъ въ Америкѣ, какъ полезный и видный членъ общества, былъ бы честью для своей страны. Но... онъ родился въ Россіи, и, значитъ, былъ предназначенъ для тюрьмы и ссылки.

Однимъ изъ очень интересныхъ для меня людей изъ новоприбывшихъ въ Томскъ ссыльныхъ былъ Константинъ Станюковичъ, издатель русскаго журнала „Дѣло“. Исторію его ссылки я передавалъ уже читателямъ. Это былъ наблюдательный знатокъ русской общественной жизни, талантливый романистъ и, вообще, личность сильная, энергичная и способная. Вмѣстѣ съ Станюковичемъ въ Томскѣ жила его семья, послѣдовавшая за нимъ въ ссылку. Она состояла изъ г-жи Станюковичъ, женщины образованной и просвѣщенной, свободно владѣвшей, между прочимъ, англійскимъ языкомъ, изъ нѣсколькихъ дѣтей, изъ которыхъ старшая дочь, милая дѣвушка лѣтъ 17—18, въ довершеніе прочихъ своихъ способностей, обладала хорошимъ голосомъ и музыкальнымъ образованіемъ. Не одинъ пріятный вечеръ провели мы въ скромной гостиной Станюковича, до поздней ночи слушая дуэты m-lle Станюковичъ съ княземъ Кропоткинымъ, обсуждая тѣ или иныя стороны русской политической системы и ссылки, или обмѣниваясь воспоминаніями и впечатлѣніями Парижа, Лондона, Берлина, Нью-Іорка и Санъ-Франциско. И г. и г-жа Станюковичъ путешествовали по Соединеннымъ Штатамъ, и какъ то странно было видѣть въ ихъ сибирскомъ жилищѣ визитныя карточки такихъ извѣстныхъ американскихъ офицеровъ, какъ капитанъ James Eads и капитанъ John Kodfers, фотографію Линкольна и модель пироги, привезенной въ память о Ніагарскомъ водопадѣ. Я никогда не думалъ найти въ далекой Сибири людей, съ которыми меня бы связывало такъ много общихъ воспоминаній и чувствъ. Г. Станюковичъ бодро и упорно боролся въ ссылкѣ за жизнь, занимаясь литературой; его жена, по мѣрѣ силъ, помогала ему, давая уроки музыки.

Самымъ симпатичнымъ и привлекательнымъ изъ всѣхъ томскихъ ссыльныхъ былъ для меня Феликсъ Волховской, сосланный навсегда въ Сибирь въ 1878 году по обвиненію въ „принадлежности къ сообществу, которое намѣревалось въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ разрушить основы существующаго государственнаго строя“. Въ мое время это былъ человѣкъ 36 лѣтъ, очень образованный, съ благороднымъ сердцемъ и высоко нравственными стремленіями. Онъ прекрасно зналъ англійскій языкъ, былъ близко знакомъ съ американской исторіей и литературой и перевелъ на русскій языкъ многія поэмы Лонгфэлло. Я живо помню, съ какимъ одушевленіемъ говорилъ онъ мнѣ объ „Arsenal of Springfield“ Лонгфэлло, и читалъ эту поэму наизусть. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ лучшихъ и привлекательныхъ людей, какихъ мнѣ только выпало счастіе узнать, но жизнь его была ужасной трагедіей. Здоровье его было страшно подорвано во время одиночнаго заключенія въ Петропавловской крѣ-

пости, волоса совершенно посѣдѣли, и въ темносѣрыхъ глазахъ, когда лицо его было задумчиво-спокойно, лежала печать глубокой меланхоліи. За наше короткое знакомство, я очень привязался къ нему, и когда мы прощались съ нимъ окончательно, въ 1886 г., по моемъ возвращеніи изъ Восточной Сибири, обнимая и давая мнѣ прощальный поцѣлуй, онъ сказалъ: „Георгій Ивановичъ, не забывайте насъ! Прощаясь съ Вами, я чувствую, какъ изъ моей жизни вырывается что-то, что никогда болѣе не вернется!“ Послѣ моего возвращенія въ Америку я только разъ имѣлъ свѣдѣнія о Волховскомъ. Прошлою зимою онъ написалъ мнѣ мрачное письмо, въ которомъ сообщалъ о смерти своей жены. Я помню ее, эту блѣдную, болѣзненную женщину, съ глазами полными тоскливо-горькаго выраженія. Она всѣми силами помогала мужу поддерживать семью. Постоянныя заботы и тяжелый трудъ разрушили въ концъ ея слабое здоровье. Она обратилась въ инвалида и мучилась сознаніемъ своего безсилія и безполезности. Это сознаніе, что она, вмѣсто помощи, ложится тяжестью на своего мужа, осложненное болѣзнью, въ концѣ концовъ обратилось почти въ манію и разрѣшилось трагической развязкой: она застрѣлилась. Эта смерть, при такихъ обстоятельствахъ, была страшнымъ ударомъ для мужа, горячо ее любившаго. Съ письмомъ онъ послалъ мнѣ маленькую старую кожанную спичечницу, которую нѣкогда Петръ Кропоткинъ далъ на память своему ссыльному брату Александру. Тотъ далъ ее Волховскому, отъ котораго незадолго до смерти, она перешла къ его женѣ. Онъ думалъ, писалъ онъ мнѣ, что эта вещь будетъ имѣть для меня нѣкоторую цѣну, какъ память о четырехъ лицахъ, которыхъ я зналъ. Одинъ изъ нихъ былъ изгнанникомъ въ Лондонѣ, другой ссыльнымъ въ Томскѣ, а двое остальныхъ самоубійствомъ избавили себя отъ юрисдикціи русскаго правительства.

Я хотѣлъ прочесть письмо Волховского моей женѣ. Но кодга я представилъ себѣ его высоко-благородную личность, когда я подумалъ, какое дѣйствіе долженъ былъ произвести этотъ послѣдній ударъ судьбы на человѣка, вся жизнь котораго была сплошнымъ рядомъ ударовъ, — въ ссылкѣ, съ разбитымъ сердцемъ, съ погибшими надеждами, съ кучей безпомощныхъ дѣтей на рукахъ, — исписанныя строки исчезли изъ моихъ глазъ, затуманенныхъ слезами, и съ рыданіемъ въ горлѣ я долженъ былъ отложить въ сторону письмо и посылку.

Царь можетъ убѣлять сѣдинами головы такихъ людей, какъ Волховской; онъ можетъ замуровывать ихъ въ казематахъ крѣпости или посылать въ арестантскихъ халатахъ въ Сибирь. Но придетъ время, когда ихъ имена, а не его, будутъ отмѣчены на страницахъ

исторіи, и когда память о ихъ страданіяхъ и жизни будетъ служить источникомъ героическихъ внушеній для всѣхъ русскихъ, любящихъ свободу и свою страну!

Въ Томскѣ первый разъ, собственно, мы познакомились съ тѣмъ удручающимъ нервнымъ состояніемъ, которое причиняется постояннымъ созерцаніемъ человѣческихъ страданій, при сознаніи полнаго безсилія помочь имъ. До сихъ поръ мы ѣхали въ сторонѣ отъ главнаго пересыльнаго тракта; политическіе ссыльные Семипалатинска, Ублинска, Усть-Каменогорска жили еще сравнительно сносною и свободною жизнью, и только здѣсь, въ Томскѣ столкнулись мы, наконецъ, лицомъ къ лицу съ настоящими трагедіями ссыльной жизни. Съ этихъ поръ до самаго возвращенія въ Россію болѣзненно нервное состояніе, которое подчасъ переносить было труднѣе холода, голода и усталости, стало для насъ обычнымъ. Невозможно безъ ужаса наблюдать то, что пришлось намъ увидѣть въ „балаганахъ“ и въ госпиталѣ томской пересыльной тюрьмы; невозможно безъ содраганія выслушивать такія повѣствованія, какія мы слышали отъ ссыльныхъ въ Томскѣ, Красноярскѣ и Забайкальи. Одна блѣдная, слабая, убитая горемъ женщина, сосланная въ Восточную Сибирь и съ тѣхъ поръ отошедшая уже въ вѣчность, рѣшилась однимъ вечеромъ разсказать мнѣ свои испытанія. Я, помню, охотно бы избавилъ ее отъ необходимости еще разъ переживать ея трагическое прошлое, но она хотѣла, чтобъ свѣтъ узналъ, что приходится выносить русскимъ, что заставляетъ ихъ становиться террористами, и среди едва сдерживаемыхъ истерическихъ рыданій, когда я быстрыми шагами ходилъ изъ угла въ уголъ, кусая губы и сжимая кулаки, она разсказала мнѣ исторію своей жизни. Я не слышалъ никогда ничего болѣе тяжелаго. Послѣ подобныхъ бесѣдъ, — а такихъ у меня было не мало, — я не могъ ни спать, ни работать. И несомнѣнно, этимъ нравственнымъ страданіямъ и развившейся подъ ихъ вліяніемъ нервности, болѣе чѣмъ лишеніямъ путешествія я обязанъ разстройствомъ своего здоровья и силъ въ Забайкальи.

Въ Томскѣ и по дорогѣ въ Иркутскъ мы имѣли наконецъ возможность поближе познакомиться съ жизнью ссыльныхъ въ пути. Партія, человѣкъ въ 300—400 каждая, еженедѣльно выходятъ изъ Томска и дѣлаютъ 1040 миль до Иркутска въ 3 мѣсяца. По всей дорогѣ, на разстояніи 25—40 миль одинъ отъ другого расположены этапы съ конвойными командами человѣкъ въ 40—50. Такъ какъ разстояніе между этапами слишкомъ велико для того, чтобы пройти его пѣшкомъ и въ кандалахъ въ одинъ день, то между этапами построены „полуэтапы“, нѣсколько меньшіе по размѣрамъ, чѣмъ

форменные этапы, и безъ конвойныхъ командъ. Партія проходитъ въ два дня разстояніе между двумя сосѣдними этапами, останавливаясь на ночлегъ перваго дня на полуэтапѣ, третій день отдыхаетъ на этапѣ, на четвертый, перемѣнивъ конвой, идетъ до слѣдующаго полуэтапа, и т. д. до Иркутска и дальше. Каждый арестантъ получаетъ на руки свои кормовыя, — 5-6 центовъ въ день, и пропитывается какъ знаетъ, покупая пищу у мѣстныхъ торговцевъ и крестьянокъ. Одѣты всѣ въ грубыя холщевыя рубашки, порты (женщины въ юбки, — это единственное отличіе ихъ костюма отъ мужского), халаты, шапки и коты съ портянками. До 1883 г. не обращали вниманія на смѣшеніе въ партіяхъ мужского и женскаго пола, но теперь стараются отправлять холостыхъ мужчинъ отдѣльными партіями, присоединяя къ семейнымъ партіямъ незамужнихъ женщинъ и дѣтей. Это нѣсколько уменьшило въ партіяхъ деморализацію, происходившую отъ совмѣстнаго пребыванія въ тѣсныхъ этапахъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, но положеніе вещей все еще въ этомъ отношеніи очень печально, какъ какъ „семейныя“ партіи содержатъ въ себѣ достаточное количество развращенныхъ мужчинъ и подростковъ.

24 августа, въ воскресеніе, г. Фростъ и я были приглашены капитаномъ Гудимомъ, начальникомъ Томской конвойной команды, присутствовать при отправкѣ партіи. Въ 7 часовъ утра мы были передъ воротами тюрьмы и рѣшили наблюдать отправку отсюда. Съ полъ-дюжины солдатъ въ лѣнивыхъ позахъ сидѣли на лавкѣ передъ воротами и перебрасывались грубыми шутками съ стоящими тутъ же торговками. За стѣною слышалось звяканіе кандаловъ, и отъ времени до времени тюремныя ворота со скрипомъ отворялись, чтобы пропустить „парашниковъ“ или „водоносовъ“, которыхъ быстро обшаривали, ища запретнаго товара—водки. Около 8 часовъ явились для партіи телѣги, солдаты начали подбираться, и усиленный шумъ кандаловъ за стѣною указывалъ, что партія готовится къ выходу. Отворились ворота и изъ нихъ вышелъ тюремный кузнецъ, неся наковальню и нѣсколько паръ кандаловъ. Солдаты взяли ружья на плечи и стали полукругомъ, образуя цѣпь. Наконецъ раздалась команда „готово!“, и арестанты поодиночкѣ начали появляться изъ тюремнаго двора, отвѣчая на свое имя стоящему тутъ же со спискомъ въ рукахъ офицеру. Кузнецъ ощупывалъ у каждаго кандалы, чтобы удостовѣриться, что все въ порядкѣ, и унтеръ-офицеръ выдавалъ имъ по 10 центовъ кормовыхъ на два дня пути. Когда всѣ „каторжане“ вышли на улицу, они стали въ двѣ линіи и сняли шапки. Ихъ пересчитали и осмотрѣли головы,—побриты ли онѣ по „закону“. Затѣмъ черезъ ту же процедуру прошли посе-

ленцы; и, наконецъ, вся партія, человѣкъ въ 400, выстроилась на улицѣ. У каждаго въ рукахъ было по мѣшку съ вещами; у иныхъ на поясахъ висѣли котелки и чайники, а одинъ держалъ на рукахъ собаченку.

„Я увѣренъ, — сказалъ, подходя къ намъ, капитанъ Гудимъ, — что тутъ есть бродяги, въ шестой разъ идущіе на каторгу". — „Ребята, — крикнулъ онъ, обращаясь къ толпѣ, — сколько тутъ у васъ народу идетъ въ шестой разъ?".

„Много есть такихъ!" — отвѣчали голоса, и, нѣсколько спустя, сѣдой бродяга вышелъ изъ рядовъ и признался, что онъ 4 раза бѣжалъ съ каторги и теперь идетъ въ пятый. Иными словами, этотъ человѣкъ 8 разъ перемѣрялъ своими ногами 2000-мильное разстояніе между Томскомъ и Карою.

„Я зналъ бродягъ, — сказалъ капитанъ Гудимъ, — которые 16 разъ проходили по этой дорогѣ въ кандалахъ, и затѣмъ 16 разъ возвращались по степямъ и тайгѣ. Богъ знаетъ, какъ они умудряются жить такъ!"

Если подумать, что пройти 32 раза Восточную Сибирь — все равно, что дважды обойти вокругъ земли у экватора, — невольно поражаешься рѣшительностью и неукротимой энергіей этихъ людей, которыхъ такъ неудержимо манитъ къ себѣ свобода и родина. Въ 1884 году 1360 бродягъ было забрано въ Западной Сибири, и сотни погибли отъ голода и морозовъ въ тайгѣ. Орфановъ, служившій много лѣтъ въ Восточной Сибири, говоритъ, что онъ однажды насчиталъ 200 „непомнящихъ" въ одной Кайдаловской тюрьмѣ!

Пока собирали партію, я разговорился съ арестантами. Одинъ изъ нихъ спросилъ у меня, какъ обращаются въ Америкѣ съ осужденными, и позволяется-ли имъ сверхсрочной работой зарабатывать себѣ малую толику денегъ на время освобожденія изъ тюрьмы, что въ большинствѣ пенитенціарныхъ тюремъ допускается.

„У насъ не то, — заговорили въ толпѣ. — Голые идемъ мы на каторгу, голые уходимъ оттуда. А пока тамъ, насъ дерутъ „нарядчики" [1] сколько влезетъ.

„О, нѣтъ, — добродушно возразилъ капитанъ Гудимъ, — теперь на каторгѣ не бьютъ уже".

„Бьютъ, ваше благородіе; еще какъ бьютъ-то! — почтительно, но твердо отвѣчали бродяги. Если вы больны или слабы и не окончите вашего „урока" — получайте 20 ударовъ".

---

[1] Нарядчики — низшіе чиновники, наблюдающіе на каторгѣ за распредѣленіемъ работъ и за ихъ исполненіемъ арестантами.

Кеннанъ.

За это время больныхъ и слабыхъ усадили на телѣги *), мѣшки увязали на багажныхъ возахъ, и партія, готовая къ отправленію, ждала только команды. Капитанъ Гудимъ снялъ фуражку, перекрестился и обратился къ арестантамъ: „ну, ребята, съ богомъ! Счастливой дороги!“

„Партія — на лѣ-во! Партія — маршъ!“ раздалась команда, и толпа, со звономъ нѣсколькихъ сотенъ паръ кандаловъ и подымая облако пыли, двинулась въ свой далекій путь. Впереди шли ссыльные, за ними медленно двигались телѣги съ больными и багажемъ; сзади въ тарантасѣ ѣхалъ самъ начальникъ конвоя, капитанъ Гудимъ. Черезъ нѣсколько минутъ все потонуло въ густомъ облакѣ пыли. Эта пыль — мучительный и страшный врагъ партіи. Нѣсколько сотенъ человѣкъ, сбитыхъ въ тѣсную кучу, идутъ въ сплошномъ столбѣ пыли, охватывающей ихъ со всѣхъ сторонъ, проникающей во всѣ поры тѣла, затрудняющей дыханіе и особенно тяжело отзывающейся на заднихъ телѣгахъ съ больными, которые не имѣютъ никакихъ средствъ избавиться отъ этого бича.

Первая остановка партіи была миляхъ въ 10-ти отъ Томска, при входѣ въ маленькую деревушку. На поскотинѣ у дороги собрались тутъ 10, 12 женщинъ съ хлѣбомъ, квасомъ и прочими дешевыми деревенскими продуктами для продажи арестантамъ. Опытные бродяги, шедшіе впереди всѣхъ, подняли веселый крикъ: „привалъ, привалъ“. Желанное слово быстро пронеслось надъ толпою; партія ускорила шагъ, и черезъ минуту, по командѣ „стой“,— всѣ растянулись на травѣ, съ наслажденіемъ протянувъ усталые члены. Въ сущности, десятимильная прогулка не можетъ сильно утомить здороваго и свѣжаго человѣка, но для ссыльныхъ, истощенныхъ плохою пищею, отвратительными гигіеническими условіями тюрьмы, вынужденнымъ бездѣйствіемъ, и отягощенныхъ кандалами, она достаточно тяжела. Послѣ короткаго отдыха начался оживленный торгъ, и черезъ $^1/_2$ часа вся партія, въ разнообразныхъ позахъ, сидѣла за своимъ незатѣйливымъ завтракомъ. Г. Фростъ снялъ фотографію съ этой оживленной и интересной сцены. Кончивъ завтракъ и отдохнувъ, партія продолжала свой путь безъ всякихъ приключеній. Бродяги шли, громко разговаривая; новички слушали и поучались. Бродяга знаетъ дорогу, какъ свои пять пальцевъ, онъ знакомъ съ характерами всѣхъ конвойныхъ офицеровъ и

*) Количество ссыльныхъ, неспособныхъ идти, часто бываетъ очень велико. Въ 1884 г. для ихъ перевозки было употреблено 658 телѣгъ, каждая на 4-хъ человѣкъ. Т. е. было перевезено 2632 больныхъ. Это — естественный результатъ ужаснаго состоянія томской пересыльной тюрьмы и этаповъ.
Кеннанъ.

смотрителей отъ Томска до Кары, а опасный опытъ тайговой жизни придаетъ ему самоувѣренность и авторитетъ въ глазахъ партіи. Истинный бродяга называетъ острогъ „своимъ батюшкой“, а тайгу „матушкой“, и вся жизнь его состоитъ въ переходахъ отъ матушки къ батюшкѣ и наоборотъ. Рѣдко удается ему избавиться отъ Сибири, хотя онъ часто доходитъ до Тобольской губерніи. Рано или поздно, его снова забираютъ или онъ самъ отдается въ руки властей, спасаясь отъ голодной смерти въ тайгѣ. Одинъ конвойный офицеръ говорилъ арестованному въ Западной Сибири бродягѣ: „царева поскотина велика, правда, но ты никогда не выйдешь изъ нея, и не минуешь нашихъ рукъ, пока не умрешь“.

Только къ вечеру, когда дневной свѣтъ началъ переходить въ сумерки, впереди партіи появились пали „полуэтапа“, гдѣ она должна была провести свою первую ночь. Сибирскій полуэтапъ состоитъ изъ 2, 3 одноэтажныхъ зданій, окруженныхъ высокими палями. Одно изъ этихъ зданій назначается для офицера, другое для солдатъ, и третье — самое большое — для ссыльныхъ. Оно раздѣлено на три или четыре большихъ камеры, съ печкой и нарами въ каждой. Согласно рапорту пересыльнаго инспектора, справедливость котораго я провѣрилъ собственными глазами „всѣ этапы и полуэтапы отъ Томска до Ачинска не только малы, но слишкомъ стары, полуразрушены и требуютъ капитальнаго ремонта“. Ихъ главный недостатокъ, — общій для всѣхъ сибирскихъ учрежденій этого рода,— тѣснота. При постройкѣ ихъ разсчитывали на 150 человѣкъ, а теперь они должны укрывать подъ своими крышами 400-500 человѣкъ. Въ результатѣ получается, говоря словами рапорта, что „въ хорошую погоду половина партіи ночуетъ во дворѣ, а въ дурную ссыльные наполняютъ камеры, корридоры и даже чердаки“. Камеры грязны, окна не отворяются, и, несмотря на страшную скученность своего временнаго населенія, не имѣется ни малѣйшихъ приспособленій для вентиляціи.

Итакъ, послѣ 29 верстъ утомительнаго пути, наша партія подошла къ мѣсту желаннаго отдыха. Ихъ выстроили, пересчитали,— всѣ ли на лицо, — и затѣмъ ворота открылись. Съ дикимъ крикомъ всѣ бросились въ узкія ворота, давя и толкая другъ друга, падая и опять поднимаясь, какъ будто это былъ штурмъ вражеской крѣпости. Люди знали, что мѣстъ мало, и что опоздавшимъ придется спать подъ нарами на грязномъ полу. Размѣстившись, — счастливцы на нарахъ, прочіе — гдѣ попало, на полу и по угламъ, — всѣ принялись за ужинъ и чай. Ужинъ бываетъ часто крайне скуденъ или по причинѣ сравнительной дороговизны, или потому, что мѣстныя торговки принесутъ для продажи недостаточно продуктовъ. Часто

ссыльный за свои пять центовъ, по случаю неурожая, напримѣръ, не можетъ купить болѣе 1 1/2 фунта чернаго хлѣба. Торгъ происходитъ совершенно свободно; таксы не имѣется и дѣло продовольствія партіи, совершенно неорганизованное, зависитъ отъ случайностей и мѣстныхъ условій. Если почему нибудь крестьяне не принесутъ на этапъ ничего, партія должна ложиться спать безъ ужина, голодною. Этапные офицеры горько жаловались мнѣ на правительство, оставляющее на произволъ судьбы такое важное дѣло, какъ продовольствіе партіи въ 400-500 человѣкъ, и указывали на то, что безжалостно и несправедливо вести людей пѣшкомъ, въ кандалахъ при жестокихъ морозахъ, по 30 верстъ въ день, выдавая имъ кормовыхъ на 1 1/2 фунта хлѣба.

Послѣ ужина въ камерахъ зажгли огарки сальныхъ свѣчей, внесли „парашки“, и заперли на ночь двери, приставивши къ нимъ часовыхъ. Болѣе половины народу спало на полу, иные — возлѣ самыхъ парашъ, которыя часто текутъ и никогда не закрываются, въ атмосферѣ, къ утру ставшей положительно невозможной. Я хотѣлъ было просить у начальника конвоя разрѣшенія провести одну ночь въ камерѣ вмѣстѣ съ арестантами, но когда разъ въ моемъ присутствіи отворили утромъ двери камеры, и оттуда пахнуло отвратительнымъ, насквозь зараженнымъ воздухомъ, — я отказался отъ опаснаго опыта.

Второй день пути почти ничѣмъ не отличался отъ перваго. Послѣ поспѣшнаго и скуднаго завтрака, партію вывели во дворъ, пересчитали и повели дальше. На серединѣ дороги былъ сдѣланъ привалъ, а къ вечеру партія подошла къ этапу, гдѣ она должна была „дневать“, а затѣмъ съ новымъ конвоемъ отправиться дальше. Этапы ничѣмъ не отличаются съ точки зрѣнія удобствъ и заботъ объ арестантскомъ здоровьѣ отъ полуэтаповъ. Они немногимъ (очень немногимъ) болѣе полуэтаповъ, но также заброшены и стары. Впрочемъ, я предпочитаю въ этомъ случаѣ сослаться на слова генералъ-губернатора Анучина, видѣвшаго ихъ прикрашенными сколько возможно. Въ своемъ секретномъ рапортѣ царю онъ говоритъ, между прочимъ: „На пути къ Иркутску я осмотрѣлъ очень много карательныхъ учрежденій, остроговъ, пересыльныхъ тюремъ и этаповъ и долженъ, къ сожалѣнію, сказать, что большинство ихъ находится въ плачевномъ состояніи. Особенно плохи — этапы. Почти безъ исключенія всѣ они находятся въ полуразрушенномъ состояніи, въ плохихъ санитарныхъ условіяхъ; они холодны зимою, пропитаны міазмами и мало гарантируютъ отъ побѣговъ“. Если такое впечатлѣніе произвели злополучные этапы на генералъ-губернатора, для ревизіи котораго они были прибраны и вычищены,

читатель пойметъ, какое впечатлѣніе они произвели на меня, видѣвшаго ихъ въ обыденномъ, не прикрашенномъ видѣ.

„Плачевное положеніе“ сибирскихъ этаповъ надо приписать, мнѣ кажется, неспособной и корыстной администраціи и неизбѣжнымъ злоупотребленіямъ, связаннымъ съ бюрократической системой. Какъ ни плохи эти этапы, но на нихъ были потрачены казною громадныя средства, погибшія въ карманахъ подрядчиковъ и чиновниковъ. Одинъ пересыльный инспекторъ говорилъ мнѣ, что на ассигнованныя для постройки и содержанія этаповъ суммы, говоря безъ преувеличенія, можно было бы построить серебряные этапы отъ Томска до Иркутска. Самъ Анучинъ въ своемъ рапортѣ, который я только что цитировалъ, говоритъ: „Большія суммы были истрачены на поправленіе этихъ зданій, и недавно было назначено 250,000 рублей на возведеніе новыхъ этаповъ въ Забайкальской области. Я сомнѣваюсь, однако, чтобы при существующемъ положеніи вещей можно было ожидать отъ этого хорошихъ результатовъ. Можно бояться, что будущіе этапы Забайкалья раздѣлятъ общую судьбу этаповъ Енисейской и Иркутской губерній“. Опасенія Анучина дѣйствительно оправдались. Новые этапы, по отчетамъ ревизоровъ, оказались очень „неудовлетворительными“.

Наша партія, какъ я сказалъ уже, посвятила третій день своего путешествія отдыху. Арестанты ничего не дѣлали, слоняясь по двору, или изучая надписи на стѣнахъ. Эти надписи — своеобразное украшеніе этапа, и каждый бродяга, прежде всего, осматриваетъ стѣны, ища тамъ интересныхъ для него свѣдѣній и указаній. Начальство тщетно пытается устранить этотъ способъ переписки и обращенія казенныхъ стѣнъ въ газету. Еще недавно Галкинъ-Врасскій издалъ по этому поводу циркуляръ, обращенный къ смотрителямъ и конвойнымъ начальникамъ, но я сомнѣваюсь, чтобы изъ этого что-нибудь вышло. Арестанты всегда найдутъ способъ перехитрить начальство и обмануть его бдительность, если бы даже эта бдительность имѣла мѣсто.

Проводивъ партію до Холдѣевой, я вернулся въ Томскъ, оставивъ на будущее время болѣе близкое знакомство съ дорожною жизнью ссыльныхъ. Къ тому же эти три дня, которые я провелъ съ нею, даютъ объ этой жизни достаточное понятіе. Такъ, изо дня въ день, цѣлые мѣсяцы, безъ малѣйшаго разнообразія, подъ солнечнымъ зноемъ и суровыми морозами, по невылазной грязи, или въ облакахъ пыли, переплывая на паромахъ рѣки, проводя ночи въ зараженномъ воздухѣ гнилыхъ этаповъ, идетъ несчастный людъ, съ каждымъ днемъ приближаясь къ грознымъ забайкальскимъ рудникамъ.

Жизнь „большого Сибирскаго тракта“.

Обширный кругъ нашихъ томскихъ знакомыхъ, съ одной стороны съ правительственными чиновниками, съ другой — съ ссыльными, приводилъ насъ иногда въ довольно затруднительное и неловкое положеніе. Такъ, дня за два до нашего отъѣзда въ Иркутскъ, когда у меня сидѣли Волховской и Чудновскій, слуга внезапно доложилъ о его превосходительствѣ Пѣтуховѣ, временномъ томскомъ губернаторѣ. У меня, какъ выражаются русскіе, „ушла душа въ пятки“. Въ самомъ дѣлѣ, въ какихъ отношеніяхъ находятся между собой сосланные революціонеры и губернаторъ Пѣтуховъ? Я нѣсколько разъ бывалъ у послѣдняго, но никогда не касался вопроса о политическихъ ссыльныхъ, и тѣмъ менѣе, — во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній, — своихъ близкихъ отношеній къ нимъ; и вдругъ быть пойманнымъ на мѣстѣ преступленія самимъ губернаторомъ! Положеніе было, по меньшей мѣрѣ, затруднительно, но дѣлать было нечего, губернаторъ, въ полной формѣ, вошелъ въ комнату. Въ первое мгновеніе на его лицѣ быстро промелькнуло выраженіе удивленія, но оно также быстро исчезло, пока онъ снималъ у дверей свои калоши, и ни въ его манерахъ, ни въ поведеніи нельзя было уловить и слѣда неудовольствія или смущенія, когда мы встрѣтились по срединѣ комнаты. Онъ дружески обмѣнялся рукопожатіями съ нашими гостями, приговоренными нѣкогда къ каторжнымъ работамъ, началъ разговоръ, въ которомъ они могли принять участіе, и велъ себя вообще съ такимъ тактомъ и любезностью, что черезъ пять минутъ всякая натянутость исчезла, и всѣ мы болтали за столомъ такъ просто и нецеремонно, какъ будто бы мы были старые знакомые, встрѣтившіеся случайно въ клубѣ. Это было странное общество, тѣмъ не менѣе: американскій журналистъ, американскій художникъ, два политическихъ „преступника“, прошедшихъ черезъ „одиночки“, кандалы и поручни, и, наконецъ, высшій мѣстный представитель правительства, — всѣ, встрѣтившіеся на нейтральной почвѣ взаимныхъ личныхъ отношеній и забывшіе на минуту о существующихъ между ними офиціальныхъ отношеніяхъ. Сообщилъ ли губернаторъ о своей встрѣчѣ министру, я не знаю, но, вѣроятно, нѣтъ. Вѣрный слуга своего правительства, онъ казался мнѣ въ то же время человѣкомъ образованнымъ и здравомыслящимъ; не одобряя революціоннаго движенія, онъ долженъ былъ признавать, что между сосланными въ качествѣ государственныхъ

преступниковъ были люди очень выдающіеся, заслуживающіе глубокаго уваженія и любопытные для иностранца.

Число ссыльныхъ въ Томскѣ въ мое время доходило до 30, считая 6—8 женщинъ. Нѣкоторые изъ нихъ были административные, недавно прибывшіе изъ Россіи; нѣкоторые поселенцы, первоначально высланные въ „болѣе отдаленныя мѣста Сибири“ и переведенные впослѣдствіи сюда; нѣкоторые же — изъ числа немногихъ выжившихъ представителей знаменитаго „процесса 193-хъ“, выстрадавшіе цѣлые годы въ одиночкахъ Петропавловской крѣпости и отправленные затѣмъ въ Западную Сибирь. Я былъ очень удивленъ, найдя среди томскихъ административныхъ ссыльныхъ людей, побывавшихъ въ Якутской области и недавно оттуда возвращенныхъ.

„Какъ это, — спросилъ я одного изъ нихъ. — Вы, административный, были высланы въ Якутскую область? Вѣдь, кажется, туда отправляютъ только самыхъ опасныхъ „преступниковъ“ и кончившихъ свои сроки карійскихъ каторжанъ?“

„Это не вполнѣ такъ, — отвѣтили мнѣ. — Дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ административные ссылаются въ Западную Сибирь, но вовсе не рѣдки и случаи ссылки въ Якутскъ. Я самъ сначала былъ назначенъ въ Западную Сибирь, но въ 1881 году, за отказъ присягнуть Александру III-му, меня перевели въ Якутскій улусъ *).

„Т. е., позвольте! Неужели же правительство, наказывая васъ за измѣну, требуетъ въ то же время присяги. Вѣдь это не только не справедливо, но просто глупо. Какой же смыслъ: требовать отъ государственнаго ссыльнаго присяги, что онъ вѣрноподданный?“

„Нѣтъ никакого смысла, но это все же дѣлается. Правительство не удовлетворяется даже этимъ. Оно требовало отъ меня, чтобы я открылъ все, что зналъ, о революціонномъ движеніи; другими словами — выдалъ своихъ друзей. Я не могъ бы сдѣлать этого, даже если бы ссылка и обратила меня въ вѣрноподданнаго.“

Дальнѣйшій разговоръ выяснилъ вполнѣ тотъ новый и неожиданный для меня фактъ, что отъ всѣхъ административно-ссыльныхъ Западной Сибири, при воцареніи Александра III, министръ внутреннихъ дѣлъ потребовалъ присяги. Было въ высшей степени, ко-

---

*) Улусъ — мѣстное названіе поселенія, состоящаго изъ одной-двухъ жалкихъ юртъ, расположенныхъ въ дикой тайгѣ, за сотни верстъ отъ ближайшей русской деревушки, болѣе, чѣмъ въ 5,000 миляхъ отъ Петербурга. У меня имѣется списокъ 79 государственныхъ ссыльныхъ, жившихъ въ 1882 году въ якутскихъ улусахъ: между прочимъ, тамъ были поселены: извѣстный русскій романистъ Короленко, профессоръ химіи Богдановичъ, Линевъ, натурализованный американецъ, одинъ французъ, одинъ германецъ и 9 женщинъ. Иностранцы обращались за помощью къ своимъ правительствамъ, но безъ успѣха. Кеннанъ.

нечно, нелѣпо ожидать, чтобы люди, подвергнувшіеся уже наказанію за государственныя преступленія, собственноручно, такъ сказать, осудили бы себя, принеся присягу Александру III; и едва ли министръ могъ питать такую надежду. Гораздо вѣроятнѣе, что онъ нашелъ въ этомъ неисполнимомъ требованіи удобный предлогъ во второй разъ наказать людей, не совершившихъ второго преступленія. Если преступникъ, уже осужденный и наказанный, отказывается признать преступленіемъ то, что вызвало наказаніе, — это упорство можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для несмягченія его участи, но едва ли оно можетъ оправдывать произвольное усиленіе степени наказанія. Всякому бы показалось невѣроятнымъ и преступнымъ, если бы губернаторъ Оглезви потребовалъ бы завтра отъ присужденныхъ къ тюрьмѣ анархистовъ признанія, что они не анархисты и, въ случаѣ отказа, повѣсилъ бы ихъ безъ долгихъ разговоровъ. И между тѣмъ русское правительство дѣлало именно это въ 1881 г. Если министръ внутреннихъ дѣлъ не зналъ, что ссыльные виновны въ государственномъ преступленіи, онъ не имѣлъ права высылать ихъ; если онъ зналъ это, онъ дѣйствовалъ съ жестокой, непозволительной, несправедливостью, ставя передъ ними ужасную дилемму: или клятвопреступленіе, или полужизнь и полусмерть въ якутскихъ улусахъ. Десятки и сотни ссыльныхъ, не желая дѣлаться измѣнниками, отправились такимъ образомъ въ Восточную Сибирь и Якутскую область, между прочимъ талантливый романистъ Короленко. Онъ былъ сосланъ три раза, — разъ по ошибкѣ,— и отправился въ Якутскую область потому, что отказался выдать своихъ друзей, поцѣловать желѣзную руку, его ударившую, и поклясться въ вѣрности „божьею милостью“ императору Александру III.

Читатель можетъ подумать, что, называя ссылку въ якутскіе улусы „полужизнью“ — „полусмертью“, я пользуюсь слишкомъ сильнымъ выраженіемъ. Пусть въ такомъ случаѣ говорятъ хорошо освѣдомленные и безпристрастные русскіе. Въ началѣ 1881 года, когда при либеральномъ министерствѣ Лорисъ-Меликова русская пресса пользовалась нѣкоторой свободой, Приклонскій, извѣстный публицистъ, служившій одно время въ канцеляріи олонецкаго губернатора, помѣстилъ въ либеральной газетѣ „Земство“ (которая вскорѣ была закрыта) тщательно обработанную статью объ административной ссылкѣ. Вотъ что говоритъ онъ въ ней о жизни политическихъ ссыльныхъ въ якутскихъ улусахъ:

„Въ Якутской области существуетъ особая форма ссылки, болѣе жестокая и варварская, чѣмъ какая-либо извѣстная русской публикѣ, — именно ссылка въ улусы. Она состоитъ въ размѣщеніи ссыльныхъ порознь въ разбросанныхъ якутскихъ юртахъ, отстоящихъ одна отъ

другой иногда на многія версты. Въ одной корреспонденціи „Русскихъ Вѣдомостей (№ 23) изъ Якутска приводится слѣдующій отрывокъ изъ письма одного улуснаго ссыльнаго, живо изображающій то ужасное положеніе, въ какое попадаетъ интеллигентный человѣкъ, безжалостно брошенный въ одну изъ юртъ этихъ арктическихъ дикарей: — „казаки, сопровождавшіе меня изъ Якутска, отправились обратно, и я остался одинъ среди якутовъ, которые не понимаютъ ни слова по русски. Они слѣдятъ за мною безустанно, боясь отвѣтственности передъ начальствомъ, если я убѣгу. Выхожу я на воздухъ изъ душной атмосферы юрты, — за мною неизмѣнно слѣдуетъ по пятамъ якутъ; беру я топоръ, чтобы вырубить себѣ палку, — якутъ жестами требуетъ, чтобы я оставилъ топоръ и шелъ въ юрту. Въ юртѣ голые обитатели ея безцеремонно охотятся за насѣкомыми — пріятное зрѣлище! Скотъ зимою находится тутъ же, въ юртѣ. Испражненія скота и дѣтей, невѣроятная грязь, гніющій навозъ и лохмотья, миріады насѣкомыхъ въ постели, отвратительный, зараженный воздухъ, невозможность перемолвиться съ кѣмъ-нибудь однимъ русскимъ словомъ, — все это вмѣстѣ способно хоть кого свести съ ума. Якутскую пищу почти невозможно ѣсть: она приготовляется въ высшей степени неопрятно, безъ соли, часто изъ испорченныхъ матеріаловъ, и непривычный желудокъ отказывается ее принимать. У меня нѣтъ отдѣльной посуды и бѣлья. Я не могу мыться и всю зиму — 8 мѣсяцевъ — хожу грязный, какъ якутъ. Я не могу никуда отлучиться, — менѣе всего въ городъ, находящійся въ 200 верстъ отсюда. Я живу на постоѣ у якутовъ, перемѣняя черезъ каждые 6 недѣль одну юрту на другую. У меня нѣтъ ни книгъ, ни газетъ, и я не знаю ничего о томъ, что дѣлается на свѣтѣ“.

„Дальше этого (говоритъ Приклонскій, комментируя это письмо) не можетъ идти жестокость. Остается только привязать человѣка къ хвосту дикаго коня и пустить его въ степь или приковать его къ трупу и оставить въ такомъ положеніи на произволъ судьбы. Не вѣрится, чтобы человѣческое существо, безъ суда, по произволу власти, подвергалось такому мученію, — наказанію, которое европейская цивилизація изгнала изъ своихъ кодексовъ даже по отношенію къ такимъ преступникамъ, злодѣянія которыхъ были доказаны на судѣ. И между тѣмъ корреспонденція „Русскихъ Вѣдомостей“ удостовѣряетъ насъ, что до сихъ поръ никто изъ якутскихъ ссыльныхъ не получилъ облегченія участи; большинство изъ новоприбывшихъ было по прежнему разослано по улусамъ; эта же участь уготована и для вновь ожидаемыхъ“ *).

*) Приклонскій, смѣлый и талантливый авторъ этой статьи, теперь уже мертвъ, и потому я безъ опасенія могу сказать здѣсь, что копія съ нея, со

Слова Приклонскаго находятъ себѣ полное подтвержденіе въ частныхъ письмахъ отъ невольныхъ улусныхъ обитателей, въ живомъ свидѣтельствѣ многихъ, уже прошедшихъ черезъ всѣ эти испытанія и, наконецъ, въ моемъ личномъ опытѣ. Я самъ спалъ въ якутскихъ юртахъ рядомъ со скотомъ, я самъ испыталъ нѣкоторыя лишенія, связанныя съ этой обстановкой, и знаю, до чего должно быть мучительно для образованнаго существа, — особенно для женщины, — проводить мѣсяцы и годы въ такихъ условіяхъ. Надо сказать, впрочемъ, что ссыльные, имѣющіе возможность получать помощь изъ дому, покупаютъ или строятъ себѣ отдѣльные дома и ведутъ поэтому нѣсколько болѣе сносное существованіе. Иные имѣютъ кое-какія книги и получаютъ черезъ полицію нѣсколько разъ въ годъ письма отъ родныхъ, но все это далеко не избавляетъ ихъ отъ страданій и лишеній якутской ссылки. Линевъ, жившій нѣсколько лѣтъ въ Америкѣ и владѣвшій англійскимъ языкомъ, разсказывалъ мнѣ, что ему приходилось цѣлые мѣсяцы не видѣть хлѣба и питаться исключительно рыбой и мясомъ. Ссылка окончательно разбила его здоровье и онъ умеръ на этапѣ, возвращаясь въ Россію, черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ моей съ нимъ встрѣчи. Что жизнь улусныхъ ссыльныхъ, несмотря на самыя благопріятныя условія, мучительна до невозможности, доказываютъ частыя самоубійства, въ которыхъ они ищутъ себѣ избавленія. Изъ 79 ссыльныхъ съ 1882 до 1885 г. 6 покончили самоубійствомъ. Что было послѣ 1885 г.,—я, къ сожалѣнію, не знаю.

Что меня особенно поразило въ томскихъ политическихъ ссыльныхъ, такъ это спокойствіе, съ которымъ они вспоминали о своихъ страданіяхъ и преслѣдованіяхъ. Мужчины и женщины, сосланные

множествомъ другихъ матеріаловъ, касающихся административной ссылки, была получена мною лично отъ него. Это былъ человѣкъ благородный и талантливый, хорошо извѣстный въ Россіи, какъ авторъ сочиненій: „Очерки самоуправленія“ (1884 года), „Народная жизнь на сѣверѣ“ и многихъ статей о мѣстномъ самоуправленіи и положеніи крестьянъ въ Россіи, печатавшихся въ журналахъ: „Недѣля“, „Земство“ и „Русская Мысль“. Приклонскій не былъ революціонеромъ, и статья, которую я цитировалъ, была помѣщена въ „Земствѣ“, неофиціальномъ органѣ русскихъ земствъ. Я упоминаю обо всемъ этомъ для того, чтобы показать, что если бы русское правительство сколько-нибудь заботилось о положеніи политическихъ ссыльныхъ Якутской области, оно могло бы найти необходимыя свѣдѣнія и указанія у лицъ, достойныхъ всякаго уваженія и нескрывавшихся подъ псевдонимами отъ отвѣтственности за свои слова. Изъ того, что министръ внутреннихъ дѣлъ, не смущаясь, продолжаетъ посылать образованныхъ людей въ якутскіе улусы, читатель вправѣ заключить, что онъ вполнѣ сознательно и преднамѣренно подвергаетъ ихъ всѣмъ тѣмъ ужасамъ, о которыхъ говоритъ письмо, приводимое Приклонскимъ; подвергаетъ по произволу безъ суда и возможности оправданія. Кеннанъ.

за отказъ дать присягу Александру III и перенесшіе въ дикой Якутской пустынѣ все, что можно себѣ представить, — голодъ, холодъ, болѣзни и лишенія, казалось, не видѣли въ своихъ испытаніяхъ ничего особенно экстраординарнаго. Отъ времени до времени мужъ, жена котораго не вынесла этой каторги и нашла спасеніе въ самоубійствѣ, судорожно сожметъ кулаки, говоря о ней; или несчастная мать, у которой умеръ отъ мороза ребенокъ, разрыдается среди повѣствованія; но, какъ правило, всѣ относились къ прошлому удивительно хладнокровно и спокойно. Х., одинъ изъ ссыльныхъ, показывалъ мнѣ однажды обширную коллекцію фотографическихъ карточекъ своихъ революціонныхъ друзей и отвѣчалъ на мои вопросы такъ:

„Это? — спокойно говорилъ Х., — это г-жа А., земская учительница; она умерла въ кіевской тюрьмѣ. Этотъ господинъ съ окладистой бородой — В., мировой судья въ Р.; онъ повѣшенъ въ 1879 г. въ Петербургѣ. Дѣвушка съ исхудалымъ лицомъ—С., изъ такъ называемыхъ пропагандистокъ; она сошла съ ума въ петербургскомъ домѣ предварительнаго заключенія, ожидая суда. Эта красивая дама съ нашитымъ на рукавѣ крестомъ — Д., сестра милосердія во время русско-турецкой войны; теперь она осуждена на 20 лѣтъ каторги и находится на Карѣ. Рядомъ съ ней — Е., студентка-бестужевка; она зарѣзалась кускомъ стекла послѣ 2-хъ лѣтъ одиночнаго заключенія“.

И такимъ образомъ Х. перелистовалъ весь альбомъ, наскоро, сухимъ, дѣловымъ тономъ, касаясь ужасныхъ трагедій, въ которыхъ его друзья были дѣйствующими лицами. Въ немъ не замѣчалось ни малѣйшаго волненія. Глядя на него, можно было бы подумать, что то, что вашихъ пріятелей вѣшаютъ, ссылаютъ на каторгу, сводятъ съ ума и доводятъ до самоубійствъ при помощи битаго стекла, что это — самая простая и обыденная вещь въ мірѣ. Это спокойствіе не было, однако, результатомъ безчувствія или индиферентизма; это было скорѣе результатомъ долговременной привычки. Человѣкъ привыкаетъ ко всему, даже къ зрѣлищу функціонирующаго полевого госпиталя; и русскіе революціонеры такъ привыкли къ безправію и лишеніямъ, что могутъ говорить безъ возбужденія о такихъ вещахъ, которыя заставляли мое лицо пылать, а сердце биться сильнѣе отъ негодованія или состраданія.

„Два раза въ жизни, — говорилъ мнѣ одинъ извѣстный русскій либералъ, — я живо почувствовалъ, что значитъ быть свободнымъ гражданиномъ. Въ первый разъ это было, когда я возвращался домой изъ Америки и замѣтилъ на границѣ рѣзкую разницу въ отношеніи жандармовъ ко мнѣ и къ ѣхавшимъ со мною англичанамъ. Второй разъ — теперь, во время разсказа В. Его исторія

казалась вамъ, какъ я ясно видѣлъ по выраженію вашего лица, чѣмъ-то ужаснымъ и почти невѣроятнымъ, а для меня она была ничуть не удивительнѣе, чѣмъ сообщеніе объ опрокинутомъ на улицѣ человѣкѣ. Наблюдая за вами и на мгновеніе посмотрѣвъ на факты съ вашей точки зрѣнія, я еще разъ почувствовалъ, до осязательности, все различіе между свободнымъ гражданиномъ и россійскимъ обывателемъ.

Положеніе томскихъ ссыльныхъ во всѣхъ отношеніяхъ было лучшимъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было еще въ Сибири. Образованные горожане—въ большинствѣ случаевъ, либералы и не боязливы. Въ городѣ имѣется книжный магазинъ, библіотека, театръ, либеральная газета (большую часть времени, впрочемъ, закрыта), прекрасныя школы; мѣстное начальство — спокойное и непривязчивое. Въ виду этого можно пожалѣть, что Томскъ скоро перестанетъ быть мѣстомъ ссылки. А этого можно опасаться. Газеты сообщаютъ, что пресловутый томскій университетъ, зданіе для котораго, воздвигнутое главнымъ образомъ на частныя пожертвованія, давно уже готово, скоро будетъ, наконецъ, открытъ. Но правительство всѣми мѣрами старается препятствовать распространенію „опасныхъ идей“ среди университетской молодежи. Воспріимчивая молодежь изъ знакомства съ такими людьми, какъ Чудновскій и Кропоткинъ, можетъ вывести заключенія, далеко не отвѣчающія вѣрноподданническимъ чувствамъ и правительственнымъ взглядамъ на воспитаніе. Я сильно боюсь поэтому, что если министръ рѣшится, наконецъ, на этотъ „опасный“ опытъ открытія университета, это открытіе будетъ сигналомъ разсылки томскихъ ссыльныхъ по другимъ мѣстамъ.

28 августа мы оставили, наконецъ, Томскъ, послѣ сердечнаго прощанія съ мѣстными ссыльными, полковникомъ Ягодинымъ и нѣкоторыми другими чиновниками. Губернаторъ Пѣтуховъ обѣщалъ снабдить насъ открытымъ письмомъ, разрѣшающимъ намъ безпрепятственно посѣщать этапы и тюрьмы, но потому ли, что онъ забылъ, или потому, что измѣнилъ свое намѣреніе, заставъ у насъ въ гостяхъ ссыльныхъ, мы отправились въ путь безъ такого разрѣшенія, предоставленные своей собственной предпріимчивости. Путь нашъ до Ачинска не былъ ознаменованъ ничѣмъ замѣчательнымъ. Мѣстность ровная, а временами немного холмистая, напоминала собою, частью западный Мэнъ, частью плодородную земледѣльческую полосу восточнаго Нью-Іоркскаго штата. То мы ѣхали цѣлые часы между двумя стѣнами зеленѣющихъ березъ, тополей и сосенъ, скрывавшихъ отъ глазъ все, кромѣ неба и грязной полосы дороги, то выѣзжали на обширныя открытыя равнины, покрытыя пашнями или естественнымъ ковромъ травъ и цвѣтовъ. Хотя погода указывала

на близость осени, комары еще не исчезли и цвѣты пестрили поля. Я собралъ 34 образчика разныхъ цвѣтовъ: дикихъ розъ, незабудокъ, астръ и др. Самой обработанной и привлекательной показалась мнѣ мѣстность между станціями Итатской и Боготольской, въ 50 миляхъ отъ Ачинска. Обработанныя поля и обширные луга съ своими осенними тонами, съ небольшими рощами серебрившихся тополей, разбросанными среди роскошной травяной растительности, съ желтѣющими копнами скошеннаго сѣна и группами мужчинъ и женщинъ въ красныхъ и синихъ рубахахъ, которые подбирали сѣно или мирно завтракали подъ тѣнью придорожныхъ деревьевъ, тронутыхъ морозомъ, представляли прекрасную картину, достойную кисти художника.

Къ сожалѣнію, я не могу того же сказать о здѣшнихъ деревняхъ. Всѣ онѣ удивительно похожи одна на другую и состоятъ обыкновенно изъ двухъ, вытянутыхъ иногда на нѣсколько верстъ, рядовъ некрашенныхъ бревенчатыхъ избъ, раздѣленныхъ грязною, шоколаднаго цвѣта улицей, безъ малѣйшаго слѣда какой-нибудь растительности, если не считать вѣтокъ, красующихся надъ дверями „кабаковъ“, „ренсковыхъ погребовъ“, „питейныхъ заведеній“ или „оптовыхъ складовъ“. Всѣ эти почтенныя учрежденія съ различными наименованіями, принося доходы правительству и деморализацію населенію, занимаются однимъ и тѣмъ-же дѣломъ. Всѣ они продаютъ водку и въ значительной степени отвѣтственны за грязный, унылый и нищенскій видъ сибирскихъ деревень. На одну школу ихъ приходится 30 въ Западной Сибири и 35 — въ Восточной. Трудно, конечно, надѣяться найти чистоту, порядокъ и процвѣтаніе въ странѣ, гдѣ такъ непропорціональны доступъ къ опьяненію и доступъ къ образованію.

Мое вниманіе въ гораздо большей степени привлекали деревенскія кладбища своей оригинальностью. Черные кресты надъ могилами были покрыты часто остроконечными крышами и окружены рѣшетками, выкрашенными въ красный, синій, зеленый и желтый цвѣта. Нарисованныя бѣлою краскою на черныхъ крестахъ фигуры распятаго Спасителя, съ непомѣрно длинными ногами, доходящими до подножья креста, производили на меня какое-то странное впечатлѣніе рядомъ съ веселыми цвѣтами рѣшетокъ. Русская привязанность къ рѣзкимъ краскамъ торжествовала даже надъ самою смертью.

Сѣнокосъ еще продолжался и все населеніе было въ полѣ. Въ деревняхъ все было пусто и какъ бы мертво, и эта пустота и отсутствіе всякихъ признаковъ жизни были для насъ, иностранцевъ, новостью, невольно останавливавшею вниманіе. Въ одной такой пустой

деревнѣ мы были поражены видомъ лошади, закованной въ кандалы и мирно пасшейся у дороги. Я зналъ изъ исторіи, что русское правительство нѣкогда наказало кнутомъ и сослало въ Сибирь непокорный угличскій вѣчевой колоколъ за его свободный языкъ, но мысль, что и въ наше просвѣщенное время возможна ссылка и заковка въ кандалы „неблагонадежныхъ“ лошадей, казалась мнѣ все-таки нѣсколько смѣлою. Къ счастью, на почтовой станціи дѣло разъяснилось въ пользу цивилизаціи. „Отказъ въ присягѣ Александру III“ оказался въ этомъ случаѣ не при чемъ и лошадь носила правительственные кандалы только потому, что ея собственникъ затерялъ гдѣ-то ключъ и не могъ ихъ отпереть, и вотъ — несчастная лошадь ходила уже нѣсколько мѣсяцевъ закованная въ кандалы и безполезная, какъ заклепанная пушка.

Въ 20 миляхъ отъ Ачинска мы переѣхали границу между Томской и Енисейской губерніями. Начиная отсюда, цѣна за почтовую ѣзду удвоилась, и за одну лошадь намъ пришлось платить по 3 коп. съ версты вмѣсто прежнихъ $1^1/_2$, безъ соотвѣтственнаго улучшенія въ комфортѣ и быстротѣ путешествія. Причины этого лежатъ, какъ намъ объяснили, въ сравнительной дороговизнѣ содержанія въ Восточной Сибири. Быть можетъ, это и такъ, но тогда только остается удивляться, почему правительство не принимаетъ въ разсчетъ этихъ соображеній въ дѣлѣ продовольствія арестантовъ и ссыльныхъ. Дороже или дешевле жизнь въ Восточной и Западной Сибири, стоитъ ли фунтъ хлѣба 2 или 7 копѣекъ, правительству до этого нѣтъ дѣла, и арестантъ вездѣ получаетъ свои 10 коп. въ день, предоставленный кормиться, какъ знаетъ.

Отъ Ачинска началось для насъ настоящее испытаніе и продолжалось до самаго Красноярска. Никогда въ жизни не видалъ я такой отвратительной дороги. Ухабы, ровчаки, цѣлыя пропасти, выбитыя тысячами прошедшихъ здѣсь обозовъ, ужасные мостики и еще болѣе ужасныя попытки на исправленіе дороги, при помощи набросанныхъ кучъ хвороста, дѣлали путешествіе мучительнымъ до невозможности. Американскій почтовый дилижансъ въ полчаса обратился бы здѣсь въ кучу щепъ, а мы, непривычные американцы, послѣ безконечныхъ толчковъ, тряски, дождей, ночныхъ холодовъ, безсонницы и голода (мы жили чуть не исключительно чаемъ и запасомъ взятаго съ собою хлѣба, потому что доставать сносную пищу было почти невозможно), приведены были въ такое жалкое и несчастное положеніе, что не чувствовали, такъ сказать, въ себѣ живого мѣста, и я, глядя на изнуренный видъ Фроста, началъ серьезно за него безпокоиться. Но отдыхать было негдѣ: почтовыя станціи были обыкновенно заняты проѣзжающими, которые спали и на ди-

ванахъ, и на полу, и мы пользовались для сна минутами сравнительно сносной дороги, да получасами, пока перемѣняли лошадей. Для насъ было большимъ удовольствіемъ узнать, что новый генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, графъ Игнатьевъ, проѣзжавшій нѣсколько дней тому назадъ по этой дорогѣ, былъ приведенъ въ такое отчаяніе ея состояніемъ, что приказалъ посадить въ тюрьму впредь до выясненія дѣла подрядчика, на обязанности котораго было держать ее въ порядкѣ. Мы съ Фростомъ находили, что тутъ было, пожалуй, и умѣстно примѣненіе деспотической власти.

Наконецъ, послѣ пятидневныхъ мученій, 2 сентября мы прибыли въ Красноярскъ. Обильный ужинъ и спокойный сонъ нѣсколько возстановили упавшія силы, и на слѣдующій день мы отправились съ визитомъ къ богатому мѣстному золотопромышленнику, Льву Петровичу Кузнецову, къ которому у насъ было рекомендательное письмо изъ Петербурга. Признаюсь, я никогда не ожидалъ найти въ Красноярскѣ такую пріятную обстановку и такой комфортъ, какіе оказались въ домѣ Кузнецова. Слуга ввелъ насъ въ роскошную, изысканно и со вкусомъ убранную гостиную. Полированный полъ, тамъ и сямъ покрытый богатыми восточными коврами; пальмы и иныя тропическія растенія; громадныя зеркала и картины извѣстныхъ художниковъ на стѣнахъ; бронза, фарфоръ и прекрасный рояль, заваленный нотами, составляли убранство комнаты. Мы не успѣли опомниться отъ изумленія, какъ вошелъ изящно одѣтый молодой человѣкъ и привѣтствовалъ насъ на хорошемъ англійскомъ языкѣ. Скоро мы познакомились со всей семьей, состоявшей изъ трехъ братьевъ и двухъ сестеръ, холостыхъ и жившихъ вмѣстѣ въ одномъ домѣ. Иннокентій Кузнецовъ и его сестры говорили по-англійски, путешествовали по Америкѣ, и, что касается Иннокентія Петровича, его знакомство съ моей страной могло меня даже пристыдить. Онъ два раза былъ тамъ, познакомился съ генераломъ Шериданомъ, съ капитаномъ Жакъ и другими нашими знаменитостями, охотился на буйволовъ и посѣтилъ даже такіе уголки, какъ „Yellowstone Park“ и „Stakets Plaine“.

Читатель можетъ легко представить себѣ, какимъ наслажденіемъ было для насъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ утомительнаго путешествія, послѣ грязныхъ почтовыхъ станцій и гостиницъ, послѣ безпрестанныхъ сценъ страданій и горя, послѣ раздирающихъ душу исторій ссылокъ и заключеній, очутиться на время въ такомъ оазисѣ, какъ домъ Кузнецовыхъ. Мы были окружены здѣсь цвѣтами, книгами, картинами и прочими признаками развитаго вкуса, наслаждались музыкой и бесѣдой съ просвѣщенными людьми и изящными дамами, за ихъ столомъ мы встрѣчали представителей мѣстной ин-

теллигенціи, между прочими, г. Савенкова, директора образцовой школы, ученаго археолога, только что вернувшагося изъ своей экспедиціи къ верховьямъ Енисея. Вообще гостепріимный домъ Кузнецовыхъ грозилъ стать для насъ Капуей; надо было бѣжать, чтобы не поддаться его очарованію, и 5-го сентября запасшись чаемъ, хлѣбомъ и мѣдной монетой, мы снова отправились на свою добровольную муку, переправившись черезъ Енисей на паромѣ.

На этотъ разъ на погоду нельзя было жаловаться. Дождя не было, и солнце какъ бы старалось наверстать свои прошлые грѣхи. Но все указывало на осень. Листья на деревьяхъ желтѣли и краснѣли, трава начинала блекнуть, и населеніе спѣшило съ покосомъ. Безъ всякихъ приключеній и остановокъ ѣхали мы до станціи Камышинской (350 миль отъ Иркутска). Здѣсь пришлось остановиться на нѣсколько часовъ у мѣстной кузницы для починки тарантаса. Кузнецъ съ помощью своей дочери, здоровой 18-ти лѣтней дѣвушки, занимался ковкою лошадей. Здѣсь въ первый разъ наблюдалъ я эту операцію въ Сибири, и надо думать, что здѣшнія лошади крайне дики, или кузнецы слишкомъ безцеремонно забиваютъ въ копыта гвозди. Такъ или иначе, но когда я увидѣлъ несчастное животное съ крѣпко перевязанными ногами, поднятымъ какъ на дыбу широкими ремнями, безъ всякой возможности двинуть ногою, я рѣшилъ, что сибирскіе кузнецы являются самыми желательными и выгодными кліентами для обществъ, страхующихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Пока мы ждали у кузницы, подъѣхала московская почта чуть не на десяткѣ телѣгъ, грузно набитыхъ кожанными мѣшками. Столкнуться такимъ образомъ съ почтой проѣзжающему — чистое несчастіе. Она забрала со станціи всѣхъ лошадей и мы могли отправиться дальше только послѣ нѣсколькихъ часовъ ожиданія.

До самаго Иркутска мы ѣхали почти безъ остановокъ, если не считать нѣкоторыхъ задержекъ для осмотра какого нибудь этапа или наблюденія за движеніемъ арестантскихъ партій, которыя во всякую погоду медленно двигаются по своему назначенію, на Кару.

Разстояніе, которое мы проѣхали въ 8 дней, партіи проходятъ въ 2 и болѣе мѣсяца, и достаточно взглянуть на изможденныя, страдальческія лица арестантовъ, чтобы представить себѣ, какой массы мукъ и лишеній стоитъ имъ это путешествіе. Американскій читатель, боюсь, прямо не пойметъ этого. За время своего путешествія отъ Томска до Иркутска мнѣ много разъ приходилось видѣть арестантовъ въ пути, въ проливной дождь и подъ палящимъ солнечнымъ зноемъ; я осматривалъ несчастные этапы, въ которые

ихъ загоняютъ на ночь, какъ скотъ; я видѣлъ лазареты, гдѣ они недѣлями лежатъ безъ ухода и медицинской помощи; мнѣ приходилось часто говорить съ этапными офицерами и чиновниками пересыльной администраціи, и я пришелъ къ окончательному заключенію, что страданія, сопряженныя съ настоящимъ способомъ пересылки ссыльныхъ въ Сибирь, превосходятъ всякое вѣроятіе и не имѣютъ ничего себѣ подобнаго нигдѣ въ цивилизованномъ мірѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ страданій суть, конечно, результатъ небрежности, индифферентизма или испорченности мѣстной администраціи, но главное зло лежитъ, несомнѣнно, въ самой системѣ пересылки и исчезнетъ только съ уничтоженіемъ и замѣною ея заключеніемъ въ самой Европейской Россіи. Мнѣ кажется, достаточно минутнаго размышленія, чтобы придти къ такому заключенію: При самыхъ благопріятныхъ условіяхъ не могутъ 6—10 тысячъ человѣкъ, — мужчинъ, женщинъ и дѣтей, — пройти 2000 миль по такой странѣ, какъ Сибирь, не подвергаясь ужаснымъ лишеніямъ. Однихъ физическихъ страданій достаточно тутъ, чтобы подорвать здоровье и силу обыкновеннаго человѣка; а если присоединить сюда плохую одежду, недостаточную пищу, отвратительную атмосферу переполненныхъ этаповъ и почти полное отсутствіе медицинской помощи, — придется удивляться не тому, что такъ много арестантовъ умираетъ, а тому, что ихъ такъ много выживаетъ.

Партіи, оставляющія Томскъ въ іюлѣ и августѣ еще на дорогѣ до Иркутска захватываются морозами и холодными осенними дождями. Люди, еще не снабженные зимнимъ платьемъ, могутъ противоставить погодѣ только грубыя рубахи, да суконные халаты; и промокшіе до костей, — женщины съ грудными дѣтьми на рукахъ, больные тщетно ищущіе защиты въ вымоченномъ сѣнѣ, которымъ набиты телѣги, — идутъ по колѣно въ грязи со скоростью 3 верстъ въ часъ. Идутъ босые, потому что мелкіе „коты“ (лѣтняя обувь) тонутъ въ грязи и обращаются черезъ нѣсколько часовъ въ рваную, ни къ чему негодную ветошь. Эти коты поставляются подрядчиками и дѣлаются изъ самаго дешеваго матеріала. Само правительство назначаетъ 6 недѣль, какъ срокъ ихъ носки. Естественно, что черезъ недѣлю ихъ остается только выбросить, поэтому чаще они висятъ, въ видѣ украшеній, за спиной, не исполняя своей прямой и единственной обязанности, — защищать ноги отъ холода, грязи и пораненій.

Когда партія, измокшая, усталая и голодная, подходитъ къ одной изъ расположенныхъ по дорогѣ деревень, староста проситъ у офицера разрѣшенія на сборъ подаянія. Если это разрѣшеніе дается, происходитъ самый важный для партіи и любопытный для наблю-

дателя моментъ этапнаго путешествія. Арестанты снимаютъ шапки и медленнымъ, тянущимся шагомъ входятъ въ деревню, затягивая свою знаменитую „милосердную“. Я никогда не забуду впечатлѣнія, которое произвела на меня эта пѣсня въ первый разъ. Мы сидѣли на почтовой станціи, въ ожиданіи лошадей. Внезапно мое ухо поразили какіе то жалобные, дрожащіе звуки, доносившіеся издалека, звуки, производимые, очевидно, человѣческими голосами, но не похожіе ни на что, что мнѣ приходилось слышать. Это не было ни пѣніемъ, ни стономъ, ни похороннымъ плачемъ, это было смѣсью всего этого, вырванной изъ человѣческой груди пыткою, но пыткою, не дошедшей еще до той степени мучительности, которая вызываетъ неудержимый вопль. Мы вышли на улицу и увидѣли въ началѣ деревни партію изъ 100—150 человѣкъ, закованныхъ, съ открытыми полуобритыми головами, двигавшихся медленнымъ шагомъ и окруженныхъ цѣпью солдатъ. Партія пѣла. Пѣвцы не заботились, казалось, о гармоничности звуковъ; каждый изъ нихъ, независимо одинъ отъ другого, произносилъ слова; нельзя было уловить ни паузъ, ни ритма, но эффектъ получался поразительный, — чего то вродѣ дикой фуги или похороннаго пѣнія, чего-то неопредѣлимаго, но надрывающаго душу. Слова были приблизительно таковы: „Милосердные наши батюшки, пожалѣйте насъ, несчастныхъ странниковъ, не забывайте насъ, бѣдныхъ заключенныхъ. Накормите насъ и помогите намъ бѣднымъ нуждающимся. Пожалѣйте насъ, наши батюшки, пожалѣйте насъ, наши матушки...“ и т. д. Представьте себѣ сотню человѣкъ, поющихъ эту жалобу однообразнымъ низкимъ тономъ, медленнымъ темпомъ подъ акомпаниментъ звяканія цѣпей и вы будете имѣть нѣкоторое, очень слабое, понятіе о „милосердной“. Какъ ни грубъ, безыскуственъ и негармониченъ этотъ призывъ къ сожалѣнію, я никогда не слышалъ ничего болѣе мрачнаго и подавляющаго. Онъ казался мнѣ выраженіемъ всего того горя, всѣхъ страданій и отчаянія, которыя накопились въ поколѣніяхъ ссыльныхъ въ этапахъ, тюрьмахъ, на каторгахъ. На звуки этой пѣсни изъ всѣхъ воротъ выходятъ женщины и дѣти съ кусками хлѣба или мяса, съ яйцами и прочими продуктами, которые за деревнею, на привалѣ, распредѣляются между арестантами. Послѣ короткаго завтрака партія продолжаетъ путь и къ вечеру приходитъ на этапъ. Здѣсь арестанты должны ложиться спать въ томъ же мокромъ насквозь бѣльѣ, въ холодныхъ, почти нетопленныхъ камерахъ. У нѣкоторыхъ имѣется перемѣна бѣлья, но, пробывъ подъ дождемъ цѣлый день, эта перемѣна такъ же мокра, какъ и та, которая на тѣлѣ. А вѣдь какъ легко было бы, кажется, предупредить это, покрывая брезентомъ телѣги съ арестантскими вещами? Отъ этого ни-

чтожнаго обстоятельства зависитъ, быть можетъ, жизнь сотенъ людей. Наконецъ, самый расходъ на брезентъ, несомнѣнно былъ бы меньше, чѣмъ расходъ на похороны тѣхъ, которые умираютъ отъ простуды, захваченной отъ сна въ мокромъ платьѣ. Если меня спросятъ, но почему же тогда этотъ расходъ не дѣлается, я отвѣчу: потому что тѣ, которые имѣютъ власть, — не заботятся. Черезъ всю Сибирь проѣхалъ я съ этимъ вопросомъ на устахъ: „почему“? и это — отвѣтъ, который я постоянно получалъ.

„Сколько разъ докладывалъ я, — говорилъ мнѣ одинъ высокопоставленный чиновникъ пересыльной администраціи, — что ссыльныхъ надо отправлять лѣтомъ, въ телѣгахъ, а не заставлять ихъ идти пѣшкомъ цѣлый годъ. Точнѣйшими цифрами я доказывалъ, что это не только болѣе человѣчный способъ пересылки, но и болѣе дешевый, что на каждомъ пересыльномъ сберегается такимъ образомъ 14 рублей въ годъ на пищѣ и платьѣ...“

„Ну и что же? Почему такъ не дѣлается?“ — спросилъ я.

Мой собесѣдникъ только вздернулъ плечами въ отвѣтъ на наивный вопросъ.

„Я неоднократно возражалъ, — говорилъ мнѣ другой чиновникъ, — противъ принятія отъ поставщиковъ негодныхъ вещей, но изъ всѣхъ моихъ протестовъ ничего не вышло. Коты, приходящіе въ полную негодность послѣ 2 дней употребленія, принимаются какъ надлежащіе, и арестанты должны идти босикомъ. Что же я могу подѣлать?“

Будучи въ Иркутскѣ я засталъ разъ у Петрова, временнаго мѣстнаго губернатора, полковника Загарина, пересыльнаго инспектора. Онъ принесъ съ собою нѣсколько паръ котовъ, только что принятыхъ отъ подрядчика губернскимъ правленіемъ, и поставилъ ихъ рядомъ съ котами, которые должны были служить образцомъ. Сходства между ними было такъ мало; принятые коты были такъ плохи, обманъ былъ такъ очевиденъ, что я на этотъ разъ думалъ, что протестъ Загарина будетъ принятъ во вниманіе, и комиссія кассируетъ рѣшеніе губернскаго правленія. Возвращаясь изъ Забайкалья, я спросилъ Загарина о результатахъ его протеста.

„Результата не было“, — отвѣчалъ мнѣ Загаринъ.

„И арестанты отправились въ путь въ тѣхъ котахъ?“

„Да!“ — отвѣчалъ онъ. Я болѣе ничего не спрашивалъ.

Я могъ бы наполнить безчисленное количество листовъ иллюстраціями, показывающими, до чего невыносимой дѣлается дорожная жизнь ссыльныхъ вслѣдствіе небрежности или злоупотребленій администраціи, но это, кажется, не необходимо. Хроники лазаретовъ съ ихъ громадной цифрой смертности говорятъ сами за себя. Сотни

арестантовъ, обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ, на свою погибель заболѣвшіе на дорогѣ тифомъ или воспаленіемъ легкихъ, прежде, чѣмъ умрутъ въ госпиталѣ, недѣлю и двѣ мучатся въ тряскихъ телѣгахъ по отвратительной дорогѣ. И при существующихъ условіяхъ это неизбѣжно. Этапный офицеръ не можетъ оставить больного арестанта безъ надзора и помощи въ пустомъ этапѣ. Онъ долженъ везти его впередъ, пока не довезетъ до города съ лазаретомъ.

Много разъ, когда безсонныя ночи, ужасная тряска и отвратительная погода доводили насъ съ Фростомъ до мучительнаго, болѣзненнаго состоянія, я поддерживалъ свою энергію воспоминаніемъ о сотняхъ мужчинъ и женщинъ, которые на этой же дорогѣ, въ тифѣ и безсознательномъ состояніи, не защищенные отъ непогоды, безъ всякихъ признаковъ комфорта, безпомощно бились головами о спинки телѣгъ въ ожиданіи лазарета. Если это выносится, думалъ я, то стоитъ ли думать о тѣхъ ничтожныхъ страданіяхъ, которыя выпадаютъ на мою долю.

Больные, ожидающіе какъ спасенія госпиталя, могутъ надѣяться умереть мирно подъ кровлею, но, если вѣрить рапортамъ администраціи, едва ли они могутъ ожидать выздоровленія. Галкинъ-Врасскій въ своемъ рапортѣ министру внутреннихъ дѣлъ (1885 г.) такъ описывалъ состояніе лазаретовъ между Ачинскомъ и Иркутскомъ:

„До 1885 г. для заболѣвшихъ на дорогѣ арестантовъ не имѣлось ни лазаретовъ, ни какихъ бы то ни было приспособленій для докторовъ, или даже для фельдшеровъ. Согласно 5 пункту 363 отдѣла „Устава о ссыльныхъ“ помощь больнымъ арестантамъ лежитъ на обязанности гражданскихъ и военныхъ врачей въ мѣстахъ, гдѣ распредѣлены этапные офицеры. Гражданскіе врачи не живутъ, однако, въ этапныхъ деревняхъ, а военные имѣются только на этапахъ Шарагульскомъ, Бирюсинскомъ и Тирецкомъ *). Эти лазареты имѣютъ по 6 кроватей для солдатъ конвойныхъ командъ. Арестанты, заболѣвающіе на дорогѣ, оставляются на этихъ этапахъ, но не въ лазаретахъ, а въ этапныхъ камерахъ. Ихъ не только не раздѣляютъ сообразно ихъ полу, возрасту и характеру болѣзни, но здѣсь не имѣются никакихъ приспособленій, необходимыхъ для лазарета. Здѣсь нѣтъ ни сидѣлокъ, ни постельнаго бѣлья, ни кроватей, ни даже посуды для ѣды“.

Больной, попавшій, наконецъ, въ одинъ изъ этихъ „лазаретовъ“, гдѣ „нѣтъ ни сидѣлокъ, ни постельнаго бѣлья, ни кроватей,

*) Разстояніе между этими этапами таково: 352 мили, 200 миль, 90 миль и отъ Тирецкой до Иркутска 139 миль. Партія же дѣлаетъ въ недѣлю, среднимъ числомъ 80 миль. *Кеннанъ.*

ни даже посуды для ѣды“ очевидно, не можетъ питать особенно сангвиническихъ надеждъ на выздоровленіе. Однако, большинство какимъ-то чудомъ выздоравливаетъ и средняя смертность въ партіяхъ между Томскомъ и Иркутскомъ, взятая за круглый годъ, равна 12—15% *).

Неудивительно, что ссыльные пытаются избавиться отъ такой жизни путемъ побѣговъ. Опытные бродяги и рецидивисты обыкновенно достигаютъ этого при помощи „смѣнокъ“ съ поселенцами, выпускаемыми на мѣстахъ ихъ причисленія на волю, нѣкоторые же смѣлые и отчаянные рѣшаются иногда на побѣги „на ура“, т. е. прорываясь черезъ цѣпь солдатъ во время пути. Въ нихъ стрѣляютъ, и одинъ или два изъ нихъ обыкновенно платятъ за свою попытку смертью, но иногда, если дѣло происходитъ возлѣ пустого мѣста, смѣлость вознаграждается успѣхомъ, и бѣглецы, пока ихъ товарищи по партіи продолжаютъ свой медленный путь на востокъ, разбивши кандалы, присоединяются къ какому-нибудь отряду великой арміи бродягъ, которая постоянно движется въ обратную сторону, на западъ, къ Уралу.

---

*) Въ 1883 г. 70 ссыльныхъ умерло между Томскомъ и Ачинскомъ въ теченіе путешествія, занявшаго 21 день. Если бы такая смертность продолжалась бы весь годъ, изъ 7865 пришедшихъ здѣсь арестантовъ умерло бы 1217. См. Рапортъ пересыльнаго Инспектора Западной Сибири за 1884 годъ, стр. 32, 33). *Кеннанъ.*

Жизнь административно-ссыльныхъ.

Чтобы въ связной и понятной формѣ передать читателю результаты моего изслѣдованія русской ссыльной системы, я нахожу нужнымъ прервать на время свой разсказъ и свести здѣсь въ одно матеріалы, относящіеся къ одной сторонѣ дѣла, но собранные отрывочно, въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ Сибири. Передавать эти матеріалы въ томъ хронологическомъ порядкѣ, въ какомъ я ихъ собиралъ, — значило бы въ значительной мѣрѣ лишить ихъ того значенія и силы, какія они имѣютъ; это затруднило бы читателю полное пониманіе одной изъ самыхъ интересныхъ и важныхъ сторонъ ссылки. Раньше, въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія я сгруппировалъ значительное количество фактовъ, разъясняющихъ самый процессъ административнаго изгнанія; здѣсь я обращу исключительное вниманіе на жизнь, которую приходится вести въ ссылкѣ такимъ изгнанникамъ.

Произвольная отправка русскихъ гражданъ въ Сибирь, безъ суда и по одному подозрѣнію въ „неблагонадежности“, стала обычнымъ явленіемъ въ послѣдніе годы царствованія Александра II-го. Практиковалась иногда она, конечно, и раньше, но съ 1878 года, когда борьба террористовъ съ правительствомъ особенно обострилась, административная ссылка стала явленіемъ обычнымъ, и люди, извѣстные либерализмомъ, или подозрѣваемые въ симпатіи къ революціонному движенію, отсылались въ Сибирь десятками и сотнями. Если у какого-нибудь юноши находили запрещенную книгу, этого было достаточно, чтобы сослать его въ Сибирь; если какой-нибудь энтузіастъ-студентъ начиналъ обучать грамотѣ фабричныхъ рабочихъ, его слали въ Сибирь за излишнія заботы о низшемъ классѣ; если полиція заставала позднимъ вечеромъ кампанію молодежи, собравшейся „при подозрительныхъ обстоятельствахъ“, имена преступниковъ заносились въ списокъ „неблагонадежныхъ“ и если потомъ по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, правительство находило нужнымъ

„принять болѣе сильныя мѣры для сохраненія общественнаго спокойствія“, несчастные, собравшіеся, быть можетъ, лишь для совмѣстнаго чтенія Спенсера или Милля, безжалостно отсылались въ Сибирь, какъ заговорщики. Друзья и родственники осужденныхъ, само собою разумѣется, высылались въ Сибирь, и задолго до убійства Александра II—700—800 молодыхъ людей, самыхъ различныхъ общественныхъ положеній были высланы безъ суда въ Сибирь, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго тюремнаго заключенія *). Уже въ концѣ 1880 г. едва ли можно было найти городокъ въ Западной Сибири, гдѣ не было бы административно-ссыльныхъ, а въ такихъ городахъ какъ Тара, Тюкалинскъ, Ялуторовскъ, Семипалатинскъ, Курганъ, Сургутъ, Омскъ, Томскъ, находились цѣлыя колонія ссыльныхъ.

Въ то время не существовало никакихъ опредѣленныхъ правилъ для ссыльныхъ. Къ нимъ прилагалась мѣра, не опредѣленная дѣйствующимъ законодательствомъ и находившаяся въ безконтрольномъ распоряженіи власть имѣющихъ. Какъ естественное послѣдствіе, ея приложеніе было измѣнчиво и произвольно. Человѣкъ могъ быть сосланъ административно на годъ, на десять лѣтъ, на всю жизнь; его могли отправить въ сожженныя солнцемъ долины Иртыша, или въ арктическія пустыни Якутска; съ нимъ могли обращаться, какъ съ малолѣтнимъ ребенкомъ, или какъ съ осужденнымъ каторжникомъ, — и противъ произвола власти у него не было никакой законной точки опоры. Его положеніе во многихъ отношеніяхъ было хуже, чѣмъ положеніе обыкновеннаго преступника. Послѣдній зналъ, по крайней мѣрѣ, за что и какъ долго суждено ему нести свою кару. Его судилъ законъ и законъ же до нѣкоторой степени защищалъ его отъ капризовъ и дурного обращенія со стороны мелкаго мѣстнаго начальства. Административно-ссыльный нигдѣ не имѣлъ такой защиты. Онъ стоялъ совершенно внѣ закона: срокъ ссылки для него не былъ опредѣленъ и могъ всегда быть увеличеннымъ по желанію начальства; онъ не имѣлъ никакихъ признанныхъ за нимъ правъ, ни какъ гражданинъ, ни какъ преступникъ; онъ не могъ знать съ точностью, переходитъ ли, или нѣтъ, мѣстное начальство по отношенію къ нему границу своихъ правъ. Единственною уздою для мѣстныхъ властей были получаемыя время отъ времени отъ министра секретныя инструкціи, но и эта узда была скорѣе лишь номинальна; инструкціи часто не совпадали одна съ другою; онѣ не разрѣшали и половины возникавшихъ недоразумѣній; онѣ,

*) Въ 1882 г. оффиціально было показано 1500 человѣкъ находящихся подъ надзоромъ. Большинство ихъ находилось въ ссылкѣ.

Кеннанъ.

наконецъ, клались подъ спудъ, въ случаѣ сомнѣній и совершенно пренебрегались въ минуты гнѣва и возбужденія. Естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія вещей были замѣшательства, безпорядки и постоянныя требованія власти. Въ одномъ мѣстѣ отъ административно-ссыльныхъ требовали ежедневнаго появленія въ полицію для представленія по начальству и для записи своихъ именъ въ книгу; въ другомъ ихъ подвергали постоянному и унизительному надзору, не останавливающемуся даже передъ спальнею молодой дѣвушки. Одинъ исправникъ допускалъ занятія преподаваніемъ или медициной; другой отсылалъ въ тюрьму за музыкальный урокъ и за прописку хиннаго порошка. Въ Усть-Каменогорскѣ ссыльный могъ отлучиться за 3, 4 мили отъ города, рискуя лишь получить выговоръ; въ Ишимѣ достаточно было отойти на 200 шаговъ отъ города въ прилегающій лѣсъ, чтобы отправиться за это преступленіе въ Якутскую область. Вездѣ царили — неопредѣленность и недоразумѣнія, которыя постоянно вызывали столкновенія ссыльныхъ съ начальствомъ.

Такъ шло дѣло до 1882 года, когда Александръ III подписалъ наконецъ, „Положеніе о полицейскомъ надзорѣ“. Я намѣренъ здѣсь изложить это „Положеніе“ и иллюстрировать его извѣстными мнѣ эпизодами изъ жизни сибирскихъ административно-ссыльныхъ. Положеніе подраздѣляется на 40 параграфовъ и заключаетъ въ себѣ 5 мелкимъ шрифтомъ напечатанныхъ страницъ. Всего курьезнѣе въ немъ то, что хотя оно относится почти исключительно къ лицамъ сосланнымъ, въ немъ ни разу не встрѣчаются слова „ссылка“, „Сибирь“. Какъ будто бы авторъ „Положенія“ стыдился откровенно признаться, что его произведеніе заключаетъ въ себѣ инструкціи, регулирующія жизнь сотенъ мужчинъ и женщинъ, оторванныхъ отъ дома и безъ суда заброшенныхъ въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири. Единственный намекъ на это обстоятельство заключается въ слѣдующемъ параграфѣ: „полицейскій надзоръ надъ лицами, находящимися въ назначенныхъ для нихъ мѣстожительствахъ..... и т. д. (2)“.

Въ этихъ безцвѣтныхъ словахъ нѣтъ ничего, что указывало бы на то, что эти „назначенныя для нихъ мѣстожительства“, въ которыхъ находятся какія-то „лица“, расположены въ 5000 миль отъ Петербурга, и я увѣренъ, что простодушный читатель могъ выучить наизусть все „Положеніе“, ни на минуту не предположивъ, что дѣло идетъ, въ сущности, о людяхъ, высланныхъ безъ суда къ границамъ Монголіи или въ якутскіе улусы возлѣ сѣвернаго полярнаго круга. Авторъ „Положенія“ сдѣлалъ полицейскій надзоръ главнымъ предметомъ своего законодательства и искусно скрылъ подъ нимъ то, что онъ лицемѣрно называетъ „назначенными для нихъ мѣстожительствами“. Даже нравственное чувство привычныхъ русскихъ

возмутилось бы, несомнѣнно, если бы „Положеніе“ было озаглавлено соотвѣтственно своему содержанію: „Правила, регулирующія поведеніе лицъ, сосланныхъ безъ суда въ Сибирь“. Слова „сосланныхъ безъ суда въ Сибирь“ звучатъ слишкомъ дурно, между тѣмъ, какъ фраза „лица, опасныя для общественнаго спокойствія могутъ быть обязываемы проживать въ опредѣленныхъ имъ мѣстахъ“ – сравнительно безобидна и не вызываетъ негодованія даже въ щепетильномъ умѣ.

Когда намъ говорятъ, что русскій гражданинъ можетъ быть арестованъ и, не обвиненный ни въ какомъ преступленіи, отправленъ административно въ какую-нибудь глухую деревушку Сибири, гдѣ долженъ жить цѣлые годы, естественно возникаетъ вопросъ: „Каковы условія жизни, которую приходится ему тамъ вести? Чѣмъ законъ помогаетъ ему выдерживать такую жизнь? Что онъ можетъ тамъ дѣлать? Что ему запрещено и какъ съ нимъ обходятся?“ На каждый изъ этихъ вопросовъ „Положеніе“ даетъ отвѣтъ, и такъ какъ эти оффиціальные отвѣты, конечно, имѣютъ болѣе вѣса, чѣмъ показанія самихъ ссыльныхъ, я передамъ вкратцѣ содержаніе „Положенія“, которое ссыльные иногда шутливо называютъ своею „конституціею“ или „билемъ о правахъ“. Вотъ оно:

„Наибольшій срокъ ссылки устанавливается въ пять лѣтъ“ (Параг. 3).

„Какъ скоро ссыльный достигаетъ мѣста назначенія, ему выдается, вмѣсто паспорта, другой документъ, въ которомъ указаны его имя, званіе, прежнее мѣстожительство и новое, для него обязательное“ (Пар. 5).

„Ссыльный не имѣетъ права оставить назначенное ему мѣсто проживанія безъ разрѣшенія начальства. Въ случаѣ перемѣны квартиры онъ обязанъ сдѣлать объ этомъ заявленіе въ полиціи въ 24-часовой промежутокъ времени“ (Пар. 7).

„Въ особенно важныхъ случаяхъ, если поведеніе его удовлетворительно, ссыльный можетъ на время отлучаться отъ своего мѣстожительства, но подъ обязательнымъ условіемъ разрѣшенія на это со стороны губернатора, если перемѣщеніе не переходитъ предѣловъ губерніи, и со стороны министра внутреннихъ дѣлъ, если оно ихъ переходитъ“. (Пар. 8).

„Ссыльный, которому такое разрѣшеніе дано, долженъ быть снабженъ видомъ, съ точно опредѣленнымъ маршрутомъ. Онъ не долженъ останавливаться на пути безъ вполнѣ уважительныхъ причинъ (болѣзни напр.); въ послѣднемъ случаѣ онъ тотчасъ долженъ заявить объ этомъ ближайшему начальству. Онъ обязанъ являться въ полицію во всякомъ городѣ, лежащемъ на его пути. Во всякое

время онъ можетъ быть возвращенъ на свое мѣстожительство, если поведеніе его покажется подозрительнымъ". (Пар. 9-16).

„Ссыльный обязанъ являться въ полицію по ея первому требованію". (П. 17).

„Мѣстная полицейская власть имѣетъ право входа въ квартиру ссыльнаго во всякое время дня и ночи; имѣетъ право обыска и задержанія вещей, по своему усмотрѣнію". (П. 19).

„Ссыльный не можетъ занимать никакой должности на государственной и общественной службѣ; онъ не имѣетъ права заниматься письменною работою для государственныхъ, земскихъ и иныхъ учрежденій, безъ спеціальнаго на то разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ". (П. 21).

„Ссыльный не имѣетъ права быть основателемъ или членомъ никакого частнаго общества; онъ не можетъ быть опекуномъ и попечителемъ". (П. 22-23).

„Ссыльнымъ воспрещается педагогическая дѣятельность всякаго рода. Имъ запрещается давать уроки, читать публичныя и частныя лекціи, присутствовать на публичныхъ собраніяхъ ученыхъ обществъ; участвовать въ театральныхъ и иныхъ представленіяхъ и вообще появляться въ общественныхъ роляхъ. Имъ запрещается принимать какое бы то ни было участіе, хотя бы въ качествѣ рабочихъ, въ заведеніяхъ фотографическихъ, литографическихъ, типографическихъ и библіотечныхъ; имъ запрещается заниматься литературою, держать чайныя и какія бы то ни было питейныя торговыя заведенія". (П. 24).

„Ссыльный не имѣетъ права вести въ судахъ тяжебныя дѣла кого бы то ни было, кромѣ себя и своихъ ближайшихъ родныхъ. Онъ не имѣетъ права заниматься медициною: онъ не можетъ быть аптекаремъ и химикомъ, безъ спеціальнаго разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ". (П. 26).

„Всѣ разрѣшаемыя закономъ занятія, за исключеніемъ вышеупомянутыхъ, дозволяются ссыльнымъ, если эти занятія не могутъ по мѣстнымъ условіямъ, оказаться благопріятными для достиженія какихъ-либо незаконныхъ и вредныхъ для общественнаго спокойствія цѣлей. Въ послѣднемъ случаѣ губернаторъ можетъ запретить ссыльнымъ того или иного рода дѣятельность". (Пар. 28).

„Министръ внутреннихъ дѣлъ можетъ задерживать, если найдетъ это нужнымъ, переписку ссыльныхъ и подвергать ее правильному контролю". (П. 29).

„Нарушеніе какого-либо изъ вышеприведенныхъ правилъ можетъ быть наказано заключеніемъ, срокомъ отъ 3 дней до 1 мѣсяца. Отлучка съ мѣста причисленія влечетъ за собою наказаніе,

указанное въ 63 пар. Устава о наказаніяхъ, подлежащихъ вѣдѣнію мировыхъ судей". (П. 32).

„Ссыльные, не имѣющіе собственныхъ средствъ для существованія, получаютъ пособіе для себя и своихъ семей, добровольно за ними послѣдовавшихъ, отъ государства. Это пособіе можетъ быть не выдаваемо лицамъ, не имѣющимъ занятій по винѣ ихъ лѣности или дурного поведенія". (П. 33-37).

„Ссыльные, въ случаѣ болѣзни, принимаются для леченія въ государственныя больницы". (П. 38).

„Ссыльные, не имѣющіе средствъ для возвращенія на родину, по истеченіи срока ссылки, могутъ получать помощь отъ государства, согласно императорскому приказу 10 янв. 1881 г." (П. 40).

Такова вкратцѣ „конституція" административно-ссыльныхъ, съ тою только разницей, что я вездѣ замѣнилъ словами „ссыльные", ссылка" двусмысленно-лживые оригинальные термины, въ родѣ „лица, находящіяся подъ надзоромъ" и „водвореніе въ назначенное мѣстожительство", хотя употребленіе этихъ послѣднихъ терминовъ и дѣлаетъ большую честь автору „Положенія". Конечно, несчастной матери легче будетъ нести свое горе, если она, прочитавъ „Положеніе", узнаетъ, что ея сынъ не „сосланъ", а только „водворенъ" въ тѣ мѣста, недалеко отъ которыхъ капитанъ Делонгъ и матросы Жанеты погибли отъ голода и холода.

Когда административно-ссыльный, послѣ мѣсяцевъ этапнаго пути, достигаетъ, наконецъ, сибирскаго городка или деревни, въ которой онъ долженъ быть „водворенъ", его прежде всего везутъ въ полицію, гдѣ онъ получаетъ „видъ на жительство" и копію съ „Положенія", съ словесными комментаріями, разъясняющими ему, что онъ не долженъ выходить за предѣлы деревни, что его переписка находится подъ контролемъ, и что, въ виду возможнаго побѣга, онъ долженъ въ опредѣленные часы или дни, являться лично въ полицію. Затѣмъ онъ „свободенъ", и первое, о чемъ онъ долженъ позаботиться, это—кровъ. Въ поискахъ этого крова, ходя отъ одного обывателя къ другому, онъ впервые практически познаетъ, что такое его „видъ на жительство", этотъ „волчій паспортъ" ссыльнаго. Въ глазахъ всякаго обывателя, ссыльный—во-первыхъ, „опасный" человѣкъ, во-вторыхъ,—и это важнѣе всего, — человѣкъ, находящійся въ постоянныхъ и крайне непріятныхъ сношеніяхъ съ полиціей. Взять его на квартиру, это значитъ не только открыть свой домъ для вѣчнаго соглядатайства полиціи, къ которой всѣ чувствуютъ инстинктивную антипатію, это значитъ, пожалуй, взять на себя и нѣкоторую обязанность надзора и отвѣтственности за поведеніе жильца. Такая перспектива слишкомъ непріятна, чтобы по-

мириться съ нею изъ за нѣсколькихъ рублей. Но, наконецъ, съ помощью ссыльныхъ или самостоятельно, нашъ „поднадзорный“ находитъ себѣ жалкую комнату у какого нибудь бѣдняка, сноситъ въ нее свои пожитки и начинаетъ оріентироваться. Первый вопросъ, возникающій въ его головѣ, конечно, таковъ: чѣмъ онъ будетъ жить? Въ Россіи у него осталась, быть можетъ, безпомощная семья; ея судьба давно уже лежитъ тяжелымъ камнемъ на его душѣ, а теперь возникаетъ новый вопросъ: какъ онъ самъ будетъ жить? Просматривая „Положеніе“, онъ узнаетъ, что можно разсчитывать на казенное пособіе; наведя справки, онъ узнаетъ и его величину— 6 руб. въ мѣсяцъ (почти 3 доллара). Прикидывая цѣны продуктовъ, самыхъ необходимыхъ, безъ которыхъ обойтись невозможно, онъ получаетъ приблизительно слѣдующій счетъ: квартира—1 дол.; 40 фун. мяса—1 дол. 50 ц.; 40 ф. бѣлаго хлѣба—58 ц.; 40 чернаго хлѣба—33 ц.; 40 яицъ—12 цен.; кирпичъ чаю—79 ц.; 1 ф. сахару 10 ц.; 1 ф. табаку (самаго дешеваго)—25 ц.; 1 ф. керосину—5 ц.—Итого 4 дол. 72 цента. Оказывается дефицитъ въ 1 д. 72 ц. Очевидно, вопросъ о существованіи не разрѣшенъ „казеннымъ пособіемъ“. Мысль ссыльнаго естественно обращается къ работѣ. Онъ не ожидаетъ, конечно, найти въ сибирскомъ городишкѣ такихъ благопріятныхъ условій для интеллектуальнаго труда, какъ въ Петербургѣ, но все же и здѣсь можно найти работу, которая даетъ какихъ нибудь 50 центовъ въ день. Эта работа, быть можетъ, непривлекательна и утомительна, но она дѣлаетъ возможнымъ существованіе. Онъ былъ въ университетѣ, знаетъ нѣсколько языковъ; онъ, можетъ быть, искусный докторъ, какъ напр., докторъ Бѣлый въ Верхоянскѣ, фотографъ, какъ Карелинъ въ Усть-Каменогорскѣ, журналистъ, какъ Бѣлоконскій въ Минусинскѣ. Онъ хорошо пишетъ, можетъ служить бухгалтеромъ, учителемъ, музыкантомъ; онъ съумѣетъ заработать какихъ нибудь 15 долларовъ въ мѣсяцъ. Но, прочитавъ внимательнѣе „Положеніе“ онъ открываетъ, что всѣ эти соображенія—мечты. Ему строго запрещается, подъ страхомъ тюремнаго заключенія, зарабатывать хлѣбъ въ качествѣ доктора, учителя, фотографа, библіотекаря, литератора, переписчика, актера, адвоката, и пр. Ему закрыта общественная и государственная служба. Онъ не можетъ быть членомъ коммерческихъ, ученыхъ и иныхъ обществъ. Онъ не можетъ, наконецъ, заниматься „никакою общественною дѣятельностью“. Всѣ занятія, которыми онъ могъ бы заниматься въ качествѣ образованнаго человѣка и къ которымъ единственно приготовила его жизнь, для него безусловно закрыты. Шить сапоги, кузнечить, столярничать и т. д.—онъ не умѣетъ. Заниматься торговлею—не можетъ, хотя бы по отсутствію капитала.

Единственное занятіе, которое, кажется, до нѣкоторой степени ему открыто—земледѣліе. „Положеніе“, къ счастью, не запрещаетъ ему садить картофель и капусту и пахать землю,—можно не опасаться, что его заступъ заразитъ почву „превратными толкованіями“. Но скоро онъ узнаетъ, что вся принадлежащая къ деревнѣ земля раздѣлена между крестьянами-общинниками, онъ не найдетъ клочка земли ближе 4, 5 верстъ отъ деревни, т. е. тамъ, куда онъ не можетъ появиться, не нарушивъ „Положенія“ и не совершивъ преступленія. Въ такомъ положеніи ссыльный, связанный по рукамъ и по ногамъ, не можетъ дѣлать ничего, не можетъ существовать. Ему остается только обращаться къ губернатору, генералъ-губернатору и министру и просить ихъ, какъ милости, признанія за нимъ права на существованіе и на работу изъ за куска хлѣба, которую ему запрещаетъ ими-же созданное „Положеніе“.

Въ 1883 г. ссыльные города Акмолинска обратились къ генералъ-губернатору степной области, генералу Колпаковскому съ просьбою разрѣшить имъ давать уроки музыки, ибо ни жить исключительно на казенное пособіе, ни заниматься тѣмъ, что разрѣшается „Положеніемъ“, они не могли. Эта просьба, кажется,—по крайней мѣрѣ, американцу, — самой естественной и скромной. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, увидѣть въ урокахъ музыки что нибудь грозящее общественному спокойствію. Но генералъ Колпаковскій—не американецъ. Думалъ ли онъ, что просители намѣрены подавить лойяльность акмолинскихъ дѣтей, обучая ихъ революціоннымъ пѣснямъ, считалъ ли онъ нищету и голодъ естественными и приличными для ссыльныхъ условіями существованія?—не знаю, но онъ отказалъ въ разрѣшеніи и посовѣтовалъ ссыльнымъ, если они нуждаются въ работѣ „наниматься поденщиками къ киргизамъ, которые платятъ отъ отъ 5 до 7 центовъ въ день“. Этотъ жестокій и нахально-циничный совѣтъ таковъ же, какъ если бы американскимъ студентамъ Johns Hopkins университета, сосланнымъ безъ суда въ горы Сіеры-Невады (сдѣлаемъ на минуту это нелѣпое предположеніе) посовѣтовать заняться, какъ приличествующей имъ работою, ловлею кузнечиковъ для горныхъ индійцевъ.

Приблизительно въ это же время Усть-Каменогорскіе политическіе ссыльные обратились къ генералу Колпаковскому за разрѣшеніемъ заняться обработкою близъ лежащаго куска казенной земли. Они предлагали улучшить землю, платить за нее аренду, какъ скоро она начнетъ давать доходъ, и оставить безвозмездно свои улучшенія государству, когда срокъ ихъ ссылки кончится. Это опять таки было на мой взглядъ, очень естественнымъ и, кромѣ того, выгоднымъ для государства ходатайствомъ, но генералъ Колпаковскій ду-

малъ, очевидно, иначе и отвѣтилъ просителямъ то же, что акмолинцамъ: если они ищутъ работы, пусть нанимаются въ качествѣ поденщиковъ къ казакамъ *).

Положеніе о политическомъ надзорѣ далеко невсегда и не вездѣ примѣняется единообразно; его примѣненіе находится въ большой зависимости отъ личности губернатора. Напримѣръ, генералъ Цеклинскій, покойный семипалатинскій губернаторъ, относился къ подвѣдомственнымъ ему политическимъ ссыльнымъ прилично и гуманно, и не потому, конечно, что сочувствовалъ ихъ взглядамъ, а просто какъ джентльменъ и гуманный человѣкъ. Тоже самое можно сказать о Пѣтуховѣ, въ Томскѣ. Зато въ Тобольской губерніи съ ссыльными обращались сурово, а временами — съ грубой жестокостью. Еще недавно, въ апрѣлѣ 1888 года, ссыльные города Сургута, въ числѣ 19 человѣкъ, обратились къ министру внутреннихъ дѣлъ съ почтительнымъ по формѣ заявленіемъ, въ которомъ они, протестуя противъ тобольскаго губернатора Тройницкаго и указывая на свое несносное положеніе, торжественно заявляютъ, что, каковы бы ни были послѣдствія, они не могутъ и не хотятъ болѣе терпѣть.

Копія съ этого документа лежитъ у меня передъ глазами, и я надѣюсь въ близкомъ будущемъ опубликовать ее наряду съ другими подобными же. Въ какое отчаянное положеніе были приведены несчастные сургутяне видно изъ того, что нѣкоторые изъ нихъ почти кончили свои сроки и имъ оставалось потерпѣть немного, чтобы быть свободными, но они не могли терпѣть далѣе. Изъ „Сибирской Газеты“ я узналъ недавно, что „19 безстыдно дерзкихъ ссыльныхъ“ города Сургута „были удалены“, и что сургутскій исправникъ и городской полиціймейстеръ получили оффиціальную „благодарность“ отъ Тройницкаго за ихъ услуги въ дѣлѣ этого „удаленія“. Въ какіе ужасные уголки Сибири были заброшены эти 19 ссыльныхъ за ихъ „дерзкую“ попытку затронуть человѣческія чувства въ душѣ графа Толстого,—я не знаю. Въ Сибири много мѣстъ

*) Этимъ примѣрамъ, такъ ярко иллюстрирующимъ грубость и аффектированный индифферентизмъ по отношенію къ ссыльнымъ со стороны администраціи, я имѣю полное основаніе довѣрять. Мнѣ лично приходилось знакомиться въ Восточной Сибири съ оффиціальными актами еще болѣе невѣроятными и возмутительными, чѣмъ вышеприведенные, и хотя я не встрѣчался съ Колпаковскимъ непосредственно, его помощникъ, акмолинскій губернаторъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка, который вполнѣ способенъ приготовить для подписи генералъ-губернатору циркуляръ, подобный тому, который былъ посланъ ссыльнымъ въ отвѣтъ на ихъ просьбу о разрѣшеніи давать уроки музыки.

Кеннанъ.

поселенія худшихъ, чѣмъ Сургутъ. Первое—Березовъ, городокъ у устья Оби въ 2,700 миляхъ отъ Петербурга; второе—Туруханскъ, „городъ“ въ 181 жителей, расположенный въ 4,000 миль отъ Петербурга, недалеко оть сѣверно-полярнаго круга, и третье—страшная Якутская область.

Административно-ссыльный, попадая подъ власть губернатора, вродѣ Тройницкаго, естественно прибѣгаетъ къ защитѣ министра. У него нѣтъ собственныхъ средствъ существованія, онъ не можетъ жить на три доллара пособія, а „Положеніе“ въ рукахъ Тройницкихъ ставитъ предъ нимъ альтернативу,—или умирать съ голода, или идти въ тюрьму за неизбѣжныя нарушенія правилъ. При такихъ обстоятельствахъ, ссыльный, положимъ докторъ, обращается къ министру, рисуетъ ему въ настоящемъ видѣ положеніе вещей и, указывая на отсутствіе въ его городкѣ доктора и на необходимость въ немъ, проситъ для себя разрѣшенія практиковать. Это, очевидно, болѣе чѣмъ разумная просьба *). Американцы встрѣтили бы такую просьбу не только съ разрѣшеніемъ, но съ удовольствіемъ и благодарнымъ чувствомъ. Какъ же встрѣчаетъ ее министръ внутреннихъ дѣлъ.

Въ 1883 году тверское медицинское общество обратилось къ министру съ запиской, въ которой, указавъ на недостатокъ врачебной помощи и на крайнюю нужду въ ней въ Сибири, и остановивъ свое вниманіе на массѣ врачей и студентовъ-медиковъ, живущихъ тамъ въ ссылкѣ, позволило себѣ почтительнѣйше спросить, не найдетъ ли правительство удобнымъ и полезнымъ, въ виду настоятельной необходимости, снять съ нихъ запрещеніе практиковать, наложенное 27 параграфомъ „Положенія“. Что, кажется, можетъ быть благоразумнѣе и человѣчнѣе, чѣмъ такой вопросъ и изъ такого источника? Что-же встрѣтилъ этотъ вопросъ? Я долженъ, къ сожалѣнію, сказать, что онъ встрѣтилъ быстрое и суровое наказаніе. За свою записку, за попытку вмѣшательства въ пользу „неблагонадежныхъ“ элементовъ, медицинское общество было закрыто, а два его члена, служившіе въ государственномъ госпиталѣ, были тотчасъ же удалены.

---

*) Въ секретномъ донесеніи генералъ-губернатора Восточной Сибири 1881 года говорится, между прочимъ—„...число медиковъ въ странѣ крайне недостаточно. Я не уклонюсь отъ истины, если скажу, что только въ городахъ имѣется нѣкоторая возможность пользоваться медицинскою помощью. Въ другихъ мѣстностяхъ Восточной Сибири докторовъ нѣтъ почти совершенно, и населеніе остается безпомощнымъ въ борьбѣ съ дифтеритомъ и другими заразительными болѣзнями, которыя опустошаютъ страну. О мѣрахъ къ предупрежденію падежей скота нечего и говорить. Огромныя количества его гибнутъ ежегодно отъ чумы, причиняя неисчислимый ущербъ благосостоянію населенія. (Секретное донесеніе царю генералъ-губернатора Анучина).

Кеннанъ.

Если такую встрѣчу получаютъ лица, только намекающія на возможность разрѣшенія практики ссыльнымъ, можно представить себѣ, что ожидаетъ самихъ ссыльныхъ, практикующихъ, несмотря на запрещеніе. Въ 1881 году въ Харьковскомъ университетѣ имѣли мѣсто безпорядки, которые разрослись до того, что правительство нашло нужнымъ употребить войска. Нѣсколько сотенъ казаковъ окружили недозволенную студенческую сходку и, по данному приказу, бросились на безоружную толпу, раздавая направо и налѣво удары нагайками *). Одинъ студентъ, кончившій курсъ и не успѣвшій еще додержать послѣдняго экзамена, Долгополовъ, случайно проходившій по улицѣ, не могъ сдержать своего негодованія при видѣ дикой сцены расправы и, обращаясь къ какому-то чиновнику, воскликнулъ: „Какъ вамъ не стыдно?! Вѣдь это — позоръ: бить нагайками безоружныхъ людей!“ Долгополовъ былъ тутъ же задержанъ, брошенъ въ тюрьму, какъ участникъ въ безпорядкахъ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ безъ суда и слѣдствія, сосланъ административно въ городъ Курганъ, въ Западной Сибири. Въ мартѣ 1881 г., по восшествіи на престолъ Александра III-го, за отказъ дать присягу новому императору, онъ былъ переведенъ въ Тюкалинскъ, гдѣ исправникомъ былъ нѣкій Ильинъ, человѣкъ вспыльчивый, безцеремонный и грубый. При такомъ положеніи вещей столкновенія неизбѣжны. Они и начались на почвѣ нарушеній „Положенія“. Долгополовъ, человѣкъ добродушный и честный, находилъ положительно невозможнымъ въ иныхъ случаяхъ уклоняться отъ обязанности помочь страждущему, ищущему медицинской помощи. Онъ не искалъ практики и не дѣлалъ изъ нея средства къ существованію, но когда крестьянинъ, умирающій отъ тифа, молилъ у него спасенія, или кто-нибудь приходилъ къ нему съ катарактомъ, онъ подавалъ боль-

*) Въ этомъ способѣ прекращенія студенческихъ сходокъ нѣтъ ничего необыкновеннаго. Въ то время онъ практиковался постоянно, да и теперь, время отъ времени практикуется. Онъ же былъ причиною (26 ноября 1887 г.) извѣстныхъ студенческихъ волненій, начавшихся въ Москвѣ и кончившихся закрытіемъ почти всѣхъ русскихъ университетовъ. Мирная сходка студентовъ на Страстномъ бульварѣ въ Москвѣ была разогнана казацкими нагайками, при обстоятельствахъ, особенно возмутительныхъ. Пострадавшіе отправили циркулярный протестъ своимъ товарищамъ въ Петербургъ, Казань, Кіевъ, Харьковъ и Одессу. Возбужденіе начало расти и въ ширь и въ глубь и окончилось изгнаніемъ 10,000, и арестомъ и высылкой болѣе, чѣмъ 1000. Русское правительство относитъ распространеніе нигилизма въ имперіи къ винѣ нѣсколькихъ „безумныхъ фанатиковъ и злодѣевъ, стремящихся къ разрушенію всего существующаго“. Быть можетъ не будетъ слишкомъ дерзкимъ для насъ, безпристрастныхъ наблюдателей, спросить: не помогаетъ ли хоть нѣсколько и избіеніе студентовъ нагайками тому печальному явленію, которое заставляетъ столь снисходительное правительство ссылать въ Сибирь безъ суда своихъ заблуждающихся подданныхъ? *Кеннанъ.*

ному совѣтъ и совершалъ необходимую операцію, смотря на это, какъ на обязательный долгъ. Слухи о „докторѣ“ Долгополовѣ скоро, конечно, дошли до исправника. Онъ призвалъ къ себѣ преступника и строжайше воспретилъ ему заниматься практикою, грозя, въ противномъ случаѣ, тюрьмою и прочими ужасами. Послѣ горячаго разговора Долгополовъ рѣшилъ окончательно забыть, что онъ кончилъ курсъ на медицинскомъ факультетѣ, но отношенія его съ исправникомъ стали очень натянутыми. Осенью 1883 года въ семьѣ мѣстнаго городского головы Балакина произошелъ несчастный случай: Балакинъ-сынъ, играя съ револьверомъ, нечаянно спустилъ курокъ и ранилъ въ ногу свою мать. Рана оказалась опасною, и для извлеченія пули потребовалась серьезная операція. Мѣстный врачъ, нервный и боязливый человѣкъ, на отрѣзъ отказался дѣлать операцію и посовѣтовалъ призвать Долгополова. „Онъ искусный врачъ, говорилъ онъ. Онъ сдѣлаетъ операцію гораздо удачнѣе, чѣмъ я; я положительно не рискую взять на себя отвѣтственность“. Балакинъ обратился къ Долгополову, умоляя его о помощи.

„Но я не имѣю права практиковать“—отвѣчалъ молодой врачъ.

„Ради Бога. Вѣдь это вопросъ жизни и смерти.“

„Я не могу. Мои отношенія съ исправникомъ крайне натянуты. Я уже пострадалъ за практику безъ разрѣшенія, и мнѣ окончательно запретили ее подъ страхомъ тюремнаго заключенія.“

„Васъ сослали въ Сибирь,—въ отчаяніи воскликнулъ Балакинъ,—за ваше человѣколюбіе, за то, что вы выражали сочувствіе къ страдавшимъ. Неужели же вы не найдете въ себѣ достаточно мужества, чтобы спасти умирающаго, даже подъ угрозою тюремнаго заключенія.

„Вы ставите вопросъ на такую почву? Хорошо, я сдѣлаю операцію и возьму на себя отвѣтственность за нее“ — отвѣчалъ Долгополовъ. Изслѣдовавъ больную, онъ, однако нашелъ, что еще есть время и предложилъ Балакину телеграфировать губернатору съ просьбой разрѣшить административно-ссыльному исполнить необходимую операцію, къ которой мѣстный докторъ не рѣшается приступить. Скоро былъ полученъ отвѣтъ, въ которомъ губернаторъ отклонилъ отъ себя рѣшеніе столь важнаго вопроса и отсылалъ Балакина въ Медицинскій Департаментъ Министерства внутреннихъ дѣлъ.

„Вы видите, какъ много заботятся ваши правители о жизни своихъ вѣрноподданныхъ“ — презрительно сказалъ Долгополовъ. Тотчасъ же была сдѣлана операція, была вынута пуля, перевязана рана, и больная была спасена. На слѣдующій день, однако, исправникъ Ильинъ распорядился о заключеніи Долгополова въ тюрьму и

началъ слѣдствіе по дѣлу, озаглавленному въ тобольскомъ архивѣ какъ „дѣло о незаконномъ извлеченіи пули административно-ссыльнымъ Никономъ Долгополовымъ изъ ноги жены городского головы города Тюкалинска, Балакина". Пока это дѣло тянулось съ обычною сибирскою медленностью въ губернской тобольской канцеляріи, Долгополовъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, гдѣ, наконецъ, онъ заболѣлъ тифомъ *). Этотъ случай съ Долгополовымъ не могъ, конечно, не вызвать въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ нѣкотораго волненія и сочувствія къ пострадавшему. При извѣстіи о его болѣзни многіе начали ежедневно посѣщать тюрьму, справляться о здоровьи заключеннаго, и приносить ему пищу и цвѣты. Подобныя манифестаціи подѣйствовали на исправника: онъ освободилъ Долгополова изъ тюрьмы, но въ то же время отправилъ губернатору Лисогорскому официальную бумагу, въ которой писалъ, что административно-ссыльный Никонъ Долгополовъ производитъ чрезвычайно вредное вліяніе на горожанъ, которые, не стѣсняясь, показываютъ ему свое сочувствіе, пока выражающееся въ доставленіи ему пищи и цвѣтовъ, но могущее дойти до устройства ему побѣга. При такомъ положеніи дѣлъ онъ, исправникъ, не беретъ на себя отвѣтственности и проситъ перевода опаснаго ссыльнаго въ другой городъ, Сургутъ. Въ своей бумагѣ исправникъ позаботился ни словомъ не заикнуться о томъ обстоятельствѣ, что Долгополовъ боленъ тифомъ. Губернаторъ, ничтоже сумняшася, тотчасъ же отдаетъ по телеграфу распоряженіе: препроводить Долгополова по этапу въ Сургутъ. Даже конвойный офицеръ, которому исправникъ передалъ распоряженіе губернатора, отказался его исполнить, ссылаясь на законъ, запрещающій брать въ путь опасно-больныхъ арестантовъ, но мстительный Ильинъ и тутъ не успокоился. Онъ рѣшился взять на себя дѣло перевозки арестанта и отправилъ къ дому Долгополова крестьянскую телѣгу съ нѣсколькими своими городовыми въ качествѣ конвоировъ, и съ строгимъ приказомъ взять арестанта во что бы то ни стало, хотя бы силою. Жена Долгополова. пытавшаяся сопротивляться варварскому распоряженію была связана; Долгополовъ, лежавшій въ постели и не могшій еще стоять на ногахъ, былъ вытащенъ на улицу въ одной рубахѣ, брошенъ въ телѣгу и увезенъ. Это происходило 24-го октября 1883 года. Погода была холодная и дождливая, и, несомнѣнно, Долгополовъ не выдержалъ бы этого путешествія, если бы не какой то прохожій, который

*) По отчету тюремнаго департамента состояніе Тюкалинскаго тюремнаго замка въ 1884 году было таково, что 30% его обитателей лежало въ госпиталѣ.

снялъ съ себя шубу и укрылъ ею больного. Въ такомъ положеніи несчастнаго Долгополова везли 126 миль, до Ишима. Въ Ишимѣ находилось тогда 11 политическихъ ссыльныхъ, между прочими— извѣстный писатель, Мачтетъ. Нѣкоторые изъ нихъ знали Долгополова лично, другіе знали его исторію, и какъ только до нихъ дошло извѣстіе, что его, больного, привезли въ Ишимъ, чтобы на завтра везти дальше, они явились къ исправнику и заявили ему, что, въ случаѣ нужды, они силою воспротивятся приведенію въ исполненіе этого варварскаго рѣшенія. Они добились медицинскаго освидѣтельствованія и составленія протокола, и затѣмъ телеграфировали Тобольскому губернатору, спрашивая его: онъ-ли распорядился, чтобы умирающаго, въ одной рубашкѣ, холодною осенью, перевезли изъ одного мѣста въ другое? Конечно, отъ Лисогорскаго тотчасъ же получено было распоряженіе остановить отправку Долгополова и до выздоровленія помѣстить его въ Ишимскомъ госпиталѣ. Разсказываютъ, что это обстоятельство послужило для губернатора поводомъ взять съ тюкалинскаго исправника 500-рублевую взятку, чтобы замять дѣло о нарушеніи имъ закона. Вѣрно это, или нѣтъ,— во всякомъ случаѣ тотъ фактъ, что губернаторъ Лисогорскій систематически торговалъ находящимися въ его распоряженіи должностями,—для меня не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію *).

*) Во время моего путешествія, я зналъ многихъ исправниковъ, надъ которыми тяготѣло болѣе чѣмъ по десяти уголовныхъ обвиненій. Какими то таинственными путями, извѣстными лишь имъ да ихъ начальству, они умудрялись изъ году въ годъ оттягивать грозившее имъ возмездіе. Я не сомнѣваюсь, что и теперь еще они благополучно сидятъ на своихъ мѣстахъ.

Прим. Кеннана.

Что практика „взятокъ“ пышно и откровенно цвѣтетъ въ Сибири—не тайна ни для кого, кто бывалъ тамъ. Въ этомъ отношеніи Сибирь напоминаетъ, только въ еще болѣе рѣзкомъ видѣ, конечно, дореформенную Россію. Не только представители администраціи, начиная отъ низшихъ и кончая высшими, но и частныя лица могутъ считать себя въ полной безопасности отъ всевозможныхъ законныхъ и незаконныхъ обвиненій, если только они могутъ и хотятъ прибѣгать къ „дарамъ“ для устраненія всякихъ недоразумѣній. Эти сдѣлки дѣлаются совершенно открыто и, такъ сказать, офиціально. Еще очень недавно было обычнымъ явленіемъ, что генералъ-губернаторы и губернаторы возвращались изъ объѣздовъ своихъ владѣній во главѣ цѣлыхъ каравановъ, нагруженныхъ „естественными богатствами“ подвѣдомственныхъ имъ областей. И телѣги съ пищей, и дикіе бурятскіе кони, и „золотишко“ съ пріисковъ, и вышитыя полотенца, и вязаныя скатерти, и ковры... все находило себѣ мѣсто въ генералъ-губернаторскихъ хозяйствахъ. Сибирскіе старожилы не съ негодованіемъ, а съ добродушной насмѣшкою разсказываютъ объ этихъ объѣздахъ, сравнивая ихъ съ отъѣздомъ съ ярмарки какого-нибудь захолустнаго купца, запасшагося на цѣлый годъ товарами и для торговли, и для своего домашняго обихода.

Прим. переводчика.

Долгополовъ оставался въ Ишимѣ до выздоровленія, а затѣмъ былъ отправленъ въ Семипалатинскую область, гдѣ условія существованія ссыльныхъ гораздо лучше, и гдѣ онъ занимался потомъ краніологическими изслѣдованіями среди киргизовъ. Я такъ долго остановился на этомъ эпизодѣ потому, что онъ типиченъ по отношенію къ обращенію администраціи съ такъ называемыми „неблагонадежными“ элементами и можетъ служить хорошею иллюстраціею къ запискѣ сургутскихъ ссыльныхъ къ министру Внутреннихъ дѣлъ, посланной въ апрѣлѣ 1888 года, въ которой ссыльные протестуютъ противъ беззаконій, съ ними совершаемыхъ. Одинъ изъ нихъ, теперь умершій, Левъ Ивановъ, былъ буквально убитъ небрежностью и жестокостью мѣстной администраціи, а два другихъ были, если не убиты, то доведены до ужаснаго состоянія. Теперь, когда они, послѣ своего протеста, сосланы куда-нибудь въ Березовъ или Туруханскъ, имъ не нужна, конечно, помощь и защита, потому что они, навѣрное, успокоились въ могилахъ.

Когда ссыльный успѣлъ такъ или иначе разрѣшить проблему своего существованія по отношенію къ питанію, крову, одеждѣ,— онъ начинаетъ ощущать на себѣ всю унизительную тягость полицейскаго надзора и контроля, охватывающаго всю его жизнь. Чиновники, на обязанности которыхъ лежитъ наблюденіе за нимъ, очень часто бываютъ людьми испорченными и даже, въ ихъ прошломъ,—преступниками. Въ Сибири очень многіе изъ „засѣдателей“, „писарей“ и иныхъ мелкихъ чиновниковъ—просто окончившіе свои сроки наказанія уголовные ссыльные, попадающіе подъ чужими фамиліями на государственную службу по полиціи. Еще недавно инціалы и мѣста, по крайней мѣрѣ, нѣсколькихъ дюжинъ подобныхъ господъ были напечатаны въ сибирскихъ газетахъ. И вотъ этимъ-то господамъ, часто самымъ грязнымъ мошенникамъ и негодяямъ, ввѣряется честь, здоровье и жизнь воспитанныхъ и образованныхъ политическихъ ссыльныхъ обоего пола! Не удивительно, что съ ними часто поступаютъ крайне оскорбительно и жестоко. Я лично зналъ полицейскихъ чиновниковъ въ Сибири, и особенно хорошо помню двухъ, съ однимъ изъ которыхъ—минусинскимъ полицеймейстеромъ— я не хотѣлъ бы встрѣтиться ночью безъ револьвера. Даже въ такомъ городѣ, какъ Томскъ, исторія полиціи полна актами насилія, оскорбленій и преступленій, въ родѣ арестовъ сотнями ни въ чемъ неповинныхъ людей, взятокъ отъ всѣмъ извѣстныхъ преступниковъ, пытокъ, побоевъ, которымъ подвергаются арестанты, даже женщины и пр. „Томскія Губернскія Вѣдомости“ — офиціальный журналъ — напечаталъ, что новый губернаторъ, въ первый визитъ свой въ городскую тюрьму, получилъ не менѣе 300 заявленій о незаконномъ

заключеніи. 200 изъ нихъ оказались основательными, и ихъ податели были выпущены на свободу. Власть исправниковъ и полицеймейстеровъ въ провинціальныхъ сибирскихъ городахъ такъ безконечно-велика, что среди сибиряковъ существуетъ такая поговорка: „На небѣ Богъ, а въ Охотскѣ—Кохъ". Сколько такихъ Коховъ разсыпано по отдаленнымъ сибирскимъ городкамъ, знаютъ лишь Богъ, крестьяне, да политическіе ссыльные. Характеръ надзора, который эти господа практикуютъ надъ ссыльными, въ разныхъ мѣстахъ различенъ, но до чего онъ можетъ доходить,—показываетъ слѣдующее извлеченіе изъ письма одного ссыльнаго, помѣщенное въ „Юридическомъ Вѣстникѣ" (Декабрь, 1882): „Надзоръ за нами самый безцеремонный. Полицейскіе стараются перещеголять другъ друга въ рвеніи, надѣясь за это на отличія и повышенія; они по нѣскольку разъ въ день являются въ наши квартиры, заглядываютъ во всѣ комнаты, чтобы удостовѣриться, что мы дома и что у насъ нѣтъ никого чужого. Они постоянно ходятъ мимо нашихъ домовъ, заглядывая въ окна и подслушивая у дверей. Они ставятъ часовыхъ на углахъ нашихъ улицъ и заставляютъ нашихъ хозяевъ слѣдить за всѣми нашими движеніями..."

Одна молодая женщина, поселенная въ Тункѣ (у границы Монголіи) разсказывала мнѣ, что ей нерѣдко приходилось, возвращаясь домой послѣ прогулки, заставать полицейскаго, въ шапкѣ и ботфортахъ спящимъ на ея постели. Страхъ оскорбленій и насилій принуждалъ большинство ссыльныхъ женщинъ жить въ однихъ домахъ съ ссыльными мужчинами. Г-жа Дическуло жила въ одномъ домѣ съ Лобановскимъ, Брешковская поселилась рядомъ съ Шамариным... и такое же положеніе вещей я находилъ чуть не по всей Сибири. Да оно и неизбѣжно. Между сосланными женщинами есть 16—17 лѣтнія дѣвушки или молодыя женщины, мужья которыхъ поселены въ другихъ мѣстахъ и на Карѣ. Онѣ, естественно, не могутъ жить однѣ при такой системѣ надзора, который позволяетъ первому попавшемуся мошеннику и негодяю, только потому, что онъ въ полицейскомъ мундирѣ, входитъ къ нимъ во всякое время дня и ночи.

Другая сторона жизни, приводящая въ отчаяніе и вящее озлобленіе административно-ссыльныхъ — это подконтрольная переписка. Ссыльный не имѣетъ права ни получать, ни писать писемъ самымъ близкимъ людямъ, — женѣ, матери... — безъ просмотра этихъ писемъ исправникомъ. Исправникъ можетъ, по своей волѣ, передать письмо по назначенію, измарать его своими поправками, или совсѣмъ уничтожить. Онъ можетъ цѣлые мѣсяцы держать у себя письма, полученныя на имя нелюбимаго имъ ссыльнаго, и оставлять

его такимъ образомъ безъ вѣстей о дорогихъ ему людяхъ, оставшихся тамъ, въ Россіи. Исправникъ города Тары имѣлъ обыкновеніе громко читать получаемыя имъ для просмотра письма въ мѣстномъ клубѣ и совѣтоваться на ихъ счетъ со своими пріятелями. Часто ссыльные узнавали о томъ, что для нихъ есть письма, отъ совершенно постороннихъ людей, которымъ исправникъ читалъ ихъ „по пріятельству". Читатель можетъ представить себѣ, безъ моихъ комментаріевъ, чувства человѣка, который знаетъ, что святыя слова любви и нѣжности, написанныя въ страданіяхъ и слезахъ несчастною женою, громко читаются и комментируются за стаканами водки полупьяною компаніею исправничьихъ друзей? Даже узнавъ случайно, что на его имя получены письма, ссыльный далеко не увѣренъ въ ихъ полученіи. Исправникъ имѣетъ право держать ихъ у себя цѣлые мѣсяцы; можетъ выдать ихъ, наконецъ, изорванными, перечеркнутыми и измаранными всякими химическими реактивами; можетъ не выдать ихъ совсѣмъ, найдя ихъ содержаніе „не законнымъ" или двусмысленнымъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ можетъ даже затѣять цѣлое дѣло и мучить ссыльнаго оскорбительными вопросами по поводу тѣхъ или другихъ, кажущихся ему подозрительными выраженій и фразъ. Все это въ еще большей степени относится къ письмамъ, которыя посылаютъ ссыльные. У нихъ нѣтъ никакой увѣренности въ томъ, что эти письма отсылаются, а не служатъ для веселаго препровожденія времени полицейскихъ канцеляристовъ. Какъ мучительно должно быть въ этомъ отношеніи положеніе человѣка, который никогда не былъ обвиненъ ни въ какомъ преступленіи, который не лишенъ закономъ никакихъ правъ, и который уже достаточно убитъ и оскорбленъ—пусть судитъ самъ читатель!

Наконецъ, — и это послѣдняя, по недостатку мѣста, сторона вопроса, которой я здѣсь коснусь, — положеніе административно-ссыльнаго становится крайне тяжелымъ и ненормальнымъ, вслѣдствіе его полной неопредѣленности. Ссыльный не есть ни свободный гражданинъ, живущій подъ защитою законовъ страны, ни осужденный преступникъ, лишенный правъ. На немъ лежатъ всѣ обязанности гражданина, но онъ не пользуется даже правами преступника; онъ находится подъ ничѣмъ неограниченнымъ произволомъ административной власти. Это положеніе очень ясно обрисовано въ ниже слѣдующей запискѣ, поданной въ 1881 г. административно-ссыльнымъ Сидоратскимъ на имя Правительствующаго Сената:

Курганъ, Тобольской губ., Марта 28 дня 1881 г.

28-го Марта 1881 года я (административно-ссыльный) получилъ отъ полицейскихъ властей города Кургана извѣщеніе, съ требова-

ніемъ явиться въ полицію для дачи присяги нынѣ царствующему императору, Александру Александровичу. Мнѣ кажется, что требованіе это находится въ противорѣчіи съ императорскимъ манифестомъ 1-го марта 1881 г. Основаніе, на которое ссылается этотъ манифестъ, требуя присяги также и отъ крестьянъ,—то, что они, со времени освобожденія отъ крѣпостной зависимости, стали свободными гражданами Россійской имперіи и должны нести отнынѣ всѣ ихъ обязанности и пользоваться всѣми ихъ правами. Относясь съ полнымъ уваженіемъ къ этимъ словамъ, я нахожу совершенно вѣрными данныя, приводимыя въ манифестѣ, и послѣдствія, изъ нихъ логически вытекающія. Одно изъ такихъ послѣдствій, несомнѣнно, то, что если бы русскіе крестьяне (и всѣ прочіе русскіе) не были свободными гражданами и не подчинялись общимъ законамъ имперіи, — отъ нихъ не требовалась бы вѣрноподданническая присяга. Такая присяга требуется манифестомъ лишь отъ подданныхъ, обладающихъ всѣми правами русскаго гражданина. Но что же я такое? Свободный ли я крестьянинъ? Мой отецъ — потомственный русскій дворянинъ; моя мать — его законная жена. Согласно русскимъ законамъ, я долженъ наслѣдовать званіе моего отца и пользоваться всѣми, соединенными съ этимъ званіемъ, правами. Главныя права гражданина, обезпеченныя закономъ, — право на личную свободу (пока не совершено преступленіе, влекущее за собою лишеніе) и на защиту закономъ правъ семейныхъ и права собственности. Но я лишенъ свободы; моя семейная жизнь разбита; моя собственность конфискована третьимъ отдѣленіемъ. Мнѣ запрещено заниматься тѣмъ, къ чему я подготовленъ воспитаніемъ и прошлою жизнью; мнѣ запрещено выходить за предѣлы города Кургана; я насильственно перевезенъ за 3000 верстъ отъ своей семьи и не могу даже женѣ послать письмо, не передавъ его предварительно для пересмотра постороннимъ людямъ. Очевидно, — я не дворянинъ, и не свободный человѣкъ вообще. Насильственное задержаніе меня въ Сибири вызываетъ поэтому такой вопросъ: „не лишенъ-ли я правъ“ и не „сосланъ ли на поселеніе“? Я прочитываю законы имперіи, относящіеся къ поселенцамъ, лишеннымъ всѣхъ или нѣкоторыхъ правъ, и нахожу, что ихъ положеніе дѣйствительно похоже на мое, за исключеніемъ, однако, одного чрезвычайно существеннаго пункта. Ссыльно-поселенецъ можетъ, по истеченіи извѣстнаго срока, возстановить часть правъ, отнятыхъ у него. Онъ можетъ получить право свободнаго перемѣщенія, сначала — въ предѣлахъ области, затѣмъ въ предѣлахъ всей Сибири даже. Я не могу надѣяться ни на что подобное. Я прикрѣпленъ къ Кургану на неопредѣленно-долгое время. Очевидно, что я — не ссыльно-

поселенецъ, и это заключеніе подтверждается тѣмъ, что ссылка на поселеніе налагается, какъ наказаніе, только судомъ за опредѣленнаго рода преступленія. Что же я такое? Если я не дворянинъ, — высшая ступень гражданственной лѣстницы, и не преступникъ — ея низшая ступень, я, очевидно, нахожусь гдѣ-то внѣ ея; иными словами — я иностранецъ: въ самомъ дѣлѣ — я иностранецъ; несомнѣнно — я иностранецъ! Русское правительство не признаетъ меня свободнымъ гражданиномъ, въ то же время оно низвело меня на положеніе преступника, лишеннаго правъ. Оно отказывается — и хуже, чѣмъ отказывается, — защищать своими законами мою свободу, мою семью, мою собственность. Итакъ, я долженъ смотрѣть на себя какъ на иностранца. Но свободный ли я иностранецъ? Нѣтъ, я не свободенъ; если бы я былъ свободенъ, я могъ бы оставить Россію и найти другую цивилизованную страну — и я надѣюсь, что такая бы нашлась, — которая согласилась бы признать меня честнымъ и лойяльнымъ гражданиномъ. Я не могу этого сдѣлать. Приходится заключить, что я военно-плѣнный. Но тогда, къ какой же націи я принадлежу, и въ какой войнѣ я взятъ въ плѣнъ? Былъ ли заключенъ миръ, и, если да, то почему меня не возвратили въ мое отечество? Я не способенъ отвѣчать на всѣ эти вопросы, но я знаю, что положеніе такого военно-плѣннаго невыносимо, и въ такомъ положеніи я нахожусь вотъ уже 5 лѣтъ.

Я прошу Правительствующій Сенатъ признать меня русскимъ подданнымъ, т. е. свободнымъ русскимъ гражданиномъ, живущимъ подъ покровительствомъ русскихъ законовъ. Получивъ всѣ гражданскія права, я съ радостью исполню и всѣ обязанности гражданина. Если Правит. Сенатъ не желаетъ признать меня русскимъ подданнымъ, не разрѣшитъ ли онъ мнѣ оставить Россію, дабы я могъ найти себѣ другое отечество? Мнѣ кажется, что присяга не только налагаетъ на меня извѣстныя обязанности, но и предполагаетъ извѣстныя права. Поэтому требованіе ея отъ меня равнозначуще признанію меня свободнымъ гражданиномъ. Неужели это разсужденіе неправильно? Я жду отвѣта. Если Правительствующій Сенатъ, высшее юридическое учрежденіе въ Россіи, покажетъ мнѣ, что я заблуждаюсь, иначе говоря, докажетъ мнѣ, что я долженъ исполнять всѣ обязанности русскаго подданнаго, не пользуясь никакими его правами, я, какъ военноплѣнный, долженъ буду подчиниться.

Василій Сидоратскій.

Авторъ этого полу-сатирическаго посланія зналъ, конечно, что оно не облегчитъ его положенія, но счелъ своимъ долгомъ отправить его по назначенію, мотивируя имъ свой отказъ отъ присяги. Я не знаю, къ какимъ результатамъ для него повело это „дерзкое“ прошеніе, я не знаю даже, живъ ли онъ еще. Но я вѣрю, что по ту-ли, по эту-ли сторону гроба онъ нашелъ, наконецъ, для себя „отечество“ *). Что касается до самого прошенія, то Сенатъ, сославшись на неисполненіе кое-какихъ формальностей, въ засѣданіи 4-го іюня 1881 г. рѣшилъ возвратить его подателю безъ разсмотрѣнія.

---

*) Сидоратскій нашелъ его въ Парижѣ, гдѣ онъ проживаетъ, бѣжавъ изъ ссылки и разрѣшивъ такимъ образомъ самостоятельно вопросъ о своемъ положеніи военноплѣннаго. *Прим. пе ревоочика..*

Иркутскъ.

Путь отъ Томска до столицы Восточной Сибири, въ 1040 миль, былъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще болѣе мучителенъ, чѣмъ даже отъ Тюмени къ Алтайскимъ горамъ. Продолжительные дожди испортили дорогу до невозможности: нашъ тарантасъ безостановочно прыгалъ по ухабамъ и гатямъ, вызывая въ насъ вѣчныя головныя боли и крайнее утомленіе, происходившее какъ отъ этой тряски, такъ и отъ безсонницы и плохого питанія за все это время. По ночамъ мы терпѣли отъ холода (мы еще не успѣли запастись зимнимъ платьемъ); но наибольшее количество страданій доставляли намъ всевозможные паразиты, которыми мы запасались по дорогѣ, — въ этапахъ и тюрьмахъ. Голодъ, холодъ, усталость я переносилъ съ надлежащимъ терпѣніемъ, но постоянная и безплодная борьба съ клопами, вшами и блохами съ „грѣшныхъ арестантскихъ тѣлъ“ приводила меня прямо въ отчаяніе. Старые этапы кишатъ насѣкомыми, и мы, всякій разъ послѣ ихъ осмотра, уносили въ своемъ платьѣ маленькую, но разнообразную энтомологическую коллекцію. Эта коллекція замѣчательно быстро осваивалась съ новыми условіями, находила себѣ убѣжище въ нашихъ подушкахъ, одѣялахъ, тарантасѣ, бѣльѣ, и тогда уже не было средствъ отъ нихъ избавиться. Я нѣсколько разъ выбрасывалъ все свое нижнее бѣльѣ, но никакихъ благопріятныхъ результатовъ не получалось; пришлось по возможности мириться съ неизбѣжнымъ зломъ. Въ продолженіе 4-хъ мѣсяцевъ я носилъ съ собою насѣкомыхъ, и, когда, въ такихъ центральныхъ пунктахъ, какъ Иркутскъ, напр., я перемѣнялъ всю одежду, мое тѣло было обыкновенно красно и покрыто пузырями, какъ послѣ крапивной лихорадки. Непріятно, конечно, пускаться въ такія подробности, но, надѣюсь, читатель извинитъ меня. Я хочу правдиво разсказать ему, какова жизнь въ сибирскихъ этапахъ и тюрьмахъ, и что значитъ для цивилизованнаго существа — сибирская ссылка *).

*) Уголовные арестанты такъ свыкаются съ своими насѣкомыми, что пользуются ими какъ предметомъ развлеченія. Такъ у нихъ въ ходу такая игра

Я не знаю, возможно-ли совершенно освободить отъ этого бича старые этапы и тюрьмы, черезъ которые ежегодно проходятъ десятки тысячъ грязныхъ оборванцевъ, но во всякомъ случаѣ кое-что можно сдѣлать и здѣсь, доставивъ возможность несчастнымъ арестантамъ мыться чаще въ баняхъ и мѣнять чаще бѣлье. Какъ это дѣлается теперь, я буду имѣть случай показать дальше.

Къ концу путешествія погода совершенно исправилась, и однажды, въ ясное утро, мы увидѣли далеко, далеко, на юго-западѣ, синѣющія туманныя очертанія Тункинскихъ горъ. Скоро Иркутскъ, наконецъ! Я не видѣлъ его 18 лѣтъ; за это время онъ выгорѣлъ почти весь, и былъ застроенъ заново. Узнаю-ли я его? Не измѣнился ли онъ къ худшему...? Верстъ за пять отъ города мы проѣхали мимо Вознесенскаго Монастыря, возлѣ воротъ котораго толпилась куча сѣдобородыхъ монаховъ, а затѣмъ начали на каждомъ шагу встрѣчать, кучками и по одиночкѣ, всякаго рода оборванцевъ, возвращавшихся изъ города въ окрестныя деревни, и, въ большинствѣ случаевъ, пьяныхъ. Число кабаковъ, встрѣчавшихся по дорогѣ совершенно объясняло, если не оправдывало, это зрѣлище.

Переѣхавъ на паромѣ Ангару, мы въѣхали, наконецъ, въ улицы Иркутска. Онъ разочаровалъ меня. Съ той стороны рѣки, съ своими золочеными верхами церквей, бѣлыми стѣнами домовъ, зеленью, онъ очень красивъ, какъ большинство русскихъ городовъ съ ихъ полувосточною живописностью; но вблизи эта живописность исчезаетъ; остается обыкновенный, средней руки, грязный и безалаберно застроенный, русскій провинціальный городъ. Не найдя мѣста въ Московской гостиницѣ, мы остановились въ отелѣ Деко, гдѣ останавливались въ 1882 г. господа Хэрберъ и Шютце, во время ихъ проѣзда къ дельтѣ Лены. Пожилой и болтливый слуга, внесшій въ комнаты нашъ багажъ, не замедлилъ отрекомендоваться. Онъ сказалъ намъ, что имѣлъ счастье услуживать Хэрберу и Шютце, что они его такъ любили, что называли Zahn'омъ (американское John въ его ушахъ стало Zahn). Онъ, казалось, думалъ, что Zahn у американцевъ есть ласкательное прозвище, и чрезвычайно дорожилъ имъ. Я сказалъ ему, что если онъ будетъ вести себя хорошо, — мы тоже станемъ его называть Zahn'омъ. Онъ такъ часто впослѣдствіи возвращался къ Хэрберу и его любви къ нему,

---

на полу чертятъ два концентрическихъ круга и въ центрѣ ихъ оставляютъ одновременно каждый изъ игроковъ свою вошь. Ставки выигрываетъ тотъ, чье насѣкомое побѣдитъ на этихъ своеобразныхъ скачкахъ и прежде всѣхъ выползетъ изъ круга. Если арестанты не играютъ въ карты (что запрещается), то нѣтъ, кажется, средствъ помѣшать имъ играть въ азартныя игры вышеописаннымъ способомъ. *Кеннанъ.*

выражавшейся въ имени Zahn, что а думаю, ни одна эпитафія, перечисляющая всѣ доблести нашего Zahn'а не доставила бы большаго удовольствія его витающему надъ могилою духу, какъ эта:

„Американцы
назвали его
Zahn'омъ".

Мы пріѣхали въ Иркутскъ къ вечеру, усталые до такой степени, что, вымывшись въ банѣ, переодѣвшись и пообѣдавъ, легли спать, отложивъ всѣ дѣла до завтра. На слѣдующій день, отправивъ наши паспорта въ полицію, мы отправились побродить по городу. Иркутскъ расположенъ на правомъ берегу Ангары, въ 40 миляхъ отъ ея истока изъ Байкала. Въ немъ считалось 36,000 жителей; имѣлась прекрасная еженедѣльная газета („Сибирь".—Теперь, послѣ долгой и героической борьбы съ цензурою, она закрыта), библіотека, отдѣленіе географическаго общества, театръ, около 30 школъ; а торговые обороты доходятъ до 11,000,000 р. въ годъ. Городъ еще не вполнѣ оправился отъ страшнаго пожара 1879 г., который уничтожилъ 4,000 домовъ, лишилъ крова 15,000 народа и принесъ убытковъ на 20,000,000 рублей. Въ своемъ новомъ видѣ городъ много потерялъ въ смыслѣ красоты и оригинальности. Любопытнѣе всего показалось мнѣ старое, пощаженное пожаромъ зданіе порохового магазина, вросшее въ землю, съ крышею, покрытою густою растительностью, и находящійся тутъ-же базаръ, съ всевозможными товарами, начиная отъ тарантаса и кончая поношенными сапогами, и съ разношерстною, густою толпою покупателей и продавцевъ.

Дома, по возвращеніи съ прогулки, меня встрѣтилъ встревоженный и перепуганный Zahn. Оказалось, что во время нашего отсутствія у насъ былъ мѣстный полицеймейстеръ, который просилъ насъ на словахъ пожаловать къ нему. Жизненный опытъ Zahn'а, очевидно, говорилъ ему, что появленіе въ частномъ домѣ полицеймейстера столь же тревожный признакъ, какъ появленіе буревѣстника на морѣ,—и онъ смотрѣлъ на меня съ безпокойствомъ и смущеніемъ. Въ своей комнатѣ я нашелъ карточку г. Маковскаго, иркутскаго полицеймейстера. съ которымъ впослѣдствіи намъ суждено было познакомиться довольно близко, и имя котораго было связано потомъ съ однимъ изъ самыхъ трагическихъ эпизодовъ ссыльной жизни—съ голоднымъ бунтомъ въ Иркутской тюрьмѣ.

Я никакъ не могъ понять, чему мы можемъ быть обязаны столь скорымъ визитомъ г-на полицеймейстера. Но я рѣшилъ разъ навсегда подчиняться всѣмъ требованіямъ русской полиціи, почему и

отправился къ Маковскому тотчасъ послѣ того, какъ Фростъ возвратился изъ города. На квартирѣ мы его не нашли и оставили свои карточки; въ полиціи его тоже не было. Исполнивъ свою обязанность, мы возвратились домой. Не прошло и получаса, какъ Zahn, въ конецъ перепуганный, вошелъ ко мнѣ съ новою карточкой Маковскаго. Такая настойчивость полицеймейстера — два визита въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ—меня нѣсколько обезпокоила, хотя я и не могъ припомнить въ нашемъ поведеніи въ Иркутскѣ ничего „подозрительнаго“. Но появленіе Маковскаго меня тотчасъ успокоило. Вмѣсто суроваго полицейскаго лица, придирчиваго и подозрительнаго, я увидѣлъ передъ собою довольно красиваго мужчину, съ голубыми глазами, коротко остриженными волосами и окладистой бородой, который приближался ко мнѣ съ сіяющей любезностью физіономіею и съ привѣтливо протянутою рукою: „Я здѣшній полицеймейстеръ. Я имѣю удовольствіе знать васъ заочно — я читалъ вашу книгу и считаю своею обязанностью помогать чѣмъ могу всякому извѣстному путешественнику, пріѣзжающему къ намъ для изученія нашей страны“. Итакъ, намъ не угрожалъ ни арестъ, ни штрафъ за нарушеніе какихъ нибудь полицейскихъ предписаній. Послѣ нѣсколькихъ минутъ обычнаго разговора насчетъ дороги, погоды, измѣнившагося вида Иркутска и пр., капитанъ Маковскій сказалъ мнѣ: „Несомнѣнно Васъ интересуетъ, между прочимъ, положеніе здѣшнихъ тюремъ и вообще ссылка. Надѣюсь, что вы найдете нашу городскую тюрьму въ хорошемъ состояніи. Я пришлю къ Вамъ какого-нибудь чичероне для ея осмотра и, замѣтьте, не предупрежу о вашемъ визитѣ никого; Вы увидите такимъ образомъ тюрьму въ ея обычномъ видѣ“. Вотъ каковы должны были бы быть всѣ полицеймейстеры!“—подумалъ я въ восхищеніи.

Въ дальнѣйшей бесѣдѣ насчетъ ссылки г. Маковскій соглашался, что она—большая тягость для страны и зло—сама по себѣ, но онъ не надѣялся на ея скорое уничтоженіе. — „Главная бѣда — говорилъ онъ — наши финансовыя затрудненія. Замѣна ссылки тюремнымъ заключеніемъ въ Россіи же потребовала бы 20 новыхъ большихъ тюремъ, т. е. болѣе 100,000,000 руб., но гдѣ же ихъ взять“. Послѣ оживленной и продолжительной бесѣды г. Маковскій распрощался и ушелъ, взявъ съ насъ слово бывать у него безъ церемоній и почаще, и оставивъ послѣ себя какое-то неопредѣленное впечатлѣніе. Все его поведеніе было насквозь пропитано любезностью, но за нею чувствовалась натянутость, дѣланность и дипломатичность; чувствовалось это и въ его чрезмѣрно сіяющей улыбкѣ и въ преувеличенныхъ комплиментахъ и почтительности.

Въ четвергъ онъ явился къ намъ снова, чтобы вмѣстѣ визитировать тюрьму. Обѣ иркутскія тюрьмы, пересыльная и „содержающая“, расположены одна возлѣ другой, на краю города. Мы начали осмотръ съ пересыльной. Она оказалась по типу ничѣмъ инымъ, какъ обычнымъ этапомъ, отличаясь только величиною и большимъ количествомъ камеръ. Съ перваго взгляда было видно, что она находится въ очень скверномъ состояніи. Стѣны въ иныхъ мѣстахъ прогнили насквозь; окна почти всѣ были выбиты и заткнуты всякимъ старымъ тряпьемъ. Маковскій замѣтилъ, что я обратилъ на это вниманіе и поспѣшилъ объяснить, что тюрьма не ремонтируется въ виду ожидаемой постройки новаго зданія *). Въ первомъ коридорѣ насъ встрѣтилъ какой-то изъ низшихъ чиновниковъ, который поспѣшно подошелъ къ намъ и, обращаясь къ смотрителю, скороговоркою и однимъ духомъ отрапортовалъ: „Ваше Высокоблагородіе: имѣю-честь-доложить,-что-состояніе-иркутской-пересыльной-тюрьмы-сего-5-го-сентября-1885-года-благополучно,-и-что-въ-ней-находится-271-заключенныхъ“. „Ладно“, — кивнулъ ему въ отвѣтъ смотритель, и мы приступили къ осмотру. Камеры мало чѣмъ отличались отъ обычнаго типа камеръ сибирскихъ тюремъ. Вся мебель ихъ состояла изъ деревянныхъ наръ. Заключенные не имѣли никакихъ постельныхъ принадлежностей, кромѣ своихъ халатовъ и, въ немногихъ случаяхъ, маленькихъ, самодѣльныхъ очевидно, тюфячковъ, сдѣланныхъ изъ разной рвани. Ни одѣялъ, ни подушекъ, конечно, не было. Въ каждой камерѣ находилось отъ 20—40 человѣкъ, и тяжелый воздухъ ясно говорилъ намъ, что тщетно было бы искать какой-нибудь вентиляціи. Полы, менѣе грязные, чѣмъ обыкновенно, были посыпаны бѣлымъ пескомъ, очевидно, въ виду ожидаемаго визита. Мужчины были совершенно отдѣлены отъ женщинъ и дѣтей, и камеры послѣднихъ были нѣсколько чище, свободнѣе и лучше.

Отсюда мы отправились въ городскую тюрьму, которая представляетъ собою большое двухъ-этажное каменное зданіе, очень напоминающее своимъ видомъ томскую пересыльную тюрьму, если бы не внутренній дворъ въ 75 — 100 квадратныхъ футовъ, обращенный въ садикъ для прогулокъ арестованныхъ. Тюрьма эта была построена въ 1861 г.; обошлась въ 62,000 руб. и была разсчитана на 450 человѣкъ. Во время нашего визита въ ней находилось 743 чел., а смотритель сказалъ мнѣ, что во время наплыва въ ней бываетъ и по 1500 ч. Результаты такого переполненія я уже разъ

---

*) Съ тѣхъ поръ прошло три года, но это новое зданіе все продолжаетъ фигурировать только въ проэктахъ и планахъ. *П. К.*

описывалъ раньше. Воздухъ въ камерахъ, хотя и не столь ужасный, какъ въ тюменской тюрьмѣ, былъ достаточно тяжелъ и испорченъ, и заключенные нѣсколько разъ жаловались на это Маковскому и мнѣ. Но въ госпиталѣ положеніе вещей въ этомъ отношеніи было поистинѣ ужасно, и хотя мы прошли только нѣсколько камеръ и я старался сколько возможно задерживать дыханіе, я вышелъ изъ него разбитымъ и больнымъ *). Главныя болѣзни здѣсь, какъ и въ другихъ тюрьмахъ, были тифъ, цынга, ревматизмъ, бронхитъ — все болѣзни, обязанныя главнымъ образомъ крайне неблагопріятнымъ санитарнымъ условіямъ.

Изъ госпиталя мы направились въ такъ называемое секретное отдѣленіе, гдѣ, по словамъ Маковскаго, сидѣлъ въ это время и одинъ „политическій“, нѣкто Фердинандъ Люстигъ, бывшій офицеръ, присужденный въ 1881 г. къ четырехлѣтней каторгѣ, отбывшій свой срокъ наказанія, и уже давно сидѣвшій въ Иркутскѣ въ ожиданіи отправки къ мѣсту причисленія. Я много слышалъ о тюремной жизни русскихъ революціонеровъ, но еще ни разу не приходилось мнѣ видѣть кого-нибудь въ одиночномъ заключеніи. Пройдя нѣчто въ родѣ передней, мы вошли въ длинный коридоръ, по которому мѣрно шагалъ часовой вдоль камеръ, расположенныхъ рядомъ. Каждая камера была заперта солидною дверью съ маленькимъ оконцемъ для передачи пищи и наблюденія за заключеннымъ. Надзиратель загремѣлъ ключами, отперъ громадный висячій замокъ одной двери, и мы вошли въ длинную, но узкую и темную камеру, въ которой съ убитымъ, апатичнымъ видомъ сидѣлъ молодой человѣкъ. Онъ быстро поднялся при нашемъ входѣ и на его лицѣ промелькнуло что-то въ родѣ улыбки, надежды на хорошую вѣсть. „Здравствуйте, г-нъ Люстигъ, — весело обратился къ нему Маковскій, — мы пришли немного развлечь васъ. Это американскіе путешественники, осматривающіе тюрьму; быть можетъ, Вамъ доставитъ удовольствіе повидаться съ ними!“ „Только-то“ — какъ будто бы

*) Въ рапортѣ Медицинскаго Департамента за 1884 годъ такъ говорится о тюрьмахъ и тюремныхъ госпиталяхъ Томской, Енисейской, Иркутской и другихъ губерній: Судя по рапортамъ медицинской администраціи, видно, что санитарное положеніе многихъ тюремъ какъ въ губерніяхъ, такъ и въ областяхъ крайне неблагопріятно. Большинство изъ нихъ слишкомъ малы по сравненію съ числомъ содержимыхъ въ нихъ обыкновенно заключенныхъ. Многія изъ нихъ не имѣютъ вентиляціи; въ нихъ плохо устроены ретирадныя мѣста; они построены на низкихъ и сырыхъ мѣстахъ. Особенно относится это къ тюрьмамъ губерній—Енисейской, Иркутской, Томской и Забайкальской. Многіе госпитали не снабжены въ достаточной мѣрѣ необходимыми принадлежностями и, по своимъ малымъ размѣрамъ, не могутъ вмѣстить въ себѣ всѣхъ больныхъ. Во многихъ изъ нихъ нѣтъ достаточнаго врачебнаго персонала. *Кеннанъ.*

сказало лицо заключеннаго, съ котораго исчезло минутное выраженіе надежды, когда онъ застѣнчиво и нервно пожалъ намъ руки. Мое положеніе было очень неловко. Если бы мы были съ Люстигомъ одинъ на одинъ, мы скоро поняли бы другъ друга и нашли бы, о чемъ говорить въ теченіе цѣлыхъ часовъ; но тутъ, при постороннихъ свидѣтеляхъ я не могъ сказать ему того, что хотѣлъ бы сказать, и долженъ былъ казаться ему однимъ изъ тѣхъ любопытныхъ туристовъ, которые пришли смотрѣть на „нигилиста“, какъ приходятъ въ звѣринецъ смотрѣть на дикихъ звѣрей. Въ камерѣ г-на Люстига было одно небольшое окно, надъ самымъ потолкомъ, черезъ которое не видно было не только того, что происходило во дворѣ, но даже и неба. Глядя въ это окно, нельзя было бы сказать, какая на дворѣ погода, зима ли тамъ, или лѣто. Камера была темна, мрачна и, въ довершеніе, холодна. Кромѣ кровати, въ ней не было другой мебели, если не считать стоявшаго въ углу ящика, съ „парашею“ внутри. Не было ни стола, ни стула, ни книгъ, ни письменныхъ принадлежностей. Заключенному ничего не оставалось дѣлать, какъ часъ за часомъ сидѣть на своей кровати и думать, если онъ еще не потерялъ способности думать. На мой вопросъ, какъ долго уже онъ здѣсь, Люстигъ коротко отвѣтилъ: „Съ 1-го іюня; почти 4 мѣсяца“. Онъ ожидалъ разрѣшенія вопроса о выборѣ ему мѣста поселенія, но когда этотъ вопросъ будетъ рѣшенъ, ни онъ, ни Маковскій, да и никто, вѣроятно, не зналъ. Пока, въ ожиданіи, положеніе его, кончившаго срокъ каторги, было хуже, чѣмъ на Карѣ. Мнѣ очень хотѣлось задать ему нѣсколько вопросовъ насчетъ Кары, но въ присутствіи Маковскаго это было бы и безтактно и безполезно. Ничего не оставалось, какъ пожелать ему скорѣйшаго освобожденія и уйти, что я и сдѣлалъ. Черезъ 10 минутъ я простился съ Маковскимъ и вернулся въ гостиницу. По чистой совѣсти, я далеко не могъ согласиться съ нимъ, что состояніе Иркутской тюрьмы „хорошо“, но, такъ какъ онъ самъ меня не спрашивалъ, то я могъ оставить для себя мое впечатлѣніе отъ осмотра.

Когда на слѣдующей недѣлѣ Маковскій былъ у насъ снова (послѣ нѣсколькихъ дней отсутствія), онъ въ самомъ началѣ визита обратился ко мнѣ съ чрезвычайно озабоченнымъ видомъ: „Скажите мнѣ, пожалуйста, откровенно, г-нъ Кеннанъ, какъ вы нашли наши тюрьмы?“ Я прямо отвѣчалъ ему, что всѣ сибирскія тюрьмы вообще произвели на меня ужасное впечатлѣніе, и все, что я могу сказать о спеціально иркутскихъ, — это то, что онѣ, пожалуй, въ нѣсколько лучшемъ положеніи, иначе говоря, не такъ скверны, какъ тюрьмы въ Тюмени и Томскѣ.

„Я спросилъ васъ объ этомъ потому, что графъ Игнатьевъ (только что назначенный генералъ-губернаторъ) и графиня, его жена, на дняхъ посѣтили тюрьму и остались очень недовольны. Графъ нашелъ, что тюрьма грязна и переполнена, что воздухъ въ ней тяжелъ и испорченъ, что бѣлье арестантовъ грязно и грубо, что, вообще, положеніе тюрьмы крайне неудовлетворительно. Я и самъ знаю, что воздухъ въ тюрьмѣ нехорошъ, но какъ вы будете поддерживать въ такой комнатѣ, напримѣръ, хорошій воздухъ, если вы набьете ее 30-40 человѣками? Также справедливо и то, что бѣлье арестантовъ дешево и грубо, но найдите лучшее на тѣ средства, которыя отпускаетъ на это правительство? Если вы платите въ своемъ отелѣ 2 рубля за обѣдъ, понятно, что вы можете требовать хорошій обѣдъ, еще бы... но если на обѣдъ вамъ выдаютъ 8 копѣекъ? Бѣлье грязно!—Конечно, оно грязно! Правительство отпускаетъ арестанту одну рубашку на 6 мѣсяцевъ и одинъ халатъ—на годъ. Въ этомъ костюмѣ онъ живетъ и спитъ 24 часа въ сутки, 30 сутокъ въ мѣсяцъ, снимая его только въ банѣ, — какъ же ему не быть грязнымъ?“

„Но если у арестанта не имѣется другой перемѣны бѣлья, какъ же онъ его моетъ,—искренно изумился я. Или онъ его никогда не моетъ? Или онъ тогда ходитъ голый?

„Въ банѣ онъ одновременно моетъ и свое тѣло и свое бѣлье—отвѣчалъ Маковскій.—Высушиваетъ его какъ-нибудь на скоро и его же одѣваетъ. У него нѣтъ перемѣны“.

Я вспомнилъ о страданіяхъ арестантовъ въ партіи, когда они, послѣ дождя, должны въ своемъ мокромъ бѣльѣ ложиться спать въ холодныхъ этапахъ. Не это ли одна изъ причинъ, по которымъ госпитали такъ переполнены больными. Маковскій съ этимъ согласился. „Я знаю, — сказалъ онъ, — что положеніе арестантовъ въ дорогѣ ужасно, но что касается тюрьмы, я дѣлаю все, что могу. Я слѣжу за чистотою, не допускаю накопленія грязи, и санитарное положеніе тюрьмы, насколько возможно,—хорошо, лучше чѣмъ въ иныхъ частныхъ домахъ“.

Чрезвычайно любопытно и поучительно было видѣть, до какой степени Маковскій простодушно не сознавалъ даже, чтобы въ его тюрьмѣ можно было найти что-нибудь особенно скверное. Очевидно, онъ такъ привыкъ къ такому положенію вещей, что считалъ его почти нормальнымъ и искренно былъ пораженъ тѣмъ, что графъ Игнатьевъ посмотрѣлъ на дѣло иначе. Впрочемъ, недовольство графа Игнатьева онъ приписывалъ главнымъ образомъ графинѣ, о которой онъ отозвался, какъ о доброй, но неопытной дамѣ, ничего не понимающей въ такихъ дѣлахъ, какъ система тюремнаго управленія.

„Однако, говорятъ, что графиня обладаетъ проницательнымъ и здравымъ умомъ—возразилъ я. Мнѣ недавно разсказывали одинъ эпизодъ, характерный въ этомъ отношеніи. Во время осмотра тюрьмы графиня выразила желаніе попробовать тюремный супъ. Ей принесли чистую тарелку хорошаго супа, но она поняла, что это супъ „пробный“ и попросила зачерпнуть ложкою со дна котла. Зачерпнули какую-то гадость и подали ей. Она попробовала и спокойно сказала. „Я очень рада, что вы, наконецъ, моете вашъ котелъ; онъ, очевидно, давно не мытъ“. Вы понимаете? Такая особа должна кое что понимать и обладать нѣкоторою наблюдательностью“.

„Наблюдательностью... наблюдательностью...—воскликнулъ Маковскій, можетъ быть. Она очень добросердечна, но она непрактична. Она думаетъ, что преступники должны находиться въ такомъ же положеніи въ своей тюрьмѣ, какъ дѣвицы въ институтѣ, но мы съ вами знаемъ, что это немыслимо“.

Я отвѣтилъ на это, что состояніе тюрьмы еще много можно усовершенствовать, и она все-таки будетъ безконечно далека отъ института. Кто-то вошелъ и разговоръ нашъ былъ прерванъ. Маковскій простился и уѣхалъ, очевидно, очень обезпокоенный недовольствомъ генералъ-губернатора.

Въ первый пріемный день гр. Игнатьева я съ Фростомъ отправились къ нему съ визитомъ въ тайной надеждѣ познакомиться съ его взглядами на интересовавшіе насъ вопросы. Онъ принялъ насъ любезно, но формально. При первомъ удобномъ случаѣ я коснулся моихъ наблюденій въ тюрьмахъ и по дорогѣ, желая вызвать на разговоръ нашего хозяина. Онъ отвѣчалъ безъ всякихъ колебаній и высказалъ свое мнѣніе, что ссылка чрезвычайно пагубно отзывается на всѣхъ сторонахъ сибирской жизни, и нуждается во многихъ реформахъ. Такъ, по его мнѣнію, ссыльныхъ гораздо раціональнѣе было бы утилизировать, какъ рабочихъ, чѣмъ держать ихъ въ полномъ бездѣльи по тюрьмамъ или выпускать ихъ на лѣнивую, распущенную жизнь поселенцевъ. Система принудительнаго труда была бы много полезнѣе и для нихъ самихъ, и, главное, для страны, въ которой такъ много дѣла. Онъ началъ уже кое-что,—сказалъ онъ—въ этомъ направленіи, приказавъ употребить 100 каторжниковъ для работы на улицахъ Иркутска*). Когда я въ разго-

*) Еще наши дѣды, при Николаѣ I, дѣлали это „кое-что“, но они не смотрѣли на свое дѣло, какъ на начало серьезныхъ „реформъ“. Щедринскій же помпадуръ даже въ уставѣ о печеніи пироговъ усматриваетъ признаки своей государственной мудрости и энергіи.

Прим. переводчика.

ворѣ коснулся переполненія этаповъ и тюремъ, онъ согласился съ моими замѣчаніями и прибавилъ, что теперь разсматривается проектъ перевозки ссыльныхъ отъ Томска до Иркутска только лѣтомъ и въ телѣгахъ. Это освободило бы администрацію отъ тратъ на зимнее платье для перевозимыхъ арестантовъ, уменьшило бы массу страданій и, пожалуй, было бы даже экономнѣе настоящаго способа пересылки *). Въ это время вошла графиня и разговоръ прервался.

21-го сентября, почти черезъ недѣлю послѣ нашего прибытія въ Иркутскъ, насъ догналъ здѣсь лейтенантъ Шютце, ѣхавшій отъ американскаго правительства въ Якутскую область для раздачи подарковъ туземцамъ, принимавшимъ устастіе въ спасеніи экипажа погибшей „Жаннеты“. Онъ выѣхалъ изъ Америки гораздо позже насъ, и нечего говорить, какъ неожиданно пріятно намъ было встрѣтить соотечественника на другомъ концѣ свѣта, обмѣняться съ нимъ нашими сибирскими впечатлѣніями и узнать отъ него американскія новости.

Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего посѣщенія тюремъ, я былъ у Маковскаго и навелъ его на разговоръ по поводу политическихъ ссыльныхъ. Онъ говорилъ о революціонерахъ вообще съ озлобленіемъ и презрѣніемъ, смотря на нихъ, какъ на безумныхъ фанатиковъ, враждебныхъ не только современной русской, но всякой формѣ правленія, съ которыми надо было поэтому поступать сурово и безъ сожалѣнія. „Есть, впрочемъ,—продолжалъ онъ,—среди нихъ нѣсколько категорій, къ которымъ я не могу не относиться съ жалостью и симпатіею. Таковы, напр., тѣ молодые люди, которые сами никогда не совершали никакихъ преступленій, но, по несчастной случайности, находились въ невинной перепискѣ или въ дружескихъ отношеніяхъ съ настоящими революціонерами. Имъ приходится страдать только за то, что они находились въ скверномъ обществѣ. Таковы тѣ, которые, въ видѣ услуги пріятелю или знакомому, брали на сохраненіе разные узлы и пакеты, не зная ихъ содержимаго. Содержимое это оказывалось, были прокламаціи, динамитъ, или что нибудь еще въ этомъ родѣ. Въ такихъ случаяхъ оправданія и какія бы то ни было

*) Три года прошло со времени этого разговора, а ссыльные все продолжаютъ измѣрять своими ногами тысячеверстныя сибирскія дороги,—и въ дождь, и въ снѣгъ, и въ пыль, и въ грязь, и въ жару, и въ холодъ. Быть можетъ теперь въ оправданіе сошлются на проектируемую желѣзную дорогу, которая имѣетъ быть построена черезъ десятки лѣтъ, а „пока“ ссыльныхъ, между которыми половина ни въ чемъ неповинныхъ женщинъ и дѣтей, оставляютъ мучиться по старому, такъ же какъ оставляютъ безъ ремонта разрушающееся зданіе Иркутской пересыльной тюрьмы, въ виду того, что гдѣ-то въ канцеляріи лежитъ планъ новаго зданія.

Кеннанъ.

завѣренія въ незнаніи и невинности — безполезны; ссылка неизбѣжна. Таковы тѣ, которые передавали деньги революціонерамъ, но ничуть не для революціонныхъ цѣлей. Деньги эти шли потомъ на какое нибудь преступное предпріятіе, а ни въ чемъ не повинные жертвователи шли въ ссылку. Наконецъ, среди нихъ есть люди, отъ 18 до 23, 24 лѣтъ, полные энтузіазма, страстно желающіе блага своей странѣ, видящіе недостатки существующаго и стремящіеся не къ революціи, а къ реформамъ и измѣненіямъ. Они почти неизбѣжно попадаютъ въ тайные кружки, а затѣмъ высылаются въ Сибирь, хотя ихъ никакимъ образомъ нельзя назвать людьми нехорошими, а ихъ намѣренія — неблагонадежными. Мнѣ часто приходилось встрѣчать людей всѣхъ этихъ категорій, и я всегда искренно жалѣлъ ихъ".

Я привожу здѣсь слова Маковскаго не потому, конечно, чтобы я считалъ его авторитетнымъ въ дѣлѣ пониманія революціоннаго движенія, я привожу ихъ, какъ откровенное признаніе русскаго полицеймейстера, что русское правительство не только ссылаетъ въ Сибирь цвѣтъ своей молодежи, но не останавливается передъ ссылкою, по крайней мѣрѣ, трехъ категорій людей, которые не только не совершали никогда никакого преступленія, но не имѣли и намѣренія совершить его.

Въ Иркутскѣ, во время нашего пребыванія тамъ, было очень мало ссыльныхъ, и мнѣ не легко было добраться до нихъ. Въ концѣ концовъ я успѣлъ въ этомъ, не прибѣгая къ содѣйствію Маковскаго; и хотя предполагается, что полицеймейстеръ долженъ знать все, происходящее въ городѣ, я сильно сомнѣваюсь, чтобы ему когда нибудь снилось, что часто прямо отъ него я шелъ на свиданіе съ ссыльными, съ которыми я проводилъ половину моихъ вечеровъ. Особенно близко я познакомился съ четою Чернявскихъ, которые были высланы въ Сибирь въ 1878 г. Къ г-жѣ Чернявской я чувствовалъ глубочайшее уваженіе и жалость. Рѣдкія женщины, даже въ Россіи, имѣли до 30-лѣтняго возраста такую трагическую и сердце-разрывающую судьбу; и еще болѣе рѣдкія сумѣли сохранить послѣ такой жизни бодрость и мужество. Она была арестована въ Одессѣ и послѣ долгаго заключенія была отправлена административно въ Тобольскую губернію. По дорогѣ въ ссылку, въ Кіевѣ, ей пришлось быть свидѣтельницею убійства ея лучшаго друга. Молодой человѣкъ, англійскаго происхожденія, Беверлей, котораго она близко знала съ дѣтства, арестованный незадолго до ея проѣзда, рѣшилъ бѣжать изъ тюрьмы вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, Избицкимъ, черезъ подкопъ, проведенный ими за тюремную стѣну. Начальство какъ то узнало объ этомъ проэктѣ и вѣроломно вос-

пользовалось имъ для примѣра и устрашенія прочихъ. Къ отверстію подкопа приставили кучу солдатъ, въ ожиданіи побѣга. Поздно ночью, наканунѣ отъѣзда Чернявской въ Сибирь, Беверлей и Избицкій вылѣзли изъ подкопа и были тутъ же встрѣчены градомъ заранѣе приготовленныхъ пуль. Беверлей, смертельно раненный, былъ добитъ штыками, а Избицкаго, раненаго и страшно избитаго, унесли назадъ въ тюрьму. На слѣдующее утро, когда Чернявская вышла съ партіею изъ тюрьмы, она должна была пройти возлѣ окровавленнаго и изувѣченнаго трупа своего лучшаго друга, который оставили лежать здѣсь, передъ тюремными окнами!

„Я могу переносить свои собственныя страданія, — сказала мнѣ Чернявская, заканчивая рыданіемъ свой разсказъ, — но такія вещи... о, онѣ разрываютъ сердце!“

Мнѣ нечего разсказывать здѣсь о всѣхъ лишеніяхъ, которыя пришлось перенести этой образованной и привыкшей къ иной жизни женщинѣ, во время этапнаго пути до мѣста своего назначенія. Какъ бы то ни было она добралась, наконецъ, до него съ своимъ мужемъ и жила здѣсь до 1881 года. За это время у нихъ родился ребенокъ. При вступленіи на престолъ Александра III, отъ Чернявскаго потребовали присяги, и за отказъ дать ее отправили въ Красноярскъ. Здѣсь вторично потребовали отъ него присяги и, послѣ вторичнаго отказа, выслали его съ женою еще дальше. Дѣло было зимою; Чернявскимъ, вмѣстѣ съ тринадцати-мѣсячнымъ ребенкомъ, пришлось ѣхать въ открытыхъ саняхъ, при 30-ти градусныхъ морозахъ. Несмотря на всѣ старанія предохранить ребенка отъ губительнаго дѣйствія стужи, недалеко отъ Иркутска, несчастная мать, открывъ одѣяло, въ которомъ онъ былъ завернутъ, нашла его ... мертвымъ! О! Такія минуты не забываются! Чернявская, въ отчаяніи, потеряла разсудокъ. Она рыдала, укачивала на рукахъ мертвое тѣльце, напѣвая ему колыбельныя пѣсни, призывая и проклиная Бога ... Во дворѣ иркутской тюрьмы, въ ожиданіи пріемки партіи, Чернявскій полъ-часа простоялъ на морозѣ, имѣя возлѣ себя безумную жену и держа на рукахъ свое мертвое дитя.

Оправившись и прійдя въ себя въ тюремномъ госпиталѣ, Чернявская должна была продолжать путь свой въ Якутскую область, куда былъ назначенъ ея мужъ, въ наказаніе за отказъ отъ присяги. Тамъ, послѣ невозможныхъ лишеній и мукъ, они пробыли до 1884 г., когда министерство разрѣшило имъ выбрать иное, болѣе цивилизованное мѣсто жительства. Когда я познакомился съ г-жею Чернявскою, она была блѣдною, хрупкою женщиною, здоровье и силы которой были въ конецъ разрушены ея жизненными испытаніями. Оба ея ребенка погибли при самыхъ трагическихъ условіяхъ;

въ продолженіе семи лѣтъ она была тысячами верстъ отдѣлена отъ своихъ родныхъ и друзей; въ будущемъ у нея не было ничего, кромѣ любви мужа, которому она ни въ чемъ не могла помогать, въ его борьбѣ за существованіе. Когда я прощался съ нею, мнѣ казалось, что конецъ ея страданіямъ уже недалекъ. Я чувствовалъ къ ней безконечную жалость, — при ея разсказахъ мое лицо, въ первый разъ послѣ многихъ, многихъ лѣтъ, было мокро отъ слезъ, — и желая показать, какъ глубоко я ее уважаю, какъ искренне я ей симпатизирую, я предложилъ ей свою фотографическую карточку, единственное воспоминаніе, которое я могъ ей оставить. Къ удивленію, она съ сожалѣніемъ, но рѣшительно отказалась взять ее: „Много лѣтъ тому, — сказала она, — у меня была карточка — единственная — моего умершаго ребенка. Разъ ночью полиція, дѣлая у меня обыскъ, забрала всѣ мои письма и карточки. Я говорила имъ, что эта карточка ребенка у меня одна, что она мнѣ дорога, что я не могу достать другой. Жандармскій офицеръ, производившій обыскъ, честнымъ словомъ обязался возвратить мнѣ ее. Съ тѣхъ поръ я не видѣла этой карточки. Я поклялась, что второй разъ русское правительство не сдѣлаетъ мнѣ такого зла, и съ тѣхъ поръ у меня нѣтъ никакихъ карточекъ и воспоминаній, которыхъ меня могутъ лишить".

Если г-жа Чернявская жива еще, я надѣюсь, что эти страницы дойдутъ до нея и покажутъ, что и на другомъ концѣ свѣта ее любятъ и ее вспоминаютъ съ искренней, горячей симпатіею.

Сибирь и ссылка.

Часть вторая.

Сибирь и ссылка.

Великій Лама Забайкалья.

Послѣдніе дни пребыванія въ Иркутскѣ мы всецѣло посвятили приготовленіямъ къ нашему путешествію по мало-извѣстному Забайкалью. Это путешествіе—мы знали—должно было быть переполнено всякими трудностями. Забайкалье было чуть ли не самой дикой частью Сибири, какую мы видѣли, за исключеніемъ, можетъ быть, Алтая. Рудники и каторжныя поселенія — главная цѣль нашей экскурсіи — разбросанные на тысячеверстномъ пространствѣ въ дикой гористой мѣстности, между верховьями Амура и границей Монголіи, часто лежали въ сторонѣ отъ почтовыхъ дорогъ,—иногда даже не были отмѣчены на картѣ;—къ тому же подступала суровая сибирская зима съ своими бурями и морозами, которые не обѣщали намъ ничего хорошаго. Но всего непріятнѣе было то обстоятельство, что на наше несчастье, незадолго до нашего пріѣзда, Забайкальская Область была изъята изъ вѣдѣнія иркутскаго Генералъ-Губернатора и присоединена къ Генералъ-Губернатору Амурскому, и мы не могли поэтому получить въ Иркутскѣ ни разрѣшенія на доступъ въ рудники, ни рекомендаціи къ Забайкальскимъ властямъ.—„Забайкальская Область внѣ нашей компетенціи,—отвѣчали мнѣ на этотъ счетъ графъ Игнатьевъ и губернаторъ Петровъ, — вамъ надо обратиться къ Генералъ-Губернатору Корфу или къ губернатору Барабашу“.

И тотъ и другой были въ это время въ Хабаровскѣ, на нижнемъ Амурѣ, въ 1500 миляхъ по ту сторону рудниковъ и въ 2000 миляхъ за Иркутскомъ. Понятно, что перспектива отправляться къ нимъ за разрѣшеніемъ не очень намъ улыбалась. Поэтому мы рѣ-

шили ѣхать безъ разрѣшенія, надѣясь на свое счастье и находчивость. Чтобы заодно побывать въ Кяхтѣ, посмотрѣть на Маймачинъ и на главный въ этихъ мѣстахъ буддистскій „дацанъ“ (храмъ) на Гусиномъ Озерѣ, мы рѣшили отклониться на время отъ прямого пути на Кару и въ Верхнеудинскѣ повернуть на Югъ, къ Монгольской границѣ. Мы видѣли за это время слишкомъ много людскихъ страданій, слишкомъ много этаповъ и тюремъ; нервы были разстроены въ вполнѣ достаточной степени; чувствовалась настоятельная потребность отдохнуть и развлечься на какихъ-нибудь иныхъ, болѣе свѣтлыхъ впечатлѣніяхъ. Къ тому же, я давно интересовался Ламаизмомъ, этой испорченной формой Буддизма, широко распространенной среди забайкальскихъ бурятъ и представляемой тѣми особыми монастырями, которые извѣстны здѣсь подъ названіемъ „дацановъ“. Дацанъ на Гусиномъ Озерѣ—самый важный изъ всѣхъ; онъ—резиденція Великаго Ламы Забайкалья, и такъ какъ этотъ дацанъ находится всего въ 30 верстахъ отъ Селенгинска, черезъ который лежалъ нашъ путь въ Кяхту, то мы рѣшились непремѣнно посѣтить его.

Изъ Иркутска въ Забайкалье — двѣ дороги. Первая — болѣе прямая — идетъ вдоль Ангары до ея истока изъ Байкала и затѣмъ черезъ озеро — къ деревнѣ Боярской; вторая идетъ къ Боярской, огибая южный берегъ озера, по живописнымъ крутизнамъ висящихъ надъ водою горъ. Къ сожалѣнію, недавній разливъ смылъ здѣсь мосты и попортилъ дорогу, почему намъ пришлось отказаться отъ „кругоморскаго тракта“ и прозаически переѣзжать Байкалъ на пароходѣ.

Въ виду приближающейся зимы мы бросили свой тарантасъ въ Иркутскѣ и рѣшили ѣхать на „перекладныхъ“, т. е. на почтовыхъ телѣгахъ, перемѣняющихся на каждой станціи. Болѣе ужаснаго способа ѣзды я не знаю. Если бы я предвидѣлъ, до какой степени мучительна вѣчная тряска этихъ безрессорныхъ первобытныхъ экипажей, до какой степени чувствуешь себя разбитымъ, и тѣломъ и духомъ, послѣ продолжительной ѣзды на нихъ, я ни за что не бросилъ бы нашего испытаннаго тарантаса.

24-го сентября, попрощавшись съ иркутскими друзьями, мы коекакъ усѣлись на почтовую телѣгу, заваленную всякими дорожными ящиками и узлами, и съ равномѣрнымъ звономъ поддужныхъ колокольчиковъ тронулись въ путь. Погода была прекрасная. Воздухъ былъ полонъ благоуханіемъ поздней осени. Листва на деревьяхъ, хотя и пожелтѣла, но еще держалась, и цвѣты кое-гдѣ пестрили поляны. Хлѣбъ вездѣ былъ убранъ, и въ крестьянскихъ дворахъ сушились на солнцѣ табакъ и конопля.

Едва выѣхавъ изъ Иркутска, мы встрѣтились съ какой-то повозкой, напоминающей фургонъ звѣринца и запряженной четверкой лошадей. На мой вопросъ,—„что это такое?“—ямщикъ отвѣтилъ, что это везутъ въ Иркутскъ для выставки амурскаго тигра. Живой тигръ, пойманный въ Сибири! Мы, конечно, остановились, соскочили съ телѣги и попросили сторожа показать намъ любопытнаго звѣря. Сторожъ добродушно согласился и вынулъ широкую боковую доску, закрывавшую желѣзную клѣтку. Раздалось грозное ворчаніе и, прежде чѣмъ мы успѣли отскочить, громадный краснобурый полосатый звѣрь съ такой силой бросился къ намъ на желѣзные прутья, что вагонъ чуть не перевернулся. Къ счастью, прутья оказались крѣпче, чѣмъ намъ на мгновеніе показалось; они погнулись отъ толчка, но не сломились. Сторожъ схватилъ длинный желѣзный прутъ и нѣсколько разъ сильно ударилъ звѣря, черезъ рѣшетку; это средство его усмирило, и онъ снова улегся въ углу, фыркая и ворча, какъ раздраженная кошка. Я не могъ узнать отъ сторожа ничего точнаго насчетъ размѣровъ этого амурскаго тигра, но онъ мнѣ показался прекраснымъ представителемъ своей породы. Онъ былъ пойманъ крестьянами на Амурѣ—единственномъ мѣстѣ на всемъ земномъ шарѣ, гдѣ тропическій тигръ встрѣчается рядомъ съ сѣвернымъ оленемъ.

Отъ Иркутска до Байкала всего 40 миль. Мы ѣхали быстро, потому что дорога была хороша. Чѣмъ дальше на Востокъ, тѣмъ она дѣлалась выше и живописнѣе. На послѣдней станціи она приняла совершенно горный характеръ и шла на 50—60 футахъ надъ уровнемъ воды, вырѣзанная въ крутомъ склонѣ горы и отгороженная отъ обрыва солидными перилами.—Къ вечеру холодный густой туманъ, идущій съ озера, началъ заволакивать воздухъ. Онъ то скрывалъ отъ глазъ все, кромѣ куска дороги впереди, который, казалось, висѣлъ въ воздухѣ; то вдругъ разрывался на куски, между которыми тускло виднѣлись вдали темныя очертанія скалистыхъ горъ на противоположной сторонѣ озера. Озеро Байкалъ лежитъ на 400 фут. выше, чѣмъ Иркутскъ, и Ангара, черезъ которую озеро соединяется съ Ледовитымъ океаномъ, проходитъ это 400-футовое паденіе на разстояніи всего 40 миль; ея теченіе крайне быстро — 12—15 миль въ часъ. Пароходы, проходя разстояніе до Иркутска въ 2 часа, требуютъ 6—8 часовъ на то же разстояніе, идя назадъ, противъ теченія. При выходѣ изъ озера, гдѣ теченіе особенно бурно, рѣка почти никогда не замерзаетъ, а возлѣ Иркутска замерзаетъ только въ январѣ, хотя морозы уже въ декабрѣ доходятъ до 40^0. Рѣка эта, вообще, чрезвычайно оригинальна. Вмѣсто того, чтобы начинаться ничтожнымъ ручьемъ, она выходитъ изъ озера

потокомъ, въ милю шириною; хотя ея вода холодна какъ ледъ въ самые сильные лѣтніе жары, она замерзаетъ послѣ всѣхъ сибирскихъ рѣкъ; наконецъ, она разливается не весною, какъ дѣлаютъ всѣ прочія рѣки, а раннею зимою, когда другія уже покрыты льдомъ.

Мы пріѣхали въ Лиственичную — байкальскій портъ—къ 9 часамъ вечера. Съ озера дулъ холодный пронизывающій вѣтеръ и въ гостиницѣ, въ которой мы остановились, было такъ холодно, что мы тотчасъ же не раздѣваясь отправились въ постель. Выраженіе „отправились въ постель“ надо понимать, конечно, не буквально. Мы просто напросто улеглись на полу, потому что кроватей въ гостиницѣ не было. Вообще за все время моего путешествія по Забайкалью я 3/4 ночей спалъ на полу, не раздѣваясь, и это было далеко не самое большое изъ неудобствъ.

На слѣдующій день пароходъ отходилъ только въ полдень и у насъ было достаточно времени, чтобы осмотрѣть „Лиственичное“,— маленькую, жалкую деревушку, тянущуюся въ одну улицу вдоль берега Байкала, который имѣетъ здѣсь всего 20 миль въ ширину. Впрочемъ, и средняя ширина его очень невелика — всего 30 миль при 400 миляхъ длины.

Къ полудню подошелъ изъ Иркутска пароходъ „Бурятъ“ съ нашимъ багажемъ. Мы заняли каюту на „Платонѣ“, перенесли туда свои вещи и послѣ нѣкотораго ожиданія тронулись въ путь. Пассажировъ на „Платонѣ“ было мало — человѣкъ 20—30, ѣхавшихъ все въ III-мъ классѣ. Между ними обращали на себя наше вниманіе 3—4 китайскихъ купца, везшихъ съ собою около 1000 фунтовъ знаменитыхъ „роговъ изюбра“. Эти рога, снятые въ извѣстное время, славятся въ Китаѣ своими цѣлебными свойствами и цѣнятся чрезвычайно дорого. Торговцы ѣздятъ за ними въ самые глухіе уголки Алтая и часто даютъ по 200 руб. за пару. Въ Катунскихъ Альпахъ, на Алтаѣ, мы сами встрѣтили одного крестьянина, успѣвшаго одомашнить до 12 изюбровъ, которые давали ожегодно своими рогами до 12 тысячъ рублей. Высушенные и истолченные въ порошокъ эти рога продаются въ Китаѣ по меньшей мѣрѣ на вѣсъ серебра.

Восточный берегъ Байкала дѣлался все ниже по мѣрѣ нашего движенія на Сѣверъ, и подъ вечеръ высокія покрытыя снѣгомъ вершины остались далеко позади. Часовъ въ 6 мы подошли къ „Боярскому“, но, къ большому огорченію, сойти на берегъ намъ не удалось. Съ берега дулъ сильный вѣтеръ, было слишкомъ темно, и нашъ пароходъ, послѣ трехъ неудачныхъ попытокъ войти въ гавань, бросилъ якорь въ открытомъ морѣ. Мы провели очень непріятную ночь въ нашей „первоклассной“ каютѣ, и только на разсвѣтѣ „Пла-

тонъ“ подошелъ къ пристани. Но какимъ раемъ казалась намъ потомъ каюта, которую мы такъ проклинали! Мы вышли на берегъ, конечно, не позавтракавъ. Погода была отвратительная; въ Боярскомъ не оказалось никакой гостиницы; почтовая станція, холодная и грязная, была переполнена пассажирами, ожидавшими лошадей; лошадей этихъ не было. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, намъ удалось найти лошадей у одного крестьянина. Напившись у него чаю, мы снова взобрались на ужасную сибирскую телѣгу и выѣхали по направленію къ Селенгинску.

Трудно передать всѣ тѣ страданія, которыя приходится испытывать человѣку, путешествующему на этой телѣгѣ по плохой дорогѣ. Не проѣхали мы и 60 миль, а я уже чувствовалъ себя совершенно разбитымъ и больнымъ. Каждый новый ухабъ мучительно отдавался во всемъ тѣлѣ и, особенно, въ головѣ. Я чувствовалъ нѣкоторое облегченіе, перемѣняя положеніе и поддерживая больное тѣло на упертыхъ рукахъ, но руки скоро уставали и приходилось снова отдаваться на произволъ ужасной тряски. Часовъ въ 10 вечера мы пріѣхали въ Илинское. Я положительно не могъ ѣхать дальше, и мы рѣшили здѣсь ночевать. Фростъ легъ на полу почтовой станціи, а я, какъ больной, завладѣлъ скамьей. Послѣ долгой борьбы съ паразитами, я, наконецъ, уснулъ. Не проспалъ я и нѣсколькихъ минутъ, какъ на станціи поднялось какое то движеніе. Пріѣхалъ какой-то чиновникъ по казенной подорожной. Въ комнатѣ зажгли огонь; чиновникъ ходилъ изъ угла въ уголъ, громко разговаривая съ станціоннымъ смотрителемъ о состояніи дорогъ. О снѣ нечего было и думать. Однако, черезъ полчаса чиновникъ уѣхалъ, и мы снова расположились спать. Снова звонъ колокольчиковъ, снова суета и движеніе: подъѣхала почта изъ Иркутска. Съ часъ продолжалась перекладка тюковъ и запряжка лошадей; каждую минуту двери почтовой станціи отворялись и затворялись, обдавая насъ холоднымъ ночнымъ воздухомъ. Къ половинѣ второго почта уѣхала, свѣчи потухли и все успокоилось. Но едва мы закрыли глаза, опять стукъ и звонъ; и кто-то вошелъ, громко зовя смотрителя. Оказались новые пассажиры — мужъ съ женою и съ плачущимъ ребенкомъ. Чаепитіе, разговоръ, плачъ и кашель ребенка продолжались до 4 часовъ. Наконецъ, и эти пассажиры уѣхали. Но за это время всѣ станціонные паразиты успѣли открыть мѣсто, гдѣ я спалъ, и набросились на меня съ невѣроятнымъ остервенѣніемъ. Я бросилъ свою скамью, перебрался на полъ и началъ забываться. И опять только что я началъ засыпать, раздался звонъ колокольчика, струя холоднаго воздуха ворвалась въ комнату черезъ отворенную дверь, и на станцію вошли 2 проѣзжихъ купца. Опять

появился неизбѣжный самоваръ и начался громкій разговоръ, который тянулся до половины шестого. Лошадей не оказалось и, покончивъ чаепитіе, купцы начали укладываться спать, когда снова зазвенѣли колокольцы, и въ комнату вошелъ какой то старикъ съ ружьемъ въ рукахъ. Куда ѣхалъ этотъ новый пассажиръ, — я не знаю; но когда онъ заказалъ самоваръ и вступилъ въ оживленную бесѣду съ двумя купцами, я со стономъ обратился къ Фросту: „нѣтъ; это безполезно. Съ меня довольно и блохъ, и холоднаго воздуха, и всѣхъ этихъ прелестей. — Я встаю“. Уже разсвѣтало. Старикъ пригласилъ насъ „откушать“ съ нимъ чаю. Онъ, оказалось, видѣлъ насъ на пароходѣ. Горячій чай и общая бесѣда о „Калифорніи“ — недавно открытыхъ золотыхъ пріискахъ на монгольской границѣ. — нѣсколько оживили и какъ-будто возстановили упавшія силы.

Часовъ въ 10 утра лошади были запряжены, и мы продолжали свой путь. Верстахъ въ 10 отъ Илинска дорога поворачиваетъ на Югъ и идетъ по лѣвому берегу Селенги, свѣтлыя и спокойныя воды которой напоминали мнѣ какое-нибудь шотландское озеро. Долина Селенги между Илинскимъ и Верхнеудинскомъ показалась мнѣ самой теплой и плодородной во всемъ Забайкальѣ. Еще и въ эту пору она была полна благоуханій. Окаймляющіе ее холмы, испещренные цвѣтами, ничего не говорили о близости зимы. Окрестные луга, густо уставленные копнами собраннаго сѣна; тамъ и сямъ мелькающіе бурятскіе поселки, пасущійся скотъ говорили о мирныхъ радостяхъ жизни и заставляли насъ на минуту забывать, что мы въ Сибири, на пути къ рудникамъ. — Если бы не „перекладная“, наше путешествіе здѣсь было бы чистымъ наслажденіемъ; къ сожалѣнію, усталость и разбитость были слишкомъ сильны. Въ Муклинское — первая станція за Верхнеудинскомъ — мы пріѣхали къ 7 часамъ вечера. Было еще рано, и проѣхали мы за этотъ день всего 30 миль; Фростъ былъ сравнительно бодръ, но я положительно отказался ѣхать дальше, и мы остались здѣсь на ночевку. Жена станціоннаго смотрителя накормила насъ — въ первый разъ въ Забайкальѣ — прекраснымъ супомъ, и это обстоятельство, вмѣстѣ съ сравнительно спокойнымъ сномъ, позволило мнѣ на слѣдующій день кое-какъ проѣхать оставшіяся до Селенгинска 70 миль.

Эту ночь мы провели въ Селенгинской почтовой станціи, и на этотъ разъ я спалъ какъ убитый, несмотря ни на постоянный шумъ, ни на невѣроятную массу паразитовъ. Впрочемъ, они сдѣлали свое дѣло, хотя и не могли помѣшать мнѣ спать. Они до такой степени искусали меня, что на слѣдующій день я долженъ былъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ класть на лицо холодные компрессы, прежде

чѣмъ выйти на улицу. Приведя себя въ нѣсколько приличный видъ, я отправился на поиски за Хинуевымъ, начальникомъ мѣстной бурятской полиціи, котораго намъ рекомендовали, какъ хорошаго переводчика. Я нашелъ его въ исправничьей канцеляріи. Это былъ атлетически сложенный бурятъ, лѣтъ 60-ти, съ круглой, большой, коротко-остриженной головой, съ густыми усами, съ маленькими косыми, монгольскими глазками и съ рѣзкими, грубыми чертами лица. Онъ былъ одѣтъ въ длинный бурятскій халатъ, перехваченный у таліи поясомъ, и отороченный шелкомъ, а на головѣ у него была маленькая войлочная монгольская шапка, надѣтая на бекрень.

Я отрекомендовался секретарю и объяснилъ ему, чего я хочу.

„Вотъ Хинуевъ, — сказалъ секретарь, указывая на бурята, — переговорите съ нимъ сами.

При болѣе внимательномъ взглядѣ я увидѣлъ, что Хинуевъ былъ уже значительно подвыпивши, несмотря на ранній часъ. Впрочемъ, это ничуть не мѣшало ему вполнѣ владѣть своими способностями, — которыя, очевидно, были велики, — и вести себя съ соотвѣтственной его званію важностью. Съ первыхъ же словъ онъ сумѣлъ обойти меня вполнѣ и взять съ меня, вѣроятно, втрое больше денегъ, чѣмъ было нужно на приготовленія къ экскурсіи. Я далъ ему 17 руб. — болѣе, чѣмъ все его мѣсячное жалованье.

Вскорѣ послѣ моего возвращенія на станцію, явился туда и Хинуевъ во всемъ своемъ блескѣ. Онъ преобразился до неузнаваемости: надѣлъ длинный свѣтлоголубой шелковый халатъ, перехваченный малиновымъ поясомъ съ серебряной пряжкой, новые сапоги и красную войлочную блюдообразную шапку, прихваченную подъ подбородкомъ разноцвѣтными лентами. За это время онъ успѣлъ, очевидно, выпить еще нѣсколько рюмокъ водки и былъ въ самомъ пріятномъ расположеніи духа. Напыщенная важность сановника исчезла безслѣдно и замѣнилась легкомысленной фривольностью, мало подходившей къ его возрасту. Я никогда въ жизни не видалъ такого оригинальнаго полицейскаго чиновника и не безъ тревоги думалъ объ ожидавшемъ насъ пріемѣ у Великаго Ламы.

Скоро къ почтѣ подъѣхала нанятая Хинуевымъ повозка, запряженная тремя жалкими клячами, и мы начали собираться въ путь. На мой вопросъ, не нужно ли захватить съ собой провизіи, Хинуевъ отвѣчалъ отрицательно; „но если у васъ есть „сумасшедшія капли“ — прибавилъ онъ съ нагло-хитрой улыбкой — захватите ихъ съ собой; сумасшедшія капли всегда полезны“. Мы сложили въ телѣгу наши одѣяла, полушубки и большую дорожную фляжку, наполненную водкой, и кое-какъ усѣлись. Я съ Фростомъ помѣстились у задка

телѣги, Хинуевъ у нашихъ ногъ. Всѣмъ намъ было тѣсно и неловко; но мы отчасти уже привыкли къ всевозможнымъ дорожнымъ неудобствамъ, а Хинуевъ, благодаря неоднократнымъ возліяніямъ, былъ въ такомъ экзальтированномъ состояніи, что не замѣчалъ ничего. Онъ говорилъ безъ устали. Замѣтивъ, что мы больше слушали, чѣмъ говорили, онъ, повидимому, объяснилъ нашу молчаливость тѣмъ подавляющимъ дѣйствіемъ, которое произвели на насъ его величіе и могущество, и захотѣлъ насъ ободрить. „Вы не безпокойтесь, что я начальникъ полиціи, — сказалъ онъ мнѣ съ дружеской снисходительностью, — я для васъ обыкновенный человѣкъ“.

Я поблагодарилъ его за такую снисходительность, и онъ продолжалъ безъ устали болтать всякій вздоръ, очевидно желая изгнать изъ насъ послѣдніе слѣды боязни и стѣсненія передъ его особой. Проѣхавъ верстъ 5, мы остановились, чтобъ пересѣсть поудобнѣе, и Хинуевъ тотчасъ намекнулъ, „что теперь самый удобный моментъ принять нѣсколько „сумасшедшихъ капель“. Я передалъ ему флягу. Онъ, прежде чѣмъ выпить, налилъ нѣсколько капель себѣ въ ладонь и брызнулъ ими на четыре стороны свѣта, въ видѣ жертвы своимъ богамъ, затѣмъ проглотилъ двѣ рюмки, крякнулъ, и съ удивительнымъ безстыдствомъ сказалъ, презрительно морщась: „простая кабачная!“ Это меня нѣсколько взорвало, и я не могъ ему не замѣтить, что разъ это, по его мнѣнію, „простая кабачная“, ему слѣдовало бы остановиться на первой рюмкѣ и не отравлять себя второю. Мое замѣчаніе, однако, прошло незамѣченнымъ; я склоненъ даже думать, что онъ не понялъ его смысла, и онъ продолжалъ отъ времени до времени прибѣгать къ моей фляжкѣ, пьянѣя все больше и больше. Велъ онъ себя все время возмутительно: бросался на несчастнаго ямщика и, хватая его за горло, заставлялъ ѣхать быстрѣе; повелительно кричалъ и ругалъ попадавшихся на дорогѣ бурятъ и разъ, встрѣтивъ миловидную бурятку, ѣхавшую верхомъ, приказалъ ей остановиться, слѣзть съ коня и подойти къ нему за поцѣлуемъ. Все это онъ продѣлывалъ, очевидно, для того, чтобы поразить и вызвать въ насъ завистливое удивленіе передъ его всемогуществомъ и тѣмъ страхомъ, который онъ внушалъ окружающимъ. Онъ не забывалъ, конечно, и фляжки, и я началъ серьезно бояться, чтобы онъ не сталъ для насъ совершенно безполезенъ и чтобы Великій Лама, замѣтивъ его состояніе, не приказалъ бы утопить его въ озерѣ. Но я слишкомъ мало зналъ Хинуева!

Верстахъ въ 20 отъ Селенгинска мы поднялись на перевалъ, и передъ нами открылась долина Гусинаго озера, тихія воды котораго были окаймлены голыми, низкими берегами, съ пожелтѣвшей отъ

морозовъ травою. Деревьевъ почти нигдѣ не было видно, и, вообще, вся долина производила мрачное впечатлѣніе заброшеннаго мертваго царства. По ту сторону озера, у его западнаго края виднѣлось большое бѣлое зданіе, окруженное деревянными бурятскими жильями. Это и былъ знаменитый „дацанъ".

При видѣ святыни Хинуевъ, который былъ уже почти пьянъ въ 10 часовъ утра и съ тѣхъ поръ не переставая прикладывался къ моей фляжкѣ, началъ замѣтно трезвѣть. А когда, черезъ полъ-часа, мы огибали озеро, онъ соскочилъ съ повозки и попросилъ насъ немного обождать, пока онъ нѣсколько освѣжитъ свою голову холодной водой. Послѣ этой операціи онъ вернулся къ повозкѣ совершенно трезвымъ, полнымъ суровой важности, приличествующей полицейскому чиновнику, и началъ давать намъ нужныя наставленія, какъ вести себя, при чемъ особенно настаивалъ на необходимости глубокаго почтенія къ особѣ Великаго Ламы.

„А какъ же величать васъ" — внезапно спросилъ онъ меня и, видя, что я не понимаю вопроса, объяснилъ: „Какой у васъ чинъ?"

— Въ нашей странѣ нѣтъ чиновъ — отвѣтилъ Фростъ. — Мы простые американскіе граждане.

— Значитъ, вы не дворяне?

— Нѣтъ — отвѣчали мы.

— У васъ нѣтъ никакого титула?

— Нѣтъ.

— И вы не на службѣ?

— Нѣтъ.

— Такъ зачѣмъ же вы путешествуете по Сибири?

— Для собственнаго удовольствія — отвѣчали мы.

— Значитъ, вы — богачи?

— Нѣтъ, мы не богачи.

Хинуевъ былъ пораженъ и разочарованъ. Значитъ, ему приходилось представлять Великому Ламѣ двухъ ничтожныхъ иностранцевъ, безъ чина, безъ званія, безъ положенія, безъ богатства... „Такъ я доложу, — сказалъ онъ послѣ минутнаго раздумья, — что вы важные сановники, посланные правительствомъ Великой Американской республики, чтобы изслѣдовать Сибирь; что ваше правительство хочетъ купить ее у нашего Государя".

Между тѣмъ мы въѣхали въ деревню. Хинуевъ совершенно перемѣнился. Онъ сталъ скроменъ и почтителенъ, сидѣлъ, вытянувшись въ струнку, съ открытой головой. Это онъ началъ играть свою комедію. Онъ хотѣлъ показать, что люди, которыхъ онъ везетъ къ Великому Ламѣ, — такіе важные господа, что даже онъ, Хинуевъ, начальникъ полиціи, не осмѣливается быть при нихъ въ шапкѣ.

Мы подъѣхали прямо къ дому Ламы, гдѣ были встрѣчены нѣсколькими буддистскими монахами, съ бритыми головами, въ длинныхъ сѣрыхъ халатахъ, подпоясанныхъ черными поясами. Хинуевъ,— все съ открытой головой — быстро соскочилъ съ повозки и съ утрированнымъ подобострастіемъ началъ высаживать меня, каждымъ жестомъ своимъ говоря окружающимъ: „не смотрите, что у этого человѣка такая непредставительная наружность, помятая рубаха и короткій сюртукъ; это важный чиновникъ — incognito".

Пріемная, въ которую насъ ввели, была большая холодная комната, покрытая узорными коврами мѣстной работы и уставленная нѣсколькими тяжелыми русскими стульями и кушеткой, обитой голубымъ репсомъ. На стѣнахъ висѣли виды разныхъ буддистскихъ монастырей въ Монголіи и Тибетѣ, портреты знаменитыхъ буддистскихъ святыхъ, плохіе литографическіе портреты Александра II и Александра III и фотографическая карточка германскаго императора.

Бывшіе въ комнатѣ студенты и прислужники говорили между собой шепотомъ, какъ бы боясь разбудить Великаго Ламу и, вообще, вели себя благоговѣйно. Въ комнатѣ было холодно и сыро. Хинуевъ, замѣтивъ, что мы прозябли, почтительно предложилъ намъ перейти на солнечную сторону. Вообще, онъ продолжалъ играть ту же комедію: молчалъ, отвѣчалъ только на вопросы, сидѣлъ на кончикѣ стула и старался по глазамъ угадать наши желанія.

Послѣ получаса ожиданія, Хинуевъ, выходившій на развѣдки, поспѣшно вбѣжалъ въ комнату и провозгласилъ: „идетъ!" Черезъ минуту дверь широко распахнулась и появился Великій Лама. Это былъ 60-лѣтній бурятъ, средняго роста, съ безбородымъ, морщинистымъ, но добродушнымъ лицомъ сѣверно монгольскаго типа. Одѣтъ онъ былъ чрезвычайно роскошно: — въ длинный, шитый золотомъ халатъ изъ оранжеваго шелка, отороченный пурпуровымъ бархатомъ и съ подкладкой изъ голубого атласа. Черезъ плечо у него былъ перекинутъ красный шелковый шарфъ, въ ярдъ шириною и въ 5 ярдовъ длиною. Его голову украшала высокая остроконечная шапка изъ краснаго войлока; ея концы откидывались назадъ, какъ у русскаго башлыка, и были сплошь вышиты золотомъ. Всѣ принадлежности костюма были изъ самыхъ дорогихъ тканей, а различные яркіе цвѣта окружали особу Великаго Ламы блескомъ и великолѣпіемъ.

Лама встрѣтилъ насъ безъ малѣйшаго замѣшательства и съ безстрастнымъ лицомъ выслушалъ длинную, изукрашенную рѣчь Хинуева, въ которой тотъ давалъ ему фантастическій отчетъ о нашихъ особахъ. Великій Лама пригласилъ насъ на чай, сервированный по

русски — изъ самовара. За чаемъ я попросилъ у него позволенія посмотрѣть храмъ. Онъ отвѣчалъ, что, какъ только онъ узналъ, что у него такіе почетные гости, онъ тотчасъ отдалъ распоряженіе, чтобы открыли храмъ и отслужили въ немъ молебенъ. Онъ самъ нездоровъ и не можетъ служить, но Хинуевъ пойдетъ съ нами и позаботится обо всемъ. Затѣмъ мы раскланялись — съ большими церемоніями, конечно, — и съ Хинуевымъ отправились въ храмъ.

Бурятскій „дацанъ“ есть, собственно, монастырь. Онъ расположенъ обыкновенно въ уединенной мѣстности, вдали отъ селъ и деревень, и состоитъ изъ собственно „дацана“, храма, и нѣсколькихъ десятковъ деревянныхъ зданій, въ которыхъ живутъ ламы, студенты, прислужники и пилигримы, сходящіеся сюда въ опредѣленные дни. Во время нашего посѣщенія $^3/_4$ домовъ стояли пустыми. Самый храмъ находился въ срединѣ обширной, поросшей травой площадки. Это было квадратное зданіе, представляющее собою нѣчто въ родѣ трехъ-ярусной пирамиды, кирпичное, покрытое бѣлой известкой и изукрашенное по карнизамъ и надъ портикомъ массою красныхъ и черныхъ орнаментовъ.

Внутренность „дацана“ представляла обширную, полуосвѣщенную залу. Круглыя колонны, окутанныя красною тканью, поддерживали потолокъ; стѣны были сплошь покрыты изображеніями святыхъ мѣстъ и людей и свѣтлыми драпировками; цвѣтныя хоругви, фонарики и флаги висѣли повсюду; вообще внутренность храма была до такой степени переполнена всякими аксесуарами, что непривычный глазъ терялся въ этой пестротѣ, которая, въ общемъ производила чрезвычайно оригинальное и сильное впечатлѣніе. Въ глубинѣ храма находился алтарь съ тремя большими креслами, покрытыми золотой парчей и желтыми подушками. Это были троны, предназначенные для Великаго Ламы, Шеретуя (главный Лама Дацана), и его помощника. Послѣдніе два трона при нашемъ входѣ были заняты. Противъ нихъ, въ два ряда, лицомъ къ лицу, на длинныхъ диванахъ сидѣли по-татарски, съ поджатыми ногами, 17 ламъ, однообразно одѣтыхъ въ шелковые желтые халаты. Передъ каждымъ изъ нихъ, на маленькихъ красныхъ столикахъ, лежало по нѣсколько музыкальныхъ инструментовъ. Передъ двумя изъ нихъ стояли на деревянныхъ подпоркахъ громадные барабаны, а передъ двумя другими — желѣзныя трубы, футовъ въ 8 длины. Стулья, приготовленные для насъ, находились въ центрѣ, между двумя рядами ламъ.

Зрѣлище, въ первыя минуты, показалось мнѣ болѣе величественнымъ и оригинальнымъ, чѣмъ я ожидалъ. Полумракъ, высокіе желтые троны, вырисовывавшіеся въ глубинѣ алтаря, блескъ и обиліе декорацій, колоссальные барабаны и трубы, густая черная толпа

студентовъ и прислужниковъ въ одномъ концѣ, и два ряда блестящихъ оранжевыхъ ламъ въ другомъ,—придавали картинѣ какой-то новый, полудикій блескъ.... Съ минуту послѣ нашего входа въ храмъ царила полная тишина. Затѣмъ Шеретуй взмахнулъ маленькой трещеткой, и въ отвѣтъ на этотъ сигналъ разразилась невозможная музыка, произведенная звономъ цимбалъ, громомъ барабановъ, звяканіемъ колокольчиковъ, гуломъ громадныхъ желѣзныхъ трубъ, звуками роговъ и иныхъ инструментовъ. Это не была какая-нибудь мелодія; это не была музыка; это была просто ужасная инструментальная какофонія, которая продолжалась съ минуту. Затѣмъ она внезапно прекратилась, и 17 ламъ запѣли какой то быстрый, дикій гимнъ, низкими монотонными голосами, въ униссонъ. Къ концу каждой строфы присоединился акомпаниментъ цимбаловъ и барабановъ. Пѣніе продолжалось нѣсколько минутъ. За нимъ снова послѣдовала прежняя инструментальная какофонія, отъ которой не устояли бы іерихонскія стѣны. Вся служба состояла изъ перемежавшихся такимъ образомъ музыки и пѣнья и тянулась минутъ 15. Этого было болѣе, чѣмъ достаточно.

Послѣ службы мы обошли внутренность храма. Въ алтарѣ, за перегородкой находились три громадныхъ идола, изображенныхъ сидящими въ обычной буддистской позѣ. Передъ каждымъ изъ нихъ стояли зажженныя масляныя свѣчи, фарфоровыя чашки съ рисомъ, пшеницей и просомъ, искусственные цвѣты, курящіяся бумажки и бронзовыя чашки съ святою водою. Вдоль стѣнъ стояли шкапы съ стеклянными дверцами, набитые тысячами маленькихъ „бурхановъ“ (идоловъ). Они представляли безконечное разнообразіе типовъ и должны были изображать канонизированныхъ святыхъ или сверхъестественныя существа. По объясненію Хинуева, эти бурханы въ буддистскомъ храмѣ играютъ ту же роль, какую играютъ образа въ русскомъ, но, по внѣшности нѣкоторыхъ изъ нихъ можно думать, что „бурханъ“ можетъ быть изображеніемъ не только добраго, но и злого духа, вообще—сверхъестественнаго существа. Въ одномъ углу „кумирни“ (комнаты, въ которой помѣщались бурханы) стояло молитвенное колесо, состоящее изъ полнаго цилиндра, вращающагося на оси. Въ него вѣрующіе кладутъ свои молитвы и заклинанія.—При насъ, впрочемъ, колесо это въ ходъ не пускали.

Изъ кумирни мы поднялися на верхній этажъ, гдѣ нашли новыхъ бурхановъ и коллекцію священныхъ книгъ. Если бы мнѣ не сказали раньше, я не принялъ бы ихъ за книги. Это были прямоугольные листы тонкой китайской бумаги, 14 фут. длины и 4 ширины, сложенные между деревянными или картонными пластинками

и перевязанныя разноцвѣтными лентами. Печать была только на одной сторонѣ листовъ. На иныхъ листахъ были попытки иллюстрацій и виньетокъ, попытки, надо признаться, мало удачныя.

Осмотрѣвъ главный храмъ, мы перешли въ близлежащую часовню, въ которой помѣщался одинъ изъ главныхъ бурхановъ—Майдера—колоссальная человѣческая фигура, въ сидячемъ положеніи, искусно вырѣзанная изъ дерева, раскрашенная и позолоченная. Она имѣла футовъ 35 въ вышину и стояла въ центрѣ часовни, окруженная хоругвями, флагами и фонарями. Передъ этимъ идоломъ тоже стояли всевозможныя приношенія и курились фиміамы. Затѣмъ мы перешли въ третье зданіе, заключавшее въ себѣ священнаго бѣлаго слона. Я до сихъ поръ всегда ассоціировалъ поклоненіе бѣлому слону съ Сіамомъ и потому не мало удивился, очутившись здѣсь передъ этой святыней. Слонъ Гусинаго озера былъ искусно вырѣзанъ изъ дерева какимъ то трудолюбивымъ ламой, окрашенъ въ бѣлый цвѣтъ и поставленъ на четыре низкія колеса. Онъ былъ нѣсколько меньше настоящаго слона, и его клыки были придѣланы подъ угломъ, который удивилъ бы натуралиста, но все же сходства было болѣе, чѣмъ достаточно. Бѣлый слонъ играетъ не послѣднюю роль среди здѣшнихъ святынь. Такъ, въ великій годовой ламаистскій праздникъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, его впрягаютъ въ роскошный ковчегъ, въ которомъ помѣщается одинъ изъ важнѣйшихъ бурхановъ и торжественно провозятъ вокругъ храма при адскомъ шумѣ всѣхъ музыкальныхъ инструментовъ и въ сопровожденіи нѣсколькихъ сотенъ парадно разодѣтыхъ ламъ.

Пока мы осматривали бѣлаго слона, для насъ приготовлялось другое интересное зрѣлище: священный „танецъ бурхановъ“. Этимъ мы были обязаны дипломатіи Хинуева. Танецъ долженъ былъ происходить на площадкѣ передъ „дацаномъ“, гдѣ были приготовлены мѣста для музыкантовъ, для Шеретуя и для насъ. Когда всѣ заняли свои мѣста, по данному сигналу на площадку вбѣжали 12—15 самыхъ дикихъ по виду фигуръ и, подъ аккомпанементъ цимбалъ и трубъ, начали ритмическій, медленный танецъ. 4—5 изъ танцоровъ имѣли на лицахъ маски, изображавшія скалящихъ зубы монгольскихъ демоновъ; двое—человѣческіе черепа; одинъ—рогатую голову сибирскаго оленя; другой—быка, а нѣсколько человѣкъ,—безъ масокъ,—изображали добрыхъ духовъ. Эти послѣдніе были въ высокихъ вышитыхъ шапкахъ, съ какими то золочеными украшеніями, въ видѣ сердца, на верху и съ обнаженными кинжалами въ рукахъ. Танецъ долженъ былъ изображать, повидимому, борьбу злыхъ духовъ съ добрыми и побѣду послѣднихъ, но, впрочемъ, я никакъ не могъ добиться толку отъ Хинуева, практическій

умъ котораго не былъ склоненъ къ символизму. Танцоры были одѣты чрезвычайно роскошно. Въ ихъ костюмахъ,—крайне сложныхъ,—преобладали яркіе цвѣта, золото и серебро. Они были увѣшаны маленькими колокольчиками и трещетками, которые сопровождали звономъ движенія танцующихъ. Представленіе продолжалось минутъ 15, и послѣдними удалились со сцены фигуры съ обнаженными кинжалами—добрые духи.

Когда мы вернулись въ домъ Великаго Ламы, насъ ждалъ уже обильный обѣдъ съ мадерой для насъ, посланниковъ Великой Американской Республики, и съ водкой—для Хинуева. Послѣ обѣда мы довольно долго бесѣдовали съ Великимъ Ламой о нашей странѣ, о географіи, и, главнымъ образомъ, о формѣ земли. Трудно, казалось бы, встрѣтить въ XIX вѣкѣ „образованнаго" человѣка, занимающаго важный постъ, который никогда не слыхалъ бы объ Америкѣ и не былъ бы убѣжденъ въ шарообразности земли. Но Великій Лама былъ такимъ человѣкомъ.

— Вы были во многихъ странахъ—сказалъ онъ мнѣ черезъ переводчика—и бесѣдовали съ мудрыми людьми Запада; каково ваше мнѣніе о формѣ земли?

— Я думаю,—отвѣчалъ я,—что земля похожа на большой шаръ.

— Слышалъ я это отъ русскихъ чиновниковъ,—сказалъ Лама, задумчиво глядя въ пространство,—но такой взглядъ противорѣчитъ ученію нашихъ старыхъ тибетскихъ книгъ, хотя и я замѣтилъ, что русскіе ученые люди правильно предсказываютъ затменія.... Но почему вы думаете, что земля кругла?

— По многимъ причинамъ—отвѣчалъ я.—Но можетъ быть самое сильное основаніе у меня то, что я объѣхалъ вокругъ ея.

— Какъ?!—изумился Лама.—Что вы понимаете подъ этимъ? И почемъ же вы знаете, что вы объѣхали вокругъ земли?

— Потому что я ѣхалъ изъ дому все въ одномъ направленіи, по солнцу, и черезъ много мѣсяцевъ вернулся домой. Я переѣзжалъ море и земли. Каждую ночь солнце заходило передо мной и каждое утро оно всходило за мною. Земля постоянно казалась мнѣ плоскою, но я нигдѣ не нашелъ ея начала и конца и, въ концѣ концовъ, проѣхавъ больше 30.000 верстъ, я снова очутился въ моей странѣ и пріѣхалъ домой со стороны, противоположной той, откуда я поѣхалъ. Если бы земля была плоская, я не могъ бы сдѣлать этого.

— Это странно—сказалъ Лама послѣ нѣсколькихъ минутъ раздумья.—Гдѣ ваша страна? Далеко она отъ Петербурга?

— Она дальше отъ Петербурга, чѣмъ Петербургъ отсюда. Она лежитъ почти подъ нашими ногами. И если бы можно было пройти

насквозь земной шаръ, то это была бы самая короткая дорога въ мою страну.

— Значитъ, ваши соотечественники ходятъ внизъ головами подъ нашими ногами?—сказалъ Лама съ очевиднымъ изумленіемъ, но все съ тѣмъ же безстрастнымъ лицомъ.

— Да—отвѣчалъ я.—И имъ кажется, что мы здѣсь ходимъ внизъ головами.

Затѣмъ Великій Лама попросилъ меня подробно описать дорогу изъ Америки въ Сибирь и названія странъ, черезъ которыя мы проѣхали. Онъ зналъ, что на Западѣ Россіи лежитъ Германія; онъ слышалъ объ Индіи и Англіи,—вѣроятно, черезъ Тибетъ—и имѣлъ смутное представленіе о Тихомъ Океанѣ. Но объ Атлантическомъ океанѣ и объ Американскомъ материкѣ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія.—Послѣ длинной бесѣды, въ которой мы разсмотрѣли вопросъ о шарообразности земли со всѣхъ точекъ зрѣнія, Великій Лама, кажется, хотя отчасти убѣдился въ истинности этого ученія и сказалъ со вздохомъ: „Это противорѣчитъ нашимъ книгамъ; но, должно быть, русскіе ученые правы“.

Замѣчательно, что докторъ Эрманъ, единственный иностранецъ, посѣтившій до насъ „Дацанъ“ Гусинаго озера, имѣлъ почти буквально такой же разговоръ съ тогдашнимъ Великимъ Ламой (1828 г.) Почти 60 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и, вѣроятно, пройдетъ еще 60 лѣтъ, а ученіе о шарообразности земли будетъ также смущать умы Ламъ на Гусиномъ озерѣ.

Около 5 часовъ пополудни, обмѣнявшись фотографіями съ Великимъ Ламой и поблагодаривъ его за любезность и гостепріимство, мы оставили Гусиное озеро. Хинуевъ игралъ свою комедію до конца и съ такимъ же подобострастіемъ помогъ намъ сѣсть въ телѣгу, съ какимъ, при пріѣздѣ, помогалъ намъ выйти изъ нея. Насъ почтительно провожала большая толпа чернорясыхъ студентовъ и прислужниковъ

Русская полиція.

Нѣтъ, вѣроятно, страны въ мірѣ, гдѣ бы полиція занимала болѣе широкое мѣсто, играла болѣе важную роль и всестороннѣе отзывалась на частной жизни гражданъ, чѣмъ въ Россіи. Въ Англіи или Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ народъ — самодержавенъ, функціи полиціи опредѣлены строго и ясно; ея дѣло — предупреждать и открывать преступленія, и поддерживать порядокъ въ публичныхъ мѣстахъ. Въ Россіи же, гдѣ народъ относится къ своему правительству, какъ опекаемое дитя, положеніе полиціи совершенно иное. Теорія, которой придерживается русское правительство въ отношеніяхъ къ своимъ подданнымъ такова: они не только неспособны вести дѣло своей страны, своего округа, но даже свое домашнее хозяйство; съ того мгновенія, когда русскій гражданинъ оставляетъ свою колыбель, до того, когда его уносятъ въ могилу, въ теченіе всей его жизненной карьеры, его никогда, ни на минуту нельзя предоставить самому себѣ, его всегда должно вести на помочахъ направлять, удерживать, толкать, указывать правильный и спасительный для него путь. Естественнымъ послѣдствіемъ этой патріархальной теоріи является средоточіе власти въ рукахъ бюрократической олигархіи и безграничное расширеніе полицейской власти. Дѣла, предоставляемыя во всѣхъ странахъ личности или мелкимъ группамъ личностей, въ Россіи регулируются министромъ черезъ посредство императорской полиціи. Такъ, если вы желаете издавать газету, вы должны получить разрѣшеніе отъ министра *), если вы хотите открыть воскресную школу, въ заброшенномъ-ли уголкѣ Петербурга, въ родной-ли деревушкѣ, въ Камчаткѣ, — вы должны получить раз-

*) Иннокентій Кузнецовъ, богатый золотопромышленникъ въ Красноярскѣ цѣлые годы добивался разрѣшенія издавать еженедѣльную газету и не добился ничего, несмотря на то, что во всей Сибири выходятъ всего

рѣшеніе отъ министра *); если вы хотите устроить концертъ или выставку картинъ съ какою нибудь благотворительной цѣлью, вы должны получить разрѣшеніе отъ мѣстнаго представителя министра, представивъ ему для одобренія программу, и сборъ передать ему же въ руки, хотя бы вы опасались, — не безъ основанія часто, — что онъ не дойдетъ по назначенію **). Если хотите быть разносчикомъ газетъ, вы должны быть записаны въ книгу и повѣсить на шею мѣдную бляху, съ блюдо величиною, свидѣтельствующую ваше право на это занятіе. Если вы хотите открыть лавку, типографію, фотографію, вы должны имѣть разрѣшеніе. Если вы хотите познакомиться въ публичной библіотекѣ съ „Геологіей“ Лайеля или „Соціальной статикой“ Спенсера, вы должны получить спеціальное разрѣшеніе. Докторъ, прежде чѣмъ практиковать, долженъ имѣть разрѣшеніе, такъ же, какъ онъ долженъ имѣть его, чтобы не практиковать — имѣть право не итти на зовъ больного. Чтобы прописывать больнымъ „сильнодѣйствующія“ средства, вы должны имѣть спеціальное разрѣшеніе, безъ котораго аптекаря не имѣютъ

четыре газеты, изъ которыхъ одна недавно была пріостановлена на 8 мѣсяцевъ. Жители Нерчинска, съ 1886 г. искавшіе такого же разрѣшенія, также встрѣчали постоянный отказъ, хотя имѣли и средства и литературныя силы. Издатель „Сибирской Газеты“ въ Томскѣ говорилъ мнѣ, что министръ уже три раза отказалъ ему въ разрѣшеніи выпускать три раза въ недѣлю, вмѣсто одного раза, — почему — неизвѣстно.

*) Многія изъ ссыльныхъ женщинъ, которыхъ я видѣлъ въ Сибири, имѣли свои первыя столкновенія съ полиціей на этой почвѣ: онѣ открывали безъ разрѣшенія воскресныя школы, или у себя на дому учили крестьянскихъ дѣтей. Поучительную иллюстрацію отношенія русскаго правительства къ людямъ, принимающимъ близко къ сердцу дѣло народнаго образованія можно найти въ „Отечественныхъ Запискахъ“, февраль 1881 г., стр. 145. — *Кеннанъ.*

**) Циркуляръ на этотъ счетъ былъ выпущенъ въ 1882 году. Въ этомъ циркулярѣ разрѣшаются благотворительные спектакли и увеселенія только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы продажа билетовъ производилась полицейскимъ агентомъ или подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ, и чтобы сборъ передавался ему же. Мотивировалось это распоряженіе тѣмъ обстоятельствомъ, что иначе злонамѣренные люди могутъ устраивать вечера и проч., якобы съ благотворительной цѣлью, но въ сущности имѣя въ виду помощь революціонерамъ и ссыльнымъ.

Ничто въ Россіи не кажется слишкомъ мелкимъ для государственнаго контроля. Въ бытность мою въ Сибири, любители въ Красноярскѣ затѣяли основать маленькое музыкальное общество. И что же? Имъ пришлось представлять свой уставъ и программу для одобренія министра. Даже ученыя общества, какъ, напр., Императорскія географическія общества Иркутска и Омска, подвержены этому надоѣдливому и тягостному контролю. Напр., они могутъ избирать предсѣдателя, но этотъ выборъ долженъ быть одобренъ министерствомъ; они могутъ печатать отчеты и „записки“, но представивъ ихъ предварительно на одобреніе цензуры и т. д.— *Кеннанъ.*

права выдавать ихъ по вашему рецепту. Если вы хотите отойти на 16 миль отъ вашего дома, вы должны имѣть на это разрѣшеніе. Если вы иностранецъ, вы должны получить разрѣшеніе на въѣздъ въ имперію, разрѣшеніе на выѣздъ изъ нея, разрѣшеніе оставаться въ ней болѣе шести мѣсяцевъ... Однимъ словомъ, вы не можете ни жить, ни передвигаться, ни дышать безъ разрѣшенія русской полиціи.

Полиція, съ министромъ внутреннихъ дѣлъ во главѣ, контролируетъ, при помощи паспортовъ, передвиженія всѣхъ обывателей; держитъ подъ постояннымъ надзоромъ тысячи „подозрительныхъ"; продаетъ невыкупленные заклады; предаетъ суду банкротовъ; выдаетъ свидѣтельства о поведеніи; наблюдаетъ за исправленіемъ дорогъ и мостовъ, за театральными и другими представленіями; собираетъ статистическія данныя; блюдетъ за исполненіемъ санитарныхъ распоряженій; производитъ обыски въ частныхъ домахъ; читаетъ письма подозрительныхъ лицъ; „увѣщеваетъ" уклоняющихся отъ исполненія религіозныхъ обязанностей, и, вообще, слѣдитъ за надлежащимъ исполненіемъ многихъ тысячъ разнообразныхъ постановленій и узаконеній, имѣющихъ въ виду благосостояніе подданыхъ и безопасность государства. Законодательство, относящееся къ полиціи, занимаетъ собою болѣе 5,000 параграфовъ Свода Законовъ, и едва-ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что въ провинціяхъ и деревняхъ, вдали отъ центровъ, полиція есть всемогущій и всепроникающій регуляторъ жизни россійскихъ гражданъ — нѣчто въ родѣ бюрократическаго замѣстителя божественнаго провидѣнія.

Чтобы яснѣе представить читателю характеръ и безконечное разнообразіе отношеній, регулируемыхъ въ Россіи полиціею, я приведу здѣсь, наугадъ, нѣкоторыя изъ распоряженій, перечисленныхъ въ циркулярахъ губернаторамъ министра внутреннихъ дѣлъ 1880—1884 годовъ. Вотъ что, между прочимъ, возлагалось ими на императорскую полицію:

1. Наблюдать за религіознымъ воспитаніемъ въ свѣтскихъ школахъ.
2. Предупреждать случаи конокрадства.
3. Разрѣшать на сценѣ такія-то и такія драмы.
4. Не допускать продажи пилюль Шиманскаго.
5. Не дозволять крестьянамъ портить молодыя березы для украшенія церквей и частныхъ домовъ по праздничнымъ днямъ.
6. Проставлять примѣты на еврейскихъ паспортахъ.
7. Выработать условія пользованія минеральными водами больными и ранеными офицерами.
8. Запрещать продажу зерна на мѣру, а не на вѣсъ.

9. Выработать правила касательно ношенія бѣлыхъ чехловъ на офицерскихъ фуражкахъ.

10. Слѣдить, чтобы устраивали сборы въ пользу святыхъ мѣстъ, только тѣ, кто имѣетъ на это разрѣшеніе.

11. Контролировать подписи на книжкахъ папиросной бумаги.

12. Слѣдить за тѣмъ, чтобы на земскихъ или думскихъ собраніяхъ ораторы не позволяли себѣ выходить изъ предѣловъ, имъ отведенныхъ.

13. Не допускать эмиграціи сектантовъ въ Закавказье.

14. Слѣдить за надлежащимъ способомъ постройки домовъ въ деревняхъ.

15. Не допускать употребленія въ школахъ книгъ и школьныхъ пособій, не одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и церковною властью.

16. Наблюдать, чтобы разрѣшенія театральныхъ и другихъ представленій выдавались въ установленномъ порядкѣ.

17. Не допускать въ продажу хининъ дурного качества.

18. Регулировать цензуру печатныхъ визитныхъ карточекъ, прейскурантовъ, пригласительныхъ билетовъ и т. п.

Вотъ немногіе, наугадъ взятые изъ безчисленнаго множества предписаній, циркуляровъ и распоряженій, касающихся юрисдикціи русско-императорской полиціи. Далеко не всѣ они, конечно, исполняются, ибо это выше силъ какого бы то ни было учрежденія. Но, исполняемые или неисполняемые, они стоятъ непреодолимою и вездѣсущею преградою личной самодѣятельности и въ корнѣ подрываютъ всякую иниціативу.

Американцу трудно понять, даже представить себѣ подобныя отношенія между народомъ и его правительствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, попробуйте вообразить, что нью-іоркскій губернаторъ циркулярно обязываетъ всѣхъ гражданъ его штата представлять ему для цензуры ихъ личныя печати, ихъ визитныя карточки, а въ Россіи это никому не кажется страннымъ, и часто можно наблюдать еще болѣе невѣроятныя вещи, чѣмъ контроль власти надъ продажею зубныхъ щетокъ и порошка противъ клоповъ. Передо мной лежитъ рапортъ полицейскаго пристава, написанный на форменномъ бланкѣ, въ которомъ онъ докладываетъ по начальству, что онъ, согласно предписанію отъ такого то числа, являлся къ такимъ то и такимъ то лицамъ и „увѣщавалъ“ ихъ не уклоняться отъ обязанности причащенія, подъ опасеніемъ подвергнуться полицейскому взысканію. Употребленіе полицейской власти, какъ средства принуждать нерадивыхъ исполнять ихъ религіозныя обязанности; отправка вооруженнаго чиновника съ порученіемъ притащить лукаваго христіанина къ

алтарю и заставить его ѣсть и пить символъ тѣла и крови Христовой! — Это что-то невиданное, смѣю думать, нигдѣ, кромѣ Россіи, съ тѣхъ поръ какъ міръ пережилъ мрачную эпоху варварства и инквизиціи.

Здѣсь я хочу набросать читателю организацію этого учрежденія, на которое въ Россіи возлагаются, между прочимъ, такія необыкновенныя обязанности, и привести нѣсколько иллюстрацій, показывающихъ, какъ оно ихъ исполняетъ.

Русскую полицію можно раздѣлить на 4 отдѣла: сельскую, въ которую входятъ урядники, назначаемые правительствомъ, и сотскіе и десятскіе, избираемые міромъ; обыкновенную городскую, обязанности которой совпадаютъ съ обязанностями нашей муниципальной; секретную и жандармерію. Эта классификація не вполнѣ точна: — есть нѣсколько родовъ жандармовъ, тайная полиція тоже подраздѣляется на нѣсколько подъ-отдѣловъ, но для моей цѣли достаточна.

Тайная полиція и жандармскій корпусъ были до недавняго времени въ вѣдѣніи „Третьяго Отдѣленія“ Императорской Канцеляріи и составляли совершенно независимый Департаментъ Государственной Полиціи, занятый исключительно политическими преступленіями. Послѣ уничтоженія Третьяго Отдѣленія онъ былъ, наравнѣ съ прочими родами Полиціи, подчиненъ министру внутреннихъ дѣлъ. Чрезвычайно трудно опредѣлить съ точностью численный составъ русской полиціи. По даннымъ „Голоса“ въ 1882 г., полиція обошлась государству въ 12,000,000 руб. Если положить среднюю величину жалованья на человѣка въ 300 руб., то численный составъ опредѣлится въ 400,000 чел., но надо думать, что въ дѣйствительности онъ гораздо значительнѣе. Опредѣлить численность сельской полиціи, неоплачиваемой государствомъ, еще труднѣе. 1-го мая 1886 года „Правительственный Вѣстникъ“ опубликовалъ списокъ городовъ, селъ и деревень въ Европейской Россіи, гдѣ производится розничная продажа питей. Такихъ мѣстностей оказалось 268,928. Но въ каждой изъ нихъ надо предположить по меньшей мѣрѣ 2-хъ полицейскихъ; значитъ, число ихъ болѣе полумилліона. Урядниковъ считаться болѣе 5—6,000. Они распредѣлены по „станамъ“, находящимся въ вѣдѣніи „становыхъ приставовъ“ (въ Сибири — засѣдателей); нѣсколько становъ приходится на каждаго исправника; нѣсколько исправниковъ — на губернатора. Урядники имѣютъ присвоенный имъ мундиръ и вооруженіе. Жалованье имъ полагается крайне жалкое—отъ 50—100 долларовъ въ годъ. Находить при такихъ условіяхъ честныхъ и способныхъ людей для этой должности очень трудно, если не невозможно; идутъ сюда худшіе

элементы, отбросъ населенія; большинство ихъ—люди невѣжественные и неспособные; меньшинство — пользуется своимъ умомъ для вымогательства и взятокъ, опираясь на безконечное разнообразіе неисполнимыхъ министерскихъ циркуляровъ и распоряженій. Напримѣръ: министръ, одушевленный самыми благими намѣреніями, издаетъ циркуляръ, по которому, во избѣжаніе частыхъ пожаровъ въ лѣтнюю пору, крестьяне должны обмазывать соломенныя крыши своихъ избъ слоемъ жидкой глины. Становой, на обязанности котораго лежитъ оповѣстить свой станъ о новомъ распоряженіи, нарочно ждетъ самой горячей поры лѣтней страды, когда каждый часъ дорогъ крестьянину, и тогда созываетъ сходъ, читаетъ циркуляръ и настаиваетъ на его немедленномъ исполненіи. Крестьяне въ отчаяніи. Они не могутъ терять нѣсколькихъ дней и, наученные горькимъ опытомъ, спрашиваютъ станового: „сколько?“ Становой ломается, указываетъ на опасность, которой онъ подвергается, если не исполнитъ распоряженія начальства; его могутъ уволить со службы; у него семья; но онъ понимаетъ и ихъ положеніе — копать въ такую пору глину! — и готовъ пожертвовать своими интересами; пусть несутъ по 20 коп. съ души, и онъ возьметъ грѣхъ на себя. Крестьяне развязываютъ свои мошны, а остроумный становой начинаетъ выискивать еще какой нибудь завалявшійся циркуляръ, который могъ бы оказать ему такую-же услугу.

Но это не худшая форма, которую принимаетъ полицейское вымогательство. Вотъ случай, имѣвшій мѣсто въ Сибири, почти на нашихъ глазахъ. Нѣсколько крестьянъ одной деревни Минусинскаго округа, согласились нанять барку, сплавить на ней по Енисею запасъ пшеницы въ нѣсколько тысячъ бушелей и продать ихъ въ сѣверной части провинціи непосредственно потребителямъ, минуя скупщиковъ и кулаковъ. Предпріятіе полезное, выгодное для всѣхъ, но оно въ самомъ началѣ наткнулось на препятствіе со стороны полиціи. Мѣстный кулакъ, услыхавъ о крестьянской затѣѣ, такъ дерзко нарушавшей его „права“, поспѣшилъ къ засѣдателю и разсказалъ ему подробно о дѣлѣ. „Ну-съ, дорогой Иванъ Николаевичъ, — закончилъ онъ, — этого дѣла нельзя такъ оставить; вѣдь тутъ намъ можетъ перепасть кое-что....“

— Какимъ образомъ? — спросилъ заинтересованный засѣдатель.

Да очень просто. Вѣдь, эти ребята не могутъ безъ паспорта отлучаться изъ дому больше, чѣмъ на 38 верстъ. Предположимъ теперь, что по тѣмъ или другимъ основаніямъ — ихъ то не долго найти такому умному человѣку, какъ вы, — ну, хоть, бланки у васъ вышли, что ли, — вы не можете выдать имъ паспорта. Побьются,

побьются ребята и продадутъ хлѣбъ мнѣ; я его сплавлю самъ и ужъ не позабуду и васъ".

Сказано, сдѣлано. Когда крестьяне явились къ засѣдателю за паспортами, тотъ началъ тянуть дѣло, откладывать выдачу ихъ со дня на день, подъ тѣми или другими предлогами, пока, наконецъ, крестьяне, отчаявшись, не продали свой хлѣбъ кулаку за безцѣнокъ. Пострадали не только производитель и потребитель; пострадала — и это болѣе важно — личная инициатива и предпріимчивость, эти главные двигатели благосостоянія и прогресса. Къ чему заботиться искать новыхъ путей, лучшаго? — должны были сказать себѣ крестьяне послѣ этого опыта — все равно не вырвешься изъ лапъ міроѣда *), за котораго горой стоитъ начальство". И такія дѣла въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, постоянно происходятъ по всему государству, особенно же въ Сибири, гдѣ полиція еще менѣе контролируется, чѣмъ въ Европейской Россіи, и гдѣ ея личный составъ еще ниже. Красинъ, тюменскій исправникъ, такъ любезно принимавшій насъ въ своемъ городѣ, былъ потомъ арестованъ по обвиненію въ вымогательствѣ, осужденъ и сосланъ въ Восточную Сибирь, какъ поселенецъ. Крестьяне, вызванные въ качествѣ свидѣтелей, говорили на судѣ: „Всякій беретъ съ насъ, кто только можетъ — писарь, засѣдатель, исправникъ; мы привыкли къ этому и не жалуемся. Мы и теперь молчали бы, если бы насъ не спросило начальство". Это свидѣтельство чрезвычайно характерно для русскаго крестьянина, для того сознанія безпомощности, которое онъ ощущаетъ подъ игомъ русскаго бюрократизма. Онъ привыкъ къ угнетенію: онъ привыкъ къ вымогательству; всегда такъ было; это наказанье божье, отъ котораго нѣтъ спасенія. Никто не знаетъ, сколько денегъ вымогаютъ у крестьянъ эти разбойники въ полицейскихъ мундирахъ, но, надо думать, очень и очень много. Исправникъ К—бергъ въ Енисейскѣ хвастался, что онъ ежегодно получаетъ съ крестьянъ своего округа до 20,000 рублей.

Путешествуя по Сибири, я случайно встрѣтился возлѣ Иркутска съ однимъ волостнымъ писаремъ,—назову его Ивановымъ. Когда мы познакомились и разговоръ зашелъ о сибирскомъ взяточничествѣ, Ивановъ сказалъ: М-ръ Кеннанъ, я беру взятки, я прекрасно знаю, что это безчестно, но что мнѣ прикажете дѣлать? Я получаю ничтожное жалованье. Мой непосредственный начальникъ, засѣдатель, беретъ взятки; его начальникъ, исправникъ, беретъ взятки; губер-

*) „Міроѣдами", „кулаками", „кровопійцами" и проч. — называютъ крестьяне эксплоататоровъ деревни, которые создаютъ свое богатство на нищетѣ и задолженности односельчанъ. — *Кеннанъ.*

наторъ тоже беретъ ихъ. Если бы я вздумалъ не брать ихъ, меня тотчасъ же арестовали бы, какъ переодѣтаго революціонера, или прогнали бы съ должности за то, что я хочу быть честнѣе и лучше, чѣмъ „сами его превосходительство“ *).

Нѣкоторые изъ способовъ, къ которымъ прибѣгаютъ представители сельской полиціи для вымогательствъ отъ крестьянъ, крайне остроумны и оригинальны. Незадолго до нашего проѣзда черезъ Тюмень, мѣстный засѣдатель получилъ увѣдомленіе, что въ сосѣдней деревнѣ, за околицей, найдено „мертвое тѣло“. Обязанность засѣдателя въ такихъ случаяхъ, совмѣстно съ докторомъ,—произвести слѣдствіе и въ сельской „мертвецкой“ вскрыть трупъ. Въ данную минуту докторъ былъ въ отсутствіи, и засѣдатель отправился одинъ, оставивъ доктору записку. Пріѣхавъ на мѣсто и произведя первоначальное слѣдствіе, онъ приказалъ везти тѣло въ деревню. Онъ зналъ, что въ ней нѣтъ мертвецкой, и уже успѣлъ скомбинировать блестящій планъ. Онъ подвезъ тѣло къ дому богатаго крестьянина, у котораго готовились къ свадьбѣ дочери, и распорядился, чтобы, за отсутствіемъ мертвецкой, разлагавшійся трупъ, до пріѣзда доктора, положили у него въ избѣ. Вы можете легко представить себѣ ужасъ крестьянина. Онъ началъ протестовать, просить, умолять, указывая на дочь, на приготовленія къ свадьбѣ... но засѣдатель былъ неумолимъ. Ему очень жаль, — но онъ только исполняетъ свой долгъ; дѣло это очень важное; найденное тѣло носитъ на себѣ слѣды насильственной смерти; необходимо самое тщательное вскрытіе, и т. д. Крестьянинъ въ отчаяніи; онъ усиливаетъ свои мольбы, намекаетъ, что онъ не пожалѣлъ бы денегъ, чтобы только избавить свою дочь и дѣтей отъ такого ужаснаго зрѣлища.... При этомъ намекѣ засѣдатель перемѣняетъ тонъ: онъ понимаетъ, какъ тяжело должно быть—имѣть въ своемъ домѣ мертвеца, особенно въ день свадьбы; у него—свои обязанности, но вѣдь и онъ—человѣкъ; онъ готовъ, пожалуй, пойти на рискъ и избавить крестьянина отъ этого „постоя“, если его хорошо „поблагодарятъ“, и пр. Осталось только установить величину „благодарности“. Поторговавшись, засѣдатель получилъ, кажется, 30 руб., и приказалъ везти мертвое тѣло къ избѣ другого состоятельнаго мужика. Здѣсь та же комедія и тѣ

---

*) Послѣ фіаско перваго революціоннаго порыва, извѣстнаго подъ названіемъ „хожденія въ народъ“, многіе благородные представители русской интеллигентной молодежи старались занимать въ деревняхъ должности писарей, съ цѣлью помогать народу, научая его признаннымъ закономъ правамъ и защищая его отъ эксплуататоровъ. Ихъ скоро арестовывали, заключая объ ихъ революціонности по тому, что они не пьянствовали и не брали взятокъ.— *Кеннанъ.*

же результаты, въ видѣ 15—20 руб. Ободренный успѣхомъ, засѣдатель объѣхалъ со своей драгоцѣнностью всѣ мало-мальски состоятельные дома деревни, вездѣ получалъ по нѣскольку рублей отступного и затѣмъ оставилъ трупъ въ какомъ то пустомъ амбарѣ, куда онъ съ такимъ же удобствомъ могъ бы положить его съ самаго начала.

Бесѣдуя съ сибирскими крестьянами въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ, я узналъ, что этотъ случай—далеко не единственный въ своемъ родѣ. Разъ такое же мертвое тѣло — и съ такимъ же успѣхомъ—совершило объѣздъ трехъ деревень. Мертвое тѣло въ сибирскихъ деревняхъ, при той массѣ бродягъ, которые тамъ постоянно проходятъ,—явленіе самое обыкновенное, и крестьяне, найдя такое тѣло, стараются скрыть свою находку, не донося о ней начальству. Зная, во что имъ обыкновенно обходится слѣдствіе, они или зарываютъ найденный трупъ тайкомъ, или относятъ его ночью къ околицѣ какой-нибудь другой деревни.—„Восточное Обозрѣніе“ (№ 38, 12) сообщаетъ одинъ случай, когда мертвое тѣло было оставлено въ тюремной камерѣ вмѣстѣ съ живыми арестантами, до тѣхъ поръ, пока они не заплатили извѣстнаго выкупа.

Не всѣ способы, къ которымъ прибѣгаютъ полицейскіе чиновники для полученія взятокъ, такъ возмутительны, но многіе изъ нихъ не менѣе оригинальны. Я знаю одинъ случай, когда становой приставъ приказалъ созвать къ себѣ на становую квартиру всѣхъ крестьянъ одной деревни по крайне важному дѣлу къ 2-мъ часамъ дня. Крестьяне явились и нашли станового сидящимъ въ полной формѣ за столомъ, на которомъ лежало нѣсколько громадныхъ томовъ „Свода Законовъ“. Оказалось, что онъ получилъ предписаніе ознакомить крестьянъ ввѣреннаго ему округа съ законами Россійской имперіи и тотчасъ же намѣренъ приняться за его исполненіе. Онъ развернулъ одинъ изъ томовъ и началъ читать несчастнымъ жертвамъ непонятные параграфы, одинъ за другимъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ онъ распустилъ собраніе и приказалъ завтра явиться снова для продолженія чтенія. Конечно, въ тотъ же вечеръ къ нему явилась депутація, чтобы узнать, сколько надо заплатить, чтобы избавиться отъ „законовъ“. За 20 коп. съ души крестьяне получили дипломы „законниковъ“.

Между разнообразными натуральными повинностями сибирскихъ крестьянъ, самая тяжелая—дорожная повинность — является по всей Сибири могущественнымъ средствомъ вымогательства для сельской полиціи. Исправникъ, вмѣсто того, чтобы позволить жителямъ деревни А исправлять дорогу по сосѣдству, отправляетъ ихъ за 50—100 верстъ къ деревнѣ Б, а крестьянъ деревни Б отсылаетъ къ А.

Если и такая остроумная комбинація не развязываетъ крестьянскую мошну, то у исправника имѣются и другія средства. Онъ не распускаетъ рабочихъ по домамъ, пока не осмотритъ работъ и держитъ иногда по недѣлямъ сотни людей подъ открытымъ небомъ и въ праздности, когда дома ихъ ждутъ неотложныя работы. И все это дѣлается подъ покровомъ закона, и крестьянамъ не остается иного выбора, какъ подчиняться или платить.

Не мало любопытныхъ исторій слышали мы и о томъ невѣжествѣ, которое проявляетъ сельская полиція въ дѣлахъ политическаго характера. 4-5 лѣтъ тому назадъ, тотчасъ послѣ убійства революціонерами жандармскаго офицера Судейкина, фотографіи Дегаева, убійцы, были разосланы во всѣ полицейскіе участки имперіи. На оборотной сторонѣ ихъ было напечатано обѣщаніе 10.000 руб. вознагражденія тому, кто укажетъ убійцу, а на лицевой—6 портретовъ Дегаева: въ шапкѣ и безъ шапки, въ бородѣ и безъ бороды, въ усахъ и безъ усовъ. Одинъ невѣжественный и вѣчно пьяный полицейскій чиновникъ въ Западной Сибири, прельщенный наградой, арестовалъ четырехъ жалкихъ бродягъ, имѣвшихъ несчастіе отчасти походить на присланныя ему фотографіи, и посадилъ ихъ въ тюрьму. Совершивъ этотъ подвигъ, онъ всюду хвалился, что „4-хъ изъ этихъ проклятыхъ Дегаевыхъ“ онъ изловилъ, и будетъ держать ихъ пока не поймаетъ „двухъ остальныхъ, чтобы представить начальству сразу всѣхъ и тогда уже навѣрное получитъ не только 10.000 рублей, но и орденъ.

Другой полицейскій задержалъ члена Императорскаго Географическаго общества, который предпринялъ орнитологическую экскурсію въ его „царство“. Несчастный натуралистъ имѣлъ привычку заносить въ свою записную книгу названія птицъ, которыхъ ему удавалось изловить. Проницательный полицейскій, прочитавъ въ этой книжкѣ такія записи, какъ: „іюня 13-го убилъ прекраснаго королевскаго бекаса; іюня 17-го—сегодня застрѣлилъ Silvia hortensis“, сейчасъ же сообразилъ, что передъ нимъ самый отчаянный террористъ, а его книжка — воспоминанія о совершенныхъ имъ убійствахъ, въ которыхъ подъ „королевскимъ бекасомъ“—надо подразумѣвать августѣйшую особу. Натуралиста тотчасъ же, подъ строжайшимъ конвоемъ, отправили въ губернскій городъ.

Мало кто изъ иностранныхъ путешественниковъ, долгое время пробывшихъ въ Россіи, могъ избѣгнуть ареста сельской полиціи. Уиггинсъ, англійскій морякъ, былъ арестованъ въ Сибири и провелъ три дня въ тюрьмѣ; Мэккензи Уоллесъ былъ арестованъ, какъ шпіонъ; Лэндель, англійскій миссіонеръ, былъ арестованъ, какъ пропагандистъ; я и Фростъ были арестованы только потому, что намъ пришлось три раза пройти мимо пермской тюрьмы.

Слѣдующій за сельской полиціей по численности, но стоящій безконечно выше ея по образованію и вліянію,—есть корпусъ жандармовъ и тайной полиціи, который имѣетъ своихъ представителей вездѣ въ странѣ, но особенно въ большихъ городахъ. Мало что извѣстно публикѣ относительно ихъ организаціи, численности и способовъ дѣйствія, сверхъ того, что они подчинены министру внутреннихъ дѣлъ, и что ихъ главное дѣло — предупрежденіе и раскрытіе политическихъ преступленій. Значительная доля ихъ обязанностей состоитъ въ надзорѣ надъ лицами, подозрѣваемыми въ сочувствіи революціонному движенію и извѣстными на официальномъ языкѣ подъ именемъ „неблагонадежныхъ“. Во время восшествія на престолъ Александра III въ Европейской Россіи считалось до 3.000 поднадзорныхъ, да въ Сибири ихъ было до 2.000. Но эти цифры относятся только къ людямъ, находившимся подъ гласнымъ надзоромъ; кромѣ нихъ, въ вѣдѣніи государственной полиціи всегда находится громадная категорія людей, состоящихъ подъ тайнымъ надзоромъ.

Въ Петербургѣ я имѣлъ случай видѣть бланкъ, на которомъ полицейскій чиновникъ долженъ редижировать ежемѣсячный отчетъ касательно надзора надъ лицомъ, за которымъ ему поручено слѣдить. Онъ состоялъ изъ слѣдующаго ряда вопросовъ:

Департаментъ Государственной Полиціи.

(Бланкъ № 2).

1. Имя, отечество и фамилія лица, находящагося подъ надзоромъ.

2. Гдѣ онъ (или она) живетъ? Часть, кварталъ, улица, домъ и номеръ квартиры.

3. Какъ давно живетъ онъ тамъ и гдѣ жилъ раньше?

4. Занимаетъ ли онъ собственную квартиру или снимаетъ ее у кого либо? Въ послѣднемъ случаѣ,—кто собственникъ? Его имя, занятіе и прошлое.

5. Живетъ ли онъ одинъ или съ кѣмъ-либо? Съ кѣмъ?

6. Имѣетъ ли прислугу? Если да,—кого? Если нѣтъ, — кто убираетъ его комнату? Какіе предметы у него въ комнатѣ? Кто и гдѣ живетъ его прачка?

7. Когда и отъ кого получаетъ онъ письма, какъ простыя, такъ и денежныя?

8. Гдѣ онъ обѣдаетъ?

9. Посѣщаетъ ли онъ библіотеку? Если да, — какую? Какія книги бралъ онъ въ теченіе мѣсяца?

10. Чѣмъ онъ занимается у себя на дому?

11. Каковы его средства существованія? Если онъ даетъ уроки,—то кому? Если у него есть какое-нибудь занятіе,—то какое?

12. Гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ видѣлъ его въ первый разъ агентъ, которому поручено за нимъ наблюдать? Знаетъ ли онъ этого агента въ лицо?

13. Когда онъ уходитъ изъ дому и когда возвращается?

14. Не находится ли онъ въ близкихъ отношеніяхъ съ какою-нибудь женщиной (или она съ мужчиной)? Если да,—то съ кѣмъ? Гдѣ она живетъ? Гдѣ они встрѣчаются?

15. Кто бывалъ у него и когда (если возможно, имена и адреса посѣтителей)?

16. Не ночевалъ ли кто-нибудь у него? Кто? Когда?

17. Кто могъ бы еще засвидѣтельствовать его знакомство съ вышеназванными лицами.

18. Играетъ ли онъ въ карты?

19. Видѣли ли его пьянымъ?

[Этотъ листъ долженъ быть подписанъ агентомъ, скрѣпленъ инспекторами секретной полиціи и переданъ въ Департаментъ Государственной Полиціи].

Прочитавъ этотъ вопросный листъ, можно подумать, что начальникъ полиціи, въ рукахъ котораго скопляются подобные ежемѣсячные отчеты, могъ бы легко написать самую подробную и интимную біографію поднадзорнаго. Но и эти мѣры далеко не достигаютъ своихъ цѣлей. Подкопъ на Малой Садовой былъ вырытъ, заряженъ 2-мя пудами динамита и снабженъ батареями, проволоками и румфордовою спиралью двумя членами террористической организаціи, которые находились именно подъ такимъ надзоромъ. Они имѣли сырную лавку; эта лавка была осмотрѣна какъ разъ за три дня передъ 1-мъ марта, и подкопъ остался не открытымъ. Вообще, я думаю, что способности русской полиціи сильно преувеличиваются. Мнѣ самому, какъ и многимъ другимъ иностранцамъ, удавалось очень часто проводить ее. Мой личный опытъ подтверждается и разсказами нѣсколькихъ сотъ революціонеровъ, которые годами состязались съ полиціей въ хитрости и ловкости. Въ каждомъ большомъ городѣ имперіи всегда были десятки и сотни революціонеровъ, неизвѣстныхъ полиціи; гектографированныя и литографированныя брошюры,—между прочимъ, и мои статьи изъ „Century“,—всегда ходятъ по рукамъ; и я увѣренъ, что нѣтъ тюрьмы въ Россіи—за исключеніемъ, можетъ быть, Шлиссельбургской крѣпости, — гдѣ политическіе заключенные не вели бы постоянной переписки съ товарищами на волѣ.

Хорошо освѣдомленный петербургскій корреспондентъ „New-York Tribune“, вотъ что говорилъ недавно о русской полиціи: „Едва ли есть учрежденіе въ имперіи, умѣлость и ловкость котораго болѣе преувеличивались бы, особенно за границей. Ни одна европейская полиція ни такъ неспособна, ни такъ плохо освѣдомлена, ни такъ плохо организована, какъ русская полиція.

Къ чему же служитъ, въ концѣ концовъ, такая полиція, такая система управленія? Внимательный наблюдатель не можетъ не прійти къ заключенію, что русскій царь былъ бы гораздо болѣе спокоенъ самъ и полезенъ своей странѣ, если бы отозвалъ своего злого духа, гр. Дмитрія Толстого; распустилъ $^5/_6$ своей полиціи и допустилъ бы страну къ участію въ управленіи дѣлами. Едва ли положеніе Россіи было бы хуже.... И есть много основаній думать, что либеральная политика, настойчивая послѣдовательная, могла бы сдѣлать Россію цвѣтущею и счастливою, не лишивъ ея могущества и силы.

По Забайкалью.

Вернувшись изъ „Дацана“ къ вечеру, во вторникъ, мы въ тотъ же день, часовъ въ 11 ночи, выѣхали въ Кяхту, отстоящую отъ Селенгинска на 60 миль. Въ сущности, мы должны были бы быть въ Кяхтѣ къ утру среды, но путешественникъ по Сибири, особенно по Забайкалью, всегда долженъ ожидать какихъ-нибудь задержекъ и недоразумѣній. Верстахъ въ 6 отъ Селенгинска мы должны были остановиться передъ рѣкою, переѣздъ черезъ которую совершался не по мосту, котораго не было, а на карбасѣ. Карбасъ былъ на той сторонѣ, и мы въ теченіе по меньшей мѣрѣ часа, хоромъ и въ одиночку, кричали „кар-ба-а-а-съ!“ пока, наконецъ, не замѣтили темныхъ очертаній низкаго парома, отчаливающаго отъ того берега. Черезъ полчаса мы были на южной сторонѣ рѣки и продолжали свой путь дальше. Въ три часа утра мы должны были остановиться снова и на этотъ разъ болѣе основательно: на станціи Поворотной не было лошадей, и цѣлая куча спящихъ проѣзжающихъ занимала почти всѣ углы небольшой станціонной комнаты. Намъ не оставалось ничего другого, какъ послѣдовать ихъ примѣру; не безъ труда нашли мы свободный уголокъ возлѣ печки, между двумя китайскими торговцами и тюкомъ изюбровыхъ роговъ, и проспали нѣсколько часовъ.

Весь слѣдующій день мы ѣхали по пустынной и угрюмой странѣ, покрытой короткой пожелтѣвшей травой и соснякомъ, изрѣдка встрѣчая на пути низкіе холмы, заросшіе березой и лиственницей. Отъ времени до времени навстрѣчу намъ попадались обозы съ чаемъ изъ Китая или верховые буряты, въ своихъ блюдообразныхъ шапкахъ и длинныхъ кафтанахъ, убранныхъ на груди краснымъ сукномъ. Но вообще, дорога казалась заброшенной, и страна — пустынной, и на всемъ протяженіи 50 миль мы не видали ничего любопытнаго, кромѣ священныхъ кучъ камня на вершинахъ холмовъ,

которыя Фростъ назвалъ „бурятскими алтарями". Среди туземцевъ всей Сибири есть обычай, при перевалѣ черезъ высокіе холмы или горные хребты, приносить какую-нибудь умилостивительную жертву духамъ бури и грозы. На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири эти приношенія состоятъ обыкновенно изъ табаку, въ Забайкальѣ же буряты и монголы обыкновенно сгребаютъ на вершинѣ кучу придорожныхъ камней, втыкаютъ въ нее прутья и на нихъ вѣшаютъ клочки своего платья. Всякій благочестивый путникъ обязанъ сойти передъ такой кучей камней съ коня или съ телѣги, произнести молитву и повѣсить на одинъ изъ прутьевъ клочекъ своего кафтана или рубашки. Въ результатѣ эти своеобразные алтари представляютъ собой нѣчто въ родѣ коллекціи образчиковъ платья всевозможной формы, цвѣта и назначенія. Теоретически разсуждая, въ этомъ обычаѣ можно, пожалуй, найти слѣды практической цѣли. Туземецъ, знающій одежду своихъ пріятелей, по клочку висящему здѣсь на палкѣ, можетъ узнать, что такой-то проѣзжалъ здѣсь; онъ можетъ прослѣдить его отъ перевала до перевала. Однако, на дѣлѣ, это вовсе не такъ легко. Каждый правовѣрный бурятъ, отправляясь въ дальній путь, беретъ съ собою мѣшокъ съ тряпьемъ, которымъ и умилостивляетъ Забайкальскихъ духовъ бурь. По крайней мѣрѣ, для меня несомнѣнно, что такіе ветхіе, грязные, жалкіе клочья, какіе я видѣлъ вездѣ на этихъ алтаряхъ, не могли бы быть частями отъ одежды, которую еще носитъ самый бѣдный бурятъ.

Весь день погода была отвратительная: холодъ пронизывалъ до костей; отъ времени до времени накрапывалъ дождь или падалъ снѣгъ. Мы почти ничего не ѣли, были голодны и промерзли, и съ несказанной радостью завидѣли къ вечеру огоньки Троицкосавска.

Троицкосавскъ, Кяхта и Маймачинъ представляютъ какъ бы одинъ городъ, лежащій на русско-монгольской границѣ, въ 100 миляхъ на юго-востокъ отъ Байкала. Троицкосавскъ и Кяхта лежатъ на сѣверной пограничной чертѣ, Маймачинъ — на южной. Между ними — саженъ сто нейтральной почвы. Троицкосавскъ больше другихъ и въ административномъ отношеніи — важнѣе, но Кяхта ближе къ границѣ и болѣе извѣстна.

По совѣту одного купца, съ которымъ мы познакомились на Байкалѣ, мы рѣшили проѣхать въ Кяхту и остановиться въ домѣ Соколова, домѣ, представлявшемъ собою, какъ мы поняли, нѣчто въ родѣ отеля. Послѣ долгихъ поисковъ мы нашли, наконецъ, этотъ домъ, но онъ совсѣмъ не походилъ на гостиницу. Онъ стоялъ особнякомъ, внутри обширнаго двора, окруженнаго со всѣхъ сторонъ стѣною. Всѣ окна были темны и, несмотря на сравнительно еще не поздній часъ, ворота были уже заперты. Мы начали стучать

и кричать, и минутъ черезъ десять разбудили таки какую-то горничную, которая вначалѣ, кажется, готова была смотрѣть на насъ, какъ на бродягъ или разбойниковъ. Однако, убѣдившись, что мы— только мирные путешественники, она сообщила намъ, что здѣсь вовсе не гостиница, что г. Соколовъ принимаетъ иногда у себя гостей, — знакомыхъ или рекомендованныхъ, и что намъ лучше всего вернуться назадъ въ Троицкосавскъ и тамъ найти себѣ ночлегъ. Такъ какъ у насъ не было никакихъ рекомендательныхъ писемъ къ г. Соколову, и такъ какъ молодая женщина рѣшительно отказалась продолжать переговоры и захлопнула форточку, то намъ ничего не оставалось, какъ послѣдовать ея совѣту. Мы снова взобрались въ телѣгу и отправились назадъ въ Троицкосавскъ, гдѣ нашли пристанище въ пекарнѣ, которую содержалъ тамъ ссыльный полякъ Клемботскій. Онъ имѣлъ нѣсколько свободныхъ комнатъ и согласился принять насъ, хотя у насъ и не было никакихъ рекомендацій. Нельзя сказать, чтобы комната, которую отвели намъ, была особенно комфортабельна: голыя деревянныя стѣны, нѣсколько стульевъ, топорной работы сосновый столъ и такая же узкая кровать — вотъ все ея убранство. Но выбирать было не изъ чего. Послѣ скуднаго ужина мы улеглись спать и, конечно, добрую половину ночи провели, какъ обыкновенно, въ розыскахъ въ крайне неинтересной и слишкомъ уже знакомой намъ отрасли энтомологіи. На слѣдующій день мы наняли „долгушу“ и отправились въ Кяхту. Мы имѣли въ виду посѣтить тамъ мѣстнаго богатаго чайнаго торговца, Лушникова, котораго рекомендовали намъ въ Иркутскѣ.

Троицкосавскъ, Кяхта и Маймачинъ расположены въ узкой и мрачной долинѣ одного изъ небольшихъ притоковъ Селенги. Два параллельныхъ оголенныхъ хребта, между которыми течетъ рѣка, закрываютъ перспективу, и только къ югу, далеко за крышами и стѣнами Маймачина, виднѣются голубоватыя очертанія монгольскихъ горъ. Кяхта, на первый взглядъ, кажется довольно большой и богатой сибирской деревней. Въ ней довольно много комфортабельныхъ двухэтажныхъ домовъ и двѣ церкви, съ бѣлыми стѣнами и съ золоченными или крашеными куполами. Но никто, глядя на нее, не подумалъ бы, что передъ нимъ самый важный коммерческій пунктъ въ Восточной Сибири. Однако, черезъ Кяхту изъ Китая и изъ Россіи въ Китай ежегодно проходитъ товаровъ на 20—30 милліоновъ рублей. Почти весь чай, потребляемый Россіей, проходитъ черезъ Кяхту. Здѣсь онъ перепаковывается и длинными обозами перевозится дальше черезъ всю Сибирь. Черезъ Кяхту же идутъ въ Россію китайскій шелкъ, крепъ, кирпичный чай и другіе продукты. Изъ Россіи же, черезъ Кяхту въ Китай, идутъ русскіе мануфактур-

ные продукты, рога изюбра, мѣха, мѣдь и т. п. Даже американскіе серебряные доллары идутъ въ Китай черезъ Кяхту. Среди русскихъ торговцевъ, живущихъ въ Китаѣ, есть люди очень богатые; нѣкоторые изъ нихъ отъ своихъ торговыхъ оборотовъ, особенно съ чаемъ, получаютъ 75—100 тысячъ долларовъ въ годъ.

Лушниковъ жилъ въ большомъ двухэтажномъ домѣ, въ центрѣ города. Узнавъ, кто мы, онъ принялъ насъ съ тѣмъ сердечнымъ радушіемъ, которое характеризуетъ русскихъ вездѣ отъ Берингова пролива до Балтійскаго моря. За завтракомъ, который тотчасъ же появился на сценѣ, Лушниковъ, между прочимъ, сказалъ, что едва ли найдется въ Кяхтѣ и въ Маймачинѣ что-нибудь достойное вниманія иностранныхъ путешественниковъ; еще, пожалуй, Маймачинъ можетъ дать что-нибудь въ этомъ отношеніи, если мы не видали китайскаго города, но Кяхта—это обыкновенный сибирскій городокъ. Послѣ минутнаго раздумья онъ вдругъ встрепенулся, какъ бы пораженный новой мыслью. „Вы ѣли когда-нибудь китайскій обѣдъ?“— спросилъ онъ.

— Никогда — отвѣчали мы.

— Прекрасно. Вотъ это будетъ нѣчто новое для васъ. Послѣ завтра мы устроимъ такой обѣдъ. У меня есть въ Маймачинѣ знакомый китаецъ, у котораго — прекрасный поваръ; и хотя я не могу обѣщать вамъ въ такой короткій срокъ обѣдъ болѣе, чѣмъ въ 40 блюдъ, но этого, пожалуй, будетъ достаточно, чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе о настоящемъ народномъ китайскомъ обѣдѣ.

— О да! — отвѣчалъ я. — Хотя мы не ѣли почти ничего, кромѣ хлѣба съ чаемъ, все это время, но 40 блюдъ будетъ достаточно, чтобы вполнѣ удовлетворить нашъ аппетитъ и нашу любознательность.

Отъ Лушникова мы отправились къ русскому пограничному коммиссару, Сулковскому, который встрѣтилъ насъ, какъ давнишній пріятель. Намъ не разъ уже приходилось встрѣчать въ самыхъ заброшенныхъ уголкахъ, на краю свѣта, людей, знакомство съ которыми вызывало ассоціацію родины и цивилизаціи. Такъ и здѣсь, въ домѣ Лушникова, мы имѣли совершенно неожиданное удовольствіе бесѣдовать по-англійски съ m-me Гамильтонъ, шотландскою лэди, которая проѣхала Китай и Монголію и жила теперь у Лушниковыхъ, какъ членъ ихъ семьи, а въ лицѣ Сулковскаго мы нашли человѣка, который встрѣчался со многими офицерами „Жанеты“ — между прочимъ, съ Мельвилемъ и Даненгоуеромъ, видѣлъ пароходъ „Роджерсъ“ на его зимней стоянкѣ у береговъ Берингова пролива, и былъ знакомъ съ Берри, капитаномъ этого парохода, и съ Джильдеромъ, корреспондентомъ „Herald'a“.

Послѣ новаго завтрака у г. Сулковскаго, мы вернулись въ Троицкосавскъ и провели остатокъ дня въ осмотрѣ города, базара и китайскихъ лавокъ. Въ одной изъ нихъ, къ немалому удивленію, мы нашли истрепанный экземпляръ романа Диккенса „Круглый годъ“ на англійскомъ языкѣ. Какъ онъ попалъ сюда — не знаю, но — думалъ я, — если здѣсь представлена англійская литература, то не найду ли я какой-нибудь номеръ американскаго журнала? Побуждаемый профессіональной и патріотической гордостью, я началъ поиски: не можетъ же „Круглый годъ“ имѣть большее распространеніе въ Монголіи, чѣмъ, напр., „Century“. Мои долгіе поиски увѣнчались относительнымъ успѣхомъ. „Century“, положимъ, не оказалось, но зато въ одной лавченкѣ я нашелъ старые изломанные стѣнные часы, сдѣланные въ „Providence, Rhode Island“ и представлявшіе здѣсь американскую промышленность. Конечно, часы не могли вполнѣ замѣнить образцы американской литературы, но впослѣдствіи я былъ утѣшенъ: въ другомъ гораздо болѣе дикомъ и заброшенномъ уголкѣ Забайкалья я нашелъ и „Жизнь на Миссисипи“ Марка Твэна и „Радость ревущаго стана“ Бретъ-Гарта.

Въ пятницу мы снова были въ Кяхтѣ и вмѣстѣ съ Сулковскимъ сдѣлали визитъ китайскому губернатору Маймачина. Маймачинъ отдѣляется отъ Кяхты, какъ я уже сказалъ выше, 150 саженями нейтральной почвы; но для китайской исключительности этого мало. Городская стѣна и высокія постройки пагоды скрываютъ городъ и входъ въ него отъ нескромнаго взора варвара—чужестранца. Трудно представить себѣ болѣе внезапную и поразительную перемѣну впечатлѣній, которыя испытываетъ путешественникъ на этихъ двухъ сотняхъ саженъ. Только что вы были въ русскомъ провинціальномъ городкѣ съ его обычными лавками и домами, съ его златоверхими церквями, солдатами, привычными крестьянскими лицами, — черезъ нѣсколько минутъ вы проходите подъ высокими этажами пагоды и внезапно оказываетесь въ самомъ настоящемъ Китаѣ. Вы сразу чувствуете себя за тысячи верстъ отъ Россіи. Узкія, немощеныя улицы заперты сѣрыми одноэтажными домами, безоконныя стѣны которыхъ сдѣланы изъ глины, смѣшанной съ рѣзанной соломой, и крыши которыхъ, украшенныя затѣйливой рѣзьбой, по угламъ поднимаются кверху; неуклюжія двухколески, запряженныя волами, погоняемыми смуглыми монголами, и нагруженныя чаемъ, замѣняютъ русскія телѣги, запряженныя лошадьми; китайскіе торговцы въ ладьеобразныхъ шапкахъ, длиннополыхъ кафтанахъ и башлыкахъ стоятъ у воротъ домовъ вмѣсто привычныхъ вамъ русскихъ фигуръ въ высокихъ сапогахъ, жилетахъ и рубахахъ, надѣтыхъ „на выпускъ“; дикіе на видъ, загорѣлые всадники въ оранжевыхъ халатахъ и блю-

дообразныхъ шапкахъ, — пришельцы изъ Гоби — попадаются вамъ на каждомъ шагу. Всюду, куда вы ни смотрите, вы видите, что Китай съ его особенной, своеобразной жизнью царитъ тутъ всецѣло.

Домъ „Сургуша“ — мѣстнаго губернатора — отличался отъ другихъ двумя высокими шестами съ золочеными шарами наверху. Сюда мы и поѣхали. Губернаторъ принялъ насъ очень любезно и тотчасъ пригласилъ откушать чаю, сладостей и „майгало“ (китайская водка). Мы обмѣнялись съ нашимъ хозяиномъ церемонными и не особенно любопытными вопросами и отвѣтами насчетъ нашего взаимнаго здоровья и положенія дѣлъ, выпили по нѣсколько чашекъ чаю, попробовали засахаренныхъ плодовъ и затѣмъ — такъ какъ наступилъ часъ молитвы — отправились, по приглашенію губернатора, въ храмъ, гдѣ онъ исполнилъ свои религіозныя обязанности передъ большимъ деревяннымъ идоломъ, подъ аккомпанементъ медленнаго звона колокола. Этотъ звонъ оповѣщалъ жителей Маймачина, что ихъ губернаторъ сообщается съ богами. Послѣ молитвы Фростъ нарисовалъ его портретъ, для чего онъ принялъ самую торжественную позу на своемъ тронѣ, и мы разстались, получивъ каждый по пакету, въ которомъ оказались орѣхи, пирожки и фрукты, недоѣденные нами за угощеніемъ.

Оставшееся время мы употребили на осмотръ города и на тщетныя попытки снять фотографіи съ представителей мѣстнаго населенія. За нами постоянно ходила толпа монголовъ, бурятъ и другихъ туземцевъ изъ южныхъ степей, но стоило только Фросту установить свой аппаратъ и взяться за пластинку, скрывавшую за собой его циклопово око, какъ толпа моментально разсыпалась, какъ-будто бы въ рукахъ артиста была не безобидная камера, а митральеза. Сколько я помню, Фросту такъ и не удалось снять никого, кромѣ нѣсколькихъ увѣчныхъ нищихъ, слишкомъ неповоротливыхъ, чтобы исчезнуть раньше, чѣмъ аппаратъ сдѣлаетъ свое дѣло. Въ этотъ же день, къ вечеру, Фроста чуть не избили за то, что онъ началъ срисовывать одного типичнаго монгольскаго торговца. Здѣсь мы еще разъ пожалѣли, что не взяли съ собой маленькаго моментальнаго аппарата. Имъ можно было пользоваться во многихъ случаяхъ, когда большой вызывалъ страхъ или подозрѣнія.

Китайскій обѣдъ въ субботу, который обѣщалъ намъ Лушниковъ, оказался новымъ и чрезвычайно интереснымъ экспериментомъ. Онъ былъ устроенъ въ Маймачинѣ, въ конторѣ одного богатаго китайца. Приглашенныхъ было 6—8 знакомыхъ г. Лушникова, я и Фростъ. Столъ былъ покрытъ бѣлой скатертью и уставленъ на европейскій ладъ блюдами, тарелками, ножами и вилками и т. д. Китай-

скія ложечки изъ слоновой кости, конечно, фигурировали на столѣ, но мы ими пользовались очень мало, — только для пробы.

Когда всѣ усѣлись, вокругъ стола обнесли большой флаконъ съ темнымъ китайскимъ уксусомъ, и каждый изъ насъ отлилъ изъ него въ свою посуду.

— Зачѣмъ этотъ уксусъ? — спросилъ я Лушникова.

— Китайцы мокаютъ въ него все, что ѣдятъ,—отвѣчалъ онъ.— Это недурно.

Такъ какъ я не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о томъ, какого рода будетъ это „все", я рѣшилъ подождать, прежде чѣмъ дѣлать заключенія объ умѣстности или неумѣстности уксуса. Внесли первое блюдо. Я затрудняюсь сказать, что это было; въ моей записной книжкѣ оно опредѣлено такими словами: „колючая морская трава или, вообще, какое-то морское растеніе, похожее на твердый мохъ". Надо думать, что оно было предварительно сварено или сжарено, но я положительно не рѣшаюсь ничего утверждать на этотъ счетъ; одно для меня было ясно: — что оно было подано холоднымъ и имѣло крайне непривлекательный видъ. Каждый изъ русскихъ гостей взялъ небольшой кусочекъ этого блюда, обмокнулъ его въ уксусъ и съѣлъ, если не съ удовольствіемъ, то, во всякомъ случаѣ, съ героической твердостью духа. Мнѣ съ Фростомъ оставалось только послѣдовать ихъ примѣру.—Слѣдующія девять блюдъ въ моей записной книжкѣ перечислены слѣдующимъ образомъ:

1. Кусочки холоднаго мяса, завернутые въ какой-то желтоватый студень.
2. Черные грибы, неизвѣстнаго мнѣ сорта.
3. Салатъ изъ лука и какой-то тонко нарѣзанной травы.
4. Березовый мохъ.
5. Тонкіе ломтики бѣловатой, непріятной на видъ колбасы, составныя части которой мнѣ неизвѣстны.
6. Маленькіе ломтики яйца, различной формы и окрашенные подъ цвѣтъ сафьяна.
7. Раковыя шейки, поджаренныя до черна.
8. Морская трава зеленаго цвѣта.
9. Закрученные стебли какого-то морского растенія, напоминающаго видомъ крошеную капусту.

Я не претендую на научную точность этихъ опредѣленій. Очень часто я не могъ догадаться, что такое подаютъ мнѣ, и мнѣ оставалось только записать впечатлѣніе, какое производило на меня такое блюдо и назвать его тѣмъ, на что оно наиболѣе походило. Почти всѣ эти блюда подавались холодными и мокались въ уксусъ. Возлѣ обѣденнаго стола, на жаровнѣ, помѣщался большой сосудъ

съ горячей водой, въ которую было погружено нѣсколько серебряныхъ кувшиновъ съ рисовой водкой — майгало. Послѣ каждаго блюда слуга обходилъ столъ съ такимъ кувшиномъ и наполнялъ горячею жидкостью маленькія чашки гостей.

Незадолго передъ отъѣздомъ въ Кяхту я слышалъ анекдотъ объ одномъ невѣжественномъ сибирскомъ крестьянинѣ, который, роя себѣ погребъ, наткнулся на что-то, что онъ принялъ за остатки мамонта. Надѣясь получить награду, онъ поспѣшилъ сообщить о своей находкѣ мѣстному исправнику, а, чтобы его разсказъ могъ внушить къ себѣ болѣе довѣрія, онъ даже съѣлъ кусочекъ сохранившагося въ землѣ животнаго. Исправникъ поспѣшилъ донести по начальству о такой замѣчательной находкѣ; еще бы, — мамонтъ сохранился такъ хорошо, что его можно было еще ѣсть. Изъ Иркутска былъ тотчасъ посланъ ученый натуралисть, который по изслѣдованіи нашелъ, что эти останки мамонта было не что иное, какъ залежи особаго сибирскаго минерала, извѣстнаго подъ названіемъ „горной кожи“. Взбѣшенный исправникъ, попавшій въ такое нелѣпое положеніе, призвалъ крестьянина и началъ его распекать: „Что же ты, болванъ, наговорилъ мнѣ, что ты даже ѣлъ этого мамонта? Вѣдь это вовсе не мамонтъ, скотина ты этакая! Вѣдь это минералъ, камень такой-то“.

— Я вправду ѣлъ его, баринъ, — упорствовалъ крестьянинъ; но — прибавилъ онъ наивно — чего нельзя ѣсть съ масломъ!

Теперь, когда намъ подносили, одно за другимъ, всѣ эти странныя блюда, я вспомнилъ этого крестьянина и говорилъ про себя: „чего нельзя ѣсть съ уксусомъ и китайской водкой?“

Когда окончилась первая серія холодныхъ блюдъ, намъ перемѣнили тарелки, снова наполнили чашки уксусомъ и начали разносить разныя горячія:

1. Мясные пирожки, состоящіе изъ тонко нарѣзанной телятины, завернутой въ тѣсто и затѣмъ сваренной.

Фростъ какимъ то чутьемъ открылъ,—или думалъ, что открылъ, что намъ вѣроломно подаютъ подъ видомъ телятины мясо молодой собаки и рѣшительно отказался ѣсть это блюдо, даже съ уксусомъ. Я робко попытался его пристыдить и урезонить, говоря, что такіе предразсудки недостойны путешественника и изслѣдователя, три года пробывшаго въ Россійской Имперіи; если бы я зналъ, что насъ ожидаетъ дальше, лучше бы я молчалъ!

2. Мясные пирожки, поджаренные.

3. Какой-то паштетъ.

4. Вареная курица съ густой бѣловатой подливкой изъ слизняковъ.

Тутъ спасовалъ и я. Слизняки отъ варки почернѣли и чрезвычайно походили на большихъ червей. Я выпилъ двѣ рюмки майгало, надѣясь побѣдить предубѣжденіе, но не успѣлъ и со стыдомъ уклонился отъ этого блюда.

5. Какое-то сало въ бѣловатыхъ, прозрачныхъ кусочкахъ.
6. Жареный поросенокъ.

Это было лучшее блюдо, превосходно приготовленное.

7. Тонкіе ломтики баранины, жаренные на вертелѣ.
8. Цыплята въ бульонѣ.
9. Вареный рисъ.
10. Какіе-то лишаи съ темной подливкой.
11. Тонкіе и прозрачные макароны.
12. Пѣтушьи головки, — и
13 — 19. Различнаго рода супы.

Эти супы закончили обѣдъ. Столъ очистили и подали разнаго рода десертъ, цвѣточный чай и французское шампанское.

Обѣдъ занялъ часа три. За это время каждый изъ насъ долженъ былъ хоть попробовать 30 — 40 блюдъ, уничтожить 2 — 3 чашки уксусу; выпить 20 — 25 чашечекъ водки и затѣмъ окончательно доканать себя сластями и шампанскимъ въ честь нашего амфитріона.

Какъ мы добрались до своихъ дрожекъ, какъ мы не поумирали къ слѣдующему утру, — знаетъ одинъ богъ. Мое любопытство было вполнѣ удовлетворено. Если китайцы каждый день обѣдаютъ такимъ образомъ, то совершенно непонятно, какъ не вымеръ этотъ народъ. Одинъ такой обѣдъ въ позднюю осень позволилъ бы, кажется, человѣку уподобиться медвѣдю и залѣзть въ берлогу до слѣдующей весны.

Я совсѣмъ не думалъ, уѣзжая въ этотъ день изъ Маймачина, что этотъ обѣдъ — послѣднее развлеченіе на многіе мѣсяцы впередъ, и что я въ послѣдній разъ вижу этотъ китайскій городокъ. На слѣдующій день, съ утра, я чувствовалъ себя нехорошо. У меня начался ознобъ, скоро перешедшій въ сильнѣйшую лихорадку, соединенную со страшными головными болями, кашлемъ, болью въ боку и крайней прострацією. Это было начало серьезной болѣзни, которая на двѣ недѣли приковала меня къ постели, и отъ которой я вполнѣ оправился только черезъ три мѣсяца. Съ этой болѣзни началась самая тяжелая часть моихъ сибирскихъ испытаній. До того времени я еще находилъ въ себѣ силы переносить неизбѣжныя лишенія въ путешествіи по такой странѣ, но съ этихъ поръ меня только чудомъ поддерживали хининъ, сила воли и искусственное возбужденіе. Я не буду описывать всѣхъ страданій, съ которыми

сопряжена была моя болѣзнь въ такомъ мѣстѣ, какъ комната въ пекарнѣ Клемботскаго. Въ письмѣ, которое я кое-какъ написалъ тогда домой, я говорилъ, между прочимъ, слѣдующее: „Одно дѣло — болѣть дома, въ чистой постели, съ заботами близкихъ людей; но совершенно другое дѣло — лежать, какъ собака, на голомъ полу, безъ бѣлья, укутаннымъ собственнымъ платьемъ, вмѣсто одѣяла, и, въ пароксизмѣ лихорадки, подвергаться ожесточеннымъ преслѣдованіямъ клоповъ и блохъ". Вначалѣ я лечилъ себя самъ, но узнавъ, что въ городѣ есть врачъ, пригласилъ его къ себѣ. Онъ началъ кормить меня хининомъ, который въ концѣ концовъ побѣдилъ лихорадку. Черезъ 15 дней я могъ, наконецъ, встать, хотя былъ еще очень слабъ.

Только теперь, лежа въ пекарнѣ Клемботскаго, я понялъ, что долженъ испытывать политическій ссыльный, котораго гдѣ-нибудь на этапѣ захватитъ болѣзнь, который питается казеннымъ пайкомъ, дышитъ зараженнымъ воздухомъ и лежитъ въ безпамятствѣ, закованный въ кандалахъ. — Чарушинъ, съ которымъ я познакомился въ Нерчинскѣ, не былъ раскованъ даже тогда, когда бредилъ въ тифозной горячкѣ.

15-го октября мы выѣхали изъ Троицкосавска по направленію къ Селенгинску. Я былъ еще очень слабъ это утро и боялся новаго приступа болѣзни. Но мнѣ казалось, что даже тряская сибирская дорога и свѣжій воздухъ подѣйствуютъ на меня благотворнѣе, чѣмъ покой въ отвратительной, зараженной комнатѣ, которую я такъ долго занималъ, поэтому я рѣшилъ ѣхать во что бы то ни стало, если только у меня хватитъ силъ добраться до телѣги. Мы проѣхали въ этотъ день 60 миль, ночевали на станціи Поворотной и пріѣхали въ Селенгинскъ утромъ слѣдующаго дня. Въ этомъ жалкомъ, полубурятскомъ городкѣ мы хотѣли остановиться на день, чтобы познакомиться съ жившими тутъ ссыльными. Я зналъ, что въ Селенгинскѣ были поселены: Шамаринъ, молодой студентъ, родомъ изъ Екатеринбурга, Кардашовъ, грузинъ изъ Кавказа и Брешковская изъ Кіева. Кардашевъ и Брешковская кончили свой срокъ на каторгѣ и могли быть мнѣ очень полезны указаніями насчетъ лучшаго способа добраться до Кары и относительно тамошняго чиновничества, съ которымъ мнѣ пришлось бы имѣть постоянныя сношенія.

Шамаринъ, къ которому я пришелъ прежде всего, былъ красивый молодой человѣкъ, лѣтъ 24 — 25, средняго роста съ сдержанными, приличными манерами, съ честными и открытыми глазами, сразу внушавшими полное довѣріе къ ихъ обладателю. Его исторія можетъ служить недурной иллюстраціей той безцеремонности по

отношенію къ правамъ личности, которая характеризуетъ русское правительство въ его отношеніи къ людямъ, — основательно или неосновательно—заподозрѣннымъ въ неблагонадежности. Еще студентомъ онъ былъ арестованъ по политическому обвиненію и, послѣ 3 лѣтъ одиночнаго заключенія въ Трубецкомъ бастіонѣ Петропавловской крѣпости, былъ преданъ суду. Данныхъ для его осужденія было такъ мало, что судъ приговорилъ его всего къ двумъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія. Держать человѣка въ продолженіи 3 лѣтъ въ строжайшемъ одиночномъ заключеніи, для того, чтобы приговорить его затѣмъ къ 2 мѣсяцамъ тюрьмы — замѣчательно само по себѣ, но я не буду настаивать на этой сторонѣ дѣла. Шамаринъ имѣлъ, конечно, полное основаніе ожидать свободы по отбытіи срока наказанія, наложеннаго на него судомъ, но правительство думало на этотъ счетъ иначе и, вмѣсто освобожденія, послало его административно въ Баргузинъ, городокъ Забайкальской Области, болѣе чѣмъ въ 4000 миль отъ Петербурга. Лѣтомъ 1881 года онъ съ тремя другими ссыльными, въ томъ числѣ съ Брешковской, попытался, но неудачно, бѣжать черезъ Забайкалье къ Тихому Океану, надѣясь тамъ попасть на какое-нибудь америк. судно. За это онъ былъ переведенъ въ Якутскую область, гдѣ его видѣли члены американской экспедиціи, посланной для спасенія экипажа Жанеты. Въ 1883 году онъ былъ переведенъ въ Селенгинскъ, гдѣ его и застала осень 1884 г.,—срокъ его высылки. У него не было средствъ возвратиться на родину. Правительство, административно высылающее своихъ подданныхъ въ Сибирь, не возвращаетъ ихъ на свой счетъ на родину иначе, какъ по этапу. Но этапное путешествіе, и вообще крайне медленное, для обратныхъ партій еще медленнѣе. Полковникъ Загаринъ, пересыльный инспекторъ для Восточной Сибири, говорилъ мнѣ, что обратной партіи нужно 300 дней для того, чтобы пройти 1000 миль отъ Иркутска до Томска. Конечно, немногіе изъ политическихъ ссыльныхъ рѣшаются провести цѣлый годъ въ ужасныхъ сибирскихъ этапахъ и тюрьмахъ, даже въ виду возвращенія на родину. Большинство ихъ, если они не смогли за время ссылки заработать себѣ на проѣздъ, остаются на время въ Сибири. Я самъ помогъ одному изъ такихъ ссыльныхъ вернуться домой, купивъ у него за 100 рублей собранную имъ коллекцію сибирскихъ цвѣтовъ. Я радъ былъ бы помочь и Шамарину, но онъ сказалъ мнѣ, что уже болѣе года онъ работаетъ въ старомъ селенгинскомъ архивѣ и надѣется, что губернаторъ заплатитъ ему за эту работу достаточно для проѣзда въ Россію на свой счетъ. — Переписка политическихъ ссыльныхъ, само собою разумѣется, находится подъ контролемъ исправника, прочитывающаго всѣ получаемыя и

отсылаемыя письма. Когда срокъ ссылки Шамарина кончился, онъ, естественно, считалъ себя, de jure и de facto, свободнымъ человѣкомъ; онъ подалъ прошеніе губернатору, прося освободить его переписку изъ подъ контроля. Эта просьба была, однако, отклонена, и въ теченіе цѣлаго года послѣ окончанія срока всѣ письма Шамарина — теперь совершенно полноправнаго русскаго гражданина — предварительно читались и одобрялись исправникомъ. До какой степени возмутительнымъ должно казаться человѣку такое циничное, пренебрежительное отношеніе къ его неотъемлемымъ личнымъ правамъ — читатель легко себѣ представитъ, поставивъ себя мысленно въ положеніе Шамарина.

Пока я бесѣдовалъ съ Шамаринымъ, въ комнату вошла г-жа Брешковская, которой меня тотчасъ представилъ мой собесѣдникъ. Это была женщина лѣтъ 35-ти, съ некрасивымъ, но интеллигентнымъ и сильнымъ лицомъ. На этомъ лицѣ невольно привлекали вниманіе слѣды тяжелыхъ страданій; ея черные, волнистые волосы, коротко остриженные на Карѣ, тамъ и сямъ уже посѣдѣли. Но ни страданія, ни ссылка, ни каторга не сломили ея смѣлаго, закаленнаго духа, не подорвали ея понятій чести и долга. Какъ я скоро увидѣлъ изъ разговора, она была очень знающая и образованная: пройдя гимназическій курсъ у себя на родинѣ, она получила окончательное образованіе въ Цюрихѣ. Она говорила по-французски, по-нѣмецки и по-англійски, была прекрасной музыкантшей и, вообще, показалась мнѣ чрезвычайно интересной и привлекательной женщиной. Ей пришлось быть два раза на Карѣ:—второй разъ за неудачный побѣгъ изъ Баргузина. По отбытіи своего вторичнаго каторжнаго срока, она и была отправлена на поселеніе въ этотъ жалкій, забытый богомъ, Селенгинскъ, откуда на 100 миль кругомъ нельзя найти другой образованной женщины. Она получала отъ казны 6 долларовъ мѣсячнаго содержанія; ея корреспонденція находилась подъ контролемъ; она была навсегда разлучена съ своей семьей и своими друзьями; ей ничего иного не оставалось ждать отъ будущаго, какъ многихъ лѣтъ страданій и лишеній, и, наконецъ, вѣчнаго успокоенія на маленькомъ кладбищѣ надъ Селенгою, гдѣ ни одинъ симпатизирующій взоръ не остановится тоскливо на простомъ деревянномъ крестѣ съ ея именемъ. И тѣмъ не менѣе она съ мужествомъ смотрѣла на свое ужасное будущее и съ несокрушимой вѣрою—трогательной и геройской—ждала неизбѣжнаго торжества свободы на своей родинѣ. „М-ръ Кеннанъ—таковы были ея послѣднія слова, обращенныя ко мнѣ—мы можемъ умереть въ ссылкѣ; за нами могутъ умереть въ ней наши дѣти и дѣти нашихъ дѣтей, но что-нибудь выйдетъ изъ этого!“ Съ тѣхъ поръ я не слышалъ и не видѣлъ болѣе г-жи Брешъ-

ковской; она прошла, какъ случайная тѣнь, въ моей жизни; но всякій разъ, квгда я вспоминаю ея послѣднія слова, я снова и снова чувствую, до какой степени было поднято мое мѣрило мужества, силы и героическаго самоотверженія, — и поднято рукою этой женщины. Встрѣчи съ такими людьми—а ихъ не мало видѣлъ я въ Забайкальѣ—дѣйствовали на меня болѣе укрѣпляющимъ образомъ, чѣмъ всевозможныя лекарства. Я могъ быть боленъ и слабъ, я могъ вести трудную жизнь, но такіе примѣры страданій, благородно переносимыхъ ради идеи, ради своего народа, могли бы, кажется, воскресить человѣка на краю могилы.

Мы оставили Селенгинскъ въ 4 часа пополудни, 16-го октября и, проѣхавъ въ сутки 108 миль, добрались до окружного города, Верхнеудинска. Погода была въ это время холодная и сырая, и тряская ѣзда на почтовой перекладной не должна была особенно благотворно дѣйствовать на человѣка, только начинающаго оправляться отъ сильной лихорадки; но чистый, здоровый воздухъ дѣлалъ свое дѣло, и я чувствовалъ себя не хуже, если не лучше, чѣмъ при выѣздѣ изъ Троицкосавска, хотя мы и сдѣлали въ двое сутокъ 170 миль. — Въ Верхнеудинскѣ мнѣ хотѣлось посѣтить двѣ находящіяся тамъ тюрьмы, и я, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, въ воскресенье же явился къ мѣстному исправнику, предъявилъ ему мои рекомендательныя письма и условился съ нимъ встрѣтиться къ полудню въ старой тюрьмѣ.

Верхнеудинскій острогъ, служащій одновременно и пересыльной, и городскою тюрьмою, и домомъ для предварительнаго заключенія, есть ветхое, разрушающееся деревянное зданіе, расположенное на высокомъ правомъ берегу Селенги, на разстояніи почти мили отъ города. Онъ мало чѣмъ отличается по виду отъ этапа обычнаго сибирскаго типа. Впрочемъ, онъ значительно больше и выше его, и внутри камеръ имѣетъ два этажа наръ. Верхній этажъ, на который взбираются по узкой, крутой лѣсенкѣ, былъ, очевидно, пристроенъ впослѣдствіи, когда началъ ощущаться недостатокъ мѣста. Къ нашему визиту тюрьму вычистили, насколько это было возможно. Половину арестантовъ выгнали во дворъ; всѣ окна и двери были открыты для притока свѣжаго воздуха, полы въ камерахъ и въ коридорѣ были подметены. Построена была эта тюрьма въ расчетѣ на 170 человѣкъ. При мнѣ въ ней содержались 250, а исправникъ сказалъ мнѣ въ отвѣтъ на мой вопросъ, что позднею осенью и зимою въ ней часто скопляется до 700 человѣкъ, которые принуждены тогда спать и подъ нарами, и въ коридорѣ, даже во дворѣ. Что должно происходить здѣсь въ такія минуты зимою, когда окна заперты, — я съ трудомъ могу вообразить. Тогда эта тюрьма должна казаться чистымъ адомъ.

Г-нъ Орфановъ, извѣстный русскій чиновникъ, которому нѣсколько разъ приходилось ревизовать эту тюрьму еще задолго до нашего проѣзда, такъ описываетъ ее въ своей книгѣ, которую цензура нашла возможнымъ пропустить:

„Первый забайкальскій острогъ находится въ Верхнеудинскѣ. Онъ стоитъ за городомъ на высокомъ берегу Селенги. На берегу, въ 5—6 саженяхъ отъ тюрьмы, выбрасываются всѣ тюремные отбросы, которые свободно гніютъ и заражаютъ, особенно лѣтомъ, воздухъ до невозможности. Само зданіе крайне ветхо и разсчитано на 140 челов. За время моей службы мнѣ не разъ приходилось бывать въ этой тюрьмѣ. Никогда не заставалъ я въ ней меньше 500 ч., иногда же число заключенныхъ доходило до 800. Я хорошо помню одно изъ моихъ посѣщеній. Я сопровождалъ тогда губернатора. Это было зимою, и губернаторъ пріѣхалъ въ тюрьму рано утромъ, такъ что дверь тюрьмы была отперта при немъ. Отвратительная вонь, пахнувшая на насъ изъ отворенной двери, была такъ сильна, что губернаторъ, несмотря на все свое нежеланіе сознаться передъ арестантами, что ихъ помѣщеніе хуже собачьяго, не могъ войти въ тюрьму. Онъ приказалъ открыть противоположную дверь и вошелъ лишь послѣ того, какъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ сильный токъ сквозного вѣтра нѣсколько очистилъ атмосферу. Первое, что бросилось ему въ глаза, была стоящая въ углу переполненная „параша“, сверху же, черезъ второй этажъ наръ, просачивалась жидкость изъ другой „параши“, тоже переполненной, стоявшей наверху. Тутъ же въ углу спали на полу человѣкъ 6. Губернаторъ былъ пораженъ. „Какъ это возможно?“ — воскликнулъ онъ, и страшно распушилъ смотрителя и надзирателей; но и онъ ничего не могъ перемѣнить здѣсь“ *).

Нѣкоторые изъ моихъ критиковъ обвиняли меня въ преувеличеніяхъ, но едва ли въ моихъ статьяхъ можно найти такія краснорѣчивыя утвержденія, какъ вышеприведенныя слова русскаго чиновника, высказанныя имъ съ дозволенія цензуры.

Черезъ эту тюрьму ежегодно проходятъ сотни образованныхъ политическихъ ссыльныхъ, мужчинъ и женщинъ; г-жа Брешковская четыре раза проходила черезъ этотъ адъ. Но я съ радостью долженъ заявить, что, повидимому, этотъ старый Верхнеудинскій острогъ доживаетъ свои послѣдніе дни. Какъ разъ во время нашего проѣзда была закончена постройка новой пересыльной тюрьмы, которая должна была скоро открыться. Новая тюрьма представляетъ собой огромное 4-хъ этажное кирпичное зданіе, съ двумя крыльями, съ

*) „Вдали“ — Орфанова, стр. 220—222, Москва 1883 г.

широкимъ дворомъ и съ отдѣльнымъ флигелемъ для политическихъ и для конвоя. Камеры—велики, хорошо освѣщены и вентилированы; изъ каждой изъ нихъ открывается, черезъ 3 большихъ окна, обширный видъ на Селенгу и на окрестности. Коридоры имѣютъ 22—25 фут. ширины; лѣстницы — каменныя, съ желѣзными перилами, одиночки—довольно обширны. Приспособленія для отопленія и вентиляціи прекрасны. Вообще, эта тюрьма показалась мнѣ лучшею во всей Россіи и одною изъ лучшихъ въ мірѣ. Ея постройка обошлась въ 200,000 рублей, и разсчитана она на 440 арестантовъ. Я не могъ не выразить своего удовольствія исправнику. „Да—отвѣчалъ онъ, тюрьма будетъ очень удобна, если ее не переполнятъ. Но если намъ приходилось держать по 700 человѣкъ въ старой тюрьмѣ, то здѣсь, пожалуй, придется держать тысячи три. А тогда и здѣсь будетъ то же самое.“ Я не буду разбирать, насколько основательны эти опасенія исправника; во всякомъ случаѣ, пока новая Верхнеудинская тюрьма, несомнѣнно, одна изъ лучшихъ въ имперіи.

19-го октября мы выѣхали изъ Верхнеудинска, направляясь въ Читу, областную столицу Забайкалья. Намъ предстояло проѣхать около 300 миль. Погода была холодная, хотя снѣгъ еще не началъ падать; небо было ясно, и мы сравнительно немного страдали отъ холода. Дорога наша шла сначала по голой и мало интересной для путешественника долинѣ рѣки Уды, между двумя рядами невысокихъ холмовъ. Деревья уже были голы; цвѣты, за исключеніемъ тамъ и сямъ желтѣющихъ одуванчиковъ, не разнообразили картины; зима была, очевидно, на носу. Мы ѣхали днемъ и ночью, лишь изрѣдка останавливаясь по дорогѣ, чтобы взглянуть на близъ стоящій бурятскій храмъ или пересыльный этапъ. Правительство недавно потратило болѣе 300,000 руб. для постройки цѣлаго ряда новыхъ этаповъ въ Забайкальѣ; о нихъ отзываются очень неблагопріятно конвойные офицеры и чиновники пересыльной администраціи; но все же они много лучше тѣхъ этаповъ, которые мы видѣли между Томскомъ и Иркутскомъ.

22-го октября мы перевалили, миляхъ въ 50 отъ Читы, высокій горный хребетъ, служащій водораздѣломъ между водными системами рѣкъ, впадающихъ въ Ледовитый и въ Тихій океаны. Теперь мы спускались по горному склону къ одному изъ главныхъ притоковъ Амура, и Америка начала намъ казаться какъ-будто ближе. Американскіе товары начали чаще попадаться въ деревенскихъ лавченкахъ, и, при видѣ американской жестяной посуды и разныхъ мелочей или англійскихъ рекламъ на ящикахъ съ консервированными овощами, мнѣ невольно казалось, что вотъ съ какого-нибудь высокаго холма мы увидимъ Санъ-Франциско или Голденъ-Гэтъ.

Къ полудню мы въѣхали, наконецъ, въ Читу и заняли квартиру въ отелѣ, содержимомъ ссыльнымъ полякомъ и пышно называемомъ: отель Петербургъ. Чита—резиденція Забайкальскаго губернатора,—представляетъ собою разбросанный провинціальный городъ обычнаго сибирскаго типа; въ ней считается 4,000 жителей; есть публичная библіотека, большое зданіе, временно исправляющее должность театра, и нѣсколько недурныхъ школъ. Однако, главный интересъ, который Чита имѣла въ нашихъ глазахъ, это значеніе ея, какъ центральнаго ссылочнаго пункта. Сюда именно были высланы въ 1825—28 г. г. знаменитые декабристы, которые попытались, при восшествіи на престолъ Николая I, низвергнуть русское самодержавіе и замѣнить его конституціонной формой правленія. Двое изъ тѣхъ домовъ, въ корыхъ они жили, стоятъ еще доселѣ, и въ одномъ изъ нихъ устроена современными политическими изгнанниками, этими наслѣдниками декабристовъ, плотничья мастерская.

Здѣшняя колонія политическихъ ссыльныхъ насчитывала въ своемъ составѣ чрезвычайно интересныхъ для меня людей. Я явился къ нимъ, снабженный рекомендаціями отъ ихъ товарищей въ Сибири, былъ принятъ сердечно и довѣрчиво и провелъ въ ихъ обществѣ, въ верхнемъ этажѣ стараго декабристскаго дома, много пріятныхъ и поучительныхъ вечеровъ, въ бесѣдѣ о русскомъ революціонномъ движеніи, о Петропавловской крѣпости, о Харьковской централкѣ и о Карѣ. Эти вечера — одно изъ моихъ пріятнѣйшихъ сибирскихъ воспоминаній. Впрочемъ, я предпочитаю подробно говорить о читинской колоніи дальше, когда мнѣ придется описывать мое второе пребываніе въ Читѣ, на возвратномъ пути съ Кары, когда я прожилъ здѣсь цѣлыхъ двѣ недѣли.

Вслѣдствіе отсутствія губернатора, мы не могли получить въ Читѣ разрѣшенія посѣтить Карійскія тюрьмы; но правитель его канцеляріи, казалось, не видѣлъ въ нашихъ намѣреніяхъ ничего предосудительнаго. Онъ обѣщалъ телеграфировать о нашемъ выѣздѣ на Кару и далъ мнѣ, взамѣнъ рекомендательнаго письма, свою визитную карточку. Можно было сомнѣваться, чтобы эта простая карточка открыла намъ двери карійскихъ тюремъ, но выбора не было, и 25-го октября мы выѣхали изъ Читы, отъ которой Кара находится на разстояніи почти 300 миль.

Каторжные золотые промыслы на Карѣ.

Въ обширныхъ и дикихъ пустыняхъ Забайкалья, въ 5000 миляхъ отъ Петербурга и болѣе чѣмъ въ 1000 миль отъ береговъ Тихаго Океана, въ мрачной и уединенной долинѣ, образованной двумя отрогами Яблоноваго хребта, расположенъ рядъ деревянныхъ тюремъ, золотыхъ розсыпей и каторжныхъ поселеній, извѣстныхъ русской публикѣ подъ названіемъ Карійскихъ золотыхъ промысловъ. Когда вы читаете въ своей утренней газетѣ телеграмму изъ Петербурга, гласящую, что такіе-то и такіе-то нигилисты были судимы, признаны виновными и приговорены къ смерти, но что царю угодно было проявить свое милосердіе и замѣнить казни каторжными работами въ рудникахъ, знайте, что эти рудники — Кара. Я намѣренъ здѣсь, въ формѣ безпритязательнаго очерка, по личнымъ наблюденіямъ, описать наше посѣщеніе этой Кары позднею осенью и раннею зимою 1886 года и указать на результаты, къ которымъ мы пришли въ нашей попыткѣ ознакомиться съ положеніемъ карійскихъ каторжниковъ вообще и политическихъ заключенныхъ въ особенности. Сюжетъ этотъ чрезвычайно обширный и важный, и недостатокъ мѣста не позволитъ мнѣ обработать его съ должной тщательностью; но, быть можетъ, я сумѣю нарисовать здѣсь рѣзкими штрихами картину восточно-сибирскаго каторжнаго поселенія и дать такимъ образомъ читателю понятіе о томъ, что подразумѣвается въ Россіи подъ „каторгой“.

Карійскіе промыслы находятся въ 300 миляхъ отъ Читы, областного города Забайкалья, откуда, миль на 200, ведетъ туда сравнительно сносная почтовая дорога, проложенная сначала въ долинѣ Ингоды, а затѣмъ по сѣверному лѣвому берегу Шилки, одного изъ главныхъ притоковъ Амура. Въ маленькомъ городкѣ Срѣтенскѣ, откуда Шилка дѣлается судоходной, почтовая дорога обрывается и

сообщеніе дальше производится лѣтомъ по водѣ, зимою — по льду рѣки. Въ продолженіе 2—3 недѣль замерзанія водъ осенью и нѣсколько болѣе короткаго промежутка ледохода весною Кара остается отрѣзанной отъ остального міра; добраться до нея можно лишь верхомъ по крайне трудной и опасной тропинкѣ, которая миль на 70—80 тянется параллельно берегу рѣки по степямъ, болотамъ и заросшимъ тайгою горнымъ кряжамъ. Мы надѣялись успѣть добраться до Срѣтенска еще во время, чтобы спуститься внизъ по Шилкѣ до Кары, и при выѣздѣ изъ Читы, въ субботу, 24 октября, все говорило намъ въ пользу этого; но погода вдругъ перемѣнилась, морозъ покрѣпчалъ и снѣгъ выпалъ вершка на $1^1/_2$—2. Въ пятницу, утромъ, когда мы слѣзли съ телѣги на противоположномъ Срѣтенску берегу Шилки, зима уже вошла въ свои права. Ртуть въ нашемъ термометрѣ (Фаренгейта) стояла на нулѣ; одежда и лошади были покрыты инеемъ, и быстрыя воды широкой Шилки были уже загромождены массами готоваго установиться льду. Переѣздъ былъ если не невозможенъ, то крайне опасенъ, и кучка крестьянъ, человѣкъ въ 15, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за широкою и низкою лодкою, которая въ это время отчаливала изъ Срѣтенска на нашу сторону, чтобы забрать отсюда пассажировъ. Прослѣдивъ въ теченіе $^1/_4$ часа борьбу этой утлой ладьи съ напиравшимъ на нее льдомъ, мы съ Фростомъ порѣшили, что было бы слишкомъ рискованно пускаться въ путь при такихъ условіяхъ черезъ рѣку въ $^1/_2$ мили шириною, даже если бы лодочники и согласились взять насъ съ собою, и рѣшились искать убѣжища на ночь въ избѣ мѣстнаго крестьянина Зябликова, который предложилъ намъ свое гостепріимство, если мы согласимся спать на полу, вмѣстѣ съ его семьею. Мы слишкомъ устали и измерзли за дорогу, чтобы отказаться; къ тому же мы до такой степени привыкли спать на полу, что спать какъ-нибудь иначе намъ показалось бы, вѣроятно, странно. Черезъ полчаса наши вещи были перенесены къ Зябликову, и мы комфортабельно попивали чай въ первой послѣ Нерчинска приличной и чистой комнатѣ.

Весь остатокъ дня ушелъ у насъ на разрѣшеніе вопроса, что намъ дѣлать, и можно ли, чтобы добраться до Кары, выбрать сухопутную, верховую дорогу. Очевидно было, что отъ перевоза черезъ рѣку, загроможденную быстро идущимъ льдомъ, приходилось отказаться; ждать двѣ-три недѣли здѣсь мы не могли; оставалось одно средство — верховая горная тропинка. Лошадей нанять было можно — онѣ были на нашей сторонѣ; но нанимать ихъ, добывать сбрую и сѣдла, искать проводника надо было въ Срѣтенскѣ. Зябликовъ предложилъ перевезти насъ туда съ помощью 3—4 своихъ

пріятелей, и намъ оставалось только согласиться на опасное путешествіе. Рано утромъ, въ четвергъ, была приготовлена легкая лодка. Погода стала нѣсколько мягче, хотя все же было очень холодно. Рѣка обратилась почти въ сплошное двигающееся ледяное поле, съ небольшими прогалинами чернѣющей воды и съ ставшимъ уже поясомъ льду, шириною аршинъ въ 50. Ледъ этотъ, по мѣрѣ приближенія къ водѣ, былъ все тоньше и тоньше. По этой-то вѣроломной поверхности мы начали осторожно спускать къ водѣ нашу лодку, готовые быстро вскочить въ нее, когда тонкій ледъ не выдержитъ и треснетъ. Въ 4—5 аршинахъ отъ линіи воды мы вдругъ потеряли подъ ногами почву: ледъ подломился и мы, конечно, сразу очутились въ водѣ, хотя Зябликовъ и кричалъ: „Эй, въ лодку!“ Лодка сильно накренилась сначала въ одну, потомъ въ другую сторону, когда всѣ мы гурьбою бросились въ нее, и, черезъ моментъ, мы быстро неслись внизъ среди глыбъ плывущаго льда, который мы старались, по мѣрѣ силъ и умѣнья, отпихивать баграми и веслами. Когда замѣшательство перваго мгновенія улеглось, двое лодочниковъ сѣли за весла, а Зябликовъ, съ багромъ въ рукѣ, сталъ на носу, направляя наше хрупкое судно между несущимися ледяными глыбами. Насъ снесло теченіемъ болѣе чѣмъ на полмили, прежде чѣмъ мы добрались до Срѣтенскаго берега; тутъ же взобраться на ломкій ледяной поясъ оказалось дѣломъ еще болѣе труднымъ, чѣмъ было намъ спустить съ него лодку при отъѣздѣ. Нѣсколько разъ мнѣ казалось, когда наши багры цѣплялись за ледяной край, что нашу лодку совсѣмъ задавятъ налетающія сверху ледяныя глыбы. Въ концѣ концовъ, однако, мы успѣли пробиться въ сравнительно тихій заливъ. Зябликовъ выпрыгнулъ на ледъ; я послѣдовалъ его примѣру, хотя и не такъ удачно, и, выкупавшись по поясницу въ холодной водѣ, очутился, наконецъ, на крѣпкомъ льду. Промокнуть до костей въ такую холодную погоду было дѣло не шуточное; я оставилъ своихъ спутниковъ возлѣ лодки, а самъ быстро направился къ городу, гдѣ и нашелъ пріютъ въ первой попавшейся на глаза лавкѣ. Просушившись и отдохнувъ, я тотчасъ же послалъ телеграмму къ м-ру Вюртцу, секретарю американскаго посольства въ Петербургѣ, разыскалъ собственника лошадей, съ которымъ и договорился, нанялъ проводника, Никифора, досталъ сѣдла и необходимую сбрую и въ тотъ же день подъ вечеръ, на этотъ разъ безъ всякихъ недоразумѣній, вернулся черезъ рѣку къ Зябликову.

Въ пятницу раннимъ утромъ мы осѣдлали лошадей и отправились по направленію къ Карѣ, не захвативъ съ собою ничего, кромѣ одѣялъ, записныхъ книжекъ, мѣшочковъ съ провизіей и фотографическаго аппарата. Погода была мягкая: нашъ термометръ показы-

валъ 18 град. выше нуля; но небо было пасмурно и малообѣщающе. Падалъ мелкій снѣжокъ, и, когда мы взобрались на первый высокій кряжъ и увидѣли предъ собою пустынную и дикую горную страну, которую предстояло проѣхать, у меня невольно, какъ-то тоскливо сжалось сердце. Я еще не вполнѣ оправился отъ моей троицкосавской болѣзни, а зима уже наступила; я боялся, что небольшой запасъ остававшейся у меня энергіи и силы слишкомъ недостаточенъ, чтобы довести до конца предстоящее путешествіе въ 80 миль, верхомъ, по самой невозможной дорогѣ. Къ тому же наша одежда далеко не отвѣчала сезону. Мы надѣялись еще захватить пароходъ и не позаботились объ этой сторонѣ дѣла: наши полушубки не покрывали колѣнъ; мѣховыхъ шапокъ у насъ не было, а валенки были такъ громадны, что не влѣзали въ стремена; надо было или ѣхать безъ нихъ или отказаться отъ поддержки стремянъ. Къ счастью, переѣздъ нашъ вначалѣ былъ очень хорошъ; погода стояла хорошая, и мы успѣли 20 миль проѣхать сравнительно сносно, безъ большихъ страданій. На ночь мы остановились въ глухой лѣсной деревушкѣ Ломы, на берегу Шилки, спали на полу въ крестьянской избѣ, вмѣстѣ съ многочисленной семьей, и въ субботу утромъ, послѣ незатѣйливаго завтрака, продолжали путь на свѣжихъ лошадяхъ и съ новымъ проводникомъ. Погода снова перемѣнилась, и термометръ показывалъ 8^0 ниже нуля. Лошади стояли бѣлыя отъ мороза, изъ ноздрей у нихъ торчали длинныя ледяныя сосульки, и онѣ, казалось, съ такимъ же нетерпѣніемъ рвались въ дорогу, какъ и мы. Съ Ломъ началась дѣйствительно тяжелая часть путешествія. Узкая и заросшая тропинка прихотливо извивалась по совершенно дикой горной мѣстности, то вдругъ заворачивая на сѣверъ, въ обходъ какой-нибудь пропасти, то пролегая по крутому горному склону, то взбираясь на огромный утесъ, высоко царящій надъ Шилкой, на которомъ малѣйшій невѣрный шагъ лошади могъ сразу положить конецъ нашему сибирскому путешествію. Какъ мы успѣли благополучно совершить нашъ путь здѣсь — для меня и теперь непонятно. Наши лошади были неподкованы, а между тѣмъ по дорогѣ очень часто попадались горные ручейки, уже замерзшіе, но покрытые обманчивою снѣжной пеленой, не позволявшей регулировать движеніе лошадей. Почти всю субботу и воскресенье мы шли пѣшкомъ, ведя лошадей въ поводу, частью потому, что сидѣть верхомъ было слишкомъ опасно. Эти три дня пути окончательно подорвали мои силы, и, когда мы прибыли въ Шилку, къ ночи воскресенья, мой слабый и лихорадочный пульсъ, въ 120 ударовъ въ секунду, грозилъ мнѣ серьезной бѣдой. Къ счастью, мы были близки къ концу пути. Усть-Кара, самое южное изъ Карійскихъ поселеній, была отсюда въ

12—15 миляхъ, и около полудня, въ понедѣльникъ, мы слѣзли, наконецъ, съ своихъ лошадей передъ домомъ пріятеля нашего проводника и, прихрамывая, добрались до полатей.

Карійскіе промыслы составляютъ собственность царя и эксплуатируются въ его пользу. Они состоятъ изъ цѣлой системы золотыхъ розсыпей, расположенныхъ вдоль быстрой горной рѣченки Кары, выходящей изъ Яблоноваго хребта, текущей на юго-востокъ и впадающей, миляхъ въ 40—50 отъ истока, въ Шилку. Названіе „Кара“ — что по-татарски значитъ: „черный“ — прежде относилось только къ рѣчкѣ, но съ теченіемъ времени распространилось на всю систему карательныхъ учрежденій, разсыпанныхъ въ долинѣ рѣки. Южное поселеніе, лежащее у устья Кары, называется Усть-Карой; далѣе на сѣверъ слѣдуютъ: Нижняя тюрьма, Политическая тюрьма, Нижній Промыселъ, Средній Промыселъ, Верхній Промыселъ и, наконецъ, Амурская тюрьма. Административный центръ находится на Нижнемъ Промыслѣ, гдѣ живетъ завѣдывающій и гдѣ сосредоточено въ тюрьмахъ до 300 каторжниковъ и въ казармахъ до 2 ротъ солдатъ. Нижній Промыселъ мы и рѣшили выбрать своей главной квартирой: во-первыхъ, тутъ жилъ завѣдывающій, безъ разрѣшенія котораго мы не могли бы сдѣлатъ ни одного шага, во-вторыхъ, здѣсь по сосѣдству находилась политическая тюрьма — главная наша цѣль. Итакъ мы наняли телѣгу и направились къ Нижнему. Дорога шла по лѣвому берегу Кары, по узкой, въ $^1/_2$ мили, долинѣ, окаймленной невысокими холмами съ довольно жалкой растительностью изъ лиственницъ и сосенъ, уже покрытыхъ бѣлою снѣжною пеленою. Вся долина была изрыта въ поискахъ за золотомъ и покрыта безформенными кучами гравія и песку.

Въ Нижній мы пріѣхали еще засвѣтло. Это оказалась довольно большая разбросанная сибирская деревня съ низкими мазаными деревянными избами, длинными некрашеными казармами и бараками, чиновничьими домами, крытыми желѣзомъ, съ плетеными заборами и съ почернѣвшей отъ времени, мрачной и ветхой деревянной тюрьмой обычнаго сибирскаго типа. Зданія, принадлежащія администраціи, были расположены съ нѣкоторой правильностью вокругъ площади или вдоль широкой улицы и придавали центральной части деревни официальный видъ, такъ мало гармонировавшій съ жалкими и безпорядочно разбросанными хижинами вольнокомандцевъ, занимавшими края промысла. Въ одной сторонѣ широкой площади, вокругъ которой стояли тюрьма и бараки, человѣкъ 50 каторжниковъ, въ длинныхъ сѣрыхъ халатахъ, съ бубновыми тузами на спинахъ, работали возлѣ какого-то строющагося зданія. Они были оцѣплены казаками, которые, въ шубахъ и валенкахъ, стояли безъ

движенія, опираясь на свои берданки и наблюдая за рабочими. Въ сторонкѣ горѣлъ костеръ, на которомъ варился чай и вокругъ котораго толпилась кучка казаковъ, человѣкъ въ 12. Ихъ беззаботныя позы и сложенныя возлѣ ружья указывали, что они въ данную минуту свободны. При слабомъ свѣтѣ мрачныхъ осеннихъ сумерекъ эта пустынная, широкая, покрытая снѣгомъ площадь, сѣрая группа каторжниковъ, безшумно и уныло работающихъ подъ наблюденіемъ казаковъ, опирающихся на ружья съ примкнутыми штыками, составляли картину, которая меня какъ-то придавила. Это былъ маленькій уголъ каторжной жизни, первый попавшійся на глаза.

Мы прямо направились къ дому завѣдывающаго. Майоръ Потуловъ, высокій, красивый, съ военной выправкой мужчина, лѣтъ 50, принялъ насъ чрезвычайно сердечно и сказалъ, что онъ уже зналъ о нашемъ близкомъ пріѣздѣ, такъ какъ получилъ изъ Читы отъ губернатора телеграмму. Но, въ сущности, онъ не ждалъ насъ такъ скоро, такъ какъ сообщеніе по Шилкѣ прекратилось и трудно было ожидать, чтобы иностранцы рѣшились въ эту пору предпринять ужасное горное путешествіе. Но онъ тѣмъ болѣе радъ насъ видѣть и приглашаетъ насъ воспользоваться его полнымъ гостепріимствомъ. Я отвѣчалъ ему, что, не желая злоупотреблять его любезностью, я былъ бы весьма обязанъ, если бы онъ могъ мнѣ указать, гдѣ остановиться. Онъ добродушно разсмѣялся и сказалъ, что на Карѣ нѣтъ отелей, если не считать тѣхъ, которые содержитъ правительство для мошенниковъ и убійцъ, и что намъ надо принять его предложеніе и располагаться у него, какъ дома. Это не вполнѣ отвѣчало нашимъ планамъ: быть подъ постояннымъ наблюденіемъ начальства и познакомиться съ политическими, оставаясь гостями Потулова, было бы, вѣроятно, не легко; но выбора не было; мы приняли приглашеніе и черезъ 10 минутъ устроились въ комфортабельномъ помѣщеніи, гдѣ наши глаза могли вволю услаждаться видомъ такихъ вещей, какъ громадныя зеркала, мягкія софы и фортепіано.

Во время нашего посѣщенія на Карѣ считалось до 1800 каторжныхъ. Половина этого числа содержалась въ тюрьмахъ; другая въ баракахъ или въ частныхъ домахъ, внѣ тюремныхъ стѣнъ. Срокъ наказанія для каторжниковъ въ Россіи дѣлится на два періода. Сначала каторжникъ находится „на испытаніи“ и содержится въ тюрьмѣ подъ строгимъ присмотромъ. Если его поведеніе заслуживаетъ одобренія тюремнаго начальства, онъ, послѣ истеченія „испытуемаго срока“, освобождается изъ тюрьмы и записывается въ такъ называемую „вольную команду“. Онъ остается каторжникомъ, получаетъ свой тюремный паекъ и не можетъ переступать предѣловъ промысла безъ спеціальнаго разрѣшенія; но онъ получаетъ, въ каче-

ствѣ „вольнокомандца“, извѣстныя облегченія: ему разрѣшается жить съ товарищами въ особыхъ баракахъ или съ семьею на частной квартирѣ; онъ можетъ работать на себя, отработавъ свою казенную работу, и, вообще, пользуется нѣкоторой свободой. Закончивъ этотъ второй „исправляющій срокъ“, онъ отсылается, какъ поселенецъ, куда-нибудь въ Восточную Сибирь на остальную жизнь.

Тюремъ на Карѣ было при насъ 7. Онѣ разбросаны по рѣкѣ Карѣ на 20 миль. Медленное, но упорное движеніе развѣдчиковъ золота вверхъ по рѣкѣ оставило далеко позади старые Нижній и Усть-Карійскій промыслы, обитатели которыхъ остались такимъ образомъ въ вынужденной праздности. Каждая тюрьма имѣетъ своего смотрителя, подчиненнаго завѣдывающему; въ каждой тюрьмѣ своя воинская команда изъ казачьяго батальона, который, въ числѣ 1000 чел., исполняетъ на всей Карѣ конвойную службу. Двѣ политическихъ тюрьмы, однако, были въ вѣдѣніи особаго коменданта, жандармскаго капитана Николина, котораго прислали сюда изъ Петербурга и у котораго подъ начальствомъ состоялъ отрядъ жандармовъ. Политическая тюрьма имѣла свою „вольную команду“. Она въ наше время состояла изъ 12—15 человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, жившихъ въ своихъ домахъ на окраинахъ Нижняго Промысла.

Цѣль нашей поѣздки на Кару была прежде всего познакомиться съ общимъ состояніемъ карійскихъ каторжныхъ работъ, затѣмъ познакомиться съ политическими вольнокомандцами и, наконецъ, посѣтить самую политическую тюрьму и, если бы намъ не позволили говорить съ ними, то хотя посмотрѣть, какова ихъ жизнь. Первая задача была, очевидно, вполнѣ исполнима; вторая — сомнительна, третья — почти невѣроятна. Но надо было тѣмъ не менѣе попытаться. Я не зналъ, какія инструкціи по отношенію къ намъ получилъ майоръ Потуловъ, но онъ былъ крайне любезенъ, не задавалъ намъ неловкихъ вопросовъ, и, когда, на второй день послѣ пріѣзда, мы обратились къ нему за разрѣшеніемъ посѣтить тюрьмы и промыслы, онъ безъ малѣйшихъ колебаній приказалъ запречь лошадей и предложилъ намъ быть нашимъ провожатымъ.

Я не имѣю намѣренія подробно описывать всѣ Карійскія тюрьмы, я опишу лишь двѣ, какъ мнѣ кажется, типическія; одну — изъ плохихъ, другую — изъ лучшихъ. Усть-Карійская тюрьма, вѣроятно, худшая въ отношеніи гигіены и переполненія изъ всѣхъ здѣшнихъ тюремъ, построена на низкомъ, болотистомъ мѣстѣ, далеко отъ впаденія Кары въ Шилку, болѣе 50 лѣтъ тому назадъ, когда правительство впервые рѣшилось приложить каторжный трудъ къ своимъ здѣшнимъ розсыпямъ. Издали она похожа на длинныя и низкія конюшни изъ некрашеныхъ бревенъ, которыя теперь отъ

времени почернѣли и полуистлѣли. Вмѣстѣ съ дворомъ она занимаетъ квадратную площадь въ 100 футовъ, двѣ стороны которой образуются тюремнымъ корпусомъ, двѣ другія — палями, т. е. высокимъ, въ 25 футовъ, заборомъ изъ поставленныхъ стоймя и скрѣпленныхъ другъ съ другомъ, заостренныхъ вверху бревенъ. — При нашемъ приближеніи къ тюрьмѣ, часовой казакъ взялъ передъ майоромъ Потуловымъ на караулъ и крикнулъ: „старшаго!“ Старшій — казацкій урядникъ — подбѣжалъ къ воротамъ со связкой ключей, открылъ тяжелую калитку, и мы вошли въ тюремный дворъ. Нѣсколько каторжниковъ съ бритыми головами, при видѣ начальства, быстро побѣжали въ зданіе, чтобы занять тамъ свои мѣста. Мы поднялись по нѣсколькимъ ступенькамъ крыльца, покрытымъ вершка на 2 густою грязью, и вошли въ длинный, низкій и темный коридоръ, полъ котораго, весь въ щеляхъ, былъ густо покрытъ какой-то скользкою гадостью. Атмосфера, хотя не холодная, была проникнута влажностью и тѣмъ специфическимъ запахомъ, который отличаетъ собою всѣ сибирскія тюрьмы. Разъ испытавъ этотъ запахъ, человѣкъ не забудетъ его никогда; и все-же онъ такъ непохожъ на всѣ иные запахи, что я не могу ни съ чѣмъ сравнить его. Представьте себѣ погребной воздухъ, каждый атомъ котораго полъ-дюжины разъ прошелъ черезъ человѣческія легкія и весь насытился угольной кислотой; прибавьте сюда запахъ отвратительныхъ, острыхъ, аммоніякальныхъ испареній отъ давно не мытыхъ человѣческихъ тѣлъ, запахъ сырого гніющаго дерева и запахъ человѣческихъ испражненій,— и вы все-таки не будете имѣть настоящаго представленія объ атмосферѣ сибирской тюрьмы. Эта атмосфера новичку кажется абсолютно невыносимой, невозможной. Когда мы вошли въ коридоръ, скользя по полу и вдыхая этотъ ужасный воздухъ, г. Потуловъ обернулся ко мнѣ и, съ перекосившимся отъ отвращенія лицомъ, воскликнулъ: „омерзительная тюрьма“.

Урядникъ открылъ настежь тяжелую деревянную дверь первой камеры и крикнулъ: „смирно!“ — обычный окликъ при входѣ начальства. Камера имѣла 24 фута въ длину, 22 — въ ширину и 8 — въ вышину; въ ней помѣщалось 29 обитателей. Воздухъ былъ еще ужаснѣе, чѣмъ въ коридорѣ. Камера освѣщалась черезъ 2 окна съ желѣзными рѣшетками. Эти окна не открывались и, вообще, не имѣлось никакихъ приспособленій для вентиляціи. Стѣны были нѣкогда, повидимому, покрыты известкою, но это было очень давно, и теперь онѣ сдѣлались черны и грязны, съ сотнями красноватыхъ пятенъ: — тутъ арестанты предавали казни клоповъ и блохъ. Полъ, несмотря на принятыя мѣры, былъ грязенъ до невозможности. Вдоль трехъ стѣнъ были расположены „нары“, на которыхъ арестанты спа-

ли покатомъ, тѣсно другъ около друга. Не было здѣсь ни подушекъ, ни одѣялъ, и люди спали, не раздѣваясь, на голыхъ доскахъ, покрываясь своими халатами. Вся меблировка камеры состояла изъ этихъ наръ, кирпичной печки и большой деревянной кадки. Когда на ночь запирались камерныя двери, на каждаго изъ арестантовъ приходилось, въ теченіе 8—10 часовъ медленнаго задушенія, столько воздуху, сколько вмѣщаетъ въ себѣ сундукъ въ 5 квадр. футовъ. Я, по крайней мѣрѣ, не могу представить себѣ, какъ могъ бы приходить въ камеру свѣжій воздухъ при запертой двери.

Мы оставались въ первой камерѣ не болѣе 2 минутъ. Я вышелъ изъ нея, кажется, первый и до сихъ поръ помню, съ какимъ облегченіемъ я вдохнулъ въ себя коридорный воздухъ, который при входѣ показался мнѣ столь ужаснымъ; теперь это была — сама свѣжесть и чистота. Затѣмъ мы быстро прошли по остальнымъ камерамъ. Въ одной изъ нихъ я замѣтилъ въ углу сапожника, занятаго своимъ дѣломъ; запахъ кожи здѣсь хоть нѣсколько ослаблялъ обычную вонь. Результаты, къ которымъ ведетъ необходимость постоянно дышать этимъ ужаснымъ воздухомъ, можно легко узнать по положенію дѣлъ въ карійскомъ госпиталѣ, гдѣ господствуютъ цынга, тифъ, анемія и чахотка. Никто изъ тѣхъ, съ кѣмъ намъ приходилось говорить объ этомъ на Карѣ, не сомнѣвается, въ чемъ надо искать причину этому. Тюремный врачъ высказался самымъ рѣшительнымъ образомъ въ этомъ смыслѣ. „У насъ цынга никогда не переводится,—сказалъ онъ.—Вы были въ тюрьмахъ и знаете, каковы ихъ санитарныя условія. Естественно, эта грязь и тѣснота вызываютъ болѣзни. У насъ въ госпиталѣ теперь 140 человѣкъ; весною ихъ часто бываетъ до 250“ *).

Большинство больныхъ посылаютъ въ госпиталь тюрьмы, все количество которыхъ доходитъ всего до 1000 человѣкъ; но это число больныхъ по госпитальнымъ спискамъ далеко отъ всего числа

*) Въ 1857 году, когда славный или, лучше, безславный Разгильдяевъ взялся во что бы то ни стало въ годъ добыть царю 100 пуд. золота на Карѣ, тамъ заболѣло и умерло болѣе 1000 арестантовъ; ихъ убили цынга, тифъ и истощеніе отъ непомѣрно тяжелой работы. Царствовалъ тогда Александръ Освободитель; можно было ожидать, что такая смертность въ его собственныхъ пріискахъ обратитъ на себя вниманіе, и что онъ употребитъ хоть часть золота, добытаго цѣною тысячи жизней, на облегченіе положенія арестантовъ. Однако, ничего въ этомъ направленіи сдѣлано не было. Прошло 10 лѣтъ и, по свидѣтельству Максимова, на Карѣ осталось „то же положеніе вещей, тѣ же тюрьмы, та же цынга“ (См. „Сибирь и каторга“ Максимова, т. 1, стр. 102, Петербургъ, 1871 г.) Прошло еще почти 20 лѣтъ и намъ, въ 1885 году, говорятъ снова: „цынга у насъ никогда не переводится.“

Число больныхъ, лежавшихъ въ карійскомъ госпиталѣ въ 1886 году было 1208 человѣкъ. (См. рапортъ Главной Тюремной администраціи за 1886 годъ, стр. 46, 47). — Кеннанъ.

заболѣваній на Карѣ. Очень многіе вольнокомандцы, заболѣвая, остаются у себя дома: да и изъ заключенныхъ сравнительно немногіе больные считаются настолько серьезно больными, что ихъ въ концѣ концовъ переводятъ въ госпиталь, постоянно переполненный. Цынготный, пока онъ не заболѣетъ серьезно и окончательно, часто лежитъ въ камерѣ и заражаетъ своимъ больнымъ дыханіемъ и безъ того отравленный воздухъ.

Обойдя всѣ камеры, мы вышли на свѣжій, живительный воздухъ, пересѣкли дворъ и черезъ новыя ворота вошли въ женскую тюрьму — такое же, только меньшее, деревянное зданіе, съ двумя большими камерами. Эти камеры были теплѣе, свѣтлѣе и выше, чѣмъ камеры мужской тюрьмы, но ихъ санитарныя условія едва ли были лучше. Хотя воздуху здѣсь было и больше, но онъ до невозможности былъ насыщенъ отвратительными испареніями изъ ватеръ-клозетовъ. Полъ весь сгнилъ, иныхъ досокъ совсѣмъ не было, другія — всѣ въ громадныхъ щеляхъ, куда заключенныя, очевидно, бросали остатки пищи и выливали помои. Я остановился на мгновеніе надъ одной изъ такихъ щелей, но выходившая оттуда вонь отъ разложенія органическихъ отбросовъ была слишкомъ ужасна, слишкомъ ясно напоминала о тифѣ и цынгѣ, чтобы я рѣшился вдохнуть въ себя болѣе одного раза эту заразу. Женскія камеры, какъ и мужскія, не имѣли никакой мебели, кромѣ тѣхъ же наръ, лишенныхъ всякихъ признаковъ постельныхъ принадлежностей. Я не встрѣтилъ тамъ ни одной подушки, ни одного одѣяла. Въ двухъ камерахъ содержалось 48 женщинъ, изъ которыхъ у 7 или 8 были на рукахъ грудныя дѣти.

Во время нашего обхода, къ г. Потулову то и дѣло обращались съ жалобами и прошеніями. Одинъ арестантъ, смѣнившійся въ пьяномъ видѣ по дорогѣ съ своимъ товарищемъ и попавшій вмѣсто него на каторгу, просилъ о пересмотрѣ его дѣла; другой просилъ о выпускѣ въ вольную команду, такъ какъ давно уже кончилъ свой „испытуемый“ срокъ. Трое, уже два мѣсяца бывшіе въ тюрьмѣ, не знали, почему и за что они сюда попали, и т. д. Многіе обращались ко мнѣ, очевидно думая найти во мнѣ ревизора, и чтобы избавить Потулова отъ затруднительнаго положенія, а жалобщиковъ — отъ наказанія, я поспѣшилъ объяснить, что я не ревизоръ, а только любопытствующій путешественникъ. Жалобы и, очевидно, отвратительное состояніе тюремъ, казалось, раздражали Потулова, и онъ становился все угрюмѣе и мрачнѣе. Онъ не пытался ничего ни объяснять, ни защищать, ни извинять; ни тогда, ни послѣ онъ не спрашивалъ меня, какое впечатлѣніе произвели на меня Усть-Карійскія тюрьмы; онъ хорошо понималъ, какое впечатлѣніе онѣ д о л ж н ы были произвести.

Тутъ же рядомъ находилась и женская политическая тюрьма, но безъ разрѣшенія коменданта Николина даже Потуловъ не могъ войти въ нее. Изъ всего, что я узналъ о ней впослѣдствіи, было ясно, что, будучи нѣсколько чище и свободнѣе, по комфорту и по санитарнымъ условіямъ она была мало чѣмъ лучше тѣхъ тюремъ, которыя я успѣлъ посѣтить.

Во вторникъ мы посѣтили Средне-Карійскую тюрьму, лучшую изъ здѣшнихъ. Средній промыселъ находится миляхъ въ трехъ отъ Нижняго. Дорога къ нему идетъ по правому берегу Кары, по пустынной и покрытой снѣгомъ долинѣ, возлѣ которой тамъ и сямъ разбросаны хижины вольнокомандцевъ. Болѣе жалкихъ человѣческихъ жилищъ я не встрѣчалъ. Лучшія изъ нихъ напоминаютъ самые бѣдные изъ домовъ ирландскихъ земледѣльцевъ, худшія же — какія-то собачьи конуры, наскоро устроенныя изъ хворосту и досокъ. Какъ проводятъ въ нихъ люди суровую сибирскую зиму — совершенно непонятно.

Вольная команда имѣетъ въ виду, по официальнымъ толкованіямъ, исправленіе каторжниковъ перспективою болѣе свободной и обезпеченной жизни. Она скорѣе деморализуетъ, чѣмъ исправляетъ; она поощряетъ пьянство и лѣность; она не гарантируетъ арестанту, даже дѣйствительно исправляющемуся, вѣрнаго улучшенія его положенія, и, въ концѣ концовъ, она является лишь средствомъ выбрасывать въ среду сибирскаго населенія тысячи преступниковъ самаго худшаго вида. Разрѣшеніе женамъ и дѣтямъ осужденныхъ слѣдовать за ними въ Сибирь и жить здѣсь — безъ защиты и опоры — въ вольной командѣ, ведетъ также лишь къ деморализаціи. Правительство содержитъ ихъ въ надеждѣ, что впослѣдствіи они смогутъ оказывать благотворное вліяніе на ихъ мужей и отцовъ, но результаты рѣдко отвѣчаютъ этимъ ожиданіямъ. Женщины и дѣвушки, даже если онѣ сумѣли, не развратившись, пройти черезъ испытанія сотенъ переполненныхъ этаповъ и пересыльныхъ тюремъ, здѣсь почти неизбѣжно кончаютъ самой разнузданной проституціей. Да и вообще, у вольнокомандца, котораго скоро ждетъ отправка на поселеніе, не можетъ быть достаточно сильныхъ побужденій устраиваться на Карѣ: — вѣдь все его обзаведеніе пропадаетъ. Поэтому всякій старается провести свой „исправляющій“ срокъ, по возможности, въ праздности и въ грубыхъ удовольствіяхъ, въ родѣ пьянства и разврата. Стремленіе же всѣхъ арестантовъ въ вольную команду объясняется сравнительною легкостью побѣга оттуда. Каждое лѣто, когда погода дѣлаетъ возможною жизнь на лонѣ природы, въ вольной командѣ начинаются—и въ теченіе 2—3 мѣсяцевъ безпрерывно происходятъ—частые побѣги по направленію къ Байкалу.

Сигналъ этому движенію даетъ крикъ кукушки, указывающій на приближеніе лѣта. Болѣе 300 человѣкъ на Карѣ ежегодно отзываются на зовъ „генерала Кукушкина“, а по всей Сибири считаютъ бродягъ каждое лѣто въ 30,000 человѣкъ. Большинство бродягъ къ зимѣ возвращается назадъ, въ кандалахъ и подъ конвоемъ, но что за бѣда! они хотя нѣсколько мѣсяцевъ успѣли подышать чистымъ воздухомъ лѣсовъ и степей! У многихъ это доходитъ до маніи бродяжничества. Они знаютъ, что ихъ поймаютъ, что въ теченіе мѣсяцевъ имъ придется вести жизнь гонимаго звѣря, питаться ягодами и кореньями, спать на сырой землѣ и ежеминутно быть готовыми къ смерти. Они знаютъ это, но достаточно закуковать кукушкѣ, чтобы истиннаго бродягу неудержимо потянуло въ лѣсъ.

„У меня былъ слуга, — разсказывалъ мнѣ одинъ карійскій чиновникъ, — который принадлежалъ къ числу завзятыхъ бродягъ и былъ постоянно въ бѣгахъ лѣтомъ. Ему всегда приходилось выносить невозможныя лишенія; онъ не надѣялся вырваться изъ Сибири и неизмѣнно возвращался на Кару, въ кандалахъ, на жестокое наказаніе; но ничто не могло остановить его. Когда онъ постарѣлъ и посѣдѣлъ, онъ пришелъ разъ ко мнѣ раннимъ лѣтомъ и сказалъ: — Баринъ, сдѣлайте милость, посадите меня въ тюрьму. — Въ тюрьму? — удивился я — за что же? — Ни за что, баринъ. Вы знаете — я бродяга. Сколько разъ я бѣгалъ и теперь убѣгу, коли не запрете. Прежде то я былъ молодой, а теперь уже старъ и слабъ сталъ, не выдержу бродяжеской жизни, а коли генералъ Кукушкинъ позоветъ — безпремѣнно побѣгу. Сдѣлайте милость, ваше благородіе, заприте меня, чтобы я не могъ уйти. — Я заперъ его и продержалъ въ тюрьмѣ часть лѣта. И что же? — лихорадка его прошла и онъ сталъ снова спокоенъ, доволенъ и смиренъ“.

Есть что-то трогательное въ этомъ неудержимомъ стремленіи слабаго разбитаго старика къ вольной и полной опасностей жизни, въ этой невозможности для него бороться противъ обаянія завѣтнаго крика кукушки, зовущаго его на эту жизнь. Онъ знаетъ, что онъ сталъ старъ и слабъ, что онъ не можетъ болѣе, какъ онъ могъ когда-то, бродить по лѣсамъ, переходить рѣки, питаться кореньями, спать на сырой землѣ. Но пусть только заслышитъ онъ призывные звуки, его съ прежнею силою охватываютъ импульсы молодости, онъ снова живетъ въ воображеніи тою жизнью свободы и простора, которую, увы, онъ испыталъ лишь въ безлюдной тайгѣ; если ему не помѣшаютъ, онъ уйдетъ, онъ должен<u>ъ</u> уйти. Какъ нѣкогда Улиссъ самъ связалъ себя, чтобы не поддаться очарованію пѣнія сиренъ, такъ этотъ бѣдный старикъ самъ просился въ тюрьму, чтобы не слышать крика кукушки, который такъ тѣсно связанъ

въ его душѣ со всѣмъ тѣмъ, что онъ зналъ въ жизни свободнаго и счастливаго.

Читателю можетъ показаться странной та легкость, съ которою бѣгутъ люди съ каторги, охраняемой сотнями казаковъ, но, въ сущности, это объясняется очень просто. Дома вольнокомандцевъ не находятся подъ надзоромъ, а вокругъ каторжнаго округа нѣтъ никакой караульной цѣпи. Арестанту, если только онъ не въ тюрьмѣ, очень легко завязать въ мѣшокъ небольшой запасъ сбереженнаго хлѣба, привязать къ поясу котелокъ и, съ топоромъ за плечами, ночью скрыться въ близлежащей тайгѣ. Непосредственныя власти къ тому же смотрятъ на эти побѣги болѣе чѣмъ сквозь пальцы, потому что они для нихъ выгодны. Они продолжаютъ получать на отсутствующихъ раціоны содержанія и полагающуюся одежду и продаютъ ихъ въ свою пользу мѣстнымъ торговцамъ—евреямъ, которые, въ то же время, и казенные подрядчики по поставкѣ этихъ вещей. Такимъ образомъ каждый побѣгъ является для смотрителя источникомъ вѣрнаго дохода, пока можно скрывать отсутствіе бѣжавшаго. При такихъ обстоятельствахъ трудно ожидать энергическихъ мѣръ для предупрежденія побѣговъ или для поимки бѣглецовъ со стороны мѣстнаго правительства.

Средне-Карійская тюрьма довольно длинное, одноэтажное деревянное зданіе, одной своей стороной выходящее на улицу, а съ трехъ другихъ — окруженное палями, заключающими въ себѣ квадратный дворъ. Ни по внѣшности ни по плану она почти не отличалась отъ Усть-Карійской тюрьмы, но была много новѣе и нѣсколько лучше въ санитарномъ отношеніи. Такъ какъ во время нашего посѣщенія почти всѣ ея обитатели были въ работахъ въ близлежащемъ пріискѣ, то я не могъ судить, насколько она переполнена. Г. Потуловъ сказалъ мнѣ, что въ ней содержится 107 человѣкъ. Теперь въ ней оставалось лишь нѣсколько человѣкъ, или больныхъ, или занятыхъ утренней тюремной работой и на кухнѣ. Атмосфера — безконечно лучшая, чѣмъ на Усть-Карѣ, — была тѣмъ не менѣе тяжела. На стѣнахъ камеръ были развѣшены свѣжія сосновыя вѣтки. Между ними, кое-гдѣ висѣли картонныя дощечки съ напечатанными на нихъ изреченіями Евангелія. Одно изъ этихъ изреченій я запомнилъ: „Придите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и я успокою васъ“ — гласило оно. Какъ попали сюда эти доски, я не знаю, но меня невольно поразило странное и почти ужасающее противорѣчіе между грязными и черными стѣнами и развѣшенными на нихъ праздничными украшеніями изъ зеленыхъ вѣтвей, — между голыми нарами, полными клоповъ и вшей, и этимъ обѣщаніемъ успокоенія для „труждающихся и обре-

мененныхъ". Какимъ великимъ облегченіемъ для здѣшнихъ „обремененныхъ" былъ бы даже тѣлесный покой, видно изъ того, какъ заботливо старались арестанты изъ всякихъ тряпокъ и обрывковъ стараго платья устраивать себѣ нѣчто въ родѣ подстилокъ, которыя тамъ и сямъ покрывали голыя доски наръ. Глядя на эти подстилки, сшитыя изъ десятковъ и сотенъ лоскутьевъ, трудно было представить, чтобы они хоть немного умягчали жесткое деревянное ложе. Со стороны русскаго правительства, мнѣ кажется, совершенно непростительно это отсутствіе въ его тюрьмахъ хотя бы простыхъ соломенныхъ матрацовъ и подушекъ. Вѣдь даже въ собачьи конуры бросаютъ клокъ соломы. А русское правительство заставляетъ людей работать 10, 12 часовъ въ своихъ рудникахъ и, оставляя ихъ затѣмъ усталыхъ и разбитыхъ спать на голыхъ доскахъ, въ видѣ утѣшенія вѣшаетъ надъ ихъ головами великую заповѣдь и обѣщаніе Христа: „Придите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и я успокою васъ". Я съ Фростомъ тщательно изслѣдовали десятокъ тюремъ въ Забайкальѣ, и ни въ одной изъ нихъ, за исключеніемъ новой центральной Верхнеудинской тюрьмы, мы не нашли ни постели, ни подушекъ, ни одѣялъ. Вездѣ арестанты спятъ на голыхъ доскахъ, укутанные въ свои же халаты, вездѣ ихъ мучатъ клопы и иныя насѣкомыя, вездѣ они вдыхаютъ въ себя снова и снова тотъ же испорченный воздухъ, пока въ немъ не остается, кажется, столько кислороду, чтобы поддерживать горѣніе ночника. Если кто нибудь думаетъ, что я преувеличиваю и кладу слишкомъ черныя краски, пусть тотъ прочтетъ у Максимова, описаніе Нижне-Карійской тюрьмы („Сибирь и Каторга" I, 100, 103), у Орфанова описаніе старой Верхнеудинской тюрьмы („Вдали" 220—222) и особенно выводы, къ которымъ приходитъ послѣдній авторъ по отношенію къ восточно-сибирскимъ тюрьмамъ вообще, во второй части своей книги*). Все это говорилось до меня, говорилось самими русскими. Я повторяю это не потому, что мнѣ нравится это занятіе, — о, нѣтъ! — а потому, что это должно повторять и повторять, чтобы привлечь вниманіе тѣхъ, отъ кого зависитъ измѣнить положеніе вещей.

Осмотрѣвъ камеры, мы не пропустили и кухни. На Карѣ каторжникъ получаетъ въ день 3 фунта чернаго хлѣба, около 4 унцій мяса (считая и кости), немного ячменя, который обыкновенно кладутъ въ супъ, и немного кирпичнаго чаю. Иногда онъ полу-

---

*) Орфановъ, между прочимъ, пишетъ — и пишетъ курсивомъ, — что за все время своей десятилѣтней службы въ Сибири онъ „никогда не видѣлъ тюрьмы, въ которой бы не было, по крайней мѣрѣ, вдвое болѣе заключенныхъ, чѣмъ полагается по штатамъ" (стр. 233]. — *Кеннанъ.*

чаетъ картофель или капусту, но эту роскошь надо добывать лишнимъ трудомъ или долгой экономіей въ разныхъ мелочахъ. Раціонъ этотъ, какъ мнѣ кажется, достаточный по количеству, страдаетъ однообразіемъ. Хлѣбъ я пробовалъ: онъ не хуже обыкновеннаго хлѣба русскаго крестьянина, но скверно выпеченъ, липокъ и тѣстообразенъ. Повара при мнѣ разрѣзывали на кусочки вынутое изъ супа мясо; надо признаться, что эти кусочки имѣли далеко не презентабельный видъ; они скорѣе походили на жирные кусочки, изъ которыхъ варятъ мыло. Порядокъ, въ которомъ арестанты принимали пищу, таковъ: утромъ, послѣ повѣрки, — завтракъ, состоящій изъ кирпичнаго чаю съ хлѣбомъ; послѣ завтрака арестанты идутъ на работу, беря съ собою хлѣбъ и чай, который и пьютъ на мѣстѣ работъ, возлѣ разложеннаго на воздухѣ костра, какова бы ни была погода, даже въ жестокіе зимніе холода. Къ вечеру, вернувшись съ работъ, арестанты, въ первый разъ въ день, ѣдятъ основательно: тогда имъ даютъ супъ, мясо, хлѣбъ и иногда чай. Послѣ вечерней повѣрки ихъ запираютъ на ночь, и они ложатся спать, внеся въ камеры „параши“, разостлавъ — у кого есть — на нарахъ свои самодѣльныя подстилки и свернувъ подъ голову какую-нибудь принадлежность своего костюма. — Одежда, выдаваемая — или, лучше сказать, полагающаяся по закону — карійскимъ каторжникамъ, состоитъ изъ грубой полотняной рубахи и такихъ же портовъ — на шесть мѣсяцевъ; изъ шапки, пары суконныхъ панталонъ и суконнаго халата — на годъ; изъ полушубка — на два года; изъ „бродней“ — на зиму, и „котовъ“ — лѣтомъ — на каждые 22 дня. На каждаго каторжника правительство тратитъ въ годъ 50 долларовъ; — такую цифру далъ мнѣ г. Потуловъ.

Окончивъ осмотръ Средне-Карійской тюрьмы, мы отправились вверхъ по долинѣ на Верхній Промыселъ и здѣсь, оставивъ экипажъ, пошли пѣшкомъ къ мѣсту добычи золота. Золотоносный песокъ на Карѣ лежитъ подъ слоемъ глины, песку и гравеля; толщина этого слоя — отъ 10 до 12 футовъ. Каторжныя работы арестантовъ состоятъ въ снятіи этого слоя и въ переноскѣ золотоноснаго песку къ „машинѣ“; здѣсь, въ большомъ желѣзномъ ящикѣ, онъ промывается водой, съ которою и выпускается въ рядъ мелкихъ наклонныхъ корытъ, гдѣ золотыя частицы осѣдаютъ на дно и здѣсь задерживаются низкими поперечными планками.

День нашего посѣщенія пріиска былъ холодный и угрюмый, и едва-ли можно себѣ представить болѣе мрачную картину, чѣмъ та, которую представлялъ пріискъ. 30 или 40 каторжниковъ, окруженные кордономъ казаковъ, работали въ глубокомъ колодцѣ, дно котораго было нѣкогда русломъ рѣки. Одни отламывали ломами

большія глыбы гравеля и глины, другіе накладывали ихъ въ ручныя носилки, третьи уносили ихъ и разгружали ярдахъ въ 150—200 отъ мѣста работъ. Машина не дѣйствовала, и это были только предварительныя работы. Каторжники, большинство которыхъ было въ кандалахъ, работали медленно и устало; молчаніе прерывалось лишь изрѣдка ударами лома, звяканьемъ цѣпей и отрывистыми окриками надсмотрщиковъ. Только вокругъ и вблизи разложеннаго костра, гдѣ нѣсколько казаковъ слѣдили за приготовленіемъ чая и старались отогрѣть свои иззябшія руки надъ тлѣющимъ огнемъ, слышались разговоры. Постоявъ минутъ 10—15, мы, утомленные и какъ-то придавленные печальной картиной, вернулись къ экипажу и отправились на Нижній Промыселъ.

Зимою работы на Карѣ продолжаются отъ 7 ч. утра до 5 ч. в.; лѣтомъ — отъ 5 ч. утра до 7 ч. в. Однако, не малая часть времени уходитъ на путешествіе изъ тюрьмы къ разрѣзу и обратно. Ежегодная добыча золота на Карѣ — 11 пудовъ, идущая въ кошелекъ Его Величества. Но, въ сущности, его добывается, вѣроятно, значительно больше, такъ какъ вольнокомандцы часто тайкомъ моютъ золото для себя и перепродаютъ его торговцамъ, переправляющимъ его въ Китай. Имѣть у себя „золотую пшеничку“ — уголовное преступленіе, но выгоды отъ торговли золотомъ такъ значительны, что спекуляторы рискуютъ покупать его у преступниковъ, которые говорятъ, что „золото — божье“, и считаютъ себя въ правѣ добывать его тайкомъ. Стоимость содержанія карійскихъ промысловъ доходитъ до 500.000 руб. Какую долю этихъ расходовъ покрываетъ изъ своихъ средствъ царь, — я не знаю. Изъ всѣхъ своихъ пріисковъ — „Кабинетскихъ“, какъ они называются въ Восточной Сибири, онъ получаетъ въ годъ около 3600 фунтовъ чистаго золота.

„Вольная команда“ на Карѣ.

Главнымъ образомъ занимало насъ на Карѣ выясненіе положенія, въ которое поставлены тамъ политическіе каторжники. Уголовныхъ преступниковъ, въ родѣ бродягъ, фальшивыхъ монетчиковъ, убійцъ и проч. мы видѣли, — или могли видѣть, — въ десяткѣ другихъ мѣстъ; но политическихъ можно было найти только здѣсь; только здѣсь можно было познакомиться съ условіями ихъ существованія. Для этого необходимо было посѣтить хотя одну изъ политическихъ тюремъ и имѣть постоянно свободный доступъ къ тѣмъ, которые, пройдя свой испытуемый срокъ, были выпущены изъ нихъ и жили въ „вольной командѣ“. Это было не легко, — мы знали; но приходить въ отчаяніе было еще рано. Мы были уже не тѣ неопытные, безхитростные туристы, которые всѣ надежды свои возлагаютъ на рекомендательныя письма и офиціальныя указанія. Шестимѣсячное пребываніе въ той школѣ, которая воспитываетъ и самихъ ссыльныхъ, научило насъ болѣе или менѣе успѣшно бороться съ подозрительностью полиціи и жандармовъ; къ тому же мы были вооружены массой свѣдѣній и указаній, которыми снабдили насъ сибирскіе ссыльные, знающіе карійскіе порядки.

Выгоднѣе всего намъ было, какъ мнѣ казалось, прежде всего пріобрѣсти какъ можно болѣе пріятелей и связей въ окружающемъ насъ офиціальномъ и неофиціальномъ мірѣ; избѣгать проявленій своего интереса по отношенію къ политическимъ, и, познакомившись какъ можно лучше съ окружающей средой, ждать благопріятныхъ случайностей. Мы не могли много выиграть и, наоборотъ, могли все потерять слишкомъ поспѣшными и необдуманными дѣйствіями. Поэтому, въ теченіе 3—4 дней мы только и дѣлали, что ходили по уголовнымъ тюрьмамъ и пріискамъ, бесѣдовали со всякими мѣстными чиновниками, старались понравиться Потулову и его женѣ, и,

вообще, изучали положеніе. Для меня скоро стало яснымъ, что просить разрѣшенія повидаться съ политическими вольнокомандцами — было бы безумiемъ, что надо искать ихъ знакомства тайкомъ. Большинство изъ нихъ я зналъ по имени и по репутаціи; къ г-жѣ же Наталіи Армфельдтъ у меня была особая рекомендація. Зналъ я и гдѣ она живетъ; но какимъ чудомъ можно было бы незамѣтно побывать у нея, въ этой деревушкѣ, переполненной казаками и жандармами, гдѣ за мной, какъ иностранцемъ, слѣдили съ такой же назойливой неотступностью, съ какой бы слѣдили въ какой-нибудь англійской деревушкѣ за русскимъ царемъ? Впрочемъ, это было еще не самое худшее. Я скоро замѣтилъ, что у насъ прямо таки нѣтъ никакой возможности ни на минуту избавиться отъ любезной предупредительности Потулова. Съ момента нашего прибытія онъ оставилъ всѣ свои дѣла и посвятилъ себя намъ всецѣло. Если мы оставались дома, онъ оставался съ нами; если мы выходили, онъ неизмѣнно сопровождалъ насъ. Стоило мнѣ протянуть руку къ шляпѣ, — тотчасъ слѣдовалъ вопросъ: „куда вы идете?“ Если я отвѣчалъ ему, что хочу немного пройтись, онъ тотчасъ говорилъ: „подождите минутку; я пройдусь съ вами“. Очевидно, онъ всѣми силами хотѣлъ помѣшать намъ самостоятельно знакомиться съ чѣмъ-нибудь. Такое отношеніе къ дѣлу со стороны государственнаго чиновника, занимающаго такой видный постъ, было совершенно естественно и, съ его точки зрѣнія, похвально. Но для моихъ цѣлей это было крайне непріятно. Я хотѣлъ знать истинное положеніе вещей и въ запретной для меня области, и я долженъ былъ добиться своего во что бы то ни стало, насколько позволяли это порядочность и честь. Наиболѣе затруднительнымъ въ этомъ случаѣ было, съ моральной точки зрѣнія, наше положеніе гостей г. Потулова. Крайне непріятно было бы пользоваться гостепріимствомъ человѣка и, въ то же время, скрывать отъ него свои цѣли. Но . . . выбора не было. Если бы мы открыли Потулову нашу затаенную цѣль познакомиться съ политическими вольнокомандцами и узнать отъ нихъ о жизни ихъ товарищей въ тюрьмѣ, онъ рѣшительно воспротивился бы этому, и мы, какъ его гости, должны были бы подчиниться. Въ теченіе нѣсколькихъ дней я тщетно искалъ болѣе или менѣе удовлетворительнаго выхода изъ этой, въ значительной степени, непріятной альтернативы, и въ концѣ концовъ пришелъ къ слѣдующему заключенію: если я найду случай повидаться съ политическими раньше, чѣмъ Потуловъ выразитъ мнѣ свое отношеніе къ этому дѣлу, я долженъ воспользоваться этимъ случаемъ, дѣйствуя, конечно, при этомъ на свой личный страхъ и рискъ и избавивъ его напередъ отъ всякихъ подозрѣній въ соуча-

стіи. Въ самомъ дѣлѣ, почему случайныя обязанности гостя, — положеніе, въ которое я попалъ далеко не по своему желанію, — должны были бы совершенно связать меня по рукамъ и ногамъ?

Прійдя къ такому рѣшенію, я началъ искать удобнаго случая. Но я, оказалось, такъ запутался въ сложную сѣть личныхъ отношеній съ самыми разнообразными людьми, что мое положеніе было почти безвыходно. На второй день послѣ нашего прибытія къ намъ явился съ визитомъ жандармскій капитанъ Николинъ, комендантъ Карійскихъ политическихъ тюремъ. Онъ сразу произвелъ на меня непріятное, отталкивающее впечатлѣніе, но меня все-таки поразила та пренебрежительная, оскорбительная холодность, съ которой принялъ его Потуловъ. Очевидно было, что эти два человѣка не были большими друзьями, и я недоумѣвалъ, какъ Николинъ хладнокровно выноситъ подобное къ себѣ отношеніе. Всякій на его мѣстѣ посмотрѣлъ бы на такой пріемъ, какъ на пощечину и ни минуты не остался бы въ домѣ. Но жандармы, вѣроятно, готовы подвергнуться всему, если только этой цѣной они смогутъ достичь своихъ цѣлей. Капитанъ Николинъ хотѣлъ видѣть американскихъ путешественниковъ, хотѣлъ знать, зачѣмъ они забрались въ этотъ заброшенный уголокъ, и, несмотря на болѣе чѣмъ холодный пріемъ Потулова, сіялъ какъ майское утро. Я долженъ былъ встрѣтить его возможно любезнѣе, настолько, по крайней мѣрѣ, чтобы не раздражить г. Потулова. Мнѣ надо было не только изгнать изъ него подозрѣнія, но и пріобрѣсти его довѣріе. „Даже для жандарма должно быть пріятно, — думалъ я, — если его встрѣчаютъ, рядомъ съ оскорбительнымъ отношеніемъ его сослуживца, любезность и видимое уваженіе со стороны иностранца. Пріемъ нашего хозяина, примѣру котораго мы должны бы были слѣдовать, какъ гости, только оттѣнитъ еще больше нашу любезность и расположитъ Николина въ нашу пользу“. И дѣйствительно, Николинъ былъ, повидимому, неожиданно пріятно пораженъ нашимъ пріемомъ и при прощаньи, крѣпко пожимая мою руку, выразилъ надежду видѣть насъ еще. Онъ не рѣшился, само собой разумѣется, приглашать насъ къ себѣ въ присутствіи Потулова; мы, съ своей стороны, не обѣщали ему этого, но рѣшили отдать ему визитъ при первой возможности. Потуловъ былъ настолько тактиченъ и деликатенъ, что не позволилъ себѣ сказать ничего дурного о Николинѣ, послѣ его ухода, но изъ многихъ моихъ разговоровъ съ другими мѣстными чиновниками я узналъ, что личныя отношенія между этими двумя человѣками были крайне натянуты, и что Николина ненавидѣли и презирали — какъ шпіона и кляузника — всѣ мѣстные чиновники и офицеры.

— „Онъ вѣчно пишетъ въ Петербургъ на всѣхъ насъ доносы и рапорты, — говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ.—Ну, да пусть себѣ пишетъ. Я не боюсь его. За послѣдніе 3 года у насъ тутъ перебывало 4—5 жандармовъ въ качествѣ комендантовъ политической тюрьмы; онъ самый худшій изъ всѣхъ".

Характеръ отношеній между Потуловымъ и Николинымъ крайне усложнялъ мое положеніе. Если бы мнѣ и удалось какъ-нибудь познакомиться съ политическими, Николинъ, конечно, узналъ бы объ этомъ; узналъ бы, можетъ быть, что я привезъ имъ кое-какія письма отъ товарищей. И вотъ, доносъ былъ бы готовъ—доносъ, который онъ сдѣлалъ бы базисомъ обвиненія противъ своего врага. „Кеннанъ—гость Потулова,—сказалъ бы онъ. Кеннанъ ночью былъ у политическихъ и передалъ имъ письма. Онъ не могъ сдѣлать этого безъ знанія и поощренія со стороны Потулова. Слѣдовательно, Потуловъ повиненъ въ нарушеніи закона и въ затрудненіи моихъ функцій, какъ коменданта. Но я рѣшительно отклоняю отъ себя всякую отвѣтственность по сохраненію порядка во ввѣренной мнѣ области, если г. Потуловъ будетъ устраивать иностранцамъ преступныя сношенія съ политическими преступниками." Такимъ образомъ я могъ, пользуясь гостепріимствомъ Потулова, навлечь на него большія непріятности. Но этого мало. Капитанъ Николинъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, былъ крайнимъ врагомъ „вольной команды" для политическихъ, какъ весьма опаснаго нововведенія и неоднократно предлагалъ ея упраздненіе. Мои сношенія съ политическими могли бы дать ему новый аргументъ въ пользу его проектовъ. Онъ могъ бы написать министру приблизительно слѣдующее: „Цѣль правительства — изолировать опасный классъ государственныхъ преступниковъ, не позволяя имъ сноситься съ своими родственниками иначе, какъ чрезъ мое посредство. Но мнѣ совершенно невозможно исполнять эти инструкціи, если политическимъ ссыльнымъ будетъ дозволено жить внѣ стѣнъ тюрьмы, гдѣ контроль крайне затруднителенъ и гдѣ они свободно могутъ сообщаться съ посторонними людьми. Иностранные путешественники все чаще и чаще появляются въ Сибири, и Кара уже перестала быть никому не извѣстнымъ уголкомъ. Если сами представители правительства, въ родѣ Потулова, способствуютъ такимъ недозволеннымъ сношеніямъ, то правительству остается или отказаться отъ своихъ плановъ, или уничтожить вольную команду для политическихъ и вернуть ихъ въ тюрьму".

Не трудно угадать вѣроятныя послѣдствія подобнаго рапорта. Однимъ секретнымъ посѣщеніемъ я погубилъ бы „вольную команду" и бросилъ бы ея членовъ въ кандалы и въ одиночки. Мысль о такой возможности была невыносима, и я не одну ночь пролежалъ

безъ сна, взвѣшивая вѣроятности и ища исхода. Я не могъ найти лучшаго, чѣмъ тотъ, къ которому я пришелъ вначалѣ: всѣми силами постараться повидаться съ политическими, какъ только представится удобный случай вырваться изъ подъ наблюденія Потулова.

На шестой день моего пребыванія на Карѣ такой случай представился. Г. Потуловъ долженъ былъ ѣхать на Усть-Кару, чтобы присутствовать при слѣдствіи по поводу недавняго пожара, разрушившаго казенный мучной складъ *). До сихъ поръ онъ въ разговорахъ съ нами ни разу не касался щекотливаго вопроса о политической каторгѣ. Очевидно, онъ убѣдился въ нашей „невинности", и теперь, уѣзжая, онъ шутливо ввѣрилъ насъ заботамъ своей жены. Черезъ часъ послѣ его отъѣзда я началъ готовиться къ экспедиціи: спряталъ подъ подкладку своего широкаго мѣхового пальто маленькіе подарки, которые взялся передать здѣсь, переложилъ изъ чемодана въ карманъ привезенныя письма и, вооружившись грубымъ планомъ промысла, которымъ меня снабдили, отправился пѣшкомъ по направленію къ политической тюрьмѣ. Было около 2 часовъ пополудни. Потулова ждали лишь къ вечеру слѣдующаго дня, такъ что я смѣло могъ разсчитывать болѣе чѣмъ на 24 часа свободы отъ контроля. Я былъ намѣренъ прежде всего сдѣлать визитъ Николину, и, въ дружелюбной бесѣдѣ, разсѣять послѣдніе слѣды недовѣрія и подозрительности, вызванныхъ нашимъ пріѣздомъ и затѣмъ, прямо отъ него, подъ покровомъ темноты, найти избу, въ которой жила Наталія Армфельдтъ. Этотъ порядокъ я установилъ по слѣдующимъ соображеніямъ. Во-первыхъ, Николинъ, конечно, зналъ уже, что Потуловъ уѣхалъ на Усть-Кару, и ему будетъ очень

*) Исторія этого склада можетъ служить прекрасной иллюстраціей для характеристики взяточничества русскихъ чиновниковъ, особенно въ Сибири. Складъ содержалъ въ себѣ или, вѣрнѣе, долженъ былъ содержать 20,000 пудовъ казенной муки, предназначенной для продовольствія Карійской каторги. Разслѣдованіе послѣ пожара открыло, что 20—30 пудовъ казенной муки, принадлежавшей частнымъ людямъ и временно хранившейся въ казенномъ складѣ, было попорчено только снаружи, и что, по крайней мѣрѣ, $^3/_4$ ея осталось годной для употребленія. Отъ 20,000 пудовъ казенной муки не осталось и слѣда, и слѣдствіе показало, что эта мука была раньше украдена, и что зданіе было подожжено именно, чтобы скрыть это воровство. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя — уже послѣ нашего отъѣзда — домъ Потулова, въ которомъ хранились всѣ документы по идущему слѣдствію, сгорѣлъ такимъ же таинственнымъ образомъ. Цензура не разрѣшала ничего писать о результатахъ слѣдствія, и я не знаю, найденъ ли былъ виновникъ этого двойного преступленія. Но, въ большинствѣ случаевъ, двусмысленная и запутанная связь преступниковъ такого рода съ высшими властями заставляетъ тушить дѣло и не доводить его до суда. То же, я думаю, было и въ этомъ случаѣ.

Кеннанъ.

лестно—думалъ я—то обстоятельство, что я воспользовался первой минутой отсутствія моего хозяина—его врага,—чтобы навѣстить его; во-вторыхъ, мнѣ казалось болѣе безопаснымъ отправляться на поиски Армфельдтъ прямо изъ дома коменданта; если бы меня увидали, могли бы подумать, что я дѣйствую съ разрѣшенія Николина; да и вообще, кто не рискуетъ—не выигрываетъ.

Капитанъ Николинъ былъ старый и опытный жандармскій офицеръ, — хитрый и безцеремонный. Онъ получилъ свое воспитаніе въ хорошей школѣ—у знаменитаго Муравьева-Вѣшателя,—и служилъ уже 30 лѣтъ. Это былъ невысокій, крѣпко сколоченный мужчина, лѣтъ 50—55, съ лысой головой, большой сѣдой бородой, тонкими, крѣпко сжатыми, злыми губами, непроницаемымъ лицомъ и холодными сѣрыми глазами. Онъ былъ примѣрно любезенъ и внимателенъ, но неблагопріятное впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на меня при нашей первой встрѣчѣ, скорѣе усилилось, чѣмъ уменьшилось при дальнѣйшемъ знакомствѣ. Онъ встрѣтилъ меня съ утрированной сердечностью и простотой, стараясь смягчить, насколько возможно, грубыя черты физіономіи, но онъ не могъ измѣнить свои холодные, пытливые глаза, которые слишкомъ ясно говорили, что „за пазухой у него камень“. Однако, и у него была своя струнка:—кичливость и преувеличенное представленіе о своей важности и объ отвѣтственности своего поста. Кичливость эта проглядывала въ немъ во всемъ: онъ, простой капитанъ, былъ выбранъ въ Петербургѣ изъ всѣхъ капитановъ и посланъ на такое важное мѣсто; его избавили отъ всякаго мѣстнаго контроля; ему дали привилегію прямо сноситься съ министромъ, чуть-ли не съ царемъ! Мнѣ казалось, что человѣкъ, который такъ кичился своимъ положеніемъ, и зналъ, что, несмотря на это положеніе, его всѣ кругомъ презираютъ и ненавидятъ, долженъ былъ быть очень польщенъ тѣмъ уваженіемъ и вниманіемъ, съ которыми сумѣлъ отнестись къ нему иностранецъ, живущій гостемъ у его врага. Не знаю, насколько основательны были эти соображенія, но я дѣйствовалъ сообразно имъ. Прежде всего я высказалъ ему сожалѣніе о невозможности быть у него раньше, невозможности „не по моей винѣ, а по постороннимъ обстоятельствамъ“. Онъ благодарно поклонился, сказалъ, что вполнѣ понимаетъ мое положеніе и пригласилъ меня выпить съ нимъ чашку чаю. Казакъ внесъ въ комнату кипящій самоваръ и мы, удобно усѣвшись въ кресла, приступили къ длинной бесѣдѣ. Я разсказалъ ему, насколько умѣлъ интересно, наши приключенія въ Сибири, при чемъ не преминулъ отрекомендоваться членомъ Американскаго Географическаго Общества и Русско-Американской телеграфной компаніи; описалъ мои испытанія въ Камчаткѣ, ѣзду на собакахъ и

лагерную жизнь среди бродячихъ коряковъ; упомянулъ о моемъ свиданіи съ товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ, Влангали, чтобы показать, что мое путешествіе по Сибири — предпріятіе не секретное, а удостоенное одобренія высшаго русскаго начальства. Онъ съ видимымъ удовольствіемъ слушалъ мою болтовню, а такъ какъ я не просилъ лучшаго, то постепенно разсказалъ ему мельчайшія подробности всей моей жизни до самаго 1885 года. Если я и упустилъ что-нибудь, то только по забывчивости. Онъ полюбопытствовалъ, не собираюсь ли я напечатать отчетъ о моемъ путешествіи. Я отвѣчалъ ему утвердительно, сказалъ, что я уже напечаталъ серію статей о Сибири, а теперь, вернувшись, напечатаю другую въ „Century“, которымъ я и посланъ. Затѣмъ, я далъ ему цѣлую кучу свѣдѣній насчетъ нашихъ американскихъ журналовъ вообще и „Century“ въ частности, пригласилъ его зайти къ намъ посмотрѣть рисунки Фроста, передалъ ему, какъ много денегъ тратитъ „Century“ на свои иллюстраціи, и выразилъ сожалѣніе, что незнаніе англійскаго языка не позволитъ ему познакомиться съ моими будущими произведеніями. Онъ высказалъ надежду читать ихъ въ переводѣ, на что я отвѣчалъ, что это очень вѣроятно, такъ какъ мои прежнія статьи были переведены два раза на русскій языкъ, и т. д., и т. д., и т. д. О чемъ еще говорилъ я ему,—мнѣ трудно теперь припомнить; во всякомъ случаѣ ни одному человѣку не давалъ я въ своей жизни столько свѣдѣній о себѣ и о своихъ дѣлахъ, какъ этому любознательному жандармскому офицеру.

Моя откровенность и дѣтская довѣрчивость начали производить на моего собесѣдника благотворное дѣйствіе; онъ сдѣлался проще и добродушнѣе; налилъ мнѣ 3-ю или 4-ую чашку чаю, предложилъ рому и затѣмъ, видя во мнѣ столь же внимательнаго слушателя, какъ и интереснаго разсказчика, чуть не потопилъ меня въ потокѣ свѣдѣній о своей особѣ. Онъ описалъ мнѣ организацію жандаріи и способъ, какимъ набираются и вырабатываются жандармскіе офицеры, передалъ свою личную исторію, разсказалъ, какъ и при какихъ обстоятельствахъ онъ получалъ повышенія по службѣ, сколько у него орденовъ, какое онъ получаетъ жалованье, сколько еще ему надо прослужить до пенсіи, и не безъ гордости напиралъ на то обстоятельство, что онъ былъ единственный чиновникъ въ Сибири—въ такомъ чинѣ,—который прямо сносится съ министромъ. Когда разговоръ коснулся вопроса о ссылкѣ, онъ, къ моему удивленію, чрезвычайно неодобрительно отнесся къ сибирскимъ этапамъ и тюрьмамъ; сказалъ, что жизнь уголовныхъ въ пути ужасна, и что ссылка въ Сибирь, помимо зла, приносимаго ею интересамъ самихъ ссыльныхъ, пагубно отражается на жизни страны. Такіе взгляды въ его

устахъ были для меня совершенной неожиданностью, и я нѣкоторое время не зналъ, какъ къ нимъ отнестись: позировалъ ли предо мной своимъ филантропизмомъ этотъ новоявленный Говардъ въ жандармскомъ мундирѣ, или просто на просто вывѣдывалъ меня? Какъ бы то ни было, я рѣшилъ держаться его тона въ разговорѣ, не показывая, однако, слишкомъ большого знакомства съ предметомъ и подчеркивая то немногое хорошее, что мнѣ пришлось за это время видѣть; такъ, я остановился на новой Верхнеудинской тюрьмѣ, какъ блестящемъ примѣрѣ заботливости правительства объ улучшеніи положенія вещей. — Затѣмъ, безъ всякаго вызова съ моей стороны, капитанъ Николинъ повернулъ разговоръ на вопросъ о политической каторгѣ на Карѣ. Положеніе политическихъ, по его словамъ, было гораздо лучше, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Они живутъ вмѣстѣ въ большихъ свѣтлыхъ камерахъ; у нихъ есть хорошая библіотека; они получаютъ деньги отъ родныхъ и друзей; имъ, наконецъ, разрѣшаютъ жить послѣ окончанія испытуемаго срока въ вольной командѣ, на свободѣ. „Какъ?—воскликнулъ я съ притворнымъ удивленіемъ—развѣ они не работаютъ въ рудникахъ?

— Работаютъ?! —Конечно, нѣтъ? Они преспокойно сидятъ и читаютъ въ комфортабельномъ помѣщеніи, — вотъ какова ихъ работа!

— Имъ разрѣшено писать своимъ друзьямъ въ Россіи?—спросилъ я.

— О, да. Я на этомъ особенно настаивалъ, когда принималъ свою должность. Конечно, я просматриваю ихъ письма, но они могутъ писать, сколько угодно.

— А мы, въ Америкѣ, представляемъ жизнь государственныхъ преступниковъ на Карѣ совсѣмъ иною—сказалъ я. Мы думаемъ, что ихъ заставляютъ работать въ подземныхъ рудникахъ; что они прикованы къ тачкамъ, и что, вообще, эта жизнь есть вѣчная борьба съ страданіями и лишеніями.

Николинъ усмѣхнулся съ сознаніемъ своего превосходства и сказалъ, что онъ самъ думалъ такъ раньше, пока не пріѣхалъ на Кару.— „Да, вотъ—прибавилъ онъ—если бы вы теперь прошли по тюремному коридору, вы увидали бы, что арестанты мирно сидятъ вокругъ большого стола и читаютъ или пишутъ. — Настоящая библіотека!“

Я отвѣчалъ, что это чрезвычайно любопытно; нельзя ли, въ самомъ дѣлѣ, взглянуть на эту библіотеку?

— Не... знаю, — сказалъ онъ нерѣшительно. Видите ли, я не могу безъ особаго разрѣшенія никого допускать въ тюрьму. Но это не важно; я могу показать вамъ нѣкоторыя книги изъ ихъ библіотеки,

англійскія книги.“ И онъ тотчасъ послалъ вѣстового въ тюрьму. Черезъ нѣсколько минутъ вѣстовой возвратился, принеся съ собою томъ стихотвореній Шелли и номеръ „Понча,“ которые Николинъ и поднесъ мнѣ съ торжествующей улыбкой. — „Недавно—продолжалъ онъ—они устроили у себя спектакль; одно время они выпускали даже свой собственный рукописный журналъ.“ Затѣмъ онъ вынулъ изъ шкафа тюремную книгу, чтобы показать мнѣ, сколько денегъ ежегодно получаетъ тюрьма отъ родныхъ. Оказалось—6044 руб. *).

— И арестанты пользуются правомъ сами тратить эти деньги?

— Да,—отвѣчалъ онъ,—Деньги лежатъ у меня, но они дѣлаютъ заказы и покупаютъ все, что позволяетъ тюремный регламентъ.

Я, конечно, принималъ всѣ эти сообщенія съ открытымъ отъ наивнаго восхищенія ртомъ. Я пришелъ въ совершенный энтузіазмъ, когда этотъ гуманный и благородный жандармскій офицеръ развернулъ передо мной во всей ея прелести картину блаженной жизни „государственныхъ преступниковъ“: они живутъ въ просторныхъ, полныхъ свѣта и воздуха, комнатахъ; изучаютъ на досугѣ англійскую литературу; послѣ обѣда читаютъ для пищеваренія „Пончъ“; издаютъ собственный журналъ и устраиваютъ для развлеченія домашніе спектакли! Но моментъ спустя я долженъ былъ негодовать и возмущаться: эти самые господа, которыхъ такъ холитъ и лелѣетъ попечительное правительство, обставляя ихъ жизнь всевозможными удобствами, оказывается, платятъ ему самой черной неблагодарностью.

— Вы не можете себѣ представить, м-ръ Кеннанъ, — говорилъ мнѣ Николинъ, что это за безсовѣстный народъ, какую массу хитростей и обмановъ употребляютъ они, чтобы обманывать начальство, скрывать запрещенныя вещи или передавать тайкомъ письма! Кстати, чтобы вы сдѣлали, м-ръ Кеннанъ, если бы вамъ пришлось какъ можно лучше обыскать политическаго преступника?

---

*) На возвратномъ пути я встрѣтился въ Иркутскѣ съ однимъ чиновникомъ Контрольной Палаты, который, по своей должности, имѣлъ доступъ ко всѣмъ отчетамъ, касающимся Кары. Я по росилъ его справиться, какъ много денегъ было послано на Кару родственниками политическихъ преступниковъ въ первые 10 мѣсяцевъ 1885 г. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что за это время было получено такихъ денегъ на Карѣ 375 долларовъ. Очевидно, Николинъ далъ мнѣ фиктивную цифру, желая убѣдить меня, что политическіе на Карѣ живутъ чуть не въ роскоши. Я увѣренъ, что свѣдѣнія, данныя мнѣ иркутскимъ чиновникомъ, совершенно точны, и, значитъ, 375 долларовъ есть настоящая сумма. Почему эта сумма такъ ничтожна, я буду имѣть случай объяснить. — 375 долларовъ въ 10 мѣсяцевъ, раздѣленные на 100 человѣкъ, даютъ по $2^1/_2$ коп. въ день на каждаго.

Кеннанъ.

— Я раздѣлъ бы его до нага и тщательно осмотрѣлъ бы его платье.

— И это все? — съ неподдѣльнымъ изумленіемъ спросилъ Николинъ.

Я отвѣчалъ, что ничего другого мнѣ теперь не приходитъ въ голову.

— Вы не искали бы у него въ ушахъ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я. — Мнѣ не пришло бы это въ голову.

— Вы не искали бы у него во рту?

Я снова отвѣчалъ отрицательно.

— Вы не посмотрѣли бы у него въ щеляхъ зубовъ?

Я торжественно заявилъ, что такая „замѣчательная“ идея ни за что, ни при какихъ обстоятельствахъ, не пришла бы мнѣ въ голову.

— Вотъ видите—побѣдоносно воскликнулъ Николинъ.—А я находилъ у нихъ записочки и въ ушахъ, и во рту. Разъ я нашелъ въ зубахъ одного каторжника ядъ, закатанный въ воскъ, да. Ага-га—закончилъ онъ, плотоядно потирая руки, — они хитры, но я тоже старый воробей. Я знаю всѣ ихъ штуки, и меня-то они не проведутъ.

Холодная дрожь пробѣжала у меня по спинѣ, когда я подумалъ при этихъ словахъ о вещахъ, спрятанныхъ въ моемъ пальто. Входя, я оставилъ его въ передней, и, быть можетъ, этотъ подозрительный жандармскій офицеръ, лазившій къ своимъ жертвамъ въ уши за письмами и въ щели зубовъ—за ядомъ, уже распорядился о тщательномъ осмотрѣ моего пальто. Нельзя сказать, чтобы спрятанныя тамъ вещи были особенно преступны сами по себѣ: — это были двѣ китайскія чашки, ручное зеркальце и метелка изъ красныхъ перьевъ, данныя мнѣ одной дамой въ Иркутскѣ для передачи г-жѣ Армфельдтъ въ знакъ памяти и любви; — но какъ я могъ бы объяснить ихъ присутствіе за подкладкой пальто? Положимъ, я могъ бы сказать насчетъ зеркала, что американцы очень заботятся о своей внѣшности и имѣютъ обыкновеніе, идя куда-нибудь съ визитомъ, брать съ собою зеркальце; но чашки? но метелка? Въ продолженіе непріятнаго получаса я съ трепетомъ ожидалъ появленія вѣстового съ красною метелкою въ рукахъ; но, къ счастью, катастрофы не произошло, и Николинъ продолжалъ съ увлеченіемъ разсказывать о политическихъ преступникахъ. Въ его разсказахъ была доля правды, но эта правда была такъ переплетена съ тенденціозною ложью, что, будь я самый наивный и довѣрчивый путешественникъ, я не могъ бы не усомниться. Вообще нашъ разговоръ представлялъ бы чрезвычайно любопытную картину для наблюдателя, знающаго взаимное положеніе со-

бесѣдниковъ. Я не хуже зналъ политическую тюрьму и всѣ касающіяся ея подробности, чѣмъ самъ Николинъ. На груди у меня былъ спрятанъ точный ея планъ; въ карманѣ — списокъ всѣхъ заключенныхъ; я могъ бы нарисовать внутренность камеръ и расположеніе въ нихъ всѣхъ предметовъ; я зналъ, что заключенные ѣдятъ, какъ они одѣты, какъ они проводятъ свое время, я зналъ, что четверо изъ нихъ были прикованы къ тачкамъ, и нѣсколько—сумасшедшихъ; я могъ бы написать подробнѣйшую исторію тюрьмы за послѣднія 5 лѣтъ. Зная все это, имѣя при себѣ рекомендательныя письма къ вольнокомандцамъ, я долженъ былъ сидѣть и спокойно выслушивать сообщенія, лживость которыхъ была несомнѣнна; я долженъ былъ подавлять свои чувства, притворяться и играть роль невѣжественнаго и легкомысленнаго туриста, которому нечего скрывать, который — весь нараспашку, который удивляется и восхищается, узнавъ, что политическіе преступники вмѣсто того, чтобы быть прикованными къ тачкамъ, служатъ предметомъ гуманной заботливости и благосклоннаго вниманія со стороны попечительнаго начальства.

Не знаю, какое впечатлѣніе произвелъ я на капитана Николина, но думаю, что я успѣлъ до нѣкоторой степени сбить съ толку и успокоить эту хитрую ищейку. Быть можетъ, я и ошибался; но, во всякомъ случаѣ, если онъ думалъ, что провелъ меня, то онъ ошибался не меньше. Читатель скажетъ, можетъ быть, что моя политика слишкомъ грѣшила противъ правилъ морали, но что же мнѣ было дѣлать? Моя ставка была слишкомъ серьезна. Въ моемъ багажѣ были разные революціонные документы, бумаги изъ правительственныхъ архивовъ, письма политическихъ ссыльныхъ, нѣсколько записныхъ книжекъ, содержаніе которыхъ могло бы скомпрометировать не только ссыльныхъ, но и совершенно легальныхъ людей, чиновниковъ, которые мнѣ довѣрились. Если бы подозрѣнія насъ привели къ обыску, многіе пострадали бы, а мои матерьялы погибли. Положеніе, какъ видитъ читатель, чрезвычайно трудное, и я глубоко вѣрю, что мой ангелъ, проливъ нѣсколько слезинокъ по случаю моей некрасивой роли, не слишкомъ обвинялъ меня.

Къ вечеру я простился съ Николинымъ, обмѣнявшись съ нимъ кучею комплиментовъ, и направился къ жилищу г-жи Армфельдтъ. Нервы мои были натянуты; самъ я былъ полонъ энергіи и вѣры; чувствовалъ, что одержалъ побѣду надъ жандармскимъ офицеромъ.

Армфельдтъ, исторію которой я уже зналъ, была дочь теперь умершаго русскаго генерала и сестра г-жи Федченко, жены извѣстнаго русскаго ученаго и изслѣдователя. Она принадлежала къ богатой и аристократической семьѣ, находящейся въ дружескихъ отношеніяхъ съ знаменитымъ романистомъ графомъ Толстымъ. Она го-

ворила по-французски, по-нѣмецки и по-англійски, рисовала и вообще была замѣчательно образованная дѣвушка *). Она была арестована 11 февраля 1879 г. въ Кіевѣ, на одной революціонной сходкѣ. При арестѣ мужчины, бывшіе на квартирѣ, оказали полиціи вооруженное сопротивленіе. Въ послѣдовавшей перестрѣлкѣ одинъ жандармъ и два революціонера были убиты; нѣсколько человѣкъ—ранено. За присутствіе на квартирѣ и за принадлежность къ революціонной партіи Армфельдтъ, хотя и не принимавшая участія въ сопротивленіи, была приговорена къ 14 годамъ и 10 мѣсяцамъ каторжныхъ работъ, къ лишенію всѣхъ правъ и къ ссылкѣ въ Сибирь навсегда. Теперь она окончила свой испытуемый срокъ и жила въ вольной командѣ, вмѣстѣ съ матерью, 60—70 лѣтней старухой, которая пріѣхала на Кару раздѣлить участь своей дочери.

Солнце уже сѣло и было довольно темно, когда я нашелъ нужную мнѣ избу. Я постучалъ въ тяжелую деревянную дверь; черезъ минуту ее открыла молодая женщина. „Здѣсь живетъ m-lle Армфельдтъ?“—спросилъ я.

— Это я, — отвѣчала она мнѣ.

— Мое имя — Жоржъ Кеннанъ. — Я американецъ и путешествую по Сибири для изслѣдованія русской ссылки. Я видался со многими изъ вашихъ друзей и привезъ къ вамъ рекомендацію отъ г-жи N.

Нѣсколько мгновеній Армфельдтъ смотрѣла на меня съ нескрываемымъ удивленіемъ и какъ бы недовѣріемъ. „Войдите“, сказала она, оправившись. Я вошелъ черезъ темную переднюю въ маленькую, жалкую комнату съ голымъ поломъ, некрашенымъ потолкомъ, покрытыми пожелтѣвшей известкой стѣнами и двумя маленькими квадратными окнами. Вся мебель комнаты состояла изъ сосноваго стола, нѣсколькихъ грубо сбитыхъ стульевъ и узкой деревянной кро-

---

*) Я очень сожалѣю, что не могу дать большихъ подробностей, рисующихъ эту интересную личность. Одинъ русскій революціонеръ, къ которому я обратился за свѣдѣніями, написалъ мнѣ въ отвѣтъ слѣдующее: „Я зналъ Армфельдтъ лично, но мало что могу сказать вамъ насчетъ ея біографіи. Эта сторона дѣла мало занимаетъ насъ. Я знаю только, что отецъ ея былъ генералъ, а сестра — замужемъ за путешественникомъ Федченко, погибшимъ недавно въ горахъ Швейцаріи. Личность Армфельдтъ не поражала, какъ, напр., личность Перовской или Бардиной. Она принадлежала къ тому типу „рядовыхъ“, въ которыхъ лучше всего проявляются высокія моральныя свойства русскихъ революціонеровъ—безграничная преданность и самоотверженіе. Эти простыя добродѣтели дѣлаются могущественными двигателями и великими доблестями, когда онѣ проявляются въ такомъ чистомъ видѣ, какъ у Н. Армфельдтъ. Вамъ встрѣчались въ Сибири такіе типы. Трогательное сочувствіе, замѣтное въ вашихъ статьяхъ, доказываетъ это.

Кеннанъ.

вати. По обѣимъ сторонамъ двери были двѣ полки съ посудой. Все было прибрано и идеально чисто, но жалкая обстановка напоминала собою хижину ирландскаго земледѣльца.

Я снялъ пальто и хотѣлъ было уже передать г-жѣ Армфельдтъ принесенныя письма, какъ вдругъ она тревожно остановила мою руку: „Погодите... Я закрою окна и запру дверь". И, взявъ свѣчу въ дрожащую руку, она тщательно заперла дверь и окна и тогда только сказала мнѣ взволнованнымъ голосомъ. „Вы удивлены? Вы не привыкли къ такой атмосферѣ тревоги и страха, въ какой мы живемъ? Но васъ кто нибудь могъ бы увидѣть изъ окна." Я передалъ ей письма, но она не спѣшила читать ихъ. Она смотрѣла на меня тѣмъ же изумленнымъ, полу-недовѣрчивымъ взглядомъ, которымъ встрѣтила у двери. „Но ради бога, какъ вы попали сюда?"— спросила она наконецъ.

Я отвѣчалъ, что пріѣхалъ верховой горной дорогой изъ Срѣтенска.

„Нѣтъ... не то.... Какъ вамъ позволили притти ко мнѣ?"

— „Мнѣ никто не позволялъ этого. Я у васъ тайкомъ. Вотъ уже недѣля, какъ я на Карѣ, и это — первый случай, когда я могъ выйти изъ дому незамѣченнымъ."—Затѣмъ я сказалъ ей, что пріѣхалъ на Кару съ цѣлью ближе познакомиться съ жизнью политическихъ ссыльныхъ, и вкратцѣ передалъ ей исторію моего путешествія. Она смотрѣла на меня, какъ бы пораженная внезапнымъ и сильнымъ ударомъ, не находя словъ и какъ бы не приходя въ себя. Наконецъ, она сказала, на этотъ разъ по-англійски:

„Простите, что я такъ смотрю на васъ. Я, кажется, встрѣтила васъ не особенно любезно, но, право, мнѣ кажется все это сномъ. Я такъ взволнована, что не знаю, что я говорю и дѣлаю. Вѣдь вы первый иностранецъ, котораго я здѣсь вижу. Ваше внезапное появленіе здѣсь въ моемъ домѣ—это такое невѣроятное событіе въ моей жизни. Вѣроятно, такъ чувствовалъ себя Ливингстонъ, когда его нашелъ Стэнли въ центральной Африкѣ.... Но скажите, какъ пришла вамъ въ голову такая удивительная идея—пріѣхать въ Сибирь, чтобы познакомиться съ нашей жизнью?

Въ это время изъ-за перегородки, раздѣлявшей комнату на двѣ части, раздался слабый старческій голосъ, спросившій по-русски: „Кто у тебя, Наташа? Съ кѣмъ ты говоришь?"

— „Это американскій путешественникъ, мама, который нашелъ насъ даже здѣсь, на Карѣ."

Голосъ принадлежалъ матери г-жи Армфельдтъ, которую мы разбудили нашимъ разговоромъ. Черезъ минуту она вышла къ намъ. Это была уже разбитая старушка, съ сѣдыми волосами и съ тон-

кими, интеллигентными чертами лица, на которомъ заботы и горе оставили свои многочисленные слѣды. Глубокіе впавшіе глаза, съ темными кругами и морщинами, ясно говорили, что эта женщина не одну ночь провела въ тоскѣ и въ слезахъ. Я еще никогда въ жизни не видалъ такого грустнаго, безнадежнаго, убитаго горемъ лица.

Пробывъ съ полчаса у г-жи Армфельдтъ, я ушелъ, сказавъ, что заиду къ ней снова немного позднѣе, когда у нея соберутся ея товарищи по ссылкѣ. Я спѣшилъ къ Потуловымъ, гдѣ ждалъ меня обѣдъ. За обѣдомъ г-жа Потулова все время посматривала на меня съ особеннымъ выраженіемъ, какъ бы ища на моемъ лицѣ разгадки, гдѣ я былъ все это время. Впрочемъ, она не рѣшилась обратиться ко мнѣ съ прямымъ вопросомъ, что избавило меня отъ лишней лжи, а моего ангела—отъ лишнихъ слезъ.

Въ 7 часовъ я вернулся въ домъ Армфельдтъ, гдѣ уже ждали меня Куртѣевъ,—одинъ изъ вольнокомандцевъ, и товарка г-жи Армфельдтъ—Колѣнкина, блѣдная и худощавая молодая женщина. Я зналъ ее по имени. Она была сослана на каторгу за участіе въ убійствѣ шефа жандармовъ, Мезенцева. Я не ожидалъ найти въ ней такую молодую и симпатичную женщину. Впрочемъ, я уже привыкъ къ такимъ сюрпризамъ. Большинство женщинъ, игравшихъ видную роль въ страшныхъ трагедіяхъ послѣднихъ 15-ти лѣтъ революціонной борьбы въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ и проявившихъ рѣдкую энергію, силу характера и самоотверженіе—были деликатныя, слабыя женщины 18—25 лѣтняго возраста, которыхъ я по виду скорѣе готовъ бы былъ принять за институтокъ или за учительницъ воскресной школы.

Одинъ за другимъ начали подходить и другіе ссыльные. По сигнальному стуку въ ставень, г-жа Армфельдтъ подходила къ двери, спрашивала, кто тамъ и, удостовѣрившись, что это—товарищъ, осторожно отворяла дверь. Маленькая слабо освѣщенная комната, общее возбужденное настроеніе, таинственные стуки въ окно, тихій, но горячій разговоръ и эта группа людей, тѣснившихся возлѣ меня, какъ-будто бы я былъ выходцемъ изъ другого міра, производили на меня впечатлѣніе какого-то сна. Все здѣсь было необычно, странно. А когда ссыльные, прерывающимися голосами, начали мнѣ передавать длинный рядъ ужасныхъ исторій, полныхъ страданій и жестокости, исторій сумасшествій и самоубійствъ, мнѣ, казалось, что я вхожу въ тотъ адъ, надъ воротами котораго Данте прочелъ нѣкогда надпись: „оставь надежду, входящій сюда!“

Около 9 часовъ, когда я вынулъ свою записную книжку и началъ въ нее вносить замѣтки, вдругъ раздался рѣзкій, повелительный стукъ въ дверь. Колѣнкина тревожно прошептала: „Это жан-

дармъ... не впускайте его...“ Всѣ замолчали, и мнѣ казалось, что я слышалъ біеніе моего сердца, когда г-жа Армфельдтъ подошла къ двери и спокойнымъ голосомъ сказала: „Мы всѣ здѣсь; моя мать, я, Куртѣевъ, Колѣнкина...“ Другихъ именъ я не разслышалъ. Жандармъ удовлетворился отвѣтомъ и ушелъ. Мы всѣ вздохнули спокойно. „Жандармы провѣряютъ насъ три раза въ день,—сказала мнѣ Армфельдтъ—но теперь это стало формой, и они не всегда входятъ въ комнату.“

Послѣ этого эпизода разговоръ нашъ продолжался безъ помѣхъ. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ я выслушивалъ разсказы о жизни политическихъ ссыльныхъ, подробности объ этапномъ пути, о Карѣ и т. д. и отвѣчалъ, какъ умѣлъ, на лихорадочные вопросы присутствующихъ о положеніи русскаго революціоннаго движенія. Во время бесѣды я случайно обратилъ вниманіе на лицо, котораго раньше не замѣтилъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ 30—35, съ безкровнымъ, страннымъ, разсѣяннымъ лицомъ и съ большими, на выкатѣ, голубыми глазами. Онъ сидѣлъ противъ меня, опираясь локтями на колѣни и поддерживая руками подбородокъ, и все время, почти не отрываясь, смотрѣлъ мнѣ въ лицо упорнымъ, страннымъ взглядомъ, въ которомъ было что-то неестественное и больное. При первой паузѣ въ разговорѣ онъ вдругъ сказалъ мнѣ монотоннымъ протяжнымъ голосомъ: „У—насъ—здѣсь—есть—свое—кладбище. Не—хотите—ли—взглянуть—на—него?“

Этотъ неожиданный вопросъ, голосъ, способъ, какимъ онъ былъ заданъ, заставилъ меня вздрогнуть. Мнѣ стало жутко. Я понялъ, что передо мною—сумасшедшій. И какъ внезапный стукъ въ дверь въ сценѣ убійства въ „Макбетѣ“ усилилъ весь ужасъ предшествовавшей трагедіи, такъ этотъ неожиданный вопросъ и мысль о сумасшествіи и смерти, моментально промелькнувшая у меня въ головѣ, сдѣлали еще болѣе живыми и страшными всѣ тѣ ужасныя трагедіи, которыя я только что слышалъ.

Я пробылъ у г-жи Армфельдтъ до полуночи и ушелъ, потрясенный до послѣдней степени. Кровь лихорадочно стучала у меня въ вискахъ, и я не могъ успокоиться, несмотря на холодный морозный воздухъ. У Потуловыхъ уже всѣ спали; одинъ Фростъ безпокойно поджидалъ моего возвращенія. Я бросился на диванъ и попытался заснуть; но все, что я только что видѣлъ и слышалъ, не выходило изъ головы, и только къ утру я забылся тяжелымъ, нездоровымъ сномъ.

Государственные преступники на Карѣ.

На слѣдующее утро послѣ моего перваго посѣщенія политическихъ „вольнокомандцевъ“ я, на этотъ разъ вмѣстѣ съ Фростомъ, снова отправился къ г-жѣ Армфельдтъ. Майоръ Потуловъ долженъ былъ вернуться этою ночью, и я зналъ, что его возвращеніе положитъ конецъ нашимъ свиданіямъ. Поэтому надо было спѣшить и какъ можно лучше воспользоваться оставшимися у меня 12—14 часами свободы. Я не надѣялся скрыть отъ властей на сколько-нибудь продолжительное время мои сношенія съ мѣстными политическими каторжанами. Немного раньше, немного позже—но они скоро станутъ извѣстны, несомнѣнно; надо спѣшить. Конечно, итти къ „политическимъ“ днемъ—было рисковано, но выбора не было, и я обѣщалъ г-жѣ Армфельдтъ быть у нея утромъ, если не случится ничего особеннаго.

Минутъ черезъ 15—20 быстрой ходьбы мы были у Армфельдтъ. При свѣтѣ холоднаго зимняго утра маленькая комната, съ ея выбѣленными бревенчатыми стѣнами, расшатавшимся поломъ и маленькими, безъ занавѣсей, окнами, показалась мнѣ еще болѣе голой и тоскливой, чѣмъ вчера вечеромъ. Но въ ней было нѣчто новое: по срединѣ комнаты стоялъ грубо сдѣланный мольбертъ съ картиной, нарисованной масляными красками. Какъ то странно было наблюдать эту ассоціацію искусства съ каторгой, этого признака роскоши и комфорта съ жалкой обстановкой комнаты, и я невольно переводилъ удивленный взглядъ съ мольберта на г-жу Армфельдтъ, какъ бы говоря: „какъ могла попасть сюда, на Кару, картина масляными красками?“ Армфельдтъ поняла мой молчаливый вопросъ и, повернувъ ко мнѣ картину, сказала: „Это я пыталась нарисовать портретъ моей матери. Она уѣзжаетъ въ этомъ году въ Россію, и я, навѣрное, не увижу ее никогда больше:—она слишкомъ стара... Мнѣ хотѣлось имѣть о ней это воспоминаніе. Я знаю, что портретъ

очень дурно сдѣланъ; мнѣ даже стыдно его показывать, но, быть можетъ, вы мнѣ можете помочь. У меня очень мало красокъ... Достать ихъ тутъ негдѣ; быть можетъ, м-ръ Фростъ мнѣ дастъ какой-нибудь полезный совѣтъ."

Я смотрѣлъ на несчастный потретъ въ молчаніи, но съ сердцемъ, полнымъ глубокой симпатіи и жалости. Онъ былъ похожъ на оригиналъ, и въ немъ видны были слѣды таланта и знанія дѣла. Но полотно было самаго грубаго и неподходящаго свойства; краски— грубы и отвратительны. Съ перваго взгляда было ясно, что художникъ тщетно боролся съ своими недостаточными матеріалами для работы, и портретъ, этотъ плодъ дочерней любви, на который Фростъ смотрѣлъ почти съ отчаяніемъ, былъ очень плохъ. Больно было видѣть, какъ эта несчастная дочь тщетно старалась увѣковѣчить для себя образъ своей матери, и еще больнѣе—думать, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, черезъ годъ она останется здѣсь снова одна съ этимъ ужаснымъ, напоминающимъ смерть портретомъ, какъ своимъ единственнымъ утѣшеніемъ. Я долго смотрѣлъ на него молча, не рѣшаясь пускаться въ критику работы, исполненной при такихъ условіяхъ. Оставивъ Фроста разбирать съ Армфельдтъ ея кисти и краски, я спросилъ ея мать, какъ она, въ ея годы, рѣшилась на такое тяжелое путешествіе, какъ изъ Петербурга — на Кару.

„О, я не могла оставаться въ Россіи--просто отвѣчала она.— Одинъ Богъ знаетъ, что тутъ приходится выносить имъ. Мою Наташу солдаты били ружейными прикладами. Другіе голодали до смерти. Въ Петербургѣ до меня доходили только смутные, тревожные слухи; вотъ я и пріѣхала сюда, чтобы видѣть все это самой. Я не могла оставить Наташу одну среди такихъ ужасовъ."

— Когда это было?—спросилъ я.

— „Въ 1882 — 83 г. — отвѣчала m-me Армфельдтъ. Въ маѣ 1882 г. восемь человѣкъ бѣжало изъ тюрьмы, и послѣ этого жизнь оставшихся стала такъ ужасна, что они предпочли умереть съ голода и голодали 13 дней."

Въ комнату вошли, между тѣмъ, Костюринъ, Колѣнкина и нѣсколько другихъ политическихъ. Армфельдтъ внесла самоваръ, и за чаемъ разговоръ сдѣлался общимъ. Мнѣ очень жаль, что я не могу дать здѣсь, за недостаткомъ мѣста, такой же живой и подробной картины жизни въ карійскихъ политическихъ тюрьмахъ, какъ та, которую мнѣ нарисовали мои собесѣдники. 8-ми часовой разговоръ не можетъ вмѣститься въ журнальную статью, и мнѣ приходится ограничиться пока разсказомъ о моихъ личныхъ приключеніяхъ и краткимъ отчетомъ о жизни политическихъ каторжанъ на Карѣ въ 1880—85 гг.

Подъ вечеръ того же дня я посѣтилъ въ третій—и въ послѣдній—разъ жилище Армфельдтъ. Къ ночи ждали домой майора Потулова, и несчастные политическіе вольнокомандцы, зная, что они въ послѣдній разъ видятъ человѣка, который возвращается въ міръ и тамъ увидитъ ихъ родныхъ и друзей, смотрѣли на меня, какъ на близкаго своего человѣка. Я обѣщалъ Армфельдтъ побывать у графа Льва Толстого *) и описать ему здѣшнюю жизнь, оставилъ ей мой адресъ на случай, если бы она нашла возможность писать мнѣ и взялъ нѣсколько писемъ для передачи роднымъ въ Россію. Читатель, вѣроятно, удивляется, какъ я рѣшался брать такія письма: это было—преступленіе, которое, въ случаѣ открытія, могло бы повести къ моему аресту, къ конфискаціи моихъ бумагъ и къ изгнанію изъ предѣловъ Россіи. Я понималъ вполнѣ эту опасность, но не могъ уклониться онъ нея. Если бы вы были русскимъ политическимъ каторжникомъ, которому въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не позволяли писать женѣ или матери, и если бы я, американецъ, пришелъ къ вамъ, собралъ бы отъ васъ, съ рискомъ снова бросить васъ въ кандалы и въ тюрьму, всѣ свѣдѣнія, въ которыхъ я нуждался, и затѣмъ отказался бы взять отъ васъ письмо для передачи вашей женѣ, вы имѣли бы право назвать меня трусливымъ или жестокосердечнымъ человѣкомъ. Если они рѣшались писать такія „незаконныя“ письма, я не могъ не рѣшиться на рискъ ихъ передачи. Я всегда бралъ ихъ, хотя и зналъ всю опасность и рискованность этого.

Поздно вечеромъ я простился съ Армфельдтъ и ея друзьями; я не надѣялся болѣе ихъ увидѣть. Потуловъ вернулся къ полуночи, и я увидѣлъ его только утромъ, за завтракомъ. Онъ встрѣтилъ меня любезно, но официально. Я сразу почувствовалъ перемѣну. Поздоровавшись со мной, онъ сидѣлъ минутъ 15 молча, задумчиво и упорно глядя въ свой стаканъ чаю. Я предвидѣлъ это положеніе и заранѣе начерталъ свой планъ дѣйствій. Я искренно уважалъ Потулова; онъ относился къ намъ съ такимъ радушіемъ, что я никоимъ образомъ не хотѣлъ ставить его въ тяжелое и непріятное

*) Я сдержалъ обѣщаніе и передалъ графу Толстому все, что могло интересовать его о карійской жизни Армфельдтъ. Онъ, однако, неохотно слушалъ мои разсказы о тамошнихъ страданіяхъ, отказался отъ прочтенія нѣкоторыхъ рукописей, которыя я привезъ ему, и сказалъ, что, сожалѣя страдающихъ, онъ не можетъ помочь имъ, и не симпатизируетъ ихъ дѣламъ. „Они прибѣгали къ насилію,—сказалъ онъ,—они и страдаютъ отъ насилія.“ Мнѣ говорили, что когда жена одного изъ каторжанъ, Успенская, обратилась къ графу Толстому за денежной помощью для политическихъ на Карѣ, она встрѣтила рѣшительный отказъ. Графъ не хотѣлъ ничѣмъ помочь людямъ, взглядамъ которыхъ онъ не сочувствовалъ. *Кеннанъ.*

положеніе и рѣшилъ вести съ нимъ дѣло на чистоту. Прервавъ молчаніе, я сказалъ ему, что во время его отсутствія я познакомился съ политическими вольнокомандцами.

— Да, я слышалъ,—сказалъ онъ, не поднимая глазъ, и, послѣ минутнаго молчанія, прибавилъ:—это моя обязанность сказать вамъ, что вы поступили крайне опрометчиво.

— Почему?—спросилъ я.

— Потому,—отвѣчалъ онъ,—что правительство очень подозрительно смотритъ на иностранцевъ, которые тайно ищутъ знакомства съ политическими. Это запрещается, и вы будете имѣть изъ-за этого большія непріятности.

— Но,—отвѣчалъ я,—никто не говорилъ мнѣ, что это запрещено. Я иностранецъ и не могъ же я знать, что я не имѣю права говорить съ людьми, которые фактически на свободѣ, и которыхъ я встрѣчаю на улицѣ. Всякій можетъ говорить съ ними; почему же не могу я?

— Я получилъ телеграмму отъ губернатора Барабаша,—сказалъ онъ съ серьезнымъ видомъ,—въ ней сказано, что васъ нельзя допустить въ политическую тюрьму. Очевидно, что, значитъ, вамъ нельзя и видѣть политическихъ преступниковъ.

— Вы ничего не говорили мнѣ объ этомъ,—отвѣчалъ я,—если бы вы мнѣ сказали объ этомъ раньше, я принялъ бы это во вниманіе. Я положительно не помню, чтобы вы мнѣ что-нибудь говорили на этотъ счетъ.

— Я не думалъ, что вы имѣете что-нибудь подобное въ виду—возразилъ онъ. Вы никогда не интересовались этимъ. Впрочемъ,—продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія,—это дѣло капитана Николина; мое дѣло предупредить васъ, что вы поступаете неблагоразумно и очень рискуете.

Тогда я откровенно признался Потулову, почему я не говорилъ ему ничего о моихъ намѣреніяхъ и почему я воспользовался именно его отсутствіемъ для приведенія ихъ въ исполненіе. Если бы я сказалъ ему объ этомъ раньше, онъ долженъ бы былъ или одобрить или неодобрить меня. Въ послѣднемъ случаѣ я, какъ его гость, долженъ бы былъ подчиниться его желаніямъ и авторитету; въ первомъ—онъ взялъ бы на себя отвѣтственность за мои дѣйствія, чего я никоимъ образомъ не могъ допустить. Я догадывался, что сношенія съ политическими были бы мнѣ запрещены, знай о нихъ раньше власти, и именно поэтому я постарался сдѣлать ихъ тайными, чтобы, съ одной стороны, избавиться отъ нежелательнаго мнѣ вмѣшательства, съ другой—чтобы устранить его, Потулова, отъ всякаго подозрѣнія въ соучастіи. „Теперь никто,—продолжалъ я,—

не можетъ обвинять васъ въ этомъ. Васъ не было на Карѣ, и для всякаго очевидно будетъ, что я именно и воспользовался вашимъ отсутствіемъ.“ Мое объясненіе сдѣлало свое дѣло, и его прежнее радушіе постепенно вернулось. Тѣмъ не менѣе, онъ еще разъ предупредилъ меня, что, если я буду продолжать мои сношенія съ политическими, я навѣрное навлеку на себя большія непріятности.

Часъ или два послѣ завтрака меня поразило и нѣсколько встревожило внезапное появленіе капитана Николина. Онъ желалъ видѣть Потулова по дѣлу, и они съ $^3/_4$ часа просидѣли въ кабинетѣ. Я былъ въ это время занятъ въ другой части дома, но Фростъ рисовалъ въ гостиной, смежной съ кабинетомъ. Тотчасъ послѣ ухода Николина, онъ въ тревогѣ прибѣжалъ ко мнѣ и разсказалъ, что ему удалось случайно слышать обрывки разговора въ кабинетѣ. Онъ относился къ моему посѣщенію политическихъ и касался вопроса, не нужно ли произвести обыскъ въ нашемъ багажѣ и въ нашихъ бумагахъ. Капитанъ Николинъ настаивалъ на необходимости такого обыска; Потуловъ защищалъ насъ и старался убѣдить жандармскаго офицера, что обыскъ этотъ произведетъ скандалъ и что онъ крайне неумѣстенъ. Споръ закончился знаменательной фразой Николина, что если обыскъ не будетъ произведенъ на Карѣ, его произведутъ въ другомъ мѣстѣ. Фростъ—да и я—мы были нѣсколько смущены этимъ обстоятельствомъ. Я не такъ боялся обыска,—по крайней мѣрѣ, пока мы были въ домѣ Потулова,—какъ чего-нибудь въ родѣ требованія отъ меня Потуловымъ честнаго слова, что я не имѣю у себя писемъ отъ политическихъ ссыльныхъ. При первой возможности, казалось мнѣ, Потуловъ подойдетъ ко мнѣ и съ своимъ обычнымъ добродушіемъ скажетъ: „Георгій Ивановичъ, капитанъ Николинъ, знаетъ о вашихъ посѣщеніяхъ Армфельдтъ и предполагаетъ, что вы взяли у нихъ письма для передачи друзьямъ. Онъ былъ у меня сегодня съ предложеніемъ обыскать васъ. Конечно, я не допустилъ до этого, но я прошу васъ успокоить меня вашимъ словомъ, что у васъ дѣйствительно нѣтъ такихъ писемъ.“

Мнѣ пришлось бы или солгать человѣку, гостепріимствомъ котораго я пользовался, или предать людей, которые мнѣ довѣрились, и къ которымъ я чувствовалъ искреннюю симпатію. И то и другое было, очевидно, невозможно; а между тѣмъ я не имѣлъ иного выхода, и опасность висѣла у меня надъ головой, готовая разразиться каждую минуту. Если бы дѣло шло только о моихъ бумагахъ, быть можетъ, у меня нашлось бы достаточно мужества ждать ее; но я зналъ, что если бы у меня нашли эти письма, Армфельдтъ и ея товарищи были бы снова заперты въ тюрьму; несчастная ста-

руха Армфельдтъ осталась бы одна съ своимъ новымъ горемъ; а разборъ моихъ бумагъ повлекъ бы за собой рядъ бѣдствій для тѣхъ десятковъ и сотенъ ссыльныхъ, чиновниковъ и офицеровъ, которые, довѣрившись мнѣ, такъ обогатили мои матерьялы. Весь день я провелъ въ тревогѣ и нерѣшительности, избѣгая tête-à-tête съ Потуловымъ; рано вечеромъ ушелъ подъ предлогомъ головной боли къ себѣ и почти всю ночь провелъ въ мучительномъ раздумьи. Я придумывалъ десятки способовъ спрятать ихъ, но тотчасъ же отказывался отъ этого выхода, понимая, что онъ не избавляетъ меня отъ проклятой дилеммы—солгать или признаться. Сдать ихъ на почту?—но всѣ посылки и письма изъ дома Потулова проходили черезъ его руки, а его то вопроса я и боялся. Наконецъ, уже на разсвѣтѣ, я рѣшился уничтожить эти злосчастныя письма. Я не могъ, конечно, посовѣтоваться съ ихъ собственниками, но я зналъ, что они меня поняли бы и одобрили бы мое рѣшеніе, если бы знали всѣ обстоятельства дѣла. Конечно, больно было уничтожить ихъ:—сколько надеждъ вкладывали въ нихъ тѣ, кто ихъ писалъ, какъ дороги они были бы отцамъ, матерямъ, сестрамъ и братьямъ въ Россіи?—но другого выхода не было. Рискъ сохранять ихъ дальше былъ слишкомъ великъ.

Разъ я рѣшилъ уничтожить письма, мнѣ оставалось еще рѣшить другой вопросъ—какъ ихъ уничтожить? Со времени возвращенія Потулова изъ Усть-Кары за мною наблюдали болѣе тщательно, чѣмъ когда либо. Моя комната не имѣла дверей и отдѣлялась отъ передней и отъ гостиной только легкими портьерами. Ея окна—безъ занавѣсей—были почти на одномъ уровнѣ съ улицей, а часовой, день и ночь стоявшій у крыльца, могъ видѣть черезъ нихъ все, что дѣлается въ комнатѣ. Разорвать письма?—но изъ найденныхъ кусочковъ всегда можно составить оригиналъ; сжечь ихъ?—но запахъ жженной бумаги распространится по всему дому, не говоря уже о томъ, что меня могли бы поймать во время этой операціи или часовой, или самъ Потуловъ, который очень часто заходилъ ко мнѣ подъ всякими предлогами. Къ счастью, въ комнатѣ была большая кирпичная печь, которую затопили черезъ полчаса послѣ того, какъ я всталъ. Вопросъ былъ рѣшенъ. Мнѣ оставалось только выждать моментъ, когда Потуловъ будетъ занятъ разговоромъ съ Фростомъ, а часовой отойдетъ въ сторону, и бросить письма въ огонь. Я потихоньку открылъ печную заслонку, удостовѣрился, что все снаружи благополучно, и черезъ нѣсколько минутъ отъ писемъ не осталось и слѣда. Затѣмъ я зачеркнулъ или зашифровалъ кое-какія имена въ моей записной книжкѣ и былъ готовъ для обыска.

Въ моей карійской жизни о двухъ вещахъ я до сихъ поръ сожалѣю; и одна изъ нихъ—это сожженіе писемъ. Съ тѣхъ поръ я не видѣлъ моихъ друзей изъ вольной команды—ихъ собственниковъ—и не имѣлъ возможности объяснить имъ, при какихъ условіяхъ я рѣшился на это ауто-да-фе; да и слишкомъ поздно было бы объясняться; дѣло было сдѣлано. Армфельдтъ менѣе какъ черезъ годъ послѣ того, какъ я въ послѣдній разъ пожалъ ея руку, умерла отъ чахотки, пріобрѣтенной въ тюрьмѣ, и, быть можетъ, письма, которыя она мнѣ передала, были ея послѣдними письмами.—Никакого честнаго слова никто отъ меня не потребовалъ; никто меня не обыскивалъ; и я могъ бы провезти ихъ такъ же свободно, какъ я провезъ впослѣдствіи многія другія.

Еще болѣе, пожалуй, я сожалѣю о томъ, что мнѣ не удалось видѣться съ докторомъ Веймаромъ, однимъ изъ самыхъ интересныхъ людей въ политической вольной командѣ, который во время моего пребыванія на Карѣ умиралъ отъ чахотки, полученной въ тюрьмѣ. Онъ былъ извѣстнымъ врачомъ въ Петербургѣ, гдѣ жилъ до ареста въ собственномъ домѣ на Невскомъ проспектѣ. Онъ былъ богатъ, занималъ прекрасное общественное положеніе и пользовался расположеніемъ тогдашней наслѣдницы, нынѣшней императрицы. Онъ завѣдывалъ ея военно-полевымъ госпиталемъ во время русско-турецкой войны въ 1877—78 г. г., получилъ орденъ св. Анны и нѣсколько другихъ орденовъ за свои особыя заслуги и за мужество, которое онъ проявлялъ на поляхъ битвъ; его очень цѣнилъ генералъ Гурко, съ которымъ онъ перешелъ Балканы. Его судили, какъ революціонера, и осудили, конечно, несмотря на полное отсутствіе серьезныхъ уликъ. Просидѣвъ годъ въ казематахъ Петропавловской крѣпости, онъ былъ отправленъ на Кару. Вотъ что писалъ „Таймсъ“ во время суда надъ нимъ и его товарищами. „Нашъ корреспондентъ сообщаетъ намъ приговоръ, осудившій вчера въ Петербургѣ лицъ, обвиняемыхъ въ участіи въ нигилистическомъ заговорѣ. Люди запада не могутъ видѣть въ этихъ русскихъ государственныхъ процессахъ—ничего другого, кромѣ позорной пародіи на правосудіе. Они представляютъ прекрасную иллюстрацію правительственныхъ порядковъ въ странѣ, находящейся въ постоянномъ осадномъ положеніи. Военное правосудіе вообще имѣетъ, по крайней мѣрѣ, одну хорошую сторону быстроты, но военное правосудіе русскихъ трибуналовъ такъ же жестоко въ своей медлительности, какъ нелогично въ своихъ методахъ и свирѣпо въ своихъ результатахъ... Между осужденными вчера есть замѣчательный человѣкъ—Веймаръ, которымъ его родина имѣетъ полное основаніе гордиться. Это—совершеннѣйшій джентльменъ. Какъ врачъ, онъ все свое время и

искусство отдавалъ своимъ страждущимъ согражданамъ. Онъ имѣетъ (вѣрнѣе—имѣлъ, потому что сегодня онъ—жалкій парія—каторжникъ) много русскихъ и румынскихъ орденовъ, медаль въ воспоминаніе о турецкой войнѣ. Онъ былъ въ войскѣ, съ которымъ Гурко перешелъ Балканы и совершилъ блестящій военный подвигъ. Обвиненія, выставленныя противъ него, и вообще все его дѣло представляютъ какую то ужасную комедію. Свирѣпій юморъ кривосудія еще никогда не заходилъ такъ далеко; фантазія Рабле въ „Gripperminaud“ и Бэнайна въ „M. Justice Hategood“ не предвидѣли ничего подобнаго.... Показанія свидѣтелей—были дождемъ похвалъ характеру Веймара и его мужеству на войнѣ. Это было непріятно для обвиненія;—въ самомъ дѣлѣ, какъ ужасны должны быть порядки въ странѣ, гдѣ такіе примѣрные граждане вынуждены помогать такимъ преступленіямъ, какъ убійства, и такимъ преступникамъ, какъ Соловьевъ. Можно было ожидать, что обвиненіе противопоставитъ этимъ свидѣтельствамъ—свои. Ничего подобнаго. Прокуроръ удовольствовался тѣмъ, что заявилъ: „Я могъ бы представить вамъ рядъ свидѣтелей, которыхъ показанія были бы совершенно обратны; но, къ сожалѣнію, всѣ они отсутствуютъ.“ Конечно, трудно ожидать, чтобы военные судьи могли проявить свою самостоятельность въ противность желанію начальства, но, во всякомъ случаѣ, весь процессъ, съ начала до конца, можно сравнить только съ тѣмъ пиртовскимъ судомъ, на которомъ присутствовала Алиса въ фантастической сказкѣ Карроля... Ничто болѣе, чѣмъ этотъ процессъ, не можетъ служить лучшимъ доказательствомъ ужаснаго состоянія русскаго общества и русскаго правосудія. Или деспотизмъ въ Россіи такъ ужасенъ, что лучшіе граждане ищутъ отъ него защиты въ рядахъ революціонеровъ, или докторъ Веймаръ осужденъ несправедливо и преступно-жестоко. Въ обоихъ случаяхъ этотъ процессъ—скандаленъ, даже для военнаго суда“.

Тогдашняя наслѣдница—нынѣ императрица, въ полевомъ лазаретѣ которой служилъ Веймаръ все время войны, принимала горячее участіе въ его судьбѣ и твердо вѣрила въ его непричастность къ дѣлу; но и она не могла спасти его. Однако, въ 1881 году, она послала на Кару полковника Норда, чтобы предложить Веймару свободу подъ условіемъ его честнаго слова, что онъ не будетъ принимать никакого участія ни въ чемъ враждебномъ правительству. Веймаръ отвѣтилъ, что, не зная современнаго положенія Россіи, онъ не можетъ связать себя такимъ обязательствомъ, но что, если бы ему дали возможность познакомиться съ этимъ положеніемъ, давъ ему, подъ порукою его слова, временную свободу, онъ или далъ бы требуемое обязательство, или вернулся бы на Кару. Нордъ нѣ-

сколько разъ видѣлся съ нимъ и пытался сломить его рѣшимость, но онъ остался непреклоненъ.

Когда я посѣтилъ Кару, Веймаръ жилъ въ вольной командѣ, быстро приближаясь къ могилѣ, вслѣдствіе полученной имъ въ тюрьмѣ чахотки. Его товарищи предложили мнѣ навѣстить его въ тотъ вечеръ, который я провелъ у Армфельдтъ, но, по ихъ разсказамъ, онъ былъ такъ слабъ и такъ боленъ, что я не рѣшился зайти къ нему, боясь ускорить, своимъ внезапнымъ появленіемъ, его смерть. Я видѣлъ, какъ это появленіе отражалось на Армфельдтъ,—человѣкѣ вполнѣ здоровомъ, какъ же должно было бы оно возбудить больного и умирающаго. Впослѣдствіи я имѣлъ случай пожалѣть объ этомъ. Когда я, шесть мѣсяцевъ спустя, былъ въ Петербургѣ, меня посѣтила молодая женщина, бывшая невѣстой Веймара во время его ареста. Узнавъ, что я былъ на Карѣ, она пришла ко мнѣ, надѣясь, что, можетъ быть, я привезъ ей отъ любимаго человѣка письмо или хотя послѣдній прощальный привѣтъ. Она уже совсѣмъ было собралась ѣхать на Кару, узнавъ, что Веймаръ выпущенъ въ вольную команду, когда вдругъ получила коротенькую телеграмму, извѣщающую ее о его смерти. Съ тѣхъ поръ прошло 9 мѣсяцевъ, и оттуда—ничего. Ни Веймару до его смерти, ни его друзьямъ послѣ этой смерти не позволяли писать ей, и всѣ свои надежды она возлагала на меня. Читатель понимаетъ, съ какой сердечной болью я долженъ былъ сказать ей, что я м о г ъ видѣть его, что я м о г ъ привезти послѣднее слово любви и памяти отъ его смертнаго одра, но что я этого не сдѣлалъ. Мнѣ не разъ въ жизни приходилось исполнять тяжелыя обязанности, но эта—была самой тяжелой.

Однимъ вечеромъ, когда я былъ у нея, она подробно разсказала мнѣ полную героизма и самоотверженія жизнь Веймара, прочла мнѣ его письма къ ней съ поля битвъ, изъ Болгаріи, и показала мнѣ священную и драгоцѣнную для нея реликвію, оставшуюся въ память о немъ—вышивку, которую онъ вышилъ своими руками въ своей тюремной камерѣ и какимъ-то чудомъ успѣлъ переслать ей на память. Это былъ длинный кусокъ грубаго полотна—очевидно того, который употребляютъ на рубашки каторжниковъ—съ узоромъ, изящно вышитымъ грубѣйшими разноцвѣтными нитками. „М-ръ Кеннанъ, сказала мнѣ, показывая вышивку и едва удерживаясь отъ рыданій, несчастная женщина: подумайте, сколько тяжелыхъ мучительныхъ мыслей въ этомъ кускѣ полотна!“

Послѣ нашего послѣдняго посѣщенія Армфельдтъ, мы оставались на Карѣ дней пять. Все это время за нами наблюдали самымъ тщательнымъ образомъ, такъ что мы ничего не могли сдѣлать. Поэтому мнѣ остается только изложить въ систематической формѣ тѣ свѣ-

дѣнія, которыя я успѣлъ почерпнуть здѣсь, и дать читателю нѣсколько главъ длинной и ужасной исторіи карійской политической каторги *).

Русское правительство начало поселять государственныхъ преступниковъ на Карѣ еще въ 1873 г. Но лишь съ 1879 г. Кара стала не случайнымъ, а постояннымъ центромъ политической каторги. До тѣхъ поръ большинство осужденныхъ на каторгу въ политическихъ процессахъ содержалось въ казематахъ Петропавловской крѣпости и въ центральныхъ тюрьмахъ Харьковской губ. Но по мѣрѣ распространенія революціоннаго движенія, захватывавшаго все большую и большую массу прозелитовъ, и по мѣрѣ переполненія мѣстъ заключенія въ Россіи, М.В.Д. начало чаще и чаще пересылать на Кару болѣе важныхъ „преступниковъ.“ Тамъ они жили въ одной изъ старыхъ уголовныхъ тюремъ, на общеуголовномъ положеніи, т. е. должны были работать въ разрѣзахъ, и только по окончаніи испытуемаго срока выпускались въ вольную команду. Въ декабрѣ 1880 г. въ карійской тюрьмѣ было уже 50 человѣкъ заключенныхъ, да 9, окончившихъ испытуемые сроки, были разселены въ своихъ избахъ въ вольной командѣ. Они работали въ разрѣзахъ, но эта работа была имъ не въ тягость, а въ удовольствіе; она была не особенно тяжела, и 6—8 часовъ такой работы на свѣжемъ воздухѣ были полезнымъ и пріятнымъ развлеченіемъ, сравнительно съ зараженнымъ воздухомъ грязной тюрьмы.

Комендантомъ Карійской каторги былъ въ это время полковникъ Кононовичъ,—человѣкъ образованный и гуманный, котораго и теперь еще старые политическіе каторжане вспоминаютъ съ уваженіемъ и признательностью. Онъ, конечно, не былъ революціонеромъ и не сочувствовалъ революціоннымъ пріемамъ борьбы; но онъ понималъ,

*) Почти все, что найдетъ здѣсь читатель, было мною тщательно провѣрено и опирается на несомнѣнныя офиціальныя данныя. Если и могутъ быть немногія ошибки въ мелочахъ, то въ общемъ мой отчетъ можетъ выдержать испытаніе даже передъ русскимъ трибуналомъ. Факты, относящіеся къ управленію полковникомъ Кононовичемъ карійскими рудниками, получены мною отчасти отъ политическихъ заключенныхъ, отчасти отъ офиціальныхъ лицъ на Карѣ, въ Читѣ, въ Иркутскѣ и въ Петербургѣ. Письмо, въ которомъ Кононовичъ отказывается отъ своей должности, и теперь еще находится въ архивѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, и всѣ обстоятельства, сопровождавшія его отставку, извѣстны не только политическимъ, но и многимъ чиновникамъ, съ которыми мнѣ приходилось говорить. Я очень сожалѣю, что не могу здѣсь—вслѣдствіе политическихъ и иныхъ соображеній—подкрѣпить достовѣрность моего разсказа ссылками на лицъ, вполнѣ авторитетныхъ и общественное положеніе которыхъ служитъ ручательствомъ достаточной точности тѣхъ свѣдѣній, которыми они со мною подѣлились.—

Кеннанъ.

что многіе изъ политическихъ каторжанъ были люди высоко честные и образованные, что они стали революціонерами подъ вліяніемъ окружающихъ ихъ золъ и насилій деспотизма, что, какъ ни смотрѣть на ихъ дѣятельность, ея мотивы—благородны и патріотичны. Онъ обращался съ ними мягко и осторожно и по возможности старался облегчить имъ тяжесть ихъ существованія въ рудникахъ. Нѣкоторые изъ заключенныхъ тогда на Карѣ были прикованы, въ видѣ административнаго наказанія, къ тачкѣ *). Кононовичъ не хотѣлъ переносить вида людей, къ которымъ онъ не могъ не относиться съ уваженіемъ, подверженныхъ такому унизительному и тяжелому наказанію; но онъ не могъ и отмѣнить его собственной властью; поэтому онъ отдалъ приказъ, чтобы всякій разъ, какъ онъ посѣщалъ политическую тюрьму, тачечниковъ расковывали. Этотъ маленькій эпизодъ иллюстрируетъ ту человѣчность и ту способность симпатизировать страданіямъ другихъ, которыя характеризовали поведеніе Кононовича по отношенію къ политическимъ, находившимся подъ его вѣдѣніемъ. И пока онъ могъ, его поведеніе оставалось неизмѣннымъ; онъ понималъ, что жизнь заключенныхъ была и то слишкомъ тяжела и мучительна, и что отягощать ее грубостью и жестокостью—было бы безчеловѣчно. Однако, къ концу 1880 г. началась серія циркуляровъ изъ министер., систематически ограничивавшихъ жалкія привилегіи политическихъ каторжанъ и имѣвшихъ, очевидно, цѣлью—сдѣлать ихъ наказаніе еще болѣе тяжелымъ. Прежде всего имъ было запрещено переписываться съ ихъ родными. Для тѣхъ, кто имѣлъ въ Россіи отцовъ и матерей, женъ и дѣтей, это было тяжелымъ и несправедливымъ лишеніемъ. Затѣмъ имъ было запрещено работать въ разрѣзахъ; этимъ циркуляромъ ихъ лишили возможности хоть изрѣдка видѣть внѣтюремный міръ, дышать свѣжимъ воздухомъ и поддерживать трудомъ свои тѣлесныя силы. Наконецъ, въ декабрѣ 1880 г. былъ полученъ на Карѣ приказъ уничтожить вольную команду и ея членовъ вернуть въ тюрьму, обрить имъ полъ-головы и заковать въ кандалы **). Кононовичъ видѣлъ всю ненужную же-

*) Это наказаніе практикуется часто и до сихъ поръ. Арестантъ приковывается цѣпью къ рабочей тачкѣ и не можетъ сдѣлать ни шагу безъ своей подруги. Даже спитъ онъ рядомъ съ ней. Въ Карійской политической тюрьмѣ было такимъ образомъ прикόвано къ тачкамъ четверо: Попко, Березнюкъ, Фомичевъ и Щедринъ. Послѣдній изъ нихъ былъ освобожденъ отъ своей тачки только въ 1884 г. Примѣняли ли это наказаніе съ тѣхъ поръ къ кому-нибудь еще—я не знаю.— *Кеннанъ.*

**) Всѣ эти циркуляры имѣли мѣсто въ бытность Лорисъ-Меликова министромъ в. д., и я никакъ не могъ объяснить себѣ противорѣчія въ его политикѣ: съ одной стороны по отношенію къ либераламъ, съ другой — къ

стокость этой мѣры и хлопоталъ объ ея упраздненіи или смягченіи. Его хлопоты остались безплодны, и 28-го декабря онъ призвалъ къ себѣ членовъ вольной команды, прочелъ имъ полученное распоряженіе, передалъ имъ о неудачѣ своихъ хлопотъ и затѣмъ, на свою отвѣтственность, далъ имъ три дня отсрочки, чтобы устроить свои дѣла. 1-го января 1881 года они должны были вернуться въ тюрьму. Для всѣхъ вольнокомандцевъ это было страшнымъ ударомъ. Въ продолженіи двухъ лѣтъ жили они сравнительно свободно, въ своихъ собственныхъ избахъ, иные съ женами и дѣтьми, которыя только для нихъ проѣхали 5000 миль, отдѣляющихъ Кару отъ Россіи. Черезъ три дня они должны были разстаться съ семьями, оставить своихъ женъ однѣхъ, беззащитными и итти назадъ въ проклятую тюрьму. Иные были слабы и больны; ихъ ждала скоро вѣрная смерть въ зараженныхъ камерахъ; всѣ съ ужасомъ думали о полузабытыхъ кандалахъ, парашахъ, насѣкомыхъ и прочихъ прелестяхъ тюремной жизни.

Однимъ изъ членовъ тогдашней вольной команды былъ нѣкто Семеновскій, молодой, 33 лѣтній, юристъ, сынъ извѣстнаго кіевскаго медика, осужденный за то, что былъ какъ то прикосновененъ къ подпольному журналу „Впередъ.“ Это былъ талантливый, образованный и выдающійся человѣкъ, окончившій университетскій курсъ и, передъ арестомъ, занимавшійся адвокатурой въ Петербургѣ. Послѣ 4—5 лѣтняго заключенія въ Карійской тюрьмѣ, здоровье его начало быстро слабѣть, но въ 1879 г. онъ былъ выпущенъ въ вольную команду. Въ послѣдній вечеръ, наканунѣ ужаснаго 1-го января, вольнокомандцы замѣтили, что Семеновскій какъ-то особенно удрученъ; уходя домой, онъ съ особеннымъ волненіемъ и теплотою простился съ товарищами, а въ 2 часа ночи Чарушинъ, въ избѣ котораго жилъ Семеновскій, былъ разбуженъ выстрѣломъ. Онъ бросился въ комнату, изъ которой раздался выстрѣлъ,—тамъ лежалъ его сожитель, съ прострѣленнымъ вискомъ. Черезъ часъ

осужденнымъ революціонерамъ. Нѣкоторые изъ чиновниковъ, съ которыми я говорилъ объ этомъ въ Россіи, не колеблясь утверждали, что Лорисъ-Меликовъ сознательно хотѣлъ сдѣлать жизнь политическихъ заключенныхъ болѣе тяжелою. Другіе думали, что онъ дѣйствовалъ такъ, не ясно представляя себѣ ихъ положеніе и на основаніи того соображенія, что современные революціонеры не заслуживаютъ большей симпатіи, чѣмъ декабристы 25-года, а жизнь декабристовъ была очень тягостна; значитъ, такова же должна быть и жизнь нигилистовъ. Многіе изъ ссыльныхъ высказывали мнѣ свое убѣжденіе, что либерализмъ Лорисъ Меликова былъ только лицемѣрной комедіей; но я склоненъ думать, что его циркуляры надо объяснять тѣмъ, что онъ дѣйствовалъ по чьимъ нибудь совѣтамъ, не задумываясь, не размышляя и не представляя себѣ ясно всего значенія его распоряженій. — *Кеннанъ.*

онъ умеръ. На столѣ лежало письмо къ его отцу. Вотъ его содержаніе:

— „Мой дорогой отецъ! я пишу тебѣ, проводивъ старый годъ и встрѣтивъ новый вмѣстѣ съ моими друзьями. Съ тяжелымъ сердцемъ и при мрачной обстановкѣ мы встрѣтили этотъ годъ. Ты, вѣроятно, получилъ письмо отъ жены одного моего товарища, которую я просилъ сообщить тебѣ, что намъ отнынѣ запрещено писать кому-бы то ни было,—даже ближайшимъ роднымъ. Но, какъ ни безсмысленно и безчеловѣчно это запрещеніе, насъ ожидало нѣчто худшее, о чемъ я ничего не зналъ еще, когда вамъ было послано то письмо. Дней черезъ десять послѣ запрещенія писать вамъ, мы получили распоряженіе—вернуться въ тюрьму, въ кандалы. Мы—9 человѣкъ: Шишко, Чарушинъ, Кватковскій, Успенскій, Союзовъ, Богдановъ, Терентьевъ, Тефтулъ и я—два года уже какъ живемъ при сравнительной свободѣ, внѣ тюрьмы. Мы ожидали чего-нибудь подобнаго послѣ циркуляра о запрещеніи переписки:—въ этомъ циркулярѣ былъ одинъ параграфъ, обѣщавшій намъ новыя бѣды. Завтра мы должны итти въ тюрьму. Если бы не снисхожденіе къ намъ полковника Кононовича, мы должны были бы быть арестованы и заключены въ тюрьму тотчасъ послѣ полученія распоряженія, но онъ далъ намъ нѣсколько дней отсрочки. Мы воспользовались этой отсрочкой, чтобы въ послѣдній разъ на свободѣ встрѣтить вмѣстѣ новый годъ;—я воспользуюсь имъ и для другой еще цѣли. Я не знаю, будетъ ли это нарушеніемъ довѣрія къ намъ Кононовича, или нѣтъ, но если бы даже и такъ,—я не могу не привести въ исполненіе моего рѣшенія.

Быть можетъ, кто-нибудь, прочитавъ эти слова — „вернуть ихъ въ тюрьму“ — сравнитъ насъ съ овцами, которыя молчаливо и безъ борьбы подставляютъ свое горло подъ ножъ мясника, — но это сравненіе будетъ не вѣрно. Какъ мы можемъ бороться? Бѣжать? — но куда и какъ побѣжимъ мы при 35 градусномъ морозѣ, безъ малѣйшей подготовки къ такому трудному предпріятію? Почему — безъ подготовки, — вы знаете изъ моего письма въ августѣ. Я твердо рѣшился бѣжать, если подобное распоряженіе будетъ сдѣлано весною, — когда можно бѣжать съ какой-нибудь надеждой на успѣхъ, имѣя время подготовить побѣгъ. Но распоряженіе пришло теперь. Я чувствую, какъ мои физическія силы слабѣютъ со дня на день; я знаю, что физическая слабость неизбѣжно отразится на моихъ душевныхъ силахъ, я вижу въ близкомъ будущемъ опасность сдѣлаться совершенно идіотомъ. И это — когда я живу на волѣ. Что жъ будетъ со мною въ тюрьмѣ? Вся моя жизнь держится на одной надеждѣ — вернуться въ Россію и служить тому дѣлу долга

и справедливости, которому я посвятилъ себя. Но развѣ можетъ служить этому дѣлу человѣкъ, разбитый и физически, и морально. Разъ отнята эта надежда, что остается? Личная жизнь? Но прежде чѣмъ часъ ея наступитъ, здѣсь десять разъ убьютъ меня пыткой. Нѣтъ, я рѣшилъ, что жить такъ дальше — незачѣмъ, что я пріобрѣлъ, наконецъ, право положить конецъ страданіямъ, которыя отнынѣ безполезны и безцѣльны. Я усталъ, смертельно усталъ жить этою жизнью, и только мысль о домѣ, о Россіи, удерживала меня до сихъ поръ отъ самоубійства. Я знаю, что этимъ я принесу много горя тебѣ, Сашѣ и всѣмъ, кто меня любитъ, но развѣ вашей любви не хватитъ на то, чтобы простить самоубійство человѣка, который дальше страдать не можетъ? Помните это, ради Христа. Вѣдь я буквально измученъ до смерти за эти послѣдніе годы. Ради всего вамъ дорогого, простите меня. Вы должны знать, что моя послѣдняя мысль — о васъ; что имѣй я немного больше силъ, я бы несъ эту жизнь дальше, чтобы только не огорчить васъ моею смертью; но у меня нѣтъ больше силъ. Мнѣ остается только сойти съ ума или умереть; послѣднее все-таки лучше... Прощай же, мой дорогой, любимый отецъ и другъ; прощай, Саша, и ты, мой маленькій братъ, котораго я знаю такъ мало. Помните, что лучше умереть даже такъ, какъ я умираю, чѣмъ жить, не сознавая себя всегда человѣкомъ принципа и чести. Еще разъ прощайте! Не осуждайте вашего несчастнаго сына и брата — Евгенія."

Останки Евгенія Семеновскаго покоятся на „политическомъ кладбищѣ," расположенномъ на холмѣ, извѣстномъ подъ названіемъ „Каторжная Голова". Некрашеный деревянный крестъ, который уже погнулся и скоро упадетъ совсѣмъ, стоитъ надъ зеленѣющимъ холмикомъ, подъ которымъ навсегда успокоился человѣкъ, котораго таланты, благородство, высокіе принципы долга и чести, при болѣе счастливыхъ условіяхъ, сдѣлали бы неоцѣненнымъ работникомъ въ дѣлѣ свободы и человѣчности.

Полковникъ Кононовичъ былъ потрясенъ извѣстіемъ объ этомъ самоубійствѣ, но оно, оказалось, было только началомъ ряда трагедій, вызванныхъ жестокими циркулярами министерства. Скоро послѣ самоубійства Семеновскаго отравился спичками другой политическій — Родинъ; Ковалевская, сестра извѣстнаго русскаго экономиста Воронцова (В. В.), сошла съ ума.

Полковникъ Кононовичъ былъ слишкомъ человѣченъ, чтобы вынести безъ послѣдствій картину такихъ страданій. Онъ рѣшился отказаться отъ своей должности, которая начинала напоминать должность палача, и написалъ Генералъ-Губернатору Восточной Сибири и Министру В. Д. смѣлое и откровенное письмо, въ кото-

ромъ назвалъ послѣднія правительственныя мѣры по отношенію къ политическимъ заключеннымъ на Карѣ не только безтактными, но жестокими. Если правительству нуженъ комендантъ — говорилъ онъ въ этомъ письмѣ, — который взялся бы примѣнять эти мѣры, — пусть оно пошлетъ на это мѣсто палача. Онъ не палачъ; онъ не можетъ, не насилуя своихъ взглядовъ и чувствъ, оставаться на должности при подобныхъ условіяхъ и проситъ уволить его. Отставка была принята, и лѣтомъ 1881 г. Кононовичъ оставилъ Кару и Сибирь и пріѣхалъ въ Петербургъ. Проѣзжая черезъ Иркутскъ онъ видѣлся съ Генералъ-Губернаторомъ В. Сибири Анучинымъ, который, между прочимъ, сказалъ ему: „Полковникъ Кононовичъ! человѣкъ съ вашими взглядами, конечно, не можетъ занимать мѣсто коменданта на Карѣ. Сомнѣваюсь даже, чтобы онъ вообще могъ служить на государственной службѣ.“

— Очень хорошо, — отвѣчалъ Кононовичъ, — я оставлю ее.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ Кононовичъ видѣлся съ товарищемъ Министра В. Д., Дурново, которому онъ откровенно высказалъ свои взгляды: „Я не ослабилъ, — сказалъ онъ, — необходимой дисциплины на Карѣ; я не нарушилъ никакого закона. Если вы хотите порядка въ политической тюрьмѣ и уваженія къ правительству со стороны ея обитателей, пошлите туда человѣка съ моими воззрѣніями. Я не преслѣдовалъ никакихъ „своихъ“ цѣлей; вы можете видѣть это изъ того, что мое поведеніе было опасно для меня. Вы, вѣроятно, получили не мало доносовъ и обвиненій противъ меня. Я не боюсь ихъ: я боюсь приговора своей совѣсти, и ея велѣнія — для меня законъ. Послѣднія мѣропріятія моя совѣсть осудила, и я отказался отъ должности, которую я не могъ болѣе исполнять.“

Послѣдующая исторія Карійской политической тюрьмы должна была не разъ напомнить Дурново эти прямыя и честныя слова.

Къ сожалѣнію, мнѣ рѣдко приходится хорошо отзываться о сибирскихъ тюрьмахъ и чиновникахъ; тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ могу сказать, что о полковникѣ Кононовичѣ я почти не слышалъ дурныхъ отзывовъ. Политическіе заключенные, честные чиновники, порядочные люди вообще всегда объявляли мнѣ въ одинъ голосъ, что это былъ гуманный, симпатичный человѣкъ и смѣлый, умный и совершенно неподкупный чиновникъ. Почти все хорошее, что было сдѣлано на Карѣ за послѣднюю четверть вѣка, было сдѣлано въ бытность Кононовича тамъ комендантомъ и завѣдывающимъ. Его страшно не любили за то въ средѣ взяточниковъ и иныхъ „дѣльцовъ“ худшаго бюрократическаго типа. Его называли „слабымъ,“ „сантиментальнымъ,“ „соціалистомъ“; его обвиняли въ

сочувствіи революціонерамъ и пр. Нерчинскій исправникъ открыто говорилъ въ клубѣ, что онъ „отправилъ бы Кононовича въ Якутскъ, съ бубновымъ тузомъ на спинѣ.“ Съ какой готовностью даже высшіе представители Сибирской администраціи подхватывали ничтожнѣйшія мелочи, чтобы обвинить его, — показываетъ слѣдующій случай. Въ послѣдній годъ его службы на Карѣ, туда былъ привезенъ политическій каторжанинъ, едва 20 лѣтъ, по имени Бобоховъ. Вслѣдствіе всевозможныхъ страданій и оскорбленій по тюрьмамъ и въ пути, этотъ юноша сталъ подозрителенъ и дикъ, какъ загнанный волкъ. Онъ смотрѣлъ на весь міръ, какъ на что-то враждебное ему, на каждаго чиновника, какъ бы ежеминутно ожидая отъ него оскорбленія или удара, — со страхомъ, но въ то же время съ ненавистью и съ готовностью отвѣчать тѣмъ же. Кононовичъ принялъ его вѣжливо и мягко; послалъ къ нему жену одного изъ ссыльныхъ съ бѣльемъ и закуской; позаботился о всѣхъ его нуждахъ и сказалъ: „Помните, что никто здѣсь не оскорбитъ и не обидитъ васъ.“ Бобоховъ, пораженный такимъ непривычнымъ пріемомъ, въ письмѣ въ Россію между прочимъ писалъ: „Я чрезвычайно удивленъ и доволенъ, зная — насколько я могу это знать изъ короткаго знакомства съ комендантомъ, — что не всякій русскій полковникъ непремѣнно — животное“. Письмо это было перехвачено и переслано изъ министерства къ Забайкальскому Губернатору Ильяшевичу. Этотъ послѣдній отослалъ его къ Кононовичу съ требованіемъ „объясненія.“ На это письмо, очевидно, посмотрѣли, какъ на документальное подтвержденіе существованія подозрительно-интимныхъ отношеній политическихъ заключенныхъ съ ихъ комендантомъ. Кононовичъ оставилъ это требованіе безъ отвѣта. Но, когда онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ по дѣлу въ Читѣ, Ильяшевичъ повторилъ свой вопросъ. „Полковникъ, — сказалъ онъ, — вы не отвѣтили мнѣ на письмо, въ которомъ я просилъ у васъ разъясненій по поводу того, что говорится о васъ въ одномъ изъ перехваченныхъ писемъ государственнаго преступника Б. Развѣ вы не получили его?“.

— Я получилъ его, — отвѣчалъ Кононовичъ, — но какія же объясненія могъ я вамъ дать? Не могъ же я извиняться, что меня называли человѣкомъ, а не животнымъ; не могъ же отвѣтить, что писавшій письмо ошибся, что я дѣйствительно животное и что я никогда не далъ ни ему, ни кому-либо другому основанія предполагать, что русскій полковникъ дѣйствительно можетъ быть иногда человѣкомъ.

Вопросъ былъ поставленъ такъ, что губернатору не оставалось ничего другого, какъ смутиться и замять разговоръ, — что онъ и сдѣлалъ.

Оставивъ Кару, Кононовичъ поселился въ Нерчинскѣ, какъ атаманъ казачьихъ войскъ въ Забайкальѣ. Здѣсь онъ скоро открылъ, что исправникъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими чиновниками и офицерами, занимаются правильной и прибыльной торговлей въ рекрутскомъ присутствіи, освобождая за 200—300 рублей сыновей богатыхъ семей отъ военной службы, яко бы по болѣзни. Онъ поднялъ дѣло, но виновные имѣли „сильную руку“ въ Иркутскѣ. Благодаря хлопотамъ друзей и деньгамъ слѣдственная комиссія была „подобрана,“ и дѣло приняло неожиданный оборотъ: обвиняемые выходили чистыми, а Кононовичъ оказывался извѣтчикомъ и клеветникомъ. Но, къ счастію, у него были свои пріятели въ Петербургѣ. Онъ телеграфировалъ имъ и въ министерство, и добился назначенія новой комиссіи, которая собрала достаточно документальныхъ доказательствъ въ пользу обвиненія. Исправникъ и нѣкоторые другіе, замѣшанные въ дѣлѣ, чиновники были посажены въ тюрьму. Тогда ихъ друзья прибѣгли къ иному средству. Въ зимнюю ночь вдругъ вспыхнулъ пожаръ въ домѣ Кононовича. И онъ и его семья едва не сгорѣли. Они спаслись въ одномъ бѣльѣ, но документы сгорѣли почти безъ слѣда. Тогда Кононовичъ „отрясъ прахъ съ ногъ своихъ“ и оставилъ Сибирь, въ которой „честный человѣкъ, исполняя свой долгъ, рискуетъ быть сожженнымъ заживо“. Въ Петербургѣ его назначили членомъ генеральнаго штаба отъ казачьихъ войскъ въ Забайкальѣ; въ этой должности онъ оставался до 1888 г., когда его произвели въ генералы и назначили завѣдывающимъ на Сахалинѣ, гдѣ теперь сосредоточены главныя каторжныя учрежденія Россіи. Это назначеніе дѣлаетъ честь русскому правительству. Можно надѣяться, что пока Кононовичъ будетъ занимать эту должность, Сахалинъ будетъ управляемъ умно, гуманно и честно.

Однимъ изъ послѣднихъ дѣлъ Кононовича на Карѣ была постройка новой политической тюрьмы. Капитанъ Николинъ не разрѣшилъ мнѣ осмотрѣть этого зданія, но я успѣлъ достать подробнѣйшій планъ его и описаніе его внутренности. По общему своему типу оно напоминаетъ обычную сибирскую тюрьму; но оно болѣе просторно, лучше освѣщено и вообще нѣсколько болѣе комфортабельно. Въ немъ 4 камеры (5-ая — лазаретъ), каждая съ тремя окнами, съ большимъ столомъ и скамьями по серединѣ, съ кирпичною печью и нарами на 20—25 человѣкъ. Въ лазаретѣ — кровати. Постельныя принадлежности покупаютъ себѣ на свои деньги сами арестанты. Вначалѣ пали окружали тюрьму только съ трехъ сторонъ; съ четвертой окна камеръ глядѣли прямо на долину Кары. Но генералъ-губернаторъ въ одинъ изъ своихъ рѣдкихъ

визитовъ на Кару не одобрилъ такого плана, замѣтивъ, что „тюрьма — не дворецъ," и приказалъ продолжить пали такъ, чтобы онѣ закрыли собою видъ изъ оконъ тюрьмы. Едва ли можно увидѣть въ этомъ распоряженіи что-нибудь, кромѣ мстительнаго самодурства деспота, который хотѣлъ всѣми средствами сдѣлать жизнь политическихъ возможно болѣе тяжкою. Всѣ карійскія общеуголовныя тюрьмы смотрятъ окнами на улицу и на долину; всякій бродяга и убійца можетъ видѣть изъ своей камеры кусочекъ вольнаго міра. Политическіе заключенные — по мнѣнію Анучина — не имѣютъ права жить „во дворцѣ," изъ оконъ котораго можно видѣть зеленыя деревья, отблескъ солнца на поверхности рѣчки и покрытые дымкою далекія горы. Ихъ надо загородить отъ притока свѣжаго воздуха въ рѣшетчатыя окна. Для нихъ недозволенная роскошь — видѣть человѣка не въ солдатской шинели. Много я думалъ о томъ, какъ хорошо было бы, если бы его превосходительство генералъ-губернаторъ былъ бы запертъ хоть на одинъ годъ въ карійской политической тюрьмѣ, въ теченіе 365 дней не видя ничего, кромѣ высокихъ почернѣвшихъ отъ непогоды палей, проводя ночи на голыхъ деревянныхъ нарахъ, переполненныхъ клопами, и дыша, день и ночь, зараженнымъ воздухомъ отъ „парашъ." О! тогда онъ могъ бы на самомъ дѣлѣ почувствовать, что „тюрьма — не дворецъ!"

Исторія карійской политической тюрьмы.

Послѣ отставки Кононовича, мѣсто его на Карѣ занялъ майоръ Потуловъ, служившій до этого въ Нерчинскихъ серебряныхъ рудникахъ. Вскорѣ послѣ его вступленія въ должность, политическіе каторжане (мужчины),—ихъ было тогда около ста человѣкъ,—были переведены въ новую тюрьму, построенную Кононовичемъ на Нижнемъ Промыслѣ и помѣщены въ 4 большихъ камерахъ, по 25 человѣкъ въ каждой. Жизнь ихъ въ это время,—судя по письмамъ ихъ къ роднымъ и друзьямъ, письмамъ совершенно интимнымъ и не предназначеннымъ для опубликованія,—была тяжела и безнадежна, но не до невыносимости. Имъ позволяли проводить часть своего времени въ тюремномъ дворѣ; они получали отъ родныхъ и друзей деньги; у нихъ была недурная библіотека, составленная изъ купленныхъ ими и присланныхъ имъ изъ Россіи книгъ; они могли до нѣкоторой степени заниматься мускульнымъ трудомъ въ своей кузнечной и столярной мастерской. Но, съ другой стороны, они жили при крайне скверныхъ санитарныхъ условіяхъ; день и ночь они оставались въ ножныхъ и—часто—ручныхъ оковахъ; нѣкоторые изъ нихъ были прикованы къ тачкамъ; день и ночь они должны были быть постоянными зрителями зрѣлища ужаснаго для здоровыхъ людей. Я говорю о припадкахъ сумасшествія, которымъ были подвержены нѣкоторые изъ ихъ товарищей, оставляемые въ общей тюрьмѣ, несмотря на свое состояніе; они были лишены того здороваго физическаго упражненія, которое давали имъ прежде золотыя работы; у нихъ была отнята надежда на жизнь въ вольной командѣ; имъ были запрещены всякія сношенія съ родными; окружающій міръ былъ совершенно закрытъ для нихъ высокими палями. Что жизнь ихъ въ это время была тяжела,—признаютъ даже самые безпощадные сибирскіе чиновники. Вотъ, напримѣръ, выдержка изъ секретнаго рапорта генералъ-губернатора Анучина государю, отъ марта 1882 г.

„Заключая эту часть моего рапорта (о тюрьмахъ и ссылкѣ), я долженъ обратить вниманіе Вашего Величества на положеніе государственныхъ преступниковъ, живущихъ нынѣ въ Восточной Сибири. 1-го января 1882 г. ихъ насчитывалось 430, въ томъ числѣ: а) сосланныхъ въ Сибирь по суду:

1.	Въ каторжныя работы	123
2.	На поселеніе.	49
3.	На жительство	41
б) сосланныхъ въ Сибирь административнымъ порядкомъ.		217
	Всего . .	430 *)

Всѣ государственные преступники, принадлежащіе въ категоріи каторжанъ, содержатся въ Карійскихъ золотыхъ рудникахъ подъ стражею караула, состоящаго изъ 200 забайкальскихъ казаковъ. Употреблять этихъ преступниковъ на работы вмѣстѣ съ уголовными— невозможно. (Генералъ-губернаторъ не говоритъ, почему это было возможно при Кононовичѣ).... Изолировать же ихъ отъ послѣднихъ чрезвычайно трудно, какъ по отсутствію приспособленныхъ для этого рудниковъ, такъ и по ихъ неспособности къ тяжелымъ работамъ и по неимѣнію подъ руками достаточнаго конвоя. Если прибавить къ этому, что непроизводительный, тяжелый трудъ, употребляемый въ другихъ странахъ, какъ физическое наказаніе, у насъ не примѣняется, станетъ совершенно понятнымъ, почему государственные преступники на Карѣ не употребляются на каторжныя работы. Такимъ образомъ, мѣстныя власти, на которыхъ лежитъ тяжкая отвѣтственность въ случаѣ побѣга находящихся въ ихъ вѣдѣніи государственныхъ преступниковъ, принуждены силою обстоятельствъ держать ихъ въ тюрьмѣ, подъ строгимъ надзоромъ, лишь изрѣдка употребляя ихъ на случайныя работы внутри тюремной ограды, или вблизи отъ нея. Эти работы не имѣютъ характера „каторжныхъ работъ“. Но подобное избавленіе государственныхъ преступниковъ отъ каторжныхъ работъ не дѣлаетъ ихъ участи лег-

*) Достойно вниманія это откровенное признаніе генералъ-губернатора, что изъ 430 человѣкъ, сосланныхъ въ Восточную Сибирь, 217, т. е. больше половины, политическихъ ссыльныхъ были административно-ссыльные. Пусть остановятъ на этомъ официально-констатированномъ фактѣ свое вниманіе адвокаты „русско-американскаго трактата о выдачѣ преступниковъ“.—

Кеннанъ.

кою. Напротивъ, полная ихъ изолированность отъ окружающаго, въ стѣнахъ ихъ тюрьмы, дѣлаетъ ихъ жизнь невыносимою.... Среди нихъ было нѣсколько самоубійствъ, и только нѣсколько дней тому назадъ одинъ изъ нихъ, Позенъ, сошелъ съ ума. Нѣкоторые другіе очень близки къ сумасшествію. По соглашенію моему съ господиномъ министромъ в. д., всѣ, страдающіе умопомѣшательствомъ, будутъ переведены *), если это окажется возможнымъ, въ наемное помѣщеніе въ Читѣ, такъ какъ въ Сибири нѣтъ дома для сумасшедшихъ, а всѣ подобныя учрежденія въ Россіи переполнены" **).

Здѣсь нелишнее обратить вниманіе на то, что жизнь государственныхъ на Карѣ, которую Анучинъ называетъ „невыносимою", стала такою подъ вліяніемъ сознательныхъ дѣйствій самой же власти. Самъ Анучинъ приказалъ загородить тюрьму палями отъ внѣшняго міра; само министерство упразднило „вольную команду" и создало ту „полную изолированность", которая повела къ самоубійствамъ и помѣшательствамъ, которыя Анучинъ какъ-будто оплакиваетъ въ своемъ рапортѣ. Положеніе политическихъ каторжанъ не было „невыносимымъ" при Кононовичѣ; оно стало таковымъ вслѣдствіе тѣхъ циркуляровъ, которые вызвали его отставку.

Трудно было ожидать, чтобы молодые и энергичные люди спокойно подчинились положенію, которое офиціально признавалось, какъ „невыносимое", и которое вело болѣе слабыхъ изъ нихъ къ

---

*) Во время нашего посѣщенія Кары, т. е. 1½ года послѣ этого рапорта, обѣщанный переводъ еще не состоялся. Помѣшанные политическіе жили еще въ однѣхъ камерахъ съ своими здоровыми товарищами и отягчали своимъ присутствіемъ ихъ жалкую жизнь. Вообще, въ Восточной Сибири тюремное начальство очень мало заботится объ отдѣленіи помѣшанныхъ отъ здоровыхъ и объ ихъ леченіи, и не разъ мнѣ приходилось убѣждаться въ этомъ лично при посѣщеніи тюремъ: иногда, при входѣ въ переполненную камеру, я вздрагивалъ отъ неожиданности, когда изъ толпы бросался ко мнѣ какой-нибудь помѣшанный, съ дикимъ крикомъ, или съ взрывомъ истеричнаго хохота. Причины этому указаны отчасти въ рапортѣ генералъ-губернатора. Въ Восточной Сибири нѣтъ ни одной больницы для помѣшанныхъ; проще и дешевле оставить заботу о помѣшанномъ его товарищамъ, чѣмъ держать его въ отдѣльномъ помѣщеніи и ходить за нимъ. Для политическихъ заключенныхъ, которые боятся помѣшательства болѣе всего, это истинная пытка—имѣть постоянно передъ глазами живую иллюстрацію ихъ возможнаго, или—скорѣе—вѣроятнаго будущаго,—въ видѣ ихъ сумасшедшихъ товарищей.—

Кеннанъ.

**) Рапортъ генералъ-губернатора Анучина Александру III, глава V, отд. 3. У меня есть копія этого рапорта, и когда-нибудь я опубликую его цѣликомъ. На оригиналѣ собственною рукою императора сдѣлана слѣдующая отмѣтка: „Грустная, но не новая картина".—

Кеннанъ.

самоубійству или помѣшательству. Въ апрѣлѣ 1882 года, менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ вышеупомянутаго рапорта Анучина, нѣсколько энергичныхъ заключенныхъ пыталось бѣжать черезъ подкопъ подъ тюремной стѣною. Но прежде, чѣмъ онъ былъ оконченъ, вслѣдствіе влажности почвы онъ наполнился водою, и работу пришлось бросить, отказавшись отъ этого плана побѣга. Скоро былъ найденъ другой путь. Рѣшено было бѣжать черезъ мастерскую, въ которой днемъ работали заключенные. Трудность этого плана была въ вечерней „повѣркѣ", которую каждый день, передъ окончательнымъ запоромъ тюрьмы, дѣлалъ казачій караулъ. Не досчитайся онъ укрывшихся въ мастерской,—и побѣгъ дѣлался невозможнымъ. Рѣшено было попробовать сбить повѣрку, положивъ на мѣста отсутствующихъ искусно сдѣланныя чучела. Караульный офицеръ обыкновенно считалъ заключенныхъ изъ двери камеры; камера была обыкновенно очень плохо освѣщена; на повѣрку всѣ— и заключенные и караулъ—смотрѣли какъ на скучную формальность, и т. д. При такихъ условіяхъ чучела имѣли много шансовъ сойти за настоящихъ людей. Удайся эта хитрость,—бѣглецы должны были направиться внизъ по Амуру во Владивостокъ, и тамъ сѣсть на какое-нибудь американское судно, между тѣмъ какъ ихъ оставшіеся въ тюрьмѣ товарищи должны были какъ можно дольше поддерживать свои чучела, чтобы отдалить тревогу и розыски. Когда все было готово, Мышкинъ и Хрущовъ спрятались въ мастерской, и ихъ мѣсто въ тюрьмѣ на вечерней повѣркѣ заняли чучела. Повѣрка прошла благополучно; бѣглецы дождались ночи и черезъ приготовленное заранѣе отверстіе въ потолкѣ вылѣзли на крышу, спустились оттуда и черезъ нѣсколько минутъ скрылись въ лѣсу, не обративъ на себя вниманія часового. Черезъ нѣсколько дней такимъ же образомъ бѣжала другая пара, а на нарахъ лежало два новыхъ чучела и т. д. На третью недѣлю послѣ перваго побѣга на нарахъ лежало восемь чучелъ, а 4-я пара ожидала ночи, чтобы бѣжать изъ тюрьмы. Но это была послѣдняя пара. Одинъ изъ бѣглецовъ, спускаясь со стѣны, сорвался и упалъ въ лужу воды. Произведенный шумъ привлекъ вниманіе часового, который выстрѣлилъ и поднялъ тревогу. Черезъ 10 минутъ все было въ движеніи. Новая и, на этотъ разъ, серьезная повѣрка открыла отсутствіе 8-ми человѣкъ. Только за нѣсколько дней передъ этимъ тюрьму визитировали Галкинъ-Врасскій, главноуправляющій русскимъ тюремнымъ департаментомъ, и Забайкальскій губернаторъ Ильяшевичъ. Вѣсть о побѣгѣ догнала ихъ въ Усть-Карѣ. Они тотчасъ же вернулись на мѣсто дѣйствія и организовали розыски въ самыхъ грандіозныхъ размѣрахъ. Тотчасъ же были разосланы телеграммы во всѣ порто-

вые города Тихаго Океана, и во всѣ поселенія по Амуру, куда только былъ проведенъ телеграфъ; примѣты и фотографическія карточки бѣглецовъ были разосланы во всѣ полицейскія управленія В. Сибири : было отдано распоряженіе—повсюду задерживать всѣхъ подозрительныхъ и неизвѣстныхъ лицъ, были назначены награды за поимку каждаго изъ бѣжавшихъ, и тюремные жители, небольшими партіями, производили тщательные розыски въ лѣсахъ и въ тайгѣ Забайкалья. Противъ такихъ мѣръ трудно было бороться людямъ, незнакомымъ съ мѣстностью, которые отправились въ свой путь безъ проводниковъ, безъ карты, безъ компасовъ, которые были ослаблены долгимъ тюремнымъ заключеніемъ. Всѣ 8 бѣглецовъ *) были въ концѣ концовъ арестованы и привезены на Кару въ оковахъ и наручняхъ, при чемъ Мышкинъ и Хрущовъ успѣли пройти болѣе 1000 миль и были арестованы уже въ самомъ Владивостокѣ, чуть не наканунѣ ихъ отъѣзда оттуда.

Между тѣмъ, пока происходили эти розыски, карійскія власти, своимъ чередомъ, приготовлялись „дать урокъ“ **) политическимъ и водворить въ тюрьмѣ ихъ порядокъ. Для достиженія этой цѣли имѣлось въ виду лишить политическихъ заключенныхъ всѣхъ тѣхъ мелкихъ привилегій, которыми они раньше пользовались; отнять у нихъ книги, деньги, бѣлье, постели и пр.; распредѣлить ихъ маленькими группами по уголовнымъ тюрьмамъ Усть-Кары, Средняго и Верхняго промысловъ и подвергнуть ихъ тому режиму, который извѣстенъ подъ именемъ „карцернаго положенія“ ***). Имѣя въ виду возможность сопротивленія или, вѣрнѣе, имѣя въ виду вызвать его,

---

*) Фамиліи ихъ слѣдующія: Мышкинъ, Хрущовъ, Баламезъ, Левченко, Юрковскій, Диковскій, Крыжановскій и Минаковъ.—

Кеннанъ.

**) Этимъ выраженіемъ воспользовался Потуловъ, разсказывая мнѣ послѣдовавшія послѣ побѣга событія. Политическіе каторжане на Карѣ убѣждены въ томъ, что мѣстное тюремное начальство *хотѣло* вызвать съ ихъ стороны протестъ, чтобы, во-первыхъ, оправдать послѣдовавшія сцены и насилія и „усмиренія“, и, во-вторыхъ, вызвать искусственно тюремный „бунтъ“, отвлечь такимъ образомъ вниманіе министерства отъ ихъ вины и въ быстромъ усмиреніи этого бунта найти оправданіе своему небрежному исполненію обязанностей.—

Кеннанъ.

***) Арестантъ, находящійся на „карцерномъ положеніи“, лишается книгъ, денегъ, письменныхъ принадлежностей, бѣлья, постели, табаку и пр. предметовъ „роскоши“. Ему запрещается прогулка; онъ совершенно изолированъ отъ всего окружающаго; онъ живетъ „на хлѣбѣ и водѣ“, лишь изрѣдка получая жидкую ячменную похлебку, извѣстную среди политическихъ заключенныхъ на Карѣ подъ именемъ „баланды“.—

Кеннанъ.

Галкинъ-Врасскій и Ильяшевичъ сосредоточили на Нижнемъ промыслѣ 6 сотенъ казаковъ, и, послѣ 10 дней выжиданія разсчитаннаго на то, чтобы успокоить взволнованную тюрьму и показать ей, что ничего противъ нея они предпринимать не намѣрены, ночью 11-го мая войска безшумно заняли всѣ стратегическіе пункты, наполнили дворъ и коридоръ тюрьмы подъ командой подполковника Руденко. По данному сигналу, двери камеры, были внезапно открыты, и вооруженные солдаты бросились на спящихъ и беззащитныхъ заключенныхъ. Это событіе памятно въ тюрьмѣ, какъ „погромъ 11-го мая“. Спящихъ грубо подняли съ постели; начались обыскъ и переодѣваніе арестантовъ въ казенную одежду; все это сопровождалось насмѣшками и оскорбленіями. Протесты и попытки сопротивленія нѣкоторыхъ изъ наиболѣе горячихъ заключенныхъ, возмущенныхъ невызванными ничѣмъ оскорбленіями, были быстро задушены въ жестокомъ избіеніи протестантовъ ружейными прикладами, при чемъ наиболѣе пострадали Волошенко, Родіоновъ, Кобылянскій, Бобоховъ и Орловъ. Но я не хочу входить здѣсь въ подробности этихъ отвратительныхъ сценъ жестокости и насилій. Достаточно будетъ сказать, что къ 9 часамъ утра окровавленные и избитые заключенные, лишенные всего ихъ имущества и переодѣтые во все казенное, въ оковахъ и многіе въ наручняхъ были раздѣлены на нѣсколько небольшихъ партій, и подъ конвоемъ нѣсколькихъ сотенъ казаковъ были отправлены пѣшкомъ и безъ завтрака на Усть-Кару, Средній и Верхній Промыслы. Ильяшевичъ далъ конвою конфиденціальныя инструкціи—не жалѣть прикладовъ. Партія, назначенная на Кару, въ которой былъ, между прочимъ, одинъ изъ прикованныхъ къ тачкѣ, на дорогѣ обратилась къ конвою съ просьбою позволить имъ отдохнуть (они были утомлены, избиты, ничего еще не ѣли и не пили и имѣли впереди 15 верстъ пути). Имъ грубо отказали и повели ихъ дальше, подгоняя отстающихъ штыками. Это переполнило чашу: нѣкоторые изъ арестантовъ схватились за камни; послѣдовала неравная битва и арестанты были еще разъ жестоко избиты и за тѣмъ перевязаны веревками. Въ такомъ видѣ, поздно вечеромъ, они пришли, наконецъ, на Усть-Кару, гдѣ, послѣ новаго обыска, они были брошены въ секретныя камеры *). Здѣсь улеглись

*) Секретными камерами въ сибирскихъ тюрьмахъ называются „одиночки“, предназначенныя для убійцъ и иныхъ тяжкихъ преступниковъ. Намъ обыкновенно не показывали ихъ при осмотрѣ тюремъ, но въ Иркутскѣ полковникъ Маковскій показалъ мнѣ ихъ. Въ нихъ нѣтъ ни постелей, ни наръ, ни вообще какой бы то ни было мебели, кромѣ „параши“. Арестантъ спитъ на голомъ полу; днемъ—сидитъ на немъ же или стоитъ. Такія камеры занимаютъ часто еще не осужденные преступники. Даже въ такой „образцо-

на голомъ полу; они могли, наконецъ, поздравить себя съ тѣмъ, что этотъ, полный страданій, день наконецъ кончился. Другія партіи, приблизительно при такихъ же условіяхъ, были распредѣлены по Амурскимъ и Среднекарійскимъ тюрьмамъ. Долгосрочные были закованы въ наручни и всѣ безъ исключенія были подвергнуты „карцерному положенію“. Такимъ образомъ Галкинъ-Врасскій и Ильяшевичъ усмирили „бунтъ“, который „долженъ былъ“ вспыхнуть среди сотни мирно спавшихъ „бунтовщиковъ“; такимъ образомъ былъ данъ имъ этотъ „необходимый урокъ“, а министру было показано, что онъ можетъ отнынѣ смѣло положиться на энергію его подчиненныхъ. „Порядокъ“ былъ водворенъ въ политической тюрьмѣ, но это былъ „порядокъ“, который нѣкогда „царствовалъ въ Варшавѣ“.

Въ продолженіи 2-хъ мѣсяцевъ политическіе жили на „карцерномъ положеніи“, рѣдко видя другъ друга и ничего не зная о томъ, что дѣлается кругомъ. Отвратительная атмосфера, отвратительная и скудная пища, полное отсутствіе физическаго труда скоро проявили свое дѣйствіе: появилась цынга, и черезъ мѣсяцъ нѣкоторые изъ нихъ, особенно Тихоновъ *) и Жуковъ, были недалеки отъ смерти; другіе такъ ослабѣли, что съ трудомъ вставали на повѣрку. Но суровость карцернаго положенія не ослабѣвала, и только тогда, когда болѣзнь сдѣлалась эпидемическою, Халтуринъ, новый начальникъ, разрѣшилъ заключеннымъ постельныя принадлежности.

Въ женской политической тюрьмѣ положеніе вещей было нѣсколько лучше. Хотя женщины были совершенно не при чемъ ни въ бунтѣ, искусственно вызванномъ среди мужчинъ, ни въ побѣгѣ,— послѣдствія этихъ событій отразились и на нихъ. Халтуринъ не

вой“ тюрьмѣ, какъ Домъ Предварительнаго Заключенія въ Петербургѣ, есть подобные карцеры, въ которыхъ нѣтъ даже парашъ и экскременты покрываютъ полъ, на которомъ долженъ спать заключенный. Конечно, ни Галкинъ-Врасскій, ни Коковцевъ, не знаютъ объ этомъ; но тѣмъ не менѣе, это—фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Политическій обвиняемый Дическуло былъ заключенъ въ такой карцеръ послѣ бунта, вызваннаго сѣченіемъ Боголюбова. Я не видѣлъ секретныхъ камеръ въ Карійскихъ тюрьмахъ, но нѣтъ основанія предполагать, что онѣ лучше тѣхъ, которыя я видѣлъ. Я не хочу, конечно, сказать, что всѣ камеры или даже всѣ „секретныя“ камеры таковы; не хочу я сказать также, что высшіе чиновники тюремнаго вѣдомства знаютъ это и отвѣтственны за это. Все, что я имѣю въ виду, это—показать, въ какихъ условіяхъ приходится *иногда* жить въ русскихъ тюрьмахъ образованнымъ и благовоспитаннымъ заключеннымъ, изъ которыхъ въ большинствѣ случаевъ состоитъ категорія русскихъ „политическихъ преступниковъ“. —
Кеннанъ.

*) Тихоновъ вскорѣ послѣ этого умеръ.

Кеннанъ.

допускалъ никакихъ „послабленій“ и смотрѣлъ на разрѣшеніе женщинамъ носить свое бѣлье, какъ на излишнюю сантиментальную слабость. Поэтому онъ отдалъ приказъ переодѣть и женщинъ въ арестантское платье. Онѣ протестовали, и ихъ переодѣли насильно. Имѣвшія при этомъ мѣсто шутки произвели такое тягостное впечатлѣніе на заключенныхъ, что одна изъ нихъ, Лешернъ, отравилась (ее успѣли спасти).

Въ это время на Карѣ жило нѣсколько семей политическихъ, добровольно послѣдовавшихъ за своими мужьями. Эти добровольныя жены до погрома имѣли регулярныя свиданія со своими мужьями и получали изъ тюремной кассы пособіе, благодаря которому онѣ и существовали. Послѣ „водворенія порядка,“ эти свиданія были запрещены, и деньги заключенныхъ были временно подъ секвестромъ. Выдача пособія была прекращена, и несчастныя „добровольныя“ семьи были оставлены безъ всякихъ средствъ существованія. Рогачева, жена одного изъ каторжанъ, бывшаго артиллерійскаго офицера, была этими мѣрами доведена до того, что выстрѣлила въ себя изъ револьвера.

6-го іюля 1882 г. 8 изъ заключенныхъ, *) считавшихся особенно опасными, были отправлены съ Кары въ Шлиссельбургъ, а черезъ нѣсколько дней всѣ сидѣвшіе въ разныхъ карійскихъ тюрьмахъ были снова переведены въ ихъ прежнюю тюрьму, но перестроенную, согласно новымъ требованіямъ дисциплины и гигіены. Каждая камера была раздѣлена перегородками на три маленькія камеры и коридоръ, которымъ никто не могъ пользоваться, потому что двери камеръ оставались запертыми день и ночь. Эти камеры были такъ малы, что нары занимали почти все пространство, такъ что заключенные не могли ходить и должны были все время сидѣть или лежать, безъ движенія, безъ книгъ, безъ занятій. Параши оставались въ этихъ набитыхъ людьми камерахъ день и ночь, заражая воздухъ и дѣлая его совершенно невозможнымъ. На заявленія и просьбы заключенныхъ Халтуринъ отвѣчалъ, что если они будутъ разговаривать, ихъ будутъ драть. Для большей убѣдительности онъ даже послалъ въ тюрьму доктора для освидѣтельствованія одного изъ заключенныхъ, можетъ ли онъ выдержать безъ опасности для жизни тѣлесное наказаніе. Дальше жить такъ было очевидно невозможно, и заключенные рѣшились прибѣгнуть къ своему послѣднему сред-

*) Вотъ ихъ имена: Гелисъ, Волошенко, Орловъ, Малавскій, Поповъ, Щедринъ и Кобылянскій. О ихъ участи ничего не извѣстно. Жена Гелиса, которую я видѣлъ въ Забайкальѣ, говорила мнѣ, что ей не позволили видѣть его, когда его везли съ Кары, что она ничего о немъ послѣ не слышала, и не знаетъ, живъ ли онъ, или нѣтъ. *Кеннанъ.*

ству протеста—къ „голодовкѣ". Они послали Халтурину заявленіе, что если положеніе не измѣнится, они отказываются принимать пищу, предпочитая лучше умереть съ голоду, чѣмъ жить такъ, какъ они живутъ. Отвѣта не послѣдовало, голодовка была объявлена и съ этого момента пища, вносимая въ камеры, оставалась нетронутой. День проходилъ за днемъ, и мрачная тишина, напоминающая о смерти, постепенно больше и больше охватывала тюрьму. Голодающіе, слишкомъ слабые и апатичные, чтобы разговаривать, молча лежали на своихъ нарахъ, стоически ожидая конца. Въ тюрьмѣ слышались только шаги часовыхъ да случайные дикіе крики сумасшедшихъ. На 5-ый день голодовки Халтуринъ понялъ, что эта голодовка—не шутка, явился въ тюрьму и спросилъ „бунтовщиковъ," чего они хотятъ. Ему отвѣтили, что голодовка не прекратится и будетъ доведена до конца, т. е. до смерти голодающихъ, если условія ихъ жизни не измѣнятся: если не вынесутъ парашъ, не выдадутъ книгъ, не разрѣшатъ прогулку и улучшенія пищи на ихъ собственныя средства и т. д., и если Халтуринъ не дастъ торжественнаго обязательства, что никто изъ политическихъ не будетъ наказанъ тѣлесно. Халтуринъ отвѣчалъ, что ихъ опасенія тѣлеснаго наказанія—сущій вздоръ; что никто никогда объ этомъ и не думалъ; что же касается ихъ прочихъ требованій,—онъ постарается сдѣлать, что можно, если они прекратятъ голодовку. Этотъ уклончивый отвѣтъ не удовлетворилъ никого, и голодовка продолжалась. На десятый день положеніе вещей стало очень тревожнымъ. Всѣ голодающіе были очень слабы, иные казались близкими къ смерти. Гр. Толстой, тогдашній министръ в. д., распорядился телеграммой, чтобы врачъ ежедневно навѣщалъ тюрьму и сообщалъ ему о результатахъ своихъ наблюденій *). На 13-ый день Халтуринъ разрѣшилъ (въ первый разъ послѣ 2-хъ мѣсяцевъ) женамъ свиданіе съ ихъ голодающими мужьями, подъ условіемъ, чтобы онѣ убѣдили ихъ прекратить голодовку, а самъ отправился въ тюрьму и поклялся тамъ своей честью, что если голодовка будетъ прекращена, онъ сдѣлаетъ

*) Я никакъ не могу понять, почему правительство, способное, въ порывѣ раздраженія, обращаться съ политическими заключенными, какъ оно съ ними обращалось послѣ 11-го мая, не рѣшилось, въ этомъ случаѣ, предоставить голодающихъ ихъ участи, т. е. смерти, и, такимъ образомъ, освободиться отъ нихъ навсегда. Однако, всегда, когда голодающіе обладаютъ достаточнымъ мужествомъ, чтобы довести себя до крайности, правительство колеблется и идетъ на уступки. Это—одинъ изъ примѣровъ его непослѣдовательности. Оно гордится тѣмъ, что смертная казнь вычеркнута изъ его уголовнаго кодекса, и сплошь и рядомъ его военные суды выносятъ смертные приговоры въ политическихъ процессахъ. Оно уничтожило кнутъ, но сохранило плеть, которою можно убить лошадь. Оно медленно замариваетъ своихъ политиче-

все, что только въ его власти, для удовлетворенія ихъ требованій. Мольбы несчастныхъ, убитыхъ горемъ женщинъ и обѣщанія коменданта сломили, наконецъ, рѣшимость страдальцевъ, и на 13-й день первая и самая упорная въ карійской хроникѣ голодовка была прекращена.

Въ то время, какъ Кара переживала такимъ образомъ послѣдствія „погрома 11-мая," одна изъ политическихъ женщинъ-каторжанокъ, Марія Кутитонская, окончила свой срокъ и была отправлена на поселеніе въ Акшу (на границѣ Монголіи). Она присутствовала при всѣхъ жестокостяхъ, сопровождавшихъ на Карѣ „водвореніе порядка," она на самой себѣ испытала всю силу „урока," даннаго политическимъ ружейными прикладами и вызвавшаго покушенія на самоубійство со стороны Лешернъ и Рогачевой. Она знала причины и исторію голодовки, которая только-что кончилась, и, возмущенная до глубины души чувствомъ безграничнаго негодованія, она рѣшилась убить Ильяшевича и цѣною своей жизни привлечь вниманіе публики къ тому, что совершается на далекой Карѣ съ его одобренія и по его распоряженіямъ. Она прекрасно знала, что ее ждетъ смерть, но она готова была отдать свою жизнь за жизнь палача, свирѣпствовавшаго надъ ея беззащитными товарищами. Она надѣялась, что слѣдствіе и судъ своими разоблаченіями съ лихвою выкупятъ ея смерть. Собравъ немного денегъ, она купила дешевый и плохой револьверъ, и, нанявъ лошадей, отправилась въ Читу. Путешествіе одинокой молодой женщины не могло не обращать на себя вниманія въ этихъ мѣстахъ. На нее смотрѣли съ любопытствомъ, часто—подозрительно, и на послѣдней станціи передъ Читой сельскія власти ее арестовали. Она убѣдила ихъ, однако, представить ее читинскому исправнику, котораго она знала. Ему она откровенно призналась, что оставила Акшу тайно, но не для побѣга, а для того чтобы видѣть губернатора. Послѣ краткаго допроса исправникъ повезъ ее къ губернатору. Здѣсь, оставивъ ее въ пріемной, онъ вошелъ въ кабинетъ Ильяшевича и доложилъ ему въ чемъ дѣло.

— Обыскали вы ее?—подозрительно спросилъ Ильяшевичъ.

скихъ преступниковъ въ одиночкахъ Шлиссельбурга, и трепещетъ передъ возможнымъ результатомъ „голодовки до смерти". Съ практической американской точки зрѣнія кажется, что оно поступило бы болѣе цѣлесообразно и гуманно, вызвавъ въ одинъ прекрасный день всѣхъ своихъ политическихъ въ тюремный дворъ и разстрѣлявъ ихъ тамъ, чѣмъ медленно убивать ихъ „карцернымъ положеніемъ". Общество и въ половину не было бы потрясено этою мѣрою, какъ оно потрясено теперь постоянными самоубійствами, помѣшательствами, голодовками и прочими свидѣтельствами невозможныхъ условій существованія въ тюрьмахъ и рудникахъ, предназначенныхъ для политическихъ заключенныхъ. *Кеннанъ.*

— Нѣтъ, — отвѣчалъ исправникъ,—я объ этомъ и не подумалъ.

— Ну, это ничего, — сказалъ Ильяшевичъ, — что можетъ сдѣлать женщина? и съ этими словами онъ вошелъ въ пріемную, гдѣ его ждала Кутитонская съ револьверомъ въ рукѣ, спрятаннымъ въ платокъ. Когда онъ подошелъ къ ней, она подняла револьверъ и со словами: „это—за 11-ое мая“ выстрѣлила ему въ грудь. Рана была не смертельна, но Ильяшевичъ упалъ. Кутитонскую схватили, обезоружили, связали и подъ сильнымъ конвоемъ отправили въ Читинскую тюрьму. Здѣсь ее бросили въ „секретную“ камеру, о которой читинскій архитекторъ говорилъ, что она „недостаточно длинна, чтобы въ ней лежать, и недостаточно высока, чтобы стоять“, переодѣли въ старый, затасканный, полный вшей арестантскій костюмъ и примѣнили къ ней „карцерное положеніе“ во всей его ужасающей суровости. Жизнь ея была ужасна. Когда, вслѣдствіе физическихъ и нравственныхъ мукъ, она заболѣла и обратилась съ просьбой дать ей клокъ соломы, чтобы постелить ее на голый, залитый экскрементами полъ, полицеймейстеръ Мельниковъ отвѣтилъ ей: „для такихъ лицъ нѣтъ у насъ соломы!“ Если бы не тайная помощь уголовныхъ, которые смотрѣли на эту женщину и на ея подвигъ съ обожаніемъ, она навѣрное умерла бы тутъ до суда. Надо замѣтить, что она была беременна. Наконецъ, черезъ три мѣсяца послѣ покушенія военный судъ приговорилъ ее къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Цѣлый мѣсяцъ прожила она на прежнемъ положеніи послѣ суда въ ожиданіи конфирмаціи приговора, проводя безсонныя ночи въ мучительныхъ размышленіяхъ: открыть ли начальству свою беременность и такимъ образомъ, отсрочивъ свою казнь, дать жить своему ребенку, или умолчать объ этомъ и убить вмѣстѣ съ собой свое дитя. Если бы она умолчала, и ее повѣсили бы, и затѣмъ открылось бы, что повѣсили беременную женщину, это вызвало бы большое негодованіе противъ правительства въ сердцахъ всѣхъ друзей гуманности и справедливости; къ тому же—заявлять о своей беременности—это какъ бы просить помилованія. Нѣтъ—это невозможно. Но, съ другой стороны, не будетъ ли она тогда убійцей своего ребенка? Эти размышленія мучили и терзали ея больную душу. Въ концѣ-концовъ она рѣшилась молчать. Въ январѣ 1883 г. получена была конфирмація, замѣнившая смертную казнь пожизненной каторгой, *) и ее отправили въ Иркутскъ зимою, безъ теплой

*) Справедливость требуетъ замѣтить, что замѣна эта была, повидимому, результатомъ просьбы самого Ильяшевича. Почувствовалъ-ли онъ нѣкоторое раскаяніе и жалость къ своей мстительницѣ, или просто хотѣлъ показать свое великодушіе, надѣясь этимъ бросить сомнѣніе на донесенія о его жестокостяхъ на Карѣ — я не знаю. *Кеннанъ.*

ждежды, больную. Въ Иркутскѣ ее должны были вынуть изъ саней и на рукахъ внести въ тюрьму. Вскорѣ она родила мертваго ребенка, а затѣмъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, умерла и сама.

Люди, знавшіе Кутитонскую въ Одессѣ, рисовали ее мнѣ веселой, беззаботной дѣвушкой, въ которой трудно было бы признать будущую героиню, съ ея энергіей, мужествомъ, самообладаніемъ и силою воли, которыя характеризуютъ ее во весь этотъ періодъ зарожденія, и исполненія своего предпріятія. Такъ ненависть къ угнетенію и месть за поруганное человѣческое достоинство порождаютъ героевъ и мстителей.

Почти всѣ мои свѣдѣнія о покушеніи Кутитонской на жизнь Ильяшевича собраны мною въ разныхъ мѣстахъ отъ политическихъ ссыльныхъ. Несмотря на всѣ мои усилія, я не могъ добраться до офиціальныхъ документовъ по этому дѣлу; и очень мало полезныхъ указаній получилъ я отъ офиціальныхъ лицъ, которые, когда разговоръ заходилъ о Кутитонской, или просто бранили ее или съ видимымъ страхомъ заминали опасную тему. Такъ, докторъ въ Иркутской тюрьмѣ, къ которому я какъ то обратился съ вопросомъ о ней, былъ такъ испуганъ, что впослѣдствіи избѣгалъ меня, какъ огня. Впрочемъ, таково было почти всегда отношеніе офиціальныхъ лицъ къ политическимъ каторжанамъ вообще. Такъ, исправникъ Нерчинскаго завода, принимавшій дѣятельное участіе въ поимкѣ Карійскихъ бѣглецовъ, изображалъ мнѣ ихъ, какъ „ловкихъ мошенниковъ," не заслуживавшихъ ни малѣйшихъ симпатій, „поповскихъ дѣтей," выгнанныхъ изъ семинарій. Такъ, подполковникъ Новиковъ увѣрялъ меня, что политическіе каторжане—„мальчишки," безъ всякихъ убѣжденій и опредѣленныхъ взглядовъ, а о покушеніи Кутитонской отозвался, какъ о „нелѣпомъ капризѣ," говоря, что она „сама" не знала, къ чему это она дѣлаетъ." Читатель пойметъ, надѣюсь, что я не могъ придавать большого значенія подобнымъ отзывамъ. Если моя исторія Карійской политической тюрьмы односторонняя, это потому, что другая сторона или отказывалась давать мнѣ свои свѣдѣнія и оцѣнки, или, если давала ихъ, то эти свѣдѣнія были, очевидно, пристрастны, безтолковы и состояли лишь изъ брани.

Чтобы показать, насколько мало правдоподобны были обыкновенно эти офиціальныя характеристики политическихъ каторжанъ на Карѣ, я дамъ здѣсь краткія біографіи нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Одна изъ самыхъ бросающихся въ глаза фигуръ, несомнѣнно,— Анна Павловна Корба, въ дѣвичествѣ — Менгартъ, родившаяся въ Тверской губерніи въ 1849 г. Послѣ заботливаго воспитанія подъ руководствомъ матери, образованной и чрезвычайно религіозной женщины, она вышла замужъ за швейцарца Корба, когда ей было

18 — 19 лѣтъ. Ея красота, умъ и образованіе, богатство ея мужа позволили ей играть видную роль въ большомъ свѣтѣ, въ которомъ она вращалась. Однако, эта жизнь не могла удовлетворить ея свѣтлый и серьезный умъ. Въ 1869 году въ Петербургѣ при одной изъ мужскихъ гимназій были открыты высшіе курсы для женщинъ. Корба тотчасъ же записалась на эти курсы, имѣя въ виду затѣмъ закончить свое образованіе въ Цюрихѣ или въ Парижѣ. Но въ 1870 году дѣла ея мужа пошли очень плохо; ей пришлось отказаться отъ заграничной жизни, и, немного спустя, она уѣхала въ Минскъ, гдѣ мужъ ея поступилъ на службу. Здѣсь она усердно занималась общественными дѣлами, успѣла устроить общество, имѣвшее задачей способствовать развитію просвѣщенія и помогать деньгами бѣднымъ студентамъ въ университетахъ. Но, когда въ 1877 г. вспыхнула русско-турецкая война, передъ нею открылось новое поле дѣятельности. Когда раненые русскіе солдаты начали возвращаться въ отечество, она поступила въ минскій госпиталь, какъ простая сестра милосердія, а затѣмъ вступила въ Международное Общество Краснаго Креста, отправилась на театръ военныхъ дѣйствій и, какъ сестра милосердія, заняла мѣсто въ русскомъ полевомъ госпиталѣ за Дунаемъ. Ей было тогда 27 лѣтъ. Что она видѣла и перестрадала за это ужасное время, могутъ себѣ представить тѣ, кто видѣлъ картины Верещагина. Впечатлѣнія эти не прошли безслѣдно для ея будущей жизни. Она прониклась энтузіастическимъ умиленіемъ передъ простымъ величіемъ простого русскаго мужика, солдата, который на своихъ плечахъ выноситъ всю тяжесть государства, и котораго обираютъ и оскорбляютъ даже на полѣ битвы, гдѣ онъ отдаетъ свою кровь. Она рѣшилась посвятить свою жизнь освобожденію задавленнаго народа отъ окружающаго его жизнь страданія. Въ концѣ войны она вернулась въ Россію, гдѣ тотчасъ же заболѣла тифомъ, привезеннымъ изъ-за Дуная. Оправившись отъ долгой и тяжкой болѣзни, она отдалась „своему дѣлу“. На каждомъ шагу, въ каждой своей попыткѣ вмѣшаться въ окружающую ее жизнь, чтобы внести въ нее облегченіе отъ страданій, она наталкивалась на непреодолимую преграду въ видѣ полиціи и чиновничества, вездѣсущихъ и всемогущихъ. Ея личная жизнь, также какъ для сотенъ и тысячъ другихъ, показала ей всю безплодность такихъ попытокъ, все безсиліе ея на такомъ пути. Она стала революціонеркой, присоединилась къ партіи „Народной Воли“ и дѣятельно участвовала во всѣхъ дѣлахъ этой партіи, отъ 1879 до 82 г., имѣвшихъ цѣлью опрокинуть правительство въ его формѣ абсолютизма. 5-го іюня 1882 г. она была арестована, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ явилась передъ судомъ Правительственнаго Сената по обвине-

нію въ принадлежности къ террористической организаціи. Вотъ что она сказала въ своемъ послѣднемъ словѣ:

„Я не признаю себя виновной, хотя и не отрицаю, что я принадлежу къ революціонной партіи и раздѣляю ея надежды и взгляды. Что же касается до какой-то организаціи, которая предпочитаетъ другимъ путямъ путь крови, я не знаю такой организаціи, и сомнѣваюсь въ ея существованіи. Такая партія, можетъ быть, явится, когда революціонное движеніе расширится, но если я буду жить въ это время, я не буду ея членомъ. Если партія Н. В. усвоила политику террора, то не потому, что она терроръ предпочитаетъ другимъ путямъ, но потому, что другихъ путей, ведущихъ къ цѣли, поставленной намъ историческими условіями Россіи — нѣтъ". Печальныя и фатальныя слова, пророчествующія великія бѣдствія. „Господа сенаторы! Вы знаете основные законы русской имперіи. Вы знаете, что никто не имѣетъ права защищать какую-нибудь перемѣну въ существующей формѣ правленія: — даже думать объ этомъ — преступленіе. Всякая коллективная петиція — преступленіе... Но вѣдь страна растетъ и развивается, условія соціальной жизни усложняются съ каждымъ днемъ, и недалекъ моментъ, когда русскій народъ сломитъ преграды, отдѣляющія его отъ жизни и свѣта ...

Президентъ прерываетъ: „Это ваше личное мнѣніе".

Корба продолжаетъ: „Историческая задача, стоящая передъ партіей Н. В. — раздвинуть эти преграды и дать Россіи независимость и свободу. Выборъ средствъ для этой цѣли — зависитъ отъ правительства. Мы не упрямые поклонники терроризма. Рука, поднявшаяся для удара, упадетъ, если правительство измѣнитъ политическія условія страны. Наша партія имѣетъ достаточно самообладанія, чтобы отказаться отъ мести за с в о ю пролитую кровь, но она не откажется отъ борьбы, пока не пріобрѣтетъ для русскаго народа свободу и благосостояніе. Чтобы показать вамъ, что цѣли нашей партіи — умѣренныя и мирныя цѣли, я прошу васъ прочесть письмо, написанное къ императору Александру III, послѣ 1-го марта. Вы увидите изъ него, что мы хотимъ только реформъ, но реформъ искреннихъ, полныхъ и жизненныхъ".

Эти слова Корба не смягчили, конечно, сердца ея судей, — она и не ждала этого. Она была приговорена къ 20 годамъ каторжныхъ работъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ. По послѣднимъ моимъ свѣдѣніямъ, она еще на Карѣ, жива, но больна и слаба.

Въ мужской тюрьмѣ меня особенно занимала личность Иппо-лита Мышкина, жизнь котораго такъ полна, интересна и характерна. Въ 1864 году знаменитый русскій экономистъ, Чернышевскій, ро-

манъ котораго „Что дѣлать?“ недавно переведенъ на англійскій языкъ, былъ судимъ, какъ революціонеръ, осужденъ и сосланъ въ Сибирь. Пробывъ нѣкоторое время въ Александровской центральной тюрьмѣ (возлѣ Иркутска), онъ былъ переведенъ въ Вилюйскъ, жалкій городокъ на далекомъ сѣверѣ Якутской области, гдѣ и жилъ много лѣтъ подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ. Когда, въ 1870-хъ годахъ, началось послѣднее русское революціонное движеніе, мечтой всѣхъ революціонеровъ было — освободить Чернышевскаго и дать ему возможность продолжать свои ученыя и литературныя работы. Но всѣ сдѣланныя попытки не дали никакихъ результатовъ, и проекты его освобожденія были оставлены, какъ неисполнимые. Въ 1875 году молодой студентъ Технологическаго Института въ Петербургѣ, Ип. Мышкинъ, выработалъ свой планъ и рѣшилъ привести его въ исполненіе, а именно, — явиться въ видѣ жандармскаго офицера къ исправнику Вилюйска съ поддѣльнымъ распоряженіемъ требовать передать ему, Мышкину, государственнаго преступника Чернышевскаго, для препровожденія его въ Петербургъ. Съ этою цѣлью Мышкинъ пріѣхалъ сначала въ Иркутскъ, и, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ жизни здѣсь, успѣлъ поступить на службу въ мѣстную жандармскую канцелярію. Въ короткое время онъ заслужилъ здѣсь расположеніе и довѣріе, и получилъ доступъ къ тому, что ему было нужно. Онъ добылъ для себя необходимые бланки, написалъ на нихъ распоряженіе о передачѣ въ его вѣдѣніе Чернышевскаго, поддѣлалъ подписи, приложилъ печати, досталъ себѣ надлежащій костюмъ и затѣмъ оставилъ свою службу, подъ предлогомъ необходимости уѣхать въ Россію. Выждавъ нѣкоторое время онъ отправился въ путь. Въ Вилюйскѣ онъ былъ принятъ съ соотвѣтствующимъ его званію уваженіемъ, не вызвавъ вначалѣ ни малѣйшаго подозрѣнія. Онъ представилъ исправнику свои бумаги и потребовалъ выдать ему государственнаго преступника Чернышевскаго для препровожденія его въ Шлиссельбургъ. Планъ Мышкина несомнѣнно удался бы, если бы у него было достаточно средствъ, чтобы взять съ собой, въ качествѣ сопровождающихъ его жандармовъ, одного или двухъ товарищей. Жандармскій капитанъ, путешествующій по Сибири безъ эскорта и даже безъ денщика, который бы смотрѣлъ за его вещами, погонялъ бы ямщиковъ и т. д.—это было что-то совершенно невиданное и неслыханное; тѣмъ болѣе неслыханное, что онъ долженъ былъ взять съ собою важнаго и опаснаго государственнаго преступника. Послѣ первыхъ минутъ раздумья, это вызвало въ умѣ исправника сомнѣнія и подозрѣнія, которыя, чѣмъ онъ больше думалъ, тѣмъ больше росли. Когда послѣ безсонной ночи онъ встрѣтился на слѣдующій день съ Мыш-

кинымъ, онъ сказалъ ему, что безъ разрѣшенія своего непосредственнаго начальника, Якутскаго губернатора, онъ не рѣшается выдать ему такого важнаго преступника, какъ Чернышевскій. Поэтому онъ предложилъ Мышкину подождать, пока онъ пошлетъ въ Якутскъ курьера съ донесеніемъ и съ бумагами Мышкина.

„Я не предполагалъ, — холодно замѣтилъ Мышкинъ, — что распоряженія императорской полиціи нуждаются въ санкціи губернатора. Но если вы на этомъ настаиваете, то я самъ отправлюсь въ Якутскъ и привезу эту санкцію".

Исправникъ, котораго подозрѣнія обратились за это время почти въ увѣренность, далъ ему въ качествѣ провожатыхъ, двухъ казаковъ, предварительно приказавъ имъ, чтобы они никоимъ образомъ не упускали изъ виду этого подозрительнаго жандармскаго офицера, и, кромѣ этого, послалъ особаго курьера съ донесеніемъ въ Якутскъ, который долженъ былъ перегнать Мышкина на пути. Мышкинъ увидѣлъ, что его партія проиграна окончательно и рѣшилъ бѣжать; не доѣзжая до Якутска, улучивъ минуту, онъ выскочилъ изъ экипажа и бросился въ лѣсъ. Казаки — за нимъ. Онъ выхватилъ револьверъ, выстрѣлилъ, ранилъ одного изъ своихъ конвоировъ и скрылся. Но, конечно, не надолго. Пробродивъ по лѣсамъ съ недѣлю, полумертвый отъ голода, холода и усталости, онъ былъ арестованъ, отосланъ въ Петербургъ и здѣсь около трехъ лѣтъ просидѣлъ въ одиночномъ заключеніи Петропавловской крѣпости, гдѣ онъ былъ доведенъ почти до помѣшательства.

Въ октябрѣ 1878 г. Мышкинъ былъ судимъ въ знаменитомъ „процессѣ 193-хъ". Какъ извѣстно, обвиняемые въ этомъ процессѣ потребовали допущенія публики въ залъ суда и присутствія въ немъ ихъ собственнаго стенографа, и когда имъ было въ этомъ отказано, они отказались отъ защиты и отъ участія въ судѣ. Подъ конецъ засѣданій, Мышкинъ, въ отвѣтъ на вопросъ, не имѣетъ ли онъ чего сказать въ свое оправданіе, произнесъ пылкую обвинительную рѣчь противъ правительства, въ которой, между прочимъ, сказалъ, что ни онъ, ни его товарищи не имѣютъ въ виду уклоняться отъ наказанія; но они имѣютъ право требовать, взамѣнъ, чтобы вся страна имѣла возможность, при помощи прессы, составить себѣ представленіе о ихъ винѣ и произнести надъ ними единственно-истинный приговоръ. Когда онъ началъ особенно сильно нападать на правительство, предсѣдатель отнялъ у него слово, но Мышкинъ не обратилъ на это вниманія и продолжалъ свою рѣчь. Къ нему бросились жандармы; но, прежде чѣмъ его схватили, онъ успѣлъ сказать слѣдующее: „Нѣтъ, это — не судъ! Это нѣчто худшее, чѣмъ домъ терпимости! Тамъ несчастныя продаютъ только свое тѣло, а вы, вы про-

даете здѣсь свою честь, правосудіе, законъ!“ Онъ былъ приговоренъ къ 10 г. каторжныхъ работъ и отправленъ въ Харьковскую центральную тюрьму. У меня нѣтъ здѣсь мѣста хоть на минуту остановиться на изображеніи жизни политическихъ заключенныхъ въ этой тюрьмѣ. Эта жизнь краснорѣчиво описана однимъ изъ нихъ въ подпольной брошюрѣ, носящей знаменательное заглавіе: „Надгробное слово Александру II“. Я надѣюсь перевести и напечатать ее. Пока скажу только, что за короткое сравнительно время 6 человѣкъ изъ полит. заключен. въ ней сошло съ ума. — Мышкинъ былъ посаженъ въ камерѣ нижняго этажа. Его неукротимая энергія и настойчивость скоро помогли ему построить планъ побѣга. Онъ сорвалъ одну изъ досокъ пола и лишь съ помощью своихъ ногтей да кусочка доски началъ рыть подкопъ подъ тюремную стѣну, распредѣляя вырытую землю подъ всѣмъ поломъ, и кладя на свою кровать, во время работы, чучело. Наконецъ, онъ былъ уже близокъ къ концу работы; ему уже улыбалась свобода. Въ его камерѣ оставались отъ его предшественника, Циціанова, географическія карты. Онъ соскребъ бумагу съ полотна, на которомъ она была наклеена, и сшилъ себѣ изъ нея рубаху и штаны. Все было готово и Мышкинъ только ждалъ удобнаго случая, когда несчастная случайность разрушила его надежды: въ неурочный часъ къ нему въ камеру вошелъ надзиратель и вмѣсто заключеннаго нашелъ на постели чучело. Поднялась тревога: подкопъ открыли; въ подкопѣ нашли и инженера, котораго и вытащили назадъ въ камеру. Послѣ этого его посадили въ камеру, изъ которой побѣгъ былъ невозможенъ, и окружили его жизнь еще большими лишеніями, чѣмъ прежде. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Мышкинъ увидѣлъ, что если эта жизнь еще продолжится, онъ сойдетъ съ ума. Но онъ предпочиталъ смерть и пошелъ навстрѣчу ей. Выпросившись въ одно воскресенье въ тюремную церковь, онъ выждалъ моментъ, когда смотритель тюрьмы, жестокій и ненавистный ему человѣкъ, поцѣловалъ крестъ и повернулся къ нему лицомъ, и далъ ему пощечину. Онъ ожидалъ казни, но какъ разъ въ это время страшный процентъ смертности и помѣшательства среди политическихъ Харьковской Центральной тюрьмы, обратилъ на нее вниманіе министерства, и профессора Доброславина послали для выясненія причины этого печальнаго явленія. Доброславинъ резюмировалъ свой рапортъ слѣдующимъ образомъ: „Тюрьма совершенно не приспособлена для человѣческаго существованія; громадный процентъ помѣшательства и смертности совершенно естественъ при подобныхъ гигіеническихъ условіяхъ тюрьмы; политическіе заключенные должны быть изъ нея переведены“. Въ виду этого рапорта, на пощечину Мышкина посмотрѣли, какъ на актъ

помѣшаннаго, или, по меньшей мѣрѣ, ненормальнаго человѣка; его даже не судили. Скоро послѣдовало распоряженіе перевести всѣхъ политическихъ изъ Харьковской центральной тюрьмы въ Сибирь, на Кару. На пути туда, въ Иркутскѣ одинъ изъ нихъ, Дмоховскій, умеръ. На похоронной службѣ въ церкви присутствовали всѣ политическіе. Послѣ ея окончанія, Мышкинъ, прежде чѣмъ его успѣли остановить надзиратели, выступилъ впередъ и произнесъ короткую рѣчь надъ гробомъ своего товарища, которую закончилъ подходящею цитатою изъ стихотворенія Некрасова кончающееся слѣдующими словами: „Изъ праха этого человѣка, и другихъ, подобныхъ людей, когда-нибудь выростетъ для Россіи дерево свободы“. Тутъ его остановили и вытащили изъ церкви. За эту рѣчь, произнесенную въ церкви, „передъ святыми образами“, онъ былъ судимъ и осужденъ еще на 15 лѣтъ каторжныхъ работъ. Говоря со мною о Мышкинѣ, его товарищи называли его „врожденнымъ“ ораторомъ, который за всю жизнь произнесъ двѣ рѣчи; одна обошлась ему въ 10 лѣтъ, другая, — въ 15 лѣтъ каторги. Мышкинъ самъ жалѣлъ впослѣдствіи, что онъ произнесъ эту вторую рѣчь. Посторонняя публика слушать ее не могла; она была совершенно безполезна, а личное удовлетвореніе отъ сознанія исполненнаго передъ товарищемъ долга стоило ему слишкомъ дорого; даже если бы онъ дожилъ до конца срока, онъ вышелъ бы изъ каторги безполезнымъ для „общаго дѣла“, безсильнымъ старикомъ. — Въ 1883 г. Мышкинъ былъ перевезенъ съ Кары въ Шлиссельбургъ, вмѣстѣ съ своими 8-ю товарищами, какъ одинъ изъ самыхъ „опасныхъ“ заключенныхъ. Въ 1885 г. онъ былъ тамъ разстрѣлянъ за пощечину, данную имъ тюремному доктору.

Въ январѣ 1882 г., т. е. мѣсяца за три до побѣга 8-ми изъ мужской карійской тюрьмы, двѣ политическія каторжанки, Ковальская и Богомолецъ, пересылаемыя на Кару, успѣли бѣжать изъ Иркутской тюрьмы. Но вскорѣ ихъ поймали и привезли обратно въ тюрьму, гдѣ ихъ подвергли обычному въ такихъ случаяхъ обыску. Но на этотъ разъ обыскъ производился мужчинами, при самыхъ возмутительныхъ условіяхъ. Полковникъ Соловьевъ, адъютантъ генералъ-губернатора, пьяница и пошлякъ, руководилъ имъ самолично и недовольствуясь всевозможными оскорбленіями, приказалъ раздѣть женщинъ догола, въ его присутствіи. Но этого мало. Прійдя затѣмъ въ камеру, гдѣ находилось нѣсколько политическихъ мужчинъ, онъ началъ хвалиться передъ ними своимъ подвигомъ. Одинъ изъ присутствовавшихъ политическихъ, Щедринъ, не выдержалъ, и въ порывѣ негодованія, со словами „наглецъ и негодяй“, ударилъ полковника по лицу. Конечно, онъ былъ тутъ же жесточайшимъ обра-

зомъ избитъ, а потомъ на Карѣ — прикованъ къ тачкѣ. Въ іюлѣ 1882 г. онъ былъ въ числѣ 8-ми, отправленныхъ въ Шлиссельбургъ. Онъ не былъ освобожденъ отъ своей тачки даже въ телѣгѣ, только среди пути его расковали; но тачка слѣдовала за нимъ всюду и еще въ Томскѣ инспекторъ пересыльнаго тракта, полковникъ Винокуровъ, видѣлъ его тачку, привязанную къ телѣгѣ.

Послѣ голодовки 1882 г. жизнь политическихъ на Карѣ стала нѣсколько болѣе сносной. Имъ отдали книги, бѣлье, разрѣшили тратить свои деньги, разрѣшили прогулки и т. п. Но санитарныя условія тюрьмы оставались отвратительными и процентъ болѣзней и смертей былъ непомѣрно великъ *). Между отставкой Кононовича въ 1881 г. и назначеніемъ Николина въ 1885 г. перемѣнилось 5 комендантовъ **) каждый со своими собственными взглядами, привычками и капризами, къ которымъ должна была приноравливаться тюрьма. У заключенныхъ то отнимали книги, деньги и пр., то снова выдавали ихъ; не было никакого опредѣленнаго плана, никакой послѣдовательности въ веденіи тюрьмы. Перегородки, поставленныя въ камерахъ въ 1882 г., въ 1884 были сняты; вольная команда, уничтоженная въ 1881 г., въ 1885 была возстановлена. Съ новымъ комендантомъ — выступалъ на сцену новый законъ. Лучшимъ изъ всѣхъ, согласно единогласнымъ отзывамъ, былъ Бурлей. Халтуринъ—былъ жестокъ, Шубинъ—безхарактерный самодуръ, Манаевъ—пьяница и воръ, который присвоилъ себѣ около 1000 руб. изъ денегъ заключенныхъ. Всѣ эти господа были представителями Иркутской жандармеріи. Въ 1884 г. тюрьму взяла, наконецъ, подъ управленіе и контроль императорская полиція, и комендантомъ былъ назначенъ Николинъ.

Слова Кононовича, сказанныя имъ товарищу министра, Дурново, оправдались. Правительство заставило выйти въ отставку честнаго и гуманнаго человѣка, посылало на его мѣсто, одного за другимъ, полдюжину жестокихъ и неспособныхъ людей, и собранная имъ жатва, въ трагедіяхъ и скандалахъ, была такова, какую и надо было ожидать. Оно продолжаетъ свою политику, а потому получитъ опять тѣ же печальные результаты.

---

*) У меня нѣтъ подъ руками точныхъ цифръ, но вотъ извѣстные мнѣ случаи (отъ 1879—86 г.) смертей (почти всѣ отъ чахотки, полученной въ тюрьмѣ) Ишутинъ, Кривошеинъ, Жуковъ, Попко, Лисовская, Веймаръ, Тихоновъ, Рогачевъ, Армфельдтъ и Кутитонская. Самоубійства: Симоновскій, Родинъ. Помѣшательства: Матеіевичъ, Зубковскій, Янковскій, Позенъ, Ковалевская. Во время нашего пребыванія на Карѣ, изъ женщинъ, находившихся въ тюрьмѣ—8 были больны. *Кеннанъ.*

**) Кононовичъ, Потуловъ, Халтуринъ, Бурлей, Щубинъ, Манаевъ, Николинъ. *Кеннанъ.*

12-го ноября Фростъ и я, съ радостными сердцами, оставили Кару и начали свое обратное путешествіе домой, въ Америку. Проѣзжая мимо политической тюрьмы (мы проѣхали съ Потуловымъ) мы встрѣтились съ двумя политическими вольнокомандцами, шедшими въ тюрьму. Они узнали насъ, сняли свои шапки и поклонились. Это было нашимъ послѣднимъ свиданіемъ.

Ночь мы провели на Усть-Карѣ. Утромъ, рано, насъ уже ждали лошади у крыльца. Майоръ Потуловъ раскупорилъ бутылку вина, и наливъ всѣмъ по стакану, произнесъ: „за благополучное возвращеніе въ Америку". Мы выпили свои стаканы, поблагодарили Потулова за его гостепріимство, обѣщали сообщить ему телеграммой о своемъ благополучномъ пріѣздѣ въ Срѣтенскъ; лошади тронулись...

Прощай Кара!

Восточно-Сибирскіе серебряные рудники.

Хотя и непродолжительный, но крайне утомительный и полный лишеній путь отъ Кары до Срѣтенска отозвался очень тяжело на нашемъ здоровьѣ. Я былъ такъ слабъ, что пройти сто шаговъ составляло для меня подвигъ, а надѣть на себя тяжелую мѣховую шубу значило ускорить на 20—30 ударовъ біеніе моего пульса. При такихъ условіяхъ нечего было и думать сейчасъ же продолжать наше путешествіе въ 610 миль по пустынной и дикой странѣ по направленію къ нерчинскимъ серебрянымъ рудникамъ. Надо было нѣсколько дней отдохнуть, воспользоваться возможностью спать и ѣсть по человѣчески. Черезъ три дня мы настолько поправились, что я рѣшилъ отправиться къ мѣстному засѣдателю, чтобы при его помощи достать лошадей. Дѣло въ томъ, что въ нашемъ направленіи не было правильнаго почтоваго сообщенія и лошадей приходилось нанимать у частныхъ лицъ. Но это не легко — и мы позаботились запастись телеграммой отъ губернатора, предписывавшей полицейскимъ властямъ способствовать намъ въ этомъ; кромѣ того, мы имѣли съ собой рекомендательныя письма отъ г. Потулова. Засѣдатель принялъ меня очень любезно, тотчасъ же отдалъ всѣ необходимыя распоряженія, но при этомъ предупредилъ меня, что на нашей дорогѣ свирѣпствуетъ теперь оспа и что поэтому онъ намъ совѣтуетъ не только не ночевать въ крестьянскихъ избахъ, но даже по возможности не заходить въ нихъ. Это неожиданное сообщеніе было чрезвычайно непріятно. Наше путешествіе и такъ уже обѣщало быть крайне тяжелымъ; какія же лишенія предстояли намъ при этой добровольной карантинной системѣ. Можно было бы выбрать другой путь, т. е. отправиться на Нерчинскъ, а оттуда повернуть къ рудникамъ съ другой стороны; но это былъ бы слишкомъ большой крюкъ. Въ концѣ концовъ мы рѣшили отдаться на волю судьбы и

остаться при первомъ планѣ пути. Въ воскресенье днемъ повозка ждала насъ у крыльца; мы нагрузили ее своимъ багажомъ и запасомъ замороженнаго хлѣба и отправились по направленію къ Александровскому заводу и къ Амачинскимъ рудникамъ.

Нерчинскіе серебряные рудники представляютъ собою огромную поверхность въ нѣсколько тысячъ квадратныхъ миль, дикую, пустынную и гористую, на которой тамъ и сямъ разбросаны заводы, образующіе „округъ нерчинскихъ серебряныхъ рудниковъ“. Этотъ округъ занимаетъ большую часть неправильнаго треугольника, образуемаго рѣками Шилкой и Аргунью до ихъ сліянія, и на югѣ граничитъ съ Монголіей. Существованіе здѣсь серебряныхъ и свинцовыхъ рудъ было извѣстно еще доисторическимъ аборигенамъ Сибири, и первые русскіе изслѣдователи нашли слѣды ихъ давнихъ работъ. Въ 1700 г. греческіе горные инженеры, служившіе въ Россіи, основали здѣсь нерчинскій заводъ, вблизи Монгольской границы, а къ концу столѣтія шахты были прорѣзаны болѣе чѣмъ въ 20-ти мѣстахъ и было построено между Шилкой и Аргунью до 8-ми заводовъ, т. е. плавильныхъ печей, для обработки руды. Въ рудникахъ вначалѣ работали сибирскіе крестьяне, насильно переселенные сюда для этой именно цѣли, но съ 1722 г. ихъ мѣсто начали постепенно занимать ссыльно-каторжные. За исключеніемъ поляковъ и немногихъ декабристовъ, политическихъ никогда сюда не посылали. Послѣ возстанія 1863 г. тысячи поляковъ были посланы въ эти рудники *).

Но еще задолго до этихъ рудниковъ на нашемъ пути лежалъ Александровскій заводъ, отстоящій отъ Срѣтенска на 150 миль. Рудники, отъ которыхъ этотъ заводъ получилъ свое названіе, давно уже были заброшены, но деревушка, которая выросла нѣкогда вокругъ нихъ, существуетъ и доселѣ, заключая въ себѣ и тюрьму. Такъ какъ недалеко отъ этого завода лежатъ знаменитые въ свое время, но нынѣ оставленные рудники—Акатуй,—то мы имѣли въ виду сдѣлать тамъ маленькую остановку. Но добраться до него было не такъ легко, какъ оказалось. Погода при нашемъ выѣздѣ изъ Срѣтенска, была холодная, пасмурная и вѣтренная. Поля и холмы кругомъ были покрыты снѣгомъ, но дорога вмѣсто снѣга, была покрыта пылью, которую поднимали колеса нашей телѣги. Въ концѣ пер-

---

*) По словамъ Максимова („Сибирь и Каторга“), число поляковъ, сосланныхъ въ Сибирь отъ 1863—66 гг., было 18,622. Изъ этого числа 8199—включая 4252 принадлежавшихъ къ привилегированному классу—было сослано въ Восточную Сибирь,—7109 изъ нихъ на каторгу. Почти всѣ каторжные были отправлены въ нерчинскіе рудники.

Кеннанъ.

ваго же станка—въ 20 миль—мы уже чувствовали нужду въ отдыхѣ и въ теплѣ; но деревушка, въ которой мы остановились для перемѣны лошадей, имѣла такой жалкій видъ, что мы, боясь оспы, остались сидѣть въ своихъ телѣгахъ, предпочитая ей холодъ и голодъ; ямщикъ попытался увѣрить насъ, что на этотъ разъ эпидемія была „легкая“, но Фростъ побѣдоносно отвѣчалъ ему, что ему такъ всегда говорили и о сибирскихъ клопахъ, но что эти клопы, какъ они ни были милостивы для сибиряковъ, для него, иностранца, всегда оказывались свирѣпѣйшими въ своемъ родѣ. Проѣхавъ второй станокъ, мы остановились въ деревнѣ „Копунъ“. Становилось темно; холодъ усиливался; я былъ страшно утомленъ. „Послушайте,—сказалъ я Фросту,—я не могу выносить этого дольше, я постучусь въ дверь избы и, если въ ней нѣтъ больного, я войду погрѣться и съѣсть что-нибудь“.

На мой стукъ блѣдная, усталая женщина отворила дверь: „Скажите пожалуйста, — спросилъ я, — у васъ въ домѣ нѣтъ больныхъ оспою?“

„Есть батюшка“ — отвѣчала женщина.

Этого было достаточно, и я поспѣшилъ назадъ къ телѣгѣ. Ничего не оставалось, какъ прибѣгнуть къ мѣшку съ хлѣбомъ и попробовать утолить свой голодъ тутъ же, на холоду. Новая бѣда: хлѣбъ весь покрылся дорожною пылью, промерзъ почти насквозь и обратился въ несъѣдобный камень. Такъ мы просидѣли съ часъ въ ожиданіи лошадей, дрожа отъ холода и кроша зубами замерзшіе куски хлѣба, но за то мы ушли отъ оспы.

Проѣхавъ новую упряжку, мы остановились, наконецъ, около 9-ти часовъ вечера въ деревнѣ Шелапутной. Здѣсь сходится почтовый трактъ изъ Нерчинска въ Нерчинскій заводъ и имѣется почтовая станція, въ которой мы и остановились переночевать. Напившись чаю, мы не раздѣваясь бросились на свои шубы и заснули какъ убитые. На слѣдующій день, утромъ, подкрѣпившись чаемъ и завтракомъ, но, главное, хорошимъ сномъ, мы съ новыми силами продолжали свой путь. Погода была холодная,—15° ниже нуля; тряская телѣга никакъ не давала намъ укутаться хорошенько въ наши шубы; все кругомъ было такъ печально и угрюмо... Подвечеръ мы остановились напиться чаю въ деревнѣ съ такимъ длиннымъ названіемъ, что число буквъ въ немъ, навѣрное, превосходило число ея жителей (каувикучичазамурская); здѣсь мы встрѣтились съ молодымъ петербургскимъ технологомъ, отправленнымъ въ Нерчинскій заводъ для ознакомленія рабочихъ съ употребленіемъ динамита, и теперь возвращавшагося въ Петербургъ. Онъ описалъ намъ рудники въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. „Тюрьмы тамъ,—говорилъ онъ,—худшія въ

имперіи, чиновники жестоки и ничего не понимаютъ; каторжниковъ мучаютъ, бьютъ—всякій и за все и заставляютъ работать больныхъ... Ни одинъ взрывъ не обходится безъ жертвъ вслѣдствіе небрежности и неумѣлости начальства" и т. д... Вообще картина, которую онъ рисовалъ намъ, была даже для меня слишкомъ мрачна и я не хотѣлъ ей вѣрить пока не увижу всего самъ.

Не задолго до полуночи мы были въ Макаровѣ, деревнѣ, находящейся въ 112 м. отъ Срѣтенска. Мы рѣшили здѣсь ночевать и устроиться въ „земской квартирѣ", т. е. въ избѣ, въ которой живетъ крестьянская семья, на обязанности которой лежитъ доставлять пищу и кровъ проѣзжающимъ чиновникамъ. Мы поскорѣе покончили съ чаемъ и улеглись спать. Фростъ расположился на полу, я—на лавкѣ. Въ комнатѣ было страшно натоплено и душно; отъ деревянныхъ стѣнъ, находившихся вблизи отъ печи, распространялся сильнѣйшій запахъ живицы и т. д.; я долго не могъ уснуть. Но, наконецъ, я сталъ забываться... еще секунда и я спалъ бы крѣпчайшимъ сномъ, когда вдругъ надъ самимъ моимъ ухомъ раздалось громогласное „ку-ку-ре-ку". Я невольно вскочилъ съ своей лавки. Оказалось, что подъ ней расположенъ былъ курятникъ; пѣтухъ, думая, что насталъ часъ, поднялъ тревогу, закричалъ „ку-ку-ре-ку" надъ самымъ ухомъ. Я перебрался на полъ, подальше отъ этого сосѣдства, но оно давало себя знать всю ночь черезъ короткіе промежутки покоя. Мнѣ приходилось спать въ сибирскихъ избахъ вмѣстѣ съ собаками, съ овцами, коровами и т. д., но я убѣжденъ, что одинъ пѣтухъ можетъ гораздо легче отравить жизнь несчастнаго путника, чѣмъ цѣлое стадо четвероногихъ.

Во вторникъ, въ 10 часовъ утра, мы въѣхали въ Александровскій заводъ, — заброшенный въ пустынной степи, бѣдную деревню съ двумя или тремя сотнями обитателей, съ полуразвалившимся мостомъ при въѣздѣ, съ голыми, покрытыми снѣгомъ, горами на горизонтѣ. Каторжная тюрьма, въ которую повелъ насъ самъ смотритель, Фоминъ, оказалась „богадѣльней", въ которой доживаютъ свой вѣкъ дряхлые старики или безнадежно больные каторжане Нерчинскаго округа. Эта тюрьма — деревянное зданіе обычнаго Сибирскаго типа — построена полвѣка назадъ. Во время нашего посѣщенія въ ней содержалось 137 заключенныхъ. Санитарныя условія, по обыкновенію, отвратительны: полы покрыты густымъ слоемъ грязи, воздухъ въ камерахъ испорченный, въ коридорахъ неизбѣжныя параши; сумасшедшіе — вмѣстѣ съ здоровыми и т. д. Небольшой тюремный госпиталь, въ противоположность всѣмъ прочимъ сибирскимъ госпиталямъ, оказался не переполненнымъ и сравнительно чистымъ. Постельное бѣлье не блистало чистотой,

но фельдшеръ объяснилъ мнѣ, что онъ тутъ не при чемъ: запасъ бѣлья крайне не достаточенъ, и ему съ трудомъ удается поддерживать и ту степень чистоты и порядка, какую мы нашли. Онъ былъ очень доволенъ, когда я сказалъ ему, что его госпиталь лучшій изъ всѣхъ, какіе я видѣлъ въ Забайкальѣ.

Послѣ осмотра тюрьмы мы вернулись въ комфортабельное помѣщеніе смотрителя и застали тамъ исправника Нерчинскаго завода — высокаго, добродушнаго человѣка лѣтъ 40-ка; онъ дѣлалъ свой объѣздъ по округу. Онъ оказался очень веселымъ и сообщительнымъ собесѣдникомъ, и разговаривалъ съ нами совершенно свободно и откровенно о нерчинскихъ рудникахъ и о ихъ управленіи и эксплуатаціи, которыя, по его мнѣнію, были крайне неудовлетворительны. Было бы много лучше для всѣхъ, если бы эксплуатація руды была свободна для всѣхъ; правительственные инженеры — или воры или невѣжды, и рудники не доставляютъ и половины количества серебра, которое они могли бы доставить въ умѣлыхъ рукахъ. Въ видѣ иллюстраціи онъ разсказалъ намъ исторію двухъ золотоносныхъ рудниковъ въ его округѣ. Кабинетные *) инженеры, послѣ тщательнаго изслѣдованія, объявили ихъ нестоющими обработки. Ими завладѣла частная компанія, которая и сумѣла извлечь изъ нихъ 600 пудовъ золота. Дѣло объясняется очень просто. Инженеры были въ стачкѣ съ будущими собственниками рудниковъ и получили за свое донесеніе „хорошій кушъ“.

Послѣ обильнаго обѣда, приправленнаго разнообразными питіями мы всей компаніей, на двухъ тройкахъ, отправились въ Акатуй. Акатуйскія шахты давно уже заброшены и залиты водой; но я очень интересовался ими — съ одной стороны, потому что нѣкогда онѣ были самымъ страшнымъ мѣстомъ каторжныхъ работъ; съ другой, потому что правительство въ это время готовилось перевести сюда съ Кары политическихъ. Дорога шла на протяженіи 6—8 миль по пустынной степи, направляясь къ подножью низкой холмистой цѣпи, откуда она повернула въ узкую долину; нигдѣ ни слѣда растительности, за исключеніемъ кое-гдѣ разбросанныхъ кустарниковъ. Долина, чѣмъ дальше, дѣлалась все уже и уже и, миляхъ въ двухъ отъ маленькой деревушки Акатуй, обратилась въ какую-то сдавленную со всѣхъ сторонъ, угрюмую щель, какъ бы отрѣзанную отъ

*) Почти всѣ рудники въ этой части Забайкалья — собственность царя и называются кабинетскими. Какъ и почему принадлежатъ они ему—никто не знаетъ. Одинъ мой знакомый русскій литераторъ имѣлъ въ виду издать за границей сочиненіе, начатое имъ и носившее названіе „Происхожденіе богатствъ Романовыхъ ...“ Но онъ скоро былъ сосланъ въ Сибирь.

Кеннанъ.

всего живого міра. Таковы узкія долины Гренландіи около полюса.

„Вотъ старая политическая тюрьма", — сказалъ вдругъ исправникъ, и мы остановились передъ полуразвалившимися постройками, съ какой-то деревянной аркой передъ ними. Это, очевидно, были ворота бывшихъ здѣсь когда-то палей, отъ которыхъ почти не осталось и слѣда, и кордегардія. По обѣимъ сторонамъ этихъ воротъ, шагахъ въ 50-ти отъ нихъ, стояли два кирпичные корпуса; одинъ изъ нихъ — безъ крыши; оба доживали свои послѣдніе дни. Желѣзныя рѣшетки были вырваны, окна зіяли темными дырами въ полуразрушенныхъ стѣнахъ ... Я вошелъ въ правое зданіе, надѣясь найти тамъ какой-нибудь слѣдъ прошлой жизни тюрьмы; надпись на стѣнѣ, обрывокъ цѣпи, которой приковывали арестантовъ и пр. Но нигдѣ не осталось ни слѣда желѣза; полы сгнили; штукатурка опала, не осталось ничего, что могло бы говорить воображенію о прошлой исторіи тюрьмы и свидѣтельствовать о тѣхъ ужасахъ, которые нѣкогда имѣли здѣсь мѣсто, оставивъ на долго печальную память знаменитому Акатую. Лѣвое зданіе сохранилось нѣсколько лучше, но его окна были наглухо забиты, а двери заперты, такъ что я не могъ войти въ него. Невдалекѣ отсюда виднѣлся входъ въ акатуйскій рудникъ, на вершинѣ холма, на 500 — 600 футахъ надъ уровнемъ долины. Если бы не было такъ поздно, я предложилъ бы осмотрѣть его. Но уже наступали сумерки, становилось холодно, и мои спутники нетерпѣливо посматривали на телѣги, такъ что мнѣ удалось только наскоро осмотрѣть то, что находилось вокругъ старыхъ воротъ. Декабристъ Лунинъ жилъ и умеръ здѣсь; онъ похоронилъ не одного своего товарища по несчастію изъ сосланныхъ сюда поляковъ гдѣ нибудь здѣсь по сосѣдству. Но я не нашелъ ни малѣйшихъ слѣдовъ отъ могилъ. Русское правительство не заботится о сохраненіи слѣдовъ жизни и страданій своихъ жертвъ, надъ останками которыхъ часто не возвышается даже земляного холма. — Послѣ моего посѣщенія Акатуя, здѣсь была построена новая тюрьма, въ которую хотѣли перевести политическихъ каторжанъ съ Кары. Правительство намѣрено выкачивать воду изъ рудниковъ и возобновить въ нихъ работы руками политическихъ. Ихъ положеніе здѣсь, конечно, только ухудшится. Если есть въ Восточной Сибири болѣе мрачное, заброшенное, богомъ-забытое мѣсто, чѣмъ Кара, — это Акатуйская долина.

Мы вернулись изъ нашей экскурсіи только къ ночи, и на слѣдующій день, послѣ крѣпительнаго сна и сытнаго завтрака, съ новыми силами продолжали свой путь. Слѣдующая остановка должна

была имѣть мѣсто въ Алгачинскихъ рудникахъ, до которыхъ было 22 мили. Дорога шла все такой же пустынной мѣстностью. Рядъ за рядомъ мы проѣзжали по невысокимъ, круглымъ холмамъ, покрытымъ снѣгомъ и лишеннымъ всякой растительности. Съ вершины послѣдняго перевала, откуда мы могли видѣть страну на 30 миль кругомъ, она со своими холмами казалась океаномъ, внезапно застывшимъ и схваченнымъ льдомъ въ моментъ суроваго урагана. Далеко впереди насъ, между двумя холмами волнами, ямщикъ указалъ намъ едва видное чернѣющее пятно — деревню Алгачи, которая казалась отсюда какими то жалкими остатками разбитаго корабля, скованнаго льдомъ. Ничто кругомъ не нарушало этой угрюмой гармоніи, напоминавшей смерть: волнующаяся снѣжная поверхность вездѣ однообразно бѣла; нигдѣ ни дерева, ни чернѣющей проталины ... Спустившись съ горы, мы скоро въѣхали въ длинную и грязную улицу и остановились передъ земской квартирой, гдѣ рѣшили провести ночь. Было уже слишкомъ поздно (5 ч.) для визитовъ, и мы тотчасъ же занялись хозяйствомъ. Сторожъ внесъ въ комнату кипящій самоваръ, молоко, масло. Фростъ съ торжествомъ вытащилъ изъ потаеннаго угла своего чемодана банку консервированныхъ персиковъ, которую онъ купилъ въ Срѣтенскѣ и припряталъ для праздника и т. д. Послѣ этого необычнаго обѣда послѣдовалъ не менѣе комфортабельный сонъ въ теплой и чистой комнатѣ, хотя и на полу.

На слѣдующій день, послѣ завтрака, мы отправились съ визитами къ мѣстному начальству: къ Нестерову, — главному горному инженеру и къ полковнику Зальштейну, смотрителю тюрьмы. Нестеровъ принялъ насъ съ обычнымъ русскимъ гостепріимствомъ, заставилъ насъ еще разъ позавтракать вмѣстѣ съ нимъ и съ такимъ усердіемъ наполнялъ наши рюмки водкой, крымскимъ виномъ и другими напитками, что я началъ бояться, не прійдется ли отложить до завтра осмотръ тюрьмы и рудниковъ. Зальштейнъ, жившій въ большомъ комфортабельномъ домѣ, полномъ олеандрами, геранiумомъ и другими цвѣтами, съ своей стороны заявилъ намъ, что онъ не двинется съ мѣста, если мы не позавтракаемъ еще разъ у него. Такимъ образомъ, только къ часу мы выбрались, наконецъ, въ экскурсію.

Подполковникъ Зальштейнъ, родомъ финнъ и говорившій довольно плохо по русски, произвелъ на меня впечатлѣніе честнаго и порядочнаго человѣка. Онъ былъ съ нами простъ и откровененъ.

Я боюсь, — сказалъ онъ намъ по дорогѣ къ тюрьмѣ, — что вы найдете мою тюрьму самой скверной изъ всѣхъ, вами видѣн-

ныхъ. Но ... я тутъ не при чемъ. Мы слишкомъ далеко отъ Питера.

Я отвѣчалъ ему, что я видѣлъ Усть-Карійскую тюрьму и, значитъ, предохраненъ навсегда отъ удивленія, и что я теперь достаточно опытенъ, чтобы понимать его положеніе и всю трудность улучшеній въ русскихъ тюрьмахъ. Онъ не отвѣчалъ, но недовѣрчиво покачалъ головой, какъ бы желая сказать: „пока ты не видѣлъ моей тюрьмы, — не говори о твоемъ опытѣ!“ Скоро мы остановились передъ высокими тюремными палями. Дежурный офицеръ ввелъ насъ въ обширный дворъ, посреди котораго стояла тюрьма, длинное, низкое деревянное зданіе, съ досчатой крышей. Съ перваго взгляда мнѣ показалось, что она падаетъ. И дѣйствительно, она такъ покосилась на одинъ бокъ, что не поддерживай ее цѣлый рядъ толстыхъ, подпирающихъ ее бревенъ, она давно бы упала. Тюрьма была древняя, настолько древняя, что смотритель не могъ сказать мнѣ, когда она построена; вѣроятно—въ 1810 г., когда была начата разработка Алгачинскихъ рудниковъ. Войдя въ двери, мы очутились въ длинномъ, темномъ и страшно вонючемъ коридорѣ, раздѣлявшемъ тюрьму на двѣ половины. Въ первой камерѣ налѣво была аптека, во второй — больница. Здѣсь стояло 8 — 10 грязныхъ кроватей, на которыхъ лежали больные и раненые арестанты. Два изъ нихъ только нѣсколько дней назадъ были принесены сюда, изувѣченные взрывомъ динамитнаго патрона. Видъ больныхъ былъ ужасенъ; обстановка отвратительна; воздухъ невозможенъ ... Въ слѣдующей камерѣ, съ огромной печкою, съ двумя окнами и съ нарами вдоль трехъ стѣнъ, толпились ея обитатели — здоровые арестанты. Первое, что меня поразило въ ней, — была длинная и широкая темно-красная полоса, идущая вдоль стѣнъ надъ нарами. Замѣтивъ мой любопытный взоръ, Зальштейнъ сказалъ мнѣ съ полу-добродушной, полу-циничной улыбкой: „это они красятъ стѣны своихъ камеръ“. Я подошелъ ближе и тогда оказалось, что эта красная полоса состояла изъ милліона кровавыхъ пятенъ, происшедшихъ отъ казни на стѣнѣ блохъ и клоповъ. Арестанты красили свои стѣны кровью своихъ немилосердныхъ враговъ. Сколько десятковъ лѣтъ, сколько тысячъ арестантовъ, сколько милліоновъ ихъ жертвъ нужно было, чтобы оставить такой слѣдъ, — истинный историческій памятникъ тюрьмы.

Остальныя камеры ничѣмъ не отличались отъ этой. Всѣ были переполнены, всѣ были до невозможности грязны; воздухъ былъ вездѣ почти такъ же невозможенъ, какъ и на Усть-Карѣ и т. д. и т. д.

„Я положительно не понимаю, — сказалъ я при первомъ удобномъ случаѣ Зальштейну, — какъ вы терпите такую тюрьму. У

васъ подъ руками 169 арестантовъ. Только 40 или 50 изъ нихъ заняты работами въ рудникахъ; остальные безъ всякаго дѣла валяются на нарахъ въ своихъ ужасныхъ камерахъ. Кругомъ лѣса; всякій русскій крестьянинъ сумѣетъ построить деревянную избу ... Почему вы не употребите на эти работы своихъ арестантовъ? Съ ничтожными издержками вы своими средствами могли бы въ нѣсколько мѣсяцевъ возвести человѣческое помѣщеніе для своихъ арестантовъ, вмѣсто этой позорной тюрьмы".

„Эхъ, государь мой, — отвѣтилъ мнѣ Зальштейнъ, — какъ легко вы все это разсудили! Я не могу отправить своихъ арестантовъ на работы въ лѣсъ безъ разрѣшенія тюремнаго департамента. Вдругъ кто нибудь изъ нихъ бѣжитъ! — Я долженъ отвѣчать, я потеряю мѣсто. Петербургскія власти знаютъ о положеніи здѣшней тюрьмы. Я рапортую объ этомъ изъ году въ годъ. 5 лѣтъ назадъ, послѣ одного изъ самыхъ настоятельныхъ моихъ рапортовъ, я получилъ приказаніе, снестись съ архитекторомъ, составить планъ и смѣту для новой тюрьмы. Ну, что же? — я исполнилъ приказаніе, но, вѣдь, вы знаете, какъ у насъ дѣлаются эти дѣла. Мой рапортъ черезъ 2 — 3 мѣсяца получается въ Петербургѣ и ждетъ своей очереди въ ряду сотенъ подобныхъ же рапортовъ со всѣхъ концовъ имперіи. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ доходитъ очередь и до него. Его разсматриваютъ ... оказывается нужнымъ снестись съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, съ Министерствомъ Финансовъ, или ждать составленія росписи бюджета на слѣдующій годъ. Такъ проходитъ годъ и больше, но, наконецъ, принимается рѣшеніе. Планы высылаются назадъ ко мнѣ, съ требованіемъ сдѣлать такія-то и такія то измѣненія, сообразно со вкусами и взглядами петербургскихъ чиновниковъ. Я исполняю и это требованіе; исправленные документы снова отправляются въ Питеръ для утвержденія. Въ это время происходятъ измѣненія въ составѣ персонала департамента; поправки оказываются не въ соотвѣтствіи съ новыми вкусами, новыми теоріями. Проходитъ еще годъ, полтора, и наши планы еще разъ возвращаются для исправленія сюда. И такъ изъ года въ годъ. Моя смѣта для новой тюрьмы была послана первый разъ въ Петербургъ въ 1880 г. Съ тѣхъ поръ она третій разъ дѣлаетъ свое путешествіе въ Департаментъ. Даже если, наконецъ, и получается окончательное разрѣшеніе возвести постройки, онѣ возводятся крайне медленно. Вотъ уже 10 лѣтъ, какъ правительство начало строить новую кирпичную тюрьму въ городѣ Зерентуѣ, а она еще безъ крыши ... о полахъ, конечно, и говорить нечего ..."

„Нѣтъ, воля ваша, не могу я понять этого, — отвѣчалъ я. Корреспондировать цѣлые годы съ ничего не понимающими петер-

бургскими чиновниками о дѣлѣ, которое мѣстный губернаторъ, — да что губернаторъ, — исправникъ могъ бы покончить въ сутки! Вездѣ, по всей Сибири видѣлъ я полуразвалившіяся тюрьмы: вездѣ сотни и тысячи здоровыхъ арестантовъ живутъ въ полномъ бездѣйствіи; вездѣ у васъ подъ руками необходимый для постройки лѣсъ, умѣніе, руки . . . Почему не строить тюремъ самимъ?"

— „У насъ недостаточно конвоя для такихъ работъ, — отвѣчалъ Зальштейнъ. — Арестанты будутъ бѣгать."

„Боже мой! Неужели же ваше правительство не могло бы для этого усилить временно конвой? Да, наконецъ, пусть нѣсколько человѣкъ убѣжитъ. По-моему, лучше чтобы половина ихъ бѣжала, если такой цѣной можно достигнуть сноснаго и цѣлесообразнаго существованія для оставшихся. Нѣтъ, никто до сихъ поръ не могъ мнѣ объяснить сколько нибудь резонно, почему арестантскій трудъ пропадаетъ даромъ, когда имъ можно было бы воспользоваться такъ хорошо!" Смотритель пожалъ плечами и не отвѣчалъ ничего.

Сердечно поблагодаривъ Зальштейна за его гостепріимство и любезность, мы съ нимъ разстались и отправились осматривать рудники съ инженеромъ Нестеровымъ. Алгачинскіе рудники расположены въ одной милѣ отъ деревни, на сѣверномъ склонѣ одного изъ большихъ холмовъ — волнъ, заключающихъ между собою долину. День былъ ясный, но холодный. Все кругомъ было покрыто бѣлою снѣжною пеленою. Въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ отъ деревни наше вниманіе привлекли къ себѣ какія до чернѣющія вдали существа, искавшія подъ снѣгомъ прошлогоднюю траву.

„Послушайте, вѣдь это верблюды," — сказалъ Фростъ.

— Верблюды, — воскликнулъ я насмѣшливо, — кто слышалъ когда нибудь о верблюдахъ въ Нерчинскихъ рудникахъ? Какъ они могли бы существовать здѣсь при такомъ климатѣ?

Однако, это оказались, дѣйствительно, верблюды. Кому они принадлежали, откуда и куда они шли, — я не знаю, но странно мнѣ было видѣть здѣсь эти существа, ассоціированныя съ Сахарой.

Если бы мы ожидали найти въ Алгачинскомъ рудникѣ всѣ тѣ зданія, паровыя машины, крушильни, приводы и передатчики механической силы, которые неизмѣнно обозначаютъ своимъ присутствіемъ мѣсто американскаго рудника, мы были бы жестоко разочарованы. Всѣ рудниковыя постройки и принадлежности сводились здѣсь къ пороховому магазину, погребу для динамита, амбару и маленькой мастерской, которая служила и кузницей, и слесарней, и крушильней, и сортировочной, и кордегардіей, наконецъ. — Здѣсь съ полдюжины каторжанъ (въ томъ числѣ нѣсколько женщинъ) дробили и сортировали руду небольшими ручными молотками; над-

смотрщикъ точилъ на изведенномъ точилѣ сверло, и 4—5 солдатъ лѣниво сидѣли на лавкѣ, надъ которой висѣли на стѣнѣ ихъ берданки.

Самъ Нестеровъ не выразилъ особаго желанія спуститься съ нами въ шахту и далъ намъ въ провожатые рабочаго, который „покажетъ намъ все". Каждый изъ насъ получилъ въ руки по сальной свѣчѣ; нашъ проводникъ засунулъ за пазуху съ полдюжины динамитныхъ патроновъ, такъ небрежно, что ихъ длинныя, бѣлыя трубки висѣли у него на груди, и мы отправились. Поднявшись на сотню шаговъ въ гору, мы вошли черезъ узкую деревянную дверь въ низкую горизонтальную галлерею, съ обшитыми досками стѣнами и съ досчатой дорогой для тачекъ на полу. Здѣсь мы зажгли свои свѣчи и, согнувшись, послѣдовали за провожатымъ, который, прыгая отъ времени до времени съ доски на доску, держалъ насъ все время въ крайне тревожномъ настроеніи: споткнись онъ, или упади, — огонь его свѣчи могъ очень легко сообщиться висящимъ изъ-за его пазухи трубкамъ патроновъ, что вызвало бы страшный взрывъ. Пройдя шаговъ 450, мы добрались до отверстія главной шахты, изъ котораго торчалъ верхъ старой, обледенѣлой лѣстницы. Проводникъ началъ спускаться внизъ, крича намъ отъ времени до времени и рекомендуя осторожность, такъ какъ тамъ и сямъ недоставало ступенекъ, и лѣстницы, расположенныя діагональнымъ рядомъ, иногда отстояли одна отъ другой такъ далеко, что требовалось не мало умѣнія и присутствія духа, чтобы благополучно перебираться съ конца одной на начало другой. Но, по правдѣ сказать, насъ гораздо больше смущала его свѣчка, которая, капризно мелькая внизу, каждое мгновеніе грозила намъ взрывомъ. Передъ моими глазами невольно вставали фигуры изувѣченныхъ рабочихъ, которыхъ я видѣлъ въ тюремномъ госпиталѣ, лежащими подъ окровавленными одѣялами, и я съ трепетомъ представлялъ себя въ такомъ же положеніи.

По мѣрѣ того какъ мы спускались ниже и ниже, все ощутительнѣе становился какой то странный запахъ, который я объяснилъ себѣ недавнимъ динамитнымъ взрывомъ мины въ одной изъ боковыхъ галлерей. Наши свѣчи горѣли все тусклѣе и тусклѣе и, наконецъ, потухли, оставивъ насъ въ полной темнотѣ надъ бездонной пропастью. Хотя мы и не чувствовали еще признаковъ задушенія, но въ воздухѣ было, очевидно, слишкомъ недостаточное количество кислорода, и оставаться здѣсь долго было бы опасно. Однако, истративъ безчисленное количество спичекъ, мы скоро спустились по двумъ или тремъ лѣстницамъ и очутились у входа въ новую галлерею, гдѣ свѣчи загорѣлись снова. Здѣсь работало нѣсколько аре-

стантовъ, вывозя на ручныхъ тачкахъ добытую руду къ отверстію шахты. Пройдя шаговъ сто по этой галлереѣ, мы углубились въ лабиринтъ узкихъ ходовъ и, въ концѣ концовъ, добрались до новой шахты, спускавшейся на самое дно рудника, при посредствѣ такихъ же лѣстницъ, какъ и въ первой шахтѣ. Температура вездѣ была ниже нуля, и стѣны галлерей были покрыты ледяными сосульками. Мы спустились внизъ. Здѣсь нѣсколько арестантовъ добывали руду и буравили дыры для динамитныхъ патроновъ. Ихъ инструменты были самые первобытные; они вызвали бы презрительную улыбку на устахъ минера Невады. Здѣсь запасъ кислорода въ воздухѣ былъ такъ малъ, что наши свѣчи тухли поминутно; — и никакихъ приспособленій для движенія и перемѣщенія воздуха, кромѣ кругообразнаго желѣзнаго вентилятора, который вертѣлъ приставленный къ нему арестантъ. Но такъ какъ ни къ нему, ни отъ него не было проведено никакихъ трубъ, то этотъ механизмъ, не взирая на значительный шумъ, имъ производимый, былъ абсолютно безполезенъ. Онъ волновалъ испорченный воздухъ въ своемъ непосредственномъ сосѣдствѣ, но результаты этого были таковы же, какъ если бы арестантъ вертѣлъ здѣсь точильный камень.

Побродивъ съ полчаса по руднику, осмотрѣвъ сереброносныя жилы, подобравъ нѣсколько образчиковъ руды и поглядѣвъ на работу арестантовъ, мы возвратились къ отверстію шахты и, поднявшись по 30 или 40 лѣстницамъ, выбрались на свѣтъ божій здравыми и невредимыми. Здѣсь было холодно и вѣтрено. Группа каторжниковъ, человѣкъ въ пятнадцать, окончившихъ свой „урокъ“, обратилась къ Нестерову съ просьбой позволить имъ вернуться въ тюрьму. Нестеровъ раздраженно крикнулъ въ отвѣтъ, что еще не вся руда вывезена, и что они должны ждать товарищей. Они съ утра ничего еще не ѣли; тамъ негдѣ было укрыться отъ пронизывающаго холоднаго вѣтра; тюрьма была такъ близко, и тѣмъ не менѣе имъ было приказано ждать еще часъ, полтора... Зачѣмъ это никому не нужное страданіе? Конечно, это страданіе не велико, это — „пустяки“, но пустяки характерные, показывающіе степень жестокаго индиферентизма, съ которымъ рудниковое начальство относится къ своимъ рабамъ — арестантамъ. Нестеровъ, казалось, былъ даже раздраженъ этой безобидной просьбой, видя въ ней дерзость и распущенность.

Въ четырехъ миляхъ дальше къ сѣверу находился Покровскій рудникъ. Мы и отправились туда вмѣстѣ съ Нестеровымъ. Дорога шла все по тому же схваченному льдомъ въ моментъ бури бушующему морю, среди тѣхъ же волнъ-холмовъ, лишенныхъ всякой растительности, подавляющихъ своимъ мрачнымъ однообразіемъ.

У входа въ рудникъ здѣсь были тѣ же жалкія строенія, какъ и въ Алгачахъ: мастерская, сараи для вольнокомандцевъ, амбаръ, погребъ и двѣ маленькихъ тюрьмы, одна изъ которыхъ, очевидно, недавно построенная. Фростъ сказалъ, что его любопытство насчетъ рудниковъ удовлетворено вполнѣ, отказался спуститься съ нами въ шахту и занялся рисованіемъ, какъ былъ — въ зимнихъ перчаткахъ. Мы съ Нестеровымъ послѣдовали за нашимъ провожатымъ. Покровскій рудникъ почти ничѣмъ не отличается отъ Алгачинскаго: онъ только не такъ великъ и глубокъ. Воздухъ въ немъ оказался сырой и теплый; лѣстницы, покрытыя липкою грязью, скользили подъ ногами. Чему надо приписать эту странную разницу въ температурѣ двухъ рудниковъ, отстоящихъ на четыре мили одинъ отъ другого, — я не знаю; и Нестеровъ, съ своей стороны, не могъ мнѣ дать удовлетворительнаго объясненія. Кислороду въ воздухѣ было здѣсь достаточно, и наши свѣчи горѣли все время. Нѣсколько арестантовъ вытаскивали на веревкѣ руду изъ рудника. Въ этомъ состояли всѣ работы во время нашего посѣщенія.

Послѣ довольно продолжительнаго осмотра рудника, усталые и мокрые, мы выбрались изъ шахты. Проводникъ задулъ свою свѣчу и, не ожидая пока она перестанетъ тлѣть, положилъ ее въ ящикъ, въ которомъ я замѣтилъ динамитный патронъ, достаточный, чтобы раздробить на кусочки насъ всѣхъ, въ случаѣ взрыва. Я, вообще, не отличаюсь нервозностью или робостью, но тутъ я предпочелъ выйти изъ мастерской, въ которую я вернулся только тогда, когда свѣча должна была давно уже потухнуть въ своемъ опасномъ сосѣдствѣ.

Сереброносныя жилы въ Алгачахъ и въ Покровскомъ разнообразятся въ толщинѣ отъ 12—14 дюймовъ до 5—6 футовъ. Руда, имѣющая свѣтлый блестящій видъ, состоитъ изъ серебра и свинцу, въ пропорціи 1 къ 100, съ большей или меньшей примѣсью такъ называемой тутъ „цинковой обманки“. Такъ какъ послѣдній металлъ трудноплавкій, онъ очень затрудняетъ операціи въ плавильныхъ печахъ; поэтому рабочіе, разбивая предварительно руду на мелкіе кусочки, отбрасываютъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ замѣчается большая примѣсь его. Разбивка и сортировка руды исполняется обыкновенно женщинами и слабыми арестантами, такъ какъ эта работа — здѣсь самая легкая. Изъ Алгачинскаго и Покровскаго рудниковъ, самыхъ производительныхъ въ округѣ, добывается ежегодно 400 тоннъ руды, доставляющей около 1440 ф. серебра (на 20,000 долларовъ) и 144,000 ф. свинцу, который, вслѣдствіе дороговизны перевозки, — не даетъ ничего. Въ мое время около 2,000 т. свинцу лежало въ забросѣ въ Кутомарскомъ заводѣ въ теченіе многихъ уже лѣтъ.

Среднее число каторжниковъ, употребляемыхъ на работы въ этихъ двухъ рудникахъ, — 220, каждый изъ которыхъ добываетъ до 3,600 фунтовъ руды въ годъ. Эти цифры достаточно показываютъ, какъ слабо и не производительно обрабатываются рудники. Арестанты работаютъ по „урокамъ", которые, нормальный, здоровый человѣкъ можетъ окончить въ 8—10 часовъ. Они получаютъ такую же пищу, такую же одежду, какъ и каторжники на Карѣ, и каждый изъ нихъ обходится казнѣ въ 40 долларовъ въ годъ.

Какъ мѣсто наказанія, Нерчинскіе рудники не такъ ужасны, какъ ихъ иногда изображаютъ. Конечно, это далеко не удовольствіе — работать 10 часовъ въ день въ сырыхъ темныхъ галлереяхъ, въ атмосферѣ, въ которой тухнетъ свѣча; но даже такія работы, я думаю, предпочтительнѣе, чѣмъ постоянное заключеніе въ грязныхъ, переполненныхъ и насквозь прогнившихъ тюрьмахъ. По крайней мѣрѣ, я предпочелъ бы первое. Смертность среди арестантовъ, работающихъ въ рудникахъ не выше, чѣмъ въ тюрьмахъ, не взирая на неосторожность и невѣжество въ обращеніи съ динамитомъ. Ночныхъ работъ въ рудникахъ нѣтъ, и арестанты, окончивъ урокъ, возвращаются въ свои тюрьмы. Да не подумаетъ читатель, что я хочу сказать, что жизнь арестантовъ въ рудникахъ сносна. Нѣтъ, она ужасна: она хуже, чѣмъ жизнь бездомнаго пса, это — жизнь проводимая на половину въ сырыхъ галлереяхъ рудника, на половину въ ужасныхъ камерахъ сибирской тюрьмы, но все же я думаю, что самыя ужасныя стороны этой жизни не въ каторжной работѣ въ рудникѣ, а въ тюремномъ заключеніи.

Мы вернулись въ Алгачи уже поздно вечеромъ. На слѣдующій день, 20-го ноября, мы, распрощавшись съ Нестеровымъ и Зальштейномъ, и съ новымъ запасомъ провизіи, отправились въ Кадайскій рудникъ, отстоявшій отсюда на 90 миль. По дорогѣ мы остановились на нѣсколько часовъ въ Кутомарскомъ заводѣ, гдѣ плавится руда и рано утромъ, въ воскресенье, не мало пострадавъ отъ холода и голода, добрались, наконецъ, до деревни Кадайя, гдѣ и остановились на земской квартирѣ. Закусивъ и погрѣвшись, мы въ то же утро отправились, Фростъ — рисовать, я — на розыски уставщика, представителя власти въ здѣшнемъ рудникѣ.

Кадайскій рудникъ — самый старый и обширный въ Нерчинскомъ округѣ. Онъ эксплуатируется больше ста лѣтъ, и одно время былъ очень богатъ. Теперь лучшія жилы выработаны, и рудникъ даетъ меньше серебра, чѣмъ даже Алгачинскій или Покровскій. Уставщикъ, — интеллигентный и до извѣстной степени образованный сибирскій крестьянинъ, встрѣтилъ меня очень любезно, хотя и не безъ удивленія. Онъ прочелъ мои рекомендательныя письма, и

черезъ 10 минутъ мы были на дорогѣ къ руднику. Здѣсь мы переодѣлись (я надѣлъ сверху платье одного арестанта, которое оказалось полно насѣкомыхъ), взяли по свѣчѣ и начали спускаться въ шахту. Спустившись футовъ на 120, мы очутились въ довольно большой центральной площадкѣ, отъ которой радіусами расходились въ разныя стороны четыре горизонтальныя галлереи, гораздо выше и шире, чѣмъ галлереи Алгачинскаго и друг. рудниковъ. Галлереи были покрыты водою на нѣсколько дюймовъ. На глубинѣ 200 футовъ мы вышли на другую площадку, въ которую выходило отверстіе другой галлереи, еще болѣе широкой и высокой, идущей по направленію къ центру горы. Темнота, усугубляемая дымомъ недавнихъ взрывовъ, была здѣсь страшная, и я едва видѣлъ мелькающую впереди свѣчу уставщика, за которой я шелъ, спотыкаясь, шлепаясь въ лужи и попадая въ глубокія щели, готовый ежеминутно полетѣть куда нибудь внизъ, въ заброшенную шахту. Потолокъ галлереи поддерживали почернѣвшія отъ времени бревна, стоящія тутъ болѣе ста лѣтъ, и истлѣвшія настолько, что я свободно отрывалъ отъ нихъ куски своими пальцами. Эта часть мины, — сказалъ уставщикъ, — считается очень опасной, и дальше итти не слѣдуетъ. Мы позернули назадъ. Повсюду, по всѣмъ направленіямъ капризно извивались узкіе ходы, входившіе въ центральную галлерею. Очевидно, за жилами слѣдовали совершенно рабски, думая только о скорости и дешевизнѣ работъ, и ничуть не заботясь о безопасности и объ устраненіи обваловъ. Отсюда, гдѣ галлереи были еще временъ Екатерины II, мы спустились въ самую глубину рудника черезъ шахту, вырытую въ каменистой почвѣ подъ угломъ въ 45°, и безъ всякихъ лѣстницъ. Мы спустились, держась за протянутую на одной сторонѣ цѣпь, вмѣстѣ съ бурнымъ, хотя и мелкимъ, потокомъ, несшимся по этой покатости въ глубину шахты. Здѣсь, на глубинѣ 300—400 футовъ, арестанты работали, пробивая динамитомъ новую галлерею. Вернулись мы изъ рудника черезъ перпендикулярную шахту, при помощи длиннаго ряда старыхъ и скользкихъ лѣстницъ. Когда я выбрался, наконецъ, на поверхность, я такъ усталъ, что не могъ держаться на ногахъ.

Наши приключенія въ Восточной Сибири.

Осмотрѣвъ мрачный Кадайскій рудникъ и его жалкую деревянную тюрьму, мы отправились въ Горный Зерентуй, расположенный въ широкой, безлѣсной долинѣ, въ 40 миляхъ отъ Кадаинскаго и 30 — отъ Монгольской границы. Пріѣхали мы туда поздно ночью и, по обыкновенію, остановились въ земской квартирѣ, напились наскоро чаю и улеглись спать на грязномъ и, конечно, полномъ насѣкомыхъ полу. На слѣдующее утро мы представились здѣшнему начальнику, капитану Демидову, и получили отъ него разрѣшеніе на осмотръ подвѣдомственныхъ ему учрежденій. Тюрьма — старая, полуразвалившаяся и деревянная, обычнаго восточно-сибирскаго типа,— не представляла ничего новаго и интереснаго. Въ ней содержалось 180 арестантовъ. Приблизительно столько же жило вблизи въ вольной командѣ. Недалеко отъ нея воздвигалась новая трехъэтажная, кирпичная тюрьма, но работы въ ней были почему то пріостановлены и, хотя она строится уже 10 лѣтъ, работы хватитъ еще лѣтъ на 5—6. Во время нашего посѣщенія, зданіе было еще безъ половъ и крыши, и обставлено лѣсами. А тутъ же, рядомъ, 180 праздныхъ арестантовъ отравлялось въ переполненныхъ камерахъ старой тюрьмы, которую, очевидно, не спѣшили сдать въ бракъ *).

*) По моемъ возвращеніи въ Петербургъ, весной слѣдующаго года, я видѣлся съ Галкинымъ-Врасскимъ, главноуправляющимъ тюремнаго вѣдомства. Во время разговора, я обратилъ его вниманіе на состояніе тюремъ въ Нерчинскомъ Горнозаводскомъ округѣ вообще и на незаконченную Горно-Зерентуйскую каменную тюрьму. Онъ призналъ, что еще въ 1872 г. стала очевидною крайняя нужда въ новыхъ тюрьмахъ при Нерчинскихъ серебряныхъ рудникахъ, и что въ 1874 г. былъ созданъ спеціальный „строительный комитетъ“, на который было возложено изслѣдованіе положенія вещей, приготовленіе плановъ и смѣтъ и приведеніе ихъ въ исполненіе. Когда, въ 1881 г., 7 лѣтъ спустя, онъ (Г. Врасскій) производилъ ревизію по Сибири,

Намъ, американцамъ, трудно понять и еще труднѣе найти естественными и законными крайнюю безпомощность, индиферентный формализмъ и бездѣятельность, которые такъ рѣзко бросаются въ глаза положительно во всемъ въ Нерчинскомъ горнозаводскомъ округѣ. Рудники не вырабатываются и на половину; сотни каторжныхъ праздно валяются и отравляютъ себя изъ мѣсяца въ мѣсяцъ въ отвратительныхъ, переполненныхъ тюремныхъ камерахъ; планы и смѣты изъ года въ годъ путешествуютъ изъ рудниковъ въ Петербургъ и обратно, и когда, наконецъ, какая нибудь особенно счастливая смѣта утверждается, и отдается распоряженіе привести ее въ исполненіе, начатыя работы тянутся лѣниво цѣлыя десятилѣтія, безъ всякихъ, сколько нибудь, основательныхъ причинъ. Я сказалъ какъ-то горному инженеру въ Кутомарскомъ заводѣ: „Почему вы не пользуетесь тѣми усовершенствованіями, которыми обязательно пользуются теперь всѣ, сколько нибудь значительные рудники? Почему вы не заведете у себя желѣзныхъ машинъ, современныхъ инструментовъ, паровыхъ помпъ, подъемныхъ машинъ, вентиляціи, однимъ словомъ, всего того, что необходимо для правильной выработки рудниковъ? Ну, стоитъ ли копаться въ нихъ такъ первобытно, какъ это дѣлается вездѣ у васъ?“

— „Батюшка мой, отвѣчалъ онъ,—да знаете ли вы, что стоитъ здѣсь желѣзо? Вѣдь намъ надо было бы доставлять его изъ Петровскаго завода,—600 верстъ на лошадяхъ; пудъ-то и обойдется въ 5½ цѣлковыхъ“.

оказалось, что этотъ „комитетъ“ успѣлъ истратить 74,318 руб. на постройку двухъ-трехъ небольшихъ деревянныхъ тюремъ и на ремонтировку нѣсколькихъ старыхъ, и 61,090 руб.—на жалованье своимъ членамъ и другіе расходы по администраціи; за все это время комитетъ не представилъ въ Тюремное Вѣдомство ни одного рапорта и ни одной смѣты.

— Что же было предпринято въ виду этого? — спросилъ я.

— Я предложилъ упразднить строительный „комитетъ“, — отвѣтилъ мнѣ Г. Врасскій.

— И онъ былъ упраздненъ?

— Да.

— Признаюсь,—сказалъ я,—я не видѣлъ въ Нерчинскомъ округѣ слѣдовъ этой громадной затраты въ 74,318 руб., если не считать одной маленькой деревянной тюрьмы въ Покровскомъ рудникѣ и незаконченнаго кирпичнаго зданія въ Горномъ Зерентуѣ. Кстати, почему это зданіе воздвигается такъ безконечно медленно—10 лѣтъ?

— Отчасти, отвѣчалъ мнѣ г. Врасскій, вслѣдствіе неоднократной перемѣны плановъ. Вначалѣ вовсе не имѣлось въ виду строить кирпичное зданіе. Тщательныя смѣты указали, что постройка кирпичнаго зданія на 300 арестантовъ обошлась бы въ 160,000 руб., между тѣмъ какъ хорошая деревянная постройка такихъ же размѣровъ потребовала бы не болѣе 52,000 рублей. Къ тому же разница въ долговѣчности кирпичной и деревянной тюрьмы въ

— „Но развѣ у васъ по сосѣдству нѣтъ желѣзныхъ рудъ?“

— „Есть, да ее не добываютъ“.

— Такъ почему же ее не добывать,—сказалъ я,—не построить плавильныхъ печей и не приготовлять желѣза самимъ... здѣсь же! Вѣдь половина вашихъ каторжниковъ живутъ безъ всякаго дѣла по тюрьмамъ; почему не утилизировать ихъ трудъ?

— Мы не можемъ добывать желѣзную руду безъ разрѣшенія изъ Петербурга,—отвѣчалъ инженеръ.

— Такъ почему же вы не получите такого разрѣшенія? Неужели кто-нибудь можетъ противодѣйствовать такимъ полезнымъ и необходимымъ работамъ? Я не понимаю, кому можетъ быть полезно современное положеніе вещей.

Въ отвѣтъ мнѣ инженеръ пожалъ плечами. Что онъ хотѣлъ сказать этимъ? Что онъ не знаетъ или, что это—не его дѣло?

Изъ тюрьмы мы отправились на дрожкахъ Демидова къ Завенскому руднику, расположенному миляхъ въ 2-хъ отъ деревни, на безлѣсномъ склонѣ горы. Постройки у входа въ шахту были, по обыкновенію, жалки и недостаточны, но въ одной изъ нихъ стояла маленькая паровая машина, — первая, которую я встрѣтилъ. Пока Фростъ рисовалъ, я спустился въ шахту, но не нашелъ тамъ ничего, что вознаградило бы меня за опасное и утомительное карабканье по старымъ, обледенѣлымъ лѣстницамъ. Шахта шла въ глубину не далѣе 100 футовъ; галлереи вездѣ были такъ низки, что я не могъ въ нихъ стоять; атмосфера сырая и холодная, и стѣны густо по-

---

рудникахъ — дѣло совершенно второстепенное, потому что, когда рудникъ выработанъ, тюрьму все равно приходится бросать. При такихъ условіяхъ деревянное зданіе казалось во всѣхъ отношеніяхъ болѣе экономнымъ. Но когда я принялъ на себя завѣдываніе тюремнымъ департаментомъ, Горно-Зерентуйская кирпичная тюрьма уже настолько далеко подвинулась въ постройкѣ, что, по тщательнымъ изслѣдованіямъ, едва ли стоило бросать эти работы и начинать новыя.

Ни Галкинъ-Врасскій, ни его помощникъ, Коковцевъ, не могли дать мнѣ удовлетворительныхъ объясненій насчетъ причинъ всѣхъ этихъ перемѣнъ плановъ, отсрочекъ, ошибокъ и вообще крайне безпорядочнаго веденія дѣлъ въ тюремномъ вѣдомствѣ Забайкальскаго округа. Они дѣлаютъ все возможное,—говорили они, но имъ приходится нести на своихъ плечахъ печальное наслѣдіе ихъ предшественниковъ; у нихъ не было времени для рѣшительныхъ реформъ.... Быть можетъ, я, дѣйствительно, не вполнѣ ясно представляю себѣ всѣ тѣ трудности, съ которыми имъ приходится бороться, но мнѣ кажется, что многія — чуть не всѣ, можетъ быть, печальныя стороны ссыльной системы и, въ частности, тюремной администраціи суть результатъ индиферентизма, бездѣйствія и всемертвящей, бюрократической рутины, наслѣдованной, да—но продолжающей безпрепятственно царить и нынѣ во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ Россіи.

Кеннанъ.

крыты ледяными сосульками. Въ рудникѣ работало 35 арестантовъ, большинство которыхъ сносило руду въ маленькихъ корзинкахъ къ шахтѣ, наполняя ею деревянную бадью, вмѣстимостью приблизительно въ бушель, а затѣмъ поднимало эту бадью на поверхность посредствомъ стараго, неуклюжаго деревяннаго ворота. Болѣе первобытнаго способа работъ я не встрѣчалъ никогда; я сильно сомнѣваюсь даже, чтобы тотъ, который употребляли здѣсь 300 лѣтъ назадъ дикари—туземцы, былъ первобытнѣе. „Почему у васъ такъ мало людей на работѣ? сказалъ я уставщику, провожавшему меня. Я только что былъ въ тюрьмѣ; вѣдь, тамъ у васъ валяются безъ дѣла по меньшей мѣрѣ 150 арестантовъ".

— У насъ въ галлереяхъ нѣтъ мѣста больше, какъ на 35—40 человѣкъ,—отвѣчалъ уставщикъ.

— Но, вѣдь, вы могли бы расширить ваши галлереи. Нѣсколько десятковъ лишнихъ рабочихъ скоро прибавили бы достаточно мѣста. Если въ рудникѣ есть руда, почему не вырабатывать ее какъ слѣдуетъ. Вамъ слѣдовало бы расширить и поднять ваши галлереи, проложить въ нихъ рельсы, усовершенствовать подъемный аппаратъ, приложить къ дѣлу лошадиную силу и вообще расширить ваши операціи.

Уставщикъ не отвѣчалъ ничего и только смотрѣлъ на меня изумленнымъ взоромъ. Очевидно, мои идеи казались ему дикими и неосуществимыми.

Число каторжныхъ въ Нерчинскомъ горнозаводскомъ округѣ было въ мое время 952; распредѣлены они были слѣдующимъ образомъ: въ Александровскомъ заводѣ—188; въ Алгачахъ—150; въ Покровскомъ—70; въ Кадаинскомъ и Смирновомъ—184 и въ Савенскомъ и Горно-Зерентуѣ—360. Не больше трети ихъ работало въ рудникахъ. Остальные, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, жили въ вынужденной праздности, несмотря на громадное количество труда, которое можно было бы вызвать здѣсь къ жизни при самыхъ ничтожныхъ усиліяхъ со стороны властей. Единственнымъ объясненіемъ такого положенія вещей были, по словамъ свѣдущихъ людей, слѣдующія обстоятельства: 1) въ галлереяхъ рудниковъ слишкомъ мало мѣста; 2) нѣтъ достаточнаго конвоя, чтобы наблюдать за арестантами во время работъ въ лѣсу и на открытомъ мѣстѣ; 3) постройка тюремъ своими средствами, при помощи арестантскаго труда, подъ наблюденіемъ мѣстной администраціи, должна обойтись дороже, чѣмъ по контракту съ посторонними предпринимателями, *) и 4) арестантовъ

*) Это соображеніе основывается на признанныхъ некомпетентности или мошенничествѣ мѣстныхъ властей, подъ вѣдѣніемъ которыхъ должны были бы производиться постройки. Были случаи, что такіе „строители" клали всю

нельзя употреблять на тѣ работы, на которыя я указывалъ, безъ спеціальнаго разрѣшенія изъ С.-Петербурга. По-моему, всѣ эти соображенія не имѣютъ ни малѣйшаго значенія. Праздность арестантовъ и бездѣйствіе властей есть прямой результатъ индиферентизма, неспособности и отсутствія предпріимчивости въ официальныхъ сферахъ. Энергичный американецъ, съ полномочіями и съ какими нибудь 10—15 тысячами долларовъ капитала, съ помощью этихъ 952 нерчинскихъ каторжниковъ въ 2 года построилъ бы при каждомъ рудникѣ новую тюрьму, а въ пять лѣтъ удвоилъ бы или учетверилъ производительность самихъ рудниковъ, не потребовавъ на это ни копѣйки изъ государственныхъ суммъ. Таково, по крайней мѣрѣ, убѣжденіе, которое составилось у меня послѣ тщательнаго и близкаго ознакомленія съ предметомъ на мѣстѣ.

Савинскій рудникъ былъ послѣдній, который мы посѣтили въ Восточной Сибири. Въ понедѣльникъ утромъ, 23 ноября, мы выѣхали отсюда въ Нерчинскій Заводъ, большое село, миляхъ въ 10 отъ Горно-Зерентуя, а во вторникъ начали обратное путешествіе къ Шилкѣ и Нерчинску, до котораго отсюда было 200 миль. Нѣтъ нужды описывать подробно нашъ долгій, скучный и утомительный путь. Страна, по которой проходила дорога, была все та же мрачная пустыня, покрытая волнообразными, низкими холмами, на которыхъ лежалъ тонкій пластъ снѣга. Термометръ стоялъ постоянно на 27^0 ниже нуля; твердая, замерзшая, но еще безснѣжная дорога мучительно трясла нашу телѣгу, кажется, худшую во всей Сибири. Все время мы страдали отъ холода, голода, тряски и безсонницы и были, наконецъ, доведены до того состоянія молчаливаго, апатичнаго, полудикаго отчаянія, при которомъ жизнь,—по крайней мѣрѣ, т а к а я жизнь,—становится почти невыносимой тягостью. За теплую ванну, хорошій обѣдъ и двѣнадцати-часовой безпросыпный сонъ мы готовы были отдать тогда всѣ наши земныя права и богатства.

Послѣ 40 часовъ безпрерывной ѣзды, мы добрались до станціи Біянкинской, расположенной на Шилкѣ. Здѣсь мы пересѣли на сани и вдоль по Шилкѣ продолжали свой путь къ Нерчинску.

ассигновку въ карманъ и абсолютно ничего не сдѣлавъ, рапортовали въ Петербургъ, что назначенная постройка, напр. тюрьма, готова и служитъ своему назначенію. Одинъ подобный случай,—съ Укирскимъ этапомъ,—цитированъ въ Верхнеудинской корреспонденціи Восточнаго Обозрѣнія отъ 12 января 1884 г. Одинъ извѣстный Сибирскій фотографъ показывалъ мнѣ фотографію вновь выстроеннаго правительственнаго зданія, которую онъ снялъ по распоряженію изъ Петербурга. Эта фотографія должна была служить доказательствомъ, что зданіе это дѣйствительно существуетъ и что оно построено по планамъ, утвержденнымъ начальствомъ.

Кеннанъ.

Холодъ не ослабѣвалъ, и для насъ, почти лишенныхъ все это время сколько нибудь сносной и существенной пищи, онъ былъ чрезвычайно ощутителенъ. Я ѣхалъ въ 3-хъ шубахъ, надѣтыхъ одна на другую, и представлялъ собою какой-то куль, увѣнчанный наверху мѣховой шапкой и грязнымъ, небритымъ, корявымъ отъ мороза лицомъ. Но несмотря даже на три шубы, я страдалъ отъ холода все время. Фростъ страдалъ еще больше: у него ихъ было лишь двѣ. Наконецъ, въ четвергъ подъ вечеръ мы въѣхали въ Нерчинскъ. Въѣздъ этотъ былъ далеко не тріумфаленъ. На улицахъ города снѣгу почти не было, и мы, идя за медленно тянущимися лошадьми, безславно вступили въ городъ, подобно какимъ-то муміямъ, сопровождающимъ похоронную процессію.

Въ Нерчинскѣ мы остановились въ гостиницѣ въ первый разъ въ этотъ мѣсяцъ; но въ отношеніи чистоты и комфорта гостиница, признаться, была ниже даже тѣхъ земскихъ квартиръ, въ которыхъ мы останавливались на ночь во время нашей экскурсіи по округу. Это была худшая изъ всѣхъ Сибирскихъ гостиницъ. Главный залъ, раздѣлявшій гостиницу на двѣ половины, былъ грязенъ и теменъ и служилъ одновременно кладовой. Комната, которую намъ отвели, холодная и пустая, была полна угаромъ; древніе обои обрывками и лоскутками висѣли на сырыхъ стѣнахъ; краска на оконныхъ рамахъ давно выцвѣла; стекла были грязны до невозможности, расшатавшійся полъ зіялъ щелями; бойкіе тараканы бѣгали по скатерти, покрывавшей единственный столъ; кровати, на которой усталый путникъ могъ бы найти отдохновеніе, не было вовсе; не было и зеркала, которое могло бы доставить ему меланхолическое удовлетвореніе въ созерцаніи своей покраснѣвшей и покоробившейся отъ мороза физіономіи. Единственный слуга, — подростокъ въ высокихъ сапогахъ и въ фланелевой рубахѣ, — принесъ намъ мѣдный тазъ для умыванія. Этотъ тазъ служилъ, очевидно, для другой, безконечно менѣе достойной цѣли, и его никогда не чистили и и не мыли. Какъ мы ни были усталы и какъ ни привыкли къ грязи и всевозможнымъ неудобствамъ, мы съ ужасомъ смотрѣли на нашу гостиницу; но она была единственная въ городѣ. Ея хозяинъ былъ ссыльный полякъ, Клементовичъ, и я невольно подумалъ, что если онъ былъ сосланъ сюда за содержаніе подобныхъ же гостиницъ у себя, въ Польшѣ, — хотя бы и административнымъ порядкомъ, въ данномъ случаѣ административная ссылка должна была бы быть оправданной, во имя общественнаго блага, и безъ всякаго отношенія къ политическимъ взглядамъ преступника.

Позавтракавъ, мы пообчистились, пріодѣлись и вышли посмотрѣть на городъ. Въ Нерчинскѣ считается до 4000 жителей; рас-

положенъ онъ на лѣвомъ берегу Нерчи, миляхъ въ двухъ отъ впаденія ея въ Шилку. До Петербурга отъ него 4600 миль. По богатству и процвѣтанію онъ смѣло выдержитъ сравненіе съ большинствомъ среднихъ Сибирскихъ городковъ. Въ немъ имѣются: банкъ, двѣ или три школы, госпиталь на двадцать кроватей, библіотека, музей, общественный садъ, 50—60 лавокъ, и его торговые обороты (главнымъ образомъ — Сибирскіе мѣха и мануфактуры изъ Европейской Россіи) доходятъ въ годъ до 1,000,000 руб. Но что особенно поражало въ городѣ всякаго новаго человѣка, то это роскошныя палаты богачей — золотопромышленниковъ Бутиныхъ. Эти палаты могли бы поспорить и съ богатыми столичными домами. Бутины, во время нашего проѣзда, были въ финансовыхъ затрудненіяхъ, и ихъ имущество находилось подъ секвестромъ; но, благодаря рекомендательнымъ письмамъ, насъ все-таки допустили въ оставленный, но еще блестящій дворецъ. Попасть въ него изъ гостиницы Клементовича было все равно, что сразу перейти изъ восточно-сибирскаго этапа въ сказочный дворецъ Аладина; и когда я вошелъ въ роскошный бальный залъ и увидѣлъ себя во весь ростъ въ громадномъ зеркалѣ, *) занимавшемъ чуть не всю стѣну, я невольно хотѣлъ протереть себѣ глаза, чтобы убѣдиться, что я не сплю. И въ самомъ дѣлѣ, кто же могъ бы ожидать найти въ заброшенномъ сибирскомъ городкѣ, въ 5000 миляхъ отъ Петербурга, такое пышное частное жилище, съ изысканными паркетными полами, шелковыми занавѣсками, съ изящными, тканными обоями, съ цвѣтными стеклами, блестящими канделябрами, восточными коврами, золоченой, крытой бархатомъ и атласомъ мебелью, картинами старой Фламандской школы, статуями, фамильными портретами кисти Маковскаго, и съ обширной оранжереей, съ пальмами, лимонными деревьями и рѣдкими тропическими орхидеями? Такая роскошь не вызываетъ удивленія въ богатыхъ и населенныхъ европейскихъ городахъ, но здѣсь, въ снѣжной пустынѣ Забайкалья, въ 3000 миляхъ отъ Европейской границы, это поражаетъ. Къ сожалѣнію, домъ стоялъ пустой уже нѣсколько мѣсяцевъ и потерялъ часть своего блеска. Каковъ же онъ долженъ былъ быть во время процвѣтанія Бутиныхъ! Бальный залъ — самая большая комната — имѣетъ 65 фут. въ длину и 45 въ

*) Это громадное зеркало было куплено Бутинымъ на Парижской выставкѣ 1878 г. и считалось тогда самымъ большимъ въ свѣтѣ. Чтобы попасть въ Нерчинскъ, оно объѣхало моремъ полъ-свѣта, и изъ Николаевска (восточно-Сибирскій портъ) на особо выстроенной для него баржѣ, по Амуру и Шилкѣ было доставлено въ Нерчинскъ. Теперь оно находится въ бальномъ залѣ Бутинскаго дома и въ полной гармоніи съ окружающей обстановкой.

Кеннанъ.

ширину; на его хорахъ помѣщается громадный оркестріонъ, играющій 60—70 пьесъ. Другая большая комната — библіотека — полна хорошо подобранными книгами, газетами и журналами, на нѣсколькихъ языкахъ; тутъ-же находится обширная коллекція сибирскихъ минераловъ и рудъ. Съ домомъ соединены конторы и лавки, которыя накопляли громадныя богатства, олицетвореніемъ которыхъ служитъ этотъ дворецъ. Бутины, кромѣ золотоискательства, занимались торговлей, водочнымъ дѣломъ, постройкой пароходовъ и пр. Ихъ фирма извѣстна во всей Восточной Сибири и занимала очень много рабочихъ рукъ.

Вдоволь налюбовавшись Бутинскимъ дворцомъ, мы возвратились въ свою гостиницу, а къ вечеру отправились къ Чарушину и Кузнецову, — мѣстнымъ политическимъ ссыльнымъ, которые вынесли каторгу и теперь жили на поселеніи въ Нерчинскѣ и жили сравнительно сносно. Оба они были интеллигентные, хорошо воспитанные и чрезвычайно симпатичные люди, и въ продолженіе тѣхъ трехъ дней, которые мы пробыли въ городѣ, мы провели не мало пріятныхъ часовъ въ ихъ домѣ. Въ Нерчинскѣ съ ними обращались хорошо; имъ было позволено заниматься обученіемъ дѣтей и открыть фотографію, что выходило изъ крайне узкихъ предѣловъ того, что дозволено поднадзорнымъ министерскими циркулярами. Ихъ переписка находилась еще подъ контролемъ, но полиція не надоѣдала имъ своими преслѣдованіями на каждомъ шагу, что дѣлается съ ссыльными во всѣхъ почти сибирскихъ городахъ, и они жили сравнительно спокойною и сносною жизнью. Чарушинъ провелъ раньше $4^1/_2$ года въ одиночномъ заключеніи, изъ которыхъ $2^1/_2$ — въ Петропавловской крѣпости. Онъ обвинялся въ пропагандѣ среди рабочихъ на одной изъ фабрикъ Петербургскихъ предмѣстій. На Кару за нимъ отправилась добровольно его жена, съ которой онъ и поселился, когда, окончивъ испытуемый срокъ, былъ выпущенъ въ вольную команду. Онъ былъ одинъ изъ 9 вольнокомандцевъ, которыхъ циркуляръ Лорисъ-Меликова вернулъ назадъ въ тюрьму, и въ его домѣ застрѣлился несчастный Семеновскій.

29-го ноября, сердечно распрощавшись съ Чарушиными, мы оставили Нерчинскъ. Ледяныя сосульки, которыми быстро покрылись лошадиныя морды, рѣзкое металлическое визжаніе полозьевъ по твердому снѣгу, синеватый отливъ далекихъ горъ и высокіе столбы неподвижнаго дыма надъ печами избъ говорили о сильномъ морозѣ. Дѣйствительно, термометръ показывалъ 27^0 ниже нуля. Къ ночи холодъ еще увеличился, и мы порядочно таки натерпѣлись отъ него, несмотря на непомѣрное количество горячаго чая, который мы неукоснительно пили при каждой перемѣнѣ лошадей. Но зато, съ

другой стороны, мы ѣхали быстро и безъ задержекъ на станціяхъ: лошади были вездѣ. Такъ дѣло шло до вечера понедѣльника, когда мы въѣхали въ деревню Турино-Поворотная. Здѣсь насъ ожидалъ совершенно неожиданный сюрпризъ. Вся деревня была пьяна, какъ стелька. Сани, полныя парней и дѣвокъ, съ невѣроятнымъ гамомъ и пѣснями сновали по улицѣ. Крестьянскія дѣвушки и бабы, въ разноцвѣтныхъ, праздничныхъ платьяхъ, обнявшись и пошатываясь, ходили по улицѣ, распѣвая веселыя пѣсни; станція была переполнена сильно подпившими людьми, очевидно, съѣхавшимися сюда по случаю праздника и теперь собиравшимися домой; почтовый смотритель, не окончившій еще, вѣроятно, празднованія, исчезъ неизвѣстно куда; ямщиковъ — ни слѣда, и, наконецъ, самъ староста, — толстый приземистый старикъ, похожій на голландскаго бюргера, — былъ такъ пьянъ, что, даже опираясь на палку, едва стоялъ на ногахъ. Напрасно я старался узнать причину этого грандіознаго пьянства. Никто не былъ настолько трезвъ, чтобы объяснить это. Изъ обрывковъ безсвязныхъ разговоровъ собравшейся на станціи публики я узналъ, что самъ деревенскій „батюшка“ напился до того, что наитрезвѣйшій изъ его прихожанъ отряженъ былъ свезти его на саняхъ домой. Но если почтмейстеръ, староста, священникъ, ямщики и вся деревня были такъ пьяны, очевидно, нечего было и думать о лошадяхъ. Намъ оставалось только внести на станцію свой багажъ и, выбравъ незанятый уголокъ, наблюдать это всеобщее пьянство и ожидать послѣдствій. Мы такъ и поступили. На станціи всѣ были пьяны, кромѣ насъ и грудного ребенка на колѣняхъ одной дамы. Отецъ этого ребенка, молодой и красивый офицеръ, въ полной формѣ, шатаясь бродилъ по комнатѣ, находясь, очевидно, подъ давленіемъ одной неотвязной мысли, — что онъ долженъ собрать свои пожитки и быть готовымъ къ отъѣзду; онъ собиралъ свои вещи, тутъ же снова ронялъ ихъ, и отъ времени до времени обмѣнивался съ своими столь же пьяными спутниками обрывками воспоминаній празднества. Въ концѣ концовъ его осѣнила, повидимому, счастливая мысль, и онъ стремительно бросился въ уголъ комнаты, вытащилъ оттуда свою саблю, принесъ ее своей подвыпившей супругѣ и торжественно вручилъ драгоцѣнность ея заботамъ; оказалось, что почему-то эту саблю надо было тотчасъ же снести въ сани. Жена резонно, но нѣсколько неумѣренно сурово, отвѣчала ему, что на дворѣ холодно, у нея на рукахъ ребенокъ, пусть ее оставятъ въ покоѣ. Тогда офицеръ только прижалъ саблю къ своей груди и, безумно ворочая глазами, началъ въ волненіи кричать, что эта сабля — его лучшій другъ, его первая подруга жизни, что онъ никогда не забудетъ ея и поэтому самъ, самъ

снесетъ ее бережно въ сани. Съ этими словами онъ уронилъ ее и схватился за что-то другое. Не будь тутъ его второй подруги жизни, онъ такъ и забылъ бы ее здѣсь.

Такъ мы просидѣли часа два. Наконецъ, часовъ уже въ 8, я успѣлъ какъ-то поймать старосту и напалъ на него такъ энергично, что онъ, наконецъ, понялъ, въ чемъ дѣло, и чего мы отъ него хотимъ. Онъ вписалъ насъ въ станціонную книгу („г. Кеннанъ съ слѣдующимъ, граждане сосѣднихъ штатовъ" — такъ писалъ бѣдный староста, пока я держалъ его за рукавъ) и, выйдя на крыльцо, началъ кричать, обращаясь къ проходящимъ мимо кучкамъ народу: „Андрей! Николай! Лошадей сейчасъ"! Эти крики встрѣчали въ отвѣтъ только раскаты здороваго хохота, насмѣшки и остроты. Видя такое пренебреженіе къ его авторитету, староста только поднималъ руки къ небу, съ комичнымъ жестомъ безпомощнаго отчаянія и жалостно восклицалъ: „Всѣ пьяны! что прикажете дѣлать? Чистое наказаніе!"

Часамъ къ 9-ти шумъ въ деревнѣ началъ понемногу утихать. Откуда то явился, наконецъ, и почтмейстеръ, опьяненіе котораго приняло форму сугубаго офиціальнаго достоинства. Мрачнымъ и угрожающимъ тономъ онъ спросилъ, гдѣ ямщики и что означаетъ весь этотъ безпорядокъ. Молодой офицеръ, который къ этому времени впалъ въ черезвычайно нѣжное настроеніе, перецѣловалъ всѣхъ присутствовавшихъ женщинъ, набожно перекрестился и поплелся къ своимъ санямъ, въ сопровожденіи жены съ ребенкомъ и знаменитой сабли. Двѣ духовныя особы, въ рясахъ и въ своихъ форменныхъ шляпахъ, и, конечно, тоже пьяныя, появились у крыльца, дали облобызать свои руки молодому офицеру и его пріятелямъ, сѣли въ почтовыя сани и уѣхали съ ямщикомъ, который едва сидѣлъ на козлахъ. Наконецъ, когда мы начали терять всякую надежду, явился какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшій въ общемъ погромѣ трезвый ямщикъ, въ оборванной шубѣ и дѣловымъ тономъ заявилъ смотрителю, что лошади для насъ готовы. Пьяный смотритель, уже давно искавшій, къ кому бы придраться и на комъ бы выместить свое оскорбленное достоинство, набросился на ямщика съ жесточайшей руганью и оштрафовалъ его на 50 коп., — за то ли, что онъ оказался трезвъ, за то ли, что лошади его были готовы, — не знаю. Такимъ образомъ, мы выѣхали, наконецъ, съ благодарными сердцами изъ этой поголовно пьяной деревни.

— Что все это значитъ? — обратился я къ ямщику. — Почему это всѣ сплошь пьяны?

— Новую церковь освящали, — отвѣчалъ онъ.

— Освящали церковь! — воскликнулъ я въ изумленіи. – Такъ вотъ какъ у васъ освящаютъ церкви?

— Бываетъ, что пьютъ, — сказалъ ямщикъ. — Послѣ службы гулянку устраиваютъ; иные и напиваются.

— И н ы е! — воскликнулъ я. — Помилуй, всѣ пьяны. Ты единственный трезвый человѣкъ въ деревнѣ. Какъ это случилось, что и ты не пьянъ?

— Я не христіанинъ, — отвѣчалъ онъ просто. — Я бурятъ.

Какъ христіанинъ, — хотя и не православный, я со стыдомъ умолкъ передъ этой ненамѣренной ироніей въ его отвѣтѣ. Единственнымъ трезвымъ человѣкомъ въ деревнѣ въ нѣсколько сотъ душъ, въ такой торжественный день, оказался ямщикъ, котораго въ добавокъ христіанинъ чиновникъ оштрафовалъ на 50 коп. за то, что и онъ не напился съ прочими и не проявилъ такимъ общепринятымъ способомъ своего уваженія къ святынѣ.

Часовъ въ 10 утра, 1-го декабря, мы въѣхали, наконецъ, въ Читу и остановились въ маленькомъ, одноэтажномъ деревянномъ зданіи, извѣстномъ здѣсь подъ названіемъ „Отель Владивостокъ“. Какъ я уже говорилъ раньше, въ Читѣ поселена довольно обширная и очень интересная для меня колонія политическихъ ссыльныхъ. Мы познакомились съ нею, когда проѣзжали черезъ Читу по пути на Кару, но это знакомство было слишкомъ бѣгло: мы слишкомъ спѣшили тогда попасть на Кару раньше зимы и не могли поэтому удѣлить Читѣ достаточно времени. Теперь я рѣшился провести здѣсь недѣли $1^1/_2$—2. Большинство Читинскихъ ссыльныхъ принадлежало къ категоріи поселенцевъ, отбывшихъ свои сроки на Карѣ, т. е. къ категоріи „особенно опасныхъ“ въ глазахъ администраціи. Въ виду этого, тѣмъ болѣе, что мы успѣли уже поднять тревогу на Карѣ, я считалъ нужнымъ вести себя здѣсь съ особенной осторожностью и заручиться, насколько возможно, пріятельскими отношеніями съ мѣстными властями. Карійскій комендантъ, Николинъ. уже навѣрное успѣлъ, — думалъ я, — донести кому слѣдуетъ о нашихъ тайныхъ сношеніяхъ съ политическими вольнокомандцами; если бы и здѣсь замѣтили за нами подобные грѣхи, это могло бы повести къ непріятнымъ послѣдствіямъ, — къ обыску и пр. Поэтому я прежде всего отправился къ полковнику Свѣчину, занимавшему временно мѣсто губернатора Барабаша. Я подробно разсказалъ ему о нашей экскурсіи на Кару и въ рудники, не касаясь, конечно, компрометирующихъ сношеній съ политическими и о нашихъ дальнѣйшихъ планахъ. Полковникъ былъ все время очень внимателенъ и любезенъ и не затрогивалъ щекотливыхъ темъ. Я ушелъ отъ него успокоенный. Онъ или не зналъ ничего о нашихъ карійскихъ приключеніяхъ, или не придавалъ имъ серьезнаго значенія.

На третій или четвертый день нашего пребыванія въ Читѣ,

мѣстный богатый купецъ, Немѣровъ, съ которымъ я успѣлъ познакомиться, зашелъ къ намъ съ предложеніемъ отправиться вечеромъ на любительскій спектакль, устраиваемый въ мѣстномъ театрѣ. Мы, конечно, съ удовольствіемъ согласились: это должно было расширить кругъ нашихъ офиціальныхъ знакомствъ; къ тому же мы лишній разъ показались бы передъ публикой въ „благонадежной“ компаніи. Такъ вышло. Во время антрактовъ мы познакомились со многими военными и гражданскими чиновниками, были встрѣчены чрезвычайно любезно Свѣчинымъ и обратили на себя всеобщее вниманіе, какъ „знатные“ иностранцы, извѣстные высшимъ властямъ и находящіеся въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ губернаторомъ и начальникомъ штаба. Уже, конечно, никто, думали мы, не заподозритъ такихъ иностранцевъ въ томъ, что они остановились въ Читѣ съ нарочною цѣлью поближе познакомиться съ политическими ссыльными, нигилистами, террористами и т. д.

Между прочимъ я былъ представленъ и нѣкоему полковнику Новикову, который, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, прогуливался по фойе. Услыхавъ мое имя, онъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на меня и безъ всякихъ предварительныхъ вопросовъ сказалъ: „Я слышалъ, что вы были на карійскихъ пріискахъ?

— Да, — отвѣчалъ я съ нѣкоторымъ удивленіемъ и безпокойствомъ. — Я только что оттуда.

— Что же вы нашли тамъ хорошаго? — спросилъ онъ, глядя мнѣ прямо въ лицо.

Я не зналъ, что отвѣчать на подобный вопросъ, но рѣшилъ, что наиболѣе безопасно будетъ отозваться благопріятно о представителяхъ власти, насколько позволяла мнѣ это совѣсть. Поэтому я отвѣчалъ ему безъ колебанія, что я нашелъ тамъ хорошаго человѣка, майора Потулова.

— Гм! — пренебрежительно пробормоталъ полковникъ, — и, конечно, онъ показалъ вамъ все въ самомъ лучшемъ видѣ?

— Къ сожалѣнію, не все тамъ можно показать въ такомъ свѣтѣ, — отвѣчалъ я, чувствуя, что положеніе становится все затруднительнѣе, и рѣшившись „взять быка за рога“.

— Осматривали ли вы тамошнія тюрьмы? — спросилъ онъ.

— Да, мы осматривали бо́льшую часть изъ нихъ.

— Показали вамъ и „голую команду“?—продолжалъ полковникъ.

— Нѣтъ. Я даже не знаю, что вы подъ этимъ подразумѣваете.

— Я подразумѣваю подъ этимъ камеру, наполненную голыми арестантами. Когда я въ первый разъ былъ на Карѣ и инспектировалъ тюрьмы, я нашелъ такую камеру, населенную 25 совершенно голыми людьми. Вотъ ихъ-то и называютъ „голой командой“.

— То-есть, какъ-же это? Что же это значитъ, — спросилъ я.

— Право, не знаю, — отвѣчалъ Новиковъ, передернувъ плечами. — Знаю только, что они — голы и что имъ совершенно нечего надѣть *). Показывалъ ли вамъ вашъ „хорошій человѣкъ“ (съ пренебрежительной улыбкой по адресу Потулова) и одиночки въ Средне-Карійской тюрьмѣ?

— Нѣтъ; а онѣ чѣмъ-нибудь замѣчательны?

— О, ничѣмъ! — воскликнулъ Новиковъ съ напускнымъ простодушіемъ. — Вотъ развѣ только, что въ нихъ нельзя ни стоять, ни лежать, такъ онѣ низки и тѣсны. Да, вы видѣли, очевидно, только то, что вамъ хотѣли показать. Жаль, что я не былъ тамъ. Я показалъ бы вамъ вещи, какъ онѣ есть; не такъ, какъ показалъ ихъ вашъ любезный хозяинъ.

Во все время этого разговора я чувствовалъ себя нѣсколько смущенно. Былъ ли полковникъ Новиковъ искренненъ или онъ строилъ мнѣ ловушку, чтобы вывѣдать у меня мои настоящіе взгляды? Я боялся проговориться и отвѣчалъ односложно и кратко, но Новиковъ продолжалъ, не обращая на это вниманія.

— Я прожилъ на Карѣ $3^1/_2$ года въ качествѣ командира казачьяго батальона, и когда меня, наконецъ, перевели оттуда, — нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, — я въ благодарность отслужилъ торжественный молебенъ.

— Вы видите мою бороду, — вѣдь она почти совсѣмъ сѣдая, не такъ ли? Это результатъ того людского горя, на которое я насмотрѣлся на Карѣ. Когда я ѣхалъ туда, въ ней не было ни одного сѣдого волоса. Какъ вы думаете, сколько мнѣ лѣтъ?

Я отвѣчалъ, что далъ бы ему лѣтъ 55.

— Вотъ видите, — съ горечью отвѣчалъ онъ, — а мнѣ только 45. Когда я ѣхалъ на Кару, я смотрѣлъ однихъ лѣтъ съ вами.

И онъ остановился въ угрюмомъ молчаніи, какъ бы перебирая тяжелыя воспоминанія.

Я прервалъ его размышленія вопросомъ, о какого рода горѣ онъ говоритъ.

---

*) Я впослѣдствіи узналъ, что „голой командой“ называютъ арестантовъ, которые регулярно продаютъ казенныя вещи и на вырученныя деньги играютъ или пьютъ. Такіе находятся вездѣ. Въ видѣ наказанія ихъ собираютъ иногда (какъ въ случаѣ, на который ссылается Новиковъ) въ одной камерѣ, безъ всякой одежды. Само собой разумѣется, что арестанты не могли бы продавать свои вещи, играть и пить на нихъ, если бы они не находили себѣ пособниковъ въ лицѣ самой же тюремной администраціи. Во всякомъ случаѣ, существованіе „голыхъ командъ“ указываетъ скорѣе на взяточничество или безпорядки въ средѣ тюремныхъ властей, чѣмъ на жестокость. Полковникъ Новиковъ думалъ, повидимому, иначе. *Кеннанъ.*

— Всякаго рода, — отвѣчалъ онъ. — Чего только не дѣлаютъ съ этими несчастными каторжниками. Ихъ ругаютъ, бьютъ, дерутъ розгами и плетьми, морятъ голодомъ и холодомъ; ихъ трудъ эксплуатируютъ въ свою пользу тюремщики и смотрителя. Я разскажу вамъ въ видѣ примѣра одинъ случай, происшедшій въ мою бытность тамъ. Жена одного смотрителя случайно узнала, что ея любовникъ, — каторжный изъ вольной команды, — завелъ связь съ одной изъ ея прислужницъ, тоже каторжанкой, — молодой, скромной дѣвушкой. Разсвирѣпѣвшая баба бросилась къ своему супругу и настояла на томъ, чтобы эту дѣвушку наказали подъ какимъ-то выдуманнымъ предлогомъ. Ей дали 150 розогъ, а когда она пошла жаловаться къ завѣдывающему, ей дали еще 90 плетей; 240 ударовъ получила эта несчастная. И я долженъ былъ тутъ же стоять и смотрѣть... Вы думаете, это весело, это проходитъ даромъ?.. У меня немного волосъ на головѣ, но они всѣ становятся дыбомъ, когда я припоминаю всѣ тѣ ужасы, которые я перевидѣлъ на этихъ проклятыхъ пріискахъ. Чтобы вынести ихъ безнаказанно, надо вмѣсто нервовъ имѣть желѣзныя проволоки *).

Пусть не думаетъ читатель, что этотъ разговоръ происходилъ конфиденціально, гдѣ-нибудь въ уголкѣ. Нѣтъ. Мы ходили взадъ и впередъ по фойе, компаніей въ 5—7 человѣкъ, и полковникъ Новиковъ говорилъ такъ возбужденно и громко, что его могли слышать всѣ, кто хотѣлъ. И это былъ далеко не единственный случай такой смѣлой и откровенной критики правительственной дѣятельности въ той или другой области, который мы могли засвидѣтельствовать. Въ тотъ же вечеръ другой офицеръ, котораго я не могу назвать, подошелъ ко мнѣ, представился и говорилъ о томъ же предметѣ. Онъ скоро задалъ мнѣ тотъ же вопросъ о среднекарійскихъ одиночкахъ, подтвердилъ описаніе ихъ, данное мнѣ Новиковымъ, и прибавилъ, что онѣ служили, какъ мѣсто заключенія для политическихъ заключенныхъ, и что даже женщины, какъ Россикова, должны были жить въ нихъ, пока, наконецъ, докторъ не заявилъ начальству, что дальнѣйшее ея пребываніе въ такой камерѣ повлечетъ за собой неминуемую смерть. Этотъ офицеръ пригласилъ меня

*) Слова Новикова произвели на меня сильное впечатлѣніе, и я записалъ ихъ тотчасъ же по возвращеніи домой. Переданы онѣ здѣсь совершенно вѣрно. Быть можетъ, ихъ не слѣдуетъ принимать слишкомъ буквально: Новиковъ, повидимому, былъ далеко не въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Петровымъ и другими представителями карійской администраціи, но тѣмъ не менѣе они имѣютъ значеніе, какъ слова офицера его чина и положенія, имѣвшаго полную возможность знать истину. Этотъ же самый Новиковъ сказалъ мнѣ, говоря о политическихъ „преступникахъ“, что, если бы зависѣло отъ него, онъ наказывалъ бы ихъ шпицрутенами. *Кеннанъ.*

къ себѣ, обѣщая дать мнѣ много матеріаловъ, если я интересуюсь тюрьмами и ссылкой въ Сибири. Я былъ у него и обязанъ ему очень многими свѣдѣніями. Онъ подтвердилъ мнѣ почти все, что разсказывали мнѣ политическіе; передалъ мнѣ всю исторію съ покушеніемъ Кутитонской на жизнь Ильяшевича, и показалъ мнѣ не мало офиціальныхъ документовъ, касающихся этого и другихъ дѣлъ.

Во все время нашего пребыванія въ Читѣ бо́льшую часть дней мы проводили съ „благонадежными“ элементами города, а ночей — съ ссыльными. Мы сходились съ ними въ ихъ столярной мастерской, помѣщавшейся въ большомъ деревянномъ домѣ, построенномъ еще декабристами. Часамъ къ 9 каждаго вечера 10—15 ссыльныхъ собирались въ большой комнатѣ второго этажа, а немного погодя прокрадывались туда и мы съ Фростомъ. Фанни Морейнесъ, веселая, прелестная дѣвушка, лѣтъ 20, исполняла обязанности хозяйки. Г-жа Геллисъ садилась за самоваръ, и часамъ къ 10—11 мы въ полномъ составѣ собирались вокругъ большого стола, курили, пили безконечный чай, разсказывали другъ другу свои приключенія и обсуждали всевозможные общественные и политическіе вопросы. Многіе изъ ссыльныхъ были прекрасно образованные, умные и симпатичные люди, бесѣда съ которыми была всегда полна прелести и интереса. Я и теперь еще нерѣдко вспоминаю съ удовольствіемъ, смѣшаннымъ съ какою-то болью, эти вечерніе часы. Мы не всегда были угрюмы и печальны, не всегда перебирали лишь темныя стороны русской дѣйствительности. Иногда Лазаревъ или Валуевъ брали гитару и подъ ея аккомпанементъ пѣли намъ русскіе романсы или я съ Фростомъ вытягивали имъ наши американскія пѣсни: „Bingo“, „The Bull-dog“ или „Solomon Levi“, или, наконецъ, мы пѣли хоромъ какую-нибудь изъ любимыхъ русскихъ революціонныхъ пѣсенъ.

Но главнымъ нашимъ занятіемъ всегда оставалось обсужденіе наиболѣе интересныхъ для меня вопросовъ, касающихся положенія Россіи, русскаго революціоннаго движенія, жизни политическихъ ссыльныхъ въ тюрьмахъ, на пути и въ ссылкѣ. Здѣсь я въ первый разъ близко познакомился съ страшной исторіей „Харьковскихъ централокъ“ и съ героической голодовкой четырехъ слабыхъ женщинъ въ Иркутской тюрьмѣ (Ковальская, Россикова, Богомолецъ и Кутитонская). Болѣе ужасныхъ трагедій я не зналъ никогда: и ночь за ночью я возвращался въ свою гостиницу разстроенный, возбужденный до невозможности спать или думать о чемъ-либо другомъ; и лежа на своей постели, цѣлыми часами переживалъ снова и снова событія и сцены, только что разсказанныя мнѣ съ такою мучительной живостью истины.

Одно дѣло — читать о нихъ въ холодномъ отчетѣ, въ родѣ

того, который я пытаюсь здѣсь дать; другое — слышать разсказы о нихъ въ трепещущихъ устахъ живыхъ людей, актеровъ въ описываемой трагедіи, которые сами лишь чудомъ вернулись въ міръ изъ этой долины, населенной тѣнями погибшихъ и погибающихъ. И если, при этихъ разсказахъ, мои глаза наполнялись слезами и мои руки судорожно сжимались въ кулакъ, въ порывѣ молчаливаго и безпощаднаго негодованія, — я не стыжусь этого; иногда я былъ бы радъ, если бы могъ облегчить себя слезами. За время нашего путешествія по Сибири намъ пришлось вынести не мало всякихъ физическихъ лишеній: холодъ, голодъ, усталость, болѣзнь, сопровождали насъ постоянно. Но эти лишенія еще можно выносить съ болѣе или менѣе философскимъ терпѣніемъ. Не то съ нравственными мученіями, съ вѣчнымъ зрѣлищемъ людского страданія, вызывающаго въ васъ всю силу симпатіи, на которую вы способны, держащаго въ крайнемъ напряженіи ваши нервы и быстро истощающаго ваши жизненныя силы. А такихъ мученій въ нашемъ путешествіи было еще больше, чѣмъ физическихъ. Прибавьте къ этому и постоянное безпокойство по поводу крайней шаткости нашего положенія передъ властями. До сихъ поръ, повидимому, за нами не слѣдили, но сосѣднюю съ нашей комнату занимало 4 офицера, между ними одинъ жандармскій капитанъ, и Фростъ утверждалъ, что онъ не разъ слышалъ черезъ тонкую перегородку обрывки разговоровъ нашихъ сосѣдей, изъ которыхъ явствовало, что они очень интересуются дѣйствительной цѣлью нашей экскурсіи и ищутъ способа заглянуть въ наши бумаги. Одною ночью, вернувшись домой часа въ 2, я долго не могъ заснуть, до крайности взволнованный только что выслушаннымъ разсказомъ объ убійствѣ въ одесской тюрьмѣ политическаго заключеннаго Сомова. Я зажегъ свѣчу и попробовалъ читать. Прошло съ полчаса гробового молчанія, прерываемаго только звуками правильнаго дыханія спящаго Фроста, какъ вдругъ „трахъ“ — надъ моей головой раздался въ сосѣдней комнатѣ револьверный выстрѣлъ. Встревоженный, я поднялся на локтѣ и сталъ слушать. Нигдѣ ни звука, кромѣ легкаго шелеста осыпающейся съ перегородки штукатурки. Проснувшійся Фростъ поднялся на своей постели и спросилъ: „Въ чемъ дѣло?“

— Кто-то выстрѣлилъ въ нашу перегородку, — отвѣчалъ я шепотомъ.

— Который теперь часъ?

— Половина третьяго, — отвѣчалъ я, — но шш . . . молчите и слушайте!

Съ напряженнымъ вниманіемъ слушали мы минуты двѣ; вездѣ полная тишина; въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ раздался выстрѣлъ, тоже.

Что это значитъ? Вѣдь тамъ четыре человѣка; если это самоубійство, — товарищи самоубійцы должны бы были поднять тревогу. Выстрѣлъ былъ достаточно громокъ, чтобы поднять весь домъ. При такихъ условіяхъ наступившая тишина была болѣе загадочна, чѣмъ самый выстрѣлъ.

— Надо постучать къ нимъ и спросить, въ чемъ дѣло? — предложилъ Фростъ.

Никоимъ образомъ, — отвѣчалъ я. Я боялся какъ нибудь попасть въ исторію и дать полиціи поводъ арестовать меня или порыться въ моемъ багажѣ. Мнѣ казалось, что намъ лучше лежать спокойно и быть, какъ говорятъ русскіе — „тише воды, ниже травы.“ Мы не ранены, — и слава Богу; да и слишкомъ невѣроятно было бы предположеніе, что стрѣляли въ насъ.

Прошло еще нѣсколько минутъ. Въ комнатѣ офицеровъ началось нѣкоторое движеніе; раздалось щелканіе взводимаго и спускаемаго курка, и чей то голосъ шепотомъ спросилъ: „сколько еще у тебя патроновъ.“ Отвѣта и послѣдовавшаго затѣмъ короткаго разговора шепотомъ я не могъ разслышать. Скоро снова все замолкло и на этотъ разъ окончательно. Что означалъ этотъ эпизодъ, я до сихъ поръ не знаю. Вѣроятнѣе всего, что какой-нибудь чудакъ хотѣлъ такимъ образомъ испытать нашу храбрость: если бы это было такъ, и если бы кто-нибудь обратился ко мнѣ на слѣдующій день съ вопросомъ, я отвѣтилъ бы ему, что у насъ, въ американскихъ отеляхъ, револьверный выстрѣлъ совсѣмъ не диво, и что меня удивляетъ не выстрѣлъ, а то, что нѣтъ убитаго.

Я и теперь не знаю, знала ли полиція о моихъ сношеніяхъ съ читинскими ссыльными во время моего пребыванія тамъ. Впослѣдствіи она узнала объ этомъ. Я думаю это потому, что единственное письмо, которое я получилъ оттуда — совершенно невинное письмо купца Немѣрова, — прежде чѣмъ попасть ко мнѣ въ руки, было вскрыто и прочтено.

До самой Читы я продолжалъ носить наиболѣе компрометирующія бумаги въ кожаномъ поясѣ, вокругъ тѣла. Но ихъ въ концѣ концовъ набралось такъ много, что надо было искать иного способа, сохранять ихъ, на случай обыска. У меня былъ хорошій, для этой цѣли приготовленный, дорожный ящикъ для провизіи и чайныхъ принадлежностей, съ выдолбленными тайничками въ стѣнкахъ. Въ эти то тайнички я и задѣлалъ большую часть моихъ бумагъ. Такіе ящики встрѣчаются у путешественниковъ по Сибири очень часто, они должны постоянно находиться подъ рукою, и ни въ комъ бы не могло вызвать ни малѣйшаго подозрѣнія, если бы я постоянно носилъ его съ собою на станціи и т. п. Прочіе доку-

менты и нѣсколько писемъ отъ политическихъ ссыльныхъ въ Россію, которыя я везъ съ собою, я задѣлалъ въ переплетъ книгъ, которыя мнѣ дали въ Читѣ. Книги эти, — „Давидъ Копперфильдъ“, „логарифмы“ и номеръ русскаго журнала, — были все книги дозволенныя. Наконецъ, нѣсколько важнѣйшихъ для меня бумагъ я задѣлалъ въ небольшую квадратную дощечку, на которой масляными красками былъ нарисованъ портретъ одного изъ декабристовъ. Этотъ портретъ, какъ драгоцѣнная находка, былъ вполнѣ естественъ въ моихъ рукахъ любопытнаго иностранца. Чтобы добраться до нихъ полиціи надо было переломать и перервать всѣ мои вещи.

Въ пятницу, 9-го декабря, мы провели послѣдній вечеръ въ бывшемъ домѣ декабристовъ, и въ послѣдній разъ пропѣвши хоромъ: „Есть на Волгѣ утесъ“ и обмѣнявшись разными подарками на память, навсегда простились съ Читинской ссыльной компаніей. На слѣдующее утро мы уже мчались къ Иркутску. Въ продолженіе 5 сутокъ ѣхали мы безостановочно, по 8 миль въ часъ, останавливаясь только для перемѣны лошадей, страдая отъ холода, голода и отсутствія сна до послѣдней степени. Байкалъ еще далеко не сталъ, но послѣдній пароходъ уже прошелъ. Намъ пришлось ѣхать „кругоморскимъ трактомъ“, въ объѣздъ озера - моря. Въ какихъ нибудь 50—60 миляхъ отъ Иркутска, на станціи не оказалось лошадей. Въ продолженіе 3-хъ мѣсяцевъ уже мы были отрѣзаны отъ цивилизованнаго міра, и вдругъ новая остановка, такъ близко отъ Иркутска! . . . Мы наняли крестьянина до слѣдующей станціи, не зная, какую бѣду мы готовили себѣ на эту ночь. Холодно было до крайности, дорога была трудная, все съ горы на гору, и несчастныя крестьянскія лошаденки, полумертвыя отъ голода, послѣ первыхъ трехъ верстъ положительно отказались везти. Пришлось почти всю станцію пройти пѣшкомъ, ночью, въ темнотѣ, при страшномъ холодѣ, по гористой дорогѣ. Мы добрались до станціи только къ 2-мъ часамъ утра. Но . . . все кончается, и 15 декабря мы въѣхали въ Иркутскъ и остановились въ Московской гостиницѣ. Здѣсь насъ ждало 50—60 писемъ съ родины; самое позднее изъ нихъ было послано $2^1/_2$ мѣсяца тому назадъ!

Была уже половина декабря; термометръ показывалъ 30—35° мороза, но Ангара у Иркутска еще далеко не стала. Три недѣли прождали мы въ Иркутскѣ, но такъ и не дождались этого. Тогда мы рѣшили подняться подальше отъ Байкала, по ея правому, восточному берегу, гдѣ, какъ говорили свѣдущіе люди, ледъ уже долженъ былъ сковать непокорную рѣку. Мы продали свой тарантасъ, купили зимнюю кибитку и 8 января направились къ Александровской Центральной тюрьмѣ. Эта тюрьма пользовалась тогда

репутаціей одной изъ наилучшихъ и наибольшихъ въ Восточной Сибири. Она расположена на правомъ берегу Ангары, миляхъ въ 40 отъ Иркутска, и при постройкѣ была предназначена для водочнаго завода. Въ 1874 г. она была перестроена на тюрьму, содержащую около 1000 каторжныхъ, осужденныхъ на работы. Иркутскій временный губернаторъ Петровъ описывалъ мнѣ ее, какъ образцовую тюрьму, и мнѣ, естественно, хотѣлось видѣть это въ своемъ родѣ чудо. Послѣ пріятной 8-ми часовой ѣзды, мы пріѣхали въ поселеніе, гдѣ расположена тюрьма, часамъ къ 10-ти вечера напились чаю и улеглись спать, по обыкновенію на полу. Утромъ слѣдующаго дня мы отправились къ смотрителю тюрьмы, — капитану Сипягину, который уже получилъ изъ Иркутска извѣстіе о нашей поѣздкѣ. Это былъ интеллигентный и образованный офицеръ, 35—45 лѣтъ отъ роду; онъ принялъ насъ чрезвычайно любезно, ни за что не захотѣлъ отпустить насъ безъ завтрака, послѣ котораго самъ повелъ насъ въ тюрьму.

Тюрьма эта представляетъ большое двухъ-этажное зданіе, подъ желѣзной крышей, окруженное большимъ дворомъ, ограниченнымъ высокой кирпичной стѣной. Само зданіе нѣсколько неправильной формы; въ самомъ длинномъ мѣстѣ оно 300 ф., въ самомъ широкомъ — 100 ф. Въ немъ 57 большихъ общихъ камеръ, 10 одиночекъ и 5 секретныхъ — для особенно опасныхъ преступниковъ. Всего въ тюрьмѣ содержалось въ это время 992 человѣка; около 900 другихъ, окончившихъ испытуемые сроки, жили возлѣ тюрьмы въ вольной командѣ. — Мы пошли сперва въ „мельничную“ — большое помѣщеніе съ сводчатымъ потолкомъ, гдѣ 75—100 арестантовъ на ручныхъ мельницахъ мололи рожь на муку для тюремнаго употребленія. Воздухъ здѣсь былъ свѣжій и хорошій; трудъ, хотя и тяжелый, не былъ непосильнымъ; рабочій, вертящій колеса, мѣнялся, какъ только уставалъ. Это единственный родъ тяжелаго и принудительнаго труда въ тюрьмѣ — сказалъ мнѣ Сипягинъ; онъ не занимаетъ больше 3—4 часовъ въ день у каждаго. Изъ мельничной мы пошли по камерамъ, которыя занимаютъ главный корпусъ. Камеры различны по величинѣ; смотря по размѣрамъ, въ нихъ живутъ отъ 15 до 25 человѣкъ. Всѣ онѣ достаточно велики для того числа арестантовъ, которое ихъ занимаетъ; онѣ достаточно высоки; воздухъ въ нихъ достаточно чистъ; полы и нары вездѣ блестятъ чистотой, но за то и тутъ, въ образцовой тюрьмѣ, нѣтъ и признаковъ постельныхъ принадлежностей. Въ камерахъ вездѣ есть вентиляторы; коридоры высоки, просторны, свѣтлы и чисты . . . Изъ камеръ мы направились къ кухнямъ, гдѣ каждый день готовятъ пищу болѣе чѣмъ на 1000 человѣкъ, и гдѣ

все гармнонировало съ общей чистотой и порядкомъ. Я попробовалъ хлѣбъ и супъ, — и то и другое было очень сносно. Порція каждаго арестанта состоитъ здѣсь изъ 3 фунт. ржаного хлѣба, 7 унцевъ мяса и 3 унц. ячменю въ день, съ прибавкою отъ времени до времени картофеля или иныхъ овощей. Чай и сахаръ не входятъ въ казенную порцію, но арестанты могутъ покупать эти продукты на свои деньги. Когда мы вышли изъ кухни, смотритель спросилъ насъ, не желаемъ ли мы взглянуть на школьную комнату. Я отвѣчалъ, конечно, да; если мы сами не выразили такого желанія, то лишь потому, что никогда не видѣли ничего подобнаго школьной комнатѣ въ русскихъ тюрьмахъ и даже не предполагали возможности ея существованія. Сипягинъ засмѣялся и провелъ насъ въ чистую свѣтлую комнату второго этажа. Парты въ ней были сдѣланы самими арестантами въ тюремныхъ мастерскихъ, администрація доставила доску, глобусъ, карты Сибири и Св. Земли и нѣсколько дешевыхъ литографій. Комната была пуста, но смотритель сказалъ мнѣ, что арестанты часто сходятся здѣсь, чтобы читать, пѣть или слушать поученія священника. Тюрьма чрезвычайно нуждается въ книгахъ и для обученія и для чтенія. Кромѣ нѣсколькихъ брошюръ и экземпляровъ священнаго писанія, оставленныхъ здѣсь преподобнымъ Ланделемъ, (только здѣсь я и нашелъ кое-какіе слѣды раздачи имъ книгъ), здѣсь нѣтъ ничего. Изъ школьной мы пошли въ мастерскія, гдѣ 25—30 портныхъ, сапожниковъ, столяровъ и пр. работали самымъ усерднымъ образомъ. Арестантамъ разрѣшалось работать всякую работу, на какую они только способны, при чемъ $^1/_3$ получаемой платы они могли тратить въ тюрьмѣ, другая треть сохранялась до окончанія срока, а третья — удерживалась въ пользу казны. Намъ осталось только осмотрѣть госпиталь. Онъ тоже оказался на высотѣ положенія, блисталъ чистотой и порядкомъ. Тюрьма, дѣйствительно, содержалась хорошо, и если и не могла бы быть названа „образцовою“ вообще, то, сравнительно съ другими сибирскими тюрьмами, была таковой по всей справедливости. Смотритель, казалось, былъ очень доволенъ, когда я высказалъ ему это откровенно, прибавивъ, что, если тюрьма и нуждается въ кое-какихъ улучшеніяхъ, чтобы стать вполнѣ безупречной, эти улучшенія не въ его власти и не зависятъ отъ иного рода условій, чѣмъ личныя усилія смотрителя.

Мы потомъ прошли по тюрьмѣ еще разъ, ночью, когда всѣ тамъ уже давно спали. Заключенные рядами лежали на нарахъ, одѣтые, безъ подушекъ, подстилокъ и одѣялъ. Нѣкоторые изъ нихъ проснулись при громѣ засововъ и испуганно поднялись съ своихъ мѣстъ, но увидѣвъ, что никто ихъ не безпокоитъ, скоро улеглись

снова. Во всѣхъ комнатахъ стояли параши, и воздухъ уже былъ нѣсколько испорченъ; но и въ это самое неблагопріятное время онъ былъ лучше, чѣмъ въ другихъ тюрьмахъ днемъ. Вообще, мнѣ кажется, Александровская тюрьма является свѣтлымъ исключеніемъ въ Сибири и дѣлаетъ честь ея смотрителю. Я съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ констатирую здѣсь это, что мнѣ такъ рѣдко приходится хвалить что нибудь въ этой области въ Сибири.

Въ понедѣльникъ утромъ мы простились съ Сипягинымъ и отправились дальше. Дорога шла вдоль рѣки, по ея покатому берегу, подъ нависшими крутыми утесами, подходящими къ ней иногда вплотную. Она была въ эту пору ужасна, усѣянная глыбами льда и налетами, образовавшимися при замерзаніи бурной рѣки. Приходилось постоянно лавировать между льдинами, нагроможденными одна на другую, совершать объѣзды и взбираться на крутые утесы. Наконецъ, береговая дорожная полоса стала такъ пока та, что лошади начали поминутно скользить и падать. Пришлось съѣхать на тонкій, еще не достаточно окрѣпшій, береговой ледъ. Нѣкоторое время мы ѣхали благополучно, но недалеко отъ деревни Олонъ произошла, наконецъ, давно жданная катастрофа. Ледъ не выдержалъ и проломился. Лошади и сани погрузились въ быстрый потокъ. Къ счастью, отводы саней поддерживали ихъ нѣкоторое время на поверхности, и мы успѣли соскочить на ледъ. Кое-какъ и сани и лошади были вытащены. Приходилось ворочаться въ Олонъ. Здѣсь, послѣ совѣщанія съ ямщиками, было рѣшено, что новая попытка была бы безумiемъ: дороги нѣтъ, ледъ — слишкомъ тонокъ; проломись онъ снова, вдали отъ помощи, да еще въ темнотѣ, — и дѣло можетъ кончиться очень дурно. Оставалось ждать до завтрашняго дня. Но къ вечеру въ деревнѣ отыскался смѣлый ямщикъ, который за 15 рублей, невѣроятно громадную по здѣшнимъ мѣстамъ плату, взялся свезти насъ на слѣдующую станцію какой-то другой, обходной и трудной дорогой по горамъ. Дороги тамъ, въ сущности, не было, но предпріимчивый ямщикъ, разсчитывая на то, что снѣгъ былъ еще не глубокъ, надѣялся ее проложить. Въ половинѣ 11-го мы выѣхали. Я не помню почти болѣе утомительной, безпокойной и ужасной ночи. Около полуночи начался снѣжный буранъ. Мы скоро потеряли всякіе признаки дороги и продолжали путь по оврагамъ и кручамъ. Поминутно приходилось вытаскивать тяжелыя сани изъ этихъ наполненныхъ снѣгомъ овраговъ, поворачивать ихъ, поддерживать, втаскивать и т. д. Часамъ къ четыремъ я былъ въ полномъ изнеможеніи; въ груди началось острое колотье . . . я не могъ бороться дольше и, оставивъ Фроста и ямщика выпутываться, какъ знаютъ, забрался въ

сани, укутался полушубками и скоро забылся, въ мрачныхъ предвкушеніяхъ неизбѣжнаго, очевидно, воспаленія легкихъ. Уже передъ разсвѣтомъ меня разбудилъ лай собакъ. Мы таки добрались какими-то судьбами до жилого мѣста. Передъ нами была цѣль нашего путешествія - маленькая деревушка Пашка. Погрѣвшись и закусивъ, мы отсюда безъ приключеній добрались до Каменки, переправились по ставшей здѣсь окончательно Ангарѣ на ея другую, западную сторону и остановились ночевать въ комфортабельномъ домикѣ почтовой станціи на большомъ Сибирскомъ трактѣ.

Послѣдняя сибирская трагедія.

Въ воскресномъ номерѣ „New-York Tribune," отъ 19-го января, помѣщено слѣдующее письмо отъ „Случайнаго Корреспондента" въ Петербургѣ, по поводу недавняго избіенія русскихъ политическихъ ссыльныхъ въ Якутскѣ:

„С.-Петербургъ, 1-го января.—Сообщеніе Лондонскаго „Times'a" объ избіеніи политическихъ ссыльныхъ, якобы произведенномъ послѣднею осенью властями въ Якутскѣ, въ Восточной Сибири, вызвало здѣсь значительную сенсацію. Императорское правительство обыкновенно относится съ молчаливымъ презрѣніемъ къ сообщеніямъ лондонскаго „громовержца", зная, какое положеніе въ этой газетѣ занимаетъ убійца генерала Мезенцева, Кравчинскій, болѣе извѣстный подъ литературнымъ псевдонимомъ „Степняка". Но въ данномъ случаѣ сообщеніе „Times'a" получило такое широкое распространеніе и вызвало въ континентальной прессѣ такой взрывъ негодованія, что царское правительство нашло полезнымъ оставить на время свою политику презрительнаго молчанія и дать офиціальное разъясненіе событія. Оно отрицаетъ „избіеніе", но признаетъ, что двѣ кровавыхъ стычки съ ссыльными дѣйствительно имѣли мѣсто въ Якутскѣ, при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

„Около года назадъ Департаментъ полиціи получилъ свѣдѣнія, что большинство нигилистическихъ брошюръ, прокламацій и пр. не только были написаны, но и напечатаны въ Сибири. Тѣмъ не менѣе рѣшено было провѣрить эти свѣдѣнія на мѣстѣ, и капитанъ Русановъ, одинъ изъ способнѣйшихъ офицеровъ 3-го Отдѣленія, былъ посланъ въ Сибирь. Послѣ тщательныхъ розысковъ, онъ открылъ въ Якутскѣ существованіе правильно обставленной нигилистической типографіи. Якутскъ, конечно, послѣднее мѣсто на землѣ, гдѣ можно было бы предположить устройство подобной типографіи: сюда ссылаются самые опасные и отчаянные политическіе преступники; самыя имена ихъ неизвѣстны мѣстнымъ властямъ, потому что, начиная съ

Томска, они слѣдуютъ въ пути не подъ своими именами, а подъ номерами; на мѣстѣ ссылки они должны быть подчинены самому строгому надзору.

„Капитанъ Русановъ открылъ, однако, что ссыльные успѣли, при помощи большихъ денегъ, подкупить назначенныхъ для надзора за ними Байкальскихъ казаковъ, которые и помогали имъ переправлять въ Россію ихъ произведенія. Сдѣлавъ всѣ нужныя приготовленія, Русановъ окружилъ домъ, въ которомъ помѣщалась типографія, отрядомъ полицейскихъ и солдатъ, и, послѣ кровопролитной стычки, въ которой было ранено револьверными пулями и сабельными ударами нѣсколько ссыльныхъ и солдатъ, хозяева типографіи были схвачены и брошены въ тюрьму. Черезъ нѣсколько недѣль они предстали передъ судомъ, который съ необычной при такихъ обстоятельствахъ снисходительностью, приговорилъ ихъ къ высылкѣ въ различныя отдаленныя мѣста. Цѣль для судей была—разсѣять банду, разселивъ ея членовъ далеко другъ отъ друга и прекратить, такимъ образомъ, всякое сообщеніе между ними. Официальный рапортъ прибавляетъ, что, выйдя изъ залы суда, подсудимые внезапно напали на свой конвой, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ бросились съ револьверами на присутствовавшаго тутъ полицейскаго офицера. Солдаты бросились на выручку офицера и, прежде чѣмъ бунтъ былъ усмиренъ, пришлось убить и ранить пулями и штыками нѣкоторыхъ изъ бунтовщиковъ. Трое изъ уцѣлѣвшихъ были впослѣдствіи повѣшены, остальные осуждены, вмѣсто прежняго поселенія, на каторгу.

„Это правительственное объясненіе встрѣчено здѣсь всеобщимъ довѣріемъ.

Утѣшительно, конечно, видѣть, что русскіе министры хотя до нѣкоторой степени считаются съ мнѣніями цивилизованнаго міра и находятъ нужнымъ давать ему объясненія, хотя и безстыдно лживыя объясненія, по поводу нѣкоторыхъ изъ своихъ возмутительныхъ дѣлъ; но, право, русское правительство поступило бы въ данномъ случаѣ умнѣе, если бы оно прошло, съ невиннымъ видомъ невѣдѣнія, мимо этихъ послѣднихъ обвиненій „Times'a“, а не прибѣгло бы къ вышеприведенному ряду объясненій, которыя уже слишкомъ очевидно нелѣпы и безстыдно лживы.

Якутское избіеніе случилось въ мартѣ 1889 г. Даже въ странѣ, гдѣ жестокость и произволъ обыденны, такое событіе: — батальный огонь роты солдатъ, направленный противъ 15—20 почти безоружныхъ людей; „штыковая работа“, не останавливающаяся передъ безоружными женщинами; повѣшеніе троихъ, и осужденіе остальныхъ на долгіе сроки каторги, —такое событіе должно было бы

привлечь къ себѣ вниманіе самой беззаботной прессы. Оно слишкомъ важно, съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть на него. Однако, самый прилежный читатель періодической прессы не нашелъ бы въ ней все это время ни слова, ни намека по поводу этой ужасной исторіи; не потому, конечно, это произошло, что русскіе издатели находятъ нормальнымъ разстрѣливаніе беззащитныхъ людей, не потому, что они не знаютъ объ этомъ, а потому, что ихъ душитъ тяжелая рука цензуры. Я самъ получаю нѣсколько русскихъ изданій, между прочимъ: „Русскія Вѣдомости," „Вѣстникъ Европы" и „Восточное Обозрѣніе", издающееся въ Иркутскѣ, сравнительно близко отъ мѣста дѣйствія. Ни въ одномъ изъ нихъ—ни слова. Правительство не рѣшалось, очевидно, дать публикѣ даже свою редакцію факта. Если бы оно чувствовало себя правымъ, почему оно не сообщило своей странѣ, что, такъ и такъ, въ Якутскѣ открыта была типографія; ссыльныхъ судили; они, выйдя изъ залы суда, напали на конвой; усмиряя бунтъ, пришлось прибѣгнуть къ оружію и т. д. Оно не смѣло сдѣлать этого, потому что первое прикосновеніе критики разрушило бы безъ слѣда всю эту ложь и показало бы дѣло въ настоящемъ видѣ. Оно надѣялось упорнымъ молчаніемъ потушить это дѣло и оставить свою страну въ полномъ невѣдѣніи не только обстоятельствъ, сопровождавшихъ избіеніе, но и самого факта. Первые слухи о Якутской трагедіи дошли до меня прошлымъ лѣтомъ, въ частномъ письмѣ изъ Сибири. Съ тѣхъ поръ я получилъ изъ разныхъ концовъ Россіи 8 самостоятельныхъ и подробныхъ отчетовъ о ней, съ копіями офиціальныхъ документовъ, относящихся къ дѣлу, съ планами мѣста избіенія, съ именами дѣйствующихъ лицъ, съ предсмертными письмами повѣшенныхъ и т. д. Эти отчеты составили бы въ печати цѣлый томъ. Получилъ я ихъ отъ 8-ми различныхъ лицъ, изъ различныхъ мѣстъ. Съ нѣкоторыми изъ приславшихъ ихъ я знакомъ лично и знаю ихъ за людей, заслуживающихъ полнаго довѣрія, неспособныхъ сознательно лгать, даже въ виду пользы для ихъ дѣла; наконецъ, они физически не могли сговориться между собой и составить общую редакцію отчета, даже если бы хотѣли этого; ни одинъ изъ нихъ не знаетъ о томъ, что другіе послали мнѣ эти отчеты и т. д. Едва ли мнѣ надо доказывать, что свидѣтельства, добытыя при такихъ условіяхъ и взаимно подтверждающія другъ друга, заслуживаютъ полнаго довѣрія публики; и я увѣренъ, что американскій народъ, познакомившись съ ними, убѣдится вполнѣ въ жестокости и въ безстыдной лживости правительства, способнаго на такія дѣла и на такія объясненія.

Офиціальныя сферы, на которыя ссылается „Случайный Корреспондентъ" „Tribune", прежде всего пытаются подорвать довѣріе

къ сообщенію „Times'a“, приписавъ его хорошо извѣстному писателю Степняку и, затѣмъ, стараясь очернить послѣдняго въ глазахъ читателей. Это — не новый способъ: приписать непріятное разоблаченіе врагу и обозвать этого врага убійцей—въ глазахъ русскаго бюрократа замѣчательно ловкая стратегика. Я не буду защищать здѣсь Степняка: онъ можетъ сдѣлать это самъ. Я не знаю даже, принимаетъ ли онъ какое нибудь участіе въ „Times'ѣ“; но я знаю что сообщеніе, помѣщенное въ „Times'ѣ“, совершенно истинно и совпадаетъ во всѣхъ существенныхъ подробностяхъ съ 8 отчетами, имѣющимися у меня.

„Случайный Корреспондентъ“ „Tribune“ сообщаетъ, что Якутская трагедія была косвеннымъ результатомъ открытія тамъ капитаномъ Русановымъ правильно устроенной нигилистической типографіи. Это ложь, и во всѣхъ отношеніяхъ. Генералъ—а не капитанъ, Русиновъ—а не Русановъ, совершалъ свой объѣздъ Сибири съ миссіей,—изслѣдовать условія существованія политическихъ ссыльныхъ—два года тому назадъ; въ Якутской области не былъ вовсе и давно уже возвратился изъ своей поѣздки. Это тотъ самый генералъ, главными подвигами котораго были:—прекращеніе „Сибирской газеты“ за то, что въ ней участвовали нѣкоторые ссыльные, и распоряженіе соскоблить съ крестовъ и надгробныхъ плитъ на могилахъ политическихъ ссыльныхъ на Томскомъ кладбищѣ имена и эпитафіи умершихъ. Между прочими надписями были соскоблены и слова Спасителя: „больше сея любве никто же иматъ, да кто душу свою положитъ за други своя“. Я готовъ допустить, что чиновникъ, способный *такъ* преслѣдовать ненавистныхъ ссыльныхъ даже въ ихъ могилахъ, способенъ былъ бы открыть и нигилистическую типографію въ городѣ, гдѣ онъ никогда не былъ; но, если и такъ, то почему же онъ не арестовалъ ее тогда, когда былъ еще въ Сибири? Почему онъ ждалъ цѣлый годъ?

Люди, которые знаютъ Якутскъ, какъ я его знаю, видятъ съ перваго взгляда, что исторія открытія въ ней нигилистической типографіи, есть явная, невѣроятно нелѣпая басня. Типографскіе станки не растутъ въ Россіи на деревьяхъ. Ихъ считаютъ опаснѣе динамита въ рукахъ „неблагонамѣренныхъ“ людей, и добывать ихъ безъ разрѣшенія—стоитъ невѣроятныхъ трудностей и большихъ средствъ даже въ Петербургѣ и Москвѣ. Какъ могла бы добыть такой станокъ кучка безправныхъ ссыльныхъ въ Якутскѣ, безъ средствъ, подъ строжайшимъ надзоромъ? Наконецъ, въ Якутскѣ не издается ни книгъ, ни газетъ, и на 1000 миль кругомъ нѣтъ никакихъ типографскихъ принадлежностей. Но, и помимо этого, зачѣмъ ссыльнымъ типографія въ Якутскѣ, если бы они и могли устроить ее. Якутскъ—

полудеревня съ 6000 жителей, изъ которыхъ половина полудикіе туземцы; всѣ тамъ знаютъ всю подноготную другъ о другѣ. Полиціи извѣстно, кто какъ живетъ и что дѣлаетъ; почтмейстеру извѣстно, кто кому и что пишетъ и посылаетъ. Какъ ссыльные могли бы отсылать въ Россію, за 4000 миль, свои печатныя произведенія, если бы даже у нихъ и была типографія?

Далѣе „Случайный Корреспондентъ“ сообщаетъ со словъ офиціальныхъ лицъ, что въ Якутскъ высылаютъ „самыхъ опасныхъ и отчаянныхъ государственныхъ преступниковъ“, которыхъ и имена даже не извѣстны мѣстному начальству; мѣсто именъ занимаютъ номера съ самаго Томска... и т. д. Все это нелѣпѣйшій и чистѣйшій вздоръ. Половина Якутскихъ политическихъ ссыльныхъ—административно ссыльные, т. е. люди, противъ которыхъ не найдено уликъ, сколько нибудь достаточныхъ для преданія ихъ суду: таковы эти „самые опасные преступники,“ которыхъ и судить было не зачто. Далѣе, всѣ ссыльные—и уголовные, и политическіе—во всѣхъ частяхъ Сибири, въ томъ числѣ и въ Якутскѣ, конечно, извѣстны подъ своими именами и нигдѣ, даже въ рудникахъ, не практикуется система обозначенія ссыльныхъ и заключенныхъ номерами. Конечно, имена эти бываютъ иногда ложныя, но это только въ тѣхъ случаяхъ, когда власти не знаютъ настоящихъ и вынуждены принимать тѣ, которыя имъ даютъ заключенные. Такъ, я знаю, что одинъ бродяга шелъ въ партіи подъ именемъ „№ 2“, потому что онъ скрылъ свое настоящее имя и выбралъ это, какъ бродяжескую кличку.

Далѣе, „Случайный Корреспондентъ“, въ объясненіе избіенія, сообщаетъ, что эти „самые опасные и отчаянные ссыльные, выходя изъ залы суда, осудившаго ихъ за имѣніе тайной типографіи, внезапно напали съ револьверами на конвой. При усмиреніи этого бунта начальство и прибѣгло къ оружію“.

Читая сообщеніе „Tribune“, можно подумать, наконецъ, что русскіе ссыльные и заключенные обладаютъ чудодѣйственнымъ секретомъ доставать себѣ не только типографскіе станки, но и заряженные револьверы, при условіяхъ совершенно для этого невозможныхъ. Всякій, знающій порядки русскихъ—да и иныхъ тюремъ, прекрасно знаетъ, что прежде чѣмъ арестанта запираютъ въ камеру, его тщательно обыскиваютъ; его обыскиваютъ еще тщательнѣе, когда ведутъ на судъ. Какъ при такихъ условіяхъ якутскіе ссыльные могли напасть на конвой съ револьверами въ рукахъ,—остается неразрѣшимой загадкой. Русскіе полицейскіе чины не блещутъ умомъ, но они во всякомъ случаѣ не такъ наивно глупы, чтобы позволить своимъ „самымъ опаснымъ и отчаяннымъ“ преступникамъ

нагружать свои карманы заряженными револьверами, идя изъ тюрьмы въ судъ.

Такимъ образомъ, официальный варіантъ, корреспондента „Tribune“ во всѣхъ своихъ подробностяхъ носитъ слѣдъ грубой и глупой поддѣлки, разсчитанной на простодушныхъ читателей, совершенно незнакомыхъ съ условіями Якутской ссылки. Нѣтъ. Якутская исторія не была результатомъ, ни открытія тамъ тайной типографіи, ни вооруженнаго нападенія ссыльныхъ на конвой; она была прямымъ слѣдствіемъ глупости и грубой свирѣпости властей, и косвеннымъ—безсмысленнаго и жестокаго распоряженія временнаго губернатора Осташкина. Онъ рѣшилъ отправить 20—30 административныхъ въ полярные округа Якутской области, не подготовивъ ничего для этой отправки, имѣя въ виду послать ихъ туда большими партіями, которыя почти неминуемо погибли бы по дорогѣ, гдѣ негдѣ достать пищи, гдѣ такъ недостаточны перевозочныя средства. Я хорошо знаю эту страну. Зимою 1867 г. я проѣзжалъ по ней на собакахъ, при чемъ термометръ стоялъ на 40—50° мороза. Одинъ изъ моихъ спутниковъ чуть не замерзъ: я самъ страдалъ отъ холода до крайности, несмотря на то, что я былъ одѣтъ, питался очень хорошо и ѣхалъ безъ задержекъ. Въ эту то полярную пустыню Осташкинъ хотѣлъ бросить толпу людей, съ женщинами и дѣтьми, безъ запаса пищи и иныхъ принадлежностей пути, не озаботившись о перевозочныхъ средствахъ и прочее. Когда ссыльные обратились къ губернатору съ просьбой внести кое-какія измѣненія въ свои распоряженія, онъ послалъ въ домъ, гдѣ они собрались въ ожиданіи отвѣта, отрядъ вооруженныхъ солдатъ, съ приказаніемъ взять ихъ въ полицію. Солдаты начали гнать ссыльныхъ прикладами и штыками; иные изъ ссыльныхъ рѣшили сопротивляться, и вотъ послѣдовало то ужасное избіеніе, которое разсказано въ „Times'ѣ“; въ результатѣ 6 человѣкъ было убито, въ томъ числѣ молодая дѣвушка, поднятая на штыкѣ, 9 тяжело ранено, остальные жестоко избиты и брошены въ тюрьму.

„Times“ спрашиваетъ: „возможно ли, чтобы такія вещи дѣлались съ вѣдома царя, который слыветъ за гуманнаго человѣка? Неужели онъ до такой степени ослѣпленъ своимъ абсолютизмомъ, что успѣлъ заковать свою грудь въ непроницаемую броню, отъ которой, какъ отъ стѣны, отскакиваютъ всѣ эти исторіи страданій, насилій и жестокостей, которыя лишь приводятъ въ бѣшенство людей, противъ которыхъ направляются. Если нѣтъ, — вотъ прекрасный случай прекратить, наконецъ, эти сцены ужаса, позорящія его правительство и его религію.“

Пережившіе страшное кровопролитіе были судимы военнымъ су-

домъ, безъ защитниковъ, по обвиненію въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ и всѣ признаны виновными. Трое были повѣшены; четырнадцать, изъ нихъ 4 женщины, приговорены къ вѣчной каторгѣ; 5 — къ пятнадцатилѣтней; 4 несовершеннолѣтнихъ — къ 10 лѣтней и 2 — къ ссылкѣ въ Верхоянскъ и Среднеколымскъ. И такой приговоръ иные называютъ „необычно снисходительнымъ“ со стороны судей. Не такую ли же „необычную снисходительность“ со стороны палачей доказываетъ и тотъ фактъ, что одинъ изъ приговоренныхъ къ смерти, Коганъ-Бернштейнъ, получившій во время избіенія 4 опасныхъ раны пулями и пролежавшій 5 мѣсяцевъ въ тюремномъ госпиталѣ, былъ поднесенъ на кровати къ эшафоту, гдѣ на него надѣли петлю и затѣмъ повѣсили, выдернувъ изъ подъ него его кровать? О, если это „умѣренность,“ „снисходительность,“ то какова же должна быть русская жестокость?!

Одинъ изъ повѣшенныхъ, за 2 часа передъ смертью, написалъ поспѣшную записку своимъ товарищамъ. Въ ней онъ говоритъ между прочимъ: „мы не боимся смерти; но постарайтесь, чтобы наши смерти не прошли даромъ, — сообщите объ этомъ Кеннану . . . . “

Этотъ призывъ ко мнѣ не останется безъ послѣдствій. Если я буду жить, весь говорящій по англійски свѣтъ будетъ знать всѣ подробности этого ужаснаго преступленія.

Подвиги цензуры.

Немногіе изъ иностранцевъ, знаютъ до чего стѣсняется печатное выраженіе мнѣній и распространеніе свѣдѣній въ Россіи правительственной цензурой. Мы обыкновенно знаемъ, что въ Россіи такая цензура существуетъ, что она задерживаетъ прогрессивную интеллектуальную дѣятельность вообще, политическую, революціонную въ частности, но рѣдко кто изъ насъ имѣлъ случай видѣть, до какихъ размѣровъ доходитъ ея ретроградная сила. Она не только затыкаетъ всѣмъ рты, не допуская обсужденія общественныхъ дѣлъ, она завязываетъ всѣмъ глаза, не позволяя такимъ образомъ даже видѣть дѣйствительное положеніе страны. Я не думаю, что съ моей стороны будетъ преувеличеніемъ сказать, что лондонецъ, читая „News“, „Times“, „Standard“ и т. д., имѣетъ гораздо болѣе ясныя и точныя свѣдѣнія о цѣлыхъ категоріяхъ фактовъ русской политической жизни, чѣмъ петербургскій житель со всѣми русскими газетами подъ рукою. Такое необычное и ненормальное положеніе вещей объясняется, однако, при самомъ поверхностномъ ознакомленіи съ томомъ, изданнымъ министерствомъ В. Д. и извѣстнымъ какъ „Законы о печати“. Чтобы показать, какъ эти законы устраняютъ не только обсужденіе, но даже самый легкій намекъ на многіе важные общественные вопросы, я разскажу здѣсь одинъ случай изъ моего личнаго опыта.

Въ іюнѣ 1886 г. въ Казани засѣдало якобы представительное собраніе, въ насмѣшку названное мѣстными либералами „Чумный Парламентъ“. Оно состояло изъ делегатовъ отъ приволожскихъ земствъ и было созвано съ цѣлью изыскать мѣры противъ свирѣпствовавшей тогда по Волгѣ скотской эпидеміи. Я былъ въ это время въ Казани, и въ самое утро открытія „Парламента“ бесѣдовалъ о русскихъ дѣлахъ съ моими гостями, редакторомъ одной изъ мѣстныхъ газетъ и профессоромъ мѣстнаго университета.

— Мнѣ слѣдуетъ, я думаю,—сказалъ редакторъ, — помѣстить въ завтрашнемъ номерѣ передовую по поводу того, что этимъ собраніемъ делегатовъ слѣдовало бы воспользоваться для разсмотрѣнія нѣкоторыхъ жгучихъ вопросовъ, интересующихъ приволожскія губерніи.

— Знаете ли вы, что изъ этого выйдетъ? — спросилъ профессоръ.

— Что же можетъ изъ этого выйти? — отвѣчалъ смѣясь редакторъ.

— А то, что завтра же утромъ и ваша газета и „Чумный Парламентъ“ окончатъ свое существованіе.

— Да неужели же, вмѣшался я, газетѣ не позволятъ сдѣлать такой безобидный намекъ?

— Само собой разумѣется, нѣтъ, — отвѣчалъ профессоръ. — Нашъ губернаторъ получилъ строжайшее распоряженіе отъ министра В. Д., никоимъ образомъ не допускать выходить пренія изъ строго опредѣленныхъ границъ одного поставленнаго передъ собраніемъ вопроса и каждый день сообщать ему по телеграфу полное резюмé дебатовъ. Х. (редакторъ) можетъ прикрывать и затушевывать свой намекъ сколько ему угодно, я убѣжденъ, что цензоръ не пропуститъ его.

— Я все-таки попробую,—сказалъ редакторъ,—и если вы зайдете, м-ръ Кеннанъ, въ редакцію часовъ въ 11 — 12 ночи, вы узнаете результатъ попытки.

Въ назначенный часъ я былъ въ редакціи. Около полуночи раздался звонокъ, и, минуту спустя, въ комнату вбѣжалъ прислужникъ и съ крикомъ — „отъ цензора!“ — бросилъ на столъ передъ нами кипу корректуръ.

Х. быстро просмотрѣлъ ихъ и передалъ мнѣ, не говоря ни слова, корректуру передовой статьи — „Собраніе делегатовъ приволожскихъ земствъ.“ Тонъ этой статьи былъ совершенно невинный, даже съ точки зрѣнія самаго узколобаго и консервативнаго бюрократа. Но въ заключительныхъ строкахъ, въ самыхъ осторожныхъ выраженіяхъ, указывалось на то, что, быть можетъ, было бы недурно, чтобы собравшіеся делегаты воспользовались этимъ удобнымъ случаемъ и коснулись бы въ своихъ дебатахъ и нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ, столь же важныхъ для Поволожья, какъ и свирѣпствующая эпидемія. Весь этотъ заключительный параграфъ былъ перечеркнутъ красными чернилами, и на поляхъ красовалась надпись цензора: „запрещено“. Предсказаніе профессора исполнилось. Правительство нашло возможнымъ допустить, или даже вызвать коллегіальное обсужденіе мѣръ, направленныхъ противъ скотской эпиде-

міи въ Поволжьи; но мысль, что делегаты могли бы обратить свое вниманіе и на нужды жителей края, показалась его цензору какимъ то мятежнымъ поползновеніемъ на священныя прерогативы короны. Съ скотской эпидеміей можно бороться, но на бюрократическую эпидемію нельзя даже намекать, какъ „нѣкоторые другіе вопросы".

Возвратившись изъ Сибири въ Европейскую Россію, я съ особеннымъ интересомъ занялся системой русской предварительной цензуры и посвятилъ этому вопросу очень много времени. Я никогда не упускалъ случая побесѣдовать съ знакомыми редакторами и писателями; проводилъ длинные часы въ редакціяхъ и съ интересомъ вслушивался въ разнообразные комментаріи, которыми всегда сопровождалось появленіе отъ цензора перемаранныхъ корректуръ; я, наконецъ, составилъ себѣ довольно богатую коллекцію такихъ корректуръ, осязательно иллюстрирующихъ эту систему репрессій и показывающихъ всю ограниченность предѣловъ, въ которыхъ можетъ вращаться мысль и дѣятельность русскаго писателя.

Послѣдніе корректурные листы приносятся отъ цензора въ редакцію ежедневной газеты часовъ въ 12—1 ночи. Но весь вечеръ до этого послѣдняго часа въ редакціи царитъ обыкновенно оживленіе, усиливающееся при каждомъ призывномъ крикѣ: „отъ цензора", которымъ объявляется о полученіи корректуръ. Редакціонный штабъ собирается вокругъ редактора, который наскоро сообщаетъ другимъ, какія измѣненія и разрушенія произвела въ ихъ произведеніяхъ неумолимая рука хранителя общественнаго благомыслія и морали. Происходитъ быстрое совѣщаніе: вычеркнутыя мѣста въ статьяхъ замѣняются другими; статьи, слишкомъ для этого исковерканныя, хоронятся окончательно, и на мѣсто ихъ наскоро пишутся другія. Изуродованный и окровавленный газетный трупъ покрываютъ пластырями и перевязками, и отсылаютъ къ цензору для новыхъ операцій и т. д. до 12—1 часа ночи, когда корректуры въ послѣдній разъ являются въ редакцію, и цензоръ отправляется опочить отъ дѣлъ своихъ. Москва можетъ сгорѣть до основанія, царь можетъ погибнуть въ какомъ нибудь покушеніи... но послѣ того, какъ цензоръ удалился на покой, ни одна новая строка не можетъ появиться въ газетѣ.

Иные читатели могутъ подумать, что русскіе цензора, обладая такою громадною властью, не злоупотреляютъ ею, пользуются ею съ осмотрительностью и снисхожденіемъ. Что это далеко не такъ, достаточно краснорѣчиво говорятъ имѣющіеся въ моихъ рукахъ образчики корректуръ, возвращенныхъ отъ цензора: вовсе не рѣдкость, что въ одной газетѣ вычеркнуты, какъ „неумѣстныя" или

„вредныя“, 8—10 статей, не говоря уже о безчисленныхъ помаркахъ и поправкахъ въ тѣхъ, которыя оставлены, какъ „безвредныя“.

Ночью съ 9-го на 10-ое мая 1881 г. редакторъ-издатель „Сибирской Газеты“ въ Томскѣ, Адріяновъ, получилъ отъ цензора корректурные листы для завтрашняго номера газеты въ самомъ жалкомъ видѣ: по крайней мѣрѣ половина матерьяла была безжалостно перечеркнута. Адріяновъ, возмущенный до глубины души этой послѣдней каплей, переполнившей чашу давно накоплявшейся горечи, принялъ на этотъ разъ героическое рѣшеніе. Онъ ничѣмъ не замѣнилъ вычеркнутыя мѣста, оставилъ на ихъ мѣстѣ пустоты и въ такомъ видѣ выпустилъ на завтра номеръ своей газеты. „Сибирская Газета“ отъ 10 мая навѣрное затмила оригинальностью своего внѣшняго вида все до сихъ поръ бывшее. Въ одномъ мѣстѣ, послѣ пустого полу-столбца бѣлой бумаги, слѣдовало продолженіе какой-то статьи, даже не начинающееся иногда съ большой буквы; въ другомъ красовался непонятный параграфъ, безъ начала и конца; въ третьемъ, среди безграничнаго моря бѣлой бумаги, виднѣлось нѣсколько маленькихъ острововъ напечатаннаго шрифта и т. д.

Необычный видъ газеты произвелъ въ городѣ сенсацію, и никогда она еще не распродавалась такъ успѣшно. Но полиція не зѣвала: быстро послѣдовало распоряженіе арестовать и уничтожить номеръ. Это распоряженіе было исполнено такъ удачно, что едва ли одинъ номеръ избѣгъ этой печальной участи. Самъ Адріяновъ не могъ мнѣ достать хоть одинъ экземпляръ, когда нѣсколько лѣтъ спустя, разсказывалъ мнѣ эту исторію. Но онъ далъ мнѣ, взамѣнъ, слѣдующій номеръ газеты, гдѣ, съ разрѣшенія цензора, было напечатано слѣдующее „обращеніе къ читателямъ“:

„Издатель „Сибирской Газеты“ считаетъ своимъ долгомъ увѣдомить подписчиковъ газеты, что 11-ый номеръ ея не могъ быть имъ разосланъ по слѣдующей причинѣ: не находя въ нашихъ законахъ о печати ничего, что запрещало бы оставлять пустыми мѣста, не разрѣшенныя къ печати правительственнымъ цензоромъ, издатель усвоилъ эту систему. Но, въ отвѣтъ на запросъ по этому поводу, онъ получилъ слѣдующую телеграмму отъ гофмейстера П. П. Вяземскаго, временно исправляющаго должность главноуправляющаго по дѣламъ печати: пустыя мѣста въ столбцахъ газеты являются косвеннымъ протестомъ противъ предварительной цензуры, и не могутъ быть допущены“.

Несчастная „Сибирская Газета“ была съ тѣхъ поръ два раза пріостановлена за „упорно-враждебное направленіе“ и, наконецъ, прекращена за то, что пользовалась сотрудничествомъ политическихъ ссыльныхъ и помѣстила на своихъ столбцахъ извѣщеніе о смерти

одного изъ нихъ, Забалуева. „Вредное направленіе“ газеты, насколько можно судить объ этомъ по цензурнымъ отмѣткамъ на лежащихъ теперь передо мною корректурныхъ листахъ ея, проявлялось въ попыткахъ ея привлечь вниманіе общества на продажность, взяточничество, вымогательства и произволъ сибирскихъ чиновниковъ, „грѣшки“ которыхъ она немилосердно разоблачала. Ея издатель, Адріяновъ, — человѣкъ безупречнаго характера, — теперь состоитъ членомъ Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Географическаго Общества и занимается археологическими изысканіями; археологія, имѣющая дѣло съ доисторическимъ періодомъ, есть одна изъ тѣхъ рѣдкихъ отраслей человѣческаго знанія, въ которую мало вмѣшивается русская цензура, и, быть можетъ, Адріяновъ окончитъ свои дни спокойно, но бѣда ему, если онъ откопаетъ какія нибудь древнія надписи, свидѣтельствующія о томъ, что были народы, не знавшіе благодѣяній цензуры и царскаго всемогущества.

Американскому писателю кажется крайне нелѣпымъ и не послѣдовательнымъ — сжечь цѣлый номеръ газеты за пустыя мѣста, оставленныя тамъ, гдѣ гуляло цензорское перо, и затѣмъ, въ слѣдующемъ номерѣ, позволять редактору объяснить всѣ обстоятельства дѣла въ „обращеніи къ читателямъ“. Но... пути русской бюрократіи неисповѣдимы. Я знаю еще одинъ случай въ исторіи русской прессы, когда газета старалась обойти правительственное распоряженіе и обратить на него вниманіе публики. Это было въ февралѣ 1886 года. Вся Россія дѣятельно готовилась отпраздновать 25-лѣтній юбилей 19 февраля. Никто, конечно, не предполагалъ, чтобы правительство позволило себѣ помѣшать празднованію самаго памятнаго событія въ русской исторіи послѣдняго времени. Однако, реакціонная ревность графа Толстого, — тогда министра В. Д., — не остановилась передъ этимъ, и по всей Россіи были разосланы распоряженія, не допускать въ этотъ день ни малѣйшихъ демонстрацій публичнаго характера и запретить всѣмъ газетамъ касаться освободительнаго манифеста и сопряженныхъ съ нимъ событій. Въ результатѣ, въ день 19-го февраля, всѣ русскія газеты—за исключеніемъ одной, появились какъ въ самый обычный день и ни словомъ, ни намекомъ не помянули знаменательнаго событія. Всѣ — кромѣ одной. Это единственное исключеніе — „Русскія Вѣдомости“. Не имѣя возможности высказать передъ публикой то, что онѣ считали своимъ долгомъ высказать по поводу 25-тилѣтія 19 февраля, онѣ рѣшили отпраздновать этотъ день единственнымъ доступнымъ имъ способомъ: газета въ этотъ день совсѣмъ не появилась. Она предпочла замолчать, чѣмъ съ самодовольно-рабскимъ видомъ носить намордникъ и доказывать всѣмъ, какъ будто бы его не замѣчаешь.

Если бы министръ В. Д. былъ предувѣдомленъ объ этомъ заранѣе, онъ, конечно, заставилъ бы „Русскія Вѣдомости“ выпустить свой ежедневный номеръ; но онъ не зналъ ничего, и типографія газеты была заперта въ ночь съ 18-го на 19-е. Когда на слѣдующее утро читатели газетъ замѣтили отсутствіе „Русскихъ Вѣдомостей“, по всему городу быстро разнесся торжествующій шепотъ: „этимъ молчаніемъ празднуется 25-тилѣтіе освобожденія крестьянъ“.

Изъ этихъ немногихъ примѣровъ читатель можетъ составить себѣ нѣкоторую идею о томъ, какъ царское правительство управляетъ своими газетами и журналами, если тѣ пытаются проявлять свое „вредное направленіе“. Но, вѣдь, въ имперіи очень распространены иностранные журналы, издающіеся въ Лондонѣ, Парижѣ, Берлинѣ, Нью-Іоркѣ и разносящіе заразу по всему міру. Какъ защитить своихъ подданныхъ отъ этой „язвы“? Русская цензура, могущественная у себя дома, не можетъ перечеркивать красными чернилами корректуры „Times'a“; она не можетъ запретить „Centu y Magazine“ за рядъ статей о ссылкѣ. Что дѣлать? Какъ обезвредить ядъ мятежа, который эта чужая пресса вноситъ въ дѣвственную Россію? Русское правительство разрѣшаетъ этотъ вопросъ съ свойственной ему рѣшимостью и основательностью. Оно, прежде всего, провозгласило преступленіемъ обладаніе запрещенными литературными произведеніями. И затѣмъ, смѣло нарушая неприкосновенность своихъ же почтовыхъ посылокъ, оно начало задерживать и просматривать каждый экземпляръ иностранной литературы, идущій въ Россію, для чего былъ организованъ цѣлый штатъ „рѣшительныхъ“ цензоровъ, на обязанности которыхъ было вырѣзывать или затушевывать всѣ статьи и параграфы, неблагопріятно отзывающіеся о русской правительственной системѣ и вообще отличающіеся „вреднымъ направленіемъ“.

Въ число этихъ послѣднихъ попали, конечно, и мои статьи о Сибири и ссылкѣ, несмотря на мои военныя хитрости. Думая пріучить русскихъ цензоровъ къ представленію о „Century Magazine“, какъ о сравнительно невинномъ журналѣ, я началъ посылать номера его въ Россію, еще до объявленія о будущемъ появленіи въ этомъ журналѣ моихъ статей о Россіи: можетъ быть, хоть нѣсколько первыхъ статей пройдутъ, прежде чѣмъ спохватятся усыпленные церберы, думалъ я. Но мои хитрости не привели ни къ какимъ результатамъ, и я не усыпилъ русскихъ цензоровъ. Первый же номеръ журнала, посланный мною въ Россію, въ которомъ была помѣщена первая изъ моихъ статей о Россіи, — „Визитъ къ графу Толстому“—былъ задержанъ; статья эта была вырѣзана, и съ тѣхъ поръ ни одна послѣдующая статья не успѣла ускользнуть отъ цен-

зорскихъ ножницъ. Лѣтомъ 1888 года м-ръ Голлъ, американецъ, путешествовавшій по Россіи, получилъ свой номеръ „Century“, въ которомъ на этотъ разъ не только статья о Сибири, но и почти всѣ листы объявленій были безжалостно вырѣзаны. Онъ обратился за разъясненіями въ полицію. Онъ понималъ еще, почему вырѣзываютъ статьи о Россіи, но объявленія?... развѣ потому, сказалъ онъ шутливо, что въ этихъ объявленіяхъ главнымъ образомъ расхваливаютъ американское мыло, продуктъ, насколько онъ могъ судить изъ своихъ поѣздокъ, строго запрещенный въ Россіи?... Эта шутка чуть не обошлась ему очень дорого, и онъ едва успѣлъ успокоить возмущеннаго чиновника, который, въ концѣ концовъ, согласился посмотрѣть на эти слова какъ на шутку и самымъ серьезнымъ образомъ отвѣтилъ ему на поставленный вопросъ, что эти объявленія вырѣзаны потому, что въ нихъ рекомендуютъ „безбожныя книги“. Какія? Когда? — такъ это и осталось невыясненнымъ.

Изъ посланныхъ мною въ Россію номеровъ „Century“, ни одинъ не дошелъ благополучно. Всѣ они на границѣ были изувѣчены немилосерднѣйшимъ образомъ. Увѣчья эти терпѣли не только мои статьи, но многія главы „Жизни Линкольна“. Обезвреживаніе иностранныхъ книгъ на границѣ происходитъ двоякимъ образомъ: если статья длинна и опасна сплошь, ее просто-напросто вырѣзываютъ; если въ ней опасны лишь отдѣльныя мѣста, ихъ закрашиваютъ типографскими чернилами при помощи особеннаго четырехугольнаго штампа, шириною въ обычную газетную колонну. Этотъ штампъ насѣченъ и даетъ на бумагѣ оттискъ, состоящій изъ пересѣкающихся чертъ и бѣлыхъ полосъ, и напоминаетъ собою видъ зернистой икры. У меня сохраняется одинъ номеръ „Century“, исправленный такимъ образомъ. Вся моя статья вырѣзана; ея начало и конецъ, связанные съ другими статьями журнала, заштампованы, и невредимыми остались лишь моя подпись — George Kennan и слова: „Фростъ нарисовалъ“. — Русскому читателю, который захотѣлъ бы узнать, что же такое „Фростъ нарисовалъ“, а „Kennan“ написалъ, остается только попросить первый попавшійся иностранный книжный магазинъ вырѣзать запрещенную статью и переслать ее ему въ Россію въ письмѣ; и пока русское правительство не прекратило всѣхъ сношеній Россіи съ Европой и допускаетъ между ними почтовое сообщеніе и не подвергаетъ частную переписку цензурному контролю, и штамповка, и вырѣзываніе и пр. подвиги иностранной цензуры останутся совершенно безполезнымъ варварствомъ, не предохраняющимъ отъ заразы россійскихъ границъ. Хотя всѣ посланные мною въ Россію номера „Century“, прошли черезъ цензорскія операціи,—мои статьи нашли себѣ путь въ Россію, были тамъ даже

переведены, гектографированы и добрались даже до Восточной Сибири. Мнѣ больно сказать, что нѣкоторые изъ русскихъ успѣли даже пострадать за нихъ. Между прочимъ пострадалъ и одинъ изъ моихъ хорошихъ знакомыхъ, бывшій ссыльный Бѣлоконскій, которому я послалъ по его усиленной просьбѣ мои статьи въ „Century". Вотъ письмо, изъ котораго я узналъ эту печальную новость:

„Дорогой м-ръ Кеннанъ! Пользуюсь случаемъ, чтобы написать Вамъ нѣсколько словъ и сообщить непріятную новость. Я не знаю, слышали-ли Вы уже, что Вашъ пріятель Иванъ Петровичъ Бѣлоконскій имѣлъ раньше непріятности по случаю посланныхъ ему Вами картинъ, иллюстрацій къ Вашимъ статьямъ. Его пріятель, которому онъ далъ эти картины, былъ арестованъ; картинамъ придали чрезвычайно важное значеніе; Бѣлоконскаго много допрашивали, и, въ концѣ концовъ изъ Петербурга было получено распоряженіе наблюдать за нимъ „съ особеннымъ вниманіемъ". 29-го апрѣля 1889 г. ночью у него сдѣлали обыскъ. Ничего не было найдено, кромѣ сочиненія Леруа Болье „L'empire des Tzars" и нѣсколькихъ Вашихъ статей изъ „Century". Тѣмъ не менѣе, 8-го мая его позвали на допросъ, откуда отправили въ тюрьму. Васъ, конечно, это удивляетъ: за что, почему?... Но мы, русскіе, такъ привыкли къ такимъ видамъ, что давно перестали имъ удивляться... Такъ, только немного сердце сожмется отъ боли... и т. д."

Комментаріи тутъ безполезны. Мой пріятель Бѣлоконскій будетъ, вѣроятно, отправленъ административно въ Сибирь за то, что у него нашли мои статьи, и я ничѣмъ не могу помочь ему.

На что же надѣется, чего думаетъ добиться русское правительство, вырѣзывая статьи, говорящія лишь правду о Россіи и бросая въ тюрьму людей, у которыхъ такія статьи находятъ.

Извѣстный русскій писатель Пругавинъ, въ книгѣ, которая какъ то случайно была пропущена въ началѣ цензурой и лишь впослѣдствіи была изъята изъ обращенія и сожжена,—задаетъ себѣ тотъ же вопросъ: „Можно ли задушить идею?" — говоритъ онъ. Можетъ ли мысль быть убита, погребена и уничтожена? Развѣ истина, любовь и справедливость не безсмертны? Это самая ужасная ошибка — думать, что можно задавить идею. Народы гибли; люди умирали въ казематахъ и въ цѣпяхъ, ихъ трупы разсыпались въ прахъ; ихъ могилы сравнивались съ землей; самыя ихъ имена забывались; но ихъ идеи и стремленія живутъ. Освященныя кровью мучениковъ, онѣ становятся дорогой мечтой всякаго, въ чьемъ мозгу работаетъ мысль, въ чьей груди бьется сердце.

Цензура, сжигая книгу Пругавина, думала, что она навсегда разрушила ея тлетворное вліяніе, но „идеи и стремленія" талантли-

ваго писателя „живутъ“,— и его слова, послѣ ауто да-фе такъ же, какъ и раньше, будутъ взывать къ сочувствію сотенъ тысячъ сердецъ.

Когда нибудь, въ будущемъ, свободный тогда русскій патріотъ, просматривая страницы своей національной исторіи, полныя этихъ попытокъ задушить человѣческую мысль, отъ всего своего сердца пожалѣетъ, что эти позорныя и унижающія страницы не могутъ быть заштампованы цензорскими чернилами.

Конецъ.

Оглавленіе.

Стр.

Ф. Волховскій (вступительная статья): Дж. Кеннанъ и его мѣсто въ русскомъ освободительномъ движеніи III

Предисловіе автора IL

Часть первая.

Черезъ русскую границу, ... 3

Отъ Екатеринбурга до Семипалатинска 10

Встрѣча съ политическими ссыльными 18

Административная ссылка 34

Политическіе ссыльные и уголовные преступники въ Томскѣ 55

Жизнь „большого Сибирскаго тракта“ 69

Жизнь административно-ссыльныхъ 85

Иркутскъ 105

Часть вторая.

Великій Лама Забайкалья. 121

Русская полиція 136

По Забайкалью 149

Каторжные золотые промыслы на Карѣ 165

„Вольная команда“ на Карѣ 181

Государственные преступники на Карѣ 196

Исторія карійской политической тюрьмы 214

Восточно-сибирскіе серебряные рудники 234

Наше приключеніе въ Восточной Сибири 249

Послѣдняя сибирская трагедія 271

Подвиги цензуры 278

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Книгоиздательство «Народная мысль».

Арнольди (П. Лавровъ). Кому принадлежитъ будущее. Изъ рукописей 90 гг. 30 к.

Бахъ, А. Экономическіе очерки. 15 к.

Ив. Вольный. За вѣру, царя и отечество. 8 к.

Кравчинскій, С. Андрей Кожуховъ. Романъ. 60 к.

Николаевъ, П. Личныя воспоминанія о Н. Г. Чернышевскомъ. 15 к.

Рудинъ, А. Что говорятъ соціалъ демократы деревенской бѣдноте 10 коп.

Танъ. Новое крестьянство. 25 к.

Тарасовъ, К. Міровой ростъ и кризисъ соціализма. Ц. 10 к.

Черновъ, В. Изъ практики соціалистическаго движенія въ Венгріи и Италіи. 10 к.

П. Рубакинъ. Воля Аллаха. 15 к.

Книгоиздательство «Новое Товарищество».

Черновъ, В. Монистическая точка зрѣнія въ психологіи и соціологіи. 2-ое изд. 12 к.

Захъ, С. Земля и капитализмъ. 2-ое изд. Ц. 25 к.

Черненковъ, Н. Къ характеристикѣ крестьянскаго хозяйства. 80 к

С. Ан—скій. Крестьянскій вопросъ во Франціи. 2-ое изд. 7 к.

И. Гильдебрандъ. Фома Мюнцеръ. 20 к.

В. Черновъ. Пролетаріатъ и трудовое крестьянство. 20 к.

В. Черновъ. Марксъ и Энгельсъ о крестьянствѣ. 25 к.

В. Черновъ. Крестьянинъ и рабочій, какъ экономич. категоріи. 3 изд. 15 к.

Ф. Гарднисъ. Почему я соціалистъ? 4 к.

Л. Какъ крестьянамъ дали волю. 4 к.

Рудинъ, А. Что говорятъ с.-д. «деревенской бѣднотѣ». 10 к.

Изданія Вл. Распопова.

„ВЪ ЗНАНІИ И БОРЬБѢ—СИЛА И ПРАВО".

Ан—скій, С. Семидесятникъ. Бытовыя сцены въ 1-мъ дѣйствіи. 7 к.

Ан—скій, С. На конспиративной квартирѣ. Ком. въ 2-хъ дѣйств. 10 к.

Бахъ, А. Экономическіе очерки. 15 к.

Брешковская, Е. Изъ моихъ воспоминаній. 8 к.

Вандервельде. Идеализмъ въ марксизмѣ. Съ пред. Ю. Гарденина. 7 к.

Гарденинъ (В. Черновъ). Марксъ и Энгельсъ о крестьянствѣ. 25.

Кеннанъ, Дж. Сибирь и ссылка. Въ 2-хъ частяхъ. Переводъ съ англійск. И. Н. Кашинцева. Вступительная статья Ф. Волховскаго: Дж. Кеннанъ и его значеніе для русскаго освободительнаго движенія. 60 к.

Крестьянскіе союзы въ Сициліи. 6 к.

Новоторжскій. Соціализація земли. Изд. 2-ое (исправленное). 7 к.

Петровъ, Л. Двѣ программы. Съ указателемъ литературы по аграрному вопросу и теоріи соціализма. 15 к.

Поливановъ, П. Алексѣевскій равелинъ. Съ портретомъ автора. 20 к.

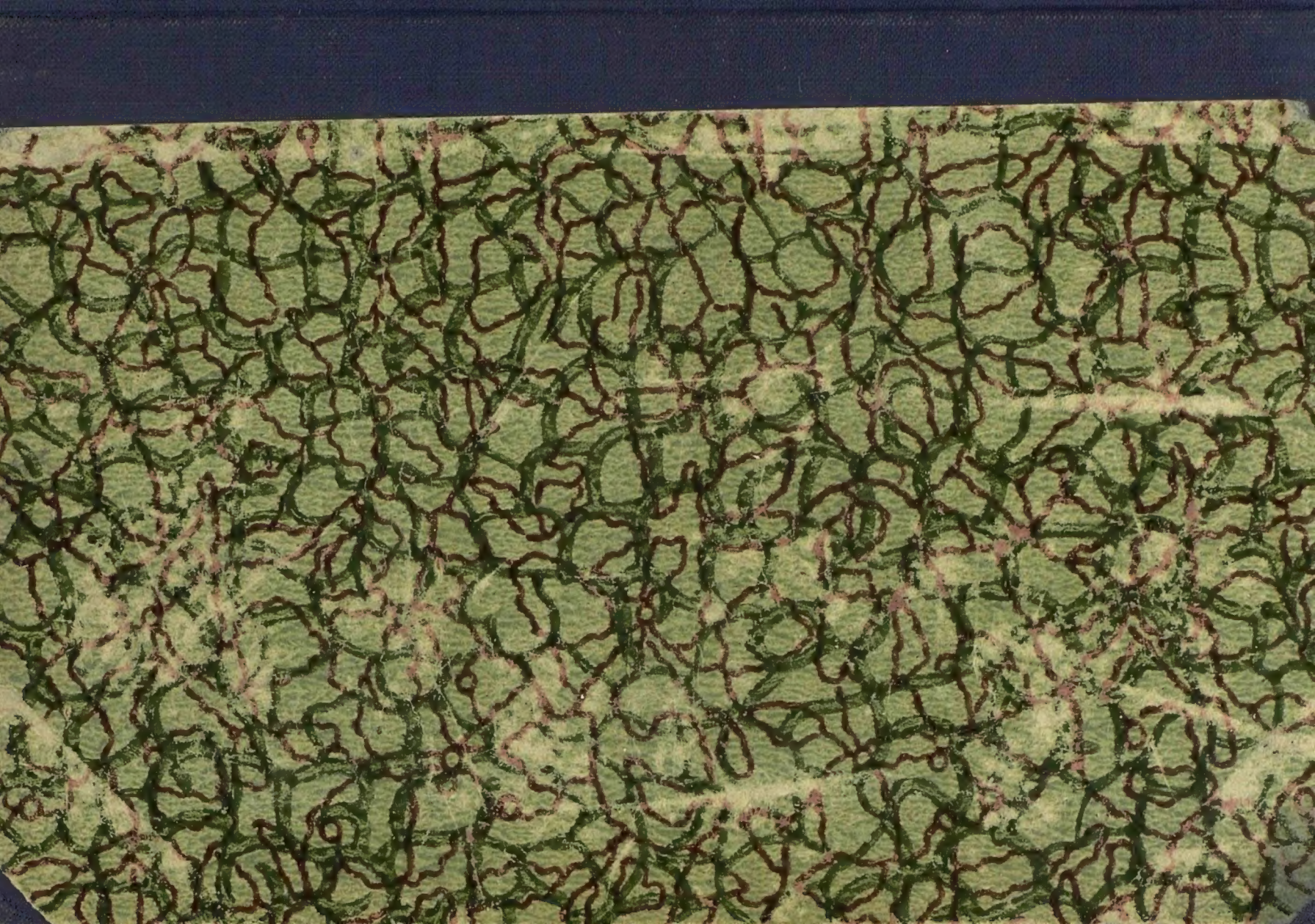
Революціонные кружки въ Саратовѣ. 6 к.

Р. Р. Соціализація земли. 5 к.

Чайковскій, Н. Чартизмъ. 20 к.

Черновъ, В. Къ вопросу о выкупѣ земли. 10 к.

Черновъ, В. Конечный идеалъ соціализма и повседнев. борьба. 10 к.

Шишко, Л. Сергѣй Михайловичъ Кравчинскій и кружокъ чайковцевъ. Съ портр. С. М. Кравчинскаго и Н. В. Чайковскаго. 12 к.

Шэфле. Сущность соціализма. Съ примѣчаніями П. Лаврова 20 к.